

Министерство образования и науки РФ
Федеральное агентство по образованию
Правительство Удмуртской Республики
Министерство образования и науки Удмуртской Республики
Администрация г. Ижевска
Международная Академия психологических наук
Российское психологическое общество
Федерация психологов образования РФ
Удмуртский государственный университет
Кафедра социальной психологии и конфликтологии

СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Выпуск 3

Ижевск
2010

УДК 316.6.
ББК 60.524.25
С692

Lingua Socialis

Редактор серии Н.И. Леонов

Серия основана в 2005 г.

С 692   **Социальный мир человека. — Вып. 3:** Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Человек и мир: конструирование и развитие социальных миров», 24—25 июня 2010 г. — Часть II: Прикладная социальная психология / Под ред. Н.И. Леонова. — Ижевск: ERGO, 2010. — 306 с. (Серия «Язык социального»)

ISBN 978-5-98904-064-3

9. Социальная психология конфликта. 10. Социальная психология профессиональной деятельности. 11. Социальная клиническая психология. 12. Социальная психология здоровья. 13. Социальная психология информационной и технологической культуры. 14. Социальная психология правоохранительных органов. 15. Экономика и проблемы качества жизни. 16. Экономическая и организационная психология. Раздел 17. Политическая психология. Раздел 18. Социальная психология текста.

УДК 316.6
ББК 60.524.25

ISBN 978-5-98904-064-3

© Издательский дом «ERGO», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 9. Социальная психология конфликта

132. Леонов Н. И. Соотношение конфликтной и конфликтологической компетентностей	7
133. ЩербакOVA О. И. Психологические компоненты конфликтологической культуры личности	9
134. Астраханцева Ю. Л. Эмпирическое исследование социальных представлений преподавателей о поведении в конфликте со студентами	12
135. Ткаченко Н. Н. Выявление взаимосвязи индивидуальной конфликтности с личностными характеристиками баскетболисток	15
136. Монастырев С. Н. Определение посреднического потенциала в разрешении конфликтов у тренеров различных категорий	18
137. Красильников И. А. К проблеме онтологии внутриличностных конфликтов: реконструирование жизненного мира	20
138. Загуляев Д. Г. О возможности снижения конфликтогенности иммиграции с точки зрения неравновесной экономики	22
139. Митяева А. М. Управление конфликтами в профессиональной среде	25
140. Пехтерев В. В. Проблема конструирования траекторий развития конфликтной компетентности курсантов высшего военного училища	31
141. Сухарева М. А., Овчинникова А. А. Трудовые конфликты в условиях экономического кризиса	33
142. Марков А. С. Управление конфликтами в современной российской армии	35
143. Шарова Н. В., Чехмалина О. Субъективно-семантическая структура конфликта	37
144. Ситдикова З. А. Конфликтологическая культура руководителя образовательного учреждения	39
145. Кашапов М. М. Метакогнитивный подход к пониманию структурно-функциональных характеристик конфликтной компетентности личности	41
146. Лямина Л. В., Минияров В. М. Проявление уровня активности в зависимости от конфликтных взаимоотношений младших школьников	45
147. Башкин М. В. Связь интернальности со стратегиями поведения в конфликте студентов	47

Раздел 10. Социальная психология профессиональной деятельности

148. Леонов Н. И. Профессиональные и надпрофессиональные компетенции, обеспечивающие профессиональное становление обучающихся НПО	49
149. Кусаинов А. К., Шамельханова Н. А. Личностно-ориентированный подход к проектированию профессиональных стандартов с позиции технического и профессионального образования	54
150. Леньков С. Л. Диалектика профессиональной идентичности	56
151. Поваренков Ю. П. Соотношение профессионального развития и саморазвития личности	58
152. Смирнова А. Е. Динамическая модель профессионального развития	62
153. Сюткина Л. В. К вопросу о понимании структуры социально-психологической компетенции с позиций отечественных научных подходов	64
154. Морозов А. В., Муждабаева М. В. Развитие мотивации достижения и профессиональное самосознание личности	65
155. Сергеева С. Г. Гуманитарные тексты в профессиональной подготовке будущего учителя	66
156. Колчина Л. П. Условия успешности овладения профессией актера	68
157. Сенин И. Г. Роли терминальных ценностей в зависимости от профессионального воздействия	69
158. Лаукарт Н. П., Гриценко С. В. Переживание эмоциональных состояний лицами, оставшимися без постоянного места работы	71
159. Рубцова Н. Е. Психологическая классификация профессиональной деятельности и ее использование в целях профориентации и профотбора	73

160. Морозов А. В., Фатхуллин М. В. Психофизиологические исследования личности с целью определения перспектив трудоустройства	75
161. Арефьева Н. С. Манипуляции в бизнесе	77
162. Рахманкулова С. А. Атрибутивный стиль мышления как ресурс управленческого потенциала	79
163. Бадмаева С. В. Социальная компетентность руководителя: профессиональная позиция как одна из ее составляющих	81
164. Кириллова М. К. Особенности межличностного взаимодействия муниципальных служащих с различным стажем работы в муниципальном управлении	83
165. Зозуля О. В. Модели поведения спасателей в чрезвычайных ситуациях	85
166. Леви М. В. Исследование связи агрессивности с музыкальными предпочтениями и управленческими качествами ..	88
167. Аксютин З. А. Профессиональная компетентность социального педагога	90
168. Михеева Т. В. Профессиональные компетенции будущих специалистов по социальной работе	91
169. Мерзлякова Д. Р., Семкова М. П. Особенности психосоматических реакций у воспитателей дошкольных образовательных учреждений	93
170. Чиркина Е. А. Эмоциональный интеллект — психологический ресурс в помогающей профессии	99
171. Орёл В. Е. Деструктивные тенденции в конструировании социального мира профессионала	101
172. Мерзлякова Д. Р. Проявление профессионального маргинализма в «помогающих» профессиях	103
173. Семькин В. А., Лебедчук П. В. Роль научной школы в становлении профессионала аграрной сферы	104

Раздел 11. Социальная клиническая психология

174. Грязнов И. М., Чеверикина Е. А., Грязнов А. Н., Асыллова З. Р. Тerciарная социализация	106
175. Румянцева Н. А., Пудова Т. В. Влияние этнокультуральных факторов на психотерапевтическую тактику ведения больных гемблингом	108
176. Васильев В. В. Психотерапия суицидального поведения (обзор литературы)	109
177. Лебедчук П. В., Акульшина Д. Е. Психологическое здоровье и субъектная регуляция деятельности	113
178. Ковалев Ю. В. К анализу эффективности психотерапии в клинике неврозов	114
179. Пчельников Ю. М., Дьячкова И. С., Лекомцев В. Т. Синдром «эмоционального выгорания» у медицинского персонала психиатрической больницы	116
180. Менделевич В. Д., Шмыков В. С. Психическое здоровье призывного контингента Удмуртской Республики в социально-психологическом аспекте	119
181. Шмыков В. С. Пограничные психические состояния у лиц призывного возраста в Удмуртской Республике	124
182. Шмыков В. С. Характерологические особенности лиц призывного возраста в г. Ижевске	130
183. Вихарева Е. Г., Чиркова И. Н. Изучение психологического статуса детей как метод оценки эффективности медикаментозной терапии	133
184. Водопьянова Н. Е. Активизация ценностно-смысловых и творческих ресурсов для повышения устойчивости к синдрому выгорания и здоровьесбережения	134
185. Борисова С. Н. Качество сна: гендерный аспект	135
186. Реверчук И. В. Роль этнического самосознания в структуре невротических расстройств	137
187. Лекомцев В. Т., Каменщиков Ю. Г., Лаптева И. В. Медико-социальная характеристика и качество жизни больных эпилепсией	142
188. Кудрявцева О. С. Динамика коморбидности тревоги и депрессии у больных шизофренией параноидного типа при нейромодуляторной терапии	144
189. Захаров М. Г., Казакова П. Б. Алкоголизм и паранойяльность: передающийся через поколения коморбидный аспект деструкции социального	146
190. Туктаров П. В. Роль нарушенных объектных отношений в этиологии коморбидности депрессии при алкоголизме ..	149
191. Захаров М. Г. Статика и динамика паранойяльности у больных с прогрессивной алкогольной зависимостью в психодинамическом аспекте	150
192. Пугач Н. В. Клинико-динамические аспекты течения шизофрении у больных туберкулезом легких	153
193. Пугач Н. В. Современное состояние проблемы сочетания шизофрении с туберкулезом легких	155
194. Золотова Н. В., Стрельцов В. В. Значение личностных и ситуационных факторов в патогенезе туберкулеза органов дыхания у подростков	158
195. Золотова Н. В., Стрельцов В. В., Сиресина Н. Н. Оценка психопатологического статуса больных туберкулезом легких	159
196. Сиресина Н. Н. Нейропсихологический анализ наглядного мышления при туберкулезе легких	161
197. Ковалев Ю. В., Степанова И. Р. Астенизация у медицинских работников	163

Раздел 12. Социальная психология здоровья

198. Маджуга А. Г., Ларина М. В. Психобиоэнергоинформационная концепция управления состоянием здоровья человека	165
199. Чистов В. В. Вопросы сохранения здоровья в трудах средневековых мыслителей Средней Азии	168
200. Морозов А. В., Смирнова О. Н. Психическое здоровье человека как актуальная психологическая проблема	171
201. Чернакова М. С. Психологическое здоровье личности	172
202. Волкова Е. Н., Молчанова Л. Ф., Глазкова И. В. Школы здоровья как фактор формирования здоровьесберегающего поведения населения	176
203. Сидоров К. Р. О работе с родителями в случае наличия «триады риска» у старшеклассников	177
204. Мухаметгалеева Е. Д., Краснова С. Д., Маркова М. В. Социально-психологическая реабилитационная готовность инвалидов	178
205. Разин А. А. О здоровьесберегающей технологии в образовании юноши	180
206. Комкова Е. И. Здоровьесберегающие технологии в образовательной системе	184
207. Краснова С. Д. Структура целей психологической реабилитации инвалидов	185

Раздел 13. Социальная психология информационной и технологической культуры

208. Долгов Ю. Н., Смотров Т. Н. Конструирование целостной субъективной картины жизненного пути личности в условиях информационного общества (постановка проблемы)	187
209. Малюченко Г. Н., Смирнов В. М. Аналитическая психология и теория социального научения как эвристические основы для построения диагностики и коррекции медиапотребления	188
210. Сержантова И. Б. Социализация личности в медиакультурном пространстве	191
211. Джангалиева А. Н. Факторы влияния средств массовой информации на формирование картины мира	193
212. Морозов А. В., Радченко Л. Е. Роль современных средств массовой информации в конструировании социального мира ребенка	194
213. Тулегенова Г. Е. Влияние средств массовой информации на нравственное становление личности школьника	196
214. Гаурилюс А. И. Влияние телевизионной рекламы на социализацию	198
215. Галашев В. А. Средства массовой информации и информационное общество: объект-субъектные отношения	199
216. Зубакин М. В. Сцены насилия на телеканалах РФ и телевизионные предпочтения студентов вузов	201
217. Сабирзянова И. И. Проблемы информационной перегрузки в современном мире	204
218. Бегунов И. А., Баранова Н. А. Автоматизированное рабочее место как инструмент информатизации деятельности психотерапевта	205
219. Овчинников В. А. Конструктивный и деструктивный характер деятельности, опосредованной компьютерными технологиями	208
220. Наумова Т. А. Онтология виртуальной реальности	210

Раздел 14. Социальная психология правоохранительных органов

221. Марьин М. И. Организация психологического обеспечения управления в правоохранительных органах	214
222. Лукшина О. Ю. Влияние образовательного уровня на формирование синдрома «выгорания» у пенитенциарных служащих	219
223. Хитров А. М. Личностная динамика субъекта деятельности ведомственных (отраслевых) охранных структур в процессе профессионального отбора и профессионализации	221
224. Помыткина Т. Ю. Оценка уровня конфликтологической напряженности в управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел	223
225. Иванов С. В. Использование современных методов управления ОВД как важный фактор установления социального партнерства в разрешении проблем криминализации общества и борьбы с преступностью	227
226. Метелев А. В. Психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности в условиях реформирования системы МВД России	229
227. Галанин О. А. Совершенствование отбора в резерв для назначения на должности руководящего состава в органах внутренних дел	231
228. Герасимов С. В. Условия снижения неопределенности при принятии управленческих решений	234
229. Лихачева С. Н., Белов А. В. Виды профессиональной компетенций и их влияния на лидеров среди осужденных	236
230. Семакина И. Н. Современные подходы к исследованию функциональных резервов организма у сотрудников органов внутренних дел Удмуртской Республики при выполнении служебно-боевых задач в Северо-Кавказском регионе	238

Раздел 15. Экономика и проблемы качества жизни

231. Бобков В. Н. Качество и уровень жизни: социально-философские аспекты	240
232. Морозов А. В. Поиск человеком смысла жизни как пути повышения ее качества	242
233. Плетнева Т. В. Занятость населения как показатель проявления закона перемены труда	245
234. Горлов И. С. Достойный уровень социального благополучия и качества трудовой жизни как основной фактор формирования достойной старости	247
235. Порядина Е. Д. Государственные гарантии в сфере занятости как инструмент повышения качества жизни	250
236. Одинцова Е. В. Неравенство в качестве и уровне жизни населения России: региональный аспект (2008 г.)	252
237. Маликов Н. С. Экономическое и демографическое поведение по признаку благосостояния	254
238. Беляков В. А. Качество процессов воспроизводства жизни индивида и эффективность функционирования общественной системы	257
239. Перевошиков Ю. С. Концептуальные основы экономической метрологии и квалиметрии труда	258
240. Меньшикова О. И., Павленко А. Ю. Оплата труда и качество трудовой жизни в России	261
241. Гуцыкова С. В. Качество жизни и отдельные аспекты удовлетворенности жизнью сотрудников службы охраны	265

Раздел 16. Экономическая и организационная психология

242. Изюмова И. В. Критерии доверия клиентов к организациям, предоставляющим услуги (результаты эмпирического исследования)	268
243. Клюева Н. В. Особенности деятельности организационного консультанта	270
244. Клюева Н. В., Солдаткина Г. С. Влияние разделяемого образа будущего организации на лояльность сотрудников	273
245. Шепелев Н. О. Управление персоналом в условиях кризиса	276
246. Дырин С. П. Критерии качества управления персоналом	277
247. Сурова А. В. Об адаптации персонала к новым условиям организации	279
248. Дубовицкая Т. Д. Психологические основы маркетингового мышления	280
249. Андреев К. О. Психологические закономерности создания и восприятия современной рекламы	282
250. Пилишина А. В. Социальные репрезентации в рекламе безалкогольных энергетических напитков	284
251. Аникеенок О. А. Представления о справедливости распределения студенческой молодежи и взрослых работающих людей	285
252. Боровиков Д. А. Понятие «эффективность субъекта управления»	287

Раздел 17. Политическая психология

253. Емельянова Т. П., Шустова А. В. О содержании и структуре социальных представлений москвичей о гражданском обществе	290
254. Фетискин Д. Н. Системные основания правового нигилизма в российской ментальности	291

Раздел 18. Социальная психология текста

255. Вахрушева А. Н. Герой и его зеркала в романтической драме («Ермак» А.С. Хомякова)	294
256. Чистов В. В. Человек в художественной реальности	296
257. Павлова А. А. Человек-марионетка в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина	298
258. Рягузова Е. В. Конструирование интерпространства «Я—Другой» в художественной реальности	300
259. Кунгурова Т. В. Интерпретация музыкального текста как творчество	301

Указатель авторов	304
-------------------	-----

РАЗДЕЛ 9

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КОНФЛИКТА

---

132.   **Леонов Н. И.**
Ижевск

СООТНОШЕНИЕ КОНФЛИКТНОЙ И КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ

Анализ источников научной информации по проблеме конфликтов позволил сделать вывод о том, что способность управлять конфликтными ситуациями является одним из важных видов профессиональной компетентности личности. Для обозначения данной способности исследователями в психологической литературе используются близкие по содержанию понятия: «конфликтоустойчивость личности» (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов), «конфликтная компетентность» (Л.А. Петровская, Б.И. Хасан), «конфликтологическая компетентность» (Н.И. Леонов, В.Г. Зазыкин, Л.Н. Цой).

Конфликтная компетентность — неотъемлемая составная часть общей коммуникативной компетентности, включающая в себя осведомленность о диапазоне возможных стратегий поведения в конфликте и умения адекватно реализовывать эти стратегии в конкретной жизненной ситуации. На основании этого Б.И. Хасан определяет *конфликтную компетентность как умение удерживать противоречие в продуктивной конфликтной форме, способствующей его разрешению, и выделяет два уровня*: первый предусматривает способности к распознаванию признаков случившегося конфликта, его оформлению для удержания воплощенного в нем противоречия и владение способами регулирования для разрешения; второй предусматривает умение проектировать необходимые для достижения определенных результатов конфликты и конструировать их непосредственно в ситуациях взаимодействия; владение способами организации продуктивно ориентированного конфликтного поведения участников и сторон взаимодействия. Б.И. Хасан определяет основные компоненты конфликтной компетентности как навыки распознавания, анализа, провоцирования и конструирования.

В целом, в качестве психологических составляющих конфликтной компетентности личности разными авторами называются: гибкий индивидуальный стиль управления, особый когнитивный стиль, творческое мышление, открытость, конфликтоустойчивость, овладение эмоциями, уточнение своих пожеланий и возможностей, установка на сотрудничество, рефлексивная культура, культура саморегуляции, коммуникативные умения, сензитивность.

В своем подходе П.А. Сергоманов и Б.И. Хасан анализируют структуру конфликтной компетентности с точки зрения операционального аспекта, то есть описания тех умений, которыми должна владеть личность для конструктивного разрешения возникающих конфликтов.

Е.В. Рыбина в своем исследовании обозначает четыре структурные характеристики конфликтной компетентности: креативность (как уровень творческой одаренности, способности к творчеству, составляющий относительно устойчивую характеристику личности и позволяющий находить новые, неординарные подходы к разрешению конфликтов), рефлексию (как способность человека оценить конфликт не только со своей стороны, но и с позиции оппонента), сензитивность (как способность сопереживать другому человеку, умение чувствовать людей и ситуацию, умение отслеживать свои ощущения, соотносить их с происходящим и использовать себе во благо) и коммуникативную культуру. Можно сделать вывод,

что исследователем предпринята попытка определить личностные качества, составляющие структуру конфликтной компетентности, но при этом выделенные структурные характеристики данной компетентности не структурированы им в единую систему.

О.В. Пашкова, на основании проведенного исследования предложила модель конфликтной компетентности, состоящую из трех блоков:

1. Базовый компонент конфликтной компетентности — личностные качества (адекватная самооценка, высокий уровень самоконтроля, креативность).

2. Когнитивный компонент — наличие знаний о способах конструктивного разрешения конфликта и его профилактики.

3. Поведенческий компонент — выбор оптимальной стратегии поведения в конфликтной ситуации.

Исследователь предлагает четкую структуру конфликтной компетентности, однако при этом не обосновывает, почему именно личностные качества составляют базовый компонент данной компетентности.

А.С. Кашапов выделяет в структуре конфликтной компетентности следующие компоненты: эмоциональный, познавательный, волевой, мотивационный, психомоторный, а также личностную зрелость и самоактуализацию. Данный подход ценен тем, что исследователь рассматривает большое количество структурных составляющих конфликтной компетентности.

М.В. Башкин на основании предложенной структуры конфликтной компетентности выделяет следующие характеристики:

1) когнитивная характеристика предполагает способность личности анализировать конфликтную ситуацию и выделять ее структурные компоненты;

2) мотивационная характеристика представляет собой направленность личности на конструктивное разрешение конфликта;

3) регулятивная характеристика обозначает способность личности к сознательному управлению собой и своим эмоционально-волевым состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях.

Таким образом, в настоящее время в психологической литературе отсутствует общепринятый исследователями подход к рассмотрению структурных составляющих конфликтной компетентности и нет единых критериев для выделения ее компонентов. Проведенный сравнительный анализ различных подходов позволил нам сделать вывод о необходимости четкой интеграции отдельных личностных качеств в компоненты, составляющие структуру конфликтной компетентности.

Отметим, что понятие «конфликтная компетентность» не следует отождествлять с понятием «конфликтологическая компетентность».

Конфликтологическая компетентность является сложным интегральным образованием. Данная компетентность представляет собой вид коммуникативной компетентности и обладает ее существенными качественными признаками: сложность структурной организации, имеющей интегральный характер; связанность со структурой процесса коммуникации и его эффективностью; динамичность структурных компонентов; возможность их совершенствования.

В.Г. Зазыкин рассматривает «конфликтологическую компетентность» как когнитивно-регуляторную подсистему профессионально значимой стороны личности и деятельности, позволяющую предвосхищать конфликты, эффективно управлять ими, разрешать на объективной основе, оказывать психологическое воздействие на конфликтующие стороны с целью снижения негативного влияния и последствий конфликтов, включающую соответствующие специальные знания и умения. Недостаток конфликтологической компетентности называется Е.Н. Богдановым, В.Г. Зазыкиным одной из важнейших психологических причин конфликтов.

М.М. Кашапов, рассматривая конфликтологическую компетентность, считает, что в ее структуре, наряду с операциональным (деятельностным) компонентом, важное место занимает и личностный (надситуативный) компонент, который предполагает умение личности расширять пространственно-временные границы восприятия и осмысления конфликтной проблемы, то есть способность человека выходить за пределы проблемной ситуации. Ценность данного подхода к рассмотрению структуры конфликтологической компетентности заключается в том, что ученым анализируется связь между ситуацией конфликта и способностью личности осуществлять поиск ее решения с помощью надситуативного уровня мышления.

В своем исследовании мы исходим из того, что деятельность управления ставит руководителей перед необходимостью разрешения ими конфликтных ситуаций между сотрудниками организации.

Это является условием развития у них определенных компетенций в разрешении конфликтов между сотрудниками.

Если руководитель сам оказался вовлеченным в конфликт, он должен уметь противостоять применяемым против него средствам воздействия и управлять конфликтом в интересах организации. Чтобы приобрести такие свойства, необходимо обладать системой знаний в области конфликтологии и психологии конфликтов, соответствующими умениями, личностно-профессиональными качествами и усвоенными ролевыми моделями поведения. Иными словами, важнейшей чертой профессионализма руководителей стала конфликтологическая компетентность. Развитие конфликтологической компетентности руководителя позволит точно разбираться в истинных причинах и движущих силах конфликтного противоборства, личностных особенностях конфликтующих сторон, их эмоциональных состояниях, планируемых стратегиях конфликтной деятельности и возможных приемах воздействия. Конфликтологическая компетентность руководителя позволяет успешно управлять конфликтом и разрешать его, оказывать влияние на участников конфликта, снижать уровень конфликтности обстановки. Таким образом, высокий уровень конфликтологической компетентности становится необходимым для профессионализма руководителей, так как эффективное управление конфликтом в подавляющем большинстве случаев позитивно влияет на результативность деятельности организации.

Следовательно, руководителю принадлежит особое место в проблеме разрешения конфликтов. При этом следует учесть, что руководитель как субъект, управляющий процессом, развивается в процессе своей деятельности, приобретая опыт управления конфликтными ситуациями и их разрешением. В нашей работе мы будем опираться на структурно-динамическую модель конфликтологической компетентности руководителя, предложенную автором (Н.И. Леонов). В этой модели структурными составляющими являются социально-психологические, операциональные и поведенческие характеристики личности руководителя. Динамические составляющие — это те характеристики, которые определяются как самой спецификой профессиональной деятельности, так и ситуацией непосредственного взаимодействия руководителя и сотрудников организации (профессионально-важные качества).

Таким образом, с нашей точки зрения, конфликтологическая компетентность руководителя — это системное, многокомпонентное образование профессионально-важных, социально-психологических, операциональных и поведенческих особенностей руководителя, способствующие конструктивному разрешению конфликтов между сотрудниками в организации.

---

133. ЩЕРБАКОВА О. И.
Москва

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Традиционно многие отечественные психологические исследования конфликтов осуществлялись преимущественно в рамках деятельностного подхода. При этом приоритет отдавался изучению причин конфликтного поведения, заложенных в совместной деятельности и взаимодействиях, описанию стадий или этапов конфликта, анализу приемов и тактик, применяемых в конфликтном противоборстве, описанию универсальных методов профилактики и разрешения конфликтов. В последние годы, в дополнение к названному составляющим понятийно-категориального аппарата исследователи все большее внимание обращают на понятия, имеющие отношение к характеристикам личности конфликтующих и их роли в конфликте.

Мы считаем, что сегодня вполне правомерно говорить и о формировании конфликтологической культуры личности, которая, несомненно, пересекается с психологической и управленческой культурой, но характеризуется и своими специфическими аспектами.

Существующие на сегодняшний день характеристики как самого конфликта, так и конфликтологической культуры личности (Н.В. Самсонова, Г.И. Козырев), не отражают в полной мере внутреннюю психологическую сущность данных явлений, затрудняя тем самым выявление базовых психолого-педагогических

условий формирования конфликтологической культуры. К тому же развитие конфликтологической культуры не может эффективно осуществляться в рамках традиционного обучения в процессе овладения лишь системой знаний о конфликтах и методах их разрешения. С нашей точки зрения, существенными возможностями обладает концепция контекстного подхода, предложенная А.А. Вербицким.

Мы исходим из того, что понятие проблемы, возникающей в ситуации межличностного (межгруппового) взаимодействия, должно быть заложено в определении конфликта. К тому же социальный межличностный конфликт является одним из проявлений такой сферы жизнедеятельности человека, как общение, характеризующегося, в свою очередь, определенными сторонами (коммуникативной, перцептивной, интерактивной), компонентами (субъекты общения, само сообщение, способ связи, язык/правила общения, контекст) и другими характеристиками. В этой связи можно дать следующее определение социального/межличностного конфликта:

Конфликт — это такое взаимодействие субъектов общения, для которого характерно наличие противоречия, противодействий (противоборства/противостояния) и негативных эмоций у конфликтующих, возникающих в связи с проблемами удовлетворения ими значимых потребностей.

Предложенное нами понимание конфликта как проблемного взаимодействия субъектов общения непосредственно связано со спецификой разрешения конфликтов. Любой конфликт имеет в своей основе ту или иную проблему со свойственным ей противоречием. И если исходить из того, что, согласно Ф. Тромпенаарсу (2004), культура — «это способ, посредством которого группы людей решают проблемы», то речь идет как раз именно о конфликтологической культуре личности в ситуации проблемного межличностного взаимодействия.

Решающее значение культуре как условию развития человека придавали многие деятели отечественной философии, психологии, педагогики, культурологии (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, П.Ф. Флоренский и др.). При этом они, по словам И.В. Дубровиной, подчеркивали *психологический контекст* данного постижения, так как духовная культура объединяет явления, которые связаны с сознанием, с интеллектуальной и эмоционально-психической деятельностью человека (это язык, знания, уровень интеллектуального развития, творчество, эмоции, отношения, способы и формы общения людей).

Понятие «конфликтологическая культура специалиста» использует Н.В. Самсонова (2002), отличая его от понятия «конфликтологическая культура личности». Под «конфликтологической культурой специалиста» Н.В. Самсонова (2002) понимает качественную характеристику профессиональной жизнедеятельности специалиста в конфликтогенной профессиональной среде. Конфликтологическая культура рассматривается Н.В. Самсоновой в качестве цели профессионального образования.

При всей содержательности предложенной Н.В. Самсоновой модели формирования конфликтологической культуры специалиста в процессе профессиональной подготовки следует отметить ряд обстоятельств, нуждающихся в доработке. К ним, в частности, относятся: узкое определение понятия «конфликтологическая культура»; произвольный характер оснований модели конфликтологической культуры личности, составляющих ее блоков и их элементов; общее число психологических элементов конфликтологической культуры, представленных в модели Н.В. Самсоновой, составляет более 50, поэтому необходима более компактная диагностическая методика для определения уровня развития конфликтологической культуры; отсутствует учет различного рода контекстов, в которых протекает и которыми обуславливается конфликт, а также технологии обучения не носят целостного характера, не соотносятся с содержанием развиваемых компонентов конфликтологической культуры.

Соглашаясь со значимостью развития конфликтологической культуры специалиста в процессе его профессиональной подготовки, мы сформулировали и решили следующие задачи:

1. Дано содержательное психологическое определение конфликтологической культуры личности.
2. Выделены уровни конфликтологической подготовки специалиста.
3. Выявлены и охарактеризованы базовые элементы конфликтологической культуры личности.
4. Разработана методика диагностики уровня развития конфликтологической культуры личности.

С нашей точки зрения, конфликтологическая культура личности — это интегративное качество, основывающееся на экзистенциально-гуманистических ценностях, включающее культуру мышления, культуру чувств, коммуникативную и поведенческую культуру и проявляющееся в оптимальных, соответствующих контексту, стратегиях взаимодействия в конфликте, обеспечивающих конструктивное решение проблем.

Конфликтологическая культура личности являет собой высший уровень конфликтологической подготовки человека, которая, в свою очередь, включает также уровни конфликтологической грамотности и конфликтологической компетентности человека (рис. 1).

Рис. 1. Уровни конфликтологической подготовки личности

Конфликтологическая грамотность — это базовый уровень конфликтологической подготовки, проявляющийся в житейском интуитивном, а также вербализуемом опыте, мифологическом сознании личности, позволяющем конструктивно решать проблемы и противоречия без особого осознания механизмов, лежащих в их основе.

Конфликтологическая компетентность — это система научных знаний о конфликте и умений управлять им, целенаправленно развиваемых в процессе специальной подготовки применительно к ситуациям учебного и профессионального взаимодействия субъектов общения, а также организованной жизнедеятельности.

Конфликтологическая культура личности неоднородна по своему составу и включает в себя следующие компоненты: культуру мышления (КМ); культуру чувств (КЧ); коммуникативную культуру (КК); поведенческую культуру (ПК), базирующихся, в свою очередь, на экзистенциально-гуманистических ценностях (ЭГЦ), составляющих культуру ценностно-смысловой сферы.

Содержание названных компонентов характеризуется следующими особенностями:

Культура ценностно-смысловой сферы: совокупность экзистенциально-гуманистических ценностей личности, обуславливающих личностный смысл конструктивного поведения человека в конфликте.

Культура мышления: способность рационально анализировать конфликтную ситуацию на основе определенных теоретических знаний, формулировать суть проблемы, выделять главное и второстепенное, делать выводы, использовать их в своем поведении.

Культура чувств: способность воспринимать конструктивный и деструктивный характер своих переживаний и управлять ими, в частности, преодолевать деструктивные переживания — гнев, агрессию, страх, депрессию; способность проявлять оптимизм, сохранять спокойствие, уравновешенность, эмоциональную устойчивость в проблемных ситуациях, проявлять эмпатию, толерантность.

Коммуникативная культура: готовность и способность к диалогу, способность адекватно вербализовать свои и чужие переживания, владение «я-сообщением», техниками «активного слушания», «ассертивного» общения и др.

Поведенческая конфликтологическая культура: способность реально действовать и решать проблемы таким образом, чтобы не допускать конфликта или его эскалации, управлять конфликтом на всех его этапах (включая профилактику, прогнозирование, предотвращение, диагностику, урегулирование/разрешение, контроль).

Предложенный состав компонентов конфликтологической культуры личности не является универсальным. Он может быть дополнен и пересмотрен. К тому же предложенные компоненты конфликтологической культуры соответствуют психологическим компонентам конфликта (*когнитивный компонент, аффективный компонент, поведенческий компонент, мотивационный компонент*).

Для диагностики уровня развития конфликтологической культуры личности нами была разработана тестовая методика, имеющая характер полярных характеристик. Методика содержит 12 пар полярных суждений, отражающих различные компоненты конфликтологической культуры. Представленные в ней

суждения касаются поведения человека как в конфликтных ситуациях, так и в связи с решением возникающих проблем в межличностном взаимодействии. Содержание суждений касается саморегуляции эмоционального состояния, понимания состояния и переживаний оппонента, стремления к позитивным отношениям, коммуникативной саморегуляции и др.

Результаты исследования по данной методике могут использоваться:

- 1) как показатель эффективности социально-психологических тренингов общения, коммуникативной компетентности, конфликтологической культуры;
- 2) как основание для последующей психокоррекционной и психоразвивающей работы;
- 3) для самоанализа и последующего саморазвития своей конфликтологической культуры.

134. АСТРАХАНЦЕВА Ю. Л.

Ижевск

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ О ПОВЕДЕНИИ В КОНФЛИКТЕ СО СТУДЕНТАМИ

На этапе пилотажного исследования преподавателям и экспертам была предложена анкета «Степень конфликтности преподавателя». На основании кривой нормального распределения вся выборка испытуемых была распределена на три группы: с высоким, средним и низким уровнем конфликтности. При таком разделении в группу преподавателей с высоким уровнем конфликтности попадают около 26,6 % всех испытуемых, в группу со средним уровнем конфликтности — около 49,05 % и в группу с низким уровнем конфликтности — 28,3 % испытуемых.

Анализ различных типов категориальных структур. Под когнитивной решеткой мы понимаем модельное представление категориальных структур индивидуального сознания. В процессе анализа нами были выявлены три типа когнитивных решеток: *артикулированная* решетка — целостность, согласованность и взаимосвязанность когнитивных компонентов (2 или 3 кластера, хорошо разделенных и взаимосвязанных между собой); *фрагментарная* решетка — автономность, независимость и изолированность когнитивных компонентов (несколько кластеров, не связанных между собой); *монолитная* решетка — жесткая ригидная когнитивная структура (1 центральный кластер, связи между элементами которого очень прочные).

Анализ особенностей взаимосвязи объектов образа конфликтной ситуации преподавателей вуза. Анализ особенностей взаимосвязи объектов образа конфликтной ситуации преподавателей низкого уровня конфликтности выявил наличие артикулированной решетки. Для преподавателей и студент, и коллега равнозначны в ситуации конфликта. Преподаватели допускают, что существуют люди, которых они не понимают, у них есть поляризация на конфликтных и неконфликтных (это касается и студентов, и коллег). Преподаватели видят успешное разрешение конфликта, когда полностью или частично удовлетворяются интересы каждого участника конфликта, это для них идеальный вариант. В действительности же ситуация избегания конфликта является для них наиболее типичной, избегая конфликта, они успешны.

Анализ особенностей взаимосвязи объектов образа конфликтной ситуации преподавателей среднего уровня конфликтности выявил наличие фрагментарной решетки. Преподаватели допускают мысль, что в их жизни есть место переживаниям по поводу отношений со студентами и коллегами. Они считают себя идеальными, когда успешны, а в реальности — стремятся к удовлетворению интересов каждого, то есть ситуация успешности для данной группы преподавателей — полное или частичное удовлетворение интересов каждого.

Анализ особенностей взаимосвязи объектов образа конфликтной ситуации преподавателей высокого уровня конфликтности выявил наличие монолитной решетки. Можно сказать, что преподаватели изначально воспринимают студента, как амбициозного, неподчиняющегося, агрессивного, непонятого для них. Когда студент сопротивляется, а для данной группы преподавателей эта ситуация постоянна,

они находятся в состоянии конфликта и видят успешное его разрешение лишь в том случае, когда полностью или частично удовлетворятся их интересы. В идеале преподаватели хотели бы избежать конфликта, так как для них успешный человек в разрешении конфликта — человек, который избегает конфликта. В действительности же они постоянно провоцируют или создают конфликтную ситуацию со студентами, так как в их представлении студент не включен в ситуацию конструктивного разрешения конфликта.

Анализ различий социально-психологических особенностей преподавателей вуза. С целью изучения достоверности различий нами использовался критерий Манна—Уитни.

Достоверность различий социально-психологических особенностей преподавателей низкого и высокого уровней конфликтности. Исходя из полученных данных, необходимо отметить, что для преподавателей высокого уровня конфликтности характерны такие особенности, как использование конфликта как средства достижения цели, малая степень приспособления, низкий уровень субъективного контроля; они не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями их жизни; считают, что большинство из них являются результатом случая или действия других людей; приписывают свои успехи, достижения и радости внешним обстоятельствам; не считают себя способными активно формировать свой круг общения и склонны считать свои отношения результатом действия своих партнеров; видят своих партнеров причиной значимых ситуаций, возникающих в семьях; приписывают ответственность за неудачи другим людям или считают их результатом невезения. Испытуемые данной группы отличаются тем, что предпочитают держать дистанцию, иметь обособленную позицию при взаимодействии с другими людьми, холодно относятся к другим, их больше волнуют собственные проблемы, они ставят свои интересы выше интересов других людей, всегда готовы отстаивать их в конкурентной борьбе, верят в материальные ценности больше, чем в отвлеченные идеи, упорно воплощают в жизнь свои планы, они негибкие, неартистичные, несентиментальные, ищущие практическую выгоду во всем. Преподаватели низкого уровня конфликтности отличаются малой степенью соперничества и используют приспособление как средство разрешения конфликта, они скромны, робки, застенчивы и более эмоционально сдержанны, чем испытуемые других групп, обладают достаточно высоким уровнем субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями, считают, что большинство важных событий в их жизни было результатом их собственных действий, чувствуют ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом, имеют высокий уровень субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями и считают, что всего хорошего добиваются самостоятельно и способны преследовать свои цели и в будущем. Данные испытуемые считают себя в силах контролировать свои неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию, считают себя ответственными за события своей семейной жизни, обладают развитым чувством субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, что проявляется в склонности обвинять самих себя в разнообразных неудачах, неприятностях и страданиях, испытывают потребность быть рядом с другими людьми, кому-либо помогать, они добрые, отзывчивые, хорошо понимают других людей, чувствуют личную ответственность за их благополучие, терпимо относятся к недостаткам других, умеют сопереживать и радоваться успехам других людей. Взаимодействуя с людьми, они стараются избегать разногласий, не любят конкуренцию, предпочитают сотрудничать, а не соперничать, это эмоциональные, легко обучаемые люди с хорошо развитым эстетическим и художественным вкусом.

Достоверность различий социально-психологических особенностей преподавателей низкого и среднего уровней конфликтности. Исходя из полученных данных, необходимо отметить, что преподавателям низкого уровня конфликтности характерны такие особенности, как использование стиля сотрудничества в разрешении конфликта, стиля компромисса, в меньшей степени — стиля уклонения, в то время как испытуемые среднего уровня конфликтности, наоборот, чаще используют стиль уклонения, реже компромисс и сотрудничество. Достаточно высокий показатель характеризует преподавателей низкого уровня конфликтности как скромных, робких, застенчивых, более эмоционально сдержанных. В то же время преподаватели низкого уровня конфликтности хуже работают в стрессовых ситуациях, в которых испытывают напряжение. У них, как правило, занижена самооценка, они обидчивы и в неудачах, в первую очередь, обвиняют себя, в то время как испытуемые среднего уровня конфликтности лучше осознают требования действительности, не скрывают от себя собственных недостатков, чувствуют себя хорошо приспособленными к жизни.

Достоверность различий социально-психологических особенностей преподавателей высокого и среднего уровней конфликтности. Исходя из полученных данных, следует отметить, что

преподавателям высокого уровня конфликтности свойственны такие особенности, как использование конфликта как средства достижения цели, уклонение от разрешения конфликта, малая степень приспособления. Преподаватели среднего уровня конфликтности, напротив, чаще используют стили избегания при разрешении конфликта, приспособления, редко соперничество. Испытуемые среднего уровня конфликтности склонны обвинять самих себя в разнообразных неудачах, имеют развитое чувство субъективного контроля. Преподаватели высокого уровня конфликтности склонны приписывать ответственность за неудачи другим людям и считать их результатом невезения, они стремятся быть независимыми и самостоятельными, держать дистанцию, иметь обособленную позицию при взаимодействии с другими людьми. Такие люди ставят свои интересы выше интересов других людей и всегда готовы отстаивать их в конкурентной борьбе, они уверены в своих силах, эмоционально реагируют на все происходящее вокруг. Преподаватели среднего уровня конфликтности чаще обвиняют себя, их поведение во многом обусловлено ситуацией, они не всегда позволяют себе эмоционально реагировать на происходящее, сдержанны, рациональны, испытывают потребность быть рядом с другими людьми, терпимо относятся к недостаткам других, стараются избегать разногласий, не любят конкуренцию, предпочитают сотрудничать с людьми, а не соперничать.

Таким образом, анализ различий социально-психологических особенностей преподавателей вуза позволяет нам выделить следующие типы: *конфликтный* (преподаватели высокого уровня конфликтности), *гибкий* (преподаватели среднего уровня конфликтности), *неконфликтный* (преподаватели низкого уровня конфликтности).

Модели поведения преподавателей в зависимости от типа поведения в конфликте. Для того чтобы выявить, какая модель поведения в конфликте между преподавателями и студентами предпочтительна, в каждой из групп испытуемых был проведен факторный анализ. Выделенные факторы интерпретировались нами как различные модели поведения преподавателей в конфликте со студентами.

Модели поведения преподавателей в конфликте со студентами

Типы поведения	Модели поведения в конфликте
1. Конфликтный тип	<ol style="list-style-type: none"> 1. Доминирование 2. Агрессивное поведение 3. Самоконтроль 4. Авторитарное поведение 5. Уклонение
2. Неконфликтный тип	<ol style="list-style-type: none"> 1. Нормативное поведение 2. Ответственное поведение 3. Амбивалентное поведение 4. Лабильное поведение 5. Компромисс 6. Избегание
3. Гибкий тип	<ol style="list-style-type: none"> 1. Уверенное поведение 2. Адекватное поведение 3. Ответственное поведение 4. Соперничество 5. Уравновешенное поведение 6. Компромисс 7. Уступчивое поведение

Таким образом, выявленные модели поведения преподавателей в конфликтных ситуациях со студентами позволяют заключить, что преподаватели конфликтного типа поведения в конфликтных ситуациях имеют установку на достижение цели при игнорировании альтернатив: они авторитарны, предпочитают доминировать в общении со студентами. Осознавая свою склонность к конфликтному поведению, они способны контролировать себя, избегая разрешения конфликтов. Преподаватели неконфликтного типа поведения последовательны в своем поведении: они придерживаются норм и правил поведения, ответственны, лабильны. В некоторых случаях преподаватели данного типа способны на компромисс или избегание конфликтной ситуации. Преподаватели гибкого типа поведения в конфликтной ситуации со студентами уверены в своих действиях. Их поведение адекватно ситуации, они проявляют

ответственность за сложившуюся ситуацию. При этом в случае необходимости могут использовать конфликт как средство достижения цели. Они уравновешены, готовы пойти на компромисс, в ряде случаев уступить. Использование более широкого и многообразного спектра вариантов поведения позволяет говорить о том, что преподаватели гибкого типа поведения более успешны в разрешении конфликтных ситуаций со студентами.

Знание полученных в ходе исследования отличий в структурных и динамических характеристиках социальных представлений о поведении в конфликтной ситуации преподавателей разного уровня конфликтности, типологии поведения преподавателей и реализуемых моделей поведения внутри каждого типа позволяет прогнозировать поведение преподавателей. Проведенное исследование показало, что проблема конфликтов является актуальной и требует дальнейшего практического и теоретического изучения в контексте социальной психологии.

---

135. Ткаченко Н. Н.
Воронеж

ВЫЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ С ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ БАСКЕТБОЛИСТОК

Специфика игровой деятельности в баскетболе предполагает социально одобряемое соперничество и конкуренцию и содержит в себе немало конфликтогенных аспектов, которые могут стать причиной серьезных конфликтных столкновений с различными функциональными последствиями.

Воздействие экстремальных ситуаций, возникающих в баскетболе, как на тренировках, так и на соревнованиях, может привести к формированию специфического состояния психической напряженности, в результате которого возникает реальная возможность потери контроля спортсменами за своими действиями в единоборстве с соперниками и порождает конфликтные ситуации [2, С. 5].

На конфликтное поведение спортсменов, впрочем, как и на любую другую его форму, значительное воздействие оказывает субъективный фактор.

В качестве субъективных факторов, обуславливающих возникновение конфликтов в спортивных группах, целесообразным представляется изучение устойчивых индивидуально-личностных характеристик спортсменов.

В связи с этим, при анализе конфликтов в спортивной деятельности и выборе способов управления ими следует учитывать личностные особенности конфликтантов, среди которых особое место занимает индивидуальная или личностная конфликтность [Там же].

А.Я. Анцупов [1], давая определение конфликтности личности, понимает ее как интегральное свойство, отражающее частоту вступления человека в межличностные конфликты. При высокой конфликтности индивид становится постоянным инициатором самого разного рода напряженных отношений с окружающими независимо от того, предшествуют ли этому проблемные ситуации. По мнению Н.И. Леонова, конфликтность личности определяется комплексным действием нескольких групп факторов, к которым относятся психологические, социально-психологические и социальные [3].

В задачи настоящего исследования входило определение степени индивидуальной конфликтности и выявление ее взаимосвязи с личностными характеристиками баскетболисток, в состав которых входили показатели локуса ролевого конфликта, стили реагирования на конфликт, а также психологические состояния, способствующие возникновению проблемных ситуаций в ходе игрового взаимодействия.

Методы и организация исследования. Для определения степени и уровня личностной конфликтности спортсмена была выбрана методика (тест) самооценки собственной конфликтности [3; 4; 5]. Тест содержал шкалу, которая была использована для самооценки по 10 парам суждений. Испытуемому предлагалось оценить каждое утверждение левой и правой колонок и отметить кружком, на сколько баллов в нем проявлялось свойство, представленное в левой колонке. Оценка производилась по 7-балльной шкале, где 7 баллов означало, что оцениваемое свойство проявляется всегда, а 1 балл указывал на

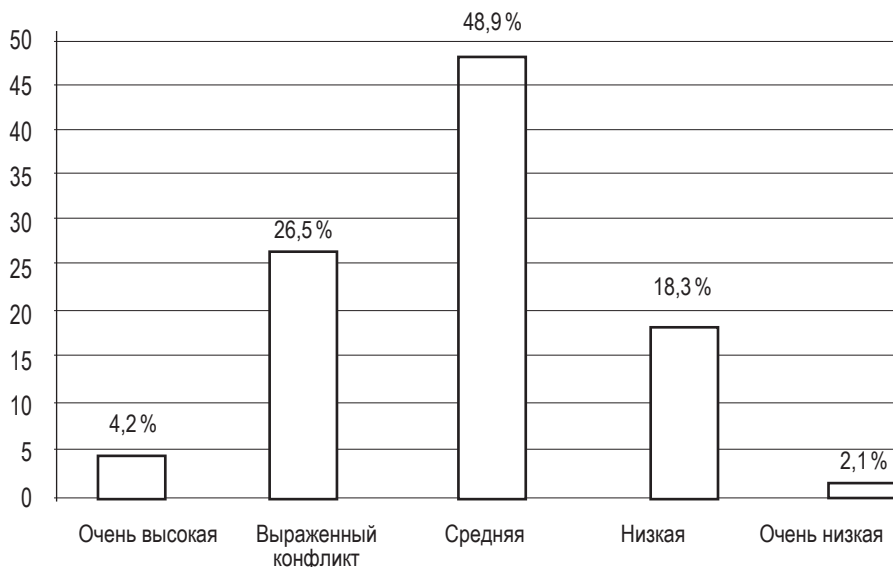
то, что данное свойство не проявляется вовсе, то есть на его отсутствие. Оценка результатов производилась подсчетом общего количества баллов. Данная процедура, в противоположность графическому анализу, позволяла выявить количественные показатели индивидуальной конфликтности и облегчить оперативную математическую обработку. Для более детального анализа была выбрана такая градация, при которой степень конфликтности распределялась по следующим диапазонам: 1) очень высокая (60—70 баллов); 2) выраженная конфликтность (50—59); 3) средняя (40—49); 4) низкая (30—39); 5) очень низкая (20—29); 6) избегание конфликта (19 и ниже). Анализ полученных данных предполагал выявить порядок распределения баскетболисток по диапазонам конфликтности.

В обследовании приняли участие 98 баскетболисток различного возраста, имеющих спортивную квалификацию 1-го разряда и КМС.

Результаты исследования. Полученные данные исследования, представленные в графическом изображении (рис. 1), дают основание утверждать, что показатели индивидуальной конфликтности спортсменок подчиняются законам нормального распределения величин с левосторонней положительной асимметрией, при которой частота случаев со средней конфликтностью является преобладающей при повышенном количестве случаев с выраженной конфликтностью.

Анализ распределения индивидуальной конфликтности показал, что наибольшее количество спортсменок (48,9 %) попадают в диапазон средней степени конфликтности.

Вторым по численному представительству испытуемых является диапазон с выраженной степенью конфликтности (26,5 %), а третьим — с низкой степенью конфликтности (18,3 %).

Рис. 1. Распределение индивидуальных показателей по диапазонам степеней конфликтности баскетболисток (в %)

Рассматривая распределение индивидуальных показателей с очень высокой (4,2 %) и очень низкой (2,1 %) степенью конфликтности, необходимо отметить малое количество испытуемых по сравнению с другими диапазонами. Отсутствуют также данные, подтверждающие наличие обследуемых баскетболисток в границах, определяющих степень избегания конфликта.

Обобщая полученные данные в ходе предварительных исследований, была предпринята попытка выявить степень взаимосвязи между показателями индивидуальной конфликтности у баскетболисток с их личностными характеристиками.

Для математической обработки показателей была взята частная классификация корреляционных связей, которая ориентирована на уровень значимости коэффициента корреляции при большом объеме выборки. В исследованиях применялся коэффициент линейной корреляции г К. Пирсона.

Анализ результатов показал (рис.2), что у баскетболисток уровень конфликтности во многом определяет их стили реагирования на конфликтные ситуации. Так, отмечается высокая положительная корреляция между показателями конфликтности и соперничеством, а в отношении таких стилей поведения в конфликте, как избегание и приспособление, отрицательная. Данный факт подтверждает результаты исследований других авторов, которые считают, что повышенная индивидуальная конфликтность способствует обострению соперничества, а приспособленческие стратегии и уход от конфликтов присущи лицам с низким уровнем конфликтности.

Рис. 2. Взаимосвязь индивидуальной конфликтности с личностными характеристиками баскетболисток

Примечание: 1) r — коэффициент корреляции К. Пирсона; 2) * — значение r при $p < 0,05$; ** — значение r при $p < 0,01$; *** — значение r при $p < 0,001$.

С индивидуальной конфликтностью у баскетболисток связаны такие личностные характеристики, как показатель локуса ролевого конфликта, агрессивность и фрустрация. Если с первыми показателями наблюдается положительная корреляция, то с последней характеристикой — обратная взаимосвязь.

Выводы

1. Результаты анализа показали, что наибольшее количество спортсменок - баскетболисток имеют среднюю степень индивидуальной конфликтности. Вторым и третьим по процентному отношению являются диапазоны с выраженной и низкой степенью конфликтности.

2. Спортсменки, обладающие высокой степенью конфликтности, более агрессивны, склонны к конфронтации в конфликте и имеют экстернальный локус в ролевом конфликте.

3. Баскетболистки с низким уровнем конфликтности стремятся уходить от конфликтов или приспосабливаться к ним, у них часто возникающее состояние фрустрации приводит к возникновению внутрличностного конфликта.

Литература

1. Анцупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях. — СПб.: Питер, 2005. — 288 с.
2. Кубланов М.М., Монастырев С.Н. Психолого-педагогические особенности конфликта в спорте. — Воронеж: ВГУ, 2005. — 269 с.
3. Леонов Н.И. Конфликтология: Учеб. пособие. — 2-е изд. испр. и доп. — М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2006. — 225 с.
4. Ложкин Г.В., Повакель Н.И. Практическая психология конфликта: Учеб. пособие. — 2-е изд. стереотип. — Киев: МАУП, 2002. — 178 с.
5. Сулейманов И.И. Основы спортивной конфликтологии. — Омск: Сиб. ГАФК, 1997. — 344 с.

136. МОНАСТЫРЕВ С. Н.

Воронеж

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОСРЕДНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ У ТРЕНЕРОВ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ**

Деятельность тренера по управлению спортивной командой, помимо тренировочных задач подготовки и выступления на соревнованиях, предполагает, что он выступает в роли посредника при разрешении споров между спортсменами [1, С. 4].

Практика современного спорта показывает, что большинство руководителей и тренеров для управления конфликтами вырабатывает навыки общения в проблемных ситуациях, а если того вынуждает обстановка, то и тактику ведения переговоров, исходя из жизненного опыта и полагаясь на свою интуицию. Это малоэффективный и очень продолжительный путь, приводящий порой к потере времени и обострению противоречий в условиях динамично развивающихся отношений в спорте. Данный факт является следствием недостаточной подготовленности тренера к задачам управления конфликтам.

К этим моментам следует добавить специфические особенности ряда спортивных организаций, где преобладает авторитарность в поведении тренеров и руководителей, следствием чего является отсутствие умения вести переговоры в условиях равных возможностей сторон, а откровенная грубость рассматривается как нормативная форма общения [1; 3; 4].

В нашем эмпирическом исследовании мы исходили из того положения, что деятельность в управлении спортивной командой ставит тренеров перед необходимостью разрешения ими проблемных ситуаций между спортсменами, что предполагает наличие у них определенного посреднического потенциала в разрешении конфликтов (ППРК). По мнению Н.И. Леонова, «посреднический потенциал — это системное, многокомпонентное образование социально-психологических, операциональных и поведенческих особенностей руководителя, способствующее разрешению конфликтов между сотрудниками организации» [2]. Автор считает, что ППРК является одной из характеристик конфликтологической компетентности руководителя.

Поэтому перед исследованием были поставлены задачи: определить уровни ППРК и гендерные различия в этих показателях, а также выявить взаимосвязь ППРК с личностными характеристиками тренеров различных категорий.

Методика и организация исследования. Для определения посреднического потенциала тренеров в разрешении конфликтов за основу была взята методика (автор Н.И. Леонов), которая прошла стадию апробации на руководителей производственной сферы [2]. Анкета включает в себя 27 вопросов, где сумма баллов является показателем посреднического потенциала, который, в свою очередь, делится на уровни: высокий уровень — 145 баллов и выше; средний уровень — от 127 до 144 баллов; низкий уровень — 126 баллов и ниже.

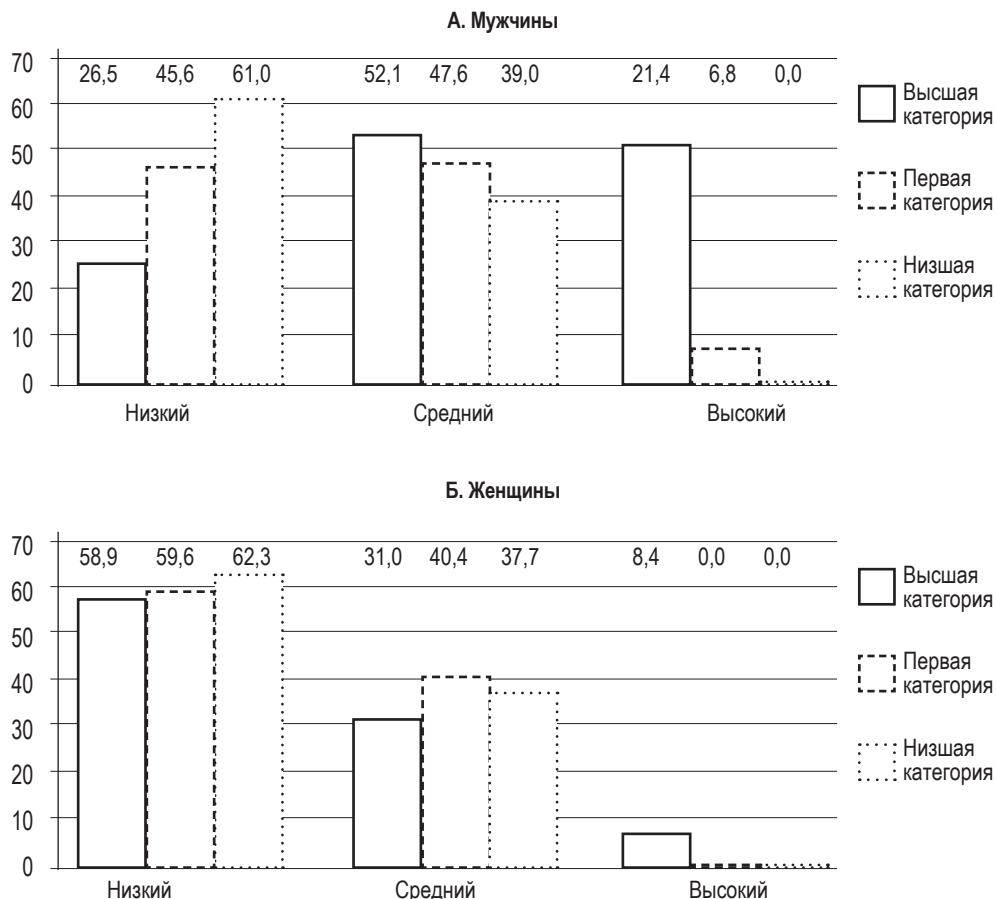
В анкетировании приняли участия 598 тренеров обоих полов, различных возрастных групп, осуществляющих свою деятельность в индивидуальных видах спорта, таких как легкая атлетика, лыжные гонки, пулевая стрельба и спортивная гимнастика. Все обследуемые были условно разделены по тренерским категориям на следующие группы: а) заслуженные тренеры России и высшей категории (193 чел.), б) первой (207) и в) низшей категории (198).

Результаты исследования и их обсуждение. При анализе полученных данных (рис. 1) выявилась следующая тенденция: с ростом квалификации тренеров повышается уровень их показателей ППРК. Данная картина ярко прослеживается у мужчин, при этом у тренеров высшей категории и ЗТР больше половины имеют средний (52,1 %) и наибольший показатель высокого уровня ППРК (21,4 %). Женщины высшей категории и ЗТР имеют ряд особенностей: для них характерным является низкий уровень (58,9 %) при незначительном количестве испытуемых высокого уровня посреднического потенциала (8,4 %). Для остальных категорий тренеров-женщин данная тенденция, наблюдаемая у мужчин, сохраняется, хотя отсутствуют лица, попадающие в диапазон высокого уровня посреднического потенциала.

При сравнении средних данных баллового эквивалента у мужчин и женщин были отмечены гендерные различия в уровнях посреднического потенциала у тренеров различных категорий. Особенно они проявляются в группе высшей категории, где существенная достоверность различий была выявлена

в диапазоне низкого уровня ППРК. Наибольшая разница отмечалась в показателях низкого уровня посреднического потенциала у тренеров первой категории.

Необходимо также отметить, что и в других показателях уровня посреднического потенциала наблюдались гендерные различия, но они были не столь существенны и поэтому не подвергались детальному анализу.

Рис. 1. Распределение показателей посреднического потенциала в разрешении конфликтов по уровням у тренеров различных категорий (в %)

Анализируя взаимосвязь показателей посреднического потенциала с личностными характеристиками тренеров, способствующих возникновению конфликтов, наблюдаются также отличительные особенности в проявлении гендера. Если рассматривать тренеров высшей категории и ЗТР, то на уровень посреднического потенциала у женщин положительно влияют такие стили реагирования на конфликт, как избегание и компромисс, тогда как состояния тревожности, фрустрации и агрессивности оказывают отрицательное влияние. У мужчин данной категории уровень ППРК в определенной мере зависит от стажа работы и индивидуальной конфликтности: чем больше эти значения, тем выше показатель посреднического потенциала. Отрицательное влияние на уровень ППРК у мужчин оказывают агрессивность и экстернальность локуса ролевого конфликта.

Рассматривая первую тренерскую категорию, необходимо отметить, что на уровень посредничества в разрешении конфликтов у женщин большое влияние имеет опыт работы. Показатели высокой

положительной корреляции свидетельствуют о том, что со стажем и возрастом происходит процесс становления тренерского мастерства и приобретает определенный навык межличностного общения с целью разрешения проблемных ситуаций, формируется такая форма урегулирования конфликтов, как посредничество. У женщин данной категории на уровень ППРК влияют такие стили реагирования на конфликт, как компромисс и приспособление, а для мужчин определяющей формой поведения в конфликтных ситуациях является сотрудничество. Стоит заметить, что у мужчин с повышением показателей личностной тревожности, фрустрации и агрессивности понижается уровень проявления посредничества, тогда как у женщин на данную тенденцию отрицательно влияет, помимо агрессивности, еще и ригидность.

У тренеров низшей категории переговорные стратегии строятся на избегании противоречий, на «сглаживании острых углов», а мужчины стремятся идти на сотрудничество в разрешении конфликтов, что положительно влияет на уровень ППРК. Данную группу тренеров в контексте нашего исследования характеризует влияние личностной тревожности на уровень посредничества, где наблюдается обратная взаимосвязь: повышенная личностная тревожность снижает уровень проявления посреднических функций. У женщин эта тенденция проявляется в большей степени, чем у мужчин. Отрицательная корреляция отмечается у женщин в отношениях уровня ППРК и показателей фрустрации и ригидности, а у мужчин она проявляется с агрессивностью.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. С ростом квалификации тренеров, что определяется категориями, повышается уровень посреднического потенциала в разрешении конфликтов.
2. В группе высшей категории и ЗТР выявлено незначительное количество тренеров, обладающих высоким уровнем посреднического потенциала, тогда как в других категориях отмечается его минимальное значение или полное отсутствие.
3. Больше половины обследуемых мужчин высшей категории и ЗТР имеют средний уровень, тогда как для женщин характерным является низкий уровень посреднического потенциала.
4. Выявлены гендерные различия как в уровнях, так и в факторах, влияющих на формирование посреднического потенциала у тренеров.
5. Определение посреднического потенциала тренера является важным этапом в прогнозировании проблемных ситуаций, возникающих в спорте, а выявление взаимосвязи его уровня с личностными характеристиками участников взаимодействия могут способствовать предупреждению конфликтов в будущем.

Литература

1. Корх А.Я. Тренер: Деятельность и личность: Учеб. пособ. — М.: Терра -Спорт, 2000. — 120 с.
2. Леонов Н.И. Психология конфликтного поведения: Дис. ... д-ра психол. н.: 19.00.05: Ярославль: — Яр. ГУ, 2002. — 415 с.
3. Озолин Н.Г. Настольная книга тренера: Наука побеждать. — М.: ООО «Изд.-во Астрель»: ООО «Изд.-во АСТ», 2002. — 864 с.
4. Туманян Г.С. Стратегия подготовки чемпионов: настольная книга тренера. — М.: Советский спорт, 2006. — 494 с.

137. Красильников И. А.
Саратов

К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИИ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ: РЕКОНСТРУИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА

В какой мере человек способен осуществлять детерминацию, управление своего жизненного пути, а значит и своей судьбы в ситуациях блокировки жизненно важных ценностей и смыслов? Решение этой фундаментальной проблемы во многом определяется тем, каким образом происходит реконструирование субъективной реальности в трудной жизненной ситуации.

Проблема самосознания личности и ее жизнедеятельности в отечественной психологии была поставлена С.Л. Рубинштейном (2003) как онтологическая проблема субъекта жизненного пути. Понятие «онтологичность» подчеркивает неразрывную включенность субъекта в жизненный мир, а значит и в мир жизненных противоречий: человек должен быть взят внутри бытия как субъект познания и действия, как субъект жизни. Он делает акцент на активной роли внутренних условий, которые опосредуют все внешние воздействия. Роль этих внутренних условий на траекторию жизненного пути и судьбу человека существенно возрастает ввиду более сложного и системного влияния трудных событий в уникальной истории жизни отдельного человека. С.Л. Рубинштейн рассматривает человека как субъекта, который способен на основе своей внутренней активности, осуществлять деятельность по преобразованию жизненного мира и своей личности в нем. Эти преобразования связаны с разрешением жизненных противоречий.

Развивая идеи С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульханова-Славская (2007) основным критерием субъекта считает наличие способности реорганизовывать систему отношений и тем самым разрешать жизненные противоречия. Субъект учитывает свои интеллектуальные, личностные, профессиональные и другие психические жизненные возможности в качестве средств решения этих противоречий, на основе самооценки. Однако неадекватная самооценка своих возможностей может приводить к самопоражающим стратегиям поведения и деформациям развития личности.

Анализируя уже классическую формулу детерминации развития личности — «внешнее через внутреннее», В.Э. Чудновский (2006) уточняет, что внешнее зависит от внутреннего не только в том смысле, что всякое внешнее воздействие реализуется через внутреннее, но и более непосредственно — внутреннее имеет свой непосредственный источник активности и развития. В этом контексте автор вводит понятие «ядро субъективности». Становление субъектности, по его мнению, сопровождается тенденцией смещения и доминирования к «внутреннему»: субъект что-то принимает и от чего-то отказывается, то есть имеется внутренняя логика развития внутреннего.

А.В. Брушлинский (2003) обращает внимание, что проблема внутренних условий и психической реальности является центральной категорией в психологии. Внимание к категории «внутреннее» в последнее время привлекает все большее число исследователей. Так, В.В. Знаков (2007) изучает «понимание» как экзистенциально-смысловой феномен человеческого бытия; В.И. Слободчиков (2000) рассматривает субъективную реальность как непосредственное само=бытие человека.

Внутриличностный конфликт, на наш взгляд, как раз и составляет квинтэссенцию психологического ядра внутренних условий жизнедеятельности субъекта. Внутриличностные конфликты в истории жизни человека, а также успешность их разрешения оказывают существенное влияние на целостное понимание субъектом собственной человеческой жизни. Возникновение внутренних конфликтов есть результат невозможности разрешения субъектом определенных жизненных противоречий.

В зависимости от концептуальных представлений о природе личности в зарубежной психологии выделяют различные модели внутренних конфликтов: психоаналитическая, когнитивная, экзистенциальная и др., отличающиеся содержательными характеристиками конфликтных мотиваций (Красильников, 2006). Общим для большинства зарубежных моделей, пожалуй, является то, что внутриличностные конфликты возникают в силу невозможности человеком «выдерживать» на себе мощное социокультурное воздействие, отвечая тревожностью, и как результат — неосознаваемые амбивалентные мотивационные тенденции. Так, весь психоанализ и экзистенциальная психология заслуженно обращают особое внимание на неосознаваемую, «плавающую» тревожность как основной фактор, определяющий дальнейшее деструктивное развитие человека. К. Хорни (2001) делает весьма важное замечание, что тревога, может быть, является определяющим фактором восприятия нашей жизни, оставаясь в то же самое время неосознанной нами. В свое время еще религиозно ориентированный экзистенциальный философ С. Кьеркегор (1993) писал, что главная проблема человека в его жизни — это проблема его тревожности.

В рамках субъектного подхода Л.И. Анцыферовой (2006) был предпринят анализ к пониманию разрешения жизненных противоречий. Она оперирует понятием «трудная жизненная ситуация» и обозначает соответствующий ее критерий — та ценность, которая в определенных условиях может быть утрачена. Продолжая эту линию исследований, Т.Л. Крюкова рассматривает совладающее поведение как осознанную и целенаправленную форму поведения на разрешение трудной жизненной ситуации.

Ряд отечественных исследователей (А.Я. Анцупов (2007), Н.В. Гришина (2000), Н.И. Леонов (2009), А.И. Шипилов (2007)) затрагивает в большей части социально-психологический аспект исследования

конфликтов. Хотя Н.И. Леонов точно заметил, что внутренние конфликты невозможно исследовать вне проблематики общей конфликтологии, которая в последнее время исследуется с позиции онтологического подхода, когда субъект, находящийся в конфликтной ситуации, активно конструирует мир.

Проведенный нами анализ состояния проблемы внутренних конфликтов показывает, что психологические конфликты есть результат системной личностной реакции на невозможность разрешить субъектом возникшие жизненные противоречия. Здесь остается «за скобками» вопрос о том, какие специфические формы психической активности субъекта могут обеспечить успешное разрешение внутренних конфликтов при условии, что простыми предметно-целевыми действиями их разрешить не удастся.

Скорее всего, решение данной проблемы может быть решено с теоретико-методологических позиций системно-субъектного подхода, разрабатываемого Е.А. Сергиенко (2007). Заслуживает особого внимания ее взгляды на то, в какой форме может осуществляться регулятивная функция субъекта. В качестве этой формы может выступать контроль поведения. Исследователь считает, что контроль поведения является интегративной характеристикой, включающей три компоненты — когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность). В отличие от осознанной саморегуляции, контроль поведения обладает такими важными качествами как спонтанность и самопроизвольность.

Разрешение же собственных внутриличностных конфликтов возможно только в условиях развития онтологического взаимодействия субъекта с амбивалентным миром и своими подлинными чувствами, освобожденными от психологических защит. Путь разрешения внутриличностных конфликтов — есть путь рефлексивного развития субъектности. Конфликты, связанные с смысловыми самоблокировками, зачастую индуцированные другими значимыми людьми, могут длительно сужать внутреннюю свободу человека.

Восстановление личностной целостности связано с онтологической включенностью субъекта в мир, в результате чего возможна реконструкция мира своего существования, реконструкция иного смыслового понимания трудной жизненной ситуации, а значит реконструкции качественно новой системы отношений с собой в этом мире. Нам представляется, что понятие «онтологическая включенность субъекта в его жизненный мир» может иметь большой объяснительный потенциал в решении проблемы разрешения внутренних конфликтов и реконструировании трудного, сложного субъективного мира в более открытый и свободный.

138. Загуляев Д. Г.
Воткинск

О ВОЗМОЖНОСТИ СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ИММИГРАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕРАВНОВЕСНОЙ ЭКОНОМИКИ

Мировой рынок труда как неотъемлемая часть мировой экономической системы образуется и существует за счет миграции трудовых ресурсов.

С помощью методологии неравновесного анализа показано, что:

- положительные моменты международного перемещения рабочей силы для стран-доноров являются чисто бухгалтерскими, то есть факторами получения дохода ограниченным кругом лиц в краткосрочной перспективе в ущерб долгосрочному развитию трудовых ресурсов страны;
- отрицательные моменты международного перемещения рабочей силы для стран-реципиентов, по меньшей мере, уравниваются «плюсами» для стран-доноров, а также предпринимателей стран-реципиентов, пользующихся выгодами, связанными с рентным характером воспроизводства трудовых ресурсов на международном рынке;
- более всего международное перемещение трудовых ресурсов выгодно монополизировавшим этот сегмент рынка частным хозяйствующим субъектам стран-реципиентов, снимающим сливки с ренты, связанной со стоимостью воспроизводства трудовых ресурсов в мире. При этом логично предположить, что максимизация ими доходов при отсутствии государственного

- регулирования международного рынка трудовых ресурсов с годами будет только расти в ущерб росту доходов объектов международного перемещения трудовых ресурсов;
- санкционирование трудовой миграции также является инструментом, спасающим отдельных малоэффективных внешних политиков, за счет экономики пытающихся решить возложенные на них внешнеполитические задачи, которые они не способны разрешить с помощью политических инструментов. В соответствии с таким подходом не политика находится на службе экономики, а наоборот;
  - осуществляемое в настоящее время регулирование международного рынка труда сводится к установлению технических и юридических норм, но не устранению сути проблемы — нивелированию последствий рентного характера мирового рынка труда, воспроизводства трудовых ресурсов и получаемых отдельными странами либо лицами, связанных с этим, экономических преимуществ;
  - международное перемещение трудовых ресурсов, в том числе временное, оказывает воздействие на социально-экономическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов трудовых ресурсов.

Следовательно, при определении целесообразности санкционирования притока трудовых ресурсов, в особенности «низкоинтеллекто-вооруженных», в страну-реципиент, ее правительство не должно подходить к данному вопросу с «бухгалтерской непосредственностью», а учитывать плюсы и минусы таких перемещений для принимающей страны в долгосрочной перспективе, обусловленные рентным характером воспроизводства трудовых ресурсов.

С учетом рентного характера мирового рынка труда, то есть, принимая во внимание факт, что стоимость воспроизводства рабочей силы зависит от климатических и географических характеристик соответствующих стран, в качестве основы мировой политики экономического регулирования данной сферы хозяйствования предлагается концепция мирового социально-экономического регулирования рынка труда, позволяющая уменьшить конфликтность иммиграции:

1. В политике в сфере оплаты труда наемных работников мирового сообщества, определяемой соответствующими регулирующими структурами, международными либо национальными, должна учитываться межстрановая специфика государств, в основе которой должно лежать признание рентного характера мировой экономики и социальных условий проживания населения отдельных стран, как следствие межстрановой разнородности природно-климатических, пространственных аспектов мирового территориального расположения государств. В свете неравновесного экономического анализа это означает, что в силу рентного характера мирового рынка труда, а именно присутствия целого ряда неравновесных факторов, в большинстве своем связанных с величиной расходов, необходимых для воспроизводства и развития трудовых ресурсов, таких как разница в стоимости жизни и существования проживающих в разных странах трудовых ресурсов, различными культурными и прочими потребностями, перемещение трудовых ресурсов на международном рынке труда, в том числе с целью получения *временного трудоустройства*, должно четко регулироваться и тщательно контролироваться со стороны заинтересованных сторон. В особенности такой контроль необходим со стороны национальных правительств, ставящих своей задачей не получение сиюминутной бухгалтерской прибыли путем использования «дешевых» трудовых ресурсов, а достижение стабильного, расширенного воспроизводства национальных трудовых ресурсов с целью, в том числе, и укрепления отечественной хозяйственно-экономической безопасности в долгосрочной перспективе, поскольку расходы на воспроизводство рабочей силы в разных странах разные, обусловлены их климато-географическим положением.

2. С целью обеспечения сбалансированного и полноценного развития трудовых ресурсов в межстрановом разрезе и достижения стабильности, связанной с предоставлением возможности трудоустройства на исконной территории трудовым ресурсам с последующим развитием профессиональных навыков, должна быть создана система дифференцированной международной поддержки стран различных типов по объективным условиям своего расположения и обладания факторами производства, в сфере экономики труда — факторного ресурса «труд». Такая система должна выполнять функции финансовой поддержки стран с высокими расходами по статье «воспроизводство трудовых ресурсов», величина которых вызвана рентным характером соответствующего мирового рынка, путем перераспределения денежных отчислений, преимущественно стран с высоким уровнем рентных доходов в сфере оплаты труда наемного персонала и стран, где для развития трудовых ресурсов необходимо расходовать значительно меньше

средств, чем в среднемировом разрезе. При этом отчисления следует перераспределять в пользу стран с высокими расходами на воспроизводство трудовых ресурсов. Эти отчисления могут быть абсолютно безболезненными для рентаоаккумулирующих стран, если их уровень будет определяться процентом от многолетней среднемировой ренты, и к тому же позволят развивать национальные рынки труда путем устранения необходимости трудовой миграции граждан стран, находящихся в высокоэффективной (низкозатратной) в смысле стоимости воспроизводства трудовых ресурсов части экономики в страны с низкоэффективными (высокозатратными) условиями с точки зрения затрат на воспроизводство трудовых ресурсов. Примерный подход к такому перераспределению показан на рис. 1.

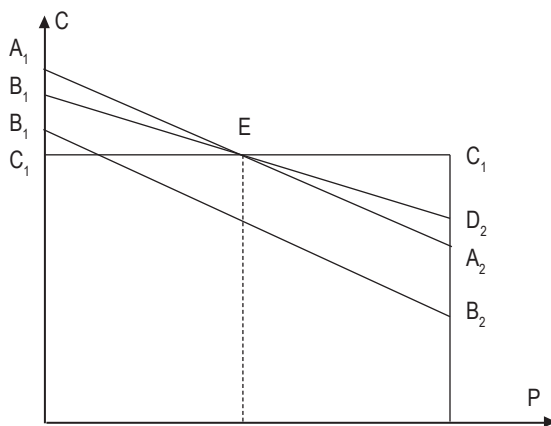

Рис. 1. Вариант отчисления в фонд перераспределения доходов, полученных в силу рентного характера международного рынка труда

Примечание: C — стоимостные показатели по оси абсцисс; P — ранжированный ряд стран по стоимости воспроизводства трудовых ресурсов по оси ординат; A_1A_2 — линия многолетней цены воспроизводства трудовых ресурсов; B_1B_2 — линия многолетней себестоимости трудовых ресурсов; C_1C_2 — линия многолетней равновесной рыночной цены реализации труда на мировом рынке трудовых ресурсов; треугольник EC_2D_2 — величина суммарных отчислений в фонд развития трудовых ресурсов, осуществляемая странами с низкими расходами на воспроизводство рабочей силы в адрес стран с высокими расходами на воспроизводство рабочей силы; D_1EC_1 — величина суммарных дотаций странам с высокими расходами на воспроизводство рабочей силы.

Перераспределение мировой трудовой ренты в пользу стран с высокими издержками воспроизводства рабочей силы ощутимым образом не скажется на развитии производства в странах с низкими издержками воспроизводства рабочей силы, поскольку львиная доля ренты уходит из производственного использования в частные карманы, и, кроме того, такое перераспределение позволит национальным правительствам создавать и развивать национальные рынки труда, сохраняя культуру и национальную самобытность стран.

3. Для стран с высокими расходами на воспроизводство трудовых ресурсов должна разрабатываться собственная система и программы комплексного развития трудовых ресурсов на основе их первоначального дотирования из соответствующего международного фонда с учетом местных условий хозяйствования и проживания населения.

4. Привлечение в страны-реципиенты только иммигрантов-интеллектоносителей, поскольку, согласно постулатам неравновесной экономической теории, только интеллект является источником прибыли.

5. Прекращение санкционирования импорта в страну трудовых ресурсов на должности с низкой интеллектоемкостью и обусловленной этим низким уровнем оплатой труда. В результате отечественные предприниматели будут вынуждены идти на компромисс с национальными наемными работникам и устанавливать им ставки на уровне, стремящемся к обеспечению воспроизводства рабочей силы.

Отдельные элементы данной концепции могут реализовываться как международными уполномоченными на то институтами, так и в одностороннем порядке, по своему усмотрению, национальными

правительствами отдельных стран с целью защиты и последующего созидания собственных рынков труда. Данная концепция позволит в определенной перспективе добиваться повышения уровня оплаты труда исконного населения конкретной страны, тем самым обеспечивая воспроизводство исконных трудовых ресурсов и развитие желаемых национальных рынков соответствующих видов труда, сохраняя национальную самобытность.

При условии реализации предлагаемой концепции регулирования международного рынка труда субъект регулирования (мировые институты управления или национальные правительства) уверенно бы встал на путь воспроизводства собственной рабочей силы и развития внутренних рынков отдельных трудовых услуг, а экономика развивалась бы на основе объективного освещения положения стран в системе мировых экономических координат, которое во многом определяется рентным характером международной экономики.

Отказ от регулирования международного рынка труда стимулирует и реализует конкурентные преимущества стран с низкими расходами на воспроизводство рабочей силы и потому высококонкурентных по данному параметру в ущерб странам с высокими расходами на воспроизводство трудовых ресурсов.

Таким образом, концепция регулирования международного рынка труда должна учитывать рентный характер мировой экономики, в том числе и международного рынка труда. При этом регулирование должно быть тем четче и обоснованней, чем ниже «интеллектовооруженность» перемещаемых на международном рынке трудовых ресурсов, поскольку трудовые ресурсы с высокой «интеллектовооруженностью» являются дефицитным «товаром» и их международное перемещение, особенно с целью временного трудоустройства, не способно вызвать таких значительных диспропорций в развитии экономических систем, какие способны вызвать перемещение трудовых ресурсов с низким уровнем интеллектовооруженности.

Литература

1. Бобков В.Н., Куприянов Ю.С., Мдинарадзе М.Г., Мстиславский П.С. Качество и конкурентоспособность рабочей силы на рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. — 2002. — № 5. — С. 22—25.
2. Мазин А. Особенности конкуренции на российском рынке труда // Человек и труд. — 2005. — № 5. — С. 50—55.
3. Нусратуллин В.К. Неравновесная экономика. — 2-е изд., доп. — М.: Компания Спутник+, 2006. — 482 с.

139. Митяева А. М.

Орел

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Эффективность профессиональной деятельности специалиста зависит от многих факторов: характера профессиональной среды, уровня профессионализма, наличия развитой конфликтологической компетентности. Среди них значительное место принадлежит умению разрешать профессиональные конфликты, которые оказывают негативные последствия на результативность профессиональной деятельности. Конфликтогенность профессиональной среды носит объективный характер, что подтверждается философско-социологической и психологической концепциями конфликта как носителя противоречий, источника развития и совершенствования социальных систем. Для реализации профессиональной деятельности в конфликтогенной среде специалисту необходима соответствующая профессиональная компетентность как способ жизнедеятельности в конфликтных ситуациях во взаимодействии с субъектами профессиональной деятельности и как способ преодоления личностных кризисов.

Конфликт в рамках современной конфликтологической парадигмы рассматривается как объективное явление социального взаимодействия, так как представляет собой форму предельного обострения

естественных противоречий, характерных для общества. В настоящее время необходимость конфликтологических знаний и навыков признается всеми, а подготовка в этой области становится неотъемлемой частью обучения специалистов различного профиля.

Как явление в жизни человека, конфликты, как это ни парадоксально, с одной стороны, являются трудно наблюдаемыми объектами; с другой — некоторые представлены явно, как фактический материал, который часто невидим и не осознается конфликтующим, хотя и находится на поверхности. Управление конфликтными ситуациями включает прежде всего познание механизмов развития конфликта и взятие под контроль конфликтующими сторонами тех процессов, связей и отношений, которые зависят непосредственно от них самих. Только тогда можно ставить вопрос о возможности управления конфликтом на микроуровне. Поэтому необходимо внедрение в образовательный процесс социальных технологий, строго регламентирующих действия конфликтующих сторон, позволяющих контролировать изменение процессов в конфликте в приемлемые сроки и в нужном направлении. Эффективность их зависит от того, насколько будут адекватны целям и задачам принимаемые в конфликте решения, так как конфликтующие стороны зачастую стремятся уклониться от регламентации, то их действия должны быть подкреплены проектируемой и принятой системой ответственности.

Необходимо осознать, что система ответственности — это механизм принуждения, система, подкрепляющая и предопределяющая соотношение ценности принятого решения с ущербом от неверных решений и адекватных санкций за безответственные решения. Для того, чтобы механизм начал работать, необходимо «создать» для человека такие условия (или среду), в которых была бы возможность принятия этого механизма, выработки определенных личностных качеств, связанных с ответственностью, а также осознания некоторых поведенческих тенденций в ситуации риска, неопределенности конфликта.

Следовательно, современный специалист социальной сферы должен быть готов не только реализовывать профессиональные задачи в условиях конфликтогенной профессиональной среды, но и преобразовывать ее с целью предупреждения негативных конфликтов.

Проблема формирования конфликтологической компетентности специалиста на разных уровнях ее проявления, а именно: конфликтологической компетенции, конфликтологической готовности, конфликтологической культуры, конфликтологических умений — так или иначе получила свое развитие как в педагогических, так и психологических исследованиях. При этом профессиональными сферами анализа и изучения конфликтов выступают управленческая, педагогическая, правоохранительная, экономическая деятельность специалистов. Все это свидетельствует об интересе к профессиональному конфликту и процессам формирования компонентов конфликтологической компетентности работников социальной сферы, которая носит устойчивый и возрастающий характер.

Технологическое структурирование процесса формирования конфликтологической компетентности специалиста обеспечивает его способность к *преобразующей* профессиональной конфликтологической деятельности в конфликтогенной профессиональной среде. В технологии должно быть предусмотрено использование конфликтогенных факторов, содержащих в себе информацию, приводящую к неудовлетворенности людей, к появлению и обострению противоречий между ними. Провоцирующим моментом является применение конфликтогена, которым может являться любой предмет, вещь, идея, взгляд, выявляющие разность чувств, отношений, оценок конфликтующих субъектов. Конфликтоген может быть основанием конфликта, более того, один конфликтоген способен породить несколько оснований конфликта, по которым происходит развитие нескольких конфликтов. Отсюда многомерность конфликта, протекающего по разным основаниям, что приводит к необходимости тщательного вычленения конфликта из цепи существования различных этапов конфликтной ситуации, выделения всех его атрибутов — основания, конфликтогенов, фазы нагнетания напряжения, фазы перехода одного конфликта в другой, а также разделение самого переходного этапа, в котором заложено сотрудничество, конкуренция и конфликт.

Формирование будущего специалиста социальной сферы предполагает развитие у него навыков самостоятельного, логически грамотного рассуждения, умения принимать социально и морально ответственные решения, что включает и такую составляющую, как конфликтологическая компетентность.

Конфликтологическая компетентность может быть рассмотрена на двух уровнях. Первый предусматривает способность к распознаванию признаков случившегося конфликта, его оформлению для удержания воплощенного в нем противоречия и владение способами регулирования для разрешения.

Второй предусматривает умение проектировать необходимые для достижения определенных результатов конфликты и конструировать их непосредственно в ситуациях взаимодействия;

владение способами организации продуктивно ориентированного конфликтного поведения участников и сторон взаимодействия.

В самом общем виде можно определить конфликтологическую компетентность как умение удерживать противоречие в продуктивной конфликтной форме, способствующей его разрешению. Конфликтологическая компетентность рассматривается как когнитивно-регуляторная подсистема профессионально значимой стороны личности, включающая соответствующие специальные знания и умения.

Конфликтологическая компетентность — это способность действующего лица (организации, социальной группы, общественного движения и т. д.) в реальном конфликте осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных форм данного конфликта. Она представляет собой осведомленность о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон и умение оказать содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации.

Конфликтологическая компетентность должна формироваться в образовательном процессе, цель которого состоит не столько в усвоении информации, сколько в том, чтобы привить навыки самостоятельного критического мышления, сделать интеллект пластичным к усвоению новых знаний, сформировать социальную и мобильную зрелость. Такая установка характерна для «инновационных», «развивающих», «критических», «деятельностных» концепций образования.

Специалисты социальной сферы должны четко осознавать, что их профессиональная деятельность связана с конфликтами. Им необходимы знания, раскрывающие не только механизмы развития и закономерности разворачивания конфликтов, но и процессы, влияющие на психику человека, на его когнитивные возможности в пограничных ситуациях, они должны быть готовы не только находиться в эпицентре конфликта, но и управлять им. Наиболее сложным является процесс познания собственных возможностей в ситуации неопределенности в конфликте. Человек, вовлеченный в конфликт, теряет способность осмыслить конфликт и себя в нем со стороны. Специалист социальной сферы не должен терять такую способность, тем более что конфликт — это предмет применения его профессиональных умений, и для реконструирования конфликтной реальности ему необходимы определенные знания, методы, теоретические конструкции, стереотипы поведения.

Образовательный процесс может быть рассмотрен как первый этап в процессе формирования конфликтологической компетентности в случае, если его ядром является конфликтная ситуация или реальный конфликт между субъектами взаимодействия. Однако единичны случаи, когда реальный конфликт становится предметом профессиональной диагностики с применением методов, которые могут быть освоены конфликтующими сторонами в учебном процессе.

Формирование конфликтологической компетентности будущего специалиста социальной сферы основывается на пяти специфических блоках:

- теоретические знания в области конфликтологии (педагогической, юридической, психологической, социологической и т. д.);
- владение социальными технологиями профилактики, управления, минимизации деструктивных форм конфликта;
- формирование профессионального типа мышления, включающего рефлексивность, методологичность, саногенность, объемность, креативность;
- владение технологиями психогигиены и стрессоустойчивости в конфликтах;
- выполнение профессионально-этического кодекса конфликтолога-практика.

Технология формирования конфликтологической компетентности работника социальной сферы включает такие характеристики, как:

- высокая степень интеллектуальной и эмоционально-психологической напряженности;
- гибкость форм проведения занятий в режиме эксперимента;
- обострение реальных противоречий и конфликтов в процессе обучения;
- появление побочных, непредвиденных результатов, под которыми имеются в виду новые идеи, отношения, взгляды, методики, теоретические схемы и т. д.;
- высокий риск для специалистов социальной сферы, проявляющих собственную конфликтологическую некомпетентность в реальных конфликтных ситуациях;
- возможность перехода на качественно новый уровень развития технологий принятия управленческих решений в конфликтных ситуациях.

Позитивное развитие конфликтной ситуации возможно через развитие конфликтующего человека (или конфликтующих сторон). А так как взрослый человек может развиваться только за пределами уже достигнутого, то для выявления границ достигнутого «конфликт-метод» является идеальным методом и соответствует такой задаче.

Конфликт может быть рассмотрен как метод и использоваться в процессе подготовки специалистов социальной сферы для формирования их конфликтологической компетентности.

«Конфликт-метод» — это путь познания и способ построения рациональной деятельности, а также освоения конфликтной действительности с целью минимизации деструктивных элементов в конфликте и перевода его в социально-позитивное русло. Вводя понятие «конфликт-метод» в арсенал методов подготовки будущих работников социальной сферы, поясним возможности конфликта как метода. Он позволяет:

- провести диагностику ситуации на микроуровне;
- дать необходимые средства и методы работы с самими участниками конфликта;
- развивать рефлексивное мышление;
- минимизировать разрушительные последствия;
- вырабатывать стрессоустойчивые качества в конфликте;
- способствовать формированию конфликтологической компетенции.

Конфликтующий человек рефлексивен к любому воздействию, поэтому экспериментирование с конфликтом крайне затруднено и связано:

- с трудностями формулировки и указания целей и методов проведения диагностики конфликта;
- с трудностями определения действительных последствий воздействия на развитие конфликта и на поведенческие реакции конфликтующих субъектов;
- со сложностью определения взаимозависимости отдельных мероприятий, воздействующих на конфликт;
- с неэффективностью проведения многих мероприятий с целью влияния на конфликт.

Важно отметить, что профессионал будет испытывать конфликт этических норм в своем сознании, если четко не осознает наличие закономерных противоречий между этическими нормами: общими, личными, профессиональными. Именно нарушение социальных норм коммуникации и разрушение ценностных ориентаций являются основными факторами обострения конфликтов в период социальных потрясений и инноваций. Поэтому построение новых взаимоотношений человека с миром, другими людьми, сохранение самого ценного, что делает людей человеческими, — это основной смысл в формировании конфликтологической компетентности.

Можно сформулировать определенные требования, предъявляемые к специалисту социальной сферы, желающему повысить свой уровень конфликтологической компетентности, он должен обладать высокой способностью к рефлексии и самопознанию; не должен избегать разрешения конфликтных ситуаций; должен уметь четко выделять предмет конфликта и не давать эмоциям взять верх над здравым смыслом.

Реальный конфликт в своем проявлении часто не поддается никакой логике. Однако для его рационализации необходимо построение рациональной относительно цели схемы, которая опиралась бы на фактический материал реальности и закономерности процессов с учетом точек зрения, интересов и ценностей конфликтующих сторон. В этом плане «конфликт-метод» может быть использован как профилактическое мероприятие в целях выработки новых норм взаимодействия и формирования ответственности конфликтующих сторон за ту ситуацию, которую они создают.

Профессиональное отношение к конфликту у работников социальных служб должно быть сформировано и подчинено специфическим профессиональным нормам (алгоритму, правилам) деятельности управленца и менеджера в ситуации конфликта.

Сформулируем главные профессиональные требования в работе с инновационными конфликтами.

1. Умение распознавать конфликт на стадии зарождения. Большинство управленцев не видят конфликты в организациях, стремятся их скрыть, «загнать в подполье», поскольку считают, что они являются показателем их некачественной работы, они не считают важным (или не знают как) создавать инновационный климат в коллективе, ослабляющий протест и актуализирующий конструктивный конфликтный потенциал коллектива, ими игнорируется или упускается из виду конструктивная функция конфликта.

2. Умение выявлять наличие конструктивного конфликтного потенциала. Обнаружение конструктивной составляющей в конфликте требует дифференциации сложно переплетенных между собой многочисленных факторов конфликтной реальности. Например, конфликтное действие и процесс коммуникации в конфликте представляют собой два пространства: системно-конфликтное и коммуникативное. Если у управленцев нет такого разграничения, то процесс регулирования конфликта и его «дооформление» будет сложен и долгов, что часто способствует появлению в конфликте тех лиц (групп), которые стремятся использовать его в своих целях.

3. Умение технологично и осознанно начинать процесс «дооформления» конфликта. Под процессом «дооформления» имеется в виду процесс поиска смысла конфликта, выявление предмета, сути, правового аспекта, интерпретация фактов, анализ, который оказывает существенное влияние на формирование общественного мнения и отношения к ситуации. Стихийное (или организованное) появление вторичных конфликтов по поводу интерпретации конфликтных действий — область, которая должна быть в поле зрения организационного конфликтменеджмента.

4. В анализе конфликта необходимо применять «стандарт» организационного конфликтменеджмента, который представляет совокупность приемов, техник и методов вмешательства, направленных на конфликтный процесс с целью актуализации конструктивного конфликтного потенциала и направления его в благоприятное русло. Овладение конфликтом означает, что возможные разрушительные для организации последствия могут быть минимизированы, ограничены, но без прямого (насильственного) воздействия управленцев на процесс.

Конфликт и конфликтное взаимодействие рассматриваются как необходимые предпосылки и условие для развития и внедрения новых идей, социальных и технических инноваций в организации, а также для интеллектуального, коммуникативного, эмоционально-психологического и профессионального развития личности.

Практика показывает, что типичными стратегиями поведения работников социальных служб в конфликтных ситуациях являются уход от коммуникации или компромиссное соглашение, сопровождающееся псевдокоммуникацией.

Существуют три основные причины ухода от конфликта:

- традиционное представление о конфликте как о нежелательном и негативном явлении в организации;
- отсутствие у специалистов профессиональных средств распознавания конфликта на ранней стадии его зарождения, средств проектирования, сохранения конструктивного конфликтного потенциала в процессе реализации инновационного проекта;
- наличие страха перед конфликтом — конфликтофобия.

Совокупность методических инструментов для программ обучения, направленных на повышение уровня управленческих решений в ситуациях межличностных, межэтнических или межконфессиональных конфликтов, складывается из методических инструментов, используемых на нескольких уровнях:

- уровне развития необходимой социально-психологической компетентности (связанном в данном случае с ключевой личностной характеристикой «конфликтность-неконфликтность» личности работника социальной сферы);
- уровне формирования (развития) профессиональной компетентности (связанном в данном случае с «психологической устойчивостью-неустойчивостью личности» вообще и, в частности, с такой важной характеристикой личности, как «конфликтоустойчивость-неконфликтоустойчивость»);
- уровне формирования (развития) конфликтологической компетентности специалиста социальной сферы как необходимой составляющей его социально-психологической и профессиональной компетентности.

Обучение на этом уровне содействует формированию адекватных ситуаций, психологических установок, а также формированию навыков и умений, которые помогут:

- оптимально организовать свое поведение в трудных ситуациях социального взаимодействия;
- бесконфликтно решать проблемы в отношениях с другими людьми;
- контролировать собственные эмоции, мотивации и оценки в конфликтной ситуации;
- способствовать формированию психологических установок.

Неотъемлемым элементом конфликтологической компетентности является конфликтоустойчивость личности, включающая мотивационный, эмоциональный, волевой, психомоторный компоненты.

Мотивационный компонент конфликтоустойчивости личности развивает адекватное восприятие в предконфликтной или конфликтной ситуации, направленность побуждений на совместный поиск путей разрешения противоречия; способствует оптимальному поведению в конфликтной ситуации; обеспечивает возможность корректировки отстаиваемых интересов.

Эмоциональный компонент конфликтоустойчивости личности включает: формирование (развитие) умения управлять своим эмоциональным состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях; формирование способности открыто выражать эмоции, не переходя в депрессивные состояния при затягивании или проигрыше в конфликте.

Волевой компонент конфликтоустойчивости личности способствует формированию умения регулировать свое эмоциональное возбуждение в конфликтной ситуации и обеспечивает: толерантность, терпимость к чужому мнению, самоконтроль, умение дать объективную оценку конфликта, умение сводить к минимуму искажение восприятия.

Психомоторный компонент конфликтоустойчивости личности будущего работника социальной сферы обеспечивает правильность поведения и действий, их четкость и соответствие конфликтной ситуации, развитие умения владеть собой, управлять жестикуляцией и мимикой, контролировать свои действия и др.

В процессе обучения необходимо сформировать устойчивые представления о том, что конфликтологическая компетентность является необходимой составной частью профессиональной компетентности специалиста социальной сферы.

Выбор методического инструментария для ее формирования обусловлен целями:

- формирование (развитие) установок, навыков и умений, обеспечивающих способность руководителя в реальном конфликте осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных форм конфликта и перевода социально-негативных конфликтов в социально-позитивное русло, то есть:
- формирование (развитие) осведомленности о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон;
- умение оказать содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации, которое реализуется в навыках и умениях, обеспечивающих: сбор информации о конфликте; уточнение информации о конфликте; анализ конфликтной ситуации; выбор верной модели медиаторства; выбор адекватной обстоятельствам конфликта стратегии его разрешения; снятие послеконфликтной напряженности; анализ предпринятых действий по разрешению конфликта.

Таким образом, необходимо очертить круг задач, которые должны быть поставлены применительно не только к конфликту как структуре и процессу, но и относительно самих конфликтующих людей:

1. Конструктивно осознать все основные ценности, которые находятся во взаимодействии в конфликте, а также элементы конфликта как целостного объекта.
2. Узнать необходимые и достаточные условия, закономерности перехода одного этапа конфликтной ситуации в другой, а также из одной ситуации конфликта в другую.
3. Уметь спрогнозировать будущую конфликтную ситуацию, которая создается конфликтом.
4. Захотеть конструктивно изменить ситуацию и воспользоваться конфликтом как средством для достижения своей цели с учетом цели другой стороны. Цель и задачи необходимо научиться ставить и формулировать самостоятельно, беря на себя ответственность за собственные действия, эмоции, чувства, самоопределение в конфликте
5. Найти смысл и место данного конфликта в жизненной стратегии. На решение этих задач и направлена подготовка специалистов социальной сферы в вузе к деятельности в конфликтных ситуациях.

Литература

1. Лебедева М.М. Технология ведения переговоров. — М., 2010.
2. Митяева А.М. Индивидуализация образовательной деятельности студентов вузов. — СПб., 2003.
3. Шевчук Д.А. Конфликты: избегать или форсировать? — М., 2009.

140. ПЕХТЕРЕВ В. В.

Ярославль

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ТРАЕКТОРИЙ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ;

№ проекта 10-06-00204а

В профессиональном становлении офицера подготовленность к разрешению конфликтных ситуаций в подразделении занимает особое место. Как отмечают А.К. Кротов и Е.Г. Надежкин (2002), это связано с тем, что данная подготовка как часть единой профессионально-педагогической подготовки предполагает формирование психолого-педагогических знаний и умений, позволяющих офицеру конструктивно влиять на отношения между военнослужащими, и способствует выполнению комплекса учебно-воспитательных задач.

Курсанты высшего военного училища относятся к представителям юношеского возраста, которому присущи острая восприимчивость, впечатлительность, повышенная эмоциональность. Потребность в самоутверждении и юношеский максимализм часто обуславливают проявление у личности повышенной конфликтности, которая приводит к возникновению межличностных конфликтов. Знание личностных особенностей курсантов, а также особенностей жизни в военной среде способствует пониманию специфики их поведения в ситуациях конфликта.

А.К. Кротов и Е.Г. Надежкин выделяют следующие уровни сформированности у офицеров профессионально-педагогических умений разрешения конфликтной ситуации: интуитивный, репродуктивный, продуктивный, творческий. Наиболее эффективным, по мнению исследователей, является творческий уровень, предполагающий нетривиальное решение конфликтной ситуации на основе знания вариативных подходов к реализации данной задачи. При этом, как показывают результаты исследования ученых, лишь 9,6 % курсантов выпускного курса военного вуза находятся на творческом уровне сформированности профессионально-педагогических умений разрешения конфликтной ситуации (2002). Полученные данные свидетельствуют о недостаточной эффективности подготовки будущих офицеров к эффективному управлению конфликтами.

Разрешение конфликта — это не просто устранение или смягчение противоречия, это попытка изменить отношение к конфликту, а значит, построение новых отношений. Творческое решение конфликта предполагает построение отношений на основе сотрудничества и взаимопонимания, что позволяет обоим участникам конфликта общаться «на равных». Творческий подход к разрешению конфликтной ситуации позволяет извлекать пользу из конфликта, обращать заведомое поражение в очевидную победу.

Творческое восприятие курсантами конфликтной ситуации, способность проявлять гибкость мышления и поведения способствуют принятию ими конструктивного решения в конфликте. С точки зрения М.М. Кашапова, творческий подход к конфликту предполагает способность личности отказаться от стандартных и зачастую неэффективных способов его решения и перейти к выработке новых, оригинальных стратегий для разрешения сложившихся противоречий (2003; 2006).

Конструирование траекторий развития конфликтной компетентности определяется не только оценкой уровня развития качеств личности по принципу «готов—не готов», а с точки зрения раскрытия потенциальности личности в обучении и развитии на основе дифференциации и индивидуализации данного процесса. Следовательно, при конструировании траекторий развития конфликтной компетентности необходимо разбираться с факторами, влияющими на готовность к разрешению конфликтных ситуаций. К таковым мы относим учебный материал, организационно-педагогическое воздействие, обучаемость субъекта.

Можно выделить компоненты траектории развития конфликтной компетентности: содержательно-процессуальный, когнитивный, управленческий, социально-психологический, организационный.

Содержательно-процессуальный компонент характеризуется следующим образом: результаты обучения прямо пропорциональны не экстенсивности, а интенсивности обучения; продуктивность усвоения объема компетенций и компетентностей прямо пропорциональна количеству и качеству изучаемого материала или требуемых действий; результаты обучения зависят от способа включения субъекта в учебную деятельность.

Когнитивный компонент: результаты обучения прямо пропорциональны умению субъекта учиться; продуктивность обучения прямо пропорциональна объему учебной деятельности субъекта; продуктивность усвоения компетенций и компетентностей прямо пропорциональна объему практического применения знаний, умений. Именно творческое осмысление конфликтной ситуации способствует её оптимальному разрешению.

Управленческий компонент: эффективность обучения прямо пропорциональна частоте и объему обратной связи; эффективность управления находится в прямой пропорциональной зависимости от количества и качества управляющей информации, состояний и возможностей субъекта, воспринимающего и перерабатывающего управляющее воздействие.

Социально-психологический компонент: продуктивность обучения зависит от интенсивности познавательных контактов; от качества взаимодействия субъект-субъектных отношений в обучении; продуктивность обучения повышается в условиях познавательной напряженности, вызванной конкуренцией в деятельности.

Организационный компонент: результаты обучения прямо пропорциональны работоспособности субъекта; объем и качество усвоенных компетенций и компетентностей прямо пропорциональны обучаемости; сила навыка, приобретенного в процессе обучения, прямо пропорциональна логарифму количества попыток их применить (К. Халл).

В связи с этим заслуживает внимания конструктивистская модель преподавания/обучения, разработанная в русле немецкой реформаторской педагогики (Паудиг, 1922; Кершенштайнер, 1912). Конструктивистское понимание обучения исходит из того, что данный процесс является активным, основанным на опыте и практических действиях. Обучение сопровождается процессом конструирования или переработкой обучаемыми материала с учётом имеющихся у них знаний, опыта, личной убежденности и взглядов. Именно так вырабатываются практические знания.

Целью нашей работы явилось исследование специфики типов реагирования в конфликте курсантов высшего военного училища, а также выявление роли креативности в процессе разрешения ими межличностных конфликтов. При проведении эмпирического исследования нами были использованы следующие психодиагностические методики: «Диагностика ведущего типа реагирования» (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева), «Креативность» (Н.Ф. Вишнякова), «Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири). Выборку исследования составили курсанты высшего ракетного училища г. Ярославль (51 человек).

На основе анализа достоверности различий (по критерию U-Манна—Уитни) установлено, что для курсантов пятого курса, по сравнению с курсантами первого года обучения, более характерны следующие типы межличностного поведения: «властный-лидирующий» ($p < 0,05$), «прямолинейно-агрессивный» ($p < 0,05$), «покорно-застенчивый» ($p < 0,05$), «сотрудничающий-конвенциальный» ($p < 0,05$), «ответственно-великодушный» ($p < 0,01$).

Полученный результат позволяет предположить, что в ходе обучения у курсантов формируется гибкость поведения, проявляющаяся в широкой вариативности поведенческого репертуара. Чем он более разнообразен, дифференцирован и лабилен по отношению к изменяющимся ситуациям, тем эффективнее поведение курсанта в конфликте. Таким образом, вариативность поведения обеспечивает возможность гибких перестроек стратегий действия личности в условиях конфликтного взаимодействия, что способствует нахождению оптимального варианта поведения в ситуации конфликта.

На основе результатов корреляционного анализа (по критерию Спирмена) установлено, что тип реагирования в конфликте «уход» связан у курсантов с типом межличностного поведения «зависимопослушный» ($r = 0,37$; $p < 0,01$). То есть курсант, проявляющий конформность и зависимость от мнения окружающих, склонен к уходу от решения конфликта. Выявленная нами обратная связь типа реагирования «уход» и показателя «оригинальность» ($r = -0,31$; $p < 0,05$) означает, что избегание курсантом ситуаций конфликта не связано с проявлением им креативности.

Доказано, что агрессивный тип реагирования в конфликте курсантов связан со следующими типами межличностного поведения: «независимо-доминирующий» ($r = 0,25$; $p < 0,05$), «прямолинейно-агрессивный» ($r = 0,24$; $p < 0,05$), «недоверчиво-скептический» ($r = 0,33$; $p < 0,01$). Таким образом, стремление занимать обособленную позицию в группе, несдержанность и вспыльчивость, склонность к критицизму и подозрительности могут обуславливать проявление курсантом деструктивного поведения в конфликте.

Оптимальный тип реагирования в конфликте курсантов имеет прямые связи с показателем креативности «творческое мышление» как в образе «Я-реальный» ($r = 0,26$; $p < 0,05$), так и в образе

«Я-идеальный» ($r = 0,24$; $p < 0,05$). То есть чем более ориентирован курсант на конструктивное разрешение конфликта, тем выше у него показатели творческого мышления.

Таким образом, доминантность познавательной мотивации, способность отклоняться от традиционных схем мышления и поведения способствуют нахождению личностью оптимального варианта поведения в ситуации конфликта. В процессе конструирования траекторий развития конфликтной компетентности важно учитывать, что курсант, обладающий высоким уровнем развития креативности, способен не только предвидеть и предотвращать появление конфликтных ситуаций, но и умеет своевременно и безболезненно разрешать их, выбирая при этом оптимальный тип реагирования. Формирование у курсантов умений и навыков творческого разрешения конфликтов должно являться, по нашему мнению, одной из важных задач в процессе формирования в военном учебном заведении профессиональной конфликтной компетентности будущего специалиста.

141. Сухарева М. А., Овчинникова А. А.

Ярославль

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Конфликты являются неотъемлемой частью деятельности любой организации. Период экономической нестабильности показал конфликтность трудовых отношений с другой стороны. Руководство организации, преследуя одну из приоритетных целей — сохранение стабильности функционирования организации, пренебрегает интересами работников. Поэтому возникновение трудовых конфликтов в широком понимании как действий работников, направленных на защиту своих социально-трудовых прав в любой форме, является основной чертой настоящего периода.

Трудовой конфликт имеет несколько стадий. На начальном этапе оформляется противоречие между работником и работодателем, и, как правило, именно действия работодателя формируют ответную реакцию работников. Именно на начальной и скрытой фазе осуществляется целая серия взаимодействий, которые иногда могут привести к устранению противоречия, но в некоторых случаях противоречие обостряется и переходит в фазу инцидента, т.е. действий, направленных на защиту своих позиций. Инициаторами инцидентов чаще всего являются работники и их представители профсоюзы, поскольку именно они совершают ответный ход на действия работодателей.

Данные интернет-мониторинга свидетельствуют о том, что с момента начала кризиса (сентябрь 2008 г.) число протестов стало нарастать. В целом, за восемь докризисных месяцев зафиксировано 55 акций, а за восемь кризисных месяцев количество акций увеличилось почти вдвое до 102 (на 85 %) (Бизюков П.В., Бизюкова В.А., 2010) (табл. 1).

Таблица 1

Число трудовых конфликтов, общее и в ходе которых происходила полная или частичная остановка работы предприятия по месяцам в 2008 и 2009 гг.

	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сен.	Окт.	Нояб.	Дек.	Всего
Общее число конфликтов													
2008	4	7	6	7	1	11	10	9	11	8	10	9	93
2009	11	16	16	27	24	35	38	23	22	20	18	—	251
Число конфликтов, в ходе которых происходила полная или частичная остановка работы													
2008	3	2	3	6	1	8	6	5	6	6	7	7	60
2009	2	8	7	13	12	15	12	8	9	6	5	—	99

* Примечание: данные за 11 месяцев.

В период финансового кризиса сокращение численности и штата работников является одним из способов уменьшения расходов на содержание персонала и сохранения действующей организации. Увольнение работника по сокращению численности допустимо только в том случае, если реально уменьшается количество единиц по соответствующим должностям. Расторжение трудового договора с работником по сокращению штата возможно лишь при ликвидации занимаемой им должности. Чтобы правомерно уволить работника в связи с сокращением численности или штата, работодателю необходимо провести ряд данных мероприятий, игнорирование которых и приводит к возникновению трудовых конфликтов и судебных разбирательств.

В большей степени неправомерному увольнению подвергаются офисные работники, особенно менеджеры среднего и высшего звена, затраты на содержание которых достаточно высоки, а причины увольнения зачастую субъективны, их функции не являются строго прописанными в должностных инструкциях, поэтому могут трактоваться работодателем исходя из целей, стоящих перед организацией на данный момент. Острота проблемы, связанная с неправомерными действиями работодателей при увольнении работников (сокращении штатов), усугубляется тем, что в действующем законодательстве недостаточно проработан механизм защиты работниками своих трудовых прав как до момента увольнения, так и (в особенности) при рассмотрении трудового спора в суде. Несовершенство российского законодательства проявляется, в том числе, и при рассмотрении трудового конфликта в суде при вынужденном увольнении по собственному желанию под давлением работодателя.

Результатом финансового кризиса стал рост количества решения трудовых споров в судебном порядке, о чем свидетельствует статистика. В Москве, например, число исков о восстановлении на работе и взыскании зарплаты в январе—июле 2009 увеличилось в семь раз по сравнению с аналогичным периодом 2008 года. Выросло количество исков о необоснованном увольнении, взыскании выходного пособия. Появились иски, связанные с необоснованным снижением оклада (Вишнякова М., 2009).

Основной причиной большинства трудовых конфликтов в наблюдаемый период являются невыплаты зарплаты (Вишнякова М., 2009) (табл. 2). До кризиса каждый второй конфликт был связан с этой проблемой, а во время кризиса это стало причиной почти двух третей выступлений работников. Значительно снизилось количество конфликтов, связанных с низкой зарплатой. Таким образом, центр тяжести борьбы работников за свою зарплату сместился с ее уровня на ее сохранение.

Другой причиной являются увольнения и сокращения. В докризисный период эта причина звучала в 3 % случаев, а в кризисные месяцы является источником каждого пятого конфликта. Увеличение числа таких конфликтов в условиях кризиса вполне объяснимо, так как предприятия сбрасывают численность, и работники пытаются защититься от необоснованных, с их точки зрения, увольнений.

Таблица 2

Причины трудовых конфликтов в докризисный период и во время кризиса

Причина	До кризиса (% от числа случаев)	Во время кризиса (% от числа случаев)	Всего (% от числа случаев)
Невыплата зарплаты	52,7	62,7	59,2
Низкая зарплата	25,5	9,8	15,3
Изменение систем оплаты труда	7,3	7,8	7,6
Увольнения, сокращения	3,6	19,6	14,0
Изменение режима труда	—	2,9	1,9
Изменение условий труда	7,3	4,9	5,7
Отказ администрации от переговоров	3,6	3,9	3,8
Политика администрации, реорганизация, закрытие	10,9	15,7	1,0
Рост потребительских расходов	—	1,0	0,6
Другое	7,3	6,9	7,0

Небольшой рост наблюдается по такой причине конфликтов, как несогласие с политикой администрации в области организации и реорганизации производства. Данный источник конфликтов отличается

более общим характером и широким взглядом работников на ситуацию. Невыплаты зарплаты, сокращения, низкая зарплата и другие проблемы являются следствиями тех решений, которые принимает руководство, проводя конкретную политику на предприятии. Поэтому работники неизбежно начинают не просто ликвидацию негативных последствий, а изменения всей политики, приводящей к возникновению таких последствий.

При всем многообразии типов конфликтов в организации трудовые конфликты в период экономического кризиса связаны, в первую очередь, с финансовыми отношениями. Среди источников на первое место выступает такой тип конфликтов, как ресурсный, связанный с ограничением ресурсов — нарушение принципа справедливости или целесообразности в распределении ресурсов; по типу функциональной системы лидирующее положение занимают конфликты в социально-экономической системе организации, причины которых — неудовлетворительная заработная плата, задержка или невыплата заработной платы за произведенный труд, увеличение норм выработки или снижение тарифов в оплате, изменение системы стимулирования, дисбаланс в распределении ресурсов и финансов между подразделениями.

Межличностные конфликты, представленные в этот период конфликтами по вертикали, между руководителем и подчиненным. Межгрупповые конфликты возникают между структурными подразделениями и между руководством и персоналом. Причины последних конфликтов следующие: неудовлетворительные условия труда, нарушения трудового законодательства, нарушение договорных обязательств.

Таким образом, основные особенности трудовых конфликтов в период кризиса следующие:

- 1) рост числа конфликтов в организации;
- 2) массовые увольнения в связи с сокращением штата, снижением затрат на содержание персонала;
- 3) непропорциональное увольнение сотрудников;
- 4) рост количества обращений в суд по трудовым вопросам, появление исков нового содержания;
- 5) сильная зависимость менеджмента от работодателя, которая проявляется в профессиональном, психологическом, экономическом компонентах;
- 6) несовершенство правового механизма по разрешению конфликтных ситуаций;
- 7) смещение акцентов в содержании причин трудовых конфликтов от социально-психологических к экономическим;
- 8) основная причина конфликтов — невыплата заработной платы.

142. Марков А. С.

Рязань

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

В настоящее время умение офицера бесконфликтно управлять воинскими подразделениями является одним из основных профессионально важных качеств. Современный психологический словарь дает такое определение: «В психологии под конфликтом чаще всего понимается актуализированное противоречие, столкновение противоположно направленных интересов, целей, позиций, мнений, взглядов субъектов взаимодействия или оппонентов и даже столкновение самих оппонентов. В число обязательных признаков конфликта включают: 1) биполярность противостоящих тенденций (противоречие); 2) активность, направленная на преодоление противоречия; 3) субъектность (наличие носителей, выразителей конфликта)». (Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П., 2007).

Относительно деятельности военнослужащих, как пишет А.Г. Маклаков, принято выделять два основных типа конфликтов: внутриличностный и социальный (межличностный) конфликт. При этом необходимо отметить, что возникновение и развитие конфликтов у военнослужащих обусловлено деятельностью четырех групп факторов: социально-экономических, организационно-управленческих, социально-психологических и личностных (Маклаков А.Г., 2004).

Современное гражданское общество, охваченное идеями гуманизма, пугают процессы происходящие в Российской армии. Матери боятся отпускать детей в армию. Молодые люди призывного возраста

бояться армейской службы и стараются от неё уклониться. Многие ученые и простые граждане забывают, что армия является слепком общества или, как говорили раньше, «народ и армия едины».

Описывая стрессовые факторы, характеризующие образовательную среду современной школы, В.В. Рубцов выделяет ряд основных причин, с которыми связаны факторы возникновения различных видов стрессов у детей в условиях школьного обучения. (Рубцов В.В., 2008).

Покажем, что эти же причины и факторы приводят к внутриличностным и межличностным конфликтам молодых солдат и курсантов военных вузов.

К первой группе причин В.В. Рубцов относит трудности адаптации: переход от домашней обстановки к школьной. В армейской среде трудности адаптации связаны с переходом от женского окружения и воспитания к сугубо мужскому замкнутому коллективу с культом силы и презрением к слабым духом и телом.

Другая группа причин связана с техническим прогрессом, сложностью школьных программ, трудностью усвоения учебного материала. Молодым солдатам и курсантам военных вузов за короткий срок необходимо теоретически изучить и практически освоить сложную современную военную технику, что требует больших физических и умственных напряжений. Срок ввода в строй молодого пополнения определен приказами Министра Обороны, и его соблюдение жестко требуется всеми командирами, начальниками и сослуживцами.

Одним из наиболее значимых факторов, создающим для школьников условия перегрузки и стрессовых состояний, является острая нехватка времени на выполнение всех школьных заданий. В своей монографии И.А. Володарская и А.С. Марков, показывая динамику учебных трудностей курсантов, выделяют дефицит личного времени как основную проблему обучающихся в военном вузе в течении всех пяти лет (Володарская И.А., 2004).

В качестве ещё одной причины В.В. Рубцов указывает на наличие в школе фактора соревновательности, ориентации учащихся на высокие показатели. Он пишет: «Известно, что отстающих, как правило, осуждают, причем в дальнейшем это отношение к ним становится враждебным». Во всех армиях всегда было, есть и будет соревнование на самого меткого, самого сильного, самого ловкого, на лучшее подразделение. Это позволяет военнослужащему завоевать определенный статус среди сослуживцев и начальников, это моральное и материальное поощрение победителей, выдвижение на вышестоящие должности и присвоение очередных воинских званий начальником победителей. В такой среде существует закон: «Пусть неудачник плачет».

Причиной школьных стрессовых ситуаций, как отмечает В.В. Рубцов, является отсутствие дружеских отношений или неприятие детским коллективом, проявляющееся в оскорблениях, издевательствах, угрозах или принуждениях к той или иной неприятной деятельности. Таким образом, мы можем говорить о психическом насилии над детьми в современной российской школе (Рубцов В.В., 2008).

В хрестоматии «Проблемы военной психологии» указывается, что психическое насилие над личностью военнослужащего, как и физическое может привести молодого человека к суициду. Посягательства на личность и права сослуживцев в форме глумления, издевательства и насилия над военнослужащими с целью подчинения последних своему влиянию и безнаказанность совершения в их отношении насильственных действий корыстной направленности. Эта система сформировала устойчивые негативные традиции, передающиеся из поколения в поколение.

Социально-психологические причины дедовщины в современной армии, как считает К.В. Сельченок, сводятся к следующему:

«Нигде так не проявляются возрастные различия, как в армии. Связано это с тем, что:

- призывники — это вчерашние школьники, среди которых возрастные различия культивируются с первого класса;
- сама военная служба в современном виде наносит юношам, у которых ещё нет психологической устойчивости, сильный психотравмирующий удар;
- большинство обрядов и правил были привнесены в армию из «тюремной субкультуры», поскольку на военную службу призываются лица, имевшие до призыва непосредственные дружеские контакты с лицами, отбывавшими сроки заключения в местах лишения свободы, либо сами отбывали срок;
- возрастные различия проявляются не только в среде рядового состава, но также и среди офицеров.

На психологию молодых солдат серьезное влияние оказывает принудительное включение в однополые социальные группы».

Очень часто трудной, а порой неразрешимой проблемой для ученика общеобразовательной школы, по мнению В.В. Рубцова, становится негативное (враждебное, пренебрежительное, скептическое, а нередко и подавляющее ребенка) отношение учителя, пытающегося справиться с детским коллективом «с позиции силы». Как часто в армии особенно от молодых офицеров и, к сожалению, не только от них, мы можем слышать: «Я их заставлю ...», «Я им покажу ...», «Они у меня узнают ...». Не случайно в своем исследовании И.А. Володарская и А.С. Марков показывают, что вторая по значимости проблема (после дефицита времени) для молодых солдат и курсантов, которая заслоняет собой все остальные трудности военной службы в начальный период, это отношение с лейтенантами — командирами взводов и сержантами — заместителями командиров взводов (Володарская И.А., 2004).

Таким образом, мы показали, что конфликты, возникающие в условиях армии, не являются чем-то присущим только ей и непонятно откуда взявшимися. Они являются продолжением школьных проблем.

Управление конфликтами в условиях современной армии — это сознательная деятельность командиров, начальников, воспитателей, психологов и военных педагогов, осуществляемая на всех этапах возникновения, развития и завершения конфликта.

Деятельность по управлению конфликтами более эффективна, если она осуществляется на ранних этапах возникновения внутриличностных или социальных противоречий. Чем раньше обнаружена проблемная ситуация, волнующая лично военнослужащего или возникшая во взаимоотношениях военнослужащих, тем меньше усилия необходимо приложить для ее конструктивного разрешения. Заблаговременное обнаружение противоречий в воинском коллективе, развитие которых может привести к конфликтам, обеспечивается прогнозированием. Прогнозирование конфликтов заключается в обоснованном предположении об их возможном возникновении и особенностях развития.

Важным способом управления конфликтами является их профилактика, которая заключается в такой организации жизнедеятельности военнослужащих, которая сводит к минимуму вероятность конфликтов между ними. Предупредить конфликт гораздо легче, чем конструктивно его разрешить. Поэтому в основе всей деятельности командиров должна лежать работа по сплочению воинского коллектива, созданию атмосферы доброжелательности, дружбы, взаимопомощи и взаимовыручки. Молодых и неопытных военнослужащих необходимо информировать о тех объективных проблемах и трудностях, которые им предстоит преодолеть, обучить профессиональным приемам выполнения поставленных задач и методам психологической саморегуляции и повышения своей стрессоустойчивости в боевой обстановке.

Среди управляющих воздействий командиров по отношению к конфликтам наряду с профилактикой центральное место занимает умение конструктивно выходить из конфликта. Основными формами завершения конфликта являются: разрешение, регулирование, затухание, устранение.

Таким образом, умение предвидеть, предупреждать и грамотно разрешать конфликтные ситуации является признаком высокой профессиональной подготовленности современного офицера. Приобретение знаний, умений и опыта бесконфликтного управления воинским коллективом является важнейшим направлением профессионального совершенствования командиров. Этого ждут от современной Российской армии не только Комитет солдатских матерей, но и все общество. Как показывают наши исследования, проблема бесконфликтного управления воинскими коллективами может быть успешно решена.

143. Шарова Н. В., Чехмалина О.

Ярославль

СУБЪЕКТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОНФЛИКТА

А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов, Н.В. Гришина, Н.И. Леонов, А.Д. Светлов и др. отмечают, что конфликт представляет собой системное образование, имеющее свою структуру, динамику, функции, типологии. Когда анализируют субъективные факторы конфликтов, то часто отмечают иллюзорные представления о ситуации расхождения личностных смыслов и значений обсуждаемых вопросов как одну из основных причин

конфликтов и как определяющие линию поведения человека в конфликте. Следовательно, для изучения субъективной стороны конфликта и построения целостного представления о его психологической структуре можно использовать методы психосемантики, отрасли психологии, изучающей систему значений и индивидуальных смыслов, выработанных человечеством на протяжении всей истории и усвоенных субъектом в его индивидуальном личном опыте.

В построении своей модели конфликта мы использовали положение психолингвистов о существовании семантических универсалий, в частности, выделенные Ч. Осгудом классические факторы семантических пространств («оценка», «активность», «сила»), а также содержательный анализ характеристик конфликта (структура, динамика, функции, типы). Для описания психологической модели конфликта нами было заимствовано понятие «субъективно-семантические структуры» из более ранних работ по изучению субъективного опыта решения учебных задач. Это понятие выступает в качестве объединяющего психосемантический подход, разрабатываемый В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелевым, и субъективную семантику Е.Ю. Артемьевой и ее коллег. *Субъективно-семантические структуры объекта* (в наших ранних исследованиях — задачи) — это совокупность субъективно-семантических характеристик, которые отражают эмоционально-личностное отношение субъекта к объекту, предметно-содержательную сторону объекта и операционную составляющую объекта.

В теоретическую модель конфликта вошли следующие факторы: «оценка», «сила», «активность», «дифференцированность» — «структурированность», «реалистичность», «обычность». В соответствии с этими факторами были подобраны шкалы семантического дифференциала, отражающие природу конфликта. С помощью этих шкал происходила оценка понятий, которые прошли предварительный отбор.

В исследовании участвовало 60 человек в возрасте от 20 до 22 лет (56 девушек и 4 юношей). Задачей испытуемых при отборе 10 понятий из списка 50 слов, связанных с конфликтом, было выявление наиболее актуальных, отражающих смысл слова конфликт, также от испытуемых требовалось обоснование своего выбора. В результате слова были отобраны по следующим критериям: отношение к участникам конфликта, метод воздействия на оппонента, мотивационный фактор, синонимы определения конфликта, способ достижения результата. После отбора понятий подсчитывалась их частота встречаемости. Таким образом, были отобраны слова: столкновение (17 выборов), спор (15 выборов), разногласие (15 выборов), противоборство (14 выборов), конфликтная ситуация (13 выборов), проблема (12 выборов), давление (10 выборов), интересы (9 выборов), решение конфликта (9 выборов), сопротивление (8 выборов).

Применяя метод семантического дифференциала для оценки понятий по 7-балльной шкале (от 1 до 7), мы подсчитали средние значения этих оценок слов по шкалам у всех испытуемых. В результате получилась субъективно-семантическая структура понятий, связанных с конфликтом и отражающих его природу. Итак, конфликт можно охарактеризовать как явление осознанное (3,3 балла), недостаточно продуктивное (3,7 балла), значимое (3,1 балла), увлеченное (3 балла), недружелюбное и невраждебное (4,1 балла), не очень правдивое (3,4 балла), не совсем обычное (3,7 балла), недостаточно удовлетворенное, дисциплинированное и прочное (3,8 балла), очень активное (2,7 балла), немного успешное (3,4 балла), не очень здоровое (3,7 балла), немного опытное (3,5 балла), средне обобщенное (3,9 балла), не полностью согласное (4 балла), сильное (3 балла), быстрое (3,3 балла), скорее поддерживающее (3,5 балла), эмоциональное (4,7 балла), оригинальное (3,4 балла).

Анализ оценок отдельных слов показал, что к слову «Давление» у испытуемых очень сильное негативное отношение, проявляющееся в лживом, безуспешном и пренебрежительном отношении, а к словосочетанию «Решение конфликта», наоборот, деловитое и значимое отношение, что означает формирование конструктивного отношения к конфликтной ситуации.

Остальные слова (спор, столкновение, противоборство, сопротивление, разногласие, конфликтная ситуация) также имеют негативные оценки испытуемых, отражающихся в характеристиках: «враждебное», «неудовлетворенное», «непрочное», «болезненное», «несогласное», «эмоциональное», но при этом испытуемые указывают на силу, активность данных понятий, что свидетельствует о затрачиваемой жизненной энергии человека на борьбу.

Для дальнейшего исследования субъективных представлений о конфликте использовалась субъективно-семантическая оценка слова «Разногласие». Это понятие характеризует специфику конфликтного взаимодействия и наиболее полно отражает сам смысл слова «конфликт». С теми же испытуемыми было проведено исследование личностных факторов социального восприятия (социальные установки, направленность личности, самооценка конфликтного поведения, самочувствия, активности,

настроения, выбор тенденций и стратегий поведения). В данной публикации опишем только взаимосвязи субъективно-семантических характеристик понятия «разногласие» с социальными установками, направленными на «альтруизм—эгоизм», «процесс—результат» и самооценкой уровня конфликтности.

Связывая шкалы семантического дифференциала понятия «разногласие» с личностными факторами, мы тем самым хотим доказать, что субъективное отношение к конфликту, которое может быть достаточно изменчивым, находится в тесной связи с устойчивыми личностными образованиями, такими как социальные установки, направленность личности и самооценкой конфликтности. Корреляционный анализ, проведенный между всеми указанными переменными, подтверждает наше предположение.

Оказалось, что чем больше у человека преобладает установка на процесс, тем понятие «разногласие» по смысловому значению для него становится более обычным, общим, сильным. Это означает, что ориентация на процесс делает понимание разногласия для человека более обыденным, то есть он не боится сталкиваться с конфликтом. Если же человек больше ориентирован на результат, то более значимыми для него оказываются такие характеристики разногласия, как «опытное», «значимое», «прочное», «деловое». Следовательно, отношение к конфликту человека, ориентированного на результат, связано с получением опыта, пользы от разногласий. Если человек следует альтруистической установке в жизни, то разногласие становится для него лживым (не настоящим, не стоящим внимания) и появляется пренебрежительное отношение к нему.

Человек с повышенной степенью конфликтности относится к конфликту и разногласиям как дружелюбному, правдивому, обычному, активному, общему, сильному, быстрому, продуктивному, значимому, увлеченному, удовлетворенному, прочному, здоровому, поддерживающему, эмоциональному явлению. Получается, что разногласия и конфликт подпитывают высоко конфликтного человека энергетически, он чувствует себя в конфликте удовлетворенным, здоровым, эмоциональным, разногласия воспринимаются позитивно (дружелюбно, правдиво, успешно), но при этом человек не сосредоточен на сущностном понимании разногласия и рациональном способе его преодоления.

Человек, у которого преобладает направленность на дело, относится к разногласию по-деловому, как к явлению, требующему опыта. Соответственно, такой человек больше будет стремиться разрешить конфликт рациональным путем.

---

144. Ситдикова З. А.

Уфа

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В основе профессиональной деятельности руководителей образовательных учреждений лежат процессы социального взаимодействия и межличностного общения. В образовательных учреждениях и управленческих структурах системы образования отмечено (А.С. Гусева, А.А. Гордеев, В.И. Волович, Л.И. Ермаченко, Е.В. Зайцева, В.В. Козлов и др.) повышение уровня конфликтности, в связи с чем снижается результативность и качество деятельности на всех уровнях, что отрицательно сказывается на профессиональных и корпоративных взаимодействиях [3]. Поэтому каждому руководителю, как пишет О.И. Денисов, необходимо уметь предвосхищать появление конфликта, прогнозировать возможный ход конфликтного противоборства и поведение оппонентов, уметь оказывать влияние на оппонентов и протекание конфликта, при необходимости — эффективно разрешать конфликт на справедливой и объективной основе. Если руководитель сам оказался вовлеченным в конфликт, он должен уметь достойно противостоять применяемым против него средствам воздействия и управлять конфликтом в интересах организации. Чтобы приобрести такие свойства, необходимо обладать системой знаний в области конфликтологии и психологии конфликтов [Там же].

В теории конфликтов различают как негативный, так и позитивный их потенциал. Среди позитивных функций конфликта можно выделить следующие: функция оптимизации (восстановление оптимального равновесия во взаимоотношениях с субъектом, нормализация функционирования и развития личностей

и группы); функции интеграции и стабилизации; информационная функция, помогающая уяснить рассогласование целей и ценностей, выявить «поле напряжения»; инновационная функция — переход к новым качественным параметрам, адаптация к изменившимся условиям среды, проектирование новых отношений. К негативным функциям конфликта относится подавление субъектов, деформация межличностных отношений, усиление конкуренции, чувство обиды, неудовлетворенности, напряженности, тревожности, агрессивности, непродуктивные потери времени и энергии [5].

Для характеристики конфликтологической осведомленности личности, ее способности прогнозировать, предотвращать, разрешать конфликты используются такие понятия, как «конфликтная компетентность» и «конфликтологическая компетентность», «конфликтологическая культура» и др. [6, С. 9].

Определяет конфликтную компетентность, по мнению Б.И. Хасана, «умение разобраться, насколько точно в конфликте представлены именно те противоречия, которые в этом процессе могут и должны быть разрешены», «умение удерживать противоречие в продуктивной конфликтной форме, способствующей его разрешению» [8].

Л.А. Петровская определяет конфликтную компетентность как компетентность человека в конфликтной ситуации, а основными образующими конфликтной компетентности считает: компетентность участника в собственном Я (Я-компетентность), в потенциале другого участника (участников) и ситуационную компетентность [9].

Г.Ю. Любимова, говоря о компетентности специалистов, занимающихся урегулированием конфликтов, указывает на овладение эмоциями, уточнение своих пожеланий и возможностей, формирование установки на сотрудничество, а не конфронтацию [9].

В целом, в качестве психологических составляющих конфликтной компетентности личности, которые описывает О.И. Щербакова, называются: гибкий индивидуальный стиль управления, особый когнитивный стиль, творческое мышление, открытость, конфликтоустойчивость, овладение эмоциями, уточнение своих пожеланий и возможностей, установка на сотрудничество, рефлексивная культура, культура саморегуляции, коммуникативные умения, сензитивность и др. [9].

Понятие «конфликтологическая компетентность» специалисты в области конфликтологии рассматривают как когнитивно-регуляторную подсистему профессионально значимой стороны личности, включающую соответствующие специальные знания и умения. Очевидно, что недостаточная конфликтологическая компетентность является одной из важнейших психологических причин конфликтов [1; 2; 3; 4; 6].

Рассматривая конфликтологическую компетентность с системных позиций, Е.Н. Богданов, В.Г. Зазыкин выделяют в ней гностический, конструктивный (регулятивный), коммуникативный, нормативный и рефлексивно-статусный компоненты. В свою очередь, наличие определенных знаний и умений в области конфликтологии требует развития определенных личностно-профессиональных качеств, позволяющих применять с требуемой эффективностью данные знания и умения для управления конфликтом. Конфликтологическая компетентность связана с социально-перцептивной, ауто-психической, психолого-педагогической, административно-правовой. Развитие каждого из отмеченных видов компетентности приводит, по мнению авторов, к развитию конфликтологической компетентности [2, С. 9].

Конфликтологическая компетентность специалиста, по мнению Н.В. Самсоновой, включает в себя систему конфликтологических умений решения профессиональных конфликтологических задач по управлению конфликтом и выполняет преобразовывающую функцию по отношению к конфликтогенной профессиональной среде. Показателями сформированности конфликтологической компетентности являются: 1) степень разрешенности конфликта; 2) наличие преобразований в конфликтогенной профессиональной среде в результате решения специалистом профессиональных конфликтологических задач по управлению конфликтом [7].

Овладение знаниями в области конфликтологической культуры тесно связано с развитием личностно-профессиональных качеств, позволяющих применять с требуемой эффективностью данные знания и умения для управления конфликтом. Другими словами, в процессе накопления жизненного опыта человек постоянно повышает уровень индивидуальной психологической культуры, которая выступает базисом для становления и развития конфликтологической культуры личности [2].

О.И. Щербакова отмечает, что в основе конфликтологической культуры личности конфликтологическая образованность — конфликтологическая грамотность и конфликтологическая компетентность человека [9].

Культура поведения личности в конфликтных ситуациях или конфликтологическая культура — это качество личности, проявляющееся в способности решать проблемы и преодолевать противоречия конструктивными способами. Конструктивным (продуктивным) можно назвать такой выход человека из конфликта, для которого характерно следующее: решение проблемы с учетом интересов обеих сторон; осознанное, адекватное ситуации зрелое поведение; сохранение или улучшение взаимоотношений между оппонентами.

Н.В. Самсонова определяет три уровня конфликтологической подготовки личности специалиста: а) репродуктивный, наиболее низкий уровень соответствует конфликтологической грамотности; б) продуктивный — соответствует конфликтологической компетентности; в) творческий — соответствует конфликтологической культуре.

Конфликтологическую культуру по праву можно отнести к базовым элементам профессионализма руководителей. Она связана не только со знаниями, навыками, умениями и опытом в сфере деятельности, но и с профессиональной общекультурной эрудицией, выступает показателем профессиональной компетентности руководителя образовательного учреждения, которая, в свою очередь, является одним из условий развития, одной из важнейших сторон профессиональной культуры [6].

Таким образом, высокий уровень конфликтологической культуры становится высоким уровнем профессионализма руководителей и позитивно сказывается на результативности деятельности организации [6].

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога.— 2-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 528 с.
2. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Психология личности в конфликте: Учебное пособие. 2-е изд. — СПб: Питер, 2004. — 224 с.
3. Денисов О.И. Развитие конфликтологической компетентности руководителей: Дис. ... к. психол. н.: 19.00.13: — М., 2001. — 168 с.
4. Картель В.Ф. Конфликтологическая компетентность руководителя как фактор повышения эффективности управленческой деятельности // Проблемы управления.— 2007. — № 2. — С. 152—156.
5. Материалы VI научной конференции с международным участием «Успехи современного естествознания». 27—29 сентября. — № 8. — 2005. — ОК «Дагомыс» (Сочи).
6. Профессиональная компетентность как основа конфликтологической культуры / Под общ. ред. П.А. Бакланова. — М., 2009. — 55 с.
7. Самсонова Н.В. Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования: Монография. — Калининград: Изд-во КГУ, 2002. — 308 с.
8. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. — СПб.: Питер, 2003. — 250 с.
9. Щербакова О.И. Проблема развития конфликтологической культуры личности в образовании // Электронное научное издание «Письма в Эмиссия. Оффлайн» (The Emissia. Offline Letters) (электронный научно-педагогический журнал).

145. Кашапов М. М.
Ярославль

МЕТАКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ; № проекта 10-06-00204а

Изучение когнитивных процессов субъекта в ходе его взаимодействия с окружающей средой и их результатов (образа окружающей среды и жизненного пространства, представлений об окружающей среде и следующего вслед за ними эмоционально-оценочного отношения к ней) представлено в работах Е.Ю. Артемьевой,

Е.А. Сергиенко, В.В. Знакова, Н.И. Леонова, В.Ф. Петренко, А.О. Прохорова, М.А. Холодной, В.А. Петровского, Х.Э. Штейнбах и др. Общим моментом в отмеченных концепциях является выделение надситуативной активности, выход личности за пределы наличной ситуации, личностной рефлексивности как качеств, важных для обеспечения успешного и эффективного творческого процесса.

Благодаря обобщению результатов, представленных в данных концепциях, установлено, что оценка личностных особенностей — необходимое условие и продуктивное направление изучения индивидуальных стратегий психической регуляции деятельности, а также эффективное средство выявления лиц, которые по особенностям своих познавательных процессов наиболее или наименее пригодны к конкретной профессиональной деятельности.

Проблема наших исследований характеризуется необходимостью выявления набора элементов, значимых и достаточных для описания когнитивных и метакогнитивных характеристик конфликтной компетентности и определения внутренней взаимосвязи элементов, их структуры. Именно метакогнитивное понимание структурно-функциональных характеристик конфликтной компетентности неразрывно связано с соотношением и внедрением результатов проекта в практику, что находит свое выражение в разработке и внедрении образовательной программы по формированию конфликтной компетентности личности в процессе её профессионализации.

Целью наших работ является выделение структурно-функциональных характеристик конфликтной компетентности, обобщение основных понятий, обоснование целесообразности и перспективности метакогнитивного подхода к пониманию конфликтной компетентности, определение и описание уровней, критериев и показателей сформированности конфликтной компетентности личности. Исследование структурно-функциональных характеристик конфликтной компетентности в контексте метакогнитивного подхода требует соблюдения всех требований, предъявляемых к методологической организации научного эксперимента.

На наш взгляд, выделение конфликтной проблемности в качестве единицы анализа конфликтной компетентности будет способствовать эффективному исследованию метакогнитивных характеристик. Конфликтная проблемность представляет собой наиболее элементарный и в то же время сохраняющий наиболее существенные свойства и функции объективной и субъективной реальностей процесс.

Для исследования конфликтной проблемности нами разработаны и апробированы следующие психодиагностические методики: 1. «Опросник на определение доминирующего уровня проблемности при решении педагогических проблемных ситуаций» (Дубровина Ю.Н., Кашапов М.М., 1998). 2. «Диагностика ситуативного/надситуативного уровня педагогического мышления» (Киселева Т.Г., Кашапов М.М., 1998). 3. «Опросник на определение доминирующего уровня проблемности» (Сумарокова О.В., Кашапов М.М., 1999). 4. «Опросник-определитель уровня педагогического мышления в ситуации оценивания» (Сумарокова О.В., Кашапов М.М., 1999). 5. «Методика диагностики абнотивности педагога общеобразовательной школы» (Кашапов М.М., Ракитская О.Н., Григорьева Е.М., Зверева А.А., 2001). 6. «Методика оценки творческих особенностей мышления педагога дошкольного образовательного учреждения» (Коточигова Е.В., Кашапов М.М., 2002). 7. «Методика диагностики абнотивности преподавателя высшей школы» (Кашапов М.М., Адушева Ю.А., 2003). 8. «Уровни профессионального мышления психолога» (Кашапов М.М., Корнева И.В., 2004). 9. Методика диагностики уровня профессионального мышления воспитателей (Кашапов М.М., Лейбина А.В., 2008). 10. Опросник способностей творческой личности (Шляпникова О.А., Кашапов М.М., 2006). 11. Тест «Многозначные слова» (Огородова Т.В., Кашапов М.М., 2006). 12. Методика исследования творческого педагогического мышления воспитателей «Простые предметы» (Кашапов М.М., Лейбина А.В., 2008). 13. Методика диагностики метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности (Кашапов М.М., Пошехонова Ю.В., 2006).

В качестве методологической базы при проведении исследования применяется структурно-функциональный метод как разновидность системного подхода. Использование структурно-функционального метода для изучения конфликтов позволяет выявить основные элементы конфликтного взаимодействия и определить роль каждого из них. Исследование основных структурно-функциональных характеристик конфликтной компетентности личности профессионала в контексте метакогнитивного подхода позволяет определить возможные затруднения на пути к творческому разрешению проблемно-конфликтной ситуации, разработать программы совершенствования творческой деятельности профессионала и обосновать перспективы повышения эффективности профессиональной деятельности.

Установленные взаимосвязи между теоретическими метакогнитивными построениями и идеями, связанными с пониманием специфики конфликтной проблемности как новообразования в мыслительной деятельности субъекта, позволили сформулировать иерархическую структуру конфликтной компетентности личности. Эти подструктуры имеют иерархию, основанную на соотношении генетических и социальных факторов, оказывающих влияние на формирование личности. Каждая из выявленных и описанных подструктур, в свою очередь, может быть представлена более дробными критериями и показателями, что позволяет говорить о различиях в степени выраженности в рамках одной структуры. Вес каждого свойства в общей оценке личности может быть неодинаковым, т. е. вклад того или иного показателя в общую эффективность осуществляемой деятельности в условиях конфликтного взаимодействия может быть разным.

Установлено, что эффективное решение возникающих противоречий, как ядерных образований конфликта, требует наличия у профессионала развитых навыков видения и осмысления совокупности всех условий проблемно-конфликтной ситуации, а также знания собственных когнитивных характеристик, способствующих более успешному разрешению конфликтной ситуации. Метапознание рассматривается нами как знание о собственных мыслительных процессах и стратегиях, способность к сознательной их рефлексии, изменению и осуществлению действий, основанных на этом знании. В выполненных нами исследованиях выявлено, что рассмотрение метакогнитивных характеристик конфликтной компетентности целесообразно организовывать посредством исследования ментального опыта субъекта деятельности.

Метапознание осуществляет ряд важнейших функций, определяющих в целом эффективность результативных характеристик процесса решения проблемно-конфликтной ситуации. Так, результаты, полученные в ходе формирующего психолого-педагогического эксперимента по совершенствованию профессионального мышления, свидетельствуют о повышении эффективности разрешения конфликтных ситуаций. В условиях специально организованного Ю.В. Пошехоновой обучения преподавателей вуза (основанного на метакогнитивном подходе) уровень метакогнитивной активности влияет на интенсивность динамики перехода от ситуативного уровня профессионального педагогического мышления к надситуативному. Дифференциация преподавателей по уровню выраженности у них рассматриваемых метакогнитивных компонентов определила ряд достоверных различий. Преподаватели, высоко оценивающие себя по шкале «Метакогнитивные знания», характеризуются общим экстернальным локусом контроля, экстернальностью в области межличностных отношений, и, соответственно, низко оценивающие — интернальным локусом контроля. Сравнение результатов преподавателей по крайним значениям шкалы «Метакогнитивная активность» позволили выявить следующие различия: преподаватели с высокими баллами по указанной шкале воспринимают большее количество факторов как стимулирующих их профессиональное развитие, нежели преподаватели с низкими баллами; для преподавателей с низкой метакогнитивной активностью более характерно авторитарное, педагогическое, педагогическое поведение и наоборот, сфера межличностного общения преподавателей с высокой метакогнитивной активностью характеризуется меньшей склонностью к авторитарному, диктаторскому и педагогическому поведению. Установлено, что метакогнитивная активность выше у преподавателей с высокой потребностью достижений, а также что преподаватели с высоким уровнем метакогнитивной активности отличаются более высоким уровнем профессионального педагогического мышления (его уровень ближе к надситуативному, чем у преподавателей с низкими значениями по этой шкале). Уровень педагогического мышления преподавателей медицинского вуза ближе к надситуативному, чем у преподавателей медицинских колледжей. Преподаватели медицинских колледжей характеризуются более высоким уровнем метакогнитивной активности, концентрации и управления временем, чем преподаватели медицинского вуза.

Установлена роль метакогнитивных компонентов конфликтной компетентности на различных стадиях профессионализации субъекта, а также на разных уровнях функционирования его профессионального мышления (ситуативном и надситуативном), расширено представление о динамике структурно-функциональной организации творческой деятельности профессионала (рассмотрены возможные метакогнитивные механизмы перехода на надситуативный уровень мышления как основы творческого мышления профессионала). Разработаны концептуальные основы метакогнитивного подхода к исследованию творческой деятельности профессионала (функции, структура, свойства, психологические механизмы и закономерности становления и функционирования, показатели сформированности, принципы и условия формирования, критерии эффективности).

Выделены и обобщены основные функции метапознания в контексте конфликтной компетентности: 1. Метапознание способствует адекватному распознаванию конфликтной проблемности и определению возможных вариантов разрешения конфликтной ситуации. 2. Метапознание обеспечивает организацию функционирования познавательных психических процессов и ресурсы для их функционирования. 3. Метапознание осуществляет отслеживание процесса решения конфликтной ситуации и управление этим процессом.

В реализуемом нами метакогнитивном подходе (М.М. Кашапов, Ю.В. Пошехонова, М.В. Башкин и др.) конфликтная компетентность понимается как интегративное качество личности, характеризующееся наличием в своей структуре когнитивного, мотивационного, регулятивного компонентов. Данные компоненты неаддитивно образуют целостную структуру конфликтной компетентности, которая обладает превентивной, прогностической, конструктивной, рефлексивной и коррекционной функциями, обеспечивающими реализацию профилактических мер в межличностном взаимодействии, а также адекватное распознавание и конструктивное разрешение личностью конфликтов. Конфликтная компетентность как компетентность в области межличностных отношений является видом коммуникативной компетентности, обладает ее существенными качественными признаками: сложностью структурной организации, имеющей интегральный характер; связанностью со структурой процесса коммуникации и его эффективностью; динамичностью структурных компонентов; возможностью их совершенствования.

Базовым качеством в структуре конфликтной компетентности личности является субъективный локус контроля как показатель регулятивного компонента данной компетентности. Выбор личностью оптимального типа реагирования в конфликте определяется степенью развития у нее креативности. Основными психологическими механизмами, обеспечивающими взаимосвязь особенностей личности и оптимального типа реагирования в конфликте, являются механизмы функциональной динамичности, реципрокности, психологического соответствия.

Формирование конфликтной компетентности личности возможно, если: во-первых, с помощью специальных рефлексивных технологий актуализировать «свернутый» ментальный опыт оптимального разрешения конфликтов; во-вторых, с помощью включения в образовательные процессы специально контролируемых социокультурных конфликтов продуктивной ориентации. Достижение высокого уровня конфликтной компетентности профессионала связано с преодолением разнообразного рода трудностей как внешнего, так и внутреннего плана, а также с умением занимать мета-позицию в разрешаемом конфликте.

С практической точки зрения значимость конфликтной компетентности профессионала характеризуется его конкурентной способностью. Например, если нравственный облик руководителя и характер его деятельности не отвечает представлениям подчиненных о том, каким должен быть руководитель и как он должен поступать, то подчиненные не только сопротивляются его воздействиям, но даже вступают с ним в конфликт.

На основании обобщения полученных эмпирических данных сделаны следующие выводы:

1. Определены наиболее важные психологические особенности конфликтной компетентности личности профессионала. Вычленены компоненты, факторы и условия конфликтной компетентности профессионала. Выявлены наиболее типичные сильные и слабые стороны (не актуализированные возможности) конфликтной компетентности личности и разработаны рекомендации по ее совершенствованию и обучению.

2. Проведен теоретический анализ процесса решения проблемно-конфликтных ситуаций, возникающих в практике профессиональной деятельности. Созданы и проверены измерительные процедуры, соответствующие разработанной нами схеме метакогнитивного анализа процесса решения проблемно-конфликтной ситуации. Исследованы когнитивные затруднения в профессиональной деятельности как параметры проблемной ситуации, возникающей в межличностном взаимодействии. Определены стратегии решения проблемно-конфликтной ситуации, выражающиеся в совокупности умственных действий. Сконструированы критерии оценивания эффективности разрешения противоречий, составляющих ядро конфликтной ситуации; установлены и обобщены психологические механизмы и закономерности решения проблемно-конфликтной ситуации.

3. В качестве единицы анализа конфликтной компетентности профессионала обоснована конфликтная проблемность, поскольку именно проблемность несет в себе наиболее существенные свойства, функции и специфику процесса разрешения конфликтов в межличностном взаимодействии. Одновременно обосновано, что своевременное и адекватное распознавание конфликтной проблемности

в процессе межличностного взаимодействия является генетически исходной основой актуализации и реализации конфликтной компетентности личности профессионала.

146. Лямина Л. В., Минияров В. М.

Уфа

ПРОЯВЛЕНИЕ УРОВНЯ АКТИВНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КОНФЛИКТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В результате экспериментальной работы и, принимая во внимание выделенные нами показатели адаптации учащихся к учебной деятельности (активность, количество конфликтных взаимоотношений, мотивы учения, отношение к школе, успешность обучения), мы использовали комплекс методов для определения уровня адаптированности младших школьников к учебной деятельности.

Результаты исследования, проведенные до внедрения экспериментальной программы, позволили выявить уровни проявления активности в результате конфликтных взаимоотношений, возникающие у младших школьников в процессе взаимодействия с субъектами образовательной деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Количество учащихся с различными уровнями проявления активности
в результате конфликтных взаимоотношений (%)

Уровни активности ребенка	показатели уровней активности	Группы		$\Phi_{\text{эмп.}}$	Значимость	Группы		$\Phi_{\text{эмп}}$	Значимость
		экспер до экс	экспер после			контр до экс	контр после экс		
I	Низкий	15.52	10.34	0.84	незначим. $\Phi_{\text{эмп}} < \Phi_{\text{кр}0.05}$	17.74	17.24	0	незнач. $\Phi_{\text{эмп}} < \Phi_{\text{кр}0.05}$
II	Ниже среднего	13.79	10.34	0.56	незначим. $\Phi_{\text{эмп}} < \Phi_{\text{кр}0.05}$	14.51	14.51	0	незнач. $\Phi_{\text{эмп}} < \Phi_{\text{кр}0.05}$
III	Средний	20.69	60.34	4.5	значимое $\Phi_{\text{эмп}} > \Phi_{\text{кр}0.01}$	22.58	29.03	0.79	незнач. $\Phi_{\text{эмп}} < \Phi_{\text{кр}0.05}$
IV	Выше среднего	17.24	6.9	1.73	значимое $\Phi_{\text{эмп}} > \Phi_{\text{кр}0.05}$	14.51	14.51	0	незнач. $\Phi_{\text{эмп}} < \Phi_{\text{кр}0.05}$
V	Высокий	15.52	5.17	1.92	значимое $\Phi_{\text{эмп}} > \Phi_{\text{кр}0.05}$	14.51	14.51	0	незнач. $\Phi_{\text{эмп}} < \Phi_{\text{кр}0.05}$
VI	Сверх-высокий	17.24	6.9	1.73	значимое $\Phi_{\text{эмп}} > \Phi_{\text{кр}0.05}$	16.13	9.67	1.05	незнач. $\Phi_{\text{эмп}} < \Phi_{\text{кр}0.05}$

Примечание: $\Phi_{\text{кр}} = 1,64$ для $p \leq 0,05$, $\Phi_{\text{кр}} = 2,31$ для $p \leq 0,01$.

Низкий уровень характеризуется снижением активности в учебной деятельности, нежеланием сотрудничать с педагогом и учащимися. Уровень ниже среднего характеризуется контролем над своими действиями, средней работоспособностью, переключаемостью внимания на другие виды деятельности. Средний уровень характеризуется оптимальной работоспособностью в учебной деятельности, предполагающей достижение успеха. Уровень выше среднего характеризуется повышенной активностью приводящей к дезорганизованности, что негативно сказывается на учебной деятельности. Высокий уровень характеризуется рассогласованностью действий, чрезмерной активностью, препятствующей успешности

обучения. Сверхвысокий уровень характеризуется сверхвысокой активностью, отсутствием контроля своих действий, которые вызывают дезадаптивное поведение и снижение успеваемости.

Потребность преодоления конфликтных взаимоотношений в младшем школьном возрасте обусловлена рядом причин. Во-первых, младший школьный возраст отнесен к этапу развития личности, когда мотивационно-потребностные механизмы личности оказываются максимально задействованными. Приоритетным и ведущим становится конфликтный вид реагирования. Нервно-психическое напряжение, переживаемое младшим школьником в процессе учебной деятельности, нуждается в компенсирующем эффекте посредством конфликтных взаимоотношений. Последние как форма активности личности ребенка, направленная на преодоление конфликтных взаимоотношений в проблемных ситуациях при оценке знаний по изучаемым предметам.

Во-вторых, недооценка конфликтных взаимоотношений в поведении младших школьников способна нанести немалый урон их психическому здоровью. Дети нуждаются не только в конфликтной разрядке, но и в понимании причин возникновения конфликтных взаимоотношений, осознании способов их преодоления.

Снижение числа конфликтов учащихся с разным уровнем активности стало возможным благодаря тому, что психологу удалось в результате внедрения программы психологической поддержки подготовить как педагогов, так и учащихся к преодолению конфликтных взаимоотношений.

Анализ полученных результатов показал, что конфликтные взаимоотношения могут преодолеваются младшими школьниками как конструктивным, так и деструктивным способом (это зависит от сбалансированности реакций торможения и возбуждения на конфликтную ситуацию), тем самым отражаясь на активности учащихся.

Учащиеся со средним уровнем активности наиболее успешно преодолевают конфликтные взаимоотношения всех видов благодаря сбалансированности своей нервной системы, что способствует успешной адаптации к учебной деятельности. Об этом свидетельствуют полученные нами данные о снижении среди учащихся экспериментальной группы количества конфликтов внутриличностного ($\varphi_{\text{эмп.}} = 2,85$ $p \leq 0,05$) и межличностного характера ($\varphi_{\text{эмп.}} = 3,07$ $p \leq 0,05$); межгрупповые конфликтные взаимоотношения снизились в целом ($\varphi_{\text{эмп.}} = 2,36$ $p \leq 0,05$).

Конфликтные взаимоотношения, которые складываются у учащихся между субъектами образовательной деятельности, прежде всего сказываются на мотивах учения. Так, проведенное нами по методике А.К. Марковой исследование показало следующую зависимость степени внутренней мотивации учения от уровня активности учащихся в результате конфликтных взаимоотношений. Она оказывается большей у тех, кто находится на среднем уровне проявления активности: мотив стремления к самосовершенствованию ($\varphi_{\text{эмп.}} = 1,62$ $p \leq 0,05$), содержание учебного процесса ($\varphi_{\text{эмп.}} = 2,39$ $p \leq 0,05$), привлекательность учебного процесса ($\varphi_{\text{эмп.}} = 3$ $p \leq 0,05$). Те, у кого уровень активности завышен либо занижен, чаще всего имеют внешнюю мотивацию учения.

Учащиеся, имеющие низкий и высокий уровень активности, чаще имеют мотивацию на учебную деятельность, связанную с внешними мотивами учения, и в меньшей степени с внутренними мотивами, что не могло отразиться на отношении учащихся к школе. В связи с этим нами было проведено исследование отношения учащихся к школе в зависимости от уровня активности в результате конфликтных взаимоотношений. Для этого нами была использована методика И.Б. Котова, которая позволила определить сформированность либо несформированность отношения к учебной деятельности, выявить качественность отношения учащихся к школе (позитивное или негативное).

Результаты свидетельствуют о том, что для учащихся младших классов экспериментальной группы отношение к школе зависит от активности, которую они проявляют в результате конфликтных взаимоотношений. Для учащихся с низким, ниже среднего, высоким и сверхвысоким уровнем активности чаще всего характерна недостаточная сформированность отношения к школе или даже негативное отношение. В то же время учащиеся, проявляющие среднюю активность в результате конфликтных взаимоотношений, в большей степени обладают положительным отношением к школе ($\varphi_{\text{эмп.}} = 0,95$ $p \leq 0,05$), сформированностью отношения к школе ($\varphi_{\text{эмп.}} = 2,48$ $p \leq 0,05$).

Учащиеся, которые овладевают опытом участия в конфликтных взаимоотношениях, отличаются лучшей общей осведомленностью, способностью переключать внимание, они двигательны активны, у них хорошо развиты навыки саморегуляции, управления своим психическим состоянием.

Рассматривая показатель адаптированности учащихся, их успеваемость, мы установили зависимость успеваемости учащихся в учебной деятельности от уровня их активности в результате конфликтных взаимоотношений.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что учащиеся экспериментальной группы со средней активностью составляют наибольшее число успевающих на «отлично» и «хорошо», в отличие от учащихся низкого, среднего, высокого и сверхвысокого уровня активности ($F_{эмп.} = 3,67$ $p \leq 0,05$). Преодоление конфликтных взаимоотношений направлено на разрешение проблем в учебной деятельности и выполняет определенные функции, отражающие уровень развития младших школьников, в чем обнаруживается их позитивная роль в адаптации к учебной деятельности, и выступает как показатель уровня их активности.

Наше исследование еще раз подтвердило, что преодоление конфликтных взаимоотношений направлено на разрешение проблем в учебной деятельности и выполняет определенные функции, отражающие уровень развития младших школьников, в чем обнаруживается их позитивная роль в адаптации к учебной деятельности. Преодоление конфликтных взаимоотношений в учебной деятельности младших школьников выступает как показатель уровня их активности.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. — 2-е изд. — М.: ЮНИТИ, 2002. — 591 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. — М.: Смысл, 2001. — 416 с.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. — М. и др. Питер, 2005. — 464 с.
4. Дубровина И.В. О воспитании психологической культуры школьников // Вестник практической психологии образования. — 2006. — № 3. — С. 43—47.
5. Леонов Н.И. Конфликты и конфликтное поведение методы изучения. — Питер, 2005. — 240 с.
6. Минияров В.М. Программа психологического сопровождения образовательного учреждения: предупреждение асоциального поведения (для педагогов-психологов). — Самара, 2007. — 27 с.
7. Сорокина А.И. Психологическое исследование конфликтности в детском возрасте. — М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008. — 456 с.
8. Фельдштейн Д.И. Психология развития ребенка как личности: Избранные труды: В 2 т. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЕК», 2005. — Т. 1. — 568 с.; Т. 2 — 456 с.

147. Башкин М. В.
Ярославль

СВЯЗЬ ИНТЕРНАЛЬНОСТИ СО СТРАТЕГИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ СТУДЕНТОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного контракта
Рособразования НК-312П (4) и проекта № 08-06-00775а

Характер принятия личностью ответственности за происходящие события (тип локализации субъективного контроля) входит в систему ее основных отношений, выступая одновременно и как самоотношение, и как отношение к миру. Приписывание причин происходящих событий внешним обстоятельствам и другим людям представляет собой экстернальный локус контроля. В противовес этому, интернальный локус контроля означает признание человеком зависимости своих достижений от имеющихся у него личностных качеств.

Способность личности возлагать на себя ответственность за собственное поведение приобретает особую значимость в ситуации конфликта. Целью нашей работы явилось исследование связи интернальности со стратегиями поведения в конфликте студентов. Выборку исследования составили

50 студентов третьего курса математического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. При проведении эмпирического исследования нами были использованы следующие психодиагностические методики: «Оценка поведения личности в конфликте» (К.Н. Томас, автор адаптации: Н.В. Гришина); «Диагностика уровня субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд).

Результаты корреляционного анализа (по коэффициенту корреляции Пирсона) позволили сделать вывод о том, что стратегия поведения «избегание» имеет отрицательную корреляционную связь с показателем «интернальность в сфере межличностных отношений» ($r = -0,34$; $p < 0,01$). То есть чем больше студент ориентирован на уход от решения конфликта, тем в большей степени он склонен считать свои отношения результатом действия своих партнеров. Таким образом, снятие с себя ответственности за формирование своего круга общения не способствует выбору студентом конструктивной стратегии поведения в конфликте.

Обнаружено, что интернальность в сфере достижений связана со стратегиями поведения «компромисс» ($r = 0,36$; $p < 0,01$) и «сотрудничество» ($r = 0,31$; $p < 0,01$). Студент, проявляющий последовательность и настойчивость в достижении поставленных целей, ориентирован на реализацию в конфликте конструктивных стратегий поведения.

Выявлено, что интернальность в сфере неудач имеет отрицательные корреляционные связи со стратегиями поведения в конфликте «соперничество» ($r = -0,27$; $p < 0,05$) и «приспособление» ($r = -0,24$; $p < 0,05$). Полученный результат позволяет сделать вывод о том, что склонность приписывать ответственность за возникающие в жизни отрицательные события другим людям или считать их результатом невезения, характерна для студентов, выбирающих в конфликте стратегии поведения, часто являющиеся неэффективными.

На основе анализа достоверности различий (по критерию **U-Манна—Уитни**) установлено, что интернальность в сфере межличностных отношений сильнее выражена у девушек, чем у юношей ($p < 0,05$). Таким образом, девушки в большей степени, чем молодые люди, считают себя способными активно формировать свой круг общения, контролировать формальные и неформальные отношения с другими людьми, а также вызывать к себе уважение и симпатию. Вместе с тем значимых различий по выбору стратегий поведения в конфликте между юношами и девушками нами выявлено не было.

Обобщая результаты проведенного исследования, отметим, что способность производить реконструкцию конфликта и осуществлять коррекцию своего поведения основывается на рефлексивной культуре личности. Признание студентом зависимости своих действий от имеющихся у него личностных качеств способствует выбору им в конфликте оптимальной стратегии поведения.

РАЗДЕЛ 10

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

---

148. Леонов Н. И.

Ижевск

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ НПО

Болонская декларация (1999) и иные документы об образовании, принятые в последние годы в Европе, предусматривают создание единого европейского образовательного пространства. Необходимость создания подобного пространства диктуется прежде всего следующими факторами:

а) настоятельной потребностью сделать европейское образование конкурентоспособным по отношению к образовательным системам Северной Америки, Юго-Восточной Азии и иных регионов, куда в настоящее время происходит значительный отток обучающихся как из стран Европы, так и из государств «третьего мира»;

б) объективными закономерностями развития мировой экономики, вынуждающими менять подходы к образованию и обучению.

В числе данных закономерностей значимы прежде всего следующие:

- в профессиональной деятельности все большую роль играет информационный и творческий фактор; происходит «интеллектуализация» и «дематериализация» труда;
- возрастает роль гибких краткосрочных проектов, для решения которых выгоднее иметь временные трудовые коллективы вместо постоянного персонала;
- исчезает понятие стабильного профессионального роста — карьеры, сделанной на одном рабочем месте, в штате одного учреждения или предприятия;
- однотипность и взаимозаменяемость работников уступает место персонализации профессиональных задач; ценится «нестандартизированный» характер рабочей силы;
- утрачивается идентификация традиционных видов труда; разрушается замкнутость профессиональных каст, формируются «плавающие» границы профессий;
- нарастает динамика и глобализация профессий; профессиональное образование утрачивает ориентировку на единственную дальнейшую специализацию и т. п.

Как видим, происходит кардинальное изменение подходов к оценке профессиональных качеств работников. А потому сформировавшиеся ранее и реализуемые по сей день образовательные модели, рассчитанные в первую очередь на передачу теоретических знаний и профессиональных навыков, обеспечивающих стабильный карьерный рост и занятость в течение всего периода трудовой деятельности на одном или нескольких аналогичных рабочих местах, более не в состоянии обеспечить подготовку профессионалов, в которых нуждается современная экономика.

Понятия «компетентностный подход», «профессиональные и надпрофессиональные компетенции», «ключевые компетентности» получили распространение в связи с дискуссиями о проблемах и путях модернизации российского образования.

К активному исследованию компетентностного подхода обращались Г.В. Безюлева, Э.Ф. Зеер, О.Е. Лебедев, А.К. Маркова, А.М.Новиков, И.П. Смирнов, Г.С. Трофимова, Е.А. Царькова, О.Б. Читаева и др.

Качество образования в последние годы связывается с компетентностным подходом, который обеспечивает формирование целей образования как совокупности базовых способностей, обеспечивающих человеку возможность реализовывать свои знания и умения в реальных жизненных ситуациях. Высокий уровень профессиональной компетентности является решающим фактором социальной защищенности и мобильности работников, поэтому главной задачей учреждений профессионального образования становится формирование профессиональной компетентности выпускников, способных ориентироваться в современных условиях экономики.

Применение компетентностного подхода в образовании может способствовать разрешению серьезного противоречия, возникающего в современных условиях между традиционным подходом педагогов к образовательному процессу и требованиями работодателей к профессиональной подготовке работников.

С точки зрения академика А.М. Новикова, компетентностный подход позволяет по-другому строить цели и содержание образования. Обобщая анализ определений компетенции, компетентности, считаем, что компетентность специалиста — это проявленная им на практике готовность реализовывать свой потенциал (знаний, умений, навыков, личного и профессионального опыта) для успешной творческой (продуктивной) деятельности в профессиональной и социальной сфере, осознавая ее социальную значимость и личную ответственность за результаты этой деятельности, необходимость ее постоянного совершенствования.

Таким образом, с позиций компетентностного подхода основным непосредственным результатом образовательной деятельности становится формирование ключевых компетентностей.

Понятие «компетентность» пришло в образование из сферы производства. Данный термин относится к категории многозначных терминов. Связано это с тем, что большинство исследователей предлагает различное толкование сущности данного понятия.

Объяснить это можно и тем, что в нормативных документах нет однозначной трактовки результата образования: в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» говорится о ключевых компетенциях, а в «Стратегии модернизации школьного образования» — о ключевых компетентностях.

Е.А. Царькова предлагает для определения понятия «компетентность» как сложной научной категории проанализировать его сущностные признаки, найти ответы на некоторые вопросы, например: «Компетентность — это характеристика деятельности или нет?»; «К какой деятельности — настоящей или будущей — она относится?»; «Компетентность — это личностное качество или качество деятельности?».

В зарубежных исследованиях также нет единого понимания «компетентности». Л.Дж. Питер считает, что это устойчивая способность личности осуществлять любую деятельность со знанием дела. Дж. Равен понимает компетентность, как способность, необходимую для выполнения конкретного действия в конкретной предметной области, включающую узкоспециальные знания, специфические предметные навыки, способы мышления, понимание ответственности за свои действия. Таким образом, компетентность — это деятельностьная характеристика.

Помимо этого, компетентность характеризует способность человека принимать адекватные решения в непредвиденных ситуациях.

С одной стороны, профессиональная компетентность — это интегральный критерий качества профессиональной деятельности, с другой стороны, — свойство личности, для которой характерны высокое качество выполнения трудовых функций, культура труда и межличностных коммуникаций, умение инициативно и творчески решать профессиональные задачи.

Процесс формирования профессиональной компетентности рассматривается как обобщенный показатель мобильности выпускников на рынке труда, условие их карьерного роста и требует существенных изменений в содержательном, организационном и педагогических планах.

Таким образом, профессиональная компетентность может определяться как готовность и способность специалистов к реализации знаний, умений, навыков, опыта в конкретных условиях производственной деятельности. Профессиональная компетентность представляет интегративную характеристику личности специалиста, которая включает систему научно-теоретических знаний, профессиональных умений и навыков, опыта, наличие устойчивой потребности в том, чтобы быть готовым к профессиональному росту.

На формирование и развитие профессиональной компетентности специалиста оказывает влияние совокупность внешних и внутренних факторов, таких как индивидуальные психофизиологические особенности личности (врожденные особенности нервной системы, анатомические особенности строения организма и т. п.), социальная среда (система социально-экономических отношений, образовательное пространство учреждения, референтные группы), проектирование развития личности собственная активность (самообразование, самовоспитание, саморазвитие).

Становление профессионала происходит всегда в той или иной профессиональной среде с ее предметной подсистемой (предмет, средства, условия труда) и социальной подсистемой (психологический климат, межличностные отношения). Процесс формирования профессиональной компетентности требует организации позитивной и развивающей образовательной среды, реализации комплекса педагогических условий:

- становление мотивации профессионального обучения;
- построение содержания образовательного процесса с учетом компетентностного подхода, квалификационной характеристики специальности, модели выпускника;
- поэтапная подготовка учащихся к самостоятельной профессиональной деятельности.

Важно учитывать социально-экономическую ситуацию, состояние современной системы образования и основные требования, предъявляемые к специалистам: умения и навыки осуществления трудовой деятельности, готовность и способность брать на себя ответственность за выполнение профессиональных задач и результаты работы, участвовать в совместной деятельности, проявлять мобильность.

Профессиональная компетентность учащегося и выпускника УНПО формируется в результате приобретения ими компетенций профессионального комплекса, состоящего из поэтапного овладения надпрофессиональными (ключевыми) и профессиональными компетенциями.

Термин «ключевые компетенции» впервые появился в проекте Совета Европы «Среднее образование в Европе» в 1992 г.

Э.Ф. Зеер, В.А. Водеников, Н.А. Доронин, Д.П. Заводчиков в работе «Мониторинг профессионального развития личности ремесленника» поясняют историю появления понятия «ключевых компетенций» в педагогике.

В зарубежной педагогической науке понятие «ключевые компетенции» было введено в начале 1990-х гг. Международной организацией труда в квалификационные требования к специалистам в системе последипломного образования, повышения квалификации и переподготовки управленческих кадров. В середине 1990-гг. это понятие уже начинает определять требования к подготовке специалистов в профессиональной школе.

В 1996 г. в Берне на симпозиуме «Ключевые компетенции для Европы» были выделены пять ключевых компетенций современных выпускников:

1. Политические и социальные компетенции (способность брать на себя ответственность, участвовать в совместном принятии решения, регулировать конфликты ненасильственным путем).
2. Компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе (принятие различий, уважения других, способность взаимодействовать с людьми других культур, языков, религий).
3. Компетенции, относящиеся к владению устным и письменным общением более чем на одном языке.
4. Компетенции, связанные с возникновением информационного общества (владение новыми технологиями, понимание возможностей их применения, критическое отношение к информации, распространяемой средствами массовой информации и рекламой).
5. Способность учиться на протяжении всей жизни в качестве основы непрерывного обучения в контексте профессиональной подготовки.

Понятий «ключевые компетенции» в настоящее время, по сути, столько же, сколько авторов исследования в этой области.

О.Б. Читаева, М.В. Андреева, А.А. Кива, Т.Т. Новикова определяют надпрофессиональные компетенции (ключевые) как универсальные знания, умения и навыки, свойства и способности выпускника, обеспечивающие его профессиональную мобильность, конкурентоспособность и социальную защищенность в условиях рыночной экономики.

Профессиональные компетенции — подготовленность работника к самостоятельному выполнению профессиональной деятельности, оценке результатов своего труда.

Л.Д. Федотова, рассуждая о направлениях модернизации профессионального образования, считает ключевую компетенцию интегральным качеством человека, «целостной системой универсальных знаний, умений и навыков, а также опытом самостоятельной деятельности и личной ответственности», обеспечивающую способность человека к осуществлению того или иного вида деятельности.

Работодатели считают, компетенция — это соответствие работника занимаемой должности, требованиям рабочего места.

С определенной долей допущения можно сказать, что компетенции — это интеграция знаний, умений, опыта с социально-профессиональной ситуацией, то есть с конкретной реальной деятельностью. Знания, умения, опыт определяют компетентность человека; способность мобилизовать эти знания, умения и опыт в конкретной социально-профессиональной ситуации обуславливает компетенцию образованной и профессионально успешной личности.

И.М. Осмоловская в определении ключевых компетенций делает упор на деятельностную составляющую данного понятия:

«Общие, универсальные способы действий, которые можно назвать ключевыми компетенциями, обеспечивающими возможность ученику выполнять необходимые жизненные функции, в том числе познавательные, успешно реализовывать себя в жизни. Понимание компетенции включает все те компоненты, которые предполагается включить в содержание образования в культурологической концепции. Но акцент делается не на знания ради знаний, а на знания как способ жизнедеятельности».

В педагогической литературе предлагается перечень компетенций, на которых должно строиться образование. В различных источниках этот перечень различен: выделяется от 4 до 32 компетенций. Ясно, что такой количественный разброс связан с уровнем их обобщения. Чем более мелкие компетентности рассматриваются, тем, естественно, больше будет их перечень.

В новом поколении Государственных образовательных стандартов начального профессионального образования к ключевым компетенциям отнесены:

1. Надпрофессиональные — универсальные знания, умения и навыки, качества и способности, обеспечивающие выпускникам учреждений НПО конкурентоспособность. Конкурентоспособность выпускника — интегративный показатель его готовности к будущей профессиональной деятельности, включающий компетенции, влияющие на трудоустройство.

2. Общепрофессиональные — знания и умения фундаментальной направленности, качества и способности выпускника, определяющие его профессиональную мобильность в рамках общности научно-технических основ, заложенных в средствах труда, и технологические процессы, на которых базируются различные отрасли экономики.

Формирование ключевых компетенций является процессом реализации регламентирующих требований профессиональных и государственных образовательных стандартов, способствуют вертикальной и горизонтальной мобильности выпускников ОУ.

На основе компетентного подхода удобно моделировать требования к выпускнику учреждений профессионального образования, так как такой подход позволяет учитывать конкретные профессиональные и надпрофессиональные компетенции. Но действующие в нашей стране требования к профессиональному образованию, закрепленные в образовательных стандартах, учитывают только профессиональную квалификацию специалиста.

На сегодняшний день определенные решения задач перехода от квалификационной модели к компетентностной в отечественной системе образования существуют. Практика показывает, что каждое УНПО выбирает свой путь решения данной проблемы. Но, чаще всего, педагоги и администраторы, добываясь нового качества своих выпускников, проектируют образовательно-ориентированные профессиональные программы либо создают «Модели специалиста».

Г.А. Ключева отмечает, что при создании образовательно-ориентированной профессиональной программы необходимо помнить, что основным предметом изучения профессии становится совокупность требований к работнику, которая должна быть достигнута обучающимися в ходе профессионального образования. Профессия изучается и описывается через призму возможностей и потенциала личности работника, обеспечивающих ему успешность в профессиональной деятельности.

Как правило, образовательно-ориентированная профессиональная программа имеет следующую структуру:

1. Паспорт профессии.

2. Основной объект (сфера) профессии.
3. Ключевые ценности профессии.
4. Предметно-профессиональная компетенция.
5. Социально-профессиональная компетенция.
6. Специальные психофизиологические требования.

В литературе термин «модель» (от лат. *Modulus* — мера, образец) чаще всего трактуется как образец, схема, изображение или описание явления процесса или предмета. Относительно модели специалиста можно применить все данные определения. По мнению А.А. Романова, модель специалиста может восприниматься как своеобразный «отпечаток» воздействия на человека различных групп условий и факторов, в первую очередь связанных с его обучением как специалиста.

С точки зрения А.К. Марковой, в психологии труда модель специалиста рассматривается как отражение объема и структуры профессиональных и социально-психологических качеств, знаний, умений, в совокупности представляющих его обобщенную характеристику как члена общества. Ученый полагает, что модель специалиста должна включать компоненты, определенно влияющие на эффективность деятельности и обеспечивающие контроль над ней, легко диагностируемые, создающие возможность вмешательства и коррекции.

Современные работодатели предъявляют новые требования к выпускникам УНПО — мало быть узким специалистом, современный работник должен обладать качествами, способствующими его мобильности, позволяющими ему принимать самостоятельные решения и брать на себя ответственность за результаты своего труда. Традиционные цели образования, сформулированные в образовательных стандартах, не могут обеспечить формирования данных характеристик. Ученые и практики считают, что компетентностный подход в образовании может способствовать формированию качеств выпускника, соответствующих запросам рынка.

Модель специалиста, построенная с учетом компетентностного подхода, может способствовать изменению целей обучения. Главным становится не процесс обучения, а — результат.

Компетентностный подход в образовании позволяет планировать профессиональное обучение на основе требований государственного стандарта, запросов рынка труда, что, в свою очередь, способствует повышению конкурентоспособности выпускника и его профессиональному становлению.

Литература

1. Байденко В.И. Проектирование федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: экспериментальная учебная авторская программа. — М., 2007.
2. Безюлева Г.В., Иванова Н.В., Шеламова Г.М. К вопросу о формировании профессиональной компетенции студентов учреждений среднего профессионального образования // Профессиональное образование, Приложение «Педагогическая наука — практике. Новые исследования». — № 5. — М.: ИСОМ, 2005. — С. 49—55.
3. Каликинский Ю.А., Кива А.А. Компетентный подход — основа разработки образовательных стандартов второго поколения // Профессиональное образование. — 2004. — № 7. — С. 12—13.
4. Новиков А.М. Принцип фундаментализации образования // Специалист. — № 1. — 2005. — С. 2—5.
5. Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия. Векторы развития. — М.: Эгвес, 2000. — 272 с.
6. Новиков А.М. Содержание образования в постиндустриальном обществе // Специалист. — № 2. — 2005. — С. 2—8.
7. Никитина Н.Н., Железнякова О.М., Петухов М.А. Основы профессионально-педагогической деятельности: Учебное пособие для студентов учреждений среднего профессионального образования. — М.: Мастерство, 2002. — 288 с.
8. Осмоловская И.М. Дидактические проблемы в управленческой деятельности директора школы. — М.: Сентябрь, 2005. — 176 с.
9. Федотова Л.Д. Направления модернизации государственных образовательных стандартов НПО // Профессиональное образование, — 2002. — № 6.— С. 2—3.

149. Кусаинов А. К., Шамельханова Н. А.

Алматы, Казахстан

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ С ПОЗИЦИИ ТЕХНИЧЕСКОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Профессиональные стандарты — это документы, устанавливающие требования к знаниям, умениям, компетенциям, опыту, системе ценностей и личным качествам, необходимым для выполнения определенной работы или профессиональных обязанностей [4]. Они используются в сфере образования, в частности, в системе технического и профессионального образования (ТиПО), для обеспечения сопряженности образовательных программ разного уровня, усиления целостности всей системы профессиональной подготовки и, следовательно, построения эффективной и гибкой системы, способной быстро и адекватно отвечать на социально-экономические изменения.

Использование профессиональных стандартов работодателями направлено на повышение производительности, качества производства и услуг и тем самым на поддержание и усиление конкурентоспособности; на снижение затрат на подбор кадров и проведение внутрифирменного обучения; на повышение знаний, умений и компетенций сотрудников [2].

Благодаря профессиональным стандартам, работники разных отраслей определяют умения и знания, необходимые для конкретной профессии, более точно оценивают потребности и возможности профессиональной подготовки, определяют и реализовывают четкие и ясные пути карьерного роста, получают рекомендации для сертификации, аккредитации, повышают свою мобильность в рамках национальной экономики [3].

Проектирование профессиональных стандартов осуществляется работодателями совместно с провайдерами образования. Они играют *лидирующую роль в обеспечении функциональной связи содержания технического и профессионального образования со сферой труда.*

В ходе проводимых нами исследований, посвященных обновлению содержания подготовки кадров путем разработки профессиональных стандартов, было осуществлено обоснование научных подходов к их проектированию с позиции ТиПО. При этом применение известных в педагогике научных подходов к изучению образовательных процессов основывалось на методе моделирования системы ТиПО, находящейся в тесном взаимодействии с профессиональной средой. Разработанная теоретическая модель системы ТиПО включала следующие структурные компоненты: содержательный, организационный и рефлексивный. Выделяя структурные компоненты в модели ТиПО, мы ставили во главу профессиональные стандарты, требования которых рассматриваются как новый тип целеполагания. В результате содержательный компонент системы ТиПО связывался с системно-деятельностным подходом к проектированию профессиональных стандартов; организационный компонент ориентировался на компетентностный подход, используемый при проектировании профессиональных стандартов. Рефлексивный компонент в структуре модели ТиПО соотносился с личностно-ориентированным подходом к проектированию профессиональных стандартов, так как направлен на личностные компетенции обучающихся. Важно отметить, что все подходы тесно связаны между собой, выбор какого-либо из них как доминирующего обусловлен углубленным исследованием компонентов модели, которая использовалась нами *для координации образовательных процессов с профессиональными стандартами.*

Обоснование применения личностно-ориентированного подхода к проектированию профессиональных стандартов обусловлено тем, что он предусматривает возможность обучающихся определять собственную траекторию самосовершенствования с учетом личных и профессиональных интересов и запросов, а также с учетом потребностей производства.

Реализация целей личностно-ориентированного подхода к проектированию профессиональных стандартов требует: 1) разработки ряда принципов проектирования: активности, творческой позиции участников, объективизации поведения, оптимизации профессиональной деятельности в условиях партнерства; 2) выявления и диагностирования профессионально значимых характеристик специалиста, адекватных требованиям профессиональной деятельности; 3) поиска и использования технологий, способствующих личностно-ориентированной профессиональной подготовке.

Таким образом, разрабатывая содержание рефлексивного компонента теоретической модели ТИПО, мы ориентировались на обеспечение психологического уровня проектирования профессиональных стандартов, связанного с уровнем развития личности специалиста, работающего в профессиональной сфере. Так, основываясь на четырехкомпонентной профессионально обусловленной структуре личности, представленной в работах В.Д. Шадрикова, включающей профессиональную направленность, профессиональную компетентность, профессионально важные качества, профессионально значимые психофизиологические свойства [5], можно рассматривать ключевые компетенции по каждому элементу структуры личности, которые впоследствии будут учитываться как в процессе профессиональной подготовки, так и при проектировании стандартов для специалистов разного уровня квалификаций и разной профессиональной направленности.

Здесь, конечно, важно учитывать типы профессий, характеризующихся своими особенностями и, соответственно, наиболее значимыми в профессиональном плане качествами. В нормативных документах обычно указываются личностные качества, необходимые для выполнения профессиональных обязанностей. В системе ТИПО воспитание этих качеств не конкретизировано в соответствии с профессиональными стандартами, так как нет единых подходов, основанных на анализе труда и выявлении состава и структуры качеств. Профессионально важные качества личности представляются в стандартах как результат подготовки, без раскрытия субъективных предпосылок, обуславливающих у специалиста те или иные качества. Знание этих предпосылок важно при организации обучения в профессиональном учебном заведении, при проектировании содержания обучения и воспитания, индивидуализации профессионального обучения [1].

Если же принимать во внимание, что структура профессиональной деятельности, ее содержание могут меняться с личным ростом специалиста, то возрастает значение разработки научных подходов к разработке личностных компетенций при проектировании профессиональных стандартов. В этой связи актуализируется применение личностно-ориентированного подхода к проектированию профессиональных стандартов на основе взаимодействия работодателей и учреждений профессионального образования.

Рассматриваемый методологический подход позволяет изучать разные уровни свойств и качеств личности, которые могут служить основанием для проектирования профессиональных стандартов на психологическом уровне, когда раскрываются взаимосвязи между актуальными и потенциальными характеристиками обучающегося как будущего субъекта профессиональной деятельности.

Очевидно, что при личностно-ориентированном подходе особое значение приобретают результаты диагностической работы для информационного обеспечения. Диагностический минимум, независимо от сферы деятельности, должен включать: учет особенностей личности и структуры интеллекта; определение уровня развития профессионально важных качеств и способностей. Для этого требуется выделение критериев и показателей профессиональной пригодности к той или иной деятельности. Эта работа должна проводиться в тесном взаимодействии всех заинтересованных сторон путем реализации личностно-ориентированных технологий профессиональной подготовки обучающихся. То есть личностно-ориентированный подход к проектированию профессиональных стандартов обеспечивается соответствующей психолого-педагогической подготовкой в системе ТИПО, которая делает образование данного сектора целенаправленным и дифференцированным.

В заключении можно резюмировать, что при проектировании профессиональных стандартов с педагогической точки зрения важно предусматривать развитие личности и индивидуальных особенностей обучающихся как главное условие профессионализма. Для этого следует закладывать в требования конкретного уровня квалификаций личностные компетенции, разработанные на основе системных психолого-педагогических исследований. Возможно, данный подход усложняет структуру профессиональных стандартов, однако он чрезвычайно важен для разработки модели личности выпускника профессионального учебного заведения, поскольку снимается противоречие между направленностью обучения и квалификационными требованиями работодателя.

Литература

1. Виттенберг Е.В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. — СПб., 1994. — 18 с.

2. Лушникова М., Лушников А. Право на профессиональное образование и обучение: проблемы реализации в современных условиях // Управление персоналом. — 2007. — № 7. — С. 49—54.
3. Мухаметзянова Г.В. Профессиональное образование: Проблемы качества и научно-методического обеспечения. — Казань: Магариф, 2005. — 286 с.
4. Прянишникова О.Д., Лейбович А.Н. Профессиональные стандарты: краткий обзор зарубежного опыта // Промышленник России. — 2008. — С. 37—41.
5. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. — М.: Логос, 2006. — 391 с.

150.   **Леньков С. Л.**

Москва

ДИАЛЕКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проблема идентичности человека относится к числу наиболее фундаментальных проблем не только социальной психологии, но и всего «человекознания» (Б.Г. Ананьев). При этом различают множество разнородных форм идентичности — личностную (в т. ч., например, «эго-идентичность» по Э. Эриксону), социальную, этническую, социокультурную и др. Особое место среди них занимает профессиональная идентичность, привлекающая в условиях кризисного развития российского общества пристальное внимание (Е.П. Ермолаева, Н.Л. Иванова, С.Л. Леньков, В.Е. Орел, Ю.П. Поваренков, Л.Б. Шнейдер и др.) и характеризующая, с нашей точки зрения, соответствие человека как его профессии (здесь акцент делается на объектную сторону социального взаимодействия), так и профессиональному сообществу (субъектная сторона профессиональной идентичности). В единстве таких объективных и субъективных критериев профессиональная идентичность характеризует соответствие человека широко понимаемым профессиональным требованиям, затрагивающим весь спектр уровневого строения субъекта и личности — от элементарных психофизиологических функций до высших — ценностно-смысловых, мировоззренческих, экзистенциальных составляющих. В этом плане профессиональная идентичность тесно связана с понятиями профессионализма, профессиональной пригодности, профессионального становления и т. д.

Для перехода от абстрактного понятия профессиональной идентичности к его конкретным проявлениям в реальной сфере труда необходимо выполнить его спецификацию и операционализацию. Спецификация требует уточнения перечня критериев: это могут быть, например, как отдельные признаки, так и их типологические сочетания. Операционализация подразумевает разработку и верификацию измерительных процедур, позволяющих определять меру выраженности каждого критерия. Однако на этом пути встречаются серьезные трудности.

Во-первых, понятие профессии до сих пор является дискуссионным (Э.Ф. Зеер, О.Г. Носкова и др.). Свой вклад в это вносит существенная динамичность и интегрированность современной сферы труда. Динамичность состоит в изменениях внешне-предметного, социального и психологического содержания профессиональной деятельности, что проявляется в постоянном появлении новых профессии, «отмирании» и глубокой трансформации традиционных. Интегрированность связана со структурно-функциональным усложнением профессиональной деятельности, в том числе ее социально обусловленных взаимосвязей с другими разновидностями человеческой активности. Особую роль в это вносит информационный аспект профессиональной деятельности [6]. Современная обработка информации (использование компьютера, информационных технологий, телекоммуникаций и т. д.) вносит нечто общее в разнородные виды профессиональной деятельности, детерминируя, тем самым, определенное «размывание» профессиональной идентичности. При этом информация по самой своей сути обладает субъектной определенностью, в связи с чем методологически плодотворным при изучении профессиональной идентичности является субъектно-информационный подход [8]. Он позволил, в частности, показать принципиальную неполноту традиционного дихотомического деления профессиональной деятельности на субъект-объектную и субъект-субъектную, которое с необходимостью должно быть дополнено еще одним — субъектно-информационным типом, обладающим глубокой качественной психологической спецификой [3]. Опираясь на данные положения, Н.Е. Рубцова разработала современную

психологическую классификацию профессиональной деятельности [10], принципиально важным следствием которой является вывод о том, что в рамках одной и той же традиционной «профессии» фактически реализуется множество психологически и внешне-предметно разнородных видов профессиональной деятельности (например, в рамках профессии «строитель» — подсобный рабочий, квалифицированный рабочий, инженер-проектировщик, бригадир, директор и т. д.). Каждый из них предъявляет к субъекту труда специфичные профессиональные требования и детерминирует специфику профессиональной идентичности, определяемую не только традиционно понимаемой «профессией», но и другими регламентированными признаками — должностью, квалификацией, характером предприятия и конкретного трудового поста и т. д.

При этом профессиональные требования зачастую нечетко определены, либо не операционализированы, особенно в отношении высших уровней профессиональной идентичности, связанных с ценностно-смысловой и потребностно-мотивационной сферами личности, самореализацией, самоактуализацией, самосознанием и т. д. Фактически здесь используется следующий подход: по общим методикам определяются общие же особенности ценностно-смысловой сферы и далее сравниваются с их выраженностью у выборки соответствующих профессионалов. Вряд ли такой подход можно назвать в полной мере адекватным с учетом отмеченных сложностей психологического различения современных разновидностей профессиональной деятельности.

Однако даже уточнение профессиональных требований и дифференциация разновидностей профессионального труда не снимают имманентной противоречивости профессиональной идентичности, равно как и гипотетическая ликвидация фактического отсутствия специализированных методик для определения ее высших уровней. Например, на высших уровнях субъектности происходит расслоение субъектов труда на профессионалов и профессиональных маргиналов [1; 2; 5]. При этом в современных российских условиях кризисного развития организационной культуры (А.В. Карпов, С.Л. Ленков, В.М. Львов и др.) [4; 7]) существует множество не только отдельных профессиональных маргиналов, но и целых маргинальных профессиональных структур, иногда распространяющихся до определенной профессии в целом [5]. В связи с этим задача формирования профессиональной идентичности выглядит уже отнюдь не такой уж бесспорной: в некоторых случаях, наоборот, требуется разрушать неадекватные стереотипы профессиональной идентичности.

Профессиональная идентичность динамична и в этом плане несет в себе свое же собственное диалектическое «отрицание». Динамика профессионального становления с необходимостью предполагает как становление профессиональной идентичности, так и ее конструктивные нарушения (кризисы профессиональной идентичности), связанные с выходом на новые, более высокие уровни профессионализма, освоением новых видов профессиональной деятельности, трансформацией содержания профессионального труда, разрушением неадекватных стереотипов профессионального сообщества и т. д.

Например, системогенез психологической системы профессиональной деятельности (Ю.П. Поваренков, В.Д. Шадриков и др.), предусматривающий, в частности, перспективу карьерного и профессионального роста. Если бы человек был полностью профессионально идентичен — зачем ему расти, выходить за рамки той профессиональной деятельности, которую он выполнял? Где он возьмет для этого ресурсы? Другой аспект — это отмеченная выше динамика профессиональной деятельности. Настоящий профессионал должен быть готов к изменениям, обусловленным как научно-техническим прогрессом (например, той же экспансией современных информационных технологий), так и социальными изменениями. Таким образом, социальный прогресс или регресс вызывает различные социальные и социально-психологические, в том числе — духовно-нравственные трансформации в сфере профессионального труда, что неизбежно сказывается и на содержании профессиональной идентичности.

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Профессиональную идентичность следует понимать как динамичную, многоуровневую функциональную систему, изменяющуюся как под влиянием внешних факторов, так и в процессе онто- и филогенетического профессионального становления.

2. Человек — больше чем профессия и профессиональная деятельность, поэтому профессиональная идентичность является одновременно не только критерием высокого профессионализма, но и предельным показателем личностной ограниченности, узкой направленности. Поэтому, с точки зрения максимально возможного развития личности, профессиональная идентичность человека должна быть оптимальна, а не максимальна.

3. Для условий современной России остро необходима операционализация высших уровней профессиональной идентичности, связанных с ценностно-смысловой сферой человека, его мировоззрением и духовно-нравственными ориентациями. Имеющийся здесь методический инструментарий является неэффективным, в первую очередь, для выявления профессионального маргинализма.

4. Кризисы профессиональной идентичности, наряду с личностными и профессиональными кризисами, являются не только неизбежными, но и необходимыми, что обуславливает отмеченную Н.И. Леоновым целесообразность перехода от бесконфликтной парадигмы к парадигме конфликтологической [9, С. 15]. При этом целью профессионального становления может являться не только формирование профессиональной идентичности, но и задача в определенном смысле обратная — разрушение профессионально-идентификационных стереотипов, неадекватных стратегическим интересам общества и высшим общечеловеческим ценностям.

Литература

1. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. — Т. 22. — 2001. — № 4. — С. 51—59.
2. Ермолаева Е.П. Психология социальной реализации профессионала. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
3. Карпов А.В., Леньков С.Л. Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера. — Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2006.
4. Леньков С.Л. Новая психическая реальность России: terra incognita или tabula rasa? // Человеческий фактор. — 2006. — № 1. — С. 5—15.
5. Леньков С.Л. Профессиональный маргинализм в современном российском обществе // Ярославский психологический вестник. — 2008. — Вып. 23. — С. 139—143.
6. Леньков С.Л. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности экономиста в условиях информатизации: Монография. — Тверь: Лилия Принт, 2002.
7. Леньков С.Л. Российская организационная культура: специфика с позиций метасистемного подхода // Журнал практического психолога. — 2007. — № 4. — С. 37—50.
8. Леньков С.Л. Субъектно-информационный подход к психологическим исследованиям деятельности. — Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2002.
9. Леонов Н.И. Основы конфликтологии. — Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001.
10. Рубцова Н.Е. Интегративно-типологический подход к построению обобщенной психологической классификации профессиональной деятельности // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. — 2008. — № 5. — С. 45—49.

151. Поваренков Ю. П.

Ярославль

СООТНОШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Традиционно в психологии выделяют различные виды развития. В Большом психологическом словаре говорится о развитии психики и личности, о развитии памяти, мышления, восприятия, сенсомоторном развитии и т. д.

Все сказанное выше позволяет нам предположить, что может существовать и профессиональное развитие как специфический вид развития. В чем же заключается его специфика? Для ответа на данный вопрос обратимся к классическим исследованиям проблемы развития.

Как известно, Л.С. Выготский в рамках культурно-исторической теории особое внимание обращал на существование двух типов психических явлений, а именно: натуральных и культурных. Это, в свою очередь, позволило Л.С. Выготскому говорить и о двух основных типах психического развития человека (ребенка). Он писал, что в развитии ребенка представлены оба типа психического развития, которые мы в изолированном виде находим в филогенезе: биологическое и историческое, или натуральное и культурное.

Натуральное развитие детерминировано, в основном, генетическими факторами и пик его активности приходится на ранние этапы онтогенеза человека, когда созревают соответствующие функциональные системы, обусловленные биологически. Культурное развитие, в основном, детерминируется культурными факторами, которые не могут быть заложены генетически и определяются социальными требованиями соответствующей формации, общества или нации. Пик данного вида развития приходится на более поздние этапы развития, которые определенным образом ограничиваются юношеским возрастом.

Различая два типа развития, Л.С. Выготский вместе с тем подчеркивал их принципиальную связь. Он подчеркивал, что оба плана развития — естественный и культурный — совпадают и сливаются один с другим. Оба ряда изменений взаимопроникают один в другой и образуют, в сущности, единый ряд социально-биологического формирования личности ребенка. Эта мысль Л.С. Выготского, которая активно развивается в различных его работах, очень важна для нашего последующего анализа, поскольку позволяет понять не только единство различных типов развития, но и определить ведущую роль каждого из них.

Б.Г. Ананьев в своих исследованиях развития вышел за рамки юношеского возраста и показал, в том числе и эмпирически, что существует и третий вид развития психических функций и личности в целом. Данный вид развития, по мнению Б.Г. Ананьева, связан с процессом профессионализации личности и в основе его детерминации лежат социально-профессиональные требования. Они, естественно, специфичны для каждой профессии, и поэтому пики данного вида развития определяются содержанием и формой профессиональной деятельности. Б.Г. Ананьев пишет, что на данном этапе те же функции, сформировавшиеся ранее в рамках «натурального» и «культурного» развития, специализируются применительно к определенным объектам, операциям деятельности и более или менее значительным по масштабам сферам жизни. Далее Б.Г. Ананьев отмечает, что пик развития специализированных функций достигается в более поздние периоды зрелости, и оптимум их развития может совпадать с инволюцией «общих свойств» тех же функций [1].

Сказанное выше позволяет нам определить профессиональное развитие как такой вид «культурного» развития, качественные и количественные характеристики которого задаются требованиями профессиональной деятельности. Эти требования определяются предметом, содержанием, результатами и условиями данной деятельности, системой ценностей профессионального сообщества. Эти требования могут прямо или косвенно формулироваться специалистами, сопровождающими процесс профессионализации (профорientаторы, преподаватели профессиональных учебных заведений, организаторы производства и т. д.), они могут осознаваться и не осознаваться человеком, отвергаться или приниматься в той или иной степени. Мы исходим из того, что социально-профессиональные требования задаются человеку в рамках социальной ситуации профессионального развития личности.

Как было отмечено выше, профессиональное развитие начинается значительно позже натурального и культурного, определенным образом пересекается с ними и, в ряде случаев, вступает в противоречие. Результаты натурального и культурного развития определяют готовность субъекта к профессиональному развитию на начальных этапах жизненного и профессионального пути. В свою очередь, профессиональное развитие на более поздних этапах жизненного пути обеспечивает сохранность функций, которые сформировались в рамках натурального и культурного развития.

Идея натурального и культурного развития, сформулированная Л.С. Выготским, получила свое дальнейшее обоснование в трудах Б.Г. Ананьева. Исследуя развитие константности восприятия на различных возрастных этапах, Б.Г. Ананьев показал, что в основе данного процесса лежит преобразование и взаимодействие трех механизмов: функциональных, операционных и мотивационных. В дальнейшем, представление о трех механизмах было использовано для объяснения развития других психических функций и онтогенетического развития человека в целом, а также соотнесено с развитием индивида, субъекта деятельности и личности.

По мнению Б.Г. Ананьева, функциональные механизмы, особенно на ранних этапах онтогенетического развития, реализуют генетическую программу и активизируются задолго до операционных механизмов. Они связаны с определенными функциональными системами, существование которых детерминировано онтогенетической эволюцией. Функциональные механизмы, используя терминологию Л.С. Выготского, обеспечивают натуральное развитие человека как индивида.

Б.Г. Ананьев отмечает, что операционные механизмы не содержатся в самом мозге, они усваиваются в ходе обучения и воспитания и носят конкретно-исторический характер. В зависимости от уровня техники и культуры, накопленного трудового опыта и мастерства, как отмечает Б.Г. Ананьев, складывается

тот или иной операционный механизм конкретной деятельности. Говоря другими словами, операционные механизмы детерминируются социальными и профессиональными требованиями и относятся к характеристикам человека как субъекта деятельности. Нетрудно заметить, что высказанные Б.Г. Ананьевым положения свидетельствуют о том, что операционные механизмы являются результатом и фактором социокультурного и профессионального развития.

Роль мотивационных механизмов в психическом развитии человека, по мнению Б.Г. Ананьева, заключается в том, что они обеспечивают избирательность, селективность, напряженность развития, определяя отношение к его различным сторонам и задают их личностную значимость для субъекта труда. Например, тот факт, что представители северных народов различают несколько десятков оттенков белого цвета, а индейцы Южной Америки, проживающие в сельве, — несколько десятков зеленого цвета, определяется не анатомо-физиологическими особенностями строения зрительного анализатора, а значимостью этой информации для человека. Такая избирательность и специализация развития функций определяется работой мотивационных механизмов.

Как считает Б.Г. Ананьев, мотивационные механизмы, включающие все уровни мотивации (от органических потребностей до ценностных ориентаций), относятся к характеристикам человека как индивида и личности. И, следовательно, используя терминологию Л.С. Выготского, можно утверждать, что мотивационные механизмы обеспечивают регуляцию и натурального, и культурного развития человека.

Большое значение для понимания психологических механизмов профессионального развития имеет концепция оперативности отражения, предложенная Д.А. Ошаниным, которая получила свое дальнейшее развитие в трудах В.Д. Шадрикова. Суть концепции оперативности отражения заключается в следующем.

В своих исследованиях Д.А. Ошанин показал, что производственная ситуация, в полном соответствии с ведущими функциями психики, отражается специалистом на двух уровнях: когнитивном и регулятивном. В результате этого у специалиста формируется два образа ситуации, которые качественно и количественно отличаются друг от друга. По выражению Д.А. Ошанина, когнитивный образ является более объективным, так как его информационное содержание максимально полно и точно отражает производственную ситуацию, что в полной мере соответствует базовым критериям познания.

Регулятивный образ является более субъективным, так как в его содержании фиксируется только та информация, которая соответствует общим и частным целям профессиональной деятельности, то есть информация, обеспечивающая их оптимальное, быстрое и точное достижение. Регулятивный образ производственной ситуации Д.А. Ошанин назвал оперативным.

Характеризуя оперативный образ, Д.А. Ошанин выделяет его общие и специфические свойства. Общие свойства хорошо изучены в психологии, и они характерны для всех образов, включая оперативный. На этих свойствах мы останавливаться не будем, более подробно рассмотрим специфические свойства оперативного образа, которые, собственно, и отличают его от когнитивных образов.

Оперативный образ прагматичен: он складывается в процессе решения конкретной задачи или группы задач, которые в каждом конкретном случае определяют его структуру и информационное содержание. Оперативный образ адекватен задаче действия: он обслуживает решение некоторой задачи и этой задаче соответствует наилучшим образом, что делает его эффективным и надежным. Оперативный образ специфичен: он содержит только ту информацию, которая необходима для определенных задач действия и, следовательно, пригоден для решения только этих задач. Оперативный образ лаконичен: он «отвлечен» от целого ряда особенностей объекта, которые для данных действий и в данных условиях не могут быть использованы данным исполнителем для решения стоящих перед ним задач. Оперативный образ функционально акцентирован (деформирован): это проявляется в «приписывании разным особенностям объекта различных относительных весов», что ведет к нарушению нейтральности и беспристрастности образа. Таким образом, функциональная деформация проявляется в сокращении объема информации, в выделении наиболее значимых сведений, в перестройке структуры образа и в ряде других преобразований [7].

В дальнейшем Д.А. Ошанин показал, что законам оперативности подчиняется не только образное отражение, но и все процессы профессионального познания. Именно этот вывод позволил сформулировать В.Д. Шадрикову понятие «оперативная информационная основа деятельности». Концепция оперативности также способствовала дальнейшему уточнению и конкретизации психологических механизмов профессионального развития личности, которые были осуществлены в работах В.Д. Шадрикова и ряда других исследователей.

Опираясь на идею специализации общих свойств функций Б.Г. Ананьева и на концепцию оперативности отражения Д.А. Ошанина, В.Д. Шадриков предположил, а затем и эмпирически обосновал, что суть профессионального развития, его психологический механизм заключается в преобразовании операционных механизмов в оперативные, то есть адекватные содержанию и условиям профессиональной деятельности, адекватные ее целям и задачам.

В.Д. Шадриковым также был уточнен и механизм формирования профессиональной мотивации. Одна из сторон данного механизма заключается в поиске и обнаружении в содержании и условиях профессиональной деятельности тех характеристик и свойств, которые могут удовлетворить потребности субъекта труда, соответствуют его интересам, убеждениям, установкам. В данном случае уместно говорить и о встречном процессе, который определяется законами оперативности и связан со специализацией компонентов мотивационной сферы личности в соответствии с содержанием и условиями деятельности.

Итак, проведенный анализ свидетельствует, что профессиональное развитие — это особый вид развития, социальная детерминация которого осуществляется на основе социально-профессиональных требований. Если быть более точным, то необходимо отметить, что в реальности детерминация профессионального развития осуществляется на основе социальной ситуации профессионального развития, в которой представлены и социально-профессиональные требования (условия), и индивидуальные возможности (притязания) субъекта труда. Содержание профессионального развития определяется динамикой функциональных, операционных и мотивационных механизмов. Данный процесс осуществляется в полном соответствии с законами оперативности.

Как справедливо отмечает Д.Н. Завалишина [3], профессиональное развитие соответствует описанной модели лишь в определенных пределах и до определенного времени. Примерно на 5—6 году самостоятельной профессиональной деятельности социально-профессиональные требования перестают выполнять свою детерминирующую функцию, поскольку к этому времени профессионал полностью осваивает нормативные требования. Поэтому на данном этапе профессионального становления и реализации личности неизбежно возникает кризис и стагнация, которые завершаются сменой механизмов детерминации.

В условиях, когда возможности человека полностью соответствуют предъявляемым требованиям, исчезает механизм социально-профессиональной детерминации профессионального развития. Для того, чтобы запустить процесс дальнейшего профессионального развития, человек должен сам создать для себя определенные «несоответствия» и противоречия или найти их в новых условиях. Как показывают наши эмпирические исследования, специалисты создают такие «несоответствия», либо повышая требования к себе, как профессионалу, либо снижая свою профессиональную самооценку (естественно, возможны и другие механизмы). Из сказанного следует, что необходимый дифференциал создается за счет варьирования индивидуальных требований и притязаний личности. Таким образом, возникает новая ситуация социально-профессионального развития, в рамках которой ведущую роль начинают играть не социально-профессиональные требования, а индивидуальные притязания и требования профессионала. И именно с этого момента, как мы считаем, собственно, и начинают действовать реальные механизмы профессионального саморазвития личности.

Выделение двух форм профессионального становления (развитие и саморазвитие) хорошо согласуется с идеей С.Л. Рубинштейна о существовании двух способов жизни: адаптивного и творческого, а также с положениями Л.М. Митиной о двух моделях профессионального развития учителя [5]. Вместе с тем, к выделению двух форм становления профессионала нельзя подходить механистически. Человек и на адаптационном этапе профессионального становления может творить и реализовывать свой творческий потенциал, но пространство его творчества в данном случае существенно или в большей степени ограничено социально профессиональными требованиями, чем на втором этапе, когда проблемы, связанные с решением нормативных профессиональных задач, практически отсутствуют. И, самое главное, стадия профессионального развития является естественной предпосылкой стадии саморазвития. В рамках первой стадии фактически закладываются и развиваются средства для решения задач саморазвития и самореализации профессионала.

В заключение необходимо отметить, что профессиональный кризис, связанный со сменой способа развития, может приводить не только к конструктивным, но и деструктивным последствиям, а также к стагнационным явлениям. Говоря другими словами, часть специалистов переходит на новый, более адекватный уровень профессионального функционирования, причем скорость такого перехода может быть весьма различной у разных субъектов труда. Другая часть специалистов, в силу тех или иных причин,

«застревает» на старом уровне функционирования и не «включает» необходимые механизмы профессионального саморазвития. Такая стратегия профессионализации неизбежно приводит к профессиональной стагнации и появлению деструктивных новообразований в деятельности и личности специалиста.

На этот факт обращает внимание В.Е. Орел [6]. В его исследованиях показано, что именно в этот критический период, который приходится на стаж самостоятельной деятельности 5—7 лет, начинают проявляться первые деструктивные изменения личности и деятельности профессионала, которые в дальнейшем могут приводить к психическому выгоранию и профессиональным деформациям.

Литература

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. — М., 1977. — 380 с.
2. Выготский Л.С. Вопросы детской (возрастной психологии) / Собр. соч.: В 6 т. — М., 1984. — Т. 4. — 487 с.
3. Завалишина Д.Н. Практическое мышление (специфика и проблемы развития). — М., 2005. — 374 с.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма. — М. Знание, 1996. — 184 с.
5. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя. — М.: МПСИ «Флинта», 1998. — 320 с.
6. Орел В.Е. Синдром психического выгорания личности. — М.: Институт психологии РАН., 2005. — 330 с.
7. Ошанин Д.А. Концепция оперативности в инженерной и общей психологии // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение. — М., 1977.
8. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека. — М.: Издательство УРАО, 2002. — 160 с.
9. Поваренков Ю.П. Проблемы психологии профессионального становления личности. — Ярославль: Канцлер, 2008. — 402 с.
10. Шадриков В.Д. Деятельность и способности. — М., 1994. — 315 с.
11. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Логос, 1996. — 320 с.

152. Смирнова А. Е.

Ярославль

ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Исследование выполнено в рамках Гос. контракта Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (№ 236)

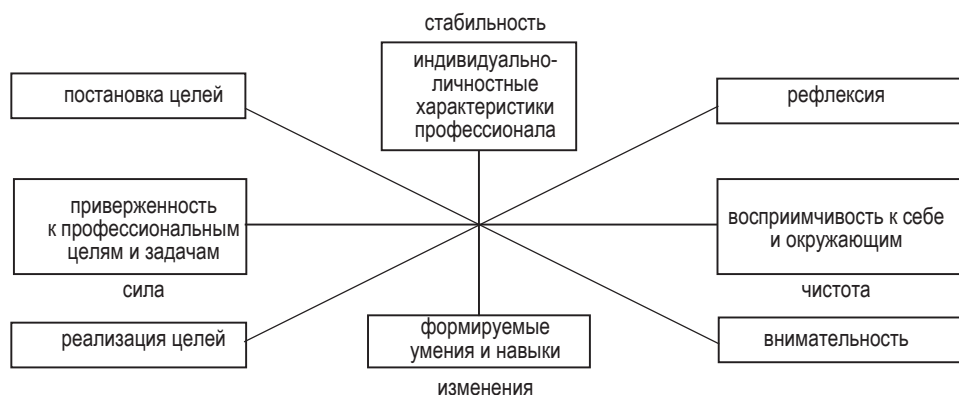
В процессе получения профессионального образования человек проходит ряд изменений, познает много нового, получает новые знания, умения и навыки.

Любая система — человек, организация, компания — неизменно развивается, так как любое изменение приводит к научению (хотя бы минимальному), а научение к росту, а рост, в свою очередь, влечет за собой изменение — и так по спирали... Изменяясь, научаясь и развиваясь, система в любом своем существовании стремится к балансу.

Как мы знаем, один из законов диалектики развития систем — единство и борьба противоположностей. Так какие же противоположности составляют суть нашей жизни как системы? Ответу на этот вопрос основной моделью теории трансформационного П. Врице «Лотос», где есть две основные противоположности: стабильность — некий смысл, предназначение — что-то внутреннее, постоянное, с одной стороны, а с другой стороны — изменения — контекст, изменчивая реальность, которая существует; вторая противоположность: сила — ориентация на цель, на решение задач, с одной стороны, и чистота — человеческий фактор и отношения, с другой (Wryczka P. «Performance and Alignment Network»).

На основе представленной выше модели я описываю динамическую модель развития профессионала в процессе получения высшего профессионального образования (рис. 1).

У любой личности, профессионала есть определенный набор индивидуально-личностных характеристик (акцентуации, сила НС, экстраверсия-интроверсия, особенности познавательных процессов, эмоционально-мотивационных и т. д.), который является практически неизменным в течение жизни и в совокупности представляет собой уникальность человека — это я называю стабильным полюсом. Также в течение всей жизни человек изменяется: растет, меняется внешность, человек чему-то учится и познает что-то новое, в результате личность обладает определенными сформированными умениями и навыками — и в модели профессионального развития это является полюсом изменений. Профессионал также является последователем и исполнителем определенных профессиональных миссий, перед ним ставятся цели и задачи, на достижение которых он ориентируется в своей деятельности. Но в то же время профессионал должен хорошо воспринимать собственные состояния, быть способным к самопознанию и самоанализу и воспринимать окружающий мир, других людей, процессы, происходящие вокруг. Это две базовые противоположности развития и становления профессионала на любом этапе. И баланс между противоположностями является залогом гармоничного профессионального развития.

Рис. 1. Динамическая модель развития профессионала в процессе получения высшего профессионального образования

В чем же выражаются базовые противоположности профессионального развития (индивидуально-личностные характеристики профессионала — формируемые умения и навыки; приверженность к профессиональным целям и задачам — восприимчивость к себе и окружающим): в основах профессионального действия — постановка целей, реализация целей, внимательность и рефлексия.

Эффективная реализация целей во многом зависит от грамотной постановки целей: хорошая и достижимая цель должна быть правильно сформулирована, и в НЛП это представлено как ХСР — хорошо сформулированный результат; напомним основные критерии: мною инициируется позитивная формулировка, проверка на вторичную выгоду, постановка цели в ВАКД (визуальный, аудиальный, кинестетический + дигитальный), сроки достижения, экологичность.

Внимательность предполагает внимательность к тому процессу и к тому контексту, в котором профессионал пребывает. Эта внимательность — умение считывать и получать обратную связь от системы. Рефлексия — это умение понимать себя, умение управлять собой и умение анализировать, раскладывать на тысячу разных вариантов то, что происходит сейчас. Многие профессионалы пропускают этот блок рефлексии. Они получают какой-то сигнал на входе от системы и сразу делают выводы, начинают действовать. И очень часто, практически в 80 случаях моей работы с различными специалистами, я обращала их внимание на то, что невозможно принять решение, невозможно получить качественную обратную связь и полную информацию извне, пропуская этот сектор рефлексии.

Обучение является основой сбалансированного развития системы профессионализма личности, возможностью для личности развивать все стороны профессионального существования: укрепить

те свои индивидуально-личностные характеристики, которые являются базовыми для развития профессиональной личности; получить новые знания, умения и навыки; а также развить внимательность и чувствительность к процессам, контексту, людям; а рефлексия помогает лучшему усвоению новых ЗУН.

153. Сюткина Л. В.
Ижевск

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ С ПОЗИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ

Интенсификация управленческой деятельности, умножение межличностных контактов, усложнение форм общения порождают социально-психологические проблемы, которые представляется возможным решать, повышая уровень социально-психологической компетентности (СПК) личности (отмечает Л.А. Петровская).

В рамках деятельностного подхода СПК является компонентом профессиональной компетентности (коммуникативный компонент) специалиста и соотносится с конкретной деятельностью. В структуре СПК выделяют следующие компоненты: когнитивный (интеллектуальный) — обеспечивает ориентировку в других людях и в их трудных ситуациях; практический (исполнительный) — система умений и навыков воздействия на людей; психологический — совокупность психологических характеристик личности, способствующих успешной реализации первых двух компонентов (О.В. Минкина).

С точки зрения общепсихологического подхода, СПК рассматривается как способность использовать знания и умения для организации эффективного взаимодействия на основе правильного оценивания, анализа ситуации и личностных особенностей другого человека. В данном контексте структура СПК выглядит так: мотивационно-ценностный, операциональный и функциональный элементы (Е.Н. Овчарова).

Через призму системного подхода в структуре СПК выделяют когнитивную, экспрессивную и интерактивную стороны. В основе структуры социально-психологической компетентности — решение проблемы.

С позиций компетентностного подхода СПК вписана в структуру социальной компетентности и представляет собой «межличностную ориентацию: представление о разнообразии социальных ролей и способов взаимодействия; умение решать межличностные проблемы; выработанные сценарии поведения в сложных, конфликтных ситуациях» (В.Н. Куницына). Социально-психологическая компетентность включает в себя такие структурные образования, как психологические и социальные знания, умения и установки — «установки на то, что в жизни, в общении всегда есть место трудностям, кризисам и готовность к ним, несомненно, существенный компонент СПК» (Л.А. Петровская).

Компетентностный подход позволяет нам выделить следующую структуру СПК: коммуникативная компетентность (КК), перцептивная (когнитивная) компетентность (ПК) и компетентность в области взаимодействия и поведения. В самом общем плане КК предполагает развитие адекватной ориентации человека в себе самом — собственном психологическом потенциале, потенциале партнёра, в ситуации и задаче (Л.А. Петровская). ПК отражает степень соответствия сформировавшейся картины мира, стереотипов, образов, образцов и вариативности поведения научным картинам мира. Компетентность в области взаимодействия сводится к знаниям о природе социальных влияний, умениям и навыкам социального взаимодействия.

Такой подход зеркально отражает идею трёхсторонней модели общения, предложенной Г.М. Андреевой, в ней доминирует принцип единства общения и деятельности. Формирование компетентности детерминировано включением личности в совместную деятельность в ходе освоения самой же личностью систем общения (В.Г. Кодола). Как следствие данного научного постулата, в структуре СПК выделяют: умение ориентироваться в социальных ситуациях, умение правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, умение выбирать адекватные способы общения с людьми и реализовывать их в процессе взаимодействия, умение поставить себя на место другого (персонификация).

Как видим, проблема понимания структуры социально-психологической компетентности в отечественной науке находится на стадии активного научного познания и является перспективным направлением исследовательской деятельности в конструировании траекторий развития личности.

154. Морозов А. В., Муждабаева М. В.

Арзамас

**РАЗВИТИЕ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ**

В исследованиях, изучающих мотивационную сферу личности в профессиональном становлении, обнаруживается тенденция раскрытия структурных образований мотивационной сферы личности и деятельности, в частности: мотивация профессиональной ориентации и самоопределения, мотивация самосознания и мотивация достижения успеха.

Факты, накопленные психологической наукой, подтверждают мысль о том, что от уровня развития мотивации достижения во многом зависит профессиональное становление личности. Замечено, что люди с сильно выраженным стремлением к достижению успехов, проявляющемся в стремлении выполнить работу на высоком уровне качества везде, где имеется возможность проявить творчество, мастерство и способности, добиваются в профессиональной деятельности гораздо большего, чем те, у кого такая мотивация слаба или отсутствует.

Немаловажную роль в профессиональном становлении личности отводится фактору профессионального самоопределения — акта выбора профессии, осознания личностью собственной позиции в обществе, поиска личностного смысла в профессиональной деятельности.

С точки зрения концепции системогенетического развития профессионала, предложенной Ю.П. Поваренковым, профессиональное самоопределение понимается нами как ведущая форма профессиональной активности, определяющая весь ход профессионализации. Активизируется профессиональное самоопределение в самом начале профессионализации личности и обеспечивает решение задач профессионального развития, которые, непосредственно, ставит перед собой субъект труда.

Одним из компонентов профессионального самоопределения является профессиональное осознание личности. Среди множества определений, не противоречащих, а взаимодополняющих друг друга, термин «профессиональное самосознание» понимается как разновидность самосознания в части принадлежности к некоторой профессиональной группе, как познание и самооценка профессиональных качеств и отношения к ним, инстанция, в которой происходит оценка имеющихся достижений, планирование направления саморазвития, его осуществление, осознание себя как субъекта своей профессиональной деятельности.

Профессиональное самосознание включает осознание индивидом норм, правил, моделей своей профессии как эталонов для осознания своих качеств; осознание этих качеств у других людей, сравнение себя с неким абстрактом или конкретным коллегой; учет оценки себя как профессионала со стороны коллег; самооценивание человеком своих отдельных сторон — понимание себя, своего профессионального поведения, а также эмоциональное отношение и оценивание себя.

Индивиды со сформированным профессиональным самоопределением и профессиональным самосознанием обладают высоким показателем мотивации достижения, работы на результат и четко представляют себе специфику деятельности с учетом своих особенностей.

На формирующем этапе исследования, проведенного среди 300 соискателей торговой компании «АСД», принявших участие в программе обучения с последующим трудоустройством в компанию, в курс занятий по развитию мотивации достижения был включен курс «Введение в профессию», направленный на формирование профессионального самоопределения и самосознания участников. Данный курс способствовал конкретному представлению участников о профессиональной сфере и своей будущей деятельности как специалистов в сфере продаж, с учетом собственных интересов, способностей, ценностей.

На оценочном этапе осуществлялась диагностика мотива достижения успеха, применялись статистические методы сравнения и обработки результатов.

В группе после проведения обучения, в том числе способствующего профессиональному самоопределению и самосознанию личности, был выявлен более высокий уровень мотивации достижения, что подтверждает вычисленное нами значение коэффициента Стьюдента ($t = 2,37$) при вероятности допустимых ошибок равной 0,05. Это свидетельствует о том, что в результате обучения у испытуемых произошло развитие мотива достижения.

Слушатели после прохождения обучения стали более осознанно и реальнее представлять себя в профессии специалиста в области продаж в настоящий момент и в перспективе, они более конкретно представляют себе будущую сферу деятельности. По нашему мнению, все это свидетельствует о развитии у них профессионального самосознания и самоопределения.

155. СЕРГЕЕВА С. Г.

Ижевск

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕКСТЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

Образовательная среда в различных педагогических технологиях разнообразна. Однако ведущим ее элементом является учебная информация. «Образовательные тексты (знаки, символы, схемы) влияют на становление, развертывание и самоорганизацию психических и духовных процессов у человека». Текст — это важное средство умственного развития учащихся и основной способ опосредованной формы коммуникации знаний. С семиотической точки зрения, текст выступает как особая часть знаковой реальности — языкового континуума, как форма объективизации осознания. Текст представляет собой некоторую «систему смысловых единиц разной степени сложности и значимости, функционально объединенных в единую семантико-смысловую структуру общей концепцией» [1, С. 94]. Е.В. Бондаревская рассматривает личность человека через призму понятия «культура». Источниками «культурологического» содержания образования являются общечеловеческая культура и индивидуальная культура, представленные в многообразии смыслов, символов, различных «языков».

Современное содержание высшего образования постепенно обновляется и соответствует эмоционально-культурному контексту современного студенчества и современной социокультурной среде. Учебные тексты имеют классификацию. По О.Н. Крыловой, «существует три основных типа учебных текстов: информационные; повествовательные (как правило, это текст художественный, публицистический); рассуждающие (убеждающе-дискуссионные) — научные, научно-популярные» [4, С. 118].

Предложенная классификация текстов построена на основе теории фреймовой модели структурирования информации. В информационных текстах обучающийся получает как бы «стерилизованную» информацию учебников и учебных пособий, в которой не видно процесса поиска того или иного решения, а изучение научных, научно-исследовательских (убеждающе-дискуссионных) текстов позволяет студентам прикоснуться к поиску новых идей и открытий. В нашем исследовании особо выделены повествовательные тексты (тексты описательного характера, исторические, тексты художественные, публицистические), подразделяющиеся на 2 группы («фреймы»); условно их называют «цель — действие — результат» и «проблема». Причем в этих текстах находят свое отражение реальные жизненные ситуации, которые разрешаются с использованием знаний, учебного и жизненного опыта, ценностей.

Работа с фреймом «цель—действие—результат» происходит с позиции стороннего наблюдателя, который никак не вмешивается в событие, только следит за сюжетом, и основное внимание направлено на то, каков будет результат, развязка истории (как правило, это художественные тексты).

Фрейм «проблема» представляет собой не простое описание событий, а установление проблемы и способов их преодоления, содержащихся в данном тексте.

Для гуманистической философии образования предметом исследования являются не столько связи между знаниями, явлениями, сколько смысл, возникающий при познании. Смысл не может быть принесен извне, поэтому значимым определяется познание смыслового содержания текста, его связей, причин, ценностей, мирового сознания, в которых «человек, находящийся в мире, пытается уяснить себе и мир, и самого себя» (Н. Гартман).

Восприятие смыслового содержания текста представляет собой сложную аналитико-синтетическую речемыслительную деятельность. Она состоит «в переводе последовательности языковых средств выражения смысловых отношений, заданных в тексте, на метаязык образных схем» [5, С. 91]. Таким метаязыком может выступать искусство. По словам Б. Неменского, «искусство — это такой вид человеческой деятельности, который создает целостную картину мира, создает ее в единстве мысли и чувства, в системе эмоциональных образов». Э.В. Ильенков утверждает, что искусство «развивает способность чувственно воспринимать мир по-человечески» и развивает эмоциональную сферу личности. Особенностью эмоциональной сферы учителя считается «способность сопереживать и сочувствовать, разделять чувства своих учеников, влиять на их эмоциональную жизнь... В возможности гордиться успехами ученика, терпеливо ему помогать, участливо слушать, искренне разделять тревоги и радости, понимать своего собеседника-ученика» [2, С. 231]. Искусство — как «вечный язык: в литературе — слово, в музыке — звук, в скульптуре — объем, в архитектуре — линия, в живописи — краска и форма» в их сочетании, взаимодействии, напряжении и взаимоотталкивании.

Такой «вечный язык» помогает каждой личности развить свой собственный язык самовыражения, «опредметить» образ внутреннего «я», проявить эмоционально-ценностное отношение к событию, ребенку, миру не только вербальным, но и визуальным языком, поскольку понятие образа очень широко «и непостижимо никогда...». Полным тайны, загадочности, мистическим образом возникает из «художника» творение. Зачем нужно рисование? Во-первых, это передача информации, во вторых, это отражение реальности, но не в случайных признаках, а в ее основных, значимых чертах, языком линий, форм, пятен, точки, штриха, геометрической фигуры.

Примером может служить педагогическая ситуация в повествовательном тексте в котором нет концовки. Нужно предложить свой ход и концовку педагогической ситуации и сделать свою зарисовку педагогической ситуации в «следах», пытаясь проявить в «следах героев» их характер, намерение поступков в действии, а затем сравнить с оригиналом повествовательного текста. Суть педагогической ситуации в повествовательном тексте в обучении состоит в возможности: проживания и рефлексии отношения к «своему и «чужому» «тексту»; взаимодействия (сотрудничества, со-бытия) с «другим», осуществляющим себя в «тексте»; осознания (самосознания) своего индивидуального «языка» в процессе культурной коммуникации; разрешения противоречий, связанных с возможностями понимания других субъективных «языков». Информационные тексты, в которых знания представлены в традиционном аспекте (рассмотрение понятий, их описание, характеристика), обогащаются содержанием того или иного вида искусства (художественные и повествовательные тексты, педагогические анекдоты, сказки, живописные «тексты»), которые в итоге интегрируются друг в друга и дают эффект оптимизации мыслительной деятельности и эмоциональных переживаний.

По мнению психологов, эмоциональные переживания имеют гносеологическую природу, так как определяются контекстом жизни человека. Переживания являются переживанием чего-то и, следовательно, знанием чего-то. В восприятии мира человеком эмоциональное знание, опережая логику, схватывает ситуацию с тем опытом, который накоплен в течение всей жизнедеятельности человека, а, значит, и всего общества. Человек как информационная самообучающаяся система при принятии знания в первую очередь ориентируется на сопровождающее это знание эмоции [3].

Таким образом, интеллектуальные эмоции или переживания входят как составная часть в сознательную жизнь человека и играют важную роль в любой познавательной деятельности. Переживания, как и знания, составляют одну из сторон сознания.

Однако, как показывает практика педагогической, научной и практической деятельности, интеграция искусства, в том числе эмоциональные переживания, составляют очень малую часть всего массива знаний, которые получает студент за время обучения в высших учебных заведениях. Поэтому в современных условиях актуальна проблема модернизации профессиональной подготовки будущих учителей, интеграции искусства как «текстов», которые могут быть основой успешной профессиональной педагогической деятельности.

Литература

1. Дридзе Т.М. Понятие и метод установления содержательной структуры текста применительно к учебному тексту (информативно-целевой анализ). Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия / Под. ред. Ю.А. Жлуктенко, А.А. Леонтьева. — Киев: Выща шк. Изд-во при Киев. ун-те, 1978. — 100 с.
2. Профессия — учитель: Учебное пособие для профильной и профессиональной ориентации и профильного обучения школьников / А.С. Роботова, И.Г. Шапошникова, В.А. Родионова и др. — М., 2005.
3. Расторгуев С. Информационная война ЭВМ, СР-сети и эмоций как критерий истинности (возникновение нового знания). — Электрон. дан. — Режим доступа: www.PoIBu.ru.
4. Эмоциональный мир человека в педагогических исследованиях: Сб. науч. ст. — СПб.: ЛЕМА, 2009. — 123 с.
5. Юртайкин В.В., Бабырева А.П. Формирование операционального компонента деятельности по восприятию иноязычного текста // Психологические механизмы порождения и восприятия текста: Сб. науч. тр. — М., 1985. — 106 с.

156. Колчина Л. П.

Ижевск

УСЛОВИЯ УСПЕШНОСТИ ОВЛАДЕНИЯ ПРОФЕССИЕЙ АКТЕРА

Изучалась связь психологических особенностей личности будущего актера с показателями успешности обучения и отсева по профнепригодности. Объектом исследования были студенты первых и выпускных курсов отделений «Актер драматического театра» и «Актер театра кукол» Екатеринбургского государственного театрального института.

Применялись следующие методики: 1) цветовой тест Люшера, 2) методика самооценки уровня ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина, 3) тест Левина «Конструктивный рисунок человека», 4) модифицированный тест креативности Торренса, 5) опросник Леонгарда-Шмишека, 6) опросник РЕН Г. Айзенка.

Математическая обработка — корреляционный и факторный анализ 25 показателей выполнен в статистических пакетах «Келли» и «Статграф».

1. Показатели профиля личности будущих актеров, положительно связанные с успешностью обучения ($p = 0,05$), были интерпретированы как благоприятные.

А. Эмоциональные состояния: высокая способность к мобилизации, оптимум эмоциональной напряженности, состояние комфорта.

Б. Черты личности: эмотивность, возбудимость, циклотимность, эмпатия, конструктивность, показатель креативности 10, 12, экзальтированность.

2. Показатели, связанные негативно с успешностью обучения в театральном вузе ($p = 0,01$), интерпретированы как неблагоприятные для овладения профессией.

А. Эмоциональные состояния: чрезмерная возбудимость, состояния фрустрации и дискомфорта.

Б. Черты личности: повышенная тревожность, нейротизм, психотизм, демонстративность, застревание, педантичность, гипертимность, директивность.

3. Психологические качества, нейтральные для освоения профессии: экстра-интроверсия, показатель креативности 11.

Были выделены 3 подгруппы будущих актеров в зависимости от соотношения этих трех групп свойств в характеристике их личности.

Полученные результаты могут быть использованы при отборе абитуриентов, для решения психодиагностических задач профилизации среднего образования, профотбора абитуриентов, а также для индивидуализации приспособления учащихся и студентов к учебно-воспитательному процессу и повышению успешности освоения профессии актера в средне-специальных и высших учебных театральных заведениях.

157. **Сенин И. Г.**

Ярославль

РОЛИ ТЕРМИНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Проблема изучения воздействий особенностей профессиональной среды на те или иные подструктуры личности вызывает, в последнее время, все больший интерес как в теоретическом, так и в прикладном аспекте общей проблематики взаимодействия человека и его профессии. При этом отмечается, что каждая профессиональная деятельность по-своему воздействует на те или иные личностные свойства, что, в конечном итоге, приводит к возникновению профессиональной деформации, понимаемой как результат комплексного влияния профессии на личностные особенности человека, занятого в ней (Э.Ф. Зеер, 2003, Н.С. Пряжников, 2003).

Однако, как нам кажется, можно предположить, что на личностные характеристики на более обобщенном уровне воздействует сам факт включенности человека в ту или иную профессиональную деятельность как таковую, вне зависимости от ее содержания, целей и задач.

Среди многообразия свойств и качеств личности, подвергаемых влиянию профессиональной среды, для проведения исследования нами были выбраны ценностные ориентации и, в частности, терминальные ценности. Являясь отдельным компонентом сферы направленности личности, которая сама по себе, как известно, отличается наибольшей степенью изменчивости среди других личностных подструктур, именно терминальные ценности отличаются относительно высокой степенью стабильности среди других компонентов данной сферы (M. Rokeach, 1973). При этом среди всех личностных характеристик сфера направленности личности и отдельных ее компонентов является одной из тех личностных подструктур, которая подвержена профессиональной деформации в наибольшей мере (Р.М. Грановская, 1988, Н.С. Пряжников, 1996).

Исходя из этого, цель нашего исследования заключалась в том, чтобы выделить те терминальные ценности, которые обладают достаточно высокой степенью выраженности вне зависимости от вида профессиональной деятельности.

В качестве типологии видов профессиональной деятельности нами была выбрана классификация Дж. Голланда (J.L. Holland, 1985), который предложил расклассифицировать все многообразие профессий на шесть типов: реалистический тип (Р-тип), исследовательский тип (И-тип), артистический тип (А-тип), социальный тип (С-тип), предпринимательский тип (П-тип) и конвенциональный тип (К-тип). Описывая данные типы профессий, Дж. Голланд отмечал, что каждый из них характеризуется своими специфическими психологическими особенностями. При этом он выделил три противоположных вектора типов профессионального окружения, определяющие наиболее несхожие между собой типы. Это векторы реалистического и социального типов, исследовательского и предпринимательского типов, а также артистического и конвенционального типов. Именно в этих наиболее несхожих между собой типах профессионального окружения мы и попытались выделить те универсальные терминальные ценности, которые обладают высокой степенью выраженности во всех трех векторах.

В качестве диагностического инструмента был использован «Опросник терминальных ценностей» (И.Г. Сенин, 1991), направленный на выявление выраженности восьми терминальных ценностей: Собственный престиж, Высокое материальное положение, Креативность, Активные социальные контакты, Развитие себя, Достижения, Духовное удовлетворение, Сохранение собственной индивидуальности. Исследование проводилось на выборке представителей 6 типов профессионального окружения (60 человек из каждой группы).

В целях выявления специфических особенностей выраженности ценностных ориентаций в отдельных типах профессионального окружения нами был подсчитан коэффициент достоверности различий t-Стьюдента по каждой терминальной ценности для трех векторов противоположных типов профессионального окружения. Полученные результаты представлены в табл. 1—3.

На этапе анализа результатов мы предположили, что показателем того, насколько каждая терминальная ценность в целом связана с профессиональным окружением как таковым вне зависимости от его типа, является частота встречаемости различий в выраженности отдельных терминальных ценностей в векторах противоположных типов.

Таблица 1

Показатели достоверности различий для А- и К-типов

Терминальные ценности	Средние		t
	А-тип	К-тип	
Собственный престиж	31	29	2.36
Высокое материальное положение	33	31	1.82
Активные социальные контакты	36	33	3.86
Развитие себя	36	34	2.63
Достижения	38	34	5.42
Духовное удовлетворение	37	34	4.63
Сохранение собственной индивидуальности	36	32	5.20

Таблица 2

Показатели достоверности различий для И- и П-типов

Терминальные ценности	Средние		t
	И-тип	П-тип	
Высокое материальное положение	34	36	2.02
Креативность	34	31	2.88
Активные социальные контакты	32	34	2.28
Развитие себя	35	32	3.00
Достижения	33	36	2.87
Сохранение собственной индивидуальности	31	33	2.31

Таблица 3

Показатели достоверности различий для Р- и С- типов

Терминальные ценности	Средние		t
	Р-тип	С-тип	
Собственный престиж	29	32	2.00
Высокое материальное положение	33	36	3.65
Достижения	34	32	2.38

Полученные нами результаты показывают, что наиболее часто в векторах противоположных типов встречаются статистически достоверные различия по следующим терминальным ценностям: Достижения, Высокое материальное положение, Собственный престиж, Активные социальные контакты, Развитие себя и Сохранение собственной индивидуальности. При этом различия по ценностям Достижения и Высокое материальное положение встречаются во всех трех векторах, а различия по ценностям Собственный престиж, Активные социальные контакты, Развитие себя и Сохранение собственной индивидуальности встречаются в двух векторах.

Анализируя результаты, полученные по первым двум ценностям, отметим, что высокий балл по показателю Достижения говорит о стремлении человека к достижению конкретных и осязаемых результатов в различные периоды жизни, высокий балл по показателю Высокое материальное положение отражает стремление человека к возможно более высокому уровню своего материального благосостояния. Полученные результаты, на наш взгляд, отражают тот факт, что данные терминальные ценности в наибольшей степени связаны с профессиональной деятельностью, так как именно эти ценности являются показателем удовлетворенности человеком своей профессиональной жизнью в целом. Человек, который смог чего-либо достичь в своей профессиональной деятельности, каких-либо

конкретных результатов и при этом получает значимое вознаграждение за нее, в современном обществе считается достаточно успешным, а позитивная оценка окружающих, в свою очередь, влияет и на эффективность выполнения им своей деятельности. Кроме того, это является основанием и для развития чувства собственной значимости, повышения самооценки. Таким образом, для любого профессионала, вне зависимости от того, в какой сфере он работает, наиболее важным в современной жизни является стремление к высокой результативности своего труда и к получению хорошего материального вознаграждения за свою работу.

Анализируя результаты по второй группе ценностей, отметим, что такая ценность, как Собственный престиж, в целом, отражает стремление человека к завоеванию своего признания в обществе путем следования определенным социальным требованиям. В профессиональной жизни данная терминальная ценность выражается в стремлении человека иметь работу или профессию, которая высоко ценится в обществе. При этом человек, как правило, очень заинтересован во мнении других людей относительно сферы своей профессиональной деятельности и стремится добиваться признания в обществе путем выбора наиболее социально одобряемой работы или профессии.

В свою очередь, терминальная ценность Активные социальные контакты в самом общем смысле отражает стремление человека к установлению благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодействия, расширению своих межличностных связей и реализации своей социальной роли. В сфере профессиональной жизни данная ценность конкретизируется в стремлении к коллегиальности в работе, установлении благоприятных взаимоотношений с коллегами. Такая ценность, как Развитие себя говорит о стремлении к наиболее полной реализации своих способностей в сфере профессиональной жизни и к повышению своей профессиональной квалификации. Ценность Сохранение собственной индивидуальности выражается в стремлении посредством своей профессиональной деятельности каким-либо образом «выделиться из толпы».

Исходя из этого, можно сделать заключение о том, что для любого профессионала вне зависимости от того, в какой сфере он работает, наиболее важным в современной жизни является высокая результативность своего труда и получение хорошего материального вознаграждения за свою работу. При этом он стремится к тому, чтобы его профессия высоко ценилась в обществе, давала бы возможность широкого взаимодействия с другими людьми и позволяла бы человеку развиваться как в личном, так и в профессиональном смысле.

---

158. Лаукарт Н. П., Гриценко С. В.
Абакан

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ЛИЦАМИ, ОСТАВШИМИСЯ БЕЗ ПОСТОЯННОГО МЕСТА РАБОТЫ

Одним из наиболее распространенных в наши дни видов аффектов является стресс. Он дезорганизует деятельность человека, нарушает нормальный ход его поведения. Стрессы, особенно если они часты и длительны, оказывают отрицательное влияние на психологическое состояние и на физическое здоровье человека. Человек, потерявший работу, испытывает сильнейший эмоциональный стресс.

В наше время в условиях экономического кризиса растет число безработных из-за сокращений и увольнений, люди, потеряв работу, оказываются без гарантированной заработной платы, лишаются возможности материально обеспечивать свою семью, себя лично, теряют уверенность в завтрашнем дне, утрачивают веру в себя. Для того чтобы практический психолог мог оказать квалифицированную помощь рассматриваемой категории населения, необходимо получить информацию об особенностях эмоциональных переживаний, которые испытывают люди без постоянного места работы. Поэтому изучение вопросов, связанных с эмоциональными состояниями, переживаемыми человеком, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, с учетом актуальной экономической обстановки в мире и у нас в стране приобретает особую значимость.

Целью нашего исследования было изучение особенностей эмоциональных переживаний лицами, оставшимися без постоянного места работы.

В эксперименте принимало участие 30 человек, из них — 15 женщин и 15 мужчин в возрасте от 30 до 50 лет. Для представителей данной возрастной группы характерно наличие уже освоенных профессиональных и трудовых умений, а ведущим типом деятельности является труд, профессия и учеба, что является значимым параметром для проводимого исследования.

В эксперименте были использованы следующие методы: методика САН; методика определения уровня ситуативной тревожности Ч. Спилбергера; методика «Диагностика уровня социальной фрустрированности», разработанная Л.И. Вассерманом, а также была составлена анкета, позволяющая получить дополнительную информацию о респондентах (выявить биографические факты; профессиональные предпочтения и др.); методы математической статистики (U-критерий Манна—Уитни, критерий ϕ^2 — угловое преобразование Фишера).

При анализе данных, полученных по методике САН, было обнаружено, что низкий уровень самочувствия в одинаковой степени (13,3 %) характерен для представителей обоих полов. Различия обнаруживаются для среднего и высокого уровней. Количество женщин (40 %), испытывающих средний уровень самочувствия, несколько выше, чем мужчин (26,7 %), и обратное соотношение для высокого уровня 60 % и 46,7 % соответственно. Это свидетельствует о том, что для женщин в равной степени характерно переживание нормального или высокого уровня самочувствия, а в группе мужчин больше половины опрошенных демонстрируют высокий уровень. Эти данные могут быть связаны с физиологическими особенностями женщин — они более утомляемы, физически слабее, чем мужчины.

К категории «Активность» отнесены характеристики движения, подвижности, скорости и темпа протекания функций, процессов и т.д. Из полученных данных можно сделать вывод, что для 66,7 % женщин присущ низкий уровень активности, при этом для мужчин примерно в равной степени диагностируются все три уровня. Возможно, это связано с тем, что в группе мужчин значительный процент приходится на тех испытуемых, которые не работают больше года (26,9 %), а значит, они уже достаточно хорошо адаптировались к сложившимся условиям. А в группе женщин большинство испытуемых (93,3 %) потеряло работу недавно и, как следствие, не успело принять данную ситуацию.

По шкале настроения для представителей обеих групп свойственно переживание крайних положений. При этом распределение по полюсам не является равномерным: количество мужчин, находящихся на высоком уровне составляет 66,7 %, а женщин — 47,7 %. Это свидетельствует о том, что для женщин в большей степени, чем представителям противоположного пола характерен сниженный уровень настроения вследствие негативного общего эмоционального фона.

В целом данные по методике САН позволяют говорить о том, что наиболее хорошие самочувствие, настроение и большая активность диагностируются в группе мужчин в отличие от женщин.

Изучение ситуативной тревожности с помощью методики Ч. Спилбергера позволило обнаружить, что для большинства женщин (73,3 %) характерен очень высокий уровень ситуативной тревожности, в то время как лишь 20 % опрошенных мужчин имеют аналогичные показатели. Это говорит о том, что женщины, оставшиеся без постоянного места работы, актуально переживают тревогу в большей степени, чем мужчины. Обнаруженные различия являются статистически значимыми ($p = 0,01$).

Результаты исследования фрустрированности показывают, что большинство испытуемых мужчин (53,5 %) и 20 % женщин имеют очень низкий уровень выраженности рассматриваемого параметра. Нужно заметить, что высокий уровень фрустрированности встречается у 6,6 % женщин и отсутствует у мужчин. Количество женщин, переживающих неопределенный и умеренный уровень фрустрации, также несколько выше, чем мужчин.

Такие данные свидетельствуют о том, что в негативных жизненных ситуациях женщины более сильно испытывают состояние напряжения, тревоги, отчаяния. Статистическая обработка полученных результатов позволяет говорить о существовании значимых ($p = 0,01$) различий по уровню фрустрированности между сравниваемыми группами.

Для выявления более глубоких причин, вызывающих переживание того или иного эмоционального состояния, на основе анкетных данных дополнительно группы испытуемых были разделены по критерию — отношение к трудовой деятельности. В результате в каждой группе были выделены три подгруппы: 1 — лица, которые не хотят работать и не стремятся найти работу; 2 — хотят найти работу, но только в определенной сфере деятельности; 3 — согласны на любую работу.

Статистически достоверные результаты получились между подгруппой женщин, которые не хотят работать, и подгруппой мужчин, которые хотят работать хоть где, по уровню активности ($p = 0,05$), тревожности ($p = 0,01$) и фрустрированности ($p = 0,01$). Полученные данные говорят о том, что различная мотивация в выборе работы по-разному отражается на эмоциональных состояниях.

Были обнаружены статистические различия между подгруппой женщин, которые хотят работать в определенной сфере, и мужчинами аналогичной группы по всем параметрам ($p = 0,01$), кроме настроения. Возможно, это связано с тем, что мужчины спокойнее относятся к реализации желаний, а женщины более тревожны и восприимчивы к неудачам.

Также получены статистически значимые результаты между подгруппой женщин, которые хотят работать везде, и подгруппой мужчин, которые хотели бы работать в определенной сфере деятельности, по уровню настроения ($p = 0,00$) и тревожности ($p = 0,00$). Из чего следует, что в группе женщин уровень настроения характеризуется нестабильностью (либо завышен, либо занижен) и уровень тревожности в целом выше, чем у мужчин, несмотря на то, что при отсутствии требований, предъявляемых к возможной деятельности, они имеют больший спектр предлагаемых рабочих мест.

При сравнении других подгрупп были получены результаты, аналогичные тем, что обнаружилось в целом по группам мужчин и женщин, то есть статистически значимые различия по уровню тревожности и фрустрированности.

Таким образом, в ходе проведенного исследования был выявлен ряд параметров, определяющих специфику переживания эмоциональных состояний лицами, оставшимися без постоянного места работы. К ним относятся: гендерные особенности безработных (женщины оказались в большей степени подвержены воздействию сложной жизненной ситуации); мотивы, определяющие отношение к поиску будущего места работы.

---

159. Рубцова Н. Е.
Москва

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЦЕЛЯХ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ПРОФОТБОРА

Сфера современной профессиональной деятельности характеризуется глубокими трансформациями, существенно видоизменяющими многие традиционные виды труда, а также постоянно порождающими новые, не существовавшие ранее профессии. В связи с этим остро актуальной является задача приведения в соответствие с современным состоянием сферы профессионального труда как теоретико-методологических основ психологического изучения профессиональной деятельности, так и прикладного инструментария ее психологического сопровождения, в том числе — на этапах профессиональной ориентации, профессионального самоопределения, профессионального отбора и подбора кадров и т. д.

Проведенный анализ приводит к выводу, что в нашей стране до сих пор наиболее широко применяемыми являются классификации профессиональной деятельности, разработанные Е.А. Климовым [3] и Дж. Холландом [8] еще в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века, то есть — более 40 лет назад. За это время сфера труда в нашей стране изменилась очень существенно как в плане своего предметно-технологического оснащения, так и в плане социальных форм и условий организации профессиональной деятельности. Однако все эти изменения не отражаются в упомянутых и многих других проанализированных классификациях профессиональной деятельности. В связи с этим нами разработана новая обобщенная психологическая классификация профессиональной деятельности, названная «интегративно-типологической» в соответствии с ключевыми методологическими принципами своего построения. Данная классификация основана также на принципах метасистемности (А.В. Карпов) [2], проблемностей в профессиональной деятельности (Ю.Я. Голиков, А.Н. Костин), уровневости строения поведения и деятельности (Н.А. Бернштейн, Б.М. Величковский, А.В. Карпов) [см., например: 1],

уровневого строения психических процессов (А.В. Карпов) [2]. При ее разработке нами использовались также субъектно-деятельностный (В.А. Бодров, Д.Н. Завалишина, Г.М. Заракowski, В.Е. Орел, Ю.П. Поваренков и др.) и субъектно-информационный (С.Л. Ленков) [4] подходы к психологическому изучению профессиональной деятельности.

За основу построения классификации взяты три базовых отношения, связывающих профессиональную деятельность индивидуального субъекта труда с совместной деятельностью обобщенного коллективного субъекта труда. Это — отношения «субъект труда — коллективный субъект совместного труда», «деятельность субъекта труда — деятельность коллективного субъекта совместного труда» и «предмет труда — коллективный предмет совместного труда» [5; 6; 7]. Каждое из указанных отношений специфицировано с помощью ряда ключевых признаков профессиональной деятельности. В итоге конкретный вид профессиональной деятельности определяется следующими семью ключевыми признаками: выраженность управленческого исполнительского характера труда, выраженность долговременной и, соответственно, оперативной организации и регуляции деятельности, выраженность типов операционального состава деятельности, соответственно, «Чувственный», «Межсубъектный» и «Информационный».

Применение данных признаков позволило построить обобщенную трехмерную психологическую классификацию профессиональной деятельности, включающую 21 обобщенный психологический тип [5], получившие в ходе апробации и прикладного применения следующие рабочие названия: 1) вспомогательный рабочий, 2) квалифицированный рабочий, 3) инженер, 4) художник-исследователь, 5) наборщик данных, 6) техник-статистик, 7) бухгалтер, 8) писатель-исследователь, 9) помощник-референт, 10) учитель, 11) консультант, 12) руководитель группы, 13) руководитель отдела, 14) генеральный директор, 15) ученик рабочего, 16) продавец, 17) технолог, 18) дизайнер, 19) бригадир, 20) начальник цеха, 21) кутурье. Важно подчеркнуть, что приведенные наименования условны и лишь частично выражают принадлежность конкретных профессий к тому или иному типу. Напротив, в ходе исследования установлено, что в рамках одной и той же традиционной профессии в зависимости от должности, уровня квалификации, специфики предприятия и конкретного трудового поста могут реализовываться совершенно разнородные в психологическом плане виды профессиональной деятельности.

На основе анализа эффективности выполнения профессиональной деятельности для каждого обобщенного типа разработаны критериальные нормы определения соответствия субъекта труда предъявляемым к нему психологическим требованиям для мужской и женской выборок. Объем использованной в исследовании эмпирической выборки составил 1092 женщины и 1122 мужчины; 858 конкретных трудовых постов, 266 обобщенных трудовых постов и 63 обобщенных профессии. Упомянутые критериальные нормы включают следующие группы требований: 1) общие требования (пол, возраст, стаж работы, уровень образования), 2) коммуникативные свойства (общительность, экспрессивность, смелость социальных контактов, коммуникативные склонности), 3) когнитивные свойства (оперативность мышления, творческое воображение, аналитическое мышление, рефлексивность, креативность, переключаемость внимания, объем оперативной памяти), 4) эмоционально-волевые свойства (эмоциональная устойчивость, тревожность, самоконтроль, напряженность), 5) свойства социального взаимодействия (доминантность, подозрительность, дипломатичность, независимость, организаторские склонности), 6) потребностно-мотивационные свойства. В состав последних вошли четыре разнородные группы свойств: 1) профессиональная направленность по классификации Е.А. Климова (типы «Техника», «Человек», «Знак», «Художественный образ», «Природа»); 2) профессиональная направленность по классификации Дж. Холланда («Реалистический», «Исследовательский», «Социальный», «Конвенциональный», «Предпринимательский» и «Артистический» типы), 3) профессиональная направленность по разработанной в ходе исследования авторской методике ИНЛ («Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности») (синтегративно-типологической); 4) самооценка и удовлетворенность трудом.

Таким образом, построенная классификация фактически применяется в комплексе с классификациями Е.А. Климова и Дж. Холланда, поскольку последние, во-первых, позволяют определить важные свойства субъекта, дифференцирующие некоторые из построенных обобщенных типов интегративно-типологической классификации, а во-вторых, в перспективе могут использоваться для дальнейшей детализации и дифференциации типов на подтипы.

Применение интегративно-типологической классификации позволило увеличить эффективность профессионального отбора и подбора кадров на ряде предприятий Твери, Москвы, Тверской и Московской

областей. Перспективным, с нашей точки зрения, является и ее применение в целях профориентации и психологического сопровождения профессионального самоопределения.

Литература

1. Бернштейн Н.А. О построении движений. — М.: Медгиз, 1947.
2. Карпов А.В. Метасистемная организация уровней структур психики. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
3. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. — М.: Наука, 1995.
4. Леньков С.Л. Субъектно-информационный подход к психологическим исследованиям деятельности. — Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2002.
5. Рубцова Н.Е. Интегративно-типологический подход к построению обобщенной психологической классификации профессиональной деятельности // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». — 2008. — № 5. — С. 45—49.
6. Рубцова Н.Е. Обоснование психологической концепции интегративных типов профессиональной деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. — 2006. — № 1. — С. 149—161.
7. Рубцова Н.Е. Психологические основания выделения интегративных типов профессиональной деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Психология». — 2005. — № 11. — С. 8—25.
8. Holland J.L. Making vocational choices: A theory of careers. — Englewood Cliffs, N.J., 1973.

160. Морозов А. В., Фатхуллин М. В.

Арзамас

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ С ЦЕЛЬЮ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВ ТРУДОУСТРОЙСТВА

К настоящему времени в отечественной и зарубежной литературе практически не встречается работ, посвященных определению профпригодности и профориентации подростков с эписиндромом, а также изучению их личностных особенностей. Современный этап развития теории и практики психологии труда, инженерной психологии, эргономики, коррекционной педагогики и специальной психологии характеризуется усилением внимания к изучению различных особенностей психического развития подростков, что имеет важное научно-практическое значение.

В теоретическом аспекте проблема трудоустройства подростков — одна из ключевых проблем психологии профессионального становления личности, в которой профессиональное самоопределение рассматривается, с одной стороны, как наиболее значимый компонент профессионального развития человека, с другой — как критерий одного из этапов этого процесса. Само профессиональное становление личности, в свою очередь, является составной частью общего ее развития. Оно проходит в своем развитии четыре основные стадии:

- 1) формирование профессиональных намерений;
- 2) профессиональное обучение;
- 3) профессиональную адаптацию;
- 4) частичную или полную реализацию личности в профессиональном труде.

В соответствии с этими стадиями выделяются уровни профориентации. В последние 25 лет в исследованиях профессиональной пригодности в нашей стране можно условно выделить два основных направления.

Первое направление связано в основном с исследованием возрастных особенностей развития школьников (Л.С. Выготский, Ж. Пиаже, Д.Б. Эльконин и др.). Эти исследования сводят данную проблему к анализу подготовки выпускников школы, к выбору профессии и самого акта выбора. С одной стороны,

процесс профессионального самоопределения весьма длителен и не завершается выбором профессии. Вопрос о выборе профессии или об уточнении этого выбора может быть актуальным для человека в течение всей его жизни.

С другой стороны, результаты экспериментальных исследований показывают, что многие выпускники средней школы выбирают профессию без достаточного основания, затрудняясь мотивировать свой выбор. Этот выбор в подростковом возрасте может быть осуществлен под влиянием случайно возникшего интереса или внешних обстоятельств, под влиянием родителей и, что весьма часто встречается, может являться актом подражания сверстникам. Даже в том случае, если выбор профессии мотивирован, успешность профессионального самоопределения не может быть до конца гарантирована. Формирование устойчивого положительного отношения к профессии — и это надо особо подчеркнуть — происходит только в ходе самой профессиональной деятельности.

В рамках второго направления в отечественной литературе неоднократно обсуждались результаты экспериментальных исследований зависимости профессионального самоопределения (Б.Г. Ананьев, В.А. Бодров, А.Н. Глушко, Е.А. Климов, В.М. Львов, Д.И. Фельдштейн и др.) от следующих факторов:

- характер взаимоотношений учащихся друг с другом и с преподавателями (на стадии формирования профессиональных намерений);
- специфика дидактической системы профессионального обучения (на стадии подготовки к избранной профессиональной деятельности);
- характер требований, предъявляемых к работнику, особенности сферы межличностных отношений на производстве (на стадии вхождения в профессию).

Вместе с тем испытывается острый дефицит исследований, представляющих целостную картину влияния различных факторов на динамику профориентации на всех стадиях профессионального становления личности.

Сложившиеся под влиянием психологических, социальных, биологических факторов неблагоприятные условия существенно осложняют психическое развитие и воспитание подрастающего поколения. Наиболее уязвимыми в современных условиях оказываются дети и подростки с проблемами в развитии, с задержкой психического развития, что проявляется в замедленном созревании эмоционально-волевой сферы, в отставании развития их познавательных процессов (К.С. Лебединская, В.И. Лубовский и др.), в школьной неуспеваемости и хронической астенизации (Н.Ю. Борякова, С.А. Домишкевич, И.А. Коробейников, Е.С. Слепович и др.).

Исследования А.Е. Личко показали, что на фоне акцентуации могут проявляться ранняя алкоголизация, делинквентность, широкий спектр поведенческих реакций таких, как реакция эмансипации, оппозиции, группирования и т. д. Кроме того, подростковый возраст представляет собой критический этап в плане формирования психопатий, и акцентуации характера могут служить отправной точкой психопатического развития [2].

В последнее время возрастает число подростков с эписиндромом, девиантными и аддиктивными формами поведения, развитием в последующем эпилепсии. Это вызывает необходимость уделять внимание проблеме изучения, коррекции различных психических расстройств у подростков не только в процессе лечения, но и до дебюта эпилептической болезни. Проводить их обучение и воспитание, для каждого отдельного случая разрабатывать программы коррекционного воздействия по вопросам умственной отсталости, нарушениям обучения и воспитания, отклонениям в поведении и общении (И.А. Костин, В.Г. Патракеев).

Изначально неполноценная биологическая основа (различные формы недоразвития клеток головного мозга, перинатальные и постперинатальные энцефалопатии, экологические неблагоприятные воздействия и пр.), вступая в сложное взаимодействие с деструктивными факторами социальной среды, детерминирует более адекватные или менее адекватные реакции личности подростка (Л.С. Выготский, В.В. Ковалев). В этих случаях наблюдается конституционально детерминированное, более полноценное или менее полноценное, более синхронное или менее синхронное созревание отдельных систем относительно друг друга (психофизиологической, нейроэндокринной, нейрохимической, биологической, интеллектуально-мнемической, эмоциональной, волевой и т. д.), что приводит к психотипологической и конституционально-типологической личностной изменчивости за пределы границ статистической и вероятностной нормы в континууме от нормы-акцентуаций до пограничной аномальной личности и далее до диапазона психопатии (О.А. Ахвердова, И.В. Боев) [1].

В связи с этим представляется актуальным изучение психологических и физиологических оснований особенностей личности подростков с эписиндромом. Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что профориентация подростков с эписиндромом, а также их личностные особенности на современном этапе изучены крайне слабо, многие вопросы остаются открытыми, что затрудняет не только процессы обучения, воспитания, коррекции, но и прогнозирование социальной адаптации.

При выборе профессии необходимо иметь в виду, что к людям, страдающим каким-либо заболеванием, будут предъявляться такие же требования в отношении производительности и качества работы, как и к здоровым, занятым в той же профессии. Для правильного выбора профессии, в первую очередь, необходимо выяснить и учесть интересы подростка, его направленность и способности, а также общую подготовку к намечаемой работе. В определенных случаях представляется необходимым воздействовать на подростка мерами убеждения, чтобы изменить его профориентацию и создать правильную трудовую установку. Содействие окружающих и воля к преодолению препятствий — необходимые предпосылки к успешному овладению подростком с эписиндромом выбранной профессии. Он должен не замыкаться в себе, быть активным. Сознание своей общественной полезности укрепляет у него веру в свои силы и умение их использовать.

Правильно организованная профориентационная работа, рекомендованная профессия и профессиональная подготовка, а также обеспечение необходимых организационных условий дадут молодым людям с эписиндромом возможность успешно работать как в области интеллектуального, так и в области физического труда. Таким образом, исключают те виды работ, которые опасны и не пригодны для их трудовой деятельности, независимо от их профпригодности по физическому состоянию здоровья. Подростки с эписиндромом обладают рядом особенностей в психическом развитии, которые отрицательно сказываются во всех сферах их деятельности.

Сложную и многоуровневую психологическую структуру направленности личности, с эпизологией составляют не только несводимые друг к другу потребности и мотивы, межличностные отношения, но и биологические, социальные отношения, которые связывают все ранее названные компоненты в единую биопсихосоциальную систему.

Литература

1. Ахвердова О.А. Экспериментально-психологическая диагностика личностно-характерологического континуума подростков. — М., 1998.
2. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. — Л., 1983.

161. АРЕФЬЕВА Н. С.

Ярославль

МАНИПУЛЯЦИИ В БИЗНЕСЕ

В то время как большая часть ресурсов организации представлена материальными объектами, стоимость которых со временем снижается, ценность человеческих ресурсов с годами возрастает. В условиях жесткой конкуренции главным ресурсом конкурентоспособности компании становится человеческий фактор. Взаимодействие руководителя и подчиненных, технологии влияния менеджера на персонал становятся значимым фактором, влияющим на конкурентоспособность организации. Одной из технологий влияния менеджера на профессиональное окружение является манипулирование. Использование данной технологии, с одной стороны, позволяет менеджеру получить нужные результаты, с другой стороны, приводит к нарушению этических норм, к возникновению латентных конфликтов, мешающих созданию позитивной организационной атмосферы [2; 3].

Несмотря на свою актуальность, проблема эффективности психологического воздействия ни в психологической теории, ни в психологической практике в нашей стране не получила пока должного освещения. Вместе с тем проблема воздействия занимает особое место в психологической науке, поскольку

именно в ней наиболее сконцентрированы принципиальные вопросы, связанные с управлением психическими явлениями.

Особое место в изучении эффективности профессиональной деятельности в области профессий «человек-человек» (С.Л. Братченко, Э. Берн, Е.Л. Доценко, Н.В. Ключева, А. Маслоу, А.А. Реан, Е.В. Сидоренко и др.) в последнее время стала занимать проблема манипулятивного общения. «Манипулятор», по мнению данных авторов, использует разнообразные психологические приемы для поддержания своего авторитета среди подчиненных и коллег. Зачастую применение данных приемов может снижать эффективность труда, т. к. внимание личности привлечено не к работе, а к созданию новых манипулятивных приемов [1; 4; 5; 6; 7].

Таким образом, на данный момент растущий дефицит квалифицированного персонала, наблюдаемый на большинстве местных рынков, подстегивает компании к регулярному обучению сотрудников, необходимому для поддержания конкурентоспособности предприятия. Для менеджеров же актуальным является повышение своей общечеловеческой компетенции, в том числе изучение такого феномена, как «манипуляция» для умения противостоять ей или использовать в переговорах. В связи с этим возникает вопрос об изучении особенностей использования манипулятивного стиля в профессиональной деятельности представителей бизнес-среды, в том числе менеджеров.

Освещаемый проект осуществлялся на протяжении двух лет и включал в себя два больших этапа. Первый этап исследования был направлен на анализ научной литературы по психологии предпринимательства и бизнес-психологии; изучение феномена «манипуляции», а также выявление особенностей в общении студентов, готовящихся к работе в бизнесе. Второй этап включал себя теоретическое и методическое обоснование тренинга «Манипуляции в бизнесе. Противостояние манипуляциям» для студентов, а также разработку и апробацию тренинга для студентов, обучающихся на специальностях с бизнес-направленностью.

Исследование, проведенное среди студентов, показало различие по разным аспектам общения у студентов-менеджеров и не менеджеров, в том числе и тот факт, что численное преимущество манипуляторов существует среди студентов экономического факультета. Далее было выявлено, что менеджеры используют разнообразные стратегии общения, что дает им необходимую гибкость для достижения результатов. Но преобладающей является именно манипулятивная. Также мы показали, что по мере накопления профессионального опыта склонность к манипуляциям в общении у менеджеров только возрастает.

После проведения исследования нами была предложена разработка тренинга для студентов-менеджеров.

Российские компании осознают факт прямой зависимости своей конкурентоспособности от уровня подготовки персонала. На данный момент времени в России предлагается широкий спектр услуг по повышению качества общения. Но, как показал анализ рынка услуг, не предложено ни одного такого тренинга для студентов. На большую часть тренингов приглашаются менеджеры организации, либо руководители.

В разработанную нами программу тренинга «Манипуляции в бизнесе. Противостояние манипуляциям» для студентов входит освоение понятий варварского, манипулятивного и цивилизованного взаимодействия и отработка каждого из взаимодействий. Происходит исследование алгоритмов манипуляции как скрытой силовой борьбы, получение умений сопротивления манипуляции с помощью экспресс-методов и более глубинных приемов, закрепление умений по манипуляциям и использованию уловок, противостоянию им. Уходя с тренинга, участник получает множество вариантов реагирования, набор стратегий и тактик противостояний манипуляциям. Это дает возможность сразу же после тренинга использовать полученные умения в жизни. Высокая эффективность тренинга была доказана.

Мы понимаем, что потребности организаций в развитии своего персонала, в частности, в обучении менеджеров, довольно дорогостоящи, но необходимые. После же прохождения тренинговой программы студент приходит в организацию уже с большим набором профессионально важных компетенций (в чем заинтересованы работодатели). Полученные на тренинге знания и умения — это и вклад в личностное развитие, и повышение конкурентоспособности в будущей профессии.

В результате исследования нами было установлено, что имеются характерные отличия в общении между менеджерами и не менеджерами. Также мы доказали, что специально организованное обучение — тренинг «Манипуляции в бизнесе. Противостояние манипуляциям» для студентов, обучающихся

профессиональной деятельности менеджера, способствует формированию знаний о феномене «манипуляция», развитию умений конструктивного общения в манипулятивных ситуациях, а также формирует у студентов-менеджеров навыки корректного психологического влияния, распознавания и успешного противодействия скрытому влиянию.

Данная работа имеет высокую степень практической ориентированности, так как ее результаты могут быть использованы психологами и консультационными центрами, которые предоставляют психологические услуги организациям для внесения предложений к подходам в оптимизации обучения людей, идущих в бизнес и уже работающих в этой сфере (тренинговых программ, методов и т. д.). Тренинг же, подтвердивший свою эффективность, имеет большую возможность коммерциализации.

Литература

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием.— М.: Алгоритм, 2000.
3. Карпов А.В. Психология менеджмента: Учеб. пособие. — М.: Гардарики, 2005.
4. Ключева Н.В. Организационное консультирование: Учеб. пособие — Ярославль: ЯрГУ, 2008.
5. Пригожин А.И. Методы развития организации. — М.: МЦФЭР, 2003.
6. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. — СПб.: Речь, 2003.
7. Шостром Э. Человек-манипулятор. / Пер. с англ.— Минск: ТПЦ «Полифакт», 2002.

162. Рахманкулова С. А.
Оренбург

АТРИБУТИВНЫЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ КАК РЕСУРС УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Для успешной деятельности руководителя важны не только его интеллектуальные, но и личностные компоненты. В позитивной психологии, возникшей в конце 1990-х годов (M. Seligman, G. Vaillant, E. Diener, M. Csikszentmihalyi), утверждается, что адекватное проявление таких эмоциональных характеристик, как оптимизм, вера в лучшее, позитивная самооценка, эмоциональный интеллект положительно воздействуют на мышление [7]. Позиции атрибутивного стиля мышления личности являются производными от жизненных ориентаций человека, стиля его жизнедеятельности, личностных и профессиональных свойств, проявляясь неосознаваемым образом, они влияют на способ восприятия индивидом окружающего мира и самого себя, реализации своих потенций и становлении профессиональной успешности. Обратив внимание на асимметричность восприятия позитивных и негативных событий, которые характерны для психологически благополучных людей, М. Селигман выделил оптимистический и пессимистический атрибутивные стили мышления. Оптимистический атрибутивный стиль мышления характеризовался объяснением неудач, как обусловленных внешними временными и конкретными причинами, а успехов, как вызванными постоянными, универсальными и внутренними личностными причинами. Пессимистичный атрибутивный стиль мышления изначально характеризовался объяснением неблагоприятных событий, неудач личными характеристиками, а хороших событий, успехов противоположным образом — временными, вызванными внешними причинами [3; 7].

Согласно атрибутивной теории Б. Вайнера, ожидания будущих результатов определяются тем, что индивид думает о причинах успехов и неудач [6]. Профессор Колумбийского университета Кэрл Двек утверждает, что реакция индивида на неудачу связана не только с уровнем его способностей, но и уровнем позитивности самооценки своих способностей [3]. Альберт Бандура считает, что самоэффективность — центральная детерминанта человеческого поведения, суть которой заключается в том, насколько компетентным чувствует себя человек, выполняя то или другое дело. Высокая самоэффективность, связанная с ожиданием успеха, обычно приводит к позитивным результатам и, таким образом, способствует самоуважению личности, формированию оптимистического стиля [9]. Психолог Дж. Роттер

утверждает, что различие в психологии людей зависит от того, на кого человек возлагает ответственность за происходящие в его жизни события [9].

К. Муздыбаев выделяет черты, определяющие складывающийся атрибутивный стиль мышления, — ожидание от жизни, воля, вера. Наличие воли в оптимизме придает личности энергию, твердость духа, чувство контроля, мужество терпеть и добиться лучшего [5]. Как отмечает М.М. Кашапов, «...адекватно уверенный в себе оптимист — это тот, кто знает, что он будет делать в случае неудачи, а не тот, кто больше занят мыслями, что он будет делать в случае успеха» [4, С. 54]. Т. е. оптимизм — это не столько внушение себе положительных мыслей, сколько та основа, на которой эти мысли базируются. Оптимистическое мышление может оказывать множественные влияния: 1) на чувство собственной компетентности и, через это, на внутреннюю мотивацию; 2) на постановку целей: человек, верящий в возможность достижения успеха и важность приложения усилий для достижения успешного результата в деятельности, не будет бояться браться за сложные задачи и ставить перед собой достаточно сложные цели; 3) на активность в достижении целей: люди, верящие в контролируемость успехов и неудач, будут демонстрировать настойчивость, работоспособность и готовность доводить начатое дело до конца; 4) способствуя адаптивным реакциям на трудности: конструктивная интерпретация неудач способствует адаптивным поведенческим и эмоциональным реакциям на неудачи.

Результаты теоретического обзора позволяют предположить, что атрибутивный стиль мышления как психологическая характеристика личности представляет собой важнейшую составляющую внутреннего потенциала руководителя. Определение возможности взаимосвязи управленческого потенциала и атрибутивного стиля мышления руководителя и явилось целью данного исследования. Опираясь на теоретический анализ, нами были выдвинуты предположения: 1. Поскольку оптимистическое мышление оказывает влияние на внутреннюю мотивацию, постановку целей, настойчивость, на чувство собственной компетентности и способствует адаптивным реакциям к трудностям — управленческий потенциал руководителя как параметр профессиональной успешной личности может быть взаимосвязан с атрибутивным стилем мышления. 2. Руководители, имеющие более выраженный оптимистический атрибутивный стиль мышления, имеют более высокий управленческий потенциал. 3. Руководители с низким уровнем управленческого потенциала будут обладать более выраженным пессимистическим атрибутивным стилем мышления.

В исследовании приняли участие руководители ОАО «Оренбургэнерго». Общее количество испытуемых — 30 человек, занимающих управленческие должности: 8 — руководители и 22 — менеджеры среднего звена. Из них 21 мужчина и 9 женщин в возрасте 38—50 лет.

Для проведения исследования были использованы следующие методики:

1. «Экспресс-оценка управленческого потенциала руководителя» Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов [8].
2. «Опросник оптимизма-ШОСТО» М. Селигман; русская адаптация Т.О. Гордеевой, В.Ю. Шевяховой [2].

На первом этапе исследования уровня управленческого потенциала руководителей установлено, что большая часть руководителей данной выборки (73 %) имеет высокий (30 %) и средний (43 %) уровень управленческого потенциала. Для таких управленцев, как правило, характерны упорство, способность пойти на разумный (обоснованный) риск в работе, помимо достаточной компетентности, данные руководители обладают уверенностью в себе, эмоциональной уравновешенностью; способностью планировать своё профессиональное развитие.

Менее трети выборки (27 %) имеют низкий уровень управленческого потенциала, то есть могут проявлять пассивность в выполнении управленческих функций; более склонны ожидать указаний сверху или перекладывать ответственность на других. Как правило, у них отсутствуют стратегии, необходимые для принятия решений, они реже склонны проявлять творческий подход.

При определении оптимистического/пессимистического атрибутивного стиля мышления были получены следующие данные:

— Для руководителей с высоким и средним уровнем управленческого потенциала наиболее характерными являются оптимистический (22,7 %) и умеренно-оптимистический стиль мышления (36,4 %). Тот факт, что 31,8 % представителей данной группы имеет умеренно-пессимистический стиль мышления, не является противоречием нашего предположения. Данный факт может объясняться результатами исследований Д. Форгас и его коллег, в результате чего было установлено, что «слегка негативное

настроение может стимулировать более конкретный, аккомодативный и значительно более успешный стиль общения» [1]. Преобладание пессимистического атрибутивного стиля мышления установлено лишь для 9,1 % руководителей с высоким уровнем управленческого потенциала.

— Для лиц с низким управленческим потенциалом достаточно часто характерен пессимистический и умеренно пессимистический стиль мышления — 62,5 %. Проявление среди данной выборки оптимистического и умеренно оптимистического атрибутивного стиля мышления, на наш взгляд, может «заглушаться» другими личностными характеристиками.

Для подтверждения предположения о взаимосвязи уровня управленческого потенциала руководителя и стиля мышления была использована математическая обработка (коэффициент корреляции Спирмена). Взаимосвязь атрибутивного стиля мышления и управленческого потенциала руководителя подтвердилась ($r = 0,23$, $p < 0,01$). Таким образом, оптимизм в стиле мышления руководителя является надежным предиктором его управленческого потенциала. Умеренный оптимизм как профессионально важная личностная характеристика обеспечивает успешность деятельности, и здесь, конечно, необходимо говорить об оптимизме, как основе, на которой «базируются» мысли личности. Исследования оптимистического мышления в России имеют особую актуальность и перспективы. По данным исследований [5], россияне показывают достаточно низкие показатели удовлетворенности жизнью и часто в своих объяснениях пользуются пессимистическим стилем мышления. Несомненно, что стиль мышления личности является далеко не единственным фактором, влияющим на уровень управленческого потенциала личности. Конструктивная возможность оптимистического стиля мышления, на наш взгляд, представляется достаточно перспективной, заслуженно вызывающей интерес не только в смысле развития потенциала личности, но и в конструировании картины мира, которая определяет стратегию и возможность творческой позиции субъекта.

Литература

1. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. — М.: Российское педагогическое агентство, 1998. — 263 с.
2. Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Шевяхова В.Ю. Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач: Опросник СТОУН. — М.: Смысл, 2009. — 152 с.
3. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. — М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006.— 336 с.
4. Кашапов М.М. Психология творческого мышления профессионала. — М.: ПЕР СЭ, 2006. — 688 с.
5. Муздыбаев К. Оптимизм и пессимизм личности. Социологические исследования. — 2003. — № 12. — С. 87—96.
6. Селигман М. Как научиться оптимизму. — М.: Персей, 1997.
7. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. — Киев: Софья, 2006. — 368 с.
8. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. — 490 с.
9. Хьелл Л.А., Зиглер Д.Д. Теории личности, 1992; Пер. с англ. — СПб.: Питер Пресс, 1997.

163. Бадмаева С. В.

Москва

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИХ

Интегральность и целостность феномена социальной компетентности руководителя раскрывается через его структуру, в которой можно выделить три взаимосвязанных компонента: когнитивный, мотивационно-ценностный и поведенческий.

Современный руководитель — это, как правило, высокоэрудированный человек, обладающий разносторонними знаниями в области экономики, менеджмента и т. д. Но успешное руководство организацией предполагает наличие у него знаний об особенностях и стилях делового общения; о системе правил регуляции совместных действий, групповой динамики; ролях и позициях, которые занимают сотрудники и руководители различных уровней; о закономерностях, правилах и способах успешной коммуникации в организации. Все это относится к когнитивному компоненту социальной компетентности руководителя. Наличие этих знаний у руководителя составляет важнейшую основу эффективности его управленческой деятельности.

Обратимся сначала к принятым в справочной литературе толкованиям слова «позиция». Позиция (лат. «positio» — «положение») — расположение кого-, чего-либо, положение, обычное для какого-либо действия; точка зрения, принципы, положенные в основу поведения, действий кого-либо, чего-либо; устойчивая система отношений человека к определенным сторонам действительности, проявляющаяся в соответствующем поведении; положение человека в статусно-ролевой внутригрупповой структуре.

Позиция социальная — статус личности — положение личности в группе, коллективе, ее место и роль в системе межличностных отношений, определяющее ее права, обязанности и привилегии.

Позиция возникает как предпосылка деятельности, обнаруживается, реализуется только через деятельность, актуализируется в ней. Неразрывность взаимосвязи позиции с деятельностью лаконично выражена в следующей формулировке С.Л. Рубинштейна: *деятельность* — это не внешнее делание, а *позиция* — по отношению к людям, к обществу, которую человек всем своим существом, в деятельности проявляющемся и формирующемся, утверждает.

С другой стороны, характеризую деятельность, С.Л. Рубинштейн замечает: «... Действия человека и его деятельность в целом — это не только *воздействие*, изменение мира и порождение тех или иных объектов, но и общественный акт или *отношение* в специфическом смысле этого слова...».

Если сопоставить оба определения, получим логическую цепочку: *деятельность* → *позиция* → *отношение*. Прочитанная в обратном порядке, она определяет место, которое принадлежит позиции в структуре деятельности человека: отношение рождает позицию, а позиция реализуется в деятельности.

Таким образом, позиция как характеристика личности вырастает из накопленных личностью отношений к определенному объекту воздействия для того, чтобы выразить, реализовать эти отношения в деятельности. Следовательно, *позиция* — это всегда *отношение*.

Профессиональная позиция руководителя — система тех интеллектуальных, волевых, эмоционально-оценочных отношений к управленческой деятельности и управленческой действительности, а центральным отношением является человек.

Важнейшим отношением совместной деятельности руководителя и подчиненного является отношение «человек—человек», и именно оно решительным образом выступает в качестве базы профессиональной позиции главного, ведущего на всех этапах и уровнях деятельности руководителя.

Профессиональная позиция руководителя во многом определяется его социальной позицией, которая вырастает из приобретенной им системы взглядов, убеждений и ценностных ориентаций.

Исходя из того, что цели профессиональной деятельности руководителя целиком и полностью определяются целями управления и нравственного воспитания, субъектом которого выступает подчиненный, профессиональная позиция обретает следующее определение.

Профессиональная позиция руководителя — это расположение руководителя в пространстве физического и духовного взаимодействия с подчиненным по отношению к подчиненному как центральному объекту управленческого процесса.

Стратегическая позиция — это наиболее общее расположение по отношению к объекту предстоящей деятельности. Она базируется на долговременных устойчивых отношениях, подчиненных цели деятельности, и ориентирована на длительную перспективу. В.Н. Мясищев так определил этот уровень: «Глубокая перспектива — это задачи и цели, проецированные далеко в будущее; это структура личности, ее поведения и деятельности, в которых конкретные и лабильные отношения остротекущего момента подчинены устойчивому отношению, интегрирующему множество моментов настоящего, прошлого и будущего». Для деятельности руководителя — это цели и задачи управленческого процесса.

Важно подчеркнуть, что стратегическая позиция сохраняется в любой момент взаимодействия руководителя и сотрудника, она не исчезает, не улетучивается, не снимается даже в момент каких-то особых, конкретных обстоятельств, она модифицируется, то есть нуждается в обеспечении тактической разработки позиции, но по природе остается гуманистической.

Тактическая профессиональная позиция руководителя определяется, с одной стороны, ведущими, генеральными отношениями, которые составляют основу стратегической позиции, а с другой стороны, — конкретными обстоятельствами и ходом взаимодействия. Тактическая позиция, будучи привязана к определенным, как правило, коротким периодам деятельности и к конкретным людям, не столь устойчива, как стратегическая.

Осуществляя выбор тактической позиции, руководитель использует весь диапазон ее разновидностей, который включает в себя разнообразные вариации расположения. Все эти вариации можно свести в четыре основные позиции, каждая из которых является как бы одним из измерений пространства взаимодействия и тем самым определяет одно из направлений, по которому может «располагаться» руководитель в этом пространстве:

- кинетическая позиция;
- уровневая позиция;
- дистанционная позиция;
- эмпатийная позиция.

Анализ содержательных аспектов профессиональной позиции руководителя позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Профессиональная позиция руководителя представляет собой важнейшую составную часть структуры личности руководителя и формируется всем ходом его предыдущей жизни и профессиональной деятельности.

2. Содержанием профессиональной позиции руководителя являются отношения как система психологических связей, характеризующих восприятие и осмысление им целей и задач профессиональной деятельности и своего места в ней.

3. Подлинно профессиональной позиция руководителя становится только при гуманистической направленности, когда центральное место в ней занимает подчиненный как Человек, и это отношение становится ведущим, стержневым во всей профессиональной деятельности.

4. Иерархическая структура профессиональной позиции руководителя содержит два основных уровня: стратегическую позицию и тактическую позицию.

5. «Прикладной» характер тактической позиции обуславливает место и значение ее в профессиональной деятельности руководителя.

Литература

1. Баранова Е.Ф. Профессиональная позиция педагога в системе воспитательного процесса. Методические рекомендации. — Тюмень, 2001. — 17 с.
2. Бодалев А.А. Проецирование и взаимодействие в общении // Педагогика. — 1994. — № 1. — С. 11—14.
3. Маркин В.Н. Жизненная позиция личности. Идеологический и социально-психологические аспекты. — М., 1989. — 171 с.
4. Мясищев В.Н. Психология отношений. — М.—Воронеж, 1995. — 356 с.
5. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. — М., 1976. — С. 253—381.
6. Шарден Т. де. Феномен человека. — М., 1987. — 136 с.

164. Кириллова М. К.

Ижевск

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ С РАЗЛИЧНЫМ СТАЖЕМ РАБОТЫ В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Муниципальная служба как социально-правовой институт играет важную роль в механизме управления государством, выступая ведущим началом, определяющим пути и средства жизнедеятельности государства

и его граждан на вверенной ей территории. Решая вопросы оптимизации профессиональной деятельности в муниципальной службе, необходимо поднимаемые в сегодняшних условиях возрастающей требовательности ко всей системе государственного и муниципального управления, мы, в первую очередь, обращаемся к анализу ее психологически значимых аспектов.

Профессиональная деятельность муниципальных служащих по своей целевой направленности — управленческая. Предметом их труда является информация, являющаяся также средством воздействия на управляемых. Воздействие осуществляется посредством исходящей информации, облеченной в форму актов, постановлений, приказов, законов и прочих документов, обязательных к выполнению соответствующими группами частных лиц или организаций. Муниципальные служащие, осуществляя коммуникации различных видов, предоставляют консультативные, аналитические, организационные и другие услуги для населения; координируют и направляют деятельность как подчиненных коллективов, так и собственную деятельность. Взаимодействие, таким образом, является основой профессиональной деятельности в муниципальной службе.

Трактуя взаимодействие как организацию совместных действий, позволяющих партнерам реализовать общую для них деятельность, мы признаем определенность совместных действий индивидов спецификой деятельности, в условиях которой они и осуществляются. Из чего следует, что решение муниципальной службой управленческих задач «задает» специфику межличностному взаимодействию ее сотрудников. Для проверки предположения о том, что с увеличением стажа работы в муниципальных органах у служащих обнаруживаются проявления директивного стиля межличностного взаимодействия, соперничающего типа конфликтного поведения, доминантности в межличностных отношениях, нами было проведено исследование, результаты которого представляются ниже.

В исследовании приняли участие 80 человек, работающих в организациях муниципальной службы. Выборка испытуемых была дифференцирована на три группы в зависимости от их стажа работы в организации муниципальной службы: респондентов со стажем работы в муниципальной службе менее 3-х лет, от 3-х до 10 лет и более 10 лет. Изучая особенности межличностного взаимодействия служащих с различным стажем работы в организации муниципальной службы, была произведена оценка и сопоставление характерологических тенденций в отношениях с другими людьми, стилей межличностного взаимодействия и типов поведения в конфликтной ситуации муниципальных служащих трех выделенных групп.

У молодых сотрудников муниципальных органов (со стажем работы в муниципальной службе менее 3-х лет) во взаимодействии с партнерами обнаружена выраженность проявлений уступчивости, доверчивости, отзывчивости, невмешательства в действия других людей, в конфликтной ситуации — стремления к сотрудничеству. Для более опытных сотрудников муниципальной службы (со стажем работы от 3-х до 10 лет) оказались характерны: доминантность в отношениях с окружающими людьми; коллегийный стиль взаимодействия и невмешательство в действия других людей; «компромиссный» тип поведения в конфликте. Межличностное взаимодействие муниципальных служащих с длительным стажем работы (более 10 лет) отличается: проявлением выраженной доминантности в межличностных отношениях; приверженностью к директивному, коллегийному и деловому стилям межличностного поведения; компромиссным поведением в конфликтных ситуациях.

Обращает на себя внимание факт большей выраженности стилевых особенностей межличностного взаимодействия опытных муниципальных служащих. Тогда как у их менее опытных коллег более выраженными оказываются отдельные характеристики взаимодействия, в частности, — особенности поведения в конфликтной ситуации. Установленный факт свидетельствует о формировании у служащих стилей межличностного взаимодействия по мере все более глубокого освоения профессиональной деятельности. В муниципальной службе необходимым является гибкое использование служащими различных стилей — системы способов взаимодействия, способствующих наилучшему осуществлению деятельности муниципального управления. В профессиональной деятельности в сфере муниципального управления в ходе выполнения соответствующих функциональных обязанностей у муниципальных служащих развиваются межличностные отношения и взаимодействия, которые приобретают с увеличением стажа в данной службе все более многосторонний характер. С целью проверки последнего умозаключения был проведен корреляционный анализ данных, полученных при оценке параметров межличностного взаимодействия муниципальных служащих.

Сравнительный анализ построенных корреляционных плеяд обнаружил довольно насыщенное тесными связями пространство корреляций показателей характеристик межличностного взаимодействия

муниципальных служащих со стажем работы в организации менее 3-х лет. Наибольшее количество тесных связей параметров межличностного взаимодействия обнаружено у их более опытных коллег, тогда как у «стажистов» (муниципальных служащих со стажем работы в муниципальных органах более 10 лет) сокращается число связей соответствующих показателей. Из чего можно утверждать: в процессе профессиональной адаптации муниципальные служащие апробируют различные варианты взаимодействия в поиске наиболее конструктивных. У более опытных муниципальных служащих (находящихся на стадии профессионализации по Э.Ф. Зееру) на основе ансамблей индивидуальных характеристик и способов деятельности формируется индивидуальный стиль выполнения профессиональной деятельности, включающий в управленческой деятельности и стиль межличностного взаимодействия. У опытных муниципальных служащих формируется и реализуется творческий стиль деятельности, предполагающий гибкое использование определенных, уже апробированных и подтвердивших свою эффективность приемов межличностного взаимодействия.

Результаты исследования обнаружили, что с увеличением стажа работы в организации муниципальной службы у ее сотрудников в большей степени проявляется доминантность в межличностных отношениях, применение разнообразных стилей межличностного взаимодействия — директивного, коллегиального и делового, использование компромисса как способа поведения в конфликтных ситуациях.

165. Зозуля О. В.

Ижевск

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ СПАСАТЕЛЕЙ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Наблюдающийся рост числа природных катастроф и техногенных событий привел к всплеску интереса к проблеме поведения личности в экстремальной ситуации. Главными действующими лицами во время ликвидации последствий различных чрезвычайных ситуаций являются спасатели. Рассматриваемая профессиональная деятельность призвана решать целый комплекс задач, сопряженных не только с трудностями технического, физического характера, но и психологического.

Для повышения эффективности применения сил спасения при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций спасателя необходимо обучить быстрому распознаванию сложных ситуаций и построению схем действий в них. В этих условиях, несомненно, оправданным является включение в программы подготовки спасателей раздела, посвященного изучению общих закономерностей протекания психических процессов, особенностей поведения в экстремальных условиях, моделей общения с пострадавшими, методов психической саморегуляции. Вместе с тем, спасателю требуется *предоставить алгоритм действий по формированию эффективного поведения и взаимодействия с учетом влияния как можно более полного перечня «внешних» и «внутренних» психотравмирующих факторов ситуации.*

Таким образом, выявляется противоречие между необходимостью эффективной деятельности спасателя в чрезвычайных ситуациях, овладение им позитивными технологиями и недостаточной разработанностью проблемы поведения сил спасения в чрезвычайных ситуациях. С одной стороны, исследователи уделяют много внимания изучению проблемы поведения человека в разных ситуациях, а с другой — все еще недостаточно описаны механизмы регуляции активности человека в чрезвычайных ситуациях.

В отечественной психологии проблема жизненных ситуаций и особо трудных и экстремальных жизненных ситуаций, характеризующих условия деятельности спасателей, разрабатывается многими авторами, опирающимися на такие понятия, как копинг-стратегии, стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями, посттравматическое стрессовое расстройство: Н.В. Тарабрина, М.Ш. Магомед-Эминов, Н.Н. Пуховский, Ф.Е. Василюк, К. Муздыбаев, В. Лебедев, М.М. Решетников, Ц.П. Короленко, Ю. Александровский, но по большей части в направлении профилактики психических нарушений, возникающих в результате воздействия экстремальных факторов [1].

В понимании содержания процесса преодоления трудностей и факторов, обуславливающих его эффективность, особая роль отводится ресурсам личности. В рамках ресурсного подхода к рассмотрению

копинг-стратегий исследователи делают акцент на существовании процесса «распределения ресурсов», который объясняет тот факт, что некоторым людям удается сохранять здоровье и адаптироваться, несмотря на различные жизненные обстоятельства.

Онтологический подход дает нам возможность рассматривать ситуации с точки зрения самого субъекта, его «внутренней реальности» и исходить из положения о том, что человек на протяжении всей жизни строит, достраивает и перестраивает глубоко личностную «теорию мира», включая и его самоконцепцию [3]. Результатом функционирования механизмов конструирования социального мира человеком будет построение образа социального мира [Там же].

Экологический подход В.И. Панова позволяет нам исходить из понимания природы в качестве «средовых условий обитания», человек и окружающая среда (взятая в ее целостности) рассматриваются как компоненты единой системы [5].

Кроме того, с точки зрения понимания проблематизации поведения спасателей, на наш взгляд, эффективным является реципрокный подход. По А. Бандуре, относительное влияние поведения, окружающей среды и личности определяются тем, какой из факторов триады наиболее силен в данный конкретный момент [4].

Два важных фактора окружающей среды, которым теоретики других направлений часто не уделяют должного внимания, — это случайные встречи и случайные события. Как только такие незапланированные и неожиданные события происходят, они входят в тройственную модель так же, как и запланированные.

По А. Бандуре, саморегуляция и самоэффективность являются важнейшими внутренними факторами, влияющими на человеческое поведение.

При этом самоэффективность повышается или понижается благодаря: непосредственному опыту (то есть успешным собственным действиям); косвенному опыту; общественному одобрению или порицанию; физическому и эмоциональному состоянию человека. Следовательно, можно заключить, что человек управляет своим поведением по последствиям, которые ожидает от каждой ситуации.

При этом при совместном выполнении работ наряду с эффективной работой каждого спасателя требуется их тесное взаимодействие, а также определенное взаимодействие с местным населением, оказавшемся в очаге поражения [2]. Совместная деятельность в экстремальных условиях требует особых усилий, оптимальной и гибкой организации, наибольшей точности и оперативности взаимодействия, согласованности действий всех членов группы и в отличие от индивидуальной имеет более жесткие ограничения любых проявлений активности-пассивности индивидов.

Таким образом, мы можем построить структурную модель взаимодействия спасателя при выполнении им работ в составе спасательного подразделения, рассматривая ее в основе поведения в чрезвычайных ситуациях.

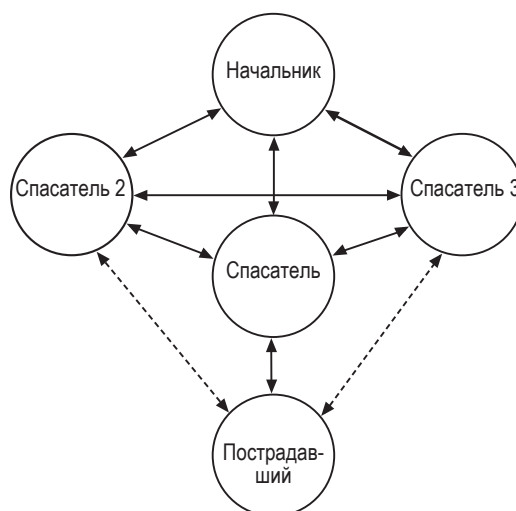
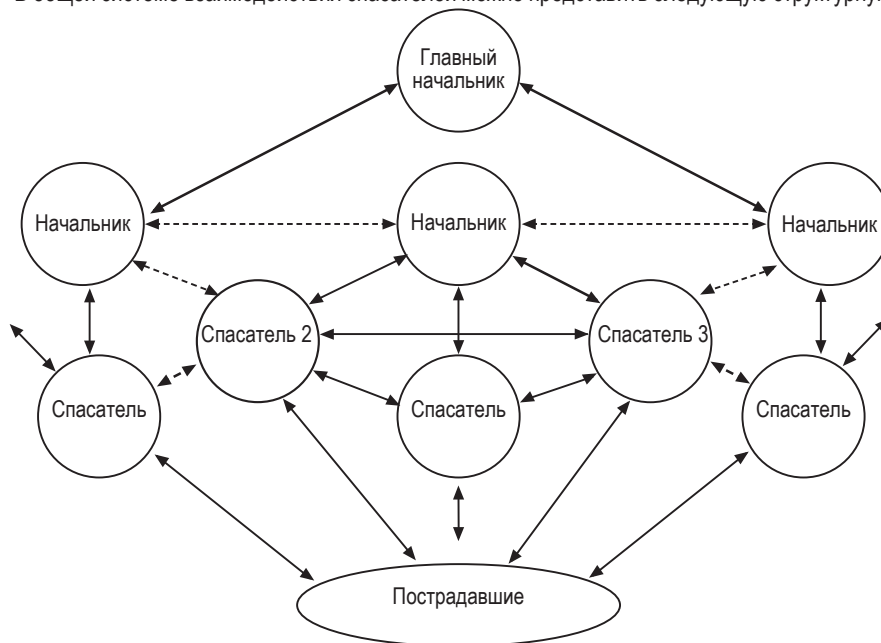

Рис. 1. Структурная модель взаимодействия спасателя в чрезвычайных ситуациях в системе спасательного подразделения на примере одного спасателя

Модель отражает функциональные связи, по которым осуществляется взаимодействие спасателя с другими субъектами деятельности на месте выполнения спасательных работ.

При этом *сплошные линии* на схеме показывают функциональные связи, представляющие собой постоянное взаимодействие субъектов деятельности в данный момент времени; *пунктирные линии* — временное, возможное, ситуативное взаимодействие субъектов, взаимодействие по необходимости).

В общей системе взаимодействия спасателей можно представить следующую структурную модель:

Рис. 2. Общая структурная модель взаимодействия спасателей в чрезвычайных ситуациях в системе спасательного подразделения

Таким образом, в рамках построенной модели взаимодействия спасателя в чрезвычайных ситуациях в системе спасательного подразделения (рис. 1) спасатель оказывается включенным в сложную систему взаимодействия, где он выполняет поставленные руководителем задачи, работает с пострадавшими, координируя при этом свои действия с другими спасателями. Реализация спасателем задач подчинения, координации действий происходит, на наш взгляд, через призму возможных негативных последствий такого взаимодействия.

Литература

1. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии. Сибирская психология сегодня: Сб. научн. трудов. — Вып. 2. / Под ред. М.М. Горбатовой, А.В. Серого, М.С. Яницкого. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. — С. 82—90.
2. Корнейчук Ю. Психологическая подготовка. Тема 1. Морально-психологические особенности профессиональной деятельности спасателей / Ю. Корнейчук, В. Глебов, Ю. Соловьев, И. Мухин, Л. Корнейчук // Гражданская защита. — 2002. — № 6. — С. 30—32.
3. Конфликтология. Хрестоматия / Сост. Н.И. Леонов. — М.: 2002.
4. Леонов Н.И., Главатских М.М. Психология социального мира: Учебное пособие. — Ижевск: НИПЦ «ERGO», 2006. — 132 с.
5. Панов В.И. Экологическая психология. Опыт построения методологии. — М.: Наука, 2004 — 197 с.

166. Леви М. В.

Москва.

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ АГРЕССИВНОСТИ С МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ И УПРАВЛЕНЧЕСКИМИ КАЧЕСТВАМИ

Проводимое нами исследование может быть названо «три в одном», каким когда-то было эссе выдающегося психиатра П.Б. Ганнушкина о религии, сладострастии и жестокости. Три предлагаемых к рассмотрению системных и сложных явления изучались прежде «попарно», но не все «в один присест».

Немало дискуссий вызывает вопрос о связи музыкальных вкусов с агрессивностью и о непосредственном влиянии музыки на вероятность проявления агрессивного поведения. Имеется опыт предупреждения агрессии толпы с помощью танцевальных ритмов (Назаретян А.П., 2001), профилактики вандализма в метро с помощью классических произведений (<http://www.vashdosug.ru/article.php?id=4987>, 2002); сообщается, напротив, о применении музыки для «психологического подавления» (Крысько В.Г., 1999) и даже для пыток — в основном «тяжелого рока», особенно самых «жестких» его разновидностей — «Death-metal» и т. п. **Обнаруживалась связь между пристрастием к стилю хэви-метал и суицидальными склонностями** (Scheel K.R., Westfield J.S., 1999). Прослушивание «тяжело-металлической» музыки усиливает мужскую поло-ролевою стереотипизацию, однако не выявлено однозначной связи между прослушиванием «heavy metal» и агрессивностью (Gowensmith W.N., Bloom L.J., 1997).

Об агрессивности как качестве человека, призванного управлять деятельностью других, также ведется немало рассуждений. Она упоминается среди лидерских качеств наряду с властью, амбициозностью, упорством и т. п. (Кнорринг В. И., 2001, и др.), но в современных учебниках по управлению персоналом все же чаще фигурирует в негативном контексте. В популярной литературе (Паркинсон С.Н., 1989, и др.) говорится о «беспощадности» как полезном свойстве руководителя и т. п.

Существуют также довольно расплывчатые житейские представления (предрассудки) о т. н. «элитарных» и противопоставляемых оным «плебейских» вкусах, в т. ч. в сфере музыкального искусства, якобы имеющих какое-то отношение к способности занимать ответственные управленческие посты.

Для оценки управленческих качеств нами использовался Калифорнийский личностный опросник (Gough H.G., Bradley P., 1996) со специально разработанным алгоритмом обработки данных (Петров В.Е., 2001, Котенев И.О. с соавт., 2003), позволяющим вместо исходных 20 «фолк-шкал» получить 10 компонентов т. н. «психолого-управленческого потенциала», а именно: Мотивация лидерства и достижения; Интеллектуальная эффективность; Организаторские способности и самоорганизованность; Эмоциональная стабильность; Коммуникативная направленность; Социальная ответственность; Трудолюбие, добросовестность; Толерантность (терпимость, дружелюбие); Независимость и самостоятельность; Понимание и сопереживание (психологический ум).

Методика изучения склонности к агрессии составлена на основе опросников «Диагностика состояния агрессии» А. Басса и А. Дарки, «Коммуникативная агрессивность» В.В. Бойко, «Психологические защиты» Р. Плутчика и др. В нее введены вопросы, касающиеся не только враждебности и агрессии как таковой (физической, вербальной, предметной), но и качеств, повышающих вероятность ее проявления — авторитарности, импульсивности, гиперактивности, подозрительности и бесстрашия.

Изучение музыкальных предпочтений проводилось по нашей авторской классификации жанров, представляющей собой «компромисс» между подходами академического музыковедения и «газетной» музыкальной социологии.

В исследовании приняли участие 191 мужчина и 45 женщин. Между этими подвыборками путем применения t-критерия Стьюдента обнаружены значимые отличия по ряду показателей. Так, женщинам больше, чем мужчинам, нравится классическая музыка и опера, все виды популярной эстрадной музыки и детская музыка; мужчинам же больше нравится рок-музыка, электронная и специальная «военная» музыка. Также у мужчин выявлен более высокий уровень по всем субшкалам опросника агрессивности; наибольшая разница — по субшкале физической агрессии. В связи с этим мы проводили статистический анализ как на смешанной выборке, так и отдельно на мужской; на женской подвыборке расчеты не проводились ввиду недостаточности ее объема.

Позитивное отношение к «тяжелому року» оказалось значимо связано с общим уровнем агрессивности. Однако эта связь оказалась гендерно опосредованной, т. к. в подвыборке женщин уровень

агрессивности, равно как и уровень предпочтения «тяжелого рока», значимо ниже, чем в подвыборке мужчин. Отдельно в мужской части выборки значимая связь с уровнем агрессивности сохраняется только у относительного показателя предпочтения «тяжелого рока» (в сравнении с отношением к другим жанрам).

Отрицательные связи с уровнем агрессивности выявлены у показателей позитивного отношения к старинной и классической музыке, включая оперу, инструментальную классику и классику в современных обработках, к поп-музыке, инструментальным эстрадным композициям, авторской («бардовской») песне, народной музыке зарубежных стран, церковной и детской музыке. В целом «меломания», т. е. выбор большого количества жанров в качестве предпочитаемых, явно связывается с уровнем агрессивности обратной зависимостью. В отдельно взятой мужской подвыборке сохраняются указанные связи, кроме следующих: связь с предпочтением детской музыки совсем перестает быть значимой, а с предпочтением авторской песни — сохраняет лишь значимость на уровне тенденции (10% вероятности случайного распределения данных). Не выявлено какой-либо связи с уровнем агрессивности таких показателей, как предпочтение «авангардной» академической музыки, джаза, электронной музыки, народной музыки своей страны, а также специальной «военной» музыки (последнее опровергает представление о «воспитании воинственности» средствами «военной» музыки либо о пристрастии к ней как признаке воинских наклонностей).

Связи музыкальных предпочтений с качествами «психолого-управленческого потенциала» носят фрагментарный характер в смешанной выборке, однако они выражены сильнее (в отличие от связей с уровнем агрессивности) в мужской подвыборке. Очевидно, это обусловлено тем, что по показателям «психолого-управленческого потенциала» между мужчинами и женщинами значимые различия отсутствуют, тогда как по музыкальным предпочтениям они имеются. Значимую положительную связь с общим баллом управленческого потенциала обнаруживают показатели пристрастия к опере и к авторской песне, а положительную связь на уровне тенденции — предпочтение рок-н-ролла и отечественной рок-музыки (но не «тяжелого рока»). Данные факты можно объяснить, с одной стороны, стремлением к своего рода «элитарности», интеллектуальности, с другой, — повышенным «психоэнергетическим» потенциалом людей, обладающих выраженными управленческими склонностями; такое объяснение исчерпывающим не является, но мы и не стремимся сейчас таковое дать. Связи указанных музыкальных предпочтений с суммой «психолого-управленческого потенциала» складываются по-разному. Так, предпочтение оперы значимо положительно коррелирует с большинством показателей управленческого потенциала (исключая коммуникативную направленность, эмоциональную стабильность и социальную ответственность), особенно высока значимость связей с мотивацией лидерства, организаторскими склонностями и независимостью (самостоятельностью); предпочтение авторской песни положительно связано с показателями «интеллектуальная эффективность», «толерантность» и «понимание—сопереживание»; предпочтение рок-музыки имеет значимую положительную связь с независимостью (самостоятельностью) и коммуникативной направленностью (и действительно, рок-музыка, в основном «классический» рок-н-ролл, для многих ассоциируется с общительностью и свободолобием), а «русского рока» — еще и с интеллектуальной эффективностью (что неудивительно, т. к. это музыкальное направление сближается с авторской песней высокой содержательностью и интеллектуальностью многих песенных текстов). Также имеется связь предпочтения зарубежной народной музыки с показателем «понимание—сопереживание» и на уровне тенденции — с «толерантностью»; с учетом отрицательной связи с уровнем агрессивности это может дать повод рассуждать об интересе к фольклору других народов как признаку межэтнической толерантности, но достаточных оснований к тому пока не имеется.

Что касается связей «психолого-управленческого потенциала» с субшкалами опросника агрессивности, то они в подавляющем большинстве оказались значимо отрицательными. Правда, отсутствует связь мотивации лидерства и достижения с субшкалами физической агрессии, бесстрашия-бесчувствия и гиперактивности (для двух последних ожидалась даже положительная связь с данным показателем). У компонента «Коммуникативная направленность» также нет связи с указанными субшкалами и с субшкалой предметной агрессии. Меньше связей с агрессивностью также у компонента «Независимость и самостоятельность». Наибольшие по значению отрицательные связи с субшкалами агрессивности обнаруживает компонент «Понимание и сопереживание», что вполне закономерно. Полученные результаты заставляют даже задуматься — не получают ли при таком подходе к оценке психологических качеств не совсем оправданное преимущество чересчур «мирные» управленцы. Однако также заставляют

вспомнить давно известное суждение о том, что надобность в жестком давлении и насилии возникает там, где не хватает взаимопонимания и качественной организации дела.

В целом проведенное исследование позволяет заключить, что изучение предпочтений музыки, как и других видов искусств, может помочь психологу косвенным образом подкреплять свои заключения при оценке личностных качеств руководящих работников, не заменяя, разумеется, проверенных методик профессиональной психологической диагностики.

167. Аксютин З. А.

Омск

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА

Рассматривая социально-педагогическую компетентность, или компетентность социального педагога, исследователи выделяют разные аспекты.

Н.Ю. Клименко, рассматривая понятие социально-педагогической компетентности, выявила, что это необходимая характеристика профессиональной деятельности специалиста любой сферы социальной практики, отражающая качество его профессиональной компетентности и уровень профессионального роста [3, С. 233].

З.М. Махмутова утверждает, что профессиональная компетентность социального педагога рассматривается как *интегральная характеристика*, включающая способность самостоятельно приобретать совокупность профессиональных знаний, умений, навыков; умение и готовность находить пути решения социально-педагогических задач; оценивание и ответственность за результаты своей деятельности [2, С. 11].

О.В. Баркунова представляет профессиональную компетентность будущего социального педагога как сложную *системную характеристику личности и деятельности*, реализующуюся на практике через совокупность профессиональных компетенций (ценностно-мотивационных, когнитивных, социально-психологических, деятельностных), формирование которых способствует повышению конкурентоспособности выпускника на рынке труда и успешной адаптации в профессиональной деятельности [1, С. 8].

Выявление сущности понятия компетентности социального педагога позволяет сформулировать критерии оценки профессиональной компетенции, выделить качества, которые наиболее адекватно отражают аспекты деятельности социального педагога в условиях социально-экономической мобильности, расширения межкультурных контактов в профессиональной сфере, интеграции образовательного пространства. Ими являются:

- наличие комплекса теоретических знаний профессиональной социально-педагогической деятельности;
- практическое владение средствами профессионального социально-педагогического общения;
- способность к адаптации в новых условиях, к толерантности;
- умение разрабатывать стратегию коммуникативного поведения, влияющую на принятие социально-педагогического решения;
- наличие современных педагогических навыков, знание психолого-педагогических основ воспитания.

Нами был проведен анализ 1474 исследовательских работ по социальной педагогике на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в период с 1971 по 2009 гг., который позволил проследить исследования компетенций социального педагога.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что исследование компетентностей социального педагога было начато с 1998 г. и развивается в наши дни. Всего проведено двенадцать исследований. Наибольшее число работ посвящено целостному исследованию компетенций социального педагога и коммуникативной компетентности, кроме того, изучались этнокультурная, социально-перцептивная,

информационно-коммуникативная и эстетическая компетентности. Исследования компетенций не дают целостного представления о компетенциях социального педагога. Предстоят исследования специальной, методической, социально-психологической, аутопсихологической, ценностно-мотивационной, когнитивной, деятельностной и других видов компетенций.

Профессиональная компетентность социального педагога как системная характеристика личности и деятельности включает в себя совокупность компетентностей и реализуется на практике через систему профессиональных компетенций, которые представляют собой комплекс приемов и действий (умений), направленных на выполнение профессиональных функций. К профессиональным компетенциям социального педагога относятся:

- *ценностно-мотивационная компетенция* — компетенция в сфере мировоззрения, связанная с ценностными представлениями о роли профессии, важности результатов деятельности, профессиональной направленностью, рефлексивные умения;
- *когнитивная компетенция* проявляется в умениях систематически пополнять свои знания путем самообразования, анализировать ситуации социального взаимодействия, формулировать социально-педагогические задачи и определять способы их оптимального решения;
- *социально-психологическая компетенция* включает: рефлексивные умения, умения устанавливать педагогически целесообразные отношения, быстро принимать решение и находить наиболее эффективные средства педагогического воздействия;
- *деятельностная компетенция* проявляется в умении выбирать наиболее рациональные формы социально-педагогической работы с разными категориями детей, умении прогнозировать конечный результат своей деятельности, умении организовать ситуации социального взаимодействия. Выделение этих видов компетенций обусловлено особенностями профессиональной деятельности социального педагога: гуманистическим характером профессии, уникальностью объекта деятельности (дети «группы риска», дети с ЗПР, трудновоспитуемые и многие другие), его многофункциональностью и высокой социальной ответственностью.

Литература

1. Баркунова О.В. Формирование профессиональной компетентности социального педагога в процессе педагогической практики: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Шуя, 2010. — 22 с.
2. Махмутова З.М. Формирование профессиональной компетентности социального педагога в образовательном процессе высшей школы: Дис. ... канд. пед. наук. — Уфа, 2006. — 156 с.
3. Социальная педагогика: Монография / Под ред. В.Г. Бочаровой. — М.: Гуманит. изд. цент ВЛАДОС, 2004. — 368 с.

---

168. Михеева Т. В.
Березники

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Названием и содержанием данной статьи автор ориентирует читателя на проблемы формирования профессиональных компетенций, которые могут решать в системе высшего образования специальные курсы. Одной из таких дисциплин, входящих в региональный компонент, является «Культура труда руководителя».

Учебные предметы специальности «Социальная работа» требуют от студента усвоения профессиональных компетенций, целостного, системного представления о ценностно-этических основаниях, подходах к деятельности и профессиональной морали в социальной работе и др. Многие дисциплины содержат материал и для личностного осмысления собственных качеств, отношения к многочисленным проблемам настоящего и будущего. Культура труда специалиста — значимая компонента профессионализма,

способствующая формированию целостного профессионального мышления практического и научного работника в области социальной работы.

Будущие социальные работники приобретают знания, умения и навыки руководства на лекциях, практических занятиях и в процессе самостоятельного общения с работодателями и коллегами и т. п. Результатом практических занятий и самостоятельной работы студентов, создающих будущий стиль руководства, служат подготовленные и представленные на суд студенческой группы выступления, решение проблемных ситуаций, модели руководителей различных социальных структур, проекты дизайна и интерьера рабочего кабинета руководителя и подчиненных и др. Студенты учатся отслеживать динамику собственного опыта, формируют сознание и мышление руководителя.

В процессе преподавания «Культуры труда руководителя» и других ранее читаемых дисциплин проведены контроль знаний, наблюдения, эксперименты, касающиеся усвоения этических профессиональных ценностей социальной работы. Так, средний балл по дисциплине «Профессионально-этические основы социальной работы» составляет 4,86 из 5 возможных.

В ходе наблюдения выявлены: положительное отношение к изучаемым предметам, конструктивные оценки обсуждаемых социальных проблем и событий, устойчивый интерес к научной литературе (часть студентов работала с источниками повышенной сложности), потребность изучать свои личностные качества и др.

В конце изучения дисциплины «Культура труда руководителя» можно подвести некие итоги. Целью опроса явилось определение собственных качеств руководителя и нахождение приоритетных компетенций в будущем. В нашем опросе участвовали 19 студентов дневной формы обучения (21 человек сплоченного состава) IV курса специальности «социальная работа» БФ ПГУ. Студенты не были ограничены количеством высказываний, поэтому обработка ответов представляла, с одной стороны, интерес (о каком наборе личностных качеств желает сказать студент?) и некоторую трудность для преподавателя (анкеты проходили обработку неоднократно). Бóльший процент респондентов, в возрасте от 20 до 22 лет, составляют девушки (84,2 %), а юноши — 15,8 %. Около 21 % студентов имеют небольшой опыт руководящей работы. 89 % студентов оценивают свой уровень знаний и умений руководства как средний. Качества, сформированные к концу 8 семестра, отметим в порядке значимости для студентов. На первом месте — ответственность (73,7 %), на втором — коммуникабельность (37 %), третье место занимают два этических качества: организованность и пунктуальность (по 31,6 %). 15,8 % студентов отметили у себя и решительность, и терпимость к сотрудникам. Такие качества, как добросовестность, мобильность, целеустремленность, стрессоустойчивость набрали по 10 %. На периферии этических качеств (5 %) находятся ценности, необходимые для личностного развития (воспитанность, отзывчивость, порядочность, уверенность, активность) и для формирования профессиональных качеств руководства (умение работать с коллективом, уважение к другим, умение планировать деятельность, предприимчивость, исполнительность).

На вопрос: «Какими приемами можно сформировать лучшие качества культуры труда руководителя?», студенты дали ответы, представляющие ценность для всех, заинтересованных в процессе обучения. По 58 % набрали такие методы, как работа над собой (самоанализ, самосовершенствование) и практика (приобретение опыта работы). Изучение литературы как способ улучшить свои качества назвали более половины студентов. Среди других методов отметили: обмен опытом, участие в тренингах, игры и общение.

В числе приоритетных компетенций руководителя, которые студенты видят в будущем, называют ответственность (68,4 %), решительность и умение руководить (по 36,8 %), коммуникабельность (31,6 %), стрессоустойчивость и понимание (в смысле отзывчивости и заботы о подчиненном и клиенте) по 21 %. Завершают список лучших качеств лидерство, уверенность, компетентность, деловая хватка.

Таким образом, можно отметить сформированные у студентов представления о различных компетенциях руководителя социальных служб и предположить о желании студентов овладеть приемами эффективного руководства внешней средой. Наиболее значимые качества руководителя, признаваемые студентами, — это ответственность, коммуникабельность, решительность и умение руководить. Студенты владеют ценностно-этической самооценкой и самоконтролем, имеют намерение самосовершенствования.

169. МЕРЗЛЯКОВА Д. Р., СЕМКОВА М. П.

Ижевск

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ У ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Педагогическая деятельность относится к профессиям, подверженным синдрому выгорания. Педагоги испытывают большое количество стрессов, и в результате у них может возникнуть негативная реакция на стресс — психическое выгорание. К. Маслак определяет синдром выгорания как «состояние физического, эмоционального и умственного истощения, отмеченного физическим истощением и хронической усталостью, чувства беспомощности и безнадежности, развитием отрицательной самооценки и негативного отношения к работе, жизни и другим людям». К. Маслак подчеркивает, что выгорание — это не потеря творческого потенциала, не реакция на скуку, а скорее «эмоциональное истощение, возникающее на фоне стресса, вызванного межличностным общением» [15].

Помимо этого, синдром выгорания опасен появлением психосоматических реакций, что негативно влияет как на самого специалиста, так и на качество и продуктивность его работы. М. Burish отмечает, что на последних стадиях развития выгорания у специалиста развиваются такие разнообразны психосоматические расстройства, как бессонница, нарушения в сексуальной сфере, тахикардия, повышение давления, головные боли, расстройства пищеварительной системы, снижение иммунитета [14].

Длительное время проблема психосоматических расстройств разрабатывалась в основном последователями З. Фрейда (Berd B., Kanner L., Bowlby J., Kreisler L., и др.), предлагавшими психогенетическую трактовку этих состояний, основываясь на психоаналитической концепции. В последнее время эти задачи чаще решаются с позиций психосоматического (Губачев Ю.М., Стабровский Е.М.; Исаев Д.Н. и др. [4; 5; 6]) и онтогенетического подходов (Ковалев В.В.; Шевченко Ю.С. [1; 7]).

Для эффективной профилактики и коррекции синдрома психического выгорания необходимо выявление психосоматических симптомов в зависимости от уровня психического выгорания, стратегий совладающего поведения и сформированности психологических защит.

В психологической литературе подробно описаны стратегии копинг-поведения [2; 3; 8; 12; 13]. Согласно мнению С.К. Нартовой-Бочавер, копинг — это индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями [8, С. 125]. Исследованию психологической защиты личности посвящены работы Р.М. Грановской, Е.С. Романовой, Ф.В. Бассина, Г. Келлермана, Х. Конте, Р. Лазаруса и др. Грамотное применение стратегий защитного поведения, а именно конструктивных способов совладания, позволит снизить степень подверженности педагогов синдрому эмоционального выгорания, а, следовательно, сохранит успешность их профессиональной деятельности.

Цель нашего исследования: выявление особенностей психосоматических симптомов, стратегий совладающего поведения и защитных реакций у воспитателей с разным уровнем психического выгорания.

В исследовании использовался следующий диагностический инструментарий: методика диагностики механизмов психологической защиты Келлермана-Плутчека—Конте («Индекса жизненного стиля», в адаптации Л.И. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой и др.), методика Дж. Амирхана «Индикатор копинг-стратегий», адаптированный Н.А. Сирота и В.М. Ялтонским (1995), вариант созданного в 1990 г. Дж. Амирханом самооценочного опросника «The Coping Strategy Indicator» («CSI») [13], опросник психического выгорания (А.А. Рукавишников) [9].

Помимо этого, с данными испытуемыми было проведено упражнение «Фантом» (А. Асмолов, Г. Солдатова) [8].

Задачами данного упражнения были:

1) изучение соматических проявлений стресса;

2) обучение навыкам самодиагностики стресса на ранних стадиях.

Участникам раздавались бланки с двумя схематическими изображением человеческого тела и цветные карандаши. На первом силуэте им предлагалось метафорически изобразить, какие соматические проявления сопровождают их стрессовую реакцию, когда она достигает значительного уровня (фаза истощения). Для этого им необходимо было вспомнить, в каких именно частях тела локализованы эти ощущения, как именно они проявляются. С целью наилучшего представления этого процесса было

предложено мысленно закончить предложение: «Я чувствую это, как будто...». В результате получилась метафора, которую испытуемые изобразили на бумаге.

Затем на втором силуэте человеческого тела необходимо было аналогичным образом изобразить самые ранние телесные проявления, которые сигнализируют о начинающемся стрессе.

В выборку вошли воспитатели дошкольных образовательных учреждений — 17 человек, все женщины. Средний возраст исследуемых — 42,67 года (24—57 лет), стаж работы в педагогике в среднем 20,60 года (2—38 лет).

При анализе полученных рисунков (при выполнении упражнения «Фантом») учитывались сюжетные и формальные их особенности; эти особенности были подвергнуты кластерному анализу. Преобразование первичных статистик при кластеризации происходило методом *k-means*. Выделено 3 кластера, отражающих содержательные признаки рисунков, и 3 кластера, отражающих формальные особенности (технику) рисунка. В результате показатели рисунков были интерпретированы так.

«Сюжетные» кластеры отражают субъективное восприятие (и воспоминание) своего психофизиологического состояния в момент стресса.

В «сюжетный» кластер 1 вошли: выражение адекватных стрессу эмоций на лице; стоящие дыбом волосы; стрелки и лучи, расходящиеся из головы; метки в области головы; пустое или заштрихованное красное сердце с расходящимися лучами, часто обведенное двойным контуром (размеры сердца увеличиваются к разгару стресса); «чулки» или осевые линии в изображении ног, «перчатки» на руках — все это касается и начала, и разгара стресса. В разгаре стресса появляются изображения суставов, пятен и спиралей в области живота. Все эти симптомы отражают нарушенный вегетативный фон в виде симпатонии, а к разгару стресса — и амфотонии. Эмоциональное реагирование особо не искажается. Этот кластер можно назвать *«Симптомы нейроциркуляторной астении»*.

В «сюжетный» кластер 2 вошли: небрежное изображение лица в виде «смайлика», независимо от эмоционального состояния; зигзаги и спирали в области живота — все это и в начале, и в разгаре стресса. В начале стресса появляются мысли, выходящие из головы, и вещи рядом, а в его разгаре — разбитое сердце. Вероятно, авторы подобных рисунков довольно беспомощны в выражении эмоций и совладании с ними, поэтому данный кластер можно назвать *«Эмоциональная неконгруэнтность»*.

В «сюжетный» кластер 3 вошли: в обе фазы стресса — заштрихованная голова (в виде каски или повязки); «пояс» в области живота; контур человеческой фигурки как бы дробится изображениями этих симптомов. В начале стресса имеется изображение «остова» рук; в разгаре — появляются метки в области горла, кистей и предплечий; выход изображения симптома за пределы головы; стрелки направлены внутрь сердца; сердце делается маленьким, оно не красного цвета (синее или нарисованное пастой); появляются границы, отделяющие голову от туловища и стопы от голеней. Видимо, здесь имеет место защита по типу соматизации, с соответствующим ощущением потери телесных границ. Стрессы действуют как повторяющаяся травма, поэтому симптомы привычны и фиксированы. Кластер можно назвать *«Стресс как травма»*.

«Формальные» кластеры отражают функциональное состояние автора рисунка в момент рисования (и проживания опыта прежних стрессов).

В «формальный» кластер 1 вошли следующие признаки. В начале стресса контур фигурки может быть пустым; контур легкий; штрихи довольно редкие, хорошо структурированы — в виде вертикальных и горизонтальных волн, точек, направления по диагонали; нажим от слабого до сильного, могут быть петли или зубцы; штриховка выходит за пределы фигурки; используются желтый, синий, зеленый, черный цвета, шариковая ручка; цвета могут быть грязными, накладываться один поверх другого. В разгаре эти признаки сохраняются; изображение может занимать три четверти контура фигурки или больше; появляются символические изображения (гири на ногах и руках, молоты, бьющие по голове). Эти символы стереотипно повторяются, что, видимо, обусловлено подражанием. Такие проявления свидетельствуют о выраженной тревожности, телесном дискомфорте, потребности в покое, слабо выраженной агрессии и пассивном протесте, ослаблении самоконтроля — это постоянное самочувствие воспитателя. Этот кластер можно назвать *«Астения»*.

В «формальный» кластер 2 вошли следующие признаки. В начале стресса преобладают низкая и средняя детальность; рисование в пределах контура, где симптомы занимают не больше четверти или половины контура; преобладание контурных рисунков, контур жирный и грубый; штриховка грубая, густая, нередко в несколько слоев; нажим неустойчивый; используются красный и коричневый цвета;

цвета не смешиваются; много пояснительных надписей. В разгаре стресса детальность становится более высокой; изображение симптомов занимает больше половины контура; появляется символика (цепи, молнии), тоже довольно стереотипная. Эти проявления свидетельствуют о выраженном физическом дискомфорте, тревоге и беспомощности, которые пытаются компенсировать (возможно, с помощью агрессии), реактивно усиленном самоконтроле. Защитные реакции яркие, но ограничены в диапазоне. Этот кластер можно назвать «Стенические защитные реакции».

На следующем этапе исследования были построены двухмерные модели реакций воспитателей на стресс — в целом по выборке и для воспитателей со средней степенью индекса выгорания (они составили большинство группы). В рисунке каждого испытуемого подсчитывалось количество признаков каждого функционального и сюжетного кластера (наличие признака — 1 балл). Были выявлены корреляции между результатами тестирования, а также данными кластерного анализа сюжетов и формальных особенностей рисунков воспитателей (в баллах) по χ^2 -критерию Пирсона. Определена значимость коэффициентов корреляции. Далее на основании значимости и знака коэффициентов корреляции было проведено многомерное шкалирование по методике PROXSCAL: + χ при $p < 0,001$ присваивался 1 балл, при $p < 0,01$ — 2 балла, $p < 0,05$ — 3 балла; и — χ при $p < 0,1$ — 4 балла; — χ при $p < 0,05$ — 5 баллов, при $p < 0,01$ — 6 баллов, при $p < 0,001$ — 7 баллов.

Общая модель реакций воспитателей ДОУ на стресс представлена на рис. 1.

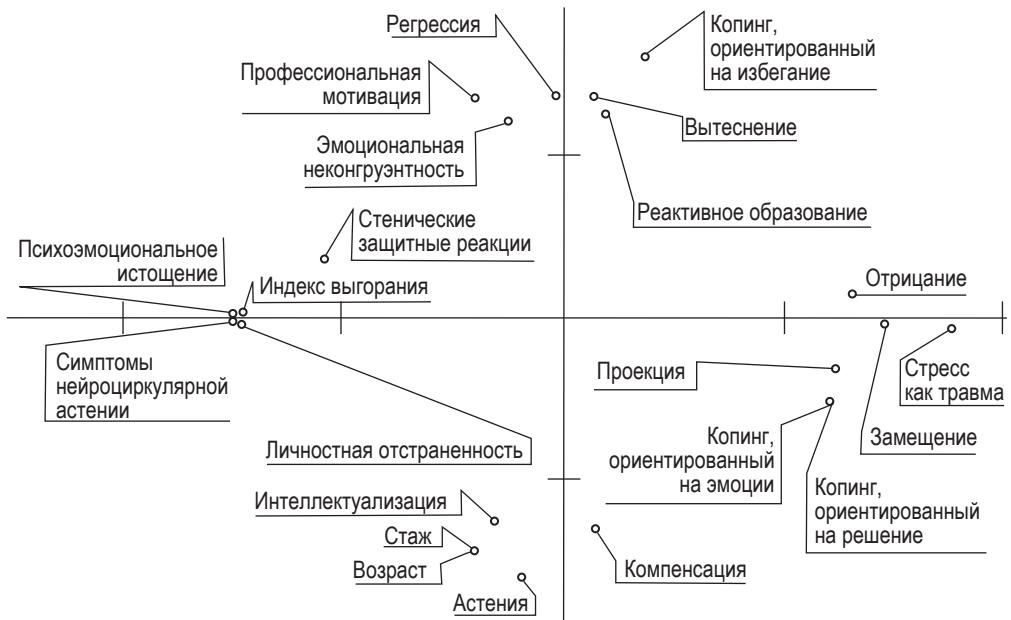

Рис. 1. Общая модель реакций воспитателей на стресс

Выявлено четыре довольно четко отделенные друг от друга группы показателей.

В области модели с высокими положительными значениями по оси У располагаются показатели: копинг, ориентированный на избегание; вытеснение; реактивное образование (значения по оси X невысокие положительные); регрессия (значение по оси X равно нулю); профессиональная мотивация и эмоциональная неконгруэнтность (значения по оси X невысокие отрицательные). Эта область модели представляет механизмы, искажающие субъективную реальность воспитателя (и состояние выученной беспомощности), что ведет к формированию неадекватных эмоциональных реакций и разочарованию в профессии.

В области модели с высокими отрицательными значениями по оси У располагаются показатели: компенсация (значение по оси X невысокое положительное); интеллектуализация, возраст, стаж, астения (значения по оси X невысокие отрицательные). Эта область модели касается адаптации к профессии и издержек этой адаптации (либо ухудшения состояния с возрастом) — астении и «отсечения» беспокоящих чувств.

В области модели с высокими положительными значениями по оси X располагаются показатели: отрицание (значение по оси Y близкое к нулю); замещение, стресс как травма (значения по оси Y равны нулю); копинг, ориентированный на решение; копинг, ориентированный на эмоции; проекция (значения по оси Y невысокие отрицательные). Эта область связана с серьезными искажениями объективной реальности (и на основе этой искаженной картины принимаются решения и переживаются чувства). Стресс оказывается травматичным (из-за игнорирования информации, которая позволила бы к нему подготовиться), а переживание распада Я проецируется на тело. Здесь имеет место искажение личности воспитателя.

В области модели с высокими отрицательными значениями по оси X располагаются показатели: кучно — психоэмоциональное истощение, личностная отстраненность, индекс выгорания, симптомы нейроциркуляторной астении (значения по оси Y равны нулю) и стенические защитные реакции (значения по оси X невысокие положительные). Здесь мы видим выгорание как сформированный синдром — это реакция на хронический профессиональный стресс, видимо, в фазе резистенции.

В общей модели мы видим стабильную, сформированную картину реакций воспитателей на стресс. Ось X — отображение исходов в профессиональные деструкции: выгорание (отрицательные значения) и деформацию личности (положительные значения). Видимо, это взаимно противоположные способы существования в условиях хронического профессионального стресса. Ось Y отражает полярность профессиональной адаптации за счет отношения к эмоциям как к объекту (отрицательные значения) — профессиональной дезадаптации за счет значительного искажения собственных чувств (положительные значения).

Модель реакций на стресс воспитателей со средним уровнем выгорания более рыхлая и напоминает ромб (см. рис. 2).

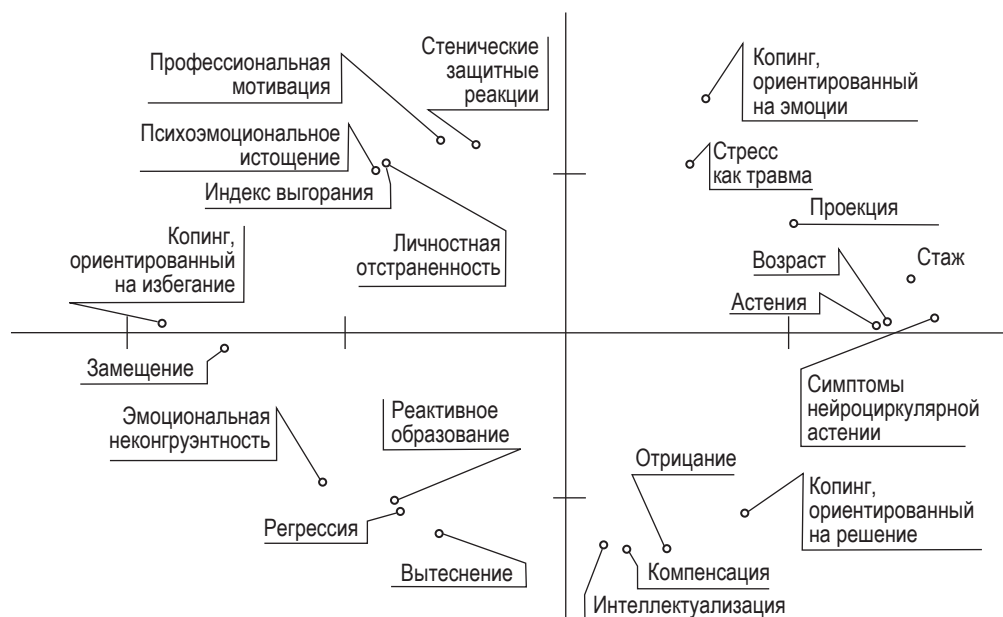

Рис. 2. Модель реакций воспитателей со средней степенью индекса выгорания на стресс

Область положительных значений по обоим осям формируют показатели (по убыванию Y и возрастанию X): копинг, ориентированный на эмоции, стресс как травма, проекция, стаж, симптомы нейроциркуляторной астении. Высокие положительные значения по оси X и равные нулю — по оси Y имеют показатели возраста и астении. Здесь отражен механизм эмоционального отреагирования в ответ на травму (за счет проекции на объект труда), которое характерно для астенических состояний, нарастает

в прямой зависимости от возраста и стажа; оно не является достаточно эффективным, так как связано со значительной вегетативной дисфункцией.

Область положительных значений по оси X и отрицательных по оси У формируют показатели (по возрастанию X): интеллектуализация, компенсация, отрицание; копинг, ориентированный на решение. Это область защитных искажений образа Я и объективной реальности — в результате могут приниматься неэффективные решения.

Область положительных значений по оси У и отрицательных по оси X (X стремится к нулю): психосоматическое истощение, личностная отстраненность, индекс выгорания, профессиональная мотивация, стенические защитные реакции. Выгорание сформировано как синдром и поддерживается в стабильном состоянии.

Высокие отрицательные значения по оси X и близкие к нулю по оси У имеют показатели копинга, ориентированного на избегание, и замещения. Это область неэффективных ответов на стресс, так как защиты не направлены на его причину.

Область отрицательных значений по обеим осям формируют показатели (X стремится к нулю): эмоциональная неконгруэнтность, реактивное образование, регрессия, вытеснение. Это область искажения субъективной реальности воспитателя.

Ось X данной модели — континуум стенических (отрицательные значения) и астенических (положительные значения) реакций на стресс: энергия сохраняется за счет перенаправления негативных эмоций на безопасный объект. Ось У — отражение восприятия актуального конфликта: его осознание (положительные значения) и искажения субъективной и объективной реальности (отрицательные значения). Эта модель динамичнее общей модели, защитные механизмы и их комплексы еще формируются (из-за чего и выглядят парадоксально — менее адаптивными).

Выводы

В данном исследовании в соответствие с целью было проведено исследование особенностей психосоматических симптомов, стратегий совладающего поведения и защитных реакций у воспитателей с разным уровнем психического выгорания.

С испытуемыми воспитателями было проведено упражнение «Фантом» с целью выявления психосоматических симптомов стресса. Полученные результаты исследования были классифицированы по содержательным и формальным признакам рисунка.

В первый кластер вошли признаки субъективного восприятия (и воспоминания) своего психофизиологического состояния в момент стресса. Симптомы, относящиеся к данному кластеру, отражают нарушенный вегетативный фон в виде симпатотонии, а к разгару стресса — и амфотонии. Эмоциональное реагирование особо не искажается. Этот кластер можно назвать *«Симптомы нейроциркуляторной астении»*.

Во второй кластер вошли признаки субъективного восприятия (и воспоминания) своего психофизиологического состояния в момент стресса. Анализ рисунков показал, что авторы данных рисунков испытывают затруднения в выражении эмоций и совладании с ними, поэтому данный кластер можно назвать *«Эмоциональная неконгруэнтность»*.

В третий кластер вошли признаки субъективного восприятия (и воспоминания) своего психофизиологического состояния в момент стресса. Анализ рисунков показал, что в восприятии своего психофизиологического состояния в момент стресса имеет место защита по типу соматизации, с соответствующим ощущением потери телесных границ. Стрессы действуют как повторяющаяся травма, поэтому симптомы привычны и фиксированы. Кластер можно назвать *«Стресс как травма»*.

В первый кластер, характеризующий формальные признаки, вошли проявления тревожности, телесного дискомфорта, потребности в покое, ослаблении самоконтроля. Этот кластер можно назвать *«Астения»*.

Во второй кластер, характеризующий формальные признаки, вошли проявления физического дискомфорта, тревоги и беспомощности, реактивно усиленного самоконтроля. Защитные реакции воспитателей яркие, но ограничены в диапазоне. Этот кластер можно назвать *«Стенические защитные реакции»*.

Нами было создано две модели восприятия своего психофизиологического состояния воспитателями:

1. Общая модель реакций воспитателей на стресс.

2. Модель реакций воспитателей со средней степенью индекса выгорания на стресс.

Общая модель реакций воспитателей на стресс показала, что у воспитателей формируются неадекватные эмоциональные реакции и разочарование в профессии. В процессе адаптации к профессии происходит астенизация воспитателей и «уход» от беспокоящих чувств. У воспитателей формируется искажение объективной реальности вследствие формирования неконструктивных форм психологических защит. Стресс оказывается травматичным (из-за игнорирования информации, которая позволила бы к нему подготовиться), а переживание распада Я проецируется на тело. Психическое выгорание проявляется как сформированный синдром — это реакция на хронический профессиональный стресс, видимо, в фазе резистенции.

Модель реакций воспитателей со средней степенью индекса выгорания на стресс показала, что для воспитателей характерно эмоциональное отреагирование в ответ на травму. Эмоциональное отреагирование характерно для астенических состояний, оно нарастает в прямой зависимости от возраста и стажа, не является достаточно эффективным, так как связано со значительной вегетативной дисфункцией. Для воспитателей со средней степенью индекса выгорания характерны защитные искажения образа Я и объективной реальности — в результате могут приниматься неэффективные решения. Выгорание у данных воспитателей сформировано как синдром и поддерживается в стабильном состоянии.

Литература

1. Антропов Ю. Ф., Шевченко Ю. С. Психосоматические расстройства и патологически привычные действия у подростков. — М.: Издательство НГМА, 2001.
2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. — 1994. — Т. 15. — № 1. — С. 3—19.
3. Василюк Ф. Психология переживания. — М., 1994.
4. Губачев Ю.М. Заболевания сердечно-сосудистой системы. — СПб.: Бионт. —1998.
5. Губачев Ю.М., Стабровский Е.М. Клиникофизиологические основы психосоматических соотношений. — Л.: Медицина, 1981.
6. Исаев Д.Н. Психопатология детского возраста. — М.: Специальная литература, 2007.
7. Ковалев В.В. Личность и нарушения при соматической болезни // Роль психического фактора в происхождении, течении и лечении соматических болезней. — М.: Медицина, 1972.
8. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. — 1997. — Т. 18. — № 5. — С. 20—30.
9. Сибгатуллина И.Ф., Апакова Л.В., Зайцева Л.Д. Особенности копинг-поведения в реализации интеллектуальной деятельности субъектами высшей школы // Прикладная психология. — № 5—6. — 2002. — С. 105.
10. Социальная компетентность: режиссура совместных действий / Под ред. А.Г. Асмолова, Г.У. Солдатовой. — М.: Гратис, 2006.
11. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М., 2002.
12. Тышкова М. Исследование устойчивости детей и подростков в трудных ситуациях // Вопросы психологии. — 1987. — № 1. — С. 27—34.
13. Amirkhan J.H. Factor analitically driven measure of coing: the strategy indicator // J. of Personality and Social Psychology. — 1990. Vol. 59. — P. 1066—1074. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url>.
14. Burish M. In search of theory: some ruminations on the nature and etiology of burnout // Professional burnout: Recent developments in the theory and research / Ed. W.B. Shaufeli, Cr. Maslach & T. Marek. — Washington: Taylor & Francis, 1993. — P. 75—93.
15. Maslach C., Leiter M.P. The truth about burnout: How organization cause personal stress and what to do about it. — San Francisco, CA: Jossey — Bass, 1997.

170. Чиркина Е. А.

Ижевск

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ — ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС
В ПОМОГАЮЩЕЙ ПРОФЕССИИ**

Педагоги, психологи, психотерапевты, социальные работники, логопеды, медработники... Что объединяет в один ряд перечисленные профессии? Все эти профессии предъявляют к своему носителю ряд «особенных требований», соответствие и выполнение которых является условием и результатом успешной профессионализации, а также показателем профессионализма. Назовем их помогающими профессиями (П.П.) и отметим лишь, что специалисты осуществляют свою деятельность в ходе взаимодействия с человеком — потребителем услуг. Характер этого взаимодействия обусловлен особенностью самой профессиональной деятельности:

- «требования» профессии к носителю (мотивация, интересы, ценности, цели; например, способствование благу других людей; (Е.А. Климов);
- «предмет» труда — человек нуждающийся, которому нужна помощь, внимание, отношение;
- «характер» труда — «вчувствование», сострадание, «вживание», эмоциональное напряжение (А.К. Маркова);
- компенсаторная особенность самой профессиональной деятельности (П.П. как средство сверхкомпенсации в условиях маскулинной культуры с ее запретом на феминность («маскулинный протест» (А. Адлер)), когда допустимо реализовывать феминные установки на толерантность, чувствительность, сопереживательность.

Профессия педагога задает своему носителю очень высокую планку уникальности, поскольку предмет приложения оказывается живой растущий, формирующийся человек, и здесь необходимо быть «в мире с самим собою» для того, чтобы транслировать и учить этому состоянию своего ученика. Полагаем, что этому «состоянию» педагога способствует очень важный психологический ресурс — эмоциональный интеллект.

В зарубежной психологической практике в последние два десятилетия очень интенсивно разрабатывались модели, объясняющие эту способность профессионала. Первым об этом явлении заявил один из исследователей гуманистической волны Питер Салоуэй в 1990 году, выпустив статью под названием «Эмоциональный интеллект». Он писал, что последние несколько десятков лет представления и об интеллекте, и об эмоциях коренным образом изменились. Разум перестал восприниматься как некая идеальная субстанция, эмоции как главный враг интеллекта, и оба явления приобрели реальное значение в повседневной человеческой жизни. П. Салоуэй и его соавтор Дж. Майер определяют эмоциональный интеллект как «способность воспринимать и понимать проявления личности, выражаемые в эмоциях, управлять эмоциями на основе интеллектуальных процессов», указывая при этом на «особый комплекс психических свойств, таких как умение разбираться в собственных чувствах, эмпатия, умение регулировать собственные эмоции. Эмоциональный интеллект, по их мнению, включает в себя 4 блока способностей:

1) способность воспринимать или чувствовать эмоции (как свои собственные, так и другого человека). Это умение представляет собой способность определять эмоции по физическому состоянию и мыслям, по внешнему виду и поведению. Кроме того, оно включает в себя и способность точно выражать свои эмоции и потребности, связанные с ними;

2) способность направлять свои эмоции в помощь разуму. Эта способность помогает понять, как можно думать более эффективно, используя эмоции. Управляя эмоцией, человек может видеть мир под разным углом и более эффективно решать проблемы;

3) способность понимать, что выражает та или иная эмоция. Эта способность отражает умение определить источник эмоций, классифицировать эмоции, распознавать связи между словами и эмоциями, интерпретировать значения эмоций, касающихся взаимоотношений, понимать сложные (амбивалентные) чувства, осознавать переходы от одной эмоции к другой и возможное дальнейшее развитие эмоции;

4) способность управлять эмоциями. Для этого необходимо принимать эмоции вне зависимости от того, являются ли они желаемыми или нет, и выбирать стратегии поведения с их учетом. Эта способность

относится к умению использовать информацию, которую дают эмоции, вызывать эмоции или отстраняться от них в зависимости от их информативности или пользы; управлять своими и чужими эмоциями.

Дэниэль Гоулман (1998) в своих исследованиях эмоционального интеллекта показал, что жизненный успех человека определяется не столько общим уровнем умственного развития, сколько теми особенностями его разума, которые определяют способность к самопознанию и эмоциональной саморегуляции, умение выражать свои чувства, понимать и тонко реагировать на состояние других людей. Именно уровень эмоционального развития, по мысли автора, определяет жизненную и профессиональную успешность людей. Д. Гоулмен исходит из положения о том, что любая проблема, с которой человек сталкивается в жизни, имеет множество решений, и если бы человек анализировал их путем последовательного перебора или только логического анализа, то он бы не смог быстро принимать решения и действовать. Человеческий мозг приписывает каждому из вариантов своего рода «эмоциональный вес», что резко ограничивает область выбора наиболее сильными положительными эмоциями. Совершив ошибку, люди обычно испытывают неприятные чувства, правильное, оптимальное решение связывается с положительными эмоциями. Особенно важна роль эмоционального интеллекта в общении. Такие качества, как доброжелательность, тактичность, умение быстро оценить ситуацию и нужным образом реагировать на нее, требуют развитой эмпатии. Эмпатия понимается Гоулменом как базовый компонент эмоционального интеллекта, как один из факторов выживания, врожденное свойство человека (младенцы начинают проявлять его в трехмесячном возрасте, беспокойно реагируя на плач другого ребенка). По мнению Г.Г. Горской (1999), эмоциональный интеллект — это способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального синтеза и анализа. М.А. Манойловой (2004) осуществлен анализ психологической литературы по проблемам эмоционально-волевой сферы, интеллекта, профессионально значимых качеств и самосознания, что позволило сформулировать более точное операциональное определение понятия «эмоциональный интеллект». Это способность человека к осознанию, принятию и регуляции эмоциональных состояний и чувств других людей и себя самого. В структуре эмоционального интеллекта выделяются два аспекта: внутриличностный и межличностный, или социальный (иными словами, способность управлять собой и способность управлять отношениями с людьми). Первый аспект образуют следующие компоненты: осознание своих чувств, самооценка, уверенность в себе, ответственность, терпимость, самоконтроль, активность, гибкость, заинтересованность, открытость новому опыту, мотивация достижения, оптимизм. Во второй аспект входят такие компоненты, как коммуникабельность, открытость, эмпатия, способность учитывать и развивать интересы другого человека, уважение к людям, способность адекватно оценивать и прогнозировать межличностные отношения.

В свете вышеперечисленного хочется отметить, что эмоциональный интеллект охватывает своим содержанием и спецификой большую часть умений и способностей педагога и служит источником как для его саморазвития и самосовершенствования, так и средством формирования личности учащегося. Малоизученными остаются сам механизм и педагогические условия освоения этой аффективно-когнитивной педагогической способности.

Литература

1. Дэниэл Г., Р. Бояцис, Энни Макки. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. — С. 266—269.
2. Карпов А.В., Петровская А.С. Проблема эмоционального интеллекта в парадигме современного метакогнитивизма.
3. Манойлова М.А. Акемологическое развитие эмоционального интеллекта учителей и учащихся. — Псков, 2004.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма. — М., 1996.
5. David R. Caruso, Peter Salovey. The Emotionally Intelligent Manager: How to Develop and Use the Four Key Emotional Skills of Leadership. — San Francisco: Jossey-Bass, 2004.

171. Орёл В. Е.

Ярославль

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО МИРА ПРОФЕССИОНАЛА

Проблема конструирования социальных миров достаточно тесно перекликается с широко исследуемой в отечественной психологии проблемой «образа мира». Под «образом мира» понимается некоторая совокупность или упорядоченная система знаний человека о мире, о себе, других людях и т. д. (Леонтьев А.Н., 1986; Смирнов С.Д., 1985). Он имеет уровневую структуру, что зафиксировано в большинстве исследований (Артемьева Е.Ю. и др., 1983; Петухов В.В., 1984; Смирнов С.Д., 1985). Анализ оценки своего социального окружения педагогами показал наличие существенных различий между учителями, имеющими высокий и низкий уровень выраженности. «Образ мира» и его составляющие формируются под влиянием большого количества факторов, среди которых важное место занимает профессиональная среда. Именно профессиональная деятельность является важнейшим условием адекватного знания о мире (Смирнов С.Д., 1985). Профессионалы, принимающие свою профессию в качестве образа жизни, приобретают особое видение окружающего мира, особую его категоризацию, особое отношение к объектам среды. Такое понимание образа мира профессионала получило название «мир профессии» (Артемьева Е.Ю., 1999). Структура данного образа профессии включает в себя ряд компонентов (Ханина И.Б., 1990): профессиональная семантика; особенности профессионального отражения ситуации; особенности профессионального межличностного восприятия; профессиональные аспекты общения.

Психическое выгорание как профессиональный феномен должно оказывать влияние на субъективную картину мира и в целом, и, в частности, на ту ее часть, которая связана с социальным взаимодействием; может интерпретироваться как социальная составляющая образа мира. Нами была предпринята попытка выявления влияния выгорания на представления профессионалов о своем социальном окружении (Орёл В.Е., 2005; Маркова Е.А., Орёл В.Е., 2006).

Результаты эмпирических исследований показали, что учителя с низким уровнем выгорания положительно воспринимают окружающих людей, оценивая их как дружелюбных и миролюбивых, в то время как для учителей из второй группы большинство окружающих представляются предателями, лицемерами и обманщиками. Мнения «выгоревших» и «невыгоревших» учителей также разошлись и в оценке интеллектуальных возможностей большинства людей. Если «невыгоревшие» учителя видят вокруг себя умных и интересных личностей, то учителя с высокой степенью выгорания, недооценивают интеллектуальный потенциал окружающих и рассматривают их как заурядных людей. Аналогичным образом можно охарактеризовать и остальные аспекты восприятия учителями других людей. Например, оптимистичному восприятию учителей с низким уровнем выгорания противопоставляется оценка их «выгоревших» коллег о том, что в мире много одиноких и многострадальных людей. Отмеченная выше тенденция наблюдается и при оценке учителями степени сознательности и добросовестности окружающих. Специфика представлений «выгоревших» учителей заключается в том, что они видят в других людях, скорее, неприятные черты, чем наличие чего-то прекрасного, считая, что в наше время не может быть счастливых и независимых людей.

Таким образом, полученные данные показывают, что подверженные выгоранию учителя оценивают окружающих людей более негативно по сравнению с коллегами, у которых данный синдром не выражен. Механизмом образования такой оценки может служить механизм проекции, заключающийся в переносе своих собственных оценок, мнений и установок на других. Вместе с тем возникает вопрос о том, а каков механизм этой проекции, как формируется обобщенная негативная оценка того или иного человека. Исходя из логики рассуждений, можно предположить, что у «невыгоревших учителей» должна быть более когерентная структура оценок, однако наши данные свидетельствуют об обратном. Низкая степень когерентности при отсутствии дифференцированности структуры у «невыгоревших учителей», вероятно, может свидетельствовать о независимости их оценок. Они менее критично оценивают свое близкое окружение и могут положительно относиться к людям независимо от уровня их интеллекта, равно как и к «врагам» причисляют не только «глупых» людей. «Выгоревшие» учителя продемонстрировали прямо противоположную тенденцию, проявляющуюся в наличии тесных положительных взаимосвязей между упомянутыми факторами. Почти полное отсутствие значимых корреляций между факторами оценки своего окружения в группе «невыгоревших» учителей дает право предположить, что они более многогранно

воспринимают людей, вне контекста доминирующих поведенческих характеристик и личностных черт. Их когнитивная структура является более сложной и дифференцированной. Они могут увидеть как положительные, так и отрицательные черты в одном человеке, не вынося ему заранее одностороннего приговора. У противоположной по степени выгорания группы учителей обнаружены прямые взаимосвязи между большинством факторов оценки других людей. Формирование образа человека происходит у них по типу известного и широко описанного в социальной психологии «гало-эффекта», заключающегося в тенденции оценщика поддаваться чрезмерному влиянию какой-либо одной приятной или неприятной черты, окрашивающей все их суждения о других чертах индивидуума (Анастаси А., Урбина С., 2003). Благодаря данному механизму, формируется высокоинтегрированная структура оценки, которая по сути дела сводит всю ее сложность к биполярной шкале типа «хороший»—«плохой».

Закономерности формирования представлений о социальном окружении у педагогов с разным уровнем выраженности выгорания нашли свое подтверждение и в аналогичных исследованиях восприятия учителями своих коллег и учеников, а также восприятия себя (Маркова Е.А., Орёл В.Е., 2006).

Результаты показывают, что независимо от уровня выгорания обе группы учителей отмечают тот факт, насколько их коллега умен, всесторонне развит и компетентен в области преподавания. Наличие более высоких показателей в первой группе учителей свидетельствует о большей уверенности не только в себе, но и в своих коллегах. Члены группы учителей с низким уровнем ИПВ более позитивно воспринимают свое ближайшее социальное окружение, оценивая их как дружелюбных и миролюбивых, а также более энергичных.

По результатам восприятия своих коллег вырисовываются следующие образы: учителя с низким уровнем ИПВ представляют своих коллег как творческих, умных, интересных, энергичных, дружелюбных и аккуратных личностей, но при этом отмечали и лицемерие, и грубость с их стороны.

Учителя с высокими показателями выгорания рисуют следующий образ: творческие, энергичные, умные, аккуратные, но при этом надоедливые, одинокие, заурядные и лицемерные. Такой набор негативных черт подтверждается и низким результатом по фактору «Дружелюбие». Таким образом, обе группы учителей отмечают и положительные, и отрицательные качества у своих коллег, но в группе «невыгоревших» количество позитивных личностных черт больше, чем в группе «выгоревших».

Наблюдается разница и в специфике восприятия: учителя с низким уровнем выгорания при оценке своих коллег используют качества, которые характеризуют их умственные способности, а при оценке себя больше межличностные качества, по которым можно оценить их умение взаимодействовать с другими людьми. Также восприятие коллег «невыгоревшими» учителями отличается высокой степенью критичности, о чем свидетельствует большее количество негативных черт, которые они им приписывают. Такая ситуация связана с тем, что учителя с низким уровнем выгорания рассматривают личность с разных сторон: выделяют как положительные, так и отрицательные качества человека и не испытывают трудностей в высказывании этого.

«Выгоревшие» педагоги оценивают окружающих односторонне — либо позитивно, либо негативно, что подтверждается ранее проведенными исследованиями.

Аналогичная картина наблюдается при восприятии учителями своих учеников. Результаты исследования показывают, что учителя с высоким уровнем выгорания характеризуют учеников как интересных, умных, творческих, красивых, с одной стороны, в то же время им свойственна глупость, лживость, заурядность и надоедливость. Такие противоречивые оценки свидетельствуют о стремлении «выгоревших» преподавателей к отчуждению от своих учеников, отсутствию намерений в установлении доверительных и дружеских отношений. Для них наиболее важной особенностью учеников являются их умственные способности, которые прямо соотносятся с оценками учебной деятельности и, таким образом, отражают эффективность деятельности самих учителей.

Другая картина представлений об учениках у преподавателей с низкими значениями ИПВ. Учителя их видят дружелюбными, энергичными, красивыми, интересными, творческими и впечатлительными.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что степень выраженности психического выгорания оказывает влияние на содержание представлений об окружающих у педагогов. Низкая степень выгорания способствует формированию структуры дифференцированных оценок о других людях при общей положительной их окраске, что подтверждают ранее установленные закономерности (Орёл В.Е., 2005). Группа коллег, не испытывающая влияния данного феномена, отмечает в большей степени позитивный настрой и у себя, и у своих коллег, и учеников. Выделяют дружелюбность и энергичность, свойственную

окружающим, которые находятся рядом с ними. Учителя с высокой степенью выгорания характеризуются высокой степенью интегрированности разных аспектов оценки, которые благодаря механизму «галло-эффекта» приводят к упрощенному восприятию личности окружающих по принципу биполярной шкалы типа «хороший—плохой» со смещением в сторону негативного полюса.

172. МЕРЗЛЯКОВА Д. Р.

Ижевск

**ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАРГИНАЛИЗМА
В «ПОМОГАЮЩИХ» ПРОФЕССИЯХ**

Профессии психолога-консультанта, педагога, врача относятся к числу так называемых «помогающих профессий», в которых деятельность специалиста реализуется через построение особых отношений с другими людьми, названных помогающими. «Помогающие» отношения, по утверждению К. Роджерса, это «отношения, в которых, по крайней мере, одна из сторон намеревается способствовать другой стороне в личностном росте, развитии, лучшей жизнедеятельности, формировании зрелости» [2]. Это определение охватывает широкий спектр отношений, способствующих развитию: родитель и ребенок, учитель и ученик, врач и пациент, психолог-консультант и клиент. Особенность деятельности работников «помогающих» профессий состоит, прежде всего, в том, что объектом и результатом труда является личность во всей целостности — включая физические, интеллектуальные, личностные и духовные качества. Таким образом, своеобразие «помогающих» профессий заключается в том, что сам субъект деятельности является первичным инструментом своей работы и для построения помогающих отношений оказывается недостаточным использование только методических приемов. «Помогающая» деятельность требует от профессионала личностной вовлеченности, открытости отношениям, умения сопереживать и сочувствовать, а также способности понимать интересы другого человека.

В контексте данных рассуждений мы видим, что личность специалиста в сфере «человек—человек» имеет первостепенное значение. При этом профессиональное развитие личности может идти по конструктивному и деструктивному пути. Профессиональные деструкции личности негативно влияют на личность специалиста и на его профессиональное развитие. Одной из форм профессиональных деструкций является профессиональный маргинализм.

Согласно мнению Е.П. Ермолаевой, профессиональный маргинализм — это социально-психологическое явление, связанное с фактической утратой человеком или группой людей своей профессиональной идентичности. Далее автором поясняется, что профессиональный маргинализм — это не просто банальный непрофессионализм как недостаточность или неадекватность профессиональных знаний и умений, это, прежде всего, личностная позиция непричастности и ментальная непринадлежность к общественно-приемлемой для данной профессии профессиональной морали [1].

Для профессий сферы «человек—человек» данная позиция является опасной, так как объектом воздействия в данных профессиях является личность. Нарушение этических норм специалистом негативно влияет на субъект его труда.

Таким образом, профессиональный маргинализм в «помогающих» профессиях является сложным, малоизученным явлением. Необходимо дальнейшее изучение данного явления для профилактики и коррекции.

Литература

1. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. — 2001. — № 4. — С. 51—59.
2. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ. — М.: Прогресс Универс, 1994. — 480 с.

173. Семькин В. А., Лебедчук П. В.

Курск

**РОЛЬ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ
В СТАНОВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛА АГРАРНОЙ СФЕРЫ**

В развитии идей отечественной аграрной науки все активнее участвуют сообщества ученых из «периферии». Растущая потребность в объединении усилий деятелей науки для коллективного решения насущных проблем в аграрной сфере повышает значимость деятельности региональных научных школ как с точки зрения их вклада в фундаментальные и прикладные исследования, так и в качестве одного из социально-психологических факторов становления профессионала. Основной научный потенциал региона, как правило, сосредоточен в высших учебных заведениях, поэтому региональные научные школы имеют академическую направленность.

Для научных сообществ вузов характерно наличие научно-педагогических школ, подразумевающих подготовку кадров, способных к внедрению инноваций в производство и открытым к самостоятельной реализации творческой активности.

Ученые Курской сельскохозяйственной академии помогают решению проблем АПК своими идеями, научными разработками и подготовкой квалифицированных кадров, способных реализовать научные достижения в производстве, то есть строят свою работу в направлении: наука — образование — производство. Новые технологии и методики для использования в сельском хозяйстве разрабатываются при активном участии аспирантов — молодых ученых, студентов — будущих специалистов АПК.

Ученые аграрной школы активно сотрудничают, обмениваются опытом с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья. Студенты и аспиранты академии также имеют возможность проходить практику и стажироваться в зарубежных вузах, приобретая необходимые знания и умения, развивая у себя профессиональную мобильность.

На учебно-производственной базе академии для руководителей и специалистов АПК регулярно проводятся семинары-совещания зонального, областного, районного значения, проходят Всероссийские и Международные научно-практические и научно-методические конференции и семинары, в работе которых принимают участие аспиранты и студенты. К достижениям ученых академии относится не только существенный вклад в разработку ряда фундаментальных проблем, но и опыт организации научных, методических, учебных исследований, играющих важную роль в подготовке высококвалифицированных специалистов.

Совершенно очевидно, что сегодня ведение научно-исследовательской работы в условиях сельскохозяйственного производства выпускниками академии крайне актуально. Полученные ими положительные результаты обсуждаются на научных конференциях, публикуются в открытой печати, включаются в диссертационные работы на соискание ученой степени.

Не вызывает сомнения, что высшее профессиональное образование должно обеспечить не только профессиональную, но и социальную подготовленность будущего специалиста. В отечественной науке под социально-профессиональной подготовленностью имеется в виду не только подготовленность к работе по специальности, но и общественная и психологическая готовность к конкретному труду на конкретном рабочем месте, в конкретных условиях труда, в сложившемся социально-психологическом климате государства и конкретной организации. Таким образом, в дополнение к «научной грамотности» молодой человек должен получить «социальную грамотность». К качествам, составляющим «социальную грамотность», относятся воспитанность, чувство долга, организованность, коллективизм, ответственность, дисциплинированность, общественная активность. Они закладываются в совместной творческой деятельности обучающихся и преподавателей-ученых с опытом практической деятельности.

Многими учеными академии приоритет отдается продуктивной творческой деятельности студента, аспиранта, которая подразумевает веру ученика в свои возможности, направлена на утверждение себя через научный поиск и успешное преодоление психологических и физических трудностей. В свою очередь, отзываясь о своих научных руководителях и преподавателях-наставниках, будущие специалисты и молодые ученые, не задумываясь, называют их социально-ценные качества: трудолюбие и целеустремленность, работоспособность и способность созидать, открытость и доброта, принципиальность

и сердечность, вежливость и тактичность, честность и обязательность, а также чувство юмора и умение слушать собеседника.

Деятельность курской аграрной научной школы с каждым годом становится все более масштабной, сформировавшиеся традиции продолжают новые поколения исследователей. Следует отметить, что среди сегодняшних студентов немало детей и внуков выпускников академии прежних лет, что говорит о целых династиях работников сельского хозяйства и ученых-аграриев. Поддержание «обратной связи» с выпускниками является доброй традицией. Данные, полученные в процессе анкетного опроса, показали — абитуриенты и их родители доверяют академии потому, что ее выпускники конкурентоспособны на рынке труда. Конкурентоспособность молодых специалистов АПК отмечают и работодатели.

Таким образом, объединение целого ряда научных направлений для комплексного решения проблем в системе АПК создает региональную аграрную научную школу, которая не только способствует развитию экономики региона, но и выполняет функцию обучения научному творчеству, формирует специалистов, готовых к быстронаступающим переменам. Выпускник вуза, приобщившийся к научным исследованиям в определенной области, способен к горизонтальной и вертикальной мобильности, продуктивной деятельности, самостоятельному освоению новых знаний, навыков и умений, нахождению эффективных решений в непростых современных условиях.

РАЗДЕЛ 11

СОЦИАЛЬНАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

---

174. Грязнов И. М., Чеверикина Е. А., Грязнов А. Н., Асыллова З. Р.

Казань

ТЕРЦИАРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

В настоящее время отсутствует единая и обоснованная модель возвращения индивидуума к социализации после деградации, возникшей в процессе заболевания алкоголизмом или наркоманией. Сохраняют актуальность проблемы возвращения им прежнего социального статуса и возобновление здорового образа жизни, все еще остаются открытыми вопросы влияния микросоциальной среды и социальных институтов на данный контингент, а также характер восприятия алкоголиками и наркоманами этих разновидностей влияния. Появляется необходимость научного изучения вышеназванных противоречий как на теоретическом, так и на прикладном уровнях.

В какой мере сочетание внешних (стихийных) и целенаправленных (социализирующих) влияний среды оказывает воздействие на внутренние проявления личности страдающего алкоголизмом или наркоманией, процесс его социализации после деградации? Такая постановка вопроса выдвигается нами в качестве одной из ключевых гипотетических посылок проводимого исследования.

Для ее подтверждения на теоретико-эмпирическом уровне предстояло получить ответ на следующий вопрос: «С помощью каких условий и средств может быть повышена эффективность целенаправленного социализирующего влияния со стороны социальных институтов на лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией?»

На наш взгляд, избранный подход позволяет продуктивно подойти к разработке проблемы терциарной социализации личности алкоголика или наркомана на этапе их устойчивой ремиссии, тем самым способствует устранению проблемы, сложившейся в этом направлении исследований в психологической науке.

При заболевании алкоголизмом и наркоманией личность прекращает социализироваться, начинается ее деградация. При работе с больными алкоголизмом и наркоманией необходимо комплексное воздействие, включая медикаментозное, психотерапевтическое, социально-психологическое и духовное. После медикаментозного и психотерапевтического воздействия на алкоголиков и наркоманов необходимо социально-психологическое воздействие, при котором они вновь начинают социализироваться, восстанавливая при этом свой социальный статус.

Известны социализация первичная (лат. *primaries, a, um*), или **примарная, и вторичная (лат. *secundarius, a, um*)**, или **секундарная**. В нашем исследовании при изучении социализации личности больных алкоголизмом и наркоманией мы вводим понятие **терциарная социализация (лат. *tertiarius, a, um*)**. Все слова, производные от слова социализация (лат. *socialis, e*), являются дериватами. Следует уточнить, что **терциарная социализация личности алкоголика и наркомана** проводится на этапе устойчивой ремиссии, которая может длиться многие годы и быть длиною в жизнь.

Под **терциарной социализацией лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией**, мы понимаем процесс, в результате которого происходят: уход из специфической социальной группы лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, возвращение личности в нормальную социальную среду, восстановление

социального статуса, который был утерян, введение в свою личностную систему тех норм и шаблонов поведения, которые приняты в обществе, возвращение к здоровому образу жизни.

Цель терциарной социализации — возвращение аддиктивной личности к ведению здорового образа жизни в обществе на основе восстановления физического и психического здоровья, отказ от психоактивных веществ, восстановление (или формирование) нормативного личностного и социального статуса.

Задачи терциарной социализации направлены на то, чтобы помочь больному алкоголизмом или наркоманией выйти из специфической социальной группы алконаркозависимых, адаптироваться в нормальной социальной среде, восстановить утерянный в результате употребления психоактивных веществ социальный статус, ввести в свою систему те нормы и шаблоны поведения, которые приняты в обществе, выработать новые мотивы и возвратиться к здоровому образу жизни через внутренние и внешние механизмы социализации (имитация, идентификация, подкрепление, интериоризация, экстериоризация, подражание), опираясь при этом на всю совокупность факторов терциарной социализации, прежде всего на микрофакторы (семья, различные объединения), а также мезофактор. Основой и начальной точкой терциарной социализации лиц, зависимых от алкоголя и наркотиков, является мотивация на изменение поведения и продвижение в сторону выздоровления, а также профилактику рецидивов.

Принципы терциарной социализации: 1) алкоголизм и наркомания — хроническое заболевание с вероятностью рецидивов; необходимо установить долгосрочный контакт с аддиктивной личностью, обеспечить доступность и психологическую комфортность для получения помощи в будущем, в случае рецидива или для его профилактики; 2) комплекс социально-психологических воздействий должен быть направлен на формирование мотивации к здоровому образу жизни; 3) добровольность участия, открытость, доверительность и партнерство; 4) многообразие и индивидуализация форм (моделей) социально-психологического воздействия.

Работа по *организации* процесса терциарной социализации аддиктивной личности должна выстраиваться с учетом закономерностей формирования зависимой личности. Зависимость развивается на различных уровнях функционирования личности: психобиологическом, психологическом, социально-психологическом. На психобиологическом уровне зависимость означает, что содержание психоактивного вещества в организме становится необходимой патологической константой, перестраиваются метаболические процессы, и как следствие формируется потребность в регулярном поступлении вещества. Психологический уровень зависимости — формируется и обособляется часть личности, аккумулирующая болезненные ценности, смыслы, установки, стереотипы поведения. Происходит личностная диссоциация, а патологическая часть личности — патологическое «Я» — становится контрастной и противостоящей нормативным личностным статусам. На социально-психологическом уровне происходят изменения в сфере отношений со значимыми другими лицами. Формируются отношения созависимости, в которых значимые другие лица не в силах справиться с болезнью своего партнера и начинают патологически адаптироваться к ней.

На психобиологическом уровне проводят работу с аддиктивной личностью врачи, психотерапевты, наркологи (в лечебно-профилактических учреждениях, лечебно-реабилитационных центрах). На другие два компонента формирования зависимости (психологический и социально-психологический) должны комплексно воздействовать процессы терциарной социализации, учитывая при этом главный принцип — единство медико-биологических и социально-психологических методов воздействия.

Преодоление зависимости — это продолжительный по времени процесс, состоящий из нескольких специфических стадий. На каждой стадии должны быть разрешены определенные задачи и достигнуты определенные *изменения*, направленные на психологическую коррекцию аддиктивной личности: 1) на когнитивном уровне — это преодоление анозогнозии; 2) на уровне самосознания — это влияние на формирование самооценки и самоуважения; 3) на эмоциональном уровне — это комплексное лечение аффективных нарушений; 4) на уровне поведения — это изменение стиля и образа жизни, воздействие на среду пациента; 5) на мотивационном уровне — создание и укрепление мотивов, альтернативных патологическому влечению к наркотикам и алкоголю.

Технология изменений при терциарной социализации включает: 1) установление коммуникативного взаимодействия; 2) минимизацию и нейтрализацию патологических личностных статусов («Я» — алкоголик, «Я» — наркоман); 3) фиксацию аддиктивной личности в нормативных личностных статусах, обучение контролю, научение совладанию с актуализацией патологического личностного статуса; 4) перевод актуальной личностной позиции из патологической части в нормативную; 5) оказание помощи в раскрытии

и обеспечении устойчивого функционирования нормативных личностных статусов («Я» — телесное, «Я» — ребенок, «Я» — мужчина, «Я» — партнер, «Я» — родитель, «Я» — член группы).

Если пациент не готов постоянно прогрессировать в этом направлении, истощающим образом выполнять поставленные перед собой задачи и достигать целей, если он избегает постоянной работы в направлении изменений и не настроен эффективно преодолевать болезнь, то срыв неизбежен. В связи с этим становится очевидной необходимость работы с мотивацией пациента на всех этапах и стадиях его выздоровления.

175. Румянцева Н. А., Пудова Т. В.

Ижевск

ВЛИЯНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКУЮ ТАКТИКУ ВЕДЕНИЯ БОЛЬНЫХ ГЕМБЛИНГОМ

Теоретической базой транскультурального подхода к психотерапии и психокоррекции являются представления о том, что практически любая психотерапевтическая методика, в первую очередь, обращена к личности пациента, а личность формируется в определенной этнокультуральной среде, усваивая соответствующее мировоззрение, традиции, паттерны осмысления действительности и поведения, нормы психологического реагирования. Следовательно, работа с личностью пациента (даже если это затрагивает бессознательные уровни) является опосредованным воздействием на его историко-культурную базу.

Индивидуально-психологические особенности представителей различных этносов, проживающих на территории Удмуртской республики, активно изучались последние десятилетия. Для каузальной психотерапии аддиктивного поведения интересны данные ученых (Байметов В.А, Ишмуратов А.В.,1994), исследовавших группы подростков, выделенных по этническому принципу. С использованием опросника Кеттелла определились следующие особенности удмуртской группы в сравнении с группой русских: по фактору E (доминантность—конформность) в сторону полюса конформности—зависимость, неуверенность в себе, скромность, робость, послушность, доброжелательность; F (беспечность—озабоченность) в сторону озабоченности — апатичность, молчаливость, беспокойство, медлительность, осторожность, подозрительность; Q1 (радикализм—консерватизм) в сторону консерватизма-ригидности; снижение значения по фактору социальной желательности и QIII (живость коры головного мозга) — погруженность в личные переживания, склонность чувствовать, а не действовать; фактору QIV (независимость—покорность) к полюсу покорности, включая поведенческий, эмоциональный, мыслительный и мировоззренческий уровни. Отмечается повышение значений в группе удмуртов в сравнении с группой русских по фактору O (склонность к чувству вины—самоуверенность) в сторону склонности к чувству вины — печаль, грусть, озабоченность, ранимость, впечатлительность, обязательность, ипохондричность. В группе русских отмеченные выше характеристики выражаются обратной тенденцией.

Изучая вопросы гемблинга и разрабатывая схему реабилитации аддиктов, нельзя обойти вопросы влияния этнокультуральных факторов на частоту, течение и реабилитационный потенциал зависимых. За 2,5 года наблюдений не выявлено существенной разницы в заболеваемости гемблингом среди удмуртов и русских, тем не менее работа с зависимыми строилась с учетом этнокультуральных особенностей игроков.

Выявлены отличия психологического реагирования на участие в клиническом эксперименте у больных, относящихся к славянской и финно-угорской этническим группам при проведении научных исследований. При обследовании и выполнении заданий анкетирования больные с нехимическими зависимостями по разному реагировали на особенности личности врача: финно-угры чаще обращали внимание на манеру поведения, мимику, жестикуляцию и речь врача, славяне — на внешность врача. Затрудняющими факторами выполнения заданий пациенты финно-угры чаще всего считали неясность плана исследования, славяне — неопределенную продолжительность работы.

Так, эмпирическим путем выявлено, что эффективная психотерапевтическая тактика в работе с зависимыми удмуртской национальности складывается из авторитарного стиля поведения терапевта; большое значение имеет врачебная атрибутика, эффективны суггестивные методы терапии. Важное значение для этих пациентов имеет социальная приемлемость азартной игры и повышение своей значимости среди окружения. Определенные трудности в работе с клиентами удмуртской популяции возникли из-за интровертированности, большего суицидального риска.

Демократичный стиль в работе терапевта эффективнее в работе с представителями русского этноса. Суггестивные методы часто оказывались неприемлемыми из-за сопротивления. Эффективной являлась тактика самонаблюдения, поощрения при реализации собственных идей. Результативной являлась и групповая психотерапия.

Несомненно, большую роль в эффективности психотерапии и психокоррекции является знание и использование этнокультуральных особенностей личности пациента. Но, к сожалению, при подготовке специалистов мало внимания уделяется изучению национальной культуры, обрядов и религиозных воззрений. А глубокое понимание личности пациента, культурных истоков, наложивших отпечаток на представления о себе и окружающем мире, являются основными факторами в работе психолога и психотерапевта.

---

176. Васильев В. В.

Ижевск

**ПСИХОТЕРАПИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
(обзор литературы)**

Известно, что психотерапия является одним из важнейших методов помощи лицам с суицидальным поведением. При этом конкретные психотерапевтические подходы в данной области отличаются чрезвычайным разнообразием и отсутствием единой концепции. Цель данного обзора — дать общую картину состояния проблемы психотерапии суицидального поведения в последние десятилетия и выделить основные направления исследования этой проблемы.

Одно из таких направлений связано с разработкой общих принципов психотерапии суицидального поведения. Так, крупнейший американский суицидолог N.L. Farberow [26] в качестве основных компонентов психотерапии суицидального пациента предложил следующее: 1) поощрение пациента в поисках адаптивного разрешения кризиса; 2) обеспечение поддержки и мобилизации энергии со стороны окружающих; 3) выработка планов на будущее. Другой известный представитель американской суицидологии E. Shneidman [35] сформулировал несколько практических превентивных мер для того, чтобы помочь суицидальному пациенту: 1) ослабить психологическую боль, влияя на стрессовое окружение больного, привлекая к этому супруга, начальника или друга; 2) организовать реалистическую поддержку, признав, что больной имеет законное право жаловаться; 3) предложить альтернативы суициду. В другой своей работе в качестве основных задач психотерапии суицидального пациента данный исследователь выдвигает снижение интенсивности психической боли, снятие «шор» с сознания и ослабление эмоционального напряжения [25]. По мнению автора, психотерапия суицидального пациента должна проводиться в два этапа: на первом этапе терапевтические подходы подбираются и реализуются в соответствии с индивидуальным спектром психологических потребностей пациента; на втором этапе производится пересмотр и изменение тех психологических потребностей пациента, которые наиболее угрожают его жизни. Отечественный исследователь В.С. Ефремов [8] основными принципами психотерапевтической работы с суицидентом считает: структурирование в ходе беседы с пациентом ситуации, являющейся для него суицидогенной; установление последовательности событий и вычленение из сообщаемых пациентом сведений наиболее значимых элементов; отражение эмоций пациента для формирования эмпатии; использование в беседе обходных зон контакта; выявление и уточнение характера психопатологических переживаний; снятие табу с обсуждения вопросов о суициде.

Ряд работ посвящен поиску оптимального метода психотерапии для оказания помощи лицам с суицидальными проявлениями. Так, А.М. Понизовский [18] пришел к выводу о высокой эффективности в данном качестве метода когнитивной психотерапии. О.Р. Арнольд [5] разработана модификация метода аутогенной тренировки специально для суицидальных пациентов. Г.Я. Пилягина [15] пропагандирует использование при оказании психотерапевтической помощи лицам с суицидальным поведением экзистенциально-гуманистического подхода. В то же время, рядом авторов развивается концепция самостоятельного психотерапевтического метода, прицельно предназначенного для купирования суицидального поведения — так называемой кризисной психотерапии. При этом, в противоположность «традиционной» психотерапии, в качестве важнейших черт кризисной психотерапии называются ее кратковременность и исключительно симптоматический характер [2]. Впрочем, не все исследователи разделяют такой взгляд на психотерапию суицидоопасных состояний. Например, J. Modestin [33] указывает, что психотерапия суицидальных лиц должна не только ориентироваться на актуальное состояние пациента, но и носить этиопатогенетический характер, поскольку суицидальность является лишь симптомом более глобального состояния психики.

Еще одно направление исследований посвящено изучению различных форм психотерапии суицидальных пациентов. В частности, в ряде работ указывается на эффективность при работе с данной категорией пациентов групповой формы психотерапии [12; 14; 27; 34]. Отдельные авторы сообщают о наличии ряда преимуществ групповой кризисной психотерапии перед индивидуальной, таких как взаимная эмоциональная поддержка членов психотерапевтической группы, обмен жизненным опытом между ними, возможность для пациента опробовать в группе новые способы адаптации, а также оказать поддержку другим членам группы, переживая при этом чувство компетентности и нужности, крайне полезное для преодоления кризиса [13; 20; 31]. О.Р. Арнольд и Г.А. Скибина [4] предложили использовать в качестве варианта групповой кризисной психотерапии методику ролевого тренинга. По мнению авторов, данная методика позволяет наиболее точно моделировать реальные психотравмирующие ситуации и вырабатывать у пациентов способности к их преодолению. В.М. Козловский [9] в своей работе делится опытом амбулаторной групповой психотерапии душевнобольных суицидентов в условиях длительно функционирующего психотерапевтического сообщества. Автор считает данную форму работы высокоэффективной с точки зрения профилактики повторных суицидальных действий у психически больных. Клубную форму психотерапевтической работы с суицидентами описывает в своей работе М.З. Дукаревич [7]. Отдельные исследования посвящены разработке семейной формы кризисной психотерапии, формированию основных подходов в данной области [1].

Самостоятельный блок исследований затрагивает вопрос телефонной психотерапевтической помощи суицидентам. В частности, в работе А.Г. Амбрумовой и А.М. Полеева [3] описаны принципы и техника телефонной кризисной психотерапевтической помощи. Еще в ряде работ указывается на высокую эффективность экстренной телефонной психотерапевтической помощи с точки зрения профилактики суицидов, отмечаются такие ее преимущества в указанном отношении, как доступность и неотложный характер [29; 32].

Отдельное направление составляют исследования, посвященные вопросам применения психотерапии для купирования суицидального поведения при различных формах психических расстройств, а также у различных категорий пациентов. Так, D.R. Норко с соавторами [28] обосновывает эффективность метода терапии активацией поведения для профилактики суицидального поведения при пограничном расстройстве личности. Е.Г. Трайнина [23] приводит рекомендации по дифференцированной суицидологической помощи психотерапевтического плана пациентам наркологического профиля в зависимости от клинического варианта заболевания и от типа суицидального поведения. Касаясь вопроса психотерапии суицидального поведения у подростков, С. Тиано с соавторами [22] отмечает, что существует необходимость дифференциации терапии суицидальности у подростков с внешне одинаковой картиной суицидного поведения, но основанной на двух принципиально разных механизмах. Терапия подростков с суицидальной идеацией, по мнению авторов, должна фокусироваться на трудностях совладания с физическим, половым созреванием и необходимостью брать на себя ответственность за собственную жизнь. Терапия же подростков с желанием умереть, напротив, проводится в технике, близкой к используемой при анаклитической депрессии и нервной анорексии: восполнение эмоционального дефицита, возникшего в результате депривации в раннем детстве, по мере созревания личности дающее возможность последующего перехода к более активной вербальной работе с повседневной проблематикой.

Некоторые исследователи считают необходимой разработку целых психотерапевтических программ для суицидальных пациентов, объединяющих в себе различные психотерапевтические методы и формы. Примером может служить авторская программа кризисной психотерапии, которую предлагает в своей работе Г.В. Старшенбаум [21]. Основными принципами этой программы являются неотложный характер помощи, нацеленность на выявление и коррекцию неадаптивных установок, поиск и тренинг неопробованных пациентом способов разрешения актуального межличностного конфликта. Важная характеристика предлагаемого подхода состоит в этапности проводимых мероприятий с выделением этапов кризисной поддержки, кризисного вмешательства и повышения уровня адаптации. Автор подробно разбирает показания к индивидуальной, групповой и семейной кризисной психотерапии, описывает техническую сторону данных форм кризисной психотерапии в рамках разработанной им программы. Для лечения психически больных с суицидальным поведением ряд авторов наиболее эффективным считают сочетание психотерапии с фармакотерапией, электросудорожной терапией и мерами социальной реабилитации [6; 17; 30].

В отдельных публикациях рассматриваются трудности и ошибки кризисной психотерапии. Так, Н.В. Конончук [11] описывает несколько типов суицидентов, психотерапия которых в постсуицидальном периоде представляет наибольшие трудности. Автор предлагает различные варианты психотерапевтической тактики по отношению к таким пациентам. М.Я. Соловейчик [19] предостерегает от ряда типичных ошибок при проведении психотерапии суицидального пациента, таких как замешательство психотерапевта при рассказе пациента о своих суицидальных переживаниях, попытки отговаривать пациента от суицида, преуменьшение проблемы пациента, обещания пациенту держать его план суицида в секрете от других лиц.

Наконец, еще одна группа исследований посвящена оценке эффективности психотерапии суицидального поведения и суицидоопасных состояний. Так, А.М. Полеев [16] в качестве критериев эффективности психотерапии суицидоопасных состояний предлагает рассматривать отказ пациента от реализации суицидальных замыслов, переход от анонимного к более доверительному общению с психотерапевтом, обращение за амбулаторной помощью после звонка по телефону доверия. Н.В. Конончук [10] подчеркивает важность с точки зрения эффективности психотерапевтической помощи лицам, совершившим суицидальную попытку, как можно более раннего ее начала. В частности, автор сообщает о положительном опыте применения кризисной психотерапии суицидентов еще в период нахождения их в отделении реанимации. Г.В. Старшенбаум [21], используя катамнестический метод, исследовал эффективность собственной программы кризисной психотерапии на материале 200 пациентов кризисного стационара. Автором отмечено, что наибольшая эффективность данной программы наблюдалась среди пациентов с адаптационными и невротическими реакциями, причем среди первых положительный эффект был достигнут в основном с достижением активного типа адаптации, характеризующегося расширением докризисных адаптационных возможностей.

В то же время встречаются публикации, в которых возможности психотерапии в отношении коррекции суицидального поведения рассматриваются с известной долей скепсиса. Так, А.П. Чуприков и Г.Я. Пилягина [24], признавая, что психотерапия сегодня является наиболее важным немедикаментозным методом коррекции и предупреждения суицидального поведения, тем не менее считают, что в связи с длительностью психотерапевтических процедур, а также недостаточностью специализированных «антисуицидальных» психотерапевтических методик ее применение непосредственно в отношении суицидентов ограничено.

Подытоживая литературные данные, представленные в настоящем обзоре, следует отметить, что психотерапия суицидального поведения на сегодняшний день представляет собой недостаточно оформленную, но активно развивающуюся область науки и практики. Исследования, проводимые в данной области, еще далеки от окончательных ответов и твердо установленных положений и требуют своего продолжения.

Литература

1. Амбрумова А.Г., Постовалова Л.И. Семейная диагностика в суицидологической практике: Методические рекомендации. — М., 1983. — 25 с.
2. Амбрумова А.Г., Полев А.М. Неотложная психотерапевтическая помощь в суицидологической практике: Методические рекомендации. — М., 1986. — 26 с.

3. Амбрумова А.Г., Полев А.М. Телефонная психотерапевтическая помощь — Телефон Доверия — в системе социально-психологической службы: Методические рекомендации. — М., 1988. — 20 с.
4. Арнольд О.Р., Скибина Г.А. Ролевой тренинг как специфическая методика в комплексной психотерапии кризисных состояний: Методические рекомендации. — М., 1989. — 22 с.
5. Арнольд О.Р. Аутогенная тренировка в комплексной психотерапии лиц, находящихся в кризисных состояниях: Методические рекомендации. — М., 1990. — 20 с.
6. Горбунова Н.А. О кратковременных формах психогенных расстройств у больных с суицидальным поведением в практике скорой медицинской помощи // Психическое здоровье населения России. — Москва — Ижевск, 1994. — С. 105—108.
7. Дукаревич М.З. Деятельность реадaptационного клуба как форма суицидологической превенции // Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии. — М., 1989. — С. 133—140.
8. Ефремов В.С. Основы суицидологии. — СПб.: Диалект, 2004. — 480 с.
9. Козловский В.М. Опыт функционирования психотерапевтического сообщества душевнобольных суицидентов в амбулаторных условиях // Научные и организационные проблемы суицидологии. — М., 1983. — С. 159—167.
10. Конончук Н.В. Первый психотерапевтический контакт после суицида // Психогигиена и психопрофилактика. — Л., 1983. — С. 92—95.
11. Конончук Н.В. Психотерапия «трудных» пациентов с суицидальными попытками // Восьмой Всесоюзный съезд психиатров и наркологов: Тезисы докладов. — М., 1988. — Т. III. — С. 487—489.
12. Ларичев В.П. Комплексная психотерапия суицидентов в амбулаторной практике // Актуальные вопросы социальной психиатрии. — М., 1979. — С. 140—148.
13. Ларичев В.П. Психотерапевтическая помощь в практике суицидологии // Актуальные проблемы суицидологии — М., 1981. — С. 256—262.
14. Мягер В.К., Самохина Т.В. Групповая психотерапия лиц, совершивших суицидальную попытку // Клинико-психологические исследования групповой психотерапии при нервно-психических заболеваниях. — Л., 1979. — С. 135—138.
15. Пилягина Г.Я. Аутоагрессивное поведение: патогенетические механизмы и клинико-типологические аспекты диагностики и лечения. — Автореф. дис. ... д-ра мед. наук: 14.01.16. — Киев, 2004. — 32 с.
16. Полев А.М. Неотложная психотерапевтическая помощь в системе комплексной превенции самоубийств: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. — М., 1989. — 30 с.
17. Полякова И.В. Терапия и реабилитация лиц с ситуационными реакциями и психогенными депрессиями, совершивших суицидальную попытку: Методические рекомендации. — М., 1988. — 20 с.
18. Понизовский А.М. Опыт купирования кризисных состояний у суицидентов приемами когнитивной психотерапии // Научные и организационные проблемы суицидологии. — М., 1983. — С. 188—195.
19. Соловейчик М.Я. Кризис и основы кризисной интервенции // Мастерство психологического консультирования / Под ред. А.А. Бадхена и А.М. Родиной. — СПб., 2002. — С. 82—96.
20. Старшенбаум Г.В. Групповая психотерапия пациентов с суицидоопасными реакциями // Комплексные исследования в суицидологии. — М., 1986. — С. 196—203.
21. Старшенбаум Г.В. Суицидология и кризисная психотерапия. — М.: Когито-центр, 2005. — 376 с.
22. Тиано С., Мэнор И., Вэнсан М. Желание умереть и желание совершить самоубийство у подростка — последовательное желание или два разных феномена? // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. Бехтерева. — 2005. — № 2. — С. 50—55.
23. Трайнина Е.Г. Наркологические аспекты суицидологии: Методические рекомендации. — М., 1990. — 30 с.
24. Чуприков А.П., Пилягина Г.Я. Украине необходима суицидологическая служба // Медичний Всесвіт. — 2001. — Т. 1. — № 1. — С. 16—18.
25. Шнейдман Э. Душа самоубийцы / Пер. с англ. — М.: Смысл, 2001. — 315 с.
26. Farberow N.L. Prevention and therapy in crisis // Suicide and attempted suicide. — Stockholm, 1972. — P. 303—316.
27. Farberow N.L. Group psychotherapy for self-destructive persons // Emergency and disaster management. — New York, 1976. — P. 169—185.

28. Hopko D.R., Sanchez L., Hopko S.D., Dvir S., Lejuez C.W. Behavioral Activation and the Prevention of Suicidal Behaviors in Patients With Borderline Personality Disorder // *Journal of Personality Disorders*. — 2003. — Vol. 17. — N. 5. — P. 460—478.
29. King R., Nurcombe B., Bickman L., Hides L., Reid W. Telephone Counselling for Adolescent Suicide Prevention: Changes in Suicidality and Mental State from Beginning to End of a Counselling Session // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. — 2003. — Vol. 33. — N. 4. — P. 400—411.
30. Klerman G.L. Clinical epidemiology of suicide // *J. Clin. Psychiatry*. — 1987. — Vol. 48. — P. 33—38.
31. Litman R., Wold C., Graham N. Beyond emergency services: The continous relationship maintenance // *Emergency and disaster management*. — New York, 1976. — P. 55—66.
32. Mishara B.L., Houle J., Lavoie B. Comparison of the Effects of Four Suicide Prevention Programs for Family and Friends of High-Risk Suicidal Men Who Do Not Seek Help Themselves // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. — 2005. — Vol. 35. — N. 3. — P. 329—342.
33. Modestin J. Zur institutionellen Psychotherapie des suizidalen Patienten // *Schweiz. Arch. Neurol*. — 1988. — Vol. 139. — № 2. — P. 41—49.
34. Rosen D. Group psychotherapy with a homogenous group of suicidal persons // *Proceeding of the 5th International Congress of group psychotherapy*. — Bern, 1975. — P. 201—212.
35. Shneidman E. Definition of suicide. — New York, 1985. — 368 p.

177. ЛЕБЕДЧУК П. В., АКУЛЬШИНА Д. Е.

Курск

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ
И СУБЪЕКТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Понятие «психологическое здоровье» (И.В. Дубровина и др.) относится не к отдельным психическим процессам и механизмам, в отличие от «психического здоровья», а к личности в целом. Определение понятия «психологическое здоровье» состоит из двух категориальных словосочетаний: психология здоровья и психология человека. Для определения данного понятия используются такие конструкты, как «субъективное благополучие», «психологический комфорт», «качество жизни», «успешность» и др. Проблема психологического здоровья может рассматриваться как проблема удовлетворенности человеком собственным образом жизни. Стремление к большей эффективности и удовлетворенности в жизни требует активности (социальной, произвольной, поисковой, творческой) человека в различных сферах жизнедеятельности.

В качестве одного из основных критериев психологического здоровья рассматривают способность к эффективной саморегуляции: способность самоуправления поведением в соответствии с нормами общества (социальное здоровье), эмоциональная устойчивость, самообладание, сохранность оптимального самочувствия (психическое здоровье), оптимальная работа всех функциональных систем организма (физическое здоровье).

Система субъектной регуляции деятельности является одним из универсальных механизмов согласования активности личности с требованиями деятельности. В системе субъектной регуляции отображаются наиболее существенные структурные характеристики личности, определяющие ее целостность, это придает характеру выполнения деятельности, а, следовательно, и самой субъектной регуляции, личностную «окраску», превращая ее именно в субъектную, т. е. индивидуально характерную.

Исследования Г.С. Прыгина и его учеников показали, что наиболее оптимальной структурой субъектной регуляции обладают «автономные» субъекты. В то же время структура субъектной регуляции «зависимых» субъектов лишена целостности, что определяет сниженную результативность их деятельности.

Для специалиста системы образования психологическое здоровье является не диагностическим, а контекстным понятием, фокусирующим внимание педагогов и специалистов на профессиональной сверхзадаче — приоритете развития обучающегося как личности.

Учет особенностей «автономного» и «зависимого» типов субъектной регуляции деятельности дает возможность преподавателю высшей школы осуществлять индивидуальный подход к обучению и воспитанию будущих специалистов, тем самым обеспечивая успешность их учебно-профессиональной деятельности и субъектное благополучие, то есть психологическое здоровье.

178. Ковалев Ю. В.

Ижевск

К АНАЛИЗУ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПСИХОТЕРАПИИ В КЛИНИКЕ НЕВРОЗОВ

В отечественной психиатрии основой терапии невротических расстройств является комплексная система психотерапевтических и фармакотерапевтических воздействий.

С целью анализа эффективности психотерапии при невротических расстройствах нами были изучены 723 пациента с различными формами неврозов (общая группа), получивших стационарное лечение в Республиканской клинической психиатрической больнице МЗ Удмуртской республики, в том числе группа из 292 больных, прошедших комплексное (психометрическое — SCL-90 и клинико-биохимическое) обследование (основная группа).

При лечении пациентов с невротическими расстройствами нами применялись практически все классы психотропных средств, однако чаще других — транквилизаторы, малые нейролептики и антидепрессанты.

Психотерапевтическое лечение в различных модификациях получали все больные. Поскольку чаще всего применялись сочетания нескольких психотерапевтических техник (рациональная с гипно-суггестивной, гипносуггестия с ауто-тренингом, ауто-тренинг с рациональной), все они были условно разделены на два варианта: симптоматический и патогенетический (каузальная психотерапия с выяснением лежавших в основе неврозогенеза внутриличностных конфликтов).

Каузальная психотерапия (КП) использовалась у 452 (62,52 %) пациентов. Транквилизаторы в чистом виде и в различных сочетаниях получали 639 (88,38 %) больных; антидепрессанты — 517 (71,51 %), малые нейролептики — 168 (23,24 %). Большая часть пациентов получала смешанную терапию (647 человек — 89,49 %), меньшая — монотерапию (76 чел., 10,51 %).

Наиболее часто имело место сочетание применения транквилизаторов, антидепрессантов и КП (31,26 %), транквилизаторы и антидепрессанты без КП использовались реже (24,20 %), еще реже — транквилизаторы в сочетании с КП (13,55 %) (рис. 1).

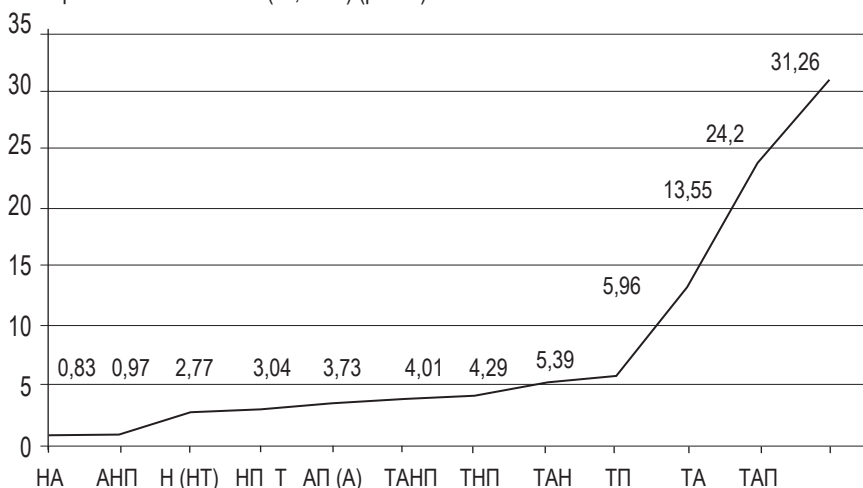

Рис. 1. Удельный вес различных терапевтических комбинаций при невротических расстройствах

Примечание: НА — нейрорептики + антидепрессанты; АНП — нейрорептики + антидепрессанты + психотерапия; Н — нейрорептики; НП — нейрорептики + психотерапия; Т — транквилизаторы; АП — антидепрессанты + психотерапия; ТАНП — транквилизаторы + нейрорептики + психотерапия; ТНП — транквилизаторы + нейрорептики + психотерапия; ТАН — транквилизаторы + антидепрессанты + нейрорептики; ТП — транквилизаторы + психотерапия; ТА — транквилизаторы + антидепрессанты; ТАП — транквилизаторы + антидепрессанты + психотерапия.

Сравнение групп больных, получавших лечение психотропными препаратами в сочетании с симптоматической психотерапией (n = 127) и получавших дополнительно к этому каузальную психотерапию (n = 165), выявило парадоксальную ситуацию, когда введение в лечебный комплекс патогенетической терапии не только не улучшало показателей ремиссии, но и вызывало задержку редукции тревоги и фобических расстройств (рис. 2).

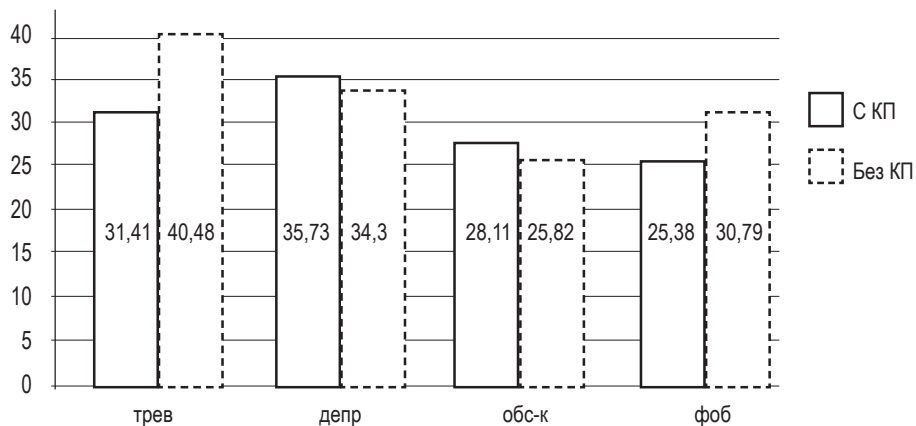

Рис. 2. Особенности терапевтической динамики и каузальная психотерапия

Для более точной оценки вклада каузальной психотерапии в лечение тревожных расстройств дополнительно сравнивали две группы больных. Пациентам первой группы (n = 95) назначались транквилизаторы, антидепрессанты и КП. Во второй группе (n = 79) каузальная психотерапия не использовалась. Отмечено, что достоверных преимуществ использование каузальной психотерапии не имело, более того, отмечено ухудшение качества ремиссии по показателю шкал тревоги и фобической тревоги (рис. 3).

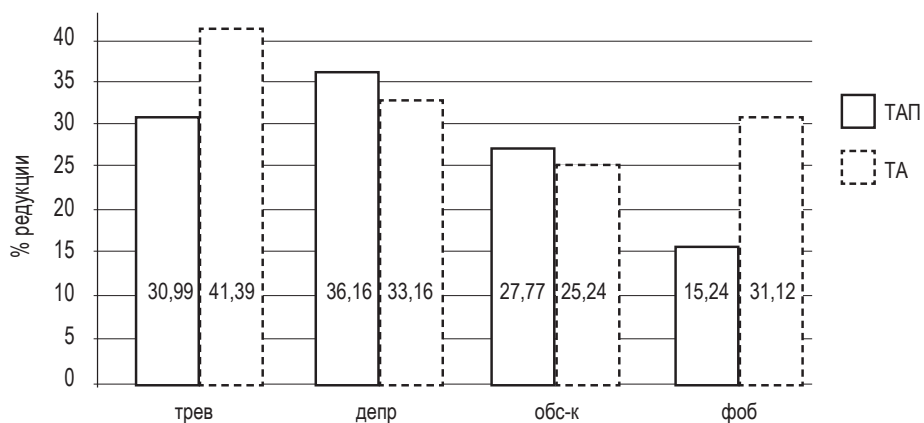

Рис. 3. Терапевтическая динамика и каузальная психотерапия

Таким образом, в условиях краткого нахождения пациентов в стационаре использование каузальной психотерапии не дает достоверных преимуществ при лечении тревоги и родственных ей фобических и обсессивно-компульсивных расстройств.

Полученные данные можно объяснить тем, что для каузальной психотерапии необходимо большее время, чем отведенные по медико-экономическим стандартам 30 дней. Если в результате психотерапии у больных выявлялся внутриличностный конфликт, то его адекватного отреагирования не происходило, в результате чего тревога не только не уменьшалась, но в ряде случаев могла даже усилиться.

Необходимо отметить, что приведенное умозаключение все же в известной мере условно и не распространяется на всех пациентов, так как успех патогенетической психотерапии зависит от большого количества переменных. Отмечено, что в небольшой ($n = 15$) группе больных, получавших каузальную психотерапию, на фоне анксиолитиков (транквилизаторов и (или) малых нейролептиков) показатели эффективности лечения фобических расстройств довольно высокие (редукция достигнута в 44,55 %).

179. Пчельников Ю. М., Дьячкова И. С., Лекомцев В. Т.

Ижевск

СИНДРОМ «ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ» У МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

Синдром эмоционального выгорания (СЭВ) — это реакция организма, возникающая вследствие продолжительного воздействия профессиональных стрессов средней интенсивности. На Европейской конференции ВОЗ (2005 г.) было отмечено, что стресс, связанный с работой, является важной проблемой примерно для одной трети трудящихся стран Европейского союза, и стоимость решения проблем с психическим здоровьем в связи с этим составляет в среднем 3—4 % валового национального дохода (Сидоров П.И., 2005).

В настоящее время наука все чаще обращается к проблеме влияния профессиональной деятельности на личность с целью более детального изучения разнообразных аспектов личностной деформации. Особенно это касается лиц коммуникативных профессий и в большей степени врачей-психиатров, поскольку их профессиональная деятельность связана не только с большим количеством контактов с людьми, но и с особенностями этих контактов. И одной из сторон личностной деформации является так называемый синдром «выгорания».

C. Maslach (1981) выделила следующие признаки синдрома «эмоционального выгорания»: быстрая утомленность и истощение, психосоматические расстройства и употребление психоактивных веществ для коррекции настроения; негативное и циничное отношение, агрессивные чувства к пациенту и самой работе, скудность репертуара профессиональных действий; искаженная самооценка, пессимизм, потеря перспективы, апатия, депрессия и чувство бессмысленности бытия. По ее мнению, «профессиональное выгорание» может протекать в виде трех стадий. На первой стадии выгорания индивидум истощен эмоционально и физически и может жаловаться на головные боли, частые острые респираторные заболевания и различные боли. Для второй стадии характерны два дополнительных набора симптомов — это чрезмерная стандартизация рабочей деятельности при негативном отношении к пациентам и коллегам, сопровождающееся снижением самооценки и переживанием чувства вины. На этих этапах выгорания патологическая симптоматика исчезает вне сферы профессиональной деятельности. Заключительная стадия или полное выгорание выливается в полное отвращение ко всему на свете. Последствия выгорания медицинского персонала могут повлиять как на саму личность, так и профессиональную деятельность: ухудшается качество выполнения работы, утрачивается творческий подход к решению задач, растет число профессиональных ошибок, увеличивается число конфликтов на работе и дома, наблюдается смена рабочего места или профессии.

Целью нашего исследования явилась сравнительная оценка распространенности и психологических особенностей синдрома «профессионального выгорания» у врачей и медицинских сестер психиатрических отделений РКПБ, а также отделения амбулаторной психиатрической экспертизы.

Материал и методы исследования

Использовались следующие методики: опросник на выгорание К. Маслач и С. Джексона в модификации Н.Е. Водопьяновой (2004, 2009); методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко.

Опросник на выгорание К. Маслач и С. Джексона «Maslach Burnout Inventory (MBI)». Испытуемым необходимо ответить, как часто они испытывают чувства, перечисленные в опроснике. Всего опросник имеет три шкалы: «эмоциональное истощение» (проявляется в переживаниях сниженного эмоционального тонуса, утрате интереса к окружающему или эмоциональном перенасыщении, в агрессивных реакциях, вспышках гнева, появлении симптомов депрессии), «деперсонализация» (проявляется в деформации (обезличивании) отношений с другими людьми, повышении зависимости от других или, напротив, негативизма, циничности установок и чувств по отношению к реципиентам (пациентам, подчиненным, ученикам) и «редукция личных достижений» (проявляется в тенденции к негативному оцениванию себя, снижении значимости собственных достижений, в ограничении своих возможностей, негативизме относительно служебных обязанностей, в снижении самооценки и профессиональной мотивации, в редуцировании собственного достоинства, в снятии с себя ответственности или отстранении («уходе») от обязанностей по отношению к другим). Обработка результатов происходит путем сопоставления с «ключом». Чем больше сумма по каждой шкале в отдельности, тем больше у обследуемого выражены различные стороны «выгорания».

Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко выявляет как наличие «выгорания», так и степень эмоционального выгорания, под которым автор понимал выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия. В.В. Бойко предлагает ряд утверждений, по каждому из которых необходимо высказать своё мнение. Если испытуемый соглашается с одним из них, ему надо поставить около соответствующего номера «да», если не согласен — то «нет». Автор выделяет три фазы — «напряжение», «резистенция», «истощение» и 12 симптомов, характеризующих эти фазы — напряжение (переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, «загнанность в клетку», тревога и депрессия), — резистенция (неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, эмоционально-нравственная дезориентация, расширение сферы экономии эмоций, редукция профессиональных обязанностей), — истощение (эмоциональный дефицит, эмоциональная отстраненность, личностная отстраненность (деперсонализация), психосоматические и психовегетативные нарушения).

Нами было обследовано 18 врачей-психиатров, психологов и 20 медицинских сестер. Основной гипотезой проведенного исследования является предположение, что «эмоциональное выгорание» является механизмом психологической защиты в ответ на специфические психотравмирующие воздействия. Данная гипотеза не противоречит и теории стресса Selye, согласно которой реакция на стресс протекает 3-хстадийно и имеет характерную динамику. В частности, использованная нами тестовая процедура — «Методика диагностики уровня эмоционального выгорания» по В.В. Бойко — согласуется с основной гипотезой исследования и позволяет оценить глубину и выраженность синдрома выгорания.

Результаты и их обсуждение

Наличие эмоционального выгорания при тестировании по К. Маслач отмечено у 84 % респондентов. Методика В.В. Бойко показала, что эмоциональное выгорание отмечается у 72,0 % исследуемых. Нами установлена устойчивая корреляционная связь между результатами тестирования по этим двум методикам ($r = 0,67$; $p = 0,031$). В общей картине синдрома преобладали симптомы фазы «резистенции», что указывало на возможность неадекватного эмоционального реагирования на пациентов, отсутствие эмоциональной вовлеченности и контакта с больными, утрату способности к сопереживанию пациентам, усталость, ведущую к редукции профессиональных обязанностей и негативному влиянию работы на личную жизнь. Также достаточно выражено переживание психотравмирующих обстоятельств (фаза «напряжение»), что проявляется в ощущении физических и психологических перегрузок, напряжения на работе, недостатка времени для выполнения работы, от самого факта общения с больными, от однообразия в работе и необходимости проявлять эмоции, не соответствующие действительности, а также в наличии конфликтов с руководством, коллегами, пациентами.

В то же время выраженность каждого из симптомов, характеризующего фазы выгорания, имеет определенный качественный разброс, величина которого связана, в том числе, и с профессиональным статусом. Например, степень распространенности проявлений эмоционального выгорания среди

врачебного состава и психологов почти в полтора раза выше, чем у среднего медицинского персонала. Кроме того, полученные данные указывают, что у врачей и психологов отмечаются более глубокие процессы выгорания. Достоверно чаще ($p < 0,01$) у врачей фаза резистенции представлена проявлениями редукции профессиональных обязанностей, с попытками облегчить или сократить обязанности, требующие эмоциональных затрат. Тогда как у медицинского персонала фаза резистенции представлена неадекватным эмоциональным реагированием на пациентов и своих коллег, отсутствием эмоциональной вовлеченности, утратой способности к сопереживанию пациентам, усталостью, ведущей к редукции профессиональных обязанностей и негативному влиянию работы на личную жизнь. И в той и в другой группах фаза истощения с равной вероятностью была представлена симптомом эмоционального дефицита (ощущение, что собственная профессиональная деятельность не может помочь субъектам своей деятельности). Полностью выгоревшие индивидуумы с равной степенью вероятности выявились и среди врачей, однако проявления деперсонализации (личностной отстраненности, утрата интереса к человеку) и психосоматические, психовегетативные нарушения обнаруживались у врачей в два раза чаще, чем у медперсонала (7,2 % и 4,1 % соответственно). При этом более выраженная степень истощения у медперсонала определялась у старших медсестер отделений.

Средний возраст врачей, страдающих «эмоциональным выгоранием», составил 41,3 + 3,1 года, то есть вполне возможна связь выгорания с возрастом и стажем работы врача. Осуществленный нами анализ по Спирмену показал отсутствие значимых различий в исследуемых показателях среди мужчин и женщин врачей. Изучение влияния возраста и стажа трудовой деятельности в формировании синдрома (у мужчин и женщин отдельно) показало, что для мужчин стаж является значимым фактором, влияющим на показатель «истощение» ($p = 0,0091$). А возраст врача достоверно влияет на его формирование вне зависимости от пола ($p = 0,016$ для мужчин и 0,049 для женщин).

Что касается среднего медицинского персонала, нами отмечено наличие достоверных различий ($p = 0,023$) в возрасте медицинских сестер с сформировавшимся СЭВ (24,51 + 2,26 лет) и его отсутствием (34,14 + 2,27 года). Вероятно, выгорание одна из причин смены места работы медсестер после 3—4 лет работы. А развитие выгорания связано, скорее, не с экспозицией дозы психотравмирующих факторов, а с выраженной их интенсивностью.

Выводы

1. «Эмоциональное выгорание» в различных стадиях своего развития достоверно чаще встречается у врачей и психологов по сравнению с медперсоналом психотических отделений.
2. У врачей профессиональное выгорание формируется достоверно чаще в более выраженной форме и при меньшем стаже профессиональной деятельности.
3. Зависимость развития выгорания от возраста и профессионального стажа более характерна для врачей.
4. Значительно более высокая степень эмоционального выгорания врачей и старших медсестер отделений, вне зависимости от возраста и стажа, сравнительно с остальным персоналом указывает на высокую личную ответственность как фактор, катализирующий процессы эмоционального выгорания.

Заключение

В настоящее время эпидемиология эмоционального выгорания в практике медицинских работников практически не изучена. С данным термином недостаточно ознакомлены не только практикующие врачи и административное звено лечебно-профилактических учреждений, но и специалисты, занимающиеся обучением врачей и медицинских сестер, а также лица, ответственные за менеджмент медицины.

Необходимо помнить, что существует ряд психоэмоциональных состояний человека, которые способны резко уменьшить его мотивацию, в том числе и связанную с его профессиональной деятельностью, и необходимо привлекать внимание к проблемам разрушающего здоровья стресса в медицинской практике, тем более, что в настоящее время разработаны и апробированы достаточно эффективные способы и пути реабилитации эмоционального выгорания.

180. МЕНДЕЛЕВИЧ В. Д., ШМЫКОВ В. С.

Ижевск

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ПРИЗЫВНОГО КОНТИНГЕНТА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Резюме

Целью данного исследования являлось изучение личностных особенностей у призывников в Удмуртской республике. В основную группу, составленную методом сплошной выборки, вошли 87 пациентов мужского пола с пограничными психическими расстройствами (ППР), находившиеся в Республиканской клинической психиатрической больнице в 2007 году по направлению военкоматов. В контрольную группу, составленную методом сплошной выборки, вошли 94 призывника без психических расстройств, проходившие медкомиссию в одном из РВК г. Ижевска. Всего исследуемую группу составили 181 человек в возрасте от 18 до 22 лет.

Основными методами исследования были клинико-психопатологический и экспериментально-психологический. У лиц, признанных ограниченно годными к военной службе (с ППР), выявлена повышенная склонность к отклоняющемуся поведению (девиациям): большее количество судимостей, частое злоупотребление алкоголем в семье, физические наказания в детстве, самоубийства в семье или близком окружении, наличие психотравмирующих ситуаций и чувства постоянной тревоги. Достоверно чаще среди лиц с ППР, в отличие от здоровых сверстников, выявлялась склонность к аддиктивному, аутоагрессивному и агрессивному поведению, а также низкий волевой контроль эмоциональных реакций. Лица с ППР чаще, чем здоровые, выбирали неадаптивные избегающие копинг-стратегии. Данные факты могут способствовать совершенствованию системы медико-психологического изучения подростков в целях эффективного их оздоровления и исключения направления в войска лиц с отклонениями в состоянии психического здоровья.

Введение

В последние годы, согласно данным статистической отчетности лечебно-профилактических учреждений Российской Федерации по результатам проведения военной экспертизы, отмечается тенденция к росту показателей заболеваемости и болезненности лиц призывного и допризывного возраста. Психические расстройства в настоящее время занимают первое место среди причин негодности к военной службе призывников (21,8 %) и в структуре причин увольнения рядового состава с военной службы по состоянию здоровья (43,6 %) [1; 10; 21; 22].

Среди военнослужащих, совершивших правонарушения за последние три года, 23 % имели нервно-психические расстройства, из них 57 % — невротические и личностные расстройства, 29 % — органическое поражение головного мозга, 14 % — наркомании, 19 % находились в состоянии алкогольного опьянения. Шестьдесят один процент военнослужащих, совершивших суицидальную попытку, обнаружили пограничные психические расстройства, а у 63 % были выявлены неблагоприятные анамнестические факты, такие как склонность к конфликтам и бытовое пьянство (ЦСМЛ МО РФ).

В Удмуртской Республике (УР) количество молодых людей, признанных негодными или ограниченно годными в связи с психическими расстройствами, стабильно высоко держится на первом месте. Ежегодно освобождается от призыва около полутора тысяч юношей, а количество досрочных увольнений рядового состава с военной службы по состоянию психического здоровья в последние пять лет выросло в два раза (данные республиканского военкомата УР).

Несмотря на высокую распространенность, имеются определенные трудности в выявлении психической патологии среди обозначенного контингента [16]. Диагностика психических расстройств осложнена синдромальной незавершенностью и рудиментарным характером симптоматики, психической незрелостью подростков, особенностями структуры и динамики возрастной патологии, искажениями развития и др. [2; 3; 10; 17].

Комплексная оценка структуры личности, изучение особенностей воспитания в родительской семье, психотравмирующих ситуаций, склонности к аддиктивному, аутоагрессивному и агрессивному поведению, предпочтительных копинг-стратегий дает возможность оценить подверженность призывника к общественно-опасным действиям и степень риска дезадаптации в условиях военной службы [11].

В связи с вышеуказанным возрастает роль своевременной оценки личностных особенностей у юношей призывного возраста, адекватной диагностики у них психических отклонений и обоснованного вынесения в отношении них клиничко-экспертного диагноза с позиции военно-врачебной экспертизы. Выявление психологических и патопсихологических особенностей у призывного контингента УР поможет избежать ошибок при вынесении решения о годности к военной службе, тем самым предотвратить возможные правонарушения и ООД, снизить уровень поздней диагностики, предупредить возникновение психических расстройств в период военной службы, позитивно изменить моральную обстановку в рядах Российской Армии.

Таким образом, недостаточная научная разработанность проблемы, ее высокая медико-социальная значимость определяют актуальность данного исследования. Целью исследования являлось изучение личностных особенностей призывников.

Материалы и методы

Исследование было выполнено в г. Ижевске, столице Удмуртской Республики, в 2007 году. В основную группу, составленную методом сплошной выборки, вошли 87 пациентов мужского пола с пограничными психическими расстройствами (ППР) (преимущественно с расстройствами личности), находившиеся в Республиканской клинической психиатрической больнице (РКПБ) по направлению военкоматов. В контрольную группу, составленную методом сплошной выборки, вошли 94 призывника без психических расстройств, проходившие медкомиссию в одном из РВК г. Ижевска. Всего исследуемую группу составили 181 человек в возрасте от 18 до 22 лет. В отношении респондентов соблюдался принцип добровольности участия, пациенты были информированы о праве отказа от сотрудничества. В случае согласия участникам исследования была гарантирована полная анонимность.

Основным методом исследования был клиничко-психопатологический. На всех респондентов заполнялась базисная карта (модифицированный вариант), разработанная в ГЦСПС и СП им. В.П. Сербского для клиничко-эпидемиологических исследований в психиатрии. Всем исследуемым было предложено ответить на вопросы следующих психологических тестов: 1) тест «склонность к зависимому поведению» В.Д. Менделевича [13], 2) методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению [15], 3) тест копинг-поведения в стрессовых ситуациях [14].

Для статистического анализа данных использовалась компьютерная программа STATISTICA 5.0. Применялись следующие тесты: t-тест для сравнения средних величин (средние баллы шкал в группе «здоровые» и «ППР» и др.), тест *chi-square* — для сравнения качественных характеристик между подгруппами (образование, национальность и др.).

Результаты и обсуждение

В табл. 1 представлены данные по факторам, достоверно связанным (или имеющим тенденцию) с пограничными психическими расстройствами (ППР).

Не было выявлено достоверной связи ППР со следующими факторами: национальность, место жительства, семейное положение, жилищные условия, отношение к религии, неполная родительская семья, количество детей в родительской семье, преобладание материальных или духовных ценностей, отношение к службе в армии.

Аналогичные результаты по социально-демографическим факторам психических расстройств у призывников были получены в Москве [19].

В табл. 2 приведены результаты тестирования призывников на склонность к зависимому поведению. Средние баллы достоверно выше в основной группе как по склонности к наркозависимости, так и к алкогольной зависимости.

Автор методики подразделил вероятность зависимого поведения по степеням. При оценке наркозависимости с суммарным баллом > 98 имеются признаки тенденции, при суммарном балле > 107 — есть признаки повышенной склонности и > 116 баллов — имеются признаки высокой вероятности наркозависимости. При оценке алкогольной зависимости с суммарным баллом > 99 имеются признаки тенденции, при суммарном балле > 105 — есть признаки повышенной склонности и > 111 баллов — имеются признаки высокой вероятности алкогольной зависимости. Большая часть исследуемых с ППР (58,7 %) обнаружила признаки повышенной склонности к алкогольной зависимости и у 45,5 % этой же группы выявлены признаки тенденции к наркозависимости (табл. 3).

Таблица 1

**Данные по социально-психологическим и медицинским факторам
в основной (ППР) и контрольной (здоровые) группах**

Факторы	ППР (%)	Здоровые (%)	Достоверность (P)
Неполное среднее образование*	32,2	11,4	0,0001
Оставался на второй год*	50,6	25,3	0,0001
Употребление алкоголя родителями раз и более в неделю	59,1	54,0	тенденция
Физические наказания в детстве	62,4	24,0	0,018
Постоянная тревога	47,5	33,7	0,015
Обращение к психиатру с проблемами*	28,7	6,5	0,0001
Учет у психиатра*	41,5	8,0	0,0004
Самоубийство в семье или близком окружении	14,9	4,0	0,011
Наличие в родне психически больных	8,1	2,5	тенденция
Судимость	8,1	2,5	тенденция
Психотравмирующие ситуации	75,0	52,0	0,05

Примечание: * — с высокой степенью достоверности у лиц с органическими психическими расстройствами.

Таблица 2

**Данные теста «Склонность к зависимому поведению» В.Д. Менделевича
(Средние баллы в основной и контрольной группах)**

Шкалы	ППР		Здоровые		P
	Ср. балл	Std. dev.	Ср. балл	Std. dev.	
Наркозависимость	99,8	9,6	77,9	8,7	0,025
Алкогольная зависимость	115,1	10,8	100,4	10,3	0,001

Таблица 3

**Данные по вероятности зависимого поведения
(Относительное количество в основной и контрольной группах)**

Шкалы	1. Признаки тенденции*		2. Признаки повышенной склонности*		3. Признаки высокой вероятности*	
	ППР %	Здоровые %	ППР %	Здоровые %	ППР %	Здоровые %
Наркозависимость	45,4	16,4	28,6	2,5	4,5	0
Алкогольная зависимость	35,0	36,6	58,7	16,0	9,5	2,5

Примечание: * — разница в сравниваемых группах недостоверна в связи с небольшим количеством наблюдений.

Таблица 4

**Данные методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП)
(Средние баллы шкал СОП в основной и контрольной группах)**

Шкалы	ППР		Здоровые		P
	Ср. балл	Std. dev.	Ср. балл	Std. dev.	
Шкала установки на социально-желательные ответы	59,4	9,9	54,1	9,2	NS*
Шкала склонности к нарушению норм и правил	56,9	6,1	54,4	7,2	тенденция
Шкала склонности к аддиктивному поведению	64,5	7,8	53,5	8,0	0,001
Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	63,5	8,2	55,1	10,2	0,013
Шкала склонности к агрессии и насилию	67,3	9,0	41,4	11,9	0,001
Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	61,1	9,6	41,5	10,2	0,005
Шкала склонности к делинквентному поведению	59,1	7,1	56,9	7,2	тенденция

Примечание: NS* — статистически недостоверно.

Таблица 5

**Данные теста копинг-поведения в стрессовых ситуациях
(Средние баллы в основной и контрольной группах)**

Шкалы	ППР		Здоровые		P
	Ср. балл	Std. dev.	Ср. балл	Std. dev.	
Копинг, ориентированный на решение задачи	38,5	8,7	60,2	8,6	0,015
Копинг, ориентированный на эмоции	53,7	7,9	54,8	7,4	NS
Копинг, ориентированный на избегание	56,7	9,9	37,3	7,8	0,001
Субшкала отвлечения	21,3	5,0	20,5	4,8	NS
Субшкала социального отвлечения	17,6	3,9	17,2	3,9	NS

По результатам тест-опросника СОП (табл. 4), достоверно высокие баллы — выше 60 — в основной группе определились по следующим шкалам: склонность к аддиктивному поведению, склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, склонность к агрессии и насилию, низкий волевой контроль эмоциональных реакций. Выявлена тенденция (недостоверно) в группе ППР к повышенной склонности к нарушению норм и правил и к делинквентному поведению. Согласно инструкции опросника [15], название шкалы (склонность к делинквентному поведению) носит условный характер, и шкала выявляет «делинквентный потенциал», который лишь при определенных обстоятельствах может реализоваться в жизни подростка. Очевидно, из-за условного характера в нашем исследовании получены недостоверные результаты по данной шкале. Результаты теста СОП подтверждают данные базисных карт о склонности лиц с ППР к отклоняющемуся поведению (девиациям): большее количество судимостей, частое злоупотребление алкоголем в семье (а также более высокие баллы по тесту В.Д. Менделевича), физические наказания в детстве [8], самоубийства в семье или близком окружении, наличие психотравмирующих ситуаций и чувство постоянной тревоги.

Ю.А. Клейберг [7] отметил связь повышенного уровня тревожности с высокой аффективной заряженностью поведенческих реакций, недифференцированной направленностью реагирования и высоким уровнем готовности к девиантным действиям. Тревога, несоизмеримая с вызвавшим ее явлением и событием, препятствует формированию нормального адаптивного поведения, вызывает чрезмерные функциональные сдвиги в психофизиологической системе организма. Тревога является важнейшим источником распространенной формы нарушения поведения — агрессии, что обеспечивается механизмом гиперкомпенсации и основывается на простом, не всегда осознанном заключении: «чтобы ничего не бояться, нужно сделать так, чтобы боялись меня». О связи тревоги с девиантным поведением было указано в наших предыдущих работах [18; 20].

В табл. 5 отражены копинг-стратегии, преобладающие у здоровых и лиц с ППР.

Значимая разница в средних баллах получена по шкалам: копинг, ориентированный на решение задачи (преобладает в группе здоровых), и копинг, ориентированный на избегание (в группе с ППР). Однако высокие оценки (поэтому без достоверной разницы) получены по копингу, ориентированному на эмоции. Согласно литературе, эмоционально сфокусированные и избегающие копинг-стратегии ассоциируются с подверженностью жестокому обращению, самоповреждающим поведением, высоким уровнем тревожности [4; 5; 6; 9; 12] — эти закономерности находят подтверждение и в нашем исследовании.

Выводы

1. У лиц, признанных ограниченно годными к военной службе (ППР), выявлена повышенная склонность к отклоняющемуся поведению (девиациям): большее количество судимостей, частое злоупотребление алкоголем в семье, физические наказания в детстве, самоубийства в семье или близком окружении, наличие психотравмирующих ситуаций и чувства постоянной тревоги.

2. Достоверно чаще среди лиц с ППР, в отличие от здоровых сверстников, выявлялась склонность к аддиктивному, аутоагрессивному и агрессивному поведению, а также низкий волевой контроль эмоциональных реакций.

3. Лица с ППР чаще, чем здоровые, выбирали неадаптивные избегающие копинг-стратегии.

4. Данные факты могут способствовать совершенствованию системы медико-психологического изучения подростков в целях эффективного их оздоровления и исключения направления в войска лиц с отклонениями в состоянии психического здоровья.

Литература

1. Аксаков И.А., Зинковский А.К. Сравнительный анализ факторов риска психической дезадаптации у срочнотруждающих лиц // Материалы XIV съезда психиатров России. 15—18 ноября 2005 г. — М., 2005. — С. 297—298.
2. Барыльник Ю.Б. Возрастная динамика психических расстройств у безнадзорных несовершеннолетних // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2005. — Т. 105. — № 6. — С. 16—20.
3. Березанцев А.Ю., Булыгина В.Г. Клинико-социальные факторы формирования поведенческих нарушений у подростков // Социальная и клиническая психиатрия. — 2006. — Т. 16. — Вып. 4. — С. 41—47.
4. Воеводин И.В. Копинг-поведение при аддиктивных состояниях: относительность критериев адаптивности // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. Бехтерева. — 2004. — Т. 1. — № 4. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consilium-medicum.com>.
5. Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). — М.: Академия, 2003.
6. Карпов А.Б. Изучение тревожности у подростков, использующих разные стратегии преодоления стресса // Материалы XIV съезда психиатров России. 15—18 ноября 2005 г. — М., 2005. — С. 200.
7. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. Учебное пособие для вузов. — М.: ТЦ Сфера, 2001.
8. Каган В.Е. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание // Вопросы психологии. — 1992. — № 2.
9. Корень Е.В. Роль копинг-механизмов в формировании расстройств адаптации у подростков // Материалы XIV съезда психиатров России. 15—18 ноября 2005 г. — М., 2005. — С. 204—205.
10. Куликов В.В. Клинические и организационно-методологические аспекты военно-врачебной экспертизы граждан, страдающих психическими расстройствами. Пособие для врачей. — М., 2004.

11. Лекомцев В.Т., Шмыков В.С., Ураков Л.М., Уваров И.А. Тенденции и особенности общественно-опасных действий подростков с психическими расстройствами в Удмуртской Республике // Образование в Удмуртии. — 1998. — № 2. — С. 113—122.
12. Менделевич В.Д. Неврозогенез: антиципационные механизмы. Независимый психиатрический журнал. — 1993. — № 3—4. — С. 28—30.
13. Менделевич В.Д., Макаричева Э.В., Менделевич Б.Д. Диагностика склонности подростков к зависимому поведению. Методическое пособие. — Казань, 2003.
14. Норманн С., Эндлер Д.Ф., Джеймс Д.А., Паркер М.И. Копинг-поведение в стрессовых ситуациях. Адаптированный вариант Т.А. Крюковой // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М., Изд-во Института Психотерапии, 2002. — С. 442—444.
15. Орел А.Н.. Определение склонности к отклоняющемуся поведению // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М., Изд-во Института Психотерапии, 2002. — С. 362—370.
16. Палатов С.Ю., Лебедев М.А., Красногорский В.И. Оценка эффективности использования комплексного метода обследования призывников // Материалы XIV съезда психиатров России. 15—18 ноября 2005 г. — М., 2005. — С. 73—74.
17. Пожар Л. Психология аномальных детей и подростков. Патопсихология. — М.: Институт практической психологии, 1996.
18. Пуговкина С.А., Шмыков В.С. Взаимосвязь акцентуации черт характера и уровня тревожности у подростков, находяющихся на военной экспертизе // Человек и мир: социальное поведение личности в изменяющемся мире. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. 15—16 января 2007. — Ижевск, 2007. — С. 226—228.
19. Работкин О.С., Палатов С.Ю., Лебедев М.А., Красногорский В.И.. Факторы риска возникновения психических расстройств у призывников // Материалы XIV съезда психиатров России. 15—18 ноября 2005 г. — М., 2005. — С. 79—80.
20. Шмыков В.С., Реверчук И.В. Роль агрессии и тревоги в ювенильном девиантном поведении (на примере лиц призывного возраста) // Человек и мир: социальное поведение личности в изменяющемся мире. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. 15—16 января 2007. — Ижевск, 2007. — С. 310—313.
21. Щинова Л.А., Шмыков В.С., Лекомцев В.Т. Медико-психологические аспекты при проведении военной экспертизы у подростков // Дети и подростки в современном мире: помощь, защита, поддержка. Образование в Удмуртии. Научно-методическое издание. — 1999. — № 2. — С. 31—32.
22. Элизбарян Е.Г., Старновский Д.С., Либерман А.А., Шильников А.А.. Структурные особенности психических расстройств у юношей допризывного возраста в Забайкалье // Материалы XIV съезда психиатров России. 15—18 ноября 2005 г. — М., 2005. — С. 228.

181. Шмыков В. С.

Ижевск

ПОГРАНИЧНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ У ЛИЦ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Резюме

Целью данного исследования являлось изучение клинических, психологических и социально-демографических особенностей лиц призывного возраста, признанных ограниченно годными к военной службе в связи с пограничными психическими расстройствами (ППР). Исследование было выполнено в г. Ижевске, столице Удмуртской Республики, в 2007 году. В исследуемую группу, составленную сплошным методом, вошли 87 пациентов мужского пола с ППР в возрасте от 18 до 22 лет, находившиеся в Республиканской клинической психиатрической больнице по направлению военкоматов.

Основными методами исследования были клинико-психопатологический и экспериментально-психологический. Наиболее распространенными психическими расстройствами были органические психические расстройства (ОПР) (75,9 %). Факторами риска ОПР были неполное среднее образование, повторное обучение в одном классе, обращение к психиатру с проблемами и учет у психиатра. В выборке достоверно чаще выявлялись астенический (33,3 %), эксплозивный (24,1 %) и неустойчивый типы характера (20,7 %). Среди лиц с ППР выявлялась склонность к аддиктивному, аутоагрессивному и агрессивному поведению, а также низкий волевой контроль эмоциональных реакций. Данные факты могут способствовать совершенствованию системы медико-психологического изучения подростков в целях эффективного их оздоровления и исключения направления в войска лиц с отклонениями в состоянии психического здоровья.

Введение

Проведение военной экспертизы лиц призывного возраста с целью решения вопросов о годности к военной службе, наряду с остальными видами медико-психологической, психотерапевтической и психиатрической помощи подросткам, занимает важное место в системе мероприятий по медицинскому обеспечению вооруженных сил.

За последние годы, согласно данным статистической отчетности лечебно-профилактических учреждений Российской Федерации по результатам проведения военной экспертизы, отмечается тенденция к росту показателей заболеваемости и болезненности лиц призывного и допризывного возраста. Психические расстройства в настоящее время занимают первое место среди причин негодности к военной службе призывников (21,8 %) и в структуре причин увольнения рядового состава с военной службы по состоянию здоровья (43,6 %) [1; 6; 11; 12].

В Удмуртской Республике (УР) количество молодых людей, признанных негодными или ограниченно годными в связи с психическими расстройствами, стабильно высоко держится на первом месте. Ежегодно освобождается от призыва около полутора тысяч юношей, а количество досрочных увольнений рядового состава с военной службы по состоянию психического здоровья в последние пять лет выросло в два раза (данные республиканского военкомата УР).

Несмотря на высокую распространенность, имеются определенные трудности в выявлении психической патологии среди обозначенного контингента [10]. Диагностика психических расстройств осложнена синдромальной незавершенностью и рудиментарным характером симптоматики, психической незрелостью подростков, особенностями структуры и динамики возрастной патологии, искажениями развития и др. [2; 3; 6; 9].

В настоящее время в связи с общесистемным кризисом нашего общества, возрастающей сложностью условий прохождения военной службы и болезненным процессом реформирования армии и здравоохранения требования к здоровью призывника также растут. Еще в 1982 г. Г.А. Каргополовым [4] указывалось, что контрольное освидетельствование лиц, возвращенных с военной службы с диагнозом «психопатия», показало, что речь идет не о болезни, которая была бы известна до призыва и требовала лечения и врачебного наблюдения. В 60 % случаев психопатическое поведение отмечено в период прохождения военной службы, в то время как до призыва и после увольнения отмечены только проявления так называемой средовой дезадаптации.

В связи с вышеуказанным возрастает роль своевременной оценки психического статуса у юношей призывного возраста, адекватной диагностики у них психических отклонений и обоснованного вынесения в отношении их клинико-экспертного диагноза с позиции военно-врачебной экспертизы. Выявление психологических и патопсихологических особенностей у призывного контингента УР, их зависимости от клинико-психопатологических, социально-демографических, конституционально-биологических основ поможет избежать ошибок при вынесении решения о годности к военной службе, тем самым предотвратить возможные правонарушения и ООД, снизить уровень поздней диагностики, предупредить возникновение психических расстройств в период военной службы, позитивно изменить моральную обстановку в рядах Российской Армии.

Таким образом, недостаточная научная разработанность проблемы, ее высокая медико-социальная значимость определяют актуальность данного исследования. Целью исследования являлось изучение факторов риска и структура ППР среди лиц призывного возраста в УР.

Материалы и методы

Исследование было выполнено в г. Ижевске, столице Удмуртской Республики, в 2007 году. В исследуемую группу, составленную методом сплошной выборки, вошли 87 пациентов мужского пола с пограничными психическими расстройствами (ППР) (преимущественно с расстройствами личности), находившиеся в Республиканской клинической психиатрической больнице (РКПБ) по направлению военкоматов (ограниченно годные к военной службе). В исследование не включались пациенты с грубыми психическими расстройствами (психозы, деменция, умственная отсталость) и лица, не давшие согласие на участие в исследовании. Структура пограничных психических расстройств выборки отражает структуру ППР среди госпитализированных призывников больницы за весь 2007 год. Таким образом, по нозологической структуре и социально-демографическим факторам выборка является репрезентативной.

В отношении респондентов соблюдался принцип добровольности участия, пациенты были информированы о праве отказа от сотрудничества. В случае согласия участникам исследования была гарантирована полная анонимность.

Основным методом исследования был клинико-психопатологический. На всех респондентов заполнялась базисная карта (модифицированный вариант), разработанная в ГЦСПС и СП им. В.П. Сербского для клинико-эпидемиологических исследований в психиатрии. Всем исследуемым было предложено ответить на вопросы следующих психологических тестов: 1) тест «склонность к зависимому поведению» В.Д. Менделевича [7], 2) опросник Мини-мульти (сокращенный вариант ММПИ), 3) методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению [8].

Для статистического анализа данных использовалась компьютерная программа STATISTICA 5.0. Применялись следующие тесты: t-тест для сравнения средних величин (средние баллы шкал в группе «здоровые» и «ППР» и др.), тест *chi-square* — для сравнения качественных характеристик между подгруппами (образование, национальность и др.).

Результаты и обсуждение

В табл. 1 показана частота диагнозов по МКБ-10 в выборке. Наиболее распространенными оказались органические психические расстройства (75,9 % от всех диагнозов): органическое расстройство личности (44,8 %) легкое когнитивное (19,5 %) и органическое астеническое расстройства (9,2 %) (табл. 1). Реже диагностировались смешанное (F61.0 — 10,3 %), эмоционально неустойчивое (F60.3 — 8,1 %) и другие расстройства личности (4,7 %).

Таблица 1

Данные по диагнозам в группе с ППР

Код диагноза по МКБ-10	№	%
F10.2	1	1,2
F06.6	8	9,2
F06.7	17	19,5
F06.8	2	2,3
F07	39	44,8
F60.1	1	1,2
F60.2	2	2,3
F60.3	7	8,1
F60.4	1	1,2
F61.0	9	10,3
Всего	87	100

В связи с тем, что в основной группе существенно преобладали лица с органическими психическими расстройствами (75,9 %), интересно отметить наиболее значимые факторы именно для этой группы расстройств: неполное среднее образование, повторное обучение в одном классе, обращение к психиатру с проблемами и учет у психиатра.

Не было выявлено достоверной связи ППР со следующими факторами: национальность, место жительства, семейное положение, жилищные условия, отношение к религии, неполная родительская семья, количество детей в родительской семье, преобладание материальных или духовных ценностей, отношение к службе в армии. Аналогичные результаты по социально-демографическим факторам психических расстройств у призывников были получены в Москве [10].

При помощи клинического метода в выборке были определены характерологические типы (табл. 2). Чаще выявлялись астенический (33,3 %), эксплозивный (24,1 %) и неустойчивый типы характера (20,7 %).

Таблица 2

Данные по характерологическим типам в выборке*

Типы	№	%
Астенический	29	33,3
Эксплозивный	21	24,1
Неустойчивый	18	20,7
Истероидный	7	8,1
Лабильный	7	8,1
Эпилептоидный	2	2,3
Психастенический	2	2,3
Шизоидный	1	1,1
Гипертимный	—	—
Всего	87	100

Примечание: * — при смешанных типах определялся доминирующий характерологический радикал.

Таблица 3

Средние баллы шкал опросника Мини-мульти

Шкалы	Средние баллы	Std. dev.*
Шкала лжи	63,5	8,3
Шкала достоверности	57,7	15,8
Шкала коррекции	49,5	10,6
Ипохондрия	72,3	9,7
Депрессия	69,7	12,0
Истерия	53,7	11,3
Психопатия	71,9	12,7
Паранойяльность	57,6	17,1
Психастения	52,8	10,5
Шизоидность	59,8	12,6
Гипомания	51,7	11,9

Примечание: * Std. dev. — стандартное отклонение.

По данным Мини-мульти (табл. 3), высокие оценки в основной группе — более 70 — были получены по шкалам «Ипохондрия» и «Психопатия». Мини-мульти относит «Ипохондрию» к астено-невротическому типу. Высокий показатель в выборке был также выявлен по шкале «Депрессия». В целом, результаты опросника Мини-мульти соотносятся с клиническими данными, согласно которым в исследуемой группе

на нозологическом уровне преобладали расстройства личности, а на синдромальном — церебростения с субдепрессивными и тревожно-ипохондрическими включениями.

В табл. 4 приведены результаты тестирования призывников на склонность к зависимому поведению. Средние баллы достоверно выше в основной группе как по склонности к наркозависимости, так и к алкогольной зависимости.

Автор методики [7] подразделил вероятность зависимого поведения по степеням. При оценке наркозависимости с суммарным баллом > 98 имеются признаки тенденции, при суммарном балле > 107 — есть признаки повышенной склонности и > 116 баллов — имеются признаки высокой вероятности наркозависимости. При оценке алкогольной зависимости с суммарным баллом > 99 имеются признаки тенденции, при суммарном балле > 105 — есть признаки повышенной склонности и > 111 баллов — имеются признаки высокой вероятности алкогольной зависимости. Большая часть исследуемых с ППР (58,7 %) обнаружили признаки повышенной склонности к алкогольной зависимости и у 45,5 % выявлены признаки тенденции к наркозависимости (табл. 4).

Таблица 4

**Данные по вероятности зависимого поведения
(Относительное количество в основной и контрольной группах)**

Шкалы	1. Признаки тенденции %	2. Признаки повышенной склонности %	3. Признаки высокой вероятности %
Наркозависимость	45,4	28,6	4,5
Алкогольная зависимость	35,0	58,7	9,5

Таблица 5

Данные методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП)

Шкалы	Ср. балл	Std. dev.
Шкала установки на социально-желательные ответы	59,4	9,9
Шкала склонности к нарушению норм и правил	56,9	6,1
Шкала склонности к аддиктивному поведению	64,5	7,8
Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	63,5	8,2
Шкала склонности к агрессии и насилию	67,3	9,0
Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	61,1	9,6
Шкала склонности к делинквентному поведению	59,1	7,1

По результатам тест-опросника СОП (табл. 5), высокие баллы — выше 60 — в группе определились по следующим шкалам: склонность к аддиктивному поведению, склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, склонность к агрессии и насилию, низкий волевой контроль эмоциональных реакций. Результаты теста СОП подтверждают данные базисных карт о склонности лиц с ППР к отклоняющемуся поведению (девиациям): большее количество судимостей, частое злоупотребление алкоголем в семье (а также более высокие баллы по тесту В.Д. Менделевича), физические наказания в детстве [5], самоубийства в семье или близком окружении, наличие психотравмирующих ситуаций и чувстве постоянной тревоги.

Выводы

1. Наиболее распространенным психическим расстройством среди лиц, признанных ограниченно годными к военной службе, явились органические психические расстройства (75,9 %): органическое расстройство личности (44,8 %), легкое когнитивное (19,5 %) и органическое астеническое расстройства (9,2 %).

2. Наиболее значимыми факторами, связанными с органическими психическими расстройствами, были: неполное среднее образование, повторное обучение в одном классе, обращение к психиатру с проблемами и учет у психиатра.

3. В исследуемой труппе с ППР чаще выявлялись астенический (33,3 %), эксплозивный (24,1 %) и неустойчивый типы характера (20,7 %).

4. Большая часть пациентов с ППР (58,7 %) обнаружили признаки повышенной склонности к алкогольной зависимости, у 45,5 % выявлены признаки тенденции к наркозависимости.

5. Данные факты могут способствовать совершенствованию системы медико-психологического изучения подростков в целях эффективного их оздоровления и исключения направления в войска лиц с отклонениями в состоянии психического здоровья.

Литература

1. Аксаков И.А., Зиньковский А.К. Сравнительный анализ факторов риска психической дезадаптации у срочнотружущих лиц // Материалы XIV съезда психиатров России. 15—18 ноября 2005 г. — М., 2005. — С. 297—298.
2. Барыльник Ю.Б. Возрастная динамика психических расстройств у безнадзорных несовершеннолетних // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2005. — Т. 105. — № 6. — С. 16—20.
3. Березанцев А.Ю., Булыгина В.Г. Клинико-социальные факторы формирования поведенческих нарушений у подростков // Социальная и клиническая психиатрия. — 2006. — Т. 16. — Вып. 4. — С. 41—47.
4. Каргополов Г.А. Актуальные вопросы межведомственного взаимодействия. Уральский зональный семинар-совещание по м/в в организации оздоровительной работы среди призывной и допризывной молодежи (тезисы докладов). — Свердловск, 1982.
5. Каган В.Е. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание // Вопросы психологии. — 1992. — № 2.
6. Куликов В.В. Клинические и организационно-методологические аспекты военно-врачебной экспертизы граждан, страдающих психическими расстройствами. Пособие для врачей. — М., 2004.
7. Менделевич В.Д., Макаричева Э.В., Менделевич Б.Д. Диагностика склонности подростков к зависимому поведению. Методическое пособие. — Казань, 2003.
8. Орел А.Н.. Определение склонности к отклоняющемуся поведению // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М., Изд-во Института Психотерапии, 2002. — С. 362—370.
9. Пожар Л. Психология аномальных детей и подростков. Патопсихология. — М.: Институт практической психологии, 1996.
10. Работкин О.С., Палатов С.Ю., Лебедев М.А., Красногорский В.И.. Факторы риска возникновения психических расстройств у призывников // Материалы XIV съезда психиатров России. 15—18 ноября 2005 г. — М., 2005. — С. 79—80.
11. Цинова Л.А., Шмыков В.С., Лекомцев В.Т. Медико-психологические аспекты при проведении военной экспертизы у подростков // Дети и подростки в современном мире: помощь, защита, поддержка. Образование в Удмуртии. Научно-методическое издание. — 1999. — № 2. — С. 31—32.
12. Элизбарян Е.Г., Старновский Д.С., Либерман А.А., Шильников А.А.. Структурные особенности психических расстройств у юношей допризывного возраста в Забайкалье // Материалы XIV съезда психиатров России. 15—18 ноября 2005 г. — М., 2005. — С. 228.

182. Шмыков В. С.

Ижевск

**ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛИЦ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА В г. ИЖЕВСКЕ****Резюме**

Целью данного исследования являлось изучение личностных особенностей призывников в г. Ижевске. В основную группу, составленную методом сплошной выборки, вошли 87 пациентов мужского пола с пограничными психическими расстройствами (ППР), находившиеся в 2007 году в Республиканской клинической психиатрической больнице по направлению военкоматов. В контрольную группу, составленную методом сплошной выборки, вошли 94 призывника без психических расстройств, проходившие медкомиссию в одном из РВК г. Ижевска. Всего исследуемую группу составили 181 человек в возрасте от 18 до 22 лет.

Основными методами исследования были клинико-психопатологический и экспериментально-психологический. В группе с ППР достоверно чаще выявлялись астенический (33,3 %), взрывной (24,1 %) и неустойчивый типы характера (20,7 %). В группе без психических расстройств в 43,6 % случаев тип характера не определился (близко к «гармоничному»), в 14,9 % выявлен лабильный, в 12,7 % — неустойчивый и в 9,6 % — астенический.

При обследовании лиц призывного возраста является целесообразным более тщательная диагностика лиц с астеническими, взрывными и неустойчивыми чертами характера. Данная рекомендация может способствовать совершенствованию системы медико-психологического изучения подростков в целях эффективного их оздоровления и исключения направления в войска лиц с отклонениями в состоянии психического здоровья.

Введение

За последние годы, согласно данным статистической отчетности лечебно-профилактических учреждений Российской Федерации по результатам проведения военной экспертизы, отмечается тенденция к росту показателей заболеваемости и болезненности лиц призывного и допризывного возраста.

В Удмуртской Республике (УР) количество молодых людей, признанных негодными или ограниченно годными в связи с психическими расстройствами, стабильно высоко держится на первом месте. Ежегодно освобождается от призыва около полутора тысяч юношей, а количество досрочных увольнений рядового состава с военной службы по состоянию психического здоровья в последние пять лет выросло в два раза (данные республиканского военкомата УР).

Несмотря на высокую распространенность, имеются определенные трудности в выявлении психической патологии среди обозначенного контингента [5]. Диагностика психических расстройств осложнена синдромальной незавершенностью и рудиментарным характером симптоматики, психической незрелостью подростков, особенностями структуры и динамики возрастной патологии, искажениями развития и др. [1; 2; 4; 6].

В связи с вышеуказанным возрастает роль своевременной оценки психического статуса у юношей призывного возраста, адекватной диагностики у них психических отклонений и обоснованного вынесения в отношении их клинико-экспертного диагноза с позиции военно-врачебной экспертизы. Выявление характерологических особенностей у призывного контингента УР поможет избежать ошибок при вынесении решения о годности к военной службе, тем самым предотвратит возможные правонарушения и ООД, снизить уровень поздней диагностики, предупредить возникновение психических расстройств в период военной службы, позитивно изменить моральную обстановку в рядах Российской Армии.

Недостаточная научная разработанность проблемы, ее высокая медико-социальная значимость определяют актуальность данного исследования. Целью исследования являлось изучение характерологических особенностей лиц призывного возраста, признанных годными и ограниченно годными для прохождения военной службы.

Материалы и методы

Исследование было выполнено в г. Ижевске, столице Удмуртской Республики, в 2007 году. В основную группу, составленную методом сплошной выборки, вошли 87 пациентов мужского пола с пограничными психическими расстройствами (ППР) (преимущественно с расстройствами личности), находившиеся в Республиканской клинической психиатрической больнице (РКПБ) по направлению военкоматов. В контрольную группу (здоровые), составленную методом сплошной выборки, вошли 94 призывника без психических расстройств, проходившие медкомиссию в одном из ПВК г. Ижевска. Всего исследуемую группу составили 181 человек в возрасте от 18 до 22 лет.

В отношении респондентов соблюдался принцип добровольности участия, пациенты были информированы о праве отказа от сотрудничества. В случае согласия участникам исследования была гарантирована полная анонимность.

Основным методом исследования был клинико-психопатологический. На всех респондентов заполнялась базисная карта (модифицированный вариант), разработанная в ГЦСПС и СП им. В.П. Сербского для клинико-эпидемиологических исследований в психиатрии. Всем исследуемым было предложено ответить на вопросы следующих психологических тестов: патохарактерологический диагностический опросник [3] и опросник Мини-мульти (сокращенный вариант ММРП).

Для статистического анализа данных использовалась компьютерная программа STATISTICA 5.0. Применялись следующие тесты: t-тест для сравнения средних величин (средние баллы шкал в группе «здоровые» и «ППР» и др.), тест *chi-square* — для сравнения качественных характеристик между подгруппами (образование, национальность и др.).

Результаты и обсуждение

При помощи клинического метода в выборке были определены характерологические типы (табл. 1). В контрольной группе в 43,6 % случаев тип характера не определился (близко к «гармоничному»), в 14,9 % выявлен лабильный, в 12,7 % — неустойчивый и в 9,6 % — астенический. В основной группе чаще выявлялись астенический (33,3 %), эксплозивный (24,1 %) и неустойчивый типы характера (20,7 %).

Таблица 1

Данные по характерологическим типам в выборке*

Типы	ППР (основная группа)		Здоровые (контрольная группа)	
	№	%	№	%
Астенический	29	33,3	9	9,6
Эксплозивный	21	24,1	7	7,4
Неустойчивый	18	20,7	12	12,7
Истероидный	7	8,1	3	3,2
Лабильный	7	8,1	14	14,9
Эпилептоидный	2	2,3	1	1,1
Психастенический	2	2,3	1	1,1
Шизоидный	1	1,1	1	1,1
Гипертимный	—		5	5,3
Не определяется	—		41	43,6
Всего	87	100	94	100

Примечание: * — при смешанных типах определялся доминирующий характерологический радикал.

В табл. 2 показано соотношение характерологических типов, определенных клиническим методом и диагностированных с помощью методики ПДО [3].

Таблица 2

**Соотношение характерологических типов, выявленных клиническим методом
и диагностированных с помощью методики ПДО в основной группе***

Клинический метод (№)	ПДО (№)
Астенический (29)	Сенситивный (25) Астено-невротич. (3) Конформный (1)
Эксплозивный (21)	Лабильный (15) Циклоидный (4) Сенситивный (2)
Неустойчивый (18)	Неустойчивый (14) Гипертимный (3) Эпилептоидный (1)
Истероидный (7)	Истероидный (5) Гипертимный (1) Шизоидный (1)
Лабильный (7)	Лабильный (6) Неустойчивый (1)
Эпилептоидный (2)	Эпилептоидный (1) Лабильный (1)
Психастенический (2)	Психастенический (2)
Шизоидный (1)	Шизоидный (1)

Примечание: * — в связи с трудоемкостью, в контрольной группе метод не применялся.

ПДО выявил аналогичную клиническому методу пропорцию характеров, за исключением эксплозивного, астенического и сенситивного типов. Эксплозивный характер в ПДО не предусмотрен, а в клиническом методе сенситивность была отнесена к свойствам астенического типа. Вместо эксплозивного типа (21 наблюдение) опросник определил лабильный (15), циклоидный (4) и сенситивный (2) типы; большую часть астенических типов (всего 29 случаев) ПДО диагностировал как сенситивные (25).

Таблица 3

Средние баллы шкал опросника Мини-мульти в основной и контрольной группах

Шкалы	ППР	Std. dev.*	Здоровые	Std. dev.	P**
Шкала лжи	63,5	8,3	48,8	11,8	0,000
Шкала достоверности	57,7	15,8	56,5	15,3	NS
Шкала коррекции	49,5	10,6	50,4	10,8	NS
Ипохондрия	72,3	9,7	51,5	7,9	0,000
Депрессия	69,7	12,0	49,8	11,4	0,008
Истерия	53,7	11,3	43,7	11,2	0,05
Психопатия	71,9	12,7	40,5	10,4	0,000
Паранойальность	57,6	17,1	45,9	14,7	0,011
Психастения	52,8	10,5	47,6	8,3	NS
Шизоидность	59,8	12,6	56,2	7,7	NS
Гипомания	51,7	11,9	52,1	11,6	NS

Примечание: * Std. dev. — стандартное отклонение; ** P — достоверность.

По данным Мини-мульти (табл. 3), достоверно высокие оценки в основной группе — более 70 — были получены по шкалам «Ипохондрия» и «Психопатия». Мини-мульти относит «Ипохондрию» к астено-невротическому типу. Достоверно высокий показатель в основной группе был также выявлен по шкале «Депрессия».

Достоверно более высокие значения в основной группе были получены по шкалам «Лжи», «Истерии» и «Паранойальности» (по этим шкалам средний балл меньше 70 — это является нормой), что может быть объяснено наличием расстройств личности возбуждаемого, неустойчивого, лабильного и истероидного типов. В целом, результаты опросника Мини-мульти соотносятся с клиническими данными, согласно которым в основной группе на нозологическом уровне преобладали расстройства личности, а на синдромальном — церебрастения с субдепрессивными и тревожно-ипохондрическими включениями.

Выводы

1. В исследуемой группе с ППР достоверно чаще, чем среди здоровых, выявлялись астенический (33,3 %), эксплозивный (24,1 %) и неустойчивый типы характера (20,7 %).
2. В группе без психических расстройств в 43,6 % случаев тип характера не определился (близко к «гармоничному»), в 14,9 % выявлен лабильный, в 12,7 % — неустойчивый и в 9,6 % — астенический.
3. При обследовании лиц призывного возраста является целесообразным более тщательная диагностика лиц с астеническими, эксплозивными и неустойчивыми чертами характера. Данная рекомендация может способствовать совершенствованию системы медико-психологического изучения подростков в целях эффективного их оздоровления и исключения направления в войска лиц с отклонениями в состоянии психического здоровья.

Литература

1. Барыльник Ю.Б. Возрастная динамика психических расстройств у безнадзорных несовершеннолетних // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2005. — Т. 105. — № 6. — С. 16—20.
2. Березанцев А.Ю., Булыгина В.Г. Клинико-социальные факторы формирования поведенческих нарушений у подростков // Социальная и клиническая психиатрия. — 2006. — Т. 16. — Вып. 4. — С. 41—47.
3. Иванов Н.Я., Личко А.Я. Патохарактерологический диагностический опросник для подростков. Методическое пособие. — М.: Фолиум, 1995.
4. Куликов В.В. Клинические и организационно-методологические аспекты военно-врачебной экспертизы граждан, страдающих психическими расстройствами. Пособие для врачей. — М., 2004.
5. Палатов С.Ю., Лебедев М.А., Красногорский В.И. Оценка эффективности использования комплексного метода обследования призывников // Материалы XIV съезда психиатров России. 15—18 ноября 2005 г. — М., 2005. — С. 73—74.
6. Пожар Л. Психология аномальных детей и подростков. Патопсихология. — М.: Институт практической психологии, 1996.

183. Вихарева Е. Г., Чиркова И. Н.

Ижевск

ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ДЕТЕЙ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕДИКАМЕНТОЗНОЙ ТЕРАПИИ

В современной медицине при оценке результатов клинических исследований используется несколько критериев. В настоящее время, наряду с достоверными медицинскими критериями (оценка клинического состояния, данных лабораторных и инструментальных методов исследования), характеризующих «количество жизни», все шире начинают применять критерии, характеризующие «качество жизни», в частности, психоэмоциональное состояние пациента. Это утверждение и повлияло на выбор темы данного исследования, главной целью которого явилась оценка эффективности медикаментозной терапии детей с хроническим гастродуоденитом методами медико-психологической диагностики.

Пилотажное исследование проводилось в период с октября по декабрь 2009 года на базе гастроэнтерологического отделения Республиканской детской клинической больницы г. Ижевска. В это время дети находились в стационаре в связи с лечением хронического гастродуоденита. В исследовании приняли участие 20 детей в возрасте от 8 до 16 лет (средний возраст — 12,6 лет), из них 5 девочек и 15 мальчиков. Всем детям была проведена стандартная диагностическая программа обследования. Для выполнения основной задачи исследования до и после лечения использовались следующие психодиагностические методики: тест Люшера, тест Дембо-Рубинштейна в модификации А. М. Прихожан, рисунок «Несуществующее животное».

В результате проведения теста Дембо-Рубинштейн получены достоверно высокие показатели по градациям «здоровье» ($5,04 \pm 0,16$ и $7,5 \pm 0,46$; $p < 0,05$), «болезнь» ($5,72 \pm 0,58$ и $3,72 \pm 0,54$;

$p < 0,05$), «характер» ($6,25 \pm 0,52$ и $7,54 \pm 0,47$; $p < 0,05$), то есть дети в результате медикаментозного лечения чувствуют себя здоровыми и более уверенными. По другим градациям («способность» ($7,21 \pm 0,43$ и $7,54 \pm 0,43$), «авторитет» ($7,12 \pm 0,46$ и $7,6 \pm 0,52$), «внешность» ($7,92 \pm 0,42$ и $8,29 \pm 0,4$), «уверенность в себе» ($7,25 \pm 0,58$ и $8,51 \pm 0,43$)), достоверных результатов не получено (возможно, за счет малого количества наблюдений), но имеется четкая положительная динамика в процессе лечения.

При анализе данных, полученных в ходе проведения теста Люшера до лечения, обращает на себя внимание наличие стресса ($60,0 \pm 10,95\%$), повышенной тревожности и утомляемости ($65 \pm 10,96\%$), снижение активной деятельности ($80,0 \pm 8,54\%$) и, как следствие, снижение адекватной реакции на различные жизненные ситуации у пациентов. Психозмоциональная лабильность наблюдалась ($70 \pm 10,24\%$) у большинства детей. После лечения у детей с выявленной тревожностью, утомляемостью и сниженной активностью отмечалось улучшение исследуемых показателей ($p < 0,05$). Таким образом, психозмоциональное состояние детей в процессе лечения менялось в сторону более адекватной реакции на происходящие ситуации ($p < 0,05$).

Согласно результатам проведения проективной рисуночной методики «Несуществующее животное», у наблюдаемых детей выявились следующие тенденции:

- амбивалентность, противоречивость характера (изображение животных, включающих два образа: кентавр, утконозавр, собакозавр, человек-лошадь, черепаха-ящерица);
- тревожность (неровные, разорванные линии рисунка);
- неуверенность в собственных силах (слабый нажим, неустойчивые позы животных);
- пассивность (животные изображены в статичной форме, они бездействуют);
- агрессивность (наличие у животных острых рогов, зубов, когтей, колюще-режущих предметов).

После проведения лечения были выявлены некоторые изменения в рисунках животных: линии стали более четкими, ровными; заметно уменьшилось количество признаков, обозначающих высокий уровень проявления агрессивности. Можно предположить, что лечение оказало успокаивающее действие, способствовало обретению уверенности в собственных силах, уменьшило уровень агрессивности.

Таким образом, хронический гастродуоденит оказывает существенное влияние на психологическое состояние детей, что подтверждает роль психозмоционального фактора в развитии заболевания. Медикаментозное «гастроэнтерологическое» лечение способствует нормализации психозмоционального состояния детей. Оценка эффективности медикаментозной терапии хронического гастродуоденита возможна и методами медико-психологической диагностики.

184. Водопьянова Н. Е.

Санкт-Петербург

АКТИВИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ И ТВОРЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ К СИНДРОМУ ВЫГОРАНИЯ И ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ

Профилактика и преодоление негативных последствий профессионального выгорания имеет прямое отношение к здоровьесбережению специалистов, особенно тех, кто работает в социэкономических профессиях. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что психическое выгорание — следствие личностных дисфункций, которые способствуют эмоциональному истощению, потере трудовой мотивации, социально-психологическим и психосоматическим нарушениям (В.Е. Орел, А.А. Рукавишников, Н.Е. Водопьянова, С.Б. Величковская, М.В. Борисова и др.).

В наших исследованиях обнаружены корреляты симптомов выгорания со многими личностными и ролевыми факторами, которые рассматриваются как предикторы личностных кризисов и дисфункций. В качестве рисков развития синдрома выгорания особое место занимают ценностно-смысловые, эмоционально-рефлексивные факторы личностного функционирования. «Уплотнение» эмоциональной

сферы, атрофия чувств, утрата смыслов профессиональной деятельности, значимости личных достижений, потеря перспективы личного и профессионального развития неминуемо ведет к «мутации души», личностным дисфункциям и проявляется в широком спектре переживаний «душевного выгорания».

В целях психологической помощи «выгорающим» специалистам помогающих профессий нами была разработана и апробирована программа тренинга «Вызов выгоранию». В основу тренинга положена ресурсная концепция человека, согласно которой восстановление гармоничного функционирования личности может быть достигнуто благодаря осознанию и активизации разноуровневых ресурсов человека как индивида, субъекта, личности, индивидуальности. Программа была ориентирована на развитие субъектности — ответственности и активности в разрешении личных и профессиональных кризисов, а также на развитие умений саморегуляции, способствующих «смягчению» симптоматики выгорания. Для восполнения «сгоревших» ресурсов человека отдельный модуль в тренинге посвящен развитию мотивации к самоизменению и обновлению — самодетерминации. В креативном модуле тренинга осуществлялась активизация творческого потенциала человека как субъекта своей жизни — развитие способности к позитивному и нестандартному мышлению, ослабление жесткости психологических установок и коррекция иррационального мышления, реконструкция смыслов своей профессиональной деятельности. В модельных ситуациях осуществлялось освоение новыми стратегиями преодоления трудных жизненных эпизодов и кризисов, изменение стереотипов и идентификаций, блокирующих проявления субъектной активности и ответственности за свою жизнь.

Апробация программы показала наличие посттренинговой положительной динамики по следующим показателям: снижение «драматичности» при восприятии и оценке кризисных ситуаций, повышение удовлетворенности качеством жизни, уточнение приоритетов смысложизненных ориентаций и профессиональных смыслов, повышение творческой активности, уменьшение расхождения между «Я-идеальным» и «Я-реальным» и снижение выраженности психического выгорания. Результаты исследования говорят в пользу перспективности использования методологических принципов тренинга «Вызов выгоранию» как средства психологической помощи «выгорающим» специалистам и сохранению их здоровья.

---

185. Борисова С. Н.

Пермь

КАЧЕСТВО СНА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ
в рамках исследовательского проекта № 08-06-82633 а/у

Актуальность исследования механизмов сна и инсомнии как его нарушения определяется широкой распространенностью этого заболевания. По данным разных исследователей, оно встречается у 28—45 % популяции и в половине случаев является важной проблемой, требующей лечения (Рассказова Е.И., 2007). Сон и бодрствование всегда были предметом изучения и физиологов и клиницистов (И.П. Павлов, А.М. Вейн, Б. Беккер, П.П. Соколов и др.). Сон — это функциональное состояние мозга и всего организма человека и животных, имеющее отличные от бодрствования специфические качественные особенности деятельности центральной нервной системы и соматической сферы, характеризующиеся торможением активного взаимодействия организма с окружающей средой и неполным прекращением (у человека) познаваемой психологической деятельности (Вейн А.М., 1970, 1974). Инсомнию, или бессонницу, большинство авторов определяют как «расстройство сна, независимое от усилий человека, страдающего им» (Куликова Л.В., 2000). Однако мы солидарны с теми исследователями, которые сегодня указывают на ограниченность социобиологического подхода к исследованию витальных функций человека, таких как сон, сексуальность и др. и ставят задачи выяснения психологических механизмов регуляции сна, их связи с личностными свойствами.

Нами в течение ряда лет ведется работа по изучению психологических факторов, участвующих в регуляции здорового, полноценного сна, а также его нарушений (Борисова С.Н., Ганиева М.И., 2007;

Борисова С.Н., Фельдблюм В.Э., 2007; Борисова С.Н., 2008, 2009). Теоретическая актуальность работы связана с тем, что сон человека, как и многие другие «низменные» функции, оказался «теоретически невидимым» для психологии. Декларируя психосоматическое единство человека, академическая психология оказалась ограниченной преимущественно явлениями сознания или высшей психической деятельности, не замечая, что сон, сексуальность, питание, как и другие телесные функции в ходе прижизненного развития теряют свой природный натуральный характер, приобретая радикальные качественные изменения (Арина Г.А., 1991; Николаева В.В., 1987, 1992, 1995; Тищенко П.Д., 1987, 1991; Тхостов А.Ш., 1991; Зинченко Ю.П., 1996).

Целью данной статьи является анализ качества сна у мужчин и женщин на основе данных, полученных в рамках проекта «Качество сна как психологическая проблема (на примере исследования качества сна в экологически благополучных и неблагополучных районах Пермского края)», поддержанного грантом РГНФ.

Гендерная проблематика «стала все активнее заявлять о себе в различных областях научного знания» (Клецина И.С., 2003). Для большинства исследований характерно изучение пола как некоторого фактора, который обуславливает те или иные различия между людьми, который влияет и определяет характерные особенности изучаемого исследователями явления у женщин и мужчин (Бендас Т.В., 2000; Виноградова Т.Н., Семенов В.В., 1993; Разумникова О.М., 2002; Семенова Л.Э., 2002). Взят для сравнения мужскую и женскую выборки, мы подразумеваем не только биологический пол, а гендер, как это принято понимать в психологии, — совокупность социальных, психологических и биологических характеристик, так как наши респонденты активно включены в социальную жизнь, являясь продуктом предшествующего развития, носителями ценностей определенной эпохи.

Методы исследования. В исследовании была использована следующая батарея методик: Оксфордский опросник качества сна, Индекс жизненного стиля, тест «Самооценка психических состояний» Айзенка, тест смысложизненных ориентаций и Шкала удовлетворенности разными аспектами собственной жизни, состояния территории проживания и состояния России.

Выборка. Было обследовано 239 человек, проживающих в городской и сельской местности, на экологически благополучных и неблагополучных территориях, что, по нашему мнению, должно проявить различные типы организации сна и психологической защиты, из них 60 жителей Березников (31 мужчина и 29 женщин в возрасте от 20 до 49 лет), 59 жителей Кудымкара (30 мужчин и 29 женщин в возрасте от 21 до 54 лет), 60 жителей сел Верхние Мулы, Фролы, Лобаново Пермского района (30 мужчин и 30 женщин от 19 до 58 лет) и 62 жителя Ильинского (31 мужчина и 31 женщина в возрасте от 19 до 50 лет).

Полученные результаты. Сравнительный анализ с применением критерия Стьюдента выявил следующие различия в качестве сна и механизмов его регуляции у мужчин и женщин: данные Оксфордского опросника качества сна позволяют говорить о большем количестве расстройств сна, которые замечают у себя женщины по сравнению с мужчинами (соответственно 4,24 и 2,7 при $p \leq 0,001$). Им необходимо большее количество часов для сна — 8,03 против 7,24 у мужчин ($p \leq 0,008$), они используют также большее количество приемов при засыпании (7,36 и 3,89 при $p \leq 0,001$). Для женщин характерно и большее количество минут беспокойства (17,55 против 7,85 при $p \leq 0,001$). Оценка собственного психического состояния по тесту Айзенка выявляет у женщин большую фрустрированность (7,40 и 5,31 при $p \leq 0,002$) и большую тревожность (7,74 и 4,85 при $p \leq 0,000$), тогда как в показателях ригидности и агрессивности различия у мужчин и женщин отсутствуют. Таким образом, субъективно оцениваемое качество сна у женщин ниже, чем у мужчин, или женщины более внимательны и чувствительны к своему психическому состоянию, больше времени уделяют организации своей душевной жизни, в том числе приемам организации сна. Хотя показатели фрустрированности и тревожности подтверждают скорее первую идею, чем вторую.

Оценки удовлетворенности различными параметрами жизнедеятельности отличаются более высокими оценками у мужчин собственного здоровья (7,36 и 6,26 при $p \leq 0,003$) и экологической ситуации в России (5,11 и 4,09 при $p \leq 0,002$), тогда как показатели удовлетворенности финансовым положением, досугом, кругом общения, качеством жизни и здоровья, политической, экономической ситуацией в России и на территории проживания, а также экологической ситуацией на территории проживания у мужчин и женщин не различаются.

Участие механизмов психологической защиты в регуляции качества сна продемонстрировано нами в предыдущих публикациях (Борисова С.Н., 2008, 2009; Борисова С.Н., Фельдблюм В.Э., 2008).

В механизмах психологической защиты у женщин наблюдается большая выраженность регрессии (5,53 и 2,85 при $p \leq 0,000$), то есть при воздействии фрустрирующих факторов они склонны заменять решение субъективно сложных задач на более простые и доступные в сложившихся ситуациях. Использование простых и привычных стереотипов существенно обедняет их поведенческий арсенал преодоления конфликтных ситуаций. МПЗ компенсация также более активен у женщин, чем у мужчин (4,07 и 2,85 при $p \leq 0,000$), что проявляется в попытках найти подходящую замену реального или воображаемого недостатка, нестерпимого чувства другим качеством, чаще всего с помощью фантазирования или присвоения себе свойств, достоинств, ценностей, поведенческих характеристик другой личности. При чрезмерной выраженности данного МПЗ адекватность поведения нарушается, что порождает тревогу, с которой опять нужно каким-либо способом совладать, и порочный круг таким образом замыкается. МПЗ реактивные образования у женщин также больше выражен, чем у мужчин (3,86 и 2,57 при $p \leq 0,008$), что проявляется в выражении неприемлемых или неприятных для личности мыслей, чувств или поступков в преувеличенном развитии противоположных стремлений, трансформации внутренних импульсов в субъективно понимаемую их противоположность.

Различий по разным аспектам осмысленности жизни (тест смысложизненных ориентаций) не выявлено, что, возможно, объясняется единством социокультурной ситуации.

Полученные данные было бы слишком легко и просто проинтерпретировать как следствие изначально большей сензитивности и тревожности женщин по сравнению с мужчинами или в феминистском духе как следствие угнетенности, забитости женщин, которые вынуждены страдать больше, чем мужчины, в том числе и в сфере сна. Полученные данные ставят много вопросов: сложившаяся система психологической защиты является причиной или следствием тревоги и фрустрации? Или, может быть, система видения, ощущения жизни у женщин более реалистична и тогда тревога оправдана; женщины хуже спят потому, что есть о чем беспокоиться, тем более что наше исследование проводилось на двух территориях (г. Березники и с. Мулы), которые признаны экологически неблагополучными, а с. Ильинское, крайне благоприятное в отношении экологии, мало перспективно в экономическом отношении. Эти и другие вопросы требуют дальнейшего изучения.

Полученные данные представляют интерес, прежде всего, с клинико-психологической точки зрения. Их нужно учитывать при построении психокоррекционных моделей и программ лечения и психологической помощи лицам с нарушениями сна. Важно сориентировать коррекцию и лечение на социокультурную составляющую патологического процесса. У мужчин и женщин разная картина сна, они по-разному его переживают, следовательно, и мишени психокоррекционного воздействия в каждом случае должны быть соответствующими. С теоретической точки зрения, полученные различия проливают свет на гендерные особенности проявления и регуляции витальных функций.

186. РЕВЕРЧУК И. В.

Ижевск

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В СТРУКТУРЕ НЕВРОТИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

В последние годы проблема невротических расстройств занимает все большее место в современной клинической и социальной психологии и психиатрии. Это обусловлено тем, что в их возникновении ведущую роль играют факторы, непосредственно связанные с социальными условиями жизни общества. В России мультицентровые унифицированные исследования неврозов в кросс-культуральном ракурсе практически не проводились, лишь в последние годы появились работы, посвященные изучению этнокультуральных особенностей больных с нервно-психическими расстройствами. Многие авторы указывают на этнокультуральную детерминированность депрессивного варианта реагирования у финно-угорских народов (Чуркин А.А., Положий Б.С., 1997—2005, Менделевич В.Д., 2000), суицидальное поведение (Васильев В.В., 1998—2002, Козлов А.Б., 2000—2004), личностную и ситуативную тревожность (Кондаков В.С., Шадрин О.А., 1998),

магифренический тип стрессовой дезадаптации (Соколов О.А., 2005) в сравнении со славянами. В мировой практике на основе *etic* или *emic* (Пайк К., Мид М., 1988) подходов исследуются различия и сходства: 1) межрасовые; 2) в моноэтнических странах или народностях; 3) между коренным населением и мигрантами. Прямой перенос общемировых подходов в российскую практику неприемлем — в результате многовекового сосуществования более ста национальностей в России изменились этнические толерантность и идентичность групп и популяций от этнонигилизма до этнофанатизма. Определение национальной принадлежности исследуемых в научных исследованиях на основании паспортных данных или по «самоопределению» в России не достоверно (Чуркин А.А., Реверчук И.В., 2004). Базируясь на принципах доказательной медицины, биопсихосоциальный метод этнокультурального эксперимента в психологии и психиатрии должен включать: 1) биологический метод этнической идентификации клиента-пациента; 2) социокультуральный метод определения уровня этнического самосознания; 3) клинко-психологический метод — исследование статики и динамики болезненных состояний.

С целью экспериментального подтверждения теоретически обоснованной структуры этнического самосознания и его взаимосвязей с формированием внутренней картины болезни и уровнем субъективного самоконтроля при возникновении и развитии невротических расстройств с учетом преморбидных личностных особенностей больных был применен адаптированный вариант опросника определения развития этнического самосознания (Хотинец В.Ю., 2000), отражающий проявление и степень выраженности каждого из компонентов этнического самосознания в форме графической шкалы самооценок: осознание особенностей этнической культуры своего этноса, осознание психологических особенностей своего этноса, осознание тождественности со своим этносом, осознание собственных этнопсихологических особенностей личности, осознание себя субъектом своей этнической общности. Для проведения исследования источником первичного материала выбраны данные углубленного клинического (психологического и патопсихологического) исследования больных невротическими, связанными со стрессами, и соматоформными расстройствами, сгруппированных в 5 основных групп на основе общности этиопатогенеза: 1) 60 человек (30 славян, 30 финно-угров) — тревожно-фобические расстройства (F 40—41); 2) 60 человек (30 славян, 30 финно-угров) — расстройства адаптации (F 43); 3) 60 человек (30 славян, 30 финно-угров) — диссоциативные и соматоформные расстройства (F 44—45); 4) 60 человек (30 славян, 30 финно-угров) — неврастения (F 48); 5) 60 человек (30 славян, 30 финно-угров) — дистимия (F 34.1). Больные набраны методом случайной выборки в соответствии с диагностическими критериями МКБ-10 и DSM-IV-R. В качестве вспомогательных инструментов исследования использовались: тест определения акцентуации характера Леонгарда-Шмишека, тест определения уровня субъективного локуса контроля Д. Роттера (в адаптации Е.В. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда, 1984) и тест определения внутренней картины болезни — ТОБОЛ (Вассерман Л.И. с соавт., 1987). В качестве основных методов исследования применялись: антропологический, клинко-статистический, экспериментально-психологический, математико-статистический. Национальная принадлежность больных подтверждалась дерматоглифическим методом снятия ладонных отпечатков классическим вариантом по Х. Камминсу и Ч. Мидло, с дальнейшим подсчетом индексов пальцевых и пальмарных узоров. Полученные результаты сравнивались с данными атласа Г.Л. Хить (1983) дерматоглифических параметров народностей России. Среди славян и финно-угров с пограничными психическими расстройствами преобладали женщины — 78,2 % и 78,8 %, мужчины составляли 21,8 % и 21,2 % соответственно. Значимых различий между полом и возрастом славянских и финно-угорских пациентов не выявлено. По результатам опроса испытуемых обеих выборок были выделены соответственно три группы: с низким (27 + 2 %), средним (40 + 3 %) и высоким (33 + 2 %) уровнями развития этнического самосознания в финно-угорской выборке; и с низким (27 + 3 %), средним (46 + 2 %) и высоким (27 + 2 %) уровнями развития этнического самосознания в славянской выборке.

Клиническая структура ППП среди больных различных этнических субпопуляций имеет определённые различия. Невроз тревоги (страха) и неврастения ($p = 0,01$) достоверно преобладали среди представительниц славянской субпопуляции, дистимия ($p = 0,001$) — среди финно-угорской. Заслуживает интереса сравнительный анализ вариантов адаптационных реакций: кратковременные депрессивные реакции преобладали у славян ($p = 0,01$), в отличие от затяжных депрессивных реакций ($t_{\text{Стьюдента}} = -0,1$) и реакций адаптации с преобладанием расстройств других эмоций ($t_{\text{Стьюдента}} = -0,5$), которые превалировали у финно-угров.

Ипохондрические расстройства, неврозоподобные состояния на соматогенной неинфекционной основе и расстройства личности истерического типа были более характерными для пациентов славян

($p = 0,05$). Одновременно отмечается больший удельный вес у славян невротических фобий ($t_{\text{Стьюдента}} = 1,4$), расстройств личности возбудимого типа ($t_{\text{Стьюдента}} = 1,4$) и острых реакций на стресс с преобладанием эмоциональных нарушений ($t_{\text{Стьюдента}} = 1,7$); у финно-угров — истерического невроза ($t_{\text{Стьюдента}} = 1,4$).

Анализируя соотношение ведущих в клинической картине синдромов на момент обследования среди представителей славянской и финно-угорской субпопуляций, на основании степеней достоверности выделяются три группы: первая группа включает астенический ($t_{\text{Стьюдента}} = 6,1$; $p = 0,001$) и тревожный ($t_{\text{Стьюдента}} = 4,8$; $p = 0,001$) синдромокомплексы, которые у славян достоверно преобладают. Депрессивный синдром ($p = 0,001$) преобладает у финно-угров. Вторая группа выделенных синдромов включает соматоформный ($t = 3,3$; $p = 0,01$) и синдром панических атак ($t = 3,1$; $p = 0,01$), при которых достоверность свидетельствует в пользу преобладания данных симптомокомплексов у славянских пациентов. В третью группу выделяются диссоциативный ($t = 1,7$) и деперсонализационно-дереализационный ($t_{\text{Стьюдента}} = 1,4$) синдромы, которые достоверно преобладают у славян.

Сравнение различных уровней развития этнического самосознания в финно-угорской и славянской выборках позволяет определить его генезис как динамический процесс формирования систем представлений этнических признаков социального образования. Однако особенностью его развития в различных по национальной принадлежности выборках является очередность поэтапного формирования данных систем, определяемая прежде всего своеобразием условий этнизации представителей конкретных этносов наряду с индивидуально-психологическими особенностями этнофоров. Тем самым установлено, что этническое самосознание понимается как система осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков жизнедеятельности этноса. В итоге формирования данной системы человек осознает себя в качестве представителя определенной этнической общности (этнофора), что влияет на клинику и динамику невротических расстройств. Результаты корреляционного анализа показали, что в зависимости от уровня развития (низкий-средний-высокий) этнического самосознания происходит изменение его структуры по градиенту тесноты связей между его компонентами. С повышением уровня развития этнического самосознания изменяется его структура, отличающаяся большей представленностью связей между компонентами этнического самосознания, что выражает обусловленность целостности данного образования уровнем его развития.

Имеются достоверные взаимосвязи между уровнем развития этнического самосознания, преморбидными личностными особенностями механизмообразования интрапсихического конфликта и субъективной картины болезни больных славянской и финно-угорской национальности с невротическими расстройствами, которые определяют «терапевтические мишени» профилактики и терапии невротических расстройств (здесь и далее $r \geq 0,5$). Наличие острого или протрагированного стресса преломляется сквозь общие социокультуральные (стереотипы, традиции, мифы и архетипы) и частные («призма» личности) особенности, способствуя формированию строго индивидуальной субъективной картины болезни (УСК и ВКБ). Факторный анализ интеркорреляционных связей подтвердил, что факторами первого порядка и, соответственно, главными мишенями терапии являются интрапсихические конструкты — сферы субъективного контроля и типы внутренней картины болезни. Выявленные общие закономерности позволяют утверждать, что уровень развития этнического самосознания и личностные особенности человека являются той социально-психологической «почвой», определяющей возникновение, вариант невротического расстройства и течение пограничных психических расстройств. Более высокий уровень самосознания как более организованный и системно-структурный имеет взаимосвязи с возбудимыми и истерическими типами акцентуированных этнофоров, низкий уровень — с тормозимыми типами личностных особенностей. При повышении уровня этнического самосознания интрапсихический конфликт имеет более сложное механизмообразование, обусловленное вовлечением различных сфер индивидуально значимого субъективного контроля личности этнофоров.

При низком уровне развития этнического самосознания у тревожных и застреваемых типов личности славян с *тревожно-фобическими расстройствами* интрапсихический конфликт детерминирован неудовлетворенностью уровнем неудач в сфере производственных отношений, с формированием эгоцентрического и эргопатического типов ВКБ. При среднем уровне развития этнического самосознания у гипертимных и экзальтированных типов личности внутриличностный конфликт модулирован диссоциацией между уровнем достижений в сферах производственных и семейных отношений и уровнем неудач в сфере семейных отношений, с формированием меланхолического и эргопатического типов ВКБ. При высоком уровне развития этнического самосознания у циклоидных, дистимных и экзальтированных

типов личности интрапсихический конфликт также детерминирован неудовлетворенностью уровнем достижений в сфере производственных отношений, с формированием ипохондрического и эгоцентрического типов ВКБ.

При низком уровне развития этнического самосознания у циклоидных, педантичных и демонстративных типов личности финно-угров с тревожно-фобическими расстройствами интрапсихический конфликт детерминирован неудовлетворенностью уровнем достижений в сфере семейных отношений, с формированием неврастенического и дисфорического типов ВКБ. При среднем уровне развития этнического самосознания у гипертимных, дистимных и застреваемых типов личности внутриличностный конфликт модулирован диссоциацией между уровнями достижений и неудач в сферах семейных и производственных отношений с экстраполяцией в сферу межличностных отношений, с формированием меланхолического и ипохондрического типов ВКБ. При высоком уровне развития этнического самосознания у экзальтированных, педантичных и тревожных типов личности интрапсихический конфликт детерминирован неудовлетворенностью уровнем достижений в сферах производственных отношений и здоровья, с формированием неврастенического типа ВКБ.

При низком уровне развития этнического самосознания у циклоидных и застреваемых типов личности славян с *расстройствами адаптации* интрапсихический конфликт детерминирован диссоциацией между уровнем достижений в сфере семейных отношений и уровнем неудач в сфере производственных отношений, с формированием паранойяльного и анозогностического типов ВКБ. При среднем уровне развития этнического самосознания у циклоидных, возбудимых и застреваемых типов личности внутриличностный конфликт модулирован неудовлетворенностью уровнем достижений в сферах производственных отношений и здоровья, с формированием меланхолического, неврастенического и сензитивно-дисфорического типов ВКБ. При высоком уровне развития этнического самосознания у возбудимых и тревожных типов личности интрапсихический конфликт детерминирован неудовлетворенностью уровнем неудач в сфере межличностных отношений, с формированием тревожного и меланхолического типов ВКБ.

При низком уровне развития этнического самосознания у возбудимых и застреваемых типов личности финно-угров с расстройствами адаптации интрапсихический конфликт детерминирован неудовлетворенностью уровнем неудач в сфере производственных отношений. При среднем уровне развития этнического самосознания у возбудимых и застреваемых типов личности внутриличностный конфликт также модулирован неудовлетворенностью уровнем неудач в сферах семейных и производственных отношений, с формированием неврастенического и дисфорически-паранойяльного типов ВКБ. При высоком уровне развития этнического самосознания у педантичных и тревожных типов личности интрапсихический конфликт аналогично детерминирован неудовлетворенностью уровнем неудач в сфере производственных отношений, с формированием меланхолического и эгоцентрического типов ВКБ.

При низком уровне развития этнического самосознания у возбудимых, гипертимных и демонстративных типов личности славян с *диссоциативными и соматоформными расстройствами* интрапсихический конфликт модулирован диссоциацией между уровнем достижений в сфере межличностных отношений и уровнем неудач в сфере семейных взаимоотношений. При среднем уровне развития этнического самосознания у циклоидных и экзальтированных типов личности внутриличностный конфликт также модулирован диссоциацией между уровнем достижений в сфере межличностных отношений с экстраполяцией в семейную сферу, формируя тревожный и ипохондрический типы ВКБ. При высоком уровне развития этнического самосознания интрапсихический конфликт также связан с неудовлетворенностью уровнем достижений в сфере межличностных отношений у экзальтированных, демонстративных и возбудимых типов личности, с формированием эргопатического, неврастенического и эгоцентрического типов ВКБ.

При низком уровне развития этнического самосознания у циклоидных и возбудимых типов личности финно-угров с диссоциативными и соматоформными расстройствами интрапсихический конфликт модулирован неудовлетворенностью уровнем достижений в сфере семейных отношений. При среднем уровне развития этнического самосознания у гипертимных и демонстративных типов личности интрапсихический конфликт также модулирован неудовлетворенностью уровнем достижений в сфере семейных отношений с экстраполяцией в сферу межличностных отношений, формируя меланхолический, анозогностический, паранойяльный и ипохондрический типы ВКБ. При высоком уровне развития этнического самосознания интрапсихический конфликт модулирован диссоциацией между уровнем достижений

в сферах семейных и производственных отношений и высоким уровнем неудач в межличностных отношениях, потенцируя развитие неврастенического, эргопатического и эгоцентрического типов ВКБ.

При низком уровне развития этнического самосознания у демонстративных и застреваемых типов личности славян с *неврастенией* интрапсихический конфликт модулирован диссоциацией между уровнем достижений в сфере семейных отношений и уровнем неудач в сфере производственных отношений, с экстраполяцией в сферу межличностных отношений, формируя неврастенический, ипохондрический и дисфорический типы ВКБ. При среднем уровне развития этнического самосознания у гипертимных и застреваемых типов личности внутриличностный конфликт также детерминирован фиксацией на уровне достижений в сферах семейных и межличностных отношений, с формированием тревожно-ипохондрического и дисфорически-эгоцентрического типов ВКБ. При высоком уровне развития этнического самосознания у демонстративных, возбудимых и педантичных типов личности интрапсихический конфликт модулирован диссоциацией между уровнями достижений и неудач в сферах семейных и производственных отношений, с формированием меланхолически-ипохондрического и дисфорически-паранойального типов ВКБ.

При низком уровне развития этнического самосознания у циклоидных и застреваемых типов личности финно-угров с *неврастенией* интрапсихический конфликт детерминирован неудовлетворенностью уровнем достижений в сфере производственных отношений, с формированием тревожно-ипохондрического и дисфорически-паранойального типов ВКБ. При среднем уровне развития этнического самосознания у возбудимых и застреваемых типов личности внутриличностный конфликт модулирован неудовлетворенностью уровнем неудач в сфере семейных отношений, с формированием сензитивного типа ВКБ. При высоком уровне развития этнического самосознания у возбудимых и тревожных типов личности интрапсихический конфликт детерминирован диссоциацией между уровнями достижений и неудач в сфере межличностных отношений, с формированием тревожного и эгоцентрического типов ВКБ.

При низком уровне развития этнического самосознания у демонстративных и дистимных типов личности славян с *дистимией* интрапсихический конфликт модулирован диссоциацией между уровнем достижений и уровнем неудач в сфере семейных отношений, формируя сензитивный, тревожный и меланхолический типы ВКБ. При среднем уровне развития этнического самосознания у эмотивных, педантичных и застреваемых типов личности внутриличностный конфликт также детерминирован диссоциацией между уровнями достижений и неудач в сфере семейных отношений, с экстраполяцией в сферу межличностных отношений, с формированием меланхолического, неврастенического и эгоцентрического типов ВКБ. При высоком уровне развития этнического самосознания у демонстративных, возбудимых и педантичных типов личности интрапсихический конфликт детерминирован неудовлетворенностью уровнем собственных достижений, с формированием меланхолического и ипохондрического типов ВКБ.

При низком уровне развития этнического самосознания у дистимных и возбудимых типов личности финно-угров с *дистимией* интрапсихический конфликт детерминирован неудовлетворенностью уровнем достижений и уровнем неудач в сфере семейных отношений, с формированием тревожно-ипохондрического и дисфорически-эгоцентрического типов ВКБ. При среднем уровне развития этнического самосознания у тревожных типов личности внутриличностный конфликт модулирован неудовлетворенностью уровнем достижений в сферах межличностных и производственных отношений, с формированием анозогностического и неврастенического типов ВКБ. При высоком уровне развития этнического самосознания у педантичных и тревожных типов личности интрапсихический конфликт детерминирован неудовлетворенностью уровнем неудач в сферах семейных, производственных и межличностных отношений, с формированием меланхолического и ипохондрического типов ВКБ.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в клинической практике медицинских психологов и психиатров для решения вопросов ранней дифференциальной диагностики и возможного прогноза течения основных форм неврозов, а также для определения форм и методов психотерапии, обоснования психокоррекционных и реабилитационных мероприятий по адаптации изучаемых групп больных в социальной среде. Знание личностных и культуральных факторов, способствующих развитию, обострению и неблагоприятному течению невротических расстройств, дает возможность целенаправленной разработки профилактических мероприятий.

Таким образом, основными направлениями в разработке дифференцированных социально-реабилитационных программ для больных ППР, дополнительно к общепринятым, должны являться: 1) разработка долгосрочных лечебно-профилактических мероприятий, предусматривающих

дифференцированный подход к больным ППР, в зависимости от уровня развития этнического самосознания, индивидуально-типологических особенностей личности, уровня субъективного контроля и типов внутренней картины болезни с привлечением к разработке и реализации этих программ, помимо врачей-психиатров, социальных психологов, социальных работников, сотрудников органов социальной защиты и служб занятости населения; 2) для повышения уровня диагностики и своевременного выявления больных ППР подбор медицинских кадров психиатрических учреждений, особенно в сельских районах, по возможности, должен проводиться из числа местных уроженцев, владеющих финно-угорскими языками.

187. ЛЕКОМЦЕВ В. Т., КАМЕНЩИКОВ Ю. Г., ЛАПТЕВА И. В.

Ижевск

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ БОЛЬНЫХ ЭПИЛЕПСИЕЙ

Эпидемиологические исследования по эпилепсии показывают, что в населении больных эпилепсией 4—7 на 1000 населения. В последнее время появилось значительное количество работ, посвященных качеству жизни психически больных. Работы, посвященные качеству жизни больных эпилепсией, немногочисленные (Карлов В.А., 2001; и др.). Вопросы, касающиеся больных эпилепсией с психическими нарушениями в отечественной литературе освещены лишь в единичных публикациях (Лекомцев В.Т., Дюкина Л.Ф., Панченко Е.А., Каменщиков Ю.Г., 2000).

Согласно определению ВОЗ, под качеством жизни понимается восприятие людьми своего положения в жизни в зависимости от культуральных особенностей системы ценностей и в связи с их ожиданиями, стандартами и заботами. Другими словами, под качеством жизни понимается достижение личных целей, задач, желаний, соответствие характеру жизни, который человек хотел бы вести, реальному положению вещей. Кроме того, качество жизни больных эпилепсией может служить надежным критерием оценки проводимой противосудорожной терапии.

Целью данного исследования явилось изучение качества жизни больных эпилепсией с психическими нарушениями и объективная оценка их социального статуса. Настоящее исследование не претендует на всеобъемлющее освещение качества жизни больных эпилепсией.

Инструментом исследования явился специально разработанный на кафедре опросник по изучению качества жизни больных эпилепсией и роза качества жизни (Гундаров И.А., 1995).

Для решения поставленных задач нами были изучены сплошным методом выборки амбулаторные карты и истории болезни 546 больных, находившихся на диспансерном учете в ГУЗ и СПЭ РКПБ. Прежде чем перейти к характеристике больных, приведем некоторые общие данные, характеризующие нашу выборку. Среди пациентов оказалось 227 (41,5 %) мужчин и 317 (58,5 %) женщин. По возрасту больные распределились следующим образом: от 20 до 29 лет было 79 человек (14,4 %); 30—39 лет 124 (22,7 %); 40—49 лет 164 (30,0 %); 50—59 лет 73 (13,3 %); 60—69 лет 68 (10,5 %); старше 70 лет 32 (5,8 %) больных. Основную массу обследуемых пациентов составляют люди репродуктивного и трудоспособного возраста. Из 646 больных только 108 (19,7 %) были заняты на производстве. Изменение трудоспособности (резкое снижение, умеренное снижение или полная трудовая декомпенсация) выявлен у 538 (80,3 %) больных. Проявления трудовой дезадаптации выражались в виде невыполнения нормы, брака в работе, неспособности работы по сменам, неспособности выдерживать темп и ритм работы до конца смены, нетактичного отношения руководства, расхождения слова с делом, вынужденного безделья. Из-за межпароксизмальных психических нарушений, которые проявлялись в виде всех вариантов церебрального синдрома, брадикинетического синдрома, аффективных нарушений, вторичных невротических нарушений и пароксизмальных синдромов, больные страдали в производственном коллективе. 286 (53,4 %) больных имели группы инвалидности, из них I — 76, II — 198, III — 12 больных. Анализ впервые признанных инвалидами за три года существования филиала № 12 ФГУ ГБ МСЭ по Удмуртской Республике показал, что

численность лиц, впервые признанных инвалидами и повторно признанных инвалидами, страдающих психическими расстройствами в связи с эпилепсией, ежегодно снижается (табл. 1, 2).

Таблица 1

Распределение впервые признанных инвалидами (ВПИ) по Удмуртской Республике за 2007—2009 гг. по диагнозам эпилепсии в абсолютных числах и в % отношении

диагноз \ годы	2007 год		2008 год		2009 год	
	абс. 638	% от общего числа ВПИ	абс	% от общего числа ВПИ 520	абс.	% от общего числа ВПИ 470
эпилепсия (G40)	12	1,9	11	2,1	8	1,7

Таблица 2

Повторно признанные инвалидами (ППИ) по Удмуртской Республике вследствие психических расстройств при эпилепсии за 2007—2009 гг.

год	всего ППИ в связи с эпилепсией	всего ППИ	%
2007	225	2728	8,25
2008	223	2728	8,17
2009	218	2969	7,34

Распределение ППИ по группам инвалидности остается стабильным.

Среди ППИ процент работающих инвалидов составил в 2007 году — 1,3 %, в 2008 году — 1,1 %, в 2009 — 0,9 %. Из года в год наблюдается снижение количества работающих инвалидов из-за их неконкурентоспособности на рынке труда и выраженной стигматизации общества по отношению к больным эпилепсией.

Показатели реабилитации ежегодно снижаются: так, в 2007 году частичная реабилитация составила 3 человека, что составляет 0,1 % от всех ВПИ, в 2008 году — 2 человека (0,07 %), а в 2009 году частично реабилитированных инвалидов в связи с эпилепсией не было. Утяжеление группы инвалидности с каждым годом растет: так, в 2007 году — 9 человек (0,3 %), в 2008 году — 10 (0,36 %), а в 2009 — 18 (0,6 %).

Одним из показателей качества жизни больных эпилепсией является семейное положение. При наличии в семье больного эпилепсией выработанное равновесие между супругами нарушается, происходит перераспределение функциональных ролей, что неизбежно отражается на характере межличностных отношений и дезорганизует семью. Анализ семейного положения в исследуемой группе был следующим: женат (замужем) — 215 (39,3 %) больных; холост (не замужем) — 274 (50,1 %) больных; разведены были 35 (6,4 %) больных; в гражданском браке жили 5 (0,9 %) больных. При изучении этнокультурального аспекта качества жизни больных эпилепсией было выявлено, что у 22 (4,0 %) женщин была четкая установка не иметь семью в связи с тем, с детства им родители внушили, что эпилепсия — это неизлечимое и инвалидизирующее заболевание. В основном это были больные русскоязычной популяции. Анализ семейного положения также показал, что больные эпилепсией имеют семьи и пытаются сохранить семью. Они стараются сохранить семью, чтобы сохранить весь сложившийся жизненный или динамический стереотип (Павлов И.П., 1932).

Причинами разводов послужили агрессивность или конфликтность одного из супругов в 82 (15,0 %) случаях; антисоциальное поведение у 57 (10,45 %) одного из супругов, уход в мир мистических представлений или попадание под влияние деструктивных культов в 12 (2,19 %) семьях. Это были больные женского пола.

Проводя анализ непсихотических психических расстройств при эпилепсии, Ю.Г. Каменщиков (2004) отмечает, что связи со сложными преобразованиями в обществе у больных эпилепсией значительно увеличивают депрессивные расстройства. Так, из 458 больных эпилепсией депрессивное расстройство выявлено у 37,6 %, обсессивно-фобические расстройства у 27,6 % больных, что в значительной степени приводит к дезадаптации и ухудшению качества жизни.

Анализ противозепилептической терапии свидетельствует, что 432 (79,1 %) больным проводится комплексное лечение с одновременным назначением нескольких противозепилептических препаратов (полипрагмазия), что в значительной степени ухудшает течение болезни и качество жизни больных эпилепсией. Вследствие нестабильного обеспечения эпилептологического кабинета базовыми противозепилептическими препаратами последнего поколения больным зачастую выдается препарат не первого выбора; резкая отмена препарата, как правило, приводит к учащению припадков или возникновению эпилептического статуса.

Выводы.

1. Для полного развернутого анализа качества жизни больных эпилепсией необходимо дальнейшее исследование с привлечением социальных работников, клинических психологов, педагогов.

2. Для улучшения качества жизни больных эпилепсией необходимо восстановление статуса лечебно-производственных мастерских и организация специализированных цехов в промышленных предприятиях.

3. Для улучшения качества жизни больных эпилепсией необходима организация эпилептологического центра в республике.

4. Целесообразно также создание благотворительного общественного фонда помощи больным эпилепсией на базе республиканской клинической психиатрической больницы.

188. Кудрявцева О. С.

Ижевск

ДИНАМИКА КОМОРБИДНОСТИ ТРЕВОГИ И ДЕПРЕССИИ У БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ ПАРАНОИДНОГО ТИПА ПРИ НЕЙРОМОДУЛЯТОРНОЙ ТЕРАПИИ

Шизофрения является инвалидизирующим заболеванием, которым во всем мире страдает около 1 % населения. Пожизненный риск составляет 0,5—1,5 %, при этом различия между представителями различных культур или групп населения популяций является незначительными. Предполагается, что женщины подвержены несколько меньшему риску заболевания, при этом они в меньшей степени подвергаются изоляции от общества в случае развития процессуального заболевания. У большинства больных шизофренией заболевание характеризуется хроническим течением с рецидивами психотических проявлений, когнитивными нарушениями, социальной изоляцией, высокими показателями заболеваемости и смертности, а также низким качеством жизни, на которое напрямую влияют коморбидные тревожно-депрессивные состояния.

Целью независимого исследования являлось изучение клинико-психологических особенностей коморбидной тревоги и депрессии у больных шизофренией параноидного типа, получающих стабильную дозу антипсихотических препаратов при двойном «слепом» плацебо-контролируемом исследовании эффективности и безопасности применения представителя нового класса нейромодуляторов — препарата Фенотропил в дозе 100 мг при лечении доминирующих в клинической картине апатобулического, астенического и адинамического синдромов.

Задачи научной работы включали:

1. Изучить статику и динамику депрессивных состояний у больных параноидной шизофренией при стандартной унифицированной терапии.

2. Изучить статику и динамику тревожных состояний у больных параноидной шизофренией при стандартной унифицированной терапии.

3. Изучить эффективность Фенотропила® в дозе 100 мг в сутки при лечении коморбидных тревожно-депрессивных синдромов у больных шизофренией параноидного типа.

Выявить особенности психомодулирующего действия Фенотропила на патопсихофизиологическое состояние больных.

Основными *инструментами* исследования являлись: «Базисная карта для клинко-эпидемиологических исследований», разработанная в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Положий Б.С., Чуркин А.А., 1996), модифицированная под задачи нашего исследования шкала Гамильтона по оценке депрессии (HAM-D) и шкала Гамильтона по оценке тревоги (HAM-A).

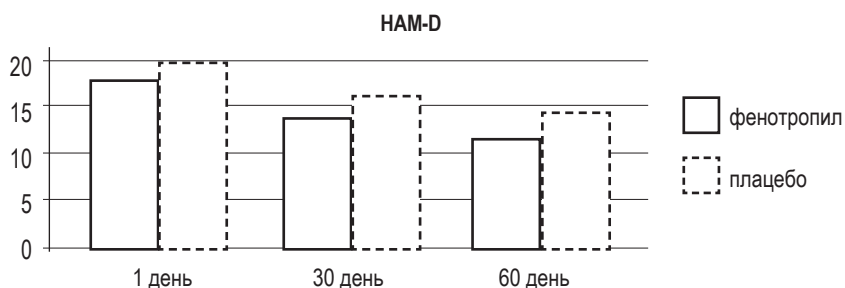
Дизайн научной работы: набрано 50 пациентов, длительность набора составляла 3 месяца. Все пациенты, включенные в конкурсную работу, были разделены на 2 группы:

- 25 человек, которые получали по 100 мг Фенотропила® в сутки в течение 60 дней;
- 25 человек, которые получали плацебо в течение 60 дней.

В качестве основных *методов исследования* применялись: клинко-психопатологический, клинко-динамический, психометрический, клинко-катамнестический, статистический.

Среди больных с изучаемыми психическими расстройствами преобладали мужчины — 73,30 %, женщины составляли соответственно 27,70 %. Значимых различий между полом и возрастом славянских и финно-угорских пациентов не выявлено.

Обращает на себя внимание равномерное снижение тяжести депрессивного состояния по шкале HAM-D в **обеих группах больных с 1-го по 60-й день терапии, причем у больных, принимавших Фенотропил, депрессивная симптоматика с 30-го по 60-й день продолжала редуцироваться быстрее в 1,66 раза.**

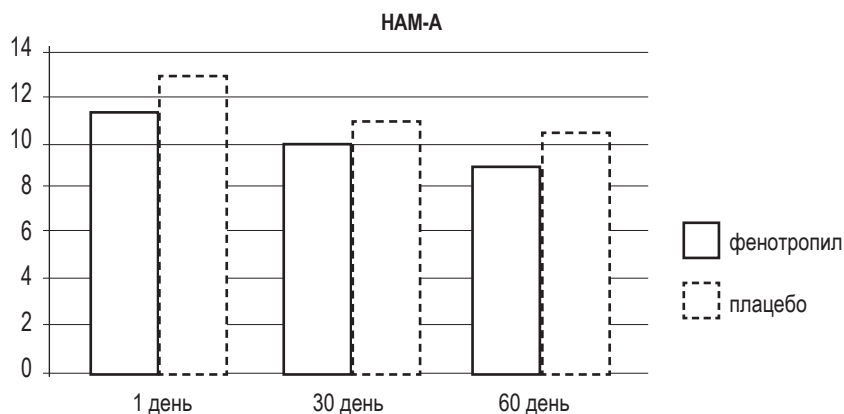
Рис. 1. Динамика рейтинга депрессивной симптоматики по шкале HAM-D в процессе терапии Фенотропилом и плацебо

Снижение среднего балла у больных, принимавших Фенотропил, за 60 дней составило 4,48 балла (25,01 % от исходного уровня), у больных контрольной группы — 4,54 балла (23,15 % от исходного уровня). Достоверных статистических различий между исследуемыми когортами больных не выявлено ($t = 0,77$, $p > 0,05$). Выявленный феномен позволяет сформулировать ряд научных *гипотез*: 1) наличие собственной умеренной антидепрессивной эффективности Фенотропила; 2) снижение доказанного депрессогенного влияния классических нейролептиков; 3) снижение клинической выраженности состояний астенического полюса за счет прямого рединамизирующего действия и опосредованного — антидепрессивного.

Определенные различия были выявлены при клиническом изучении анксиолитического эффекта Фенотропила. Отмечается равномерное снижение уровня тревоги по шкале HAM-A в **обеих группах больных с 1-го по 30-й день терапии, причем у больных, принимавших Фенотропил, тревожная симптоматика с 30-го по 60-й день продолжала редуцироваться быстрее более чем в 2,74 раза.**

Снижение среднего балла у больных, принимавших Фенотропил, за 60 дней составило 2,84 балла (24,44 % от исходного уровня), у больных контрольной группы — 2,54 балла (19,72 % от исходного уровня). Достоверных различий между исследуемыми когортами больных не выявлено ($t = 0,74$, $p > 0,05$).

Выявленный феномен позволяет сформулировать ряд научных *гипотез*: 1) наличие собственной умеренной анксиолитической эффективности Фенотропила; 2) повышение анксиолитической эффективности классических нейролептиков; 3) преодоление резистентности функционального состояния нервной системы у больных с исследуемыми «исходными» стационарными состояниями к анксиолитической активности больших нейролептиков.

Рис. 2. Динамика рейтинга тревожной симптоматики по шкале НАМ-А в процессе терапии Фенотропилом и плацебо

Таким образом, формулируем *выводы* исследования.

1. Наличие коморбидных тревожных и депрессивных состояний у больных шизофренией параноидного типа, с доминирующими в клинической картине апатоабулического, астенического и адинамического синдромов и получающих стабильную дозу антипсихотических препаратов, является клинически значимым.

2. При двойном «слепом» плацебо-контролируемом исследовании эффективности и безопасности применения нового представителя класса ноотропных препаратов — препарата Фенотропил в дозе 100 мг при патогенетическом лечении изучаемых патопсихологических состояний отмечается анксиолитическая и антидепрессивная активность, не достигающая, однако, зоны статистической достоверности.

3. Согласно позициям системного подхода теории интегральной индивидуальности, высшая нервная деятельность больных рассматривается как интегральное, системное образование, представленное компонентами уровней его становления. Изучение особенностей действия Фенотропила позволяет предположить наличие влияния на системообразующую и регулирующую функции, влияющих на приспособительные и адаптационные механизмы индивидуальных возможностей изучаемых болезненных состояний человека, посредством реализации компенсаторного механизма позволяющего видоизменить когнитивно-поведенческие, мотивационно-энергетические, эмоционально-динамические паттерны в процессе терапии и психокоррекции.

189. Захаров М. Г., Казакова П. Б.
Ижевск

АЛКОГОЛИЗМ И ПАРАНОЯЛЬНОСТЬ: ПЕРЕДАЮЩИЙСЯ ЧЕРЕЗ ПОКОЛЕНИЯ КОМОРБИДНЫЙ АСПЕКТ ДЕСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО

Из всех психоактивных веществ наиболее употребляемым во всем мире является алкоголь. Спиртосодержащая продукция распространяется на территории всех стран независимо от экономической обстановки,

культуральных особенностей, климатических условий и т. д. В России около 15 миллионов человек страдают хроническим алкоголизмом. Ежегодно в нашей стране по причинам, связанным с употреблением алкоголя, погибают около 400 000 человек. Около трети всех смертей связаны с употреблением алкоголя (Немцов А.В., 2003). 56 % всех краж, 80 % грабежей, более половины тяжких преступлений непосредственно связаны с употреблением алкоголя (Углов Ф.Г., 2003). Представленная статистика убедительно доказывает актуальность социальной проблемы коморбидного взаимодействия алкогольной зависимости и прогрессирующих паранойяльных черт личности, т. к. они непосредственно связаны с деструктивным поведением и количеством совершенных ООД.

В рамках данной статьи нас будет интересовать параноидный тип психопатии, характеризующийся в МКБ-10 такими паранойяльными чертами, как повышенная чувствительность к препятствиям и отказам; завышенная самооценка; подозрительность и общая тенденция к искажению нейтрального или дружеского отношения; раздражительность; стойкость аффектов.

Далее мы ограничимся краткой характеристикой проблемы коморбидности алкоголизма и психопатий в структуре личности, т. к. цель представленной статьи — раскрыть особенности взаимодействия данных отклонений в социальном дискурсе, показать исследуемую проблематику через психологию общества.

Алкоголизм довольно часто сочетается с другими психическими заболеваниями: психопатии, невроты, психозы, депрессии и др. Психопатические расстройства почти всегда формируются еще до начала алкоголизма. Другие расстройства зачастую возникают как коморбидное образование на фоне алкоголизма. У психопатических личностей алкоголизм отличается ранним началом, более глубокой социальной дезадаптацией, менее длительной ремиссией и частыми рецидивами, асоциальным поведением вплоть до криминальных действий и суицида и т. д. Психопатическая симптоматика под влиянием алкоголизма резко усиливается, и больные алкоголизмом создают острейшие социальные проблемы и большие терапевтические трудности, что приводит к лишению их родительских прав, к принудительному лечению и т. п. (Юдин Т.И., 1926).

Идею о том, что не следует резко разграничивать понятия индивидуальных и массовых феноменов, первым высказал З. Фрейд в своей монографии «Массовая психология и анализ человеческого «Я». Действительно, при детальном рассмотрении можно заметить, что история человечества насчитывает множество массовых и даже национальных примеров частных психических феноменов, а в некоторых случаях расстройств. Относительно одной лишь паранойи можно привести трагические примеры эпидемии идей фашизма в Германии, развившейся на почве поражения в Первой Мировой Войне, или идей национализма во времена работорговли. Отсюда логично предположить, что алкоголизм как психическое заболевание и психопатические расстройства уместно также рассматривать в массовом плане.

Психопатии: патологическое наследие следующему поколению. Здесь мы рассмотрим психопатию как первый конструкт коморбидной констелляции. Вопрос этиологии и наследственности психопатий до сих пор остается открытым. Несмотря на множественные попытки описания клиники психопатий, их структурирования, поисков объяснений генетической наследственности и т. д. (Ганнушкин П.Б., 1933; Личко А.Е., 1977; Смулевич А. Б., 1983; Kraepelin E., 1915; Schneider K., 1928; Kretschmer E., 1930), на сегодняшний день единственной общепринятой ссылкой в данном проблемном поле принято считать перечень расстройств личности в МКБ-10.

Однако в большинстве работ, посвященных проблематике психопатий, все же присутствует некоторая общая точка зрения касательно их происхождения. В генезе психопатий принято считаться с наследственным отягощением и различными моментами, обусловленными поражением зачатка (Кандинский В.Х., 1883; Morel V., 1875; Ганнушкин П.Б., 1933). В силу нашей тематики нас интересует лишь первый аспект — наследственность психопатий. Предложенные взгляды находят свое отражение в идеях о процессе вырождения (Morel V., 1875), неправильной организации нервной системы вследствие влияния наследственной отягощенности (Кандинский В.Х., 1883), проявлениях психической дегенерации (Krafft-Ebing R., 1890) и т. д.

Таким образом, несмотря на имеющиеся разногласия, в областях психиатрии и психологии к концу XX в. было сформулировано мнение о значимой роли наследственной отягощенности в случаях наличия психопатических расстройств.

Алкоголизм: пути передачи патологического влечения от родителей к детям. На сегодняшний день в научном мире существуют две базовые точки зрения касательно этиологии аддиктивных

расстройств, в частности, алкоголизма: генетическая предрасположенность и влияние окружающей среды.

Несомненно, генетический фактор в развитии алкоголизма играет немаловажную роль. В работах различных исследователей отмечаются такие доказательства генетической наследственности алкоголизма, как накопление алкоголизма в одних и тех же семьях, различные типы наследования у мужчин и женщин (Москаленко В.Д., 1988; Marchall E.J., 1990), наличие биологических показателей, отражающих индивидуальную предрасположенность к алкоголизму (Анохина И.П., 2000). В ходе некоторых исследований было установлено, что риск заболевания алкоголизмом у однояйцевых близнецов в 2 раза выше, чем у двуяйцевых (Hrubec Z., Omenn G., 1981; Kaprio J., 1987; Heath A., 1989). В дальнейшем было определено, что существует два типа алкоголизма: I тип развивается под влиянием как средового, так и генетического фактора, II тип не зависит от средовых влияний и полностью формируется путем генетической передачи.

Несмотря на то, что влияние генетического фактора не вызывает сомнений, наследование собственно алкоголизма даже на протяжении многих поколений не доказано. Из поколения в поколение передаются только особенности нервной системы и различного рода психические отклонения, неспецифически побуждающие к алкоголизму. Основное значение, по мнению многих научных деятелей в области психологии, имеет характер социальной среды и особенности воспитания (Выготский Л.С.; Шпет Г.Г.; Мясищев В.Н.; Осипова В.Н.). Противники идеи генетического фактора в развитии алкоголизма говорят о трансляции, передаче по наследству поведенческих стереотипов, способов отношения к жизни.

Так или иначе, представленный краткий обзор существующих исследований и теорий различных авторов отчетливо показывает, что алкогольная аддикция и психопатии имеют свойство передаваться по наследству как генетическим путем, так и через особенности социальной среды.

Алкоголизм и паранойяльность: пути разрушения социального. В заключение имеет смысл определить точки соприкосновения алкоголизма и параноидного типа психопатии (в частности паранойяльных черт личности). Итак, к общим чертам этих расстройств можно отнести: передача по наследству различными путями, выраженный деструктивный характер в социуме, низкая курябельность.

Предположим для наглядности, что множество психопатических личностей и людей с отягощенной наследственностью алкоголизма передадут свои признаки и симптомы следующему поколению, которое будет характеризоваться предрасположенностью к развитию алкоголизма на фоне психопатических расстройств. Потомки такого поколения с рождения будут нуждаться в постоянном наблюдении специалистов и четком представлении со стороны последних о наличии именно патологической констелляции, а не отдельно взятых феноменов алкоголизма либо психопатии.

Ссылаясь на высказанную нами ранее идею З. Фрейда о беспочвенности дифференцирования понятий индивидуальных и массовых психических феноменов и учитывая ситуацию развития на почве психопатической предрасположенности и заострения таких характеристик отдельного индивида в условиях прогрессиентности алкоголизма, как агрессивность, обидчивость, подозрительность, проявление суицидальных тенденций и т. д., можно предположить, что общество с национальной проблемой алкоголизма вполне может обладать схожими характеристиками.

Таким образом, алкоголизм и паранойяльность являются ведущим коморбидным аспектом деструкции социального с ярко выраженной ауто- и гетеродеструктивной окраской. Актуальность данной констелляции для социального мира измеряется количеством криминальных действий (гетероагрессия) и процентом суицида (аутоагрессия).

Практическая значимость представленной идеи заключается в четком разграничении непосредственно аддиктивного расстройства и психопатии в структуре патологии. Алкоголизм невозможно вылечить без четкого разграничения индивидуальных механизмов, ведущих к алкоголизации личности, и психопатической составляющей, представляющей отдельную область. Другими словами, диагностика при алкоголизме всегда должна быть направлена на дополнительное выявление психопатических черт. Психотерапия и психокоррекция аддиктивных расстройств должна осуществляться с условием разграничения собственно механизмов аддикции и черт, обусловленных наличием психопатии.

190. Туктаров П. В.

Ижевск

РОЛЬ НАРУШЕННЫХ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭТИОЛОГИИ КОМОРБИДНОСТИ ДЕПРЕССИИ ПРИ АЛКОГОЛИЗМЕ

Целью данной работы является изучение особенностей личностной детерминации депрессии у лиц с алкогольной зависимостью с учетом гендерных различий и степени выраженности депрессивности.

В результате изучения и анализа литературы обнаружено, что авторы обозначают проблемы алкоголизма как замену здорового полового акта фармакологическим, пищеварительным; связь алкоголизма с мастурбацией, так называемой первичной манией; наличие оральной зротики, оральной организации либидо зависимого человека; рассмотрение опьянения как бег от реальности; избегание напряжения, вызванного фрустрацией; рассмотрение алкоголя как репрезентанта матери и «восстановителя объектных отношений» и в связи с этим проективной и интроективной функции токсического вещества; рассмотрение алкоголизма как следствие «первичной депрессии» и (или) нарциссического невроза в условиях дефицита защищенности.

Было показано, что алкогольная зависимость имеет много общих этиологических корней с депрессией.

Несмотря на различия в подходах к обоснованию проблематики этиологических факторов депрессии, таких как рассмотрение депрессии с точки зрения «истории развития либидо» и рассмотрение депрессии как следствия неудовлетворенного сексуального желания (К. Абрахам), описание понятия «депрессивная установка» как аналога клинической картины депрессии (М. Кляйн), соотнесение состояний депрессии у детей и взрослых в контексте психологии Я (А. Фрейд, Р. Шниц), указание на нарциссическую сторону депрессии (Х. Кохут), следует указать, что решающую роль в возникновении депрессии играет переживание утраты, на что указал З. Фрейд.

Таким образом, делая попытку построения обобщенной модели этиологических аспектов депрессии у лиц с алкогольной зависимостью, следует указать на важную роль в развитии данных феноменов отношений с родительскими фигурами.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Республиканского наркологического диспансера г. Ижевска. В исследовании принимали участие 34 больных в возрасте от 18 лет с верифицированным диагнозом «алкогольная зависимость» с различным уровнем депрессивных состояний (21 мужчина и 13 женщин).

Выборка пациентов была поделена на четыре группы: 1. Мужчины, страдающие от алкогольной зависимости (n = 21). 2. Женщины, страдающие от алкогольной зависимости (n = 13). 3. Больные алкоголизмом с высоким уровнем депрессии (n = 24). 4. Больные алкоголизмом с низким уровнем депрессии (n = 10).

В ходе проведения исследования были получены следующие результаты. Данные методики «Кинетический рисунок семьи» в совокупности с результатами, полученными с помощью клинико-психологического интервью, позволили выделить восемь значимых для возникновения депрессии и алкоголизма симптомокомплексов в структуре личности пациентов: «Отсутствие адекватных и надежных эмоциональных связей в семье», «Переживания, связанные с объектом привязанности», «Проявления агрессии», «Проявления тревожности», «Проблемы сексуального характера», «Инфантильность», «Конфликт между идеаторной активностью и желаниями больного», «Слабая сформированность образа Я». Полученные симптомокомплексы подверглись корреляционному анализу с тестом восьми влечений Сонди. Результаты теста Сонди также обрабатывались с помощью корреляционного анализа с уровнем депрессии и тревожности, выявленными при помощи шкалы HADS, а также уровнем алкоголизации (статусами алкогольной зависимости).

Таким образом, по результатам проведенной работы можно сделать следующие выводы:

1. Возникновение состояний депрессии, вероятно, является неотъемлемым сопутствующим феноменом для субъекта, психологически предрасположенного к алкогольной зависимости. Зачастую эти два нарушения психической жизни человека являют собой коморбидные патологические взаимодополняющие друг друга феномены, связанные с дефектной структурой личностной организации.

2. Личностная детерминация депрессивных состояний у больных с алкогольной зависимостью, возможно, определяется первичными невротическими образованиями в структуре их личности, сформированными на ранних стадиях детско-родительских отношений и особенностями функционирования дефицитарного психического аппарата больных.

Для мужчин с алкогольной зависимостью характерно функционирование психического аппарата, определяемого регрессом к инфантильной сексуальности, нарушением адаптации к реальности и взаимодействия с окружающими в рамках инфантильных способов коммуникации. Утрата защищающего объекта (матери) приводит к дезадаптации к реальности и как следствие к фармакогенному возмещению, патологической интернализации объекта привязанности и осуществления с помощью него коммуникации с внешними объектами.

Депрессивные состояния женщин, страдающих алкоголизмом, в отличие от мужчин не имеют такой четкой временной локализации этиологических корней и возникают в процессе долговременной систематической фрустрации, приводя к «хроническому» течению депрессии. С затратами, необходимыми в защите от депрессии, психика больных экономически справляется путем инфантилизации личности и усиления демонстративности, что привлекает недостающее внимание значимых объектов, создает мнимую значимость собственной персоны и позволяет ощущать богатство эмоциональной жизни, тем самым избавляя от депрессии. Патологизирующим фактором в группе женщин является недостаток фрустрационной толерантности, недостаточность и ущербность эмоциональной сферы. Неспособность адекватно реагировать на фрустрационные элементы реальности возвращают пациента к «хронической» депрессии.

3. Специфика патологизации при разном уровне депрессивности больных алкоголизмом определяется степенью и особенностями дефектов в структуре их личности. Депрессивные тенденции в группе больных алкоголизмом с высоким уровнем депрессии обусловлены недостаточным функционированием эмоциональной сферы в связи с чрезмерным действием цензуры совести. Тенденции к патологизации состояния в выборке больных алкоголизмом с низким уровнем депрессии связаны с деформацией и деструктивной организацией личностных структур, дефектным образом Я, нарушающими установление здоровых объектных отношений.

4. Базовая психологическая функция алкогольного агента имеет свои особенности в каждой из рассматриваемых нами групп больных. Так, основной психологической функцией алкоголя в выборке мужчин больных алкоголизмом является снятие психического напряжения и осуществление коммуникации с внешними и внутренними объектами посредством сохранения с помощью алкогольного агента инфантильного функционирования психики больного. В выборке женщин токсическое вещество выполняет функцию защиты от напряжения, связанного с депрессией и слабой фрустрационной толерантностью, а также функцию возмещения связи с объектами привязанности.

В выборке больных алкогольной зависимостью с высоким уровнем депрессии алкоголь осуществляет функцию облегчения аффективной разрядки наряду с защитой от невротизации нарциссического типа. Для больных алкоголизмом с низким уровнем депрессии функцией алкоголя является защита от напряжения, возникающего на пути освоения связей с объектами реальности, «сглаживания» дефекта в функционировании психического аппарата.

191. Захаров М. Г.

Ижевск

СТАТИКА И ДИНАМИКА ПАРАНОЙЯЛЬНОСТИ У БОЛЬНЫХ С ПРОГРЕДИЕНТНОЙ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ В ПСИХОДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Существующие статистические данные (Немцов А.В., 2003; Углов Ф.Г., 2003) и выраженный деструктивный характер в социуме отчетливо характеризуют актуальность проблемы коморбидного

взаимодействия алкогольной зависимости и таких паранойяльных черт личности, как агрессивность, тревожность и подозрительность, на рямую связанных с аутогетеродеструктивным поведением и количеством совершенных ООД.

Психологические причины, пагубным образом влияющие на возникновение и развитие зависимости от алкоголя, разнообразны. Многочисленные научные публикации свидетельствуют о значительной роли личностной предрасположенности в этиопатогенезе зависимости от психоактивных веществ (ПАВ), в частности — от алкоголя (Гловер Э., 1932; Цац Т., 1958; Сэвитт Р., 1963; Личко А.Е., 1977; Иванец Н.Н., 1980; Пятницкая И.Н., 1994; Менделевич В.Д., 1998—2009). Преморбидные патохарактерологические девиации (препсихопатии) играют определяющую роль в динамике заболевания, обнаруживая связь с его нозологическим и клиническим оформлением.

В большинстве общепризнанных классификаций психопатических типов выделяется интересующий нас в рамках данной работы параноидный тип психопатии, при рассмотрении которого можно выделить смежные особенности личностного строя и отнести их к разряду черт, формирующих паранойяльность как феномен в структуре личности.

В связи с полученными результатами теоретического анализа рассматриваемой нами проблемы была сформулирована следующая «нулевая» гипотеза: с каждой последующей стадией алкогольной зависимости происходит все большее заострение паранойяльных свойств личности.

Эмпирическое исследование осуществлялось на базе Республиканского наркологического диспансера МЗ УР. Выборку для исследования составили 90 человек, страдающих алкогольной зависимостью. Общая выборка была дифференцирована на три группы в соответствии с установлением клинического диагноза и стадии алкогольной зависимости.

В работе были использованы следующие методы исследования: клинико-психопатологический, клинико-динамический, психометрический, клинико-катамнестический, статистический. Для оценки выраженности определенных черт личности был применен тест Кэттела. Для определения возможных затруднений в проявлениях некоторых влечений, косвенно или напрямую связанных с агрессивностью, использован тест восьми влечений Сонди.

В качестве математико-статистического метода использовалась компьютерная обработка (Statistica 6.0) полученных с помощью вышеперечисленных методик результатов и проведением корреляционного анализа по критерию Пирсона.

По результатам, полученным в ходе исследования, можно с уверенностью сказать, что первая стадия является недифференцируемой в смысле выделения паранойяльного аспекта преморбидного склада личности. К особенностям структуры паранойяльности можно отнести лишь наиболее высокую самооценку, равномерно снижающуюся с повышением стадии зависимости.

Выявленное нами наличие регресса защитных механизмов среди лиц первой группы подтверждается убежденностью Томаса Цаца (1958) в значимости контрфобического механизма в развитии патологической зависимости. Он предполагает, что, подвергая себя воздействию ПАВ, аддикт испытывает иллюзию силы своего Эго путем противостояния инстинктивному удовлетворению. В итоге мы наблюдаем наличие следующих аспектов паранойяльности, свойственных лицам с первой стадией алкогольной зависимости:

- 1) регресс защитных механизмов;
- 2) регресс объектных отношений к прегенитальным стадиям;
- 3) тенденции к подавлению и вытеснению агрессивных импульсов.

Совокупность данных характеристик у определенного индивида должна являться причиной для привлечения внимания к проблеме дальнейшего развития аддикции.

Среди лиц со второй стадией алкогольной зависимости наиболее отчетливо выделяется такая черта личности, как сензитивность.

Также аспектом паранойяльности, присущим исследуемым второй группы, можно определить перманентное состояние недифференцированного напряжения. Это определение подтверждается утверждением Ш. Радо (1933) о необходимости наличия у индивида напряженной депрессии для дальнейшего развития аддикции.

Таким образом, можно определить следующую динамику наиболее значимых аспектов паранойяльности по достижении индивидом второй стадии алкогольной зависимости:

- 1) резкое повышение сензитивности;

- 2) более отчетливое проявление состояния недифференцированного напряжения;
- 3) тенденции к подавлению и вытеснению агрессивных импульсов не претерпевают значительных изменений в динамике аддикции;
- 4) усиление вытеснения гомо-тенденций.

Определяющим фактором в динамике заболевания и критерием перехода на третью стадию алкогольной зависимости может являться такой аспект паранойяльности, как повышение подозрительности.

Одновременно происходит незначительное усиление агрессии. Невротическая защита и маниакальные защитные механизмы не справляются более с агрессией, пытающейся найти выход из бессознательного, и последняя получает разрядку в деструктивном поведении. Однако наряду с этим происходит более сильное подавление гомосексуальных влечений и запрет в целом на реализацию сексуальных тенденций.

Среди испытуемых с третьей стадией алкогольной зависимости наблюдается усиление страхов и общей тревожности. Усиливается состояние внутреннего напряжения. Индивид лишается защиты, «иллюзии воссозданной силы» посредством алкоголя, он сталкивается с полной силой со своими страхами и переживаниями (Szasz T., 1958).

Таким образом, на границе второй и третьей стадий алкогольной зависимости мы можем наблюдать следующую динамику паранойяльности:

- 1) резкое повышение подозрительности;
- 2) более выраженные агрессивные импульсы;
- 3) более сильное подавление гомосексуальных влечений и запрет в целом на реализацию сексуальных тенденций;
- 4) значительное усиление страхов.

На основании полученных данных можно выделить следующие общие тенденции, преобладающие среди испытуемых всех трех групп:

- с прогрессивностью алкоголизма происходит все большее подавление эротической потребности, возможно гомо-тенденций, наряду с усилением садо-мазохистических тенденций. У лиц с третьей стадией алкогольной зависимости усиливаются страхи перед сексуальной опасностью. Если Эго обладает достаточной энергией для вытеснения гомосексуального импульса, последний в дальнейшем может вернуться как вариант паранойи в форме патологической ревности либо в форме страха преследования;
- все исследуемые, независимо от принадлежности к определенной группе, обладают такими свойственными данным людям интрапсихическими качествами, как вытеснение противоположных тенденций, проникающих в сознание и наличие маниакальных защит. Данные качества не подвергаются значительным изменениям при условиях прогрессивности алкоголизма;
- все испытуемые склонны к тенденции к патологической привязанности к субъективно значимому объекту. Отказ от возможности быть самостоятельным и отделиться от матери или ее «заместителя» может являться общей чертой всех аддиктов, независимо от стадии их заболевания.

Таким образом, исследовательская гипотеза об усилении патологической паранойяльности у больных с прогрессирующей алкогольной зависимостью получила достоверное подтверждение. Выявлены закономерности патопластики структуры личности больных в зависимости от клинической стадии болезненного процесса, а также психодинамические механизмы динамики паранойяльности у данной когорты больных. Результаты работы позволяют выявить терапевтические «мишени» при оказании психологической и психотерапевтической помощи больным с прогрессирующим алкоголизмом, что подчеркивает практическую значимость проведенного исследования.

192. Пугач Н. В.

Ижевск

**КЛИНИКО-ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕЧЕНИЯ ШИЗОФРЕНИИ
У БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ ЛЕГКИХ**

Длительное время проблема выявления патогенетической связи между туберкулезом и шизофренией в большом количестве работ, посвященных роли туберкулеза в развитии психических заболеваний, занимала доминирующее положение.

Некоторые зарубежные и отечественные исследователи пытались найти в сосуществовании этих двух заболеваний какие-либо закономерности, в основном, конституционального характера. Ряд других авторов высказывал мнение о том, что оба заболевания — туберкулез (легких) и шизофрения — являются результатом врожденной конституциональной неполноценности. Так, Ханзе, изучивший большой материал психиатрической клиники за 1905—1923 гг., частое совпадение раннего слабоумия («*dementia praecox*») и туберкулеза объяснял только врожденными конституциональными факторами.

Наличие каузальной связи между туберкулезом и шизофренией отдельные авторы, посвятившие свои исследования этому вопросу, пытались обосновать статистическими данными. Например, Айхенвальд и Халецкий сообщают, что из 183 больных шизофренией, умерших в Одесской психиатрической больнице за ряд лет, туберкулез являлся непосредственной причиной смерти в 113 случаях (62 %), причем средняя продолжительность пребывания пациентов с шизофренией в психиатрической больнице была в среднем более шести лет. В то же время какую-либо связь между туберкулезом и шизофренией находят не все исследователи.

Исходя из вышесказанного, существующие в литературе высказывания о связи между туберкулезом легких и шизофренией можно разделить на три группы. Первая, в настоящее время почти не встречающая сторонников, объясняет причинную связь между туберкулезом и шизофренией только конституциональными свойствами организма. Другая группа авторов утверждает, что причина связи между туберкулезом и шизофренией кроется в выявлении туберкулезного вируса. Третьи в одновременном наличии туберкулеза и шизофрении видят закономерность типа «баланса» (Bagur H., 1957), когда улучшение одного заболевания влечет за собой обострение и ухудшение другого, и наоборот. В советской психиатрии сторонником этой концепции явился профессор Е.К. Краснушкин (1942).

Ряд авторов видел причину частого сочетания туберкулеза и шизофрении в экзогенных моментах, особо подчеркивая возможность развития туберкулеза при шизофрении в зависимости от клинического течения этой болезни. Исходя из этого, К.С. Dube, N. Kumar (1972) приходят к выводу, что шизофренический болезненный процесс подготавливает почву в организме пациентов для развития туберкулеза. Arnold (1967) считает несомненным наличие связи между туберкулезом и шизофренией, но полагает, что все предложенные до сих пор объяснения этой связи не выдерживают критики и сущность ее остается неясной.

По данным А.И. Бабич (1976), при оценке основных форм нервно-психических нарушений всех больных туберкулезом оказалось возможным разделить на 2 большие группы: с непсихотической психопатологией и с психотической психопатологической симптоматикой. Причем изучение психопатологической динамики у этих больных показало, что в более раннем периоде туберкулеза преобладают синдромы с непсихотическими нарушениями, в отдаленном же — с психотическими. По результатам исследований А.И. Бабич (1997), при анализе ранних непсихотических расстройств оказалось, что их основу составляют астении. Психотические нарушения на ранних этапах заболевания состояли, главным образом, из депрессивно-параноидных, галлюцинаторно-параноидных и эпилептиформных синдромов. Остальные встречались гораздо реже.

Характер относительно поздних психических расстройств при туберкулезе был несколько иным. Из числа непсихотических нарушений первое место также оставалось за астено-депрессивным синдромом, но его частота уменьшилась почти вдвое. Второе место занял диэнцефальный, третье — разделили астеноипохондрический и депрессивно-ипохондрический синдромы. Среди поздних психотических расстройств первое место занял психоорганический синдром, второе место — галлюцинаторно-параноидный, третье — парафренный синдромы. Психоорганические симптомокомплексы при туберкулезе органов дыхания зачастую являлись исходными психотическими состояниями, чаще всего в случаях

поздно выявленных или осложненных формах туберкулеза, и определялись как исходные состояния шизофрении.

Как отмечено рядом авторов, клиническим проявлениям и течению туберкулеза легких у больных с психическими расстройствами и зависимостью от тех или иных психоактивных веществ присущи в определенной степени общие черты. У таких больных нередко выявляются распространенные формы туберкулеза с деструкцией и бактериовыделением, преимущественно обильным, течение его оказывается зачастую прогрессирующим и при нем высока летальность (Ершов А.И., 1966; Рудой Н.М. и др., 1985, 1989; Массино С.В., 1953; Welty et al., 1985 и др.). К тому же присоединение туберкулеза к перечисленным заболеваниям зачастую осложняет их течение и терапевтические возможности, ухудшает прогноз (Чубаков Т.Ч., 1981; Михеева Л.П., 1986; Димитров Х., 1983, и др.).

Признавая значение гигиенического и патофизиологического факторов, некоторые исследователи допускают более тесные отношения между шизофренией и туберкулезом (Гиляровский В.А., 1921; Случевский И.Ф. и соавт., 1954; Викторов И.Т., 1963; Цукерман Г.Я., Колесов Ю.И., Антонов Э.М., 1978). Эти авторы признают туберкулез одним из многих предрасполагающих факторов в возникновении шизофрении. Что касается развития туберкулеза у больных шизофренией, то Н.А. Алиев (1985), не отрицая значения гигиенических и патофизиологических факторов, считает одной из патогенетических закономерностей частого возникновения туберкулеза нарушение функционирования дофаминергической нейромедиаторной системы, в результате чего снижается иммунологическая реактивность организма и создаются благоприятные условия для развития туберкулезной инфекции. Это обстоятельство еще более усугубляется длительным применением нейролептиков, которые, в свою очередь, также оказывают иммунодепрессивное действие на организм больного.

Приведенные литературные данные свидетельствуют о том, что проблема взаимоотношения туберкулеза и шизофрении остается далекой от разрешения. Одни исследователи придают большое значение туберкулезу и туберкулезной интоксикации в возникновении шизофрении, другие отрицают это. В то же время многолетний опыт показывает, что туберкулез был и остается одним из наиболее частых заболеваний и причиной смерти больных шизофренией. Поэтому различные аспекты, особенно клинические, взаимоотношения этих заболеваний представлялись весьма актуальными на протяжении многих лет. Результаты таких клинических наблюдений привели исследователей к далеко не однозначным выводам. Так, Н. Вагук (1964) утверждал, что присоединение туберкулеза к шизофрении освобождает ее от психотических проявлений, туберкулез же течет в этих случаях торпидно и благоприятно.

И.Т. Викторов (1963, 1985) установил, что улучшение психического состояния больных не сопровождалось ухудшением течения туберкулеза. Такой процесс он назвал «положительным психосоматическим параллелизмом». По его мнению, при одновременном лечении сочетанной патологии преобладает «балансирование» по типу соматического параллелизма, то есть наступает улучшение течения обоих заболеваний. Другие авторы (Берлин-Чертов С.В., 1948; Массино С.В., 1953; Алияров Р.А., 1965; Набатова Х., 1975; Мосин Н.И., 1979; Димитров Х., Алексиев А., 1968 и др.) считают, что присоединившийся туберкулез обостряет течение шизофрении и приводит к более быстрому развитию изменений личности.

Согласно наблюдениям Р.С. Галеева (1969), при присоединении туберкулеза легких клиническая картина шизофрении принимает атипичный характер. Возникают разнообразные галлюцинаторные расстройства, явления дереализации и деперсонализации, нарушения схемы тела, расстройства сознания, сноподобные переживания, онейроидные, делириозные, кратковременные гипоманиакальные состояния и псевдопаралитические картины. Некоторые исследователи, в частности, Р.Г. Алияров, Б.А. Пальян (1980) видят взаимодействие двух процессов в их своеобразном параллельном «хронифицировании» и стабилизации.

По наблюдениям некоторых исследователей (Bakhshi S.S., Ali S, 1995), течение шизофрении определяется характером туберкулезного процесса. При хронически протекающих формах туберкулеза, в основном, отмечается непрерывно прогрессивный или с кратковременными ремиссиями тип течения психоза. Малые же формы туберкулеза легких, протекающие с обострениями, придают психозу периодическое и сравнительно благоприятное течение (Галеев Р.С., 1969 и др.).

Как указывает И.Т. Викторов и соавт. (1985), в настоящее время в структуре клинических форм шизофрении при ее сочетании с туберкулезом значительно преобладает параноидный вариант заболевания. Несомненный интерес представляют также материалы различных авторов, характеризующие особенности клинических проявлений туберкулеза у больных шизофренией. При таком сочетании чаще

наблюдаются распространенные, далеко зашедшие формы специфического процесса с деструкцией легочной ткани (Массино С.В., 1953; Стрелетова Т.Н. и соавт., 1968; Софронович Р.А., 1976; Умняшкин А.А., 1989; Welty C. et al., 1985 и др.).

Представляют интерес наблюдения Р.Г. Алиярова и соавт. (1980), С.К. Сисенбаева (1982), согласно которым туберкулиновая чувствительность у больных шизофренией, страдающих туберкулезом, повышается при ремиссии шизофрении и значительно снижается (вплоть до анергии) при обострении психического заболевания.

В отличие от приведенных наблюдений, А.В. Придня (1975) отмечает отсутствие какой-либо зависимости течения туберкулеза от наличия или отсутствия у больных психических заболеваний, в том числе шизофрении. До недавнего времени наличие эффективных противотуберкулезных и психотропных препаратов позволило заметно увеличить удельный вес относительно малых форм туберкулеза с благоприятным течением, снизить частоту распространенных или осложненных форм и летальность среди определенной группы психически больных.

Шизофрения, являясь хроническим психическим расстройством, имеет определенные закономерности течения, которые можно представить как ряд клинических стадий продолжительного процесса. В то же время клиническая картина проявлений шизофрении, несмотря на «эндогенность» в основе ее патогенеза, зависит от целого ряда провоцирующих или сопутствующих моментов: психогении, злоупотребления психоактивными веществами, хронической соматической патологии, к которой может быть отнесен и туберкулез легких. Вышеперечисленные «наслоения» каждый по-своему могут накладывать отпечаток на клинические особенности и течение шизофренического процесса.

Таким образом, несмотря на многолетнее изучение двух основных социальных заболеваний — шизофрении и туберкулеза, остается до сих пор неясным вопрос об этиологических причинах коморбидного состояния, психосоматических соотношениях в конституции больных, роли социальных и психогенных факторов, что, безусловно, требует дальнейшего междисциплинарного исследования данной проблемы.

---

193. Пугач Н. В.

Ижевск

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЧЕТАНИЯ ШИЗОФРЕНИИ С ТУБЕРКУЛЕЗОМ ЛЕГКИХ

Шизофрения и туберкулез, а также их сочетание являются социально значимыми заболеваниями. Некоторые зарубежные исследователи, изучавшие проблему туберкулеза в сочетании с психическими заболеваниями, отмечали их особое течение (Arnold E. Address 1969, Bakhshi S.S., Ali S 1995, Baruk H., 1950). Эти работы относятся, в основном, к первой половине прошлого столетия. В отечественной литературе специальных исследований по данной проблеме в те годы не было, хотя некоторые авторы еще в прошлом веке отмечали у психически больных высокую частоту летальных исходов от туберкулеза (Корсаков С.С., 1901, Оршанский Н.Г., 1919, Сербский В.П., 1912, Бернштейн А.С., 1912, Рыбаков Ф.Е., 1917).

В начале XX века было отмечено, что в психиатрических лечебницах России на туберкулез приходится до 21 % общего числа летальных исходов (Игнатъев М.В., Топорков Н.Н., 1993). Значительно позднее зарубежные (Crow T.J., 1990, de Alarcon J., 1990, Dne D.J., 1992) и отечественные исследователи, осуществлявшие рентгенологическое обследование больных в психиатрических больницах, установили высокий удельный вес пораженных туберкулезом, он доходил до 7 %. С.В. Массино (1953) принадлежит первое в нашей стране капитальное, разностороннее исследование по проблеме туберкулеза у психически больных. Наряду с оценкой течения и исходов туберкулеза у таких больных, автор изучил пораженность этим заболеванием при различных нозологических формах психических болезней и смертность психически больных от туберкулеза, используя расчеты интенсивных показателей, что особенно важно для правильной характеристики ситуации. Им было установлено, что пораженность активной формой

туберкулеза пациентов, проходивших лечение в психиатрических больницах сравнительно недолго, была незначительной, тогда как при более длительном пребывании (в течение от 1,5—2 лет и более) она была почти в 3 раза выше, причем наиболее высокой среди больных шизофренией. Смертность от туберкулеза при длительном нахождении пациентов в психиатрических больницах почти в 4 раза превышала аналогичные показатели в общей популяции населения.

По данным С.А. Добшанского (1973), причиной смерти больных в психиатрических больницах почти в 8 % случаев являлся туберкулез легких.

Представляет большой интерес показатель выявляемости больных туберкулезом среди контингента психиатрических больниц, полученный при использовании флюорографического метода, как основного в плане диагностики этого заболевания. По данным З.Г. Суфьяровой (1982), в 1975 г. в Советском Союзе при флюорографическом осмотре 68,2 % психически больных показатель выявляемости туберкулеза составил 5,1 на 1000, и уже в 1979 г. при охвате значительно большего числа больных (до 90,2 %) этот показатель оказался намного ниже — 3,6, что косвенно свидетельствует о некотором снижении интенсивности заражения туберкулезом, связанном с изоляцией части пациентов с тяжелыми формами туберкулеза после предыдущего обследования (Kuha S 1973). По мнению А.Г. Наку (1958), шизофренический процесс возникает чаще при длительном течении туберкулеза (от шести месяцев до девяти лет) вслед за обострением туберкулезной инфекции.

В литературе имеются данные по изучению удельного веса пациентов с психическими заболеваниями среди больных активным туберкулезом: он составил до 5,1 % (Придня А.В., 1975). В то же время установить эту величину, по мнению А.И. Бабич (1976), не представляется возможным, поскольку авторами приводятся выборочные показатели только по материалам психиатрических больниц. По данным автора, среди пациентов психиатрических больниц активным туберкулезом страдало до 12,7 % больных, у 4,7 % имелись остаточные туберкулезные изменения.

По мнению многих исследователей (Rubel A.J., Garro L. 1992, Tanaka M., 1990), психически больные, особенно страдающие шизофренией (Trimble M.R., 1986), отличаются повышенной склонностью к заболеванию туберкулезом. Среди причин этого обычно называют сниженную иммунологическую реактивность организма в результате нарушения деятельности коры головного мозга, обусловленного длительным течением психического расстройства; неполноценное питание или отказ от пищи; нарушение в связи с болезнью гигиенических навыков и требований; отстранение от социального общения и трудовой деятельности, т.е. пассивный образ жизни (Берлин-Чертков С.В., 1948; Массино С.В., 1953; Стрепетова Т.Н., Турупанова Н.Р., Харчева К.А., 1968; Галлеев П.С., 1969, Melzer E., 1933, Laversin P., 1955. Uchino H 1991).

Как указывают Н.М. Рудой, Т.Ч. Чубаков (1996), было проведено сравнительное изучение эпидемиологической ситуации по туберкулезу среди больных, страдающих психическими заболеваниями в г. Москве и в г. Бишкеке. В ходе исследования было обнаружено, что из общего числа больных туберкулезом 4,3 % страдали одновременно психическим заболеванием. Независимо от пола наиболее часто среди контингента больных туберкулезом легких отмечались больные шизофренией, последствиями черепно-мозговых травм и эпилепсией. Наличие у больных сопутствующей туберкулезу психической патологии, по мнению этих авторов, на практике нередко ведет к затруднению лечения специфического процесса, обычно их признают клинически излеченными несколько позже, чем психически здоровых, и дольше других пациентов наблюдают на диспансерном учете, что требует дополнительных материальных затрат системы здравоохранения.

По данным ряда отечественных исследователей, распространенность психических расстройств среди больных с вновь выявленным туберкулезом органов дыхания составила около 3,6 %, среди них удельный вес больных шизофренией составил 0,9 % (Овезов С.О., 1990, Фишер Ю.Я. с соавт., 1994, Умняшкин А.А., 1989 и др.).

Так, Ю.Я. Фишер, А.В. Баевский, И.В. Федорова (1996), С. Welty, S. Bupstin, Muspratt (1985) указывали, что высокий риск заболевания туберкулезом наблюдается среди психически больных, главным образом, страдающих тяжелой непрерывной формой шизофрении. По мнению исследователей, интерес представляет тот факт, что в подавляющем большинстве случаев туберкулез легких присоединяется к шизофрении. В связи с этим раннее обнаружение туберкулеза легких у пациентов, состоящих на учете в психоневрологических диспансерах, важно не только с терапевтических, но и с эпидемиологических позиций, поскольку несвоевременное выявление заболевания может явиться источником распространения туберкулеза.

Как указывает большинство исследователей (Dassor A.M., Miller A.L., Saldana O, 1995), своевременному выявлению туберкулеза у психически больных препятствуют стертая клиническая картина его проявлений и трудности в проведении профилактических рентгенофлюорографических исследований. В таких условиях оправдан поиск нелучевых методов ранней диагностики туберкулеза (Суфиярова С.Г., 1982, Кольхалов В.А, 1985, Новрузов М.А., Алиев Н.Д., 1986, Овезов С.О., Атаджанов Б.А., 1990, Рудой Н.М., Чубаков Т.Ч., 1996 и др.).

По мнению О.Б. Нечаева, В.А. Аренского, Н.В. Эйсмонта (1998), неблагоприятные изменения эпидемической обстановки при любом инфекционном заболевании прежде всего и в наибольшей степени проявляются в так называемых группах риска. При туберкулезе одной из таких важных групп являются психически больные. В какой-то мере рост регистрируемой заболеваемости связан с целенаправленным активным выявлением больных туберкулезом в психиатрических больницах и интернатах. В 1996 г. в Свердловской области среди впервые выявленных больных туберкулезом 4,6 % составили лица с различными психическими заболеваниями. При этом наиболее высокий уровень заболеваемости и смертности от туберкулеза отмечен среди контингента обеспечиваемых психоневрологических интернатов. К сожалению, туберкулез у проживающих в ПНИ часто выявляется несвоевременно, при возникновении групповых заболеваний и вспышек, как правило, поздно, при наличии далеко зашедших и распространенных форм, нередко приводящих к летальному исходу, в отдельных случаях смерть наступает еще до начала специфической противотуберкулезной терапии в условиях стационара.

В конце XX века общее количество больных туберкулезом в мире вновь стало резко увеличиваться. По данным ряда авторов, рост инфицированных и заболевших туберкулезом составил до 60—90 % (Welty C., Burstin S., Muspratt et al., 1985). Главная причина новой волны туберкулезной инфекции связана с появлением штаммов микобактерий, устойчивых к большинству известных противотуберкулезных препаратов (т. н. полирезистентных микобактерий).

В России, помимо этого, на развитие неблагоприятной эпидемиологической ситуации с туберкулезом повлияли локальные конфликты, миграции больших групп населения (отсутствие закона об обязательных профилактических осмотрах прибывающих в ту или иную территорию), политические и социально-экономические потрясения «эпохи перемен»: значительное сокращение финансирования на проведение профилактических мероприятий, увеличение количества неорганизованного населения, появление предприятий с негосударственными формами (преобладанием частной) собственности, в которых не требуется регулярного прохождения сотрудниками профилактических медицинских осмотров (Рудой Н.М, Чубаков Т.Ч., 1996, Томас Д., 2002).

В условиях значительных общественно-экономических и медико-социальных преобразований в стране одним из самых социально незащищенных слоев населения оказались больные с психическими расстройствами, в том числе шизофренией. Среди них значительно увеличилось число вновь заболевших туберкулезом и количество рецидивов у ранее стойко излеченных пациентов, стали преобладать диссеминированные и инфильтративные формы туберкулеза легких, участились случаи казеозной пневмонии, деструктивных процессов, наиболее проблемных в эпидемиологическом плане.

Учитывая сложившиеся в последние годы социально-экономические условия в России и подходы к уровню финансирования здравоохранения, анализ настоящей ситуации с заболеваемостью туберкулезной инфекцией среди контингента пациентов, страдающих шизофренией, приводит к весьма неутешительным предположениям:

- 1) в ближайшее десятилетие возможно значительное увеличение количества больных туберкулезом легких среди пациентов с шизофренией;
- 2) возможная летальность в этой группе больных, состоящих на учете в ПНД, до 40—50 % случаев будет связана с туберкулезом.

Эти предположения и цифры указывают на наличие на сегодняшний день актуальной проблемы общенационального масштаба, охватывающей сразу несколько направлений системы здравоохранения: фтизиатрию, эпидемиологию и психиатрическую помощь населению, решение которой зависит от совместной и согласованной работы медицинских профилированных учреждений и различных ведомств при поддержке государства.

194. Золотова Н. В., Стрельцов В. В.

Москва

**ЗНАЧЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ И СИТУАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ
В ПАТОГЕНЕЗЕ ТУБЕРКУЛЕЗА ОРГАНОВ ДЫХАНИЯ У ПОДРОСТКОВ**

Многочисленные исследования последних лет убедительно демонстрируют патогенное влияние современных социальных условий на состояние психического и соматического здоровья человека. С конца XX века туберкулез в России начал рассматриваться как отличающийся от основных классов соматических заболеваний и тесно связанный с показателями социально-экономического состояния, стереотипами поведения населения. Однако социально-психологические факторы этиологии и патогенеза данного заболевания, представляющие большую научно-практическую значимость для разработки системы медико-психологической реабилитации и профилактики во фтизиатрии, остаются недостаточно изученными.

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, заболевание человека следует рассматривать в системе «личность — организм — среда», в которой отражается теснейшая связь не только между физиологическими, психосоциальными стрессогенными факторами, но и субъективным переживанием индивидом стресса. По имеющимся в литературе данным, развитию туберкулеза способствует снижение общей резистентности организма, причиной которого может являться стресс, понимаемый в широком смысле как многообразные некомпенсированные психогенные перенапряжения, приводящие к нарушению адаптационных механизмов. Особую актуальность имеет изучение психологических факторов риска развития туберкулеза у детей и подростков, находящихся в критическом периоде психофизиологического развития и наиболее уязвимых к заболеванию.

Целью данного исследования являлось изучение интенсивности воздействия внешних стрессогенных факторов и некоторых особенностей личностного реагирования у подростков, больных туберкулезом органов дыхания. Основную группу исследования составили 82 подростка 13—16 лет стационара ЦНИИТ РАМН (51 % девочек и 49 % мальчиков) с различными формами заболевания. Контрольная группа состояла из 80 соматически здоровых подростков (56 % девочек и 44 % мальчиков), учащихся средней общеобразовательной школы г. Москвы.

Исследование особенностей личностного реагирования подростков и интенсивности воздействия внешних стрессорирующих факторов проводилось по следующим методикам: личностный опросник Р. Кеттелла, методика «Несуществующее животное», Торонтская алекситимическая шкала, Шкала стресса Холмса-Рэя, Hand-test, «Самооценка».

В ходе сравнительного анализа личностных характеристик, поведенческих тенденций у больных туберкулезом подростков по сравнению с соматически здоровыми сверстниками были выявлены более выраженная сензитивность, мягкосердечность, зависимость от других, потребность в поддержке (фактор «Суровость-Чувствительность» опросника Р. Кеттелла, $p < 0,05$), более высокая совестливость и социальная нормативность поведения (фактор «Совестливость»; $p < 0,01$), а также более выраженная потребность в эмоциональном тепле (методика «Несуществующее животное»; $p < 0,05$). Выявленное в ходе анализа данных различие по категории «Агрессивность» между подростками ОГ и КГ носит неоднозначный характер. Так, уровень осознаваемой агрессии среди больных подростков достоверно ниже по сравнению с соматически здоровыми (методика «Несуществующее животное»; $p < 0,05$), уровень неосознаваемой агрессии — выше (методика «Hand-тест»; $p < 0,01$). Сочетание более низких по сравнению с КГ показателей осознаваемой агрессивности, более высоких показателей неосознаваемой агрессивности при наличии социальной нормативности поведения может свидетельствовать о существовании у подростков ОГ внутреннего напряжения, а также тенденции к блокированию открытого агрессивного поведения как социально неприемлемого.

Сравнительное изучение субъективных представлений о качествах собственной личности показало, что больные туберкулезом органов дыхания подростки достоверно чаще, по сравнению с соматически здоровыми, оценивают себя как честных ($p < 0,05$) и обидчивых ($p < 0,01$). В меньшей мере подростки ОГ отмечают у себя наличие следующих качеств: эгоистичный ($p < 0,01$), организованный, непослушный, самостоятельный ($p < 0,05$).

Проведенный сравнительный анализ интенсивности воздействия внешних стрессорирующих факторов в жизни подростков позволил выявить существенно более высокий (в 1,9 раза) по сравнению

с контрольной группой уровень стрессовой нагрузки, которую испытывали подростки ОГ в течение трех лет жизни до заболевания (ОГ — 570 баллов; КГ — 293 балла; $p < 0,001$). Сравнительный анализ распределения полученных значений показал достоверное преобладание в КГ незначительного и средне-выраженного стресса (ОГ — у 44,5 % подростков, КГ — у 78,5 % подростков; $p < 0,01$). В группе больных туберкулезом подростков за последние три года достоверно преобладало стрессорирующее действие сильной степени, способное оказывать повреждающее влияние на организм, повышать вероятность развития заболевания ($p < 0,01$).

Полученные результаты имеют особенно важное значение при учете выявленного у подростков ОГ наличия более высокого уровня алекситимии по сравнению с соматически здоровыми ($p < 0,01$). В ходе изучения распределения полученных значений установлено, что в группе соматически здоровых испытуемых преобладает отсутствие и слабая выраженность алекситимии ($p < 0,01$), в группе больных туберкулезом преобладает наличие выраженного алекситимического радикала и алекситимии ($p < 0,01$). Алекситимия рассматривается как определенная совокупность признаков, предрасполагающая индивида к специфическим психосоматическим заболеваниям. Следовательно, представители ОГ имели большую степень готовности ответить на имевшееся интенсивное стрессогенное действие развитием заболевания.

Заключение. Подростки, больные туберкулезом органов дыхания, отличаются от соматически здоровых сверстников наличием личностных (алекситимический радикал личности, сензитивность, подавление агрессивных тенденций, социальная нормативность) и ситуационных факторов (высокий уровень стрессовой нагрузки), предрасполагающих индивида к специфическим психосоматическим заболеваниям. Выявленные особенности в совокупности оказывают влияние на формирование фонового эмоционального перенапряжения и могут рассматриваться как значимое звено психогенеза заболевания. Для помощи детям и подросткам, больным туберкулезом органов дыхания, необходима разработка системы реабилитации, сочетающей медикаментозную терапию с психокоррекционными мероприятиями, направленными на формирование навыков саморегуляции и повышение психологической устойчивости личности, расширение поведенческих диапазонов у данных пациентов.

---

195. Золотова Н. В., Стрельцов В. В., Сиресина Н. Н.
Москва

ОЦЕНКА ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ ЛЕГКИХ

В рамках холистического подхода к проблеме здоровья и развития болезни необходимо глубокое изучение системы биологических и психосоциальных взаимосвязей в клинической оценке больного, что позволит разработать адекватные направления реабилитации и профилактики заболевания.

Особую значимость проблема медико-психолого-социальных исследований приобретает во фтизиатрии. В современной литературе все шире признается, что существенным фактором полноценного выздоровления является психологический статус пациента, оказывающий непосредственное влияние как на функциональные возможности организма, течение заболевания, так и на уровень адаптации, достигаемый пациентом. В связи с этим важнейшей практической задачей в терапевтической и реабилитационной тактике врача является динамическая оценка психопатологического статуса пациентов.

Для определения уровня актуального неблагополучия в психической сфере человека широко используется клиническая шкала самоотчета Symptom Check List (SCL-90-R). Данная шкала относится к числу стандартизированных в международной практике методик, обладает высокой диагностической чувствительностью и позволяет посредством построения индивидуальных профилей текущего состояния определить психопатологический статус обследуемого. В отечественных исследованиях доказана валидность методики к признакам развития неблагоприятных психических состояний, установлены фиксированные нормы для различных групп испытуемых.

На базе стационара ЦНИИТ РАМН обследовано 63 больных различными формами туберкулеза легких (76 % женщин и 24 % мужчин, средний возраст $30 \pm 8,7$ лет). Среди обследованных с впервые выявленным процессом — 37 %, с давностью заболевания от 2 до 4 лет — 38 %, с давностью заболевания 5 и более лет — 25 % пациентов.

В ходе сравнительного анализа результатов исследования у фтизиатрических пациентов выявлено достоверно значимое превышение нормативных значений по шкалам: «Соматизация», «Обсессивность-компульсивность», «Депрессия», «Тревожность», «Фобические расстройства», «Психотизм» ($p < 0,001$). В соответствии с полученными данными, для психопатологического статуса больных туберкулезом легких характерны утрата стойкого интереса и мотивации к жизни, снижение энергетического потенциала и жизненного тонуса, снижение психологической устойчивости в виде дисфорических расстройств, а также повышенный дискомфорт, связанный с восприятием телесных дисфункций. Больные отличаются обостренным переживанием беспрестанных навязчивых мыслей и побуждений, повышенным уровнем тревожности, выражающейся нервозностью, дрожью, приступами паники с утратой чувства контроля над ситуацией, а также склонностью к неадекватному преувеличению лично значимых фактов и ситуаций, вызывающих опасения. Нарушение межличностного взаимодействия, обусловленное тенденцией к отчужденности и изоляции, сопровождается шизоидностью в мышлении и суждениях у таких пациентов.

Указанные нарушения психологического статуса свойственны как впервые выявленным больным, так и длительно лечащимся пациентам, а также и мужчинам, и женщинам.

Сравнительный анализ особенностей психического состояния пациентов с различными формами туберкулезного процесса относительно нормативных значений также обнаружил картину расстройств, идентичную описанной выше. При этом у больных с фиброзно-кавернозным туберкулезом установлено достоверное превышение нормативных значений по шкале «Агрессивность и враждебность» ($p < 0,05$). Полученные данные свидетельствуют о том, что пациентам, страдающим наиболее тяжелой — фиброзно-кавернозной — формой заболевания, в большей степени характерны мысли, чувства и действия, отражающие негативное аффективное состояние агрессии по отношению к окружающему миру, которое проявляется как раздражительность, гнев, злоба и негодование. Кроме того, данные пациенты, в отличие от больных с инфильтративной формой заболевания, более склонны переживать наплывы непреодолимых мыслей, побуждений и действий в рамках синдрома навязчивых состояний.

В группе женщин, больных туберкулезом легких, получены статистически достоверные различия по сравнению с нормой по шкале «Неуверенность в социальных контактах» ($p < 0,05$), свидетельствующие о том, что болеющие туберкулезом легких женщины отличаются склонностью к самоуничижению, острому переживанию чувства неполноценности и дискомфорта при взаимодействии с другими людьми вследствие ожидания негативных результатов общения и резкой критики в свой адрес.

Основным суммарным показателем по методике SCL-90-R является индекс общей тяжести состояния, позволяющий оценить текущее состояние в целом. В ходе исследования установлено, что величина этого параметра в группе больных туберкулезом легких превышает нормативные значения в 2 раза ($p < 0,001$) и не имеет значимых различий между выборками пациентов с различной давностью заболевания. По индексу наличного симптоматического дистресса, обобщающему информацию о количестве симптомов и интенсивности ощущаемого дистресса, показатели больных туберкулезом легких с различной давностью заболевания также достоверно значимо отличаются от нормы ($p < 0,001$).

Таким образом, полученные в ходе исследования психопатологического статуса больных туберкулезом легких данные отражают наличие нарушений психического состояния у всех обследованных пациентов вне зависимости от пола, формы течения патологического процесса и давности заболевания, которое проявляется невротическими расстройствами широкого спектра и сохраняет относительную стабильность на фоне длительного лечения. Выявленная в исследовании близость и устойчивость характеристик психического состояния фтизиатрических пациентов, свидетельствующая об их выраженной психосоциальной дезадаптации, может способствовать более глубокому анализу этиологических факторов и патогенетических механизмов нарушения здоровья при инфекционных заболеваниях.

196. Сиресина Н. Н.

Москва

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАГЛЯДНОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ ТУБЕРКУЛЕЗЕ ЛЕГКИХ

Ухудшение эпидемической ситуации по туберкулезу легких среди российского населения особенно актуализирует проблему изучения ресурсов человеческого организма в условиях социального стресса. Одним из способов решения проблемы нам представляется внедрение новых подходов к диагностике заболевания, в частности, нейропсихологических методов исследования. В свете представлений А.Р. Лурия о социокультурной детерминации высших психических функций применение во фтизиатрии нейропсихологических подходов к пониманию коркового церебрального обеспечения в адаптационной системе «организм-среда» способствует новому осмыслению роли нервной системы в патогенезе заболевания с позиций превентивных мер и здоровьесбережения.

Цель данного исследования заключалась в изучении особенностей наглядной интеллектуальной деятельности у больных туберкулезом легких, вычленении факторов, лежащих в основе их нарушений, и выявлении связи с корковыми структурами мозга.

Исследование проводилось на базе ЦНИИТ РАМН с участием 83 больных туберкулезом легких, которые составили основную группу (ОГ): мужчины — 44,6 %, женщины — 55,4 %, средний возраст — $28,3 \pm 8$. Впервые выявленных больных (ВВ) и больных с хроническим течением (ХР) в группах было равное количество. В контрольную группу (КГ) вошли психически и соматически здоровые лица: 58 человек — 57 % женщин и 43 % мужчин, средний возраст — 34 ± 12 .

Изучение наглядного мышления проводилось с применением методики на понимание сюжетных картин («Прорубь», «Разбитое окно», «Неравный брак», «Не взяли на рыбалку») и пробы «Разрезанные картинки». Статистическая обработка данных проводилась с применением критерия Фишера.

Сравнительный анализ мыслительной деятельности испытуемых основной и контрольной групп выявил следующие особенности. Понимание истинного содержания сюжетных картин было доступно и соответствовало нормальному протеканию интеллектуального акта 63 % больных туберкулезом легких (в КГ — 81 %; $p < 0,05$). При этом уровень предварительного анализа был снижен у 61 % испытуемых ОГ (в КГ — 13 %; $p < 0,01$). Около 37 % больных людей оказались неспособными выделить в процессе ориентировочной деятельности существенные признаки и синтезировать их в смысловую структуру, в результате чего поверхностное и фрагментарное восприятие элементов картины привело их к импульсивному и искаженному умозаключению о ее содержании. Эмоционально выразительные элементы картины нередко констатировались больными без связи с происходящим, без личностного отношения к ним, либо оказывались вне их внимания. В 6 % случаев коррекция экспериментатора не приводила к успеху. Умозаключения подавляющего большинства испытуемых делались без сомнений в их правильности, без переживания за результаты, без мотива к сотрудничеству с экспериментатором. У незначительной части больных испытуемых (12 %) проявлялись элементы инертности, которые отсутствовали у здоровых людей ($p < 0,01$). При попытке испытуемых дать картине соответствующее смыслу название у 47 % обследуемых ОГ обнаружилось проявления снижения обобщения при том, что для 26 % из них сюжет и смысл были доступны осмыслению (в КГ — 15 %; $p < 0,01$).

При сравнении экспериментальных групп обращало на себя внимание различие в характере повествования больных и здоровых людей. Изложение рассказа по сюжетной картине больными туберкулезом легких в 70 % случаев характеризовалось сверхлаконичностью, связанной с трудностями планомерного развертывания сюжета, в основе которых лежали, прежде всего, нарушения мотивационной стороны возникновения сообщения, а также сложности формирования программы высказывания. Рядом с этим имели место такие речевые дефекты, как лексическое обеднение, упрощение синтаксической структуры предложений и нарушения синтагматических отношений. В отличие от испытуемых ОГ рассказ здоровых людей отличался самостоятельным развертыванием сюжета, связанностью повествования, богатством лексической и синтаксической составляющей речи, разнообразием эмоциональной окраски ($p < 0,01$).

При решении такой наглядно-конструктивной задачи, как составление картинок из деталей («Разрезанные картинки») все испытуемые были достаточно активны, критичны и восприимчивы к обучению. Вместе с тем, выполнение задания больными туберкулезом легких в 40 % случаев начиналось с

импульсивных действий (в КГ — 33%). Недостаточность ориентировочной стадии проявлялась в том, что 72 % обследуемых ОГ не проводили полноценного предварительного ознакомления с материалом, подвергая части единого рисунка анализу по цветовому признаку, по расположению и форме отдельных элементов рисунка, характеру разрезной линии. Их аналитическая деятельность характеризовалась поверхностной и фрагментарной стратегией, где глубокий, детальный анализ часто подменялся беспорядочным «примериванием» деталей по методу проб и ошибок или бездумными действиями, что свидетельствовало об отсутствии у половины больных обследуемых стадии составления программы (достоверно чаще у больных группы ХР, $p < 0,01$). У 31,6 % испытуемых ОГ обнаружилась недостаточность функции контроля, все они принадлежали к группе больных с хроническим течением заболевания.

При сравнении групп ВВ и ХР выявились существенные различия, касающиеся прежде всего продолжительности выполнения задания: больные с хроническим течением заболевания в два раза дольше справлялись с задачей (среднее время сложения картинки из 5—7 деталей в группе ХР — $t = 4$ мин.), чем впервые выявленные и чаще нуждались в помощи экспериментатора. Действия их отличались медлительностью, некоторым снижением поисковой активности и элементами дезорганизации. Они чаще, чем обследуемые ВВ испытывали трудности концентрации внимания и выделения опорных элементов рисунка.

Несмотря на более высокий уровень частоты встречаемости дисфункциональных проявлений в группе ВВ, чем в КГ, общий тип выполнения пробы впервые выявленными больными приближался к мыслительной деятельности здоровых людей, характеризуясь подвижностью психических процессов, негрубой степенью интеллектуальных нарушений, большей степенью сохранности мотивационной сферы.

Таким образом, проделанный анализ со всей очевидностью демонстрирует наличие снижения уровня наглядной интеллектуальной деятельности у больных туберкулезом легких по сравнению со здоровыми людьми. Несмотря на то, что и для здоровых лиц выполнение интеллектуальных проб вызывало немалые трудности, выявленные у них нарушения не отличались грубостью дефекта и не несли системного характера, наблюдаемых в группе больных.

Ведущими факторами нарушения мыслительной деятельности у больных туберкулезом легких выступили прежде всего факторы нарушения предварительного анализа, планирования и контроля, указывающие на доминирование в системе выявленных интеллектуальных нарушений префронтальной лобной патологии. Нарушая структуру интеллектуального акта, выступивший дефект лег в основу нарушения процесса понимания смысла сюжетных картин, базирующегося на способности вычленять существенные смысловые центры и осуществлять на их основе анализ и синтез внутренних причинно-следственных связей. Как свойственно больным с лобным синдромом, туберкулезные больные достоверно чаще, чем здоровые лица, поддавались импульсивной реакции и строили смысловые умозаключения на основе поверхностного, фрагментарного восприятия, иногда соскальзывая на случайные ассоциации и приходя к неправильным выводам. При этом нарушение механизма «акцептора действия» не позволяло больным осуществлять постоянный контроль над производимыми операциями и, своевременно корректируя ошибочные действия, достигать ожидаемого конечного результата.

Выявляемые в ОГ проявления медлительности, трудности переключения свидетельствовали о действии фактора инертности и захвате патологическим процессом задне-лобных участков мозговой коры. Неспецифические нарушения произвольного внимания, встречающиеся при выполнении как интеллектуальных, так и гностических операций, а также депрессивно-безразличный эмоциональный фон большинства больных туберкулезом легких, нарушение мотивационной сферы говорят о распространении патологического процесса на медиальные участки коры.

При выполнении проб на понимание сюжетных картин у больных туберкулезом легких были выявлены снижение мотивационной стороны возникновения сообщения (речевой инициативы), упрощение, а нередко и отсутствие плана высказывания, обеднение речи, ее несвязность или связанность отдельных фрагментов, что свидетельствует о прагматической (регулирующей) дисфункции речи, механизмы которой лежат в нарушении динамики планомерно организованного произвольного акта. Рассматриваемые речевые нарушения, относящиеся к вторичным расстройствам, возникающие вследствие поражения лобных отделов коры, подчеркивают системный характер нарушений регуляции произвольной психической деятельности больных туберкулезом легких.

Кроме нарушений воспринимающей деятельности, на снижение наглядно-интеллектуального уровня у обследуемых ОГ оказывало влияние и нарушение гностической стороны мыслительного процесса, связанное с поражением теменно-затылочных корковых структур. Действие таких факторов, как пространственный и, в особенности, симультанный синтез, ограничивали возможности выделения существенных признаков наглядных объектов, их пространственных соотношений и интегрирования разобщенных фрагментов в единую целостную структуру.

Как видно из проведенного анализа, в патологическом процессе, затрагивающем интеллектуальную сферу психической деятельности больных туберкулезом легких, задействованы как лево-, так и правополушарные структуры мозговой коры. Причем специфика лобной симптоматики говорит больше за левосторонние поражения префронтальной и отчасти медиальной коры, а особенности теменно-затылочных расстройств указывают на патологическую заинтересованность обоих полушарий.

Полученная на основе результатов исследования оценка функционального состояния корковых церебральных систем может способствовать проведению нейрокоррекционных мероприятий по восстановлению патологически измененных корковых звеньев, повышению эффективности лечебного процесса и оптимизации взаимодействия больных в системе «человек и мир».

197. Ковалев Ю. В., Степанова И. Р.

Ижевск

АСТЕНИЗАЦИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Астения (греч. *ασθένια* — бессилие, слабость) — психопатологическое состояние, характеризующееся слабостью, повышенной утомляемостью, эмоциональной лабильностью, гиперестезией, нарушениями сна.

Астения входит в клиническую картину различных нервно-психических и соматических симптомокомплексов и нозологических форм. В той или иной степени астения — постоянный признак почти любого заболевания (самый распространенный симптомокомплекс в клинической медицине). У практически здоровых людей в состоянии утомления и переутомления встречается переходящая, временная слабость, исчезающая после отдыха и восстановления сил. Подобного рода состояние непатологично (относится к доболезненным расстройствам), поэтому его правильнее называть не астенией, а «астенизацией».

Целью исследования явилось количественная и качественная оценка астенизации у практически здоровых людей трудоспособного возраста.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 286 медицинских работников Завьяловского района (59 врачей и 227 средних медработников) в возрасте от 18 до 55 лет, которым было предложено оценить свое самочувствие с помощью субъективной шкалы оценки астении (МРІ-20). Данная шкала содержит 5 подпунктов, позволяющих более точно дифференцировать состояние (общая астения, физическая астения, пониженная активность, снижение мотивации, психическая астения). Для обработки результатов был применен статистический метод (t-критерий Стьюдента).

Результаты

В процессе исследования были получены следующие данные. Более половины (55,6 %) медицинских работников (159 чел.) обнаруживают признаки общей астении, причем среди врачей этот показатель невысок (2,1 %), а у средних медработников достигает 61,3 % в центральной районной больнице и 78,5 % на периферии (участковые больницы, врачебные амбулатории и фельдшерско-акушерские пункты).

Высокие показатели физической астении выявлены у 40,9 % медработников района (117 чел.); среди врачей физическая астения выявлена у 42,9 %, а среди средних медработников — у 44,4 % (50 % в ЦРБ и 28,6 % на периферии).

Признаки психической астении обнаруживаются у 34 % медработников (97 чел.), при этом у врачей психическая астения наблюдается лишь в 1,7 % случаев, а у среднего медперсонала — в 33,3 % (27,8 % в ЦРБ и 42,9 % на периферии).

Пониженная активность выявляется у 52,3 % медработников (149 чел.): среди врачей — у 43 %, среди среднего медперсонала — у 55,6 % (41,7 % — в ЦРБ и 57,1 % на периферии).

Снижение мотивации обнаруживают 18,8 % медработников района (54 чел.): врачи — 0,7 %, средний медперсонал — 16,7 % (38,9 % в ЦРБ и 7,14 % на периферии).

Выводы

1) большинство медицинских работников района имеет астенизацию различной степени выраженности;

2) астенизация достоверно чаще (в 2,4 раза; $p < 0,01$) наблюдается у средних медицинских работников, нежели у врачей; причем у медицинских сестер и фельдшеров, работающих на периферии, достоверно чаще ($p < 0,01$), чем у той же категории медперсонала в ЦРБ;

3) медицинские работники ЦРБ по сравнению с медперсоналом с периферии обнаруживают значительно более высокие показатели физической астении и снижения мотивации (в 1,7 раза; $p < 0,01$);

4) психическая астения и пониженная активность достоверно чаще (в 1,5 раза; $p < 0,01$) наблюдаются у медицинских работников на периферии, чем в ЦРБ.

Полученные результаты и выводы являются предварительными и требуют проведения дальнейшего, более глубокого исследования (зависимость от пола, возраста, образования, перенесенных заболеваний и т. п.) с целью установления возможных причин столь широкого распространения астении среди медицинских работников района и выработки соответствующих рекомендаций. Однако даже предварительные результаты позволяют констатировать острую необходимость в проведении определенных профилактических мероприятий.

РАЗДЕЛ 12

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

---

198. Маджуга А. Г., Ларина М. В.

Стерлитамак

ПСИХОБИОЭНЕРГОИНФОРМАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ СОСТОЯНИЕМ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Анализ научной и специальной литературы по проблеме исследования показывает, что существующие подходы к определению здоровья чрезвычайно многообразны, что указывает, во-первых, на значительное внимание к этому феномену, во-вторых, на сложность и разнородность признаков, используемых в определении этого понятия. Эти подходы базируются на работах Д. Локка, Г. Спенсера, К. Бернара, У. Кэннона, А.Ф. Лазурского, С.С. Корсакова, Н.И. Пирогова, В.А. Ананьева, В.В. Колбанова, Л.М. Митиной, Г.С. Никифорова, В.П. Петленко, Л.Г. Татарниковой и др.

В процессе онтогенеза меняются все физические, психические, социальные характеристики индивида, а значит и здоровье является величиной переменной. Поскольку индивид каждый раз ставит перед собой все новые и новые цели, которые не всегда реализуются, то говорить о полном благополучии, а значит и о полном здоровье не представляется возможным.

Полного здоровья с точки зрения его предметной ценности не существует. Однако с позиций отдельной личности, способов и критериев оценивания своего здоровья можно говорить о здоровье как о полном благополучии. Это субъектная ценность, присвоение которой является условием благополучия в любой области жизнедеятельности.

Значительный акцент на представление здоровья как благополучия сделали К. Байер и Л. Шейнберг. В смысл здоровья авторы включают такие формы поведения, которые позволяют улучшать жизнь, делать ее более благополучной и достигать высокой степени самореализации. Благополучие в жизни создается гармоническим сочетанием социального, физического, интеллектуального, карьерного, эмоционального и духовного элементов.

Таким образом, здоровье как предметная и субъектная ценность биполярно по отношению к личности, и она либо индифферентна к здоровью, либо присваивает его как ценность, создавая благополучие в своей внутренней и внешней аксиосфере.

Применительно к нашей работе отношение к здоровью предполагает связь между двумя переменными системы: личность — здоровье. Это связь, в которой один компонент служит предпосылкой другого, а изменение связи приводит к изменению отношений, то есть она коррелятивна. Однако, как считает С.С. Корсаков, «чем более гармонично соединены все существенные свойства, составляющие личность, тем она более устойчива, уравновешена и способна противодействовать влияниям, стремящимся нарушить ее целостность» (Корсаков С.С., 1901). Мы используем это представление С.С. Корсакова для понимания того, что от личностных качеств и свойств человека, от его выбора будет зависеть устойчивость отношений личности и, в том числе, ее отношений со здоровьем.

Раскрывая сущность понятия «отношение» в психологии, В.Н. Мясищев указывал на то, что «сложнейшие и наиболее динамические отношения человека к окружающему миру выражаются в его психической деятельности» и отношение является одной из форм отражения человеком окружающей его

действительности. Отношение «возникает там, где есть субъект и объект отношения». В нашем случае — отношение, связь между личностью и ее здоровьем («отношение к здоровью»). К отношениям В.Н. Мясищев относит понятие «потребности» потому, что конституирующими компонентами отношения являются: «субъект, испытывающий потребность, объект потребности, своеобразная связь между субъектом и объектом, имеющая определенную функциональную нейродинамическую структуру, проявляющаяся в переживании тяготения к объекту и в активной устремленности к овладению им» (Мясищев В.Н., 1998).

Г.С. Никифоров трактует отношение к здоровью как «систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующими или, напротив, угрожающими здоровью людей, а также определенную оценку индивидом своего физического и психического состояния» (Никифоров Г.С., 2000).

Виды отношений по А.А. Бодалеву бывают: активно-положительное, активно-отрицательное, пассивно-положительное, пассивно-отрицательное, противоречиво-неопределенное, безразличное и другое. Содержательная часть отношений соответствует общечеловеческим ценностям, целям, в достижении которых будет продвигаться личность.

Отношение «личность-здоровье», на наш взгляд, может оцениваться по этой классификации. Пассивно-положительное отношение к здоровью означает переживание, суждение, мнение относительно факторов, влияющих на различные компоненты здоровья, но отношение к здоровью в этом случае представлено на вербальном уровне и, чаще всего, декларировано.

Ценности личности можно понять лишь в ее деятельности. Отношение к здоровью, проявляющееся в активных действиях и поступках, направленных на укрепление здоровья, т.е. активно-положительное, определяется как ценностное отношение к здоровью.

Ценностное отношение — это внутренняя позиция личности в ситуации свободного выбора, отражающая взаимосвязь личностных и общественных значений. Если социум относится к здоровью как ценности, то и в личности отражается его значимость в виде потребности, представляющей интерес или цель во взаимосвязи с пользой и благом.

Ценностное отношение характеризуется стремлением личности, ее активностью в достижении целей, в частности, в укреплении здоровья. Совершенствуются одновременно не только здоровье индивида, но и его личностные качества. Чем выше уровень духовного развития личности, тем в большей степени она руководствуется в своем поведении внутренними регулятивами сознания, дающими понимание себя как части мироздания, своего предназначения, ответственности за свое здоровье и благополучие других.

Таким образом, ценностное отношение к здоровью понимается не как самоцель, здоровье ради здоровья, а как ответственность личности за свое здоровье, свои поступки в отношении здоровья, за здоровье своих близких и всех живущих. Оно предполагает следование такому типу поведения, которое является самосохранительным, здоровьесберегающим и адекватно здоровому образу жизни. Рассмотренные составляющие аксиологического ряда являются характеристиками зрелой личности, неуклонно продвигающейся к своему «акме», так как только зрелая личность способна развить в себе ценностное отношение к здоровью.

Принимая во внимание характеристику отдельных компонентов целостного здоровья, нам представляется возможным дать авторское определение этой феноменологической научной категории.

Под здоровьем в контексте предлагаемой нами концепции мы понимаем динамическую характеристику онтологически независимых реальностей (телесности, сознания, личности, воли, внутреннего человека), состояние которых определяется степенью выраженности биоэнергоинформационного контроля не только важнейших систем жизнеобеспечения целостного организма, но и тех программ оздоровления, на основе которых каждый человек осознанно формирует здоровьесберегающие стратегии поведения и деятельности, учитывающие его психосоматическую организацию и базовые компоненты энергии самости, посредством которой возможна актуализация адаптационного ресурсного потенциала личности в аспекте целостного здоровья.

В нашем понимании *энергия самости* рассматривается как главная детерминанта личностной самоактуализации и конструктивного решения проблем, сопряженных с состоянием здоровья и другими жизненно важными потребностями, имеющими для человека непреходящую ценность.

Под адаптационным ресурсным потенциалом мы понимаем специфические потенции человека, проявляющиеся в формировании установок на здоровьетворящую деятельность и обеспечивающие

актуализацию энергии самости в контексте позитивного самоотношения к своему здоровью и здоровью других людей.

Здоровьесотворяющую деятельность мы определяем как специфическую форму активности человека, направленную не только на сохранение, формирование и укрепление наличного потенциала здоровья, а прежде всего связанную с актуализацией ресурсного потенциала личности в отношении своего здоровья и проектированием индивидуальных валеологических программ жизни и деятельности, обеспечивающих приращение целостного здоровья в единстве всех его компонентов.

В своих исследованиях мы базируемся на соединительнотканной теории А.А. Алексеева и ее ключевой идее, сущность которой состоит в следующем: соединительнотканное жизнеобеспечение организма человека определяет разнообразные формы человеческой адаптивности и является базовой основой биоэнергоинформационных взаимоотношений, а человек — это энергетический реактор, в котором энергию производит каждая клетка; совершенствование телесного невозможно без совершенствования духовного (Алексеев А.А., 2005).

В этой связи сущность предлагаемой нами *психобиоэнергоинформационной концепции здоровья* можно представить в следующих постулатах:

1. В качестве интегрального показателя, характеризующего целостное здоровье в единстве всех его компонентов, выступает *адаптационный ресурсный потенциал* человека. Адаптационный ресурсный потенциал человека в отличие от адаптационного (приспособительного) содержит и потенцию *энергии самости*.

2. Формирование представлений о целостном здоровье связано с проектированием семи валеоакмеологических пространств.

Охарактеризовать отношение к здоровью, на наш взгляд, можно в следующих *валеоакмеологических пространствах*:

- *Ценностно-мотивационное пространство* — определяет место здоровья в индивидуальной иерархии ценностей человека, особенности мотивации здорового образа жизни.
- *Рефлексивно-оценочное пространство* — характеризует особенности осознания и оценки субъектом своих внутренних психических актов и состояний, связанных со здоровьем. Включает способность: отражать, оценивать свое состояние, обращать сознание внутрь себя, размышлять над своим физическим и психическим состоянием.
- *Эмоционально-чувственное пространство* — отражает эмоции и чувства человека, связанные с состоянием его здоровья, а также особенности эмоционального состояния, обусловленные ухудшением физического или психического самочувствия человека.
- *Когнитивное пространство* — отражает особенности познавательных процессов личности относительно своего состояния здоровья.
- *Поведенческое пространство* — характеризует особенности проявления действенного начала по отношению человека к своему здоровью, освоение им здоровьесберегающих технологий и создание здоровьесберегающего образовательного пространства
- *Этнофункциональное пространство* — характеризует целостное здоровье человека с позиции этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков, наличие которых определяет либо этнофункциональную рассогласованность, либо этнофункциональную согласованность в деятельности важнейших систем жизнеобеспечения и личностных проявлений, связанных с конкретными этнически предопределенными убеждениями в отношении болезни и здоровья, а также форм его сбережения.
- *Энергоинформационное пространство* — характеризует целостное здоровье человека с позиций выраженности энергии самости и биоэнергоинформационного контроля деятельности ведущих адаптивных систем организма в контексте концептуальных положений соединительнотканной теории (Алексеев А.А., 2005), вибрационной медицины (Гербер Р., 2008) и эндозоологической медицины (Левин Ю.М., 2001). Результатом проектирования названного пространства можно считать формирование индивидуальных метапрограмм здоровья и умений управлять состоянием здоровья на основе представлений о биоэнергоинформационном контроле за морфофункциональным состоянием соединительной ткани с учетом знания своих темпераментальных свойств и степенью выраженности энергии самости на уровнях телесности, сознания, личности, воли и внутреннего человека. На уровне данного

пространства возможно применение различных индивидуализированных диагностических критериев и телепортация здоровьесберегающей информации, в которой будут учтены особенности психосоматической и биоэнергоинформационной организации человека.

3. Здоровье мы рассматриваем как динамическую характеристику онтологически независимых реальностей (реальности телесности, реальности сознания, реальности личности, реальности воли и внутреннего человека), которые являются иерархиями целостного здоровья и основой для формирования здоровьесберегающих стратегий жизни и деятельности.

4. При проектировании индивидуальных валеологических программ поведения и деятельности будут учитываться терминальные и инструментальные ценности человека, доктрина здоровья, которой он руководствуется в своей жизни в зависимости от расово - этнической принадлежности, а также возможность телепортации лечебной информации (носящей здоровьесберегающий характер) через формирование специфических метапрограмм здоровья, а в последующем создание ментальных карт здоровья, которые позволят рассматривать аспекты целостного здоровья в пяти реальностях (реальности телесности, реальности сознания, реальности личности, реальности воли и внутреннего человека) и описать особенности формирования в данных реальностях базовых компонентов валеологической установки, а также осуществить отбор действенных средств для совершенствования состояния здоровья на каждом из этих уровней.

Наша концепция здоровья названа психобиоэнергоинформационной, так как в ней интегрированы представления о здоровье на общепсихологическом, нейрофизиологическом, возрастнопсихологическом, соматическом, а также на уровне, который учитывает характер сформированности *ядра самости* у человека в определенные возрастные периоды и связан с возможностью коррегировать и управлять состоянием своего здоровья на основе знания психосоматической организации своего организма и степени выраженности биоэнергоинформационного контроля в нем.

В процессе реализации указанных постулатов предполагается овладение ключевыми валеопсихологическими компетенциями, которые обеспечат правильное сохранение, формирование и укрепление здоровья, а также будут способствовать не только сохранению наличного потенциала здоровья, но и актуализации ресурсного потенциала личности в аспекте целостного здоровья, то есть его приращению.

В качестве главного механизма в реализации названной концепции будет выступать формирование у человека во всех сферах его жизнедеятельности установок на здоровьесберегающую деятельность, то есть стратегии жизни и деятельности будут связаны с различными формами валеологического мышления и валеологического поведения.

199. Чистов В. В.

Алматы, Казахстан

ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ В ТРУДАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Проблема психологического здоровья личности всегда являлась одной из значимых не только для медицины, но и в сфере наук о человеке, в том числе философии, педагогики и психологии. Воспитание здорового подрастающего поколения всегда было важнейшей социально-психологической проблемой, стоящей перед обществом.

Ещё в эпоху средневековья передовые мыслители Средней Азии уделяли значительное внимание проблеме здоровьесбережения, определяя факторы, детерминирующие нарушение здоровья, и определяя наиболее эффективные пути его сохранения и укрепления.

Уже в IX в. в Средней Азии особую популярность получили народные сказания об известном целителе Коркуте-ата (тюрка по происхождению), которого называли шаманом-баксы и причисляли к святым, ибо его психологические установки на протяжении веков, передаваясь из уст в уста, помогали

в избавлении от различных недугов, что основывалось на психотерапевтическом внушении и верой в целительную силу деда Коркута [5].

По мнению казахского этнографа Ч. Валиханова, «Коркут нашёл бессмертие в служении человечеству созданным им искусством» [6]. В своих одиноких терзаниях он выдолбил из дерева «ширгай» — первый кобыз, натянул на него струны и заиграл, вложив всю свою душу в мелодии и чудесные звуки. Его струны зазвучали на весь мир, дошли до людей, захватили и пленили их. С тех пор мелодии Коркута и созданный им кобыз пошли странствовать по земле, а имя Коркута осталось бессмертным в струнах кобыза и в сердцах людей. Некоторые исследователи склонны видеть в Коркуте реальное историческое лицо, жившее в период VI—VIII вв. Согласно преданиям и легендам, у Коркута-ата получали благословение все баксы, и люди слушали стоя его игру на кобызе, ибо он реально «обладал магическими способностями воздействия на людей и природу, умел предвидеть будущее, знал тайны оборотничества и колдовской силы» [7].

В основополагающем труде иранского врача ар-Рази (865—925) «Духовная медицина» подчёркивается, что вопрос о чувствах наслаждения и страдания, зависти, гнева, эгоизма, лжи, скупости, страхе смерти, обжорстве и пьянстве является главным феноменом субъектизации личности при изучении душевных переживаний, нарушающих здоровье. По его мнению, изыскание путей и средств избавления от различного рода дисгармоний является важнейшей задачей врача-учёного. В этой связи он указывал, что «наслаждение есть не что иное, как освобождение от страдания», что предполагало своего рода психотерапевтический подход, который был впервые обоснован ученым как сублимация страданий посредством наслаждения, которое должно быть умеренным, а чувства в получении удовольствия не должны быть самоцелью. Учёный отмечал, что в состоянии страсти люди не видят себя, ибо под воздействием сильных и продолжительных эмоциональных состояний у них притупляется мышление. Он впервые разработал систему психотерапевтического воздействия, помогающую человеку подготовить свою душу к переживанию трудностей. Отмечая, что у людей с аддикцией, то есть «пристрастившихся к утехам женщинами, винопитием и слушанием музыки, в мирские заботы проникает порок» [4], ар-Рази указывал, что вследствие этого люди вынуждены идти на использование самых различных уловок и ухищрений, и, обманывая душу, подвергать её смертельным опасностям, что нарушает не только здоровье, но и адекватность взаимоотношений с окружающими.

В трактатах наиболее видного ученого-энциклопедиста аль-Фараби (870—950), которого называли на Востоке Вторым учителем после Аристотеля, представлено довольно стройное учение о здоровье и путях его сохранения. В своих трактатах аль-Фараби впервые сделал достаточно подробный анализ проявлений девиантного поведения, которое мыслитель связывал с аффективными состояниями человека, нарушающими здоровье. На основе анализа аффектов души учёный заключил, что они могут возникать тогда, когда главенствует воображающая сила, способная затмевать разум, возбуждая до такой степени, что человек теряет контроль над своими поступками. Когда действия, аффекты души и здравомыслие противоположны, несчастье постигает человека. Истоки данного явления кроются, по мнению аль-Фараби, прежде всего в несовершенстве гражданской политики и являются результатом дурного проявления нрава в «невежественных городах», которые порождают неадекватные действия и нарушают здоровье в целом, что является следствием дисбаланса при удовлетворении потребностей и отсутствием у людей чувства меры. Так, по мнению аль-Фараби, «уклон от меры — это избыток, либо недостаток», а все «действия, уклоняющиеся от меры в ту или иную сторону, способствуют получению или сохранению плохих нравов» [3, С. 14—15], обуславливающих нестабильность в обществе и создающие неблагоприятные предпосылки для здорового образа жизни. Когда отрицательные привычки укореняются и формируется характер, то чем дальше, тем труднее исцелить его от дурного нрава и помочь сохранить здоровье. Однако аль-Фараби допускал, что проявление девиантного поведения также «может быть связано с недугом или хронической болезнью ума», либо быть связано с погрешностями воспитания разумной части души, отсутствием наставления её на путь, который предохранит от ошибок и заблуждений, ведущих к нарушению здоровья.

В «Большом трактате о музыке», учёным были заложены основы научного обоснования психотерапевтического влияния музыки на душевные состояния человека. Мыслитель впервые научно определил и обосновал силу музыки как важнейшего средства, влияющего на чувственную сферу человека. Он пришел к убедительному выводу о том, что благодаря музыке, страсти и аффекты души могут усиливаться,

либо успокаиваться; музыка полезна человеку всегда, ибо она делает его совершеннее, нормализуя его душевные состояния, снижая, при необходимости, уровень душевных переживаний, приводя к умеренности и состоянию душевного равновесия, которое необходимо человеку в достижении здоровья и подлинного счастья. В практическом плане особый интерес представляет учение аль-Фараби о трех видах музыки. Музыка первого рода вызывает просто удовольствие, она повышает настроение и является хорошим профилактическим средством от различных недугов; музыка второго рода, более глубокая по содержанию, связанная со стихами, она разжигает страсти и активизирует жизнедеятельность организма через эмоциональную сферу. Музыка третьего рода возбуждает наше воображение, усиливает впечатление от стихов; она связана со всеми душевными силами, благодаря чему «полученное впечатление надолго сохраняется в душе, избавляет от усталости и скуки» [2, С. 337]. Подобная музыка способна производить гипнотический эффект и заставлять слушателей повиноваться воле исполнителя, переключаться в другой мир, навеваемый мелодией и ритмом. Это заложило основы практической музыкотерапии, т.е. целенаправленного использования музыки в лечебных целях. **Главный вывод** ученого состоит в том, что наука о звуках «полезна в том смысле, что она умеряет нравы тех, которые потеряли равновесие, делает совершеннее тех, которые еще не достигли совершенства, и сохраняет равновесие тех, которые находятся в состоянии равновесия» [1, С. 95]. Аль-Фараби сделал убедительное заключение о том, что «исцеление тела совершается таким образом, что исцеляется душа, и ее силы умеряются и приспособляются к ее субстанции благодаря звукам музыки, производящим такое действие» [Там же, С. 95]. Идея ученого о необходимости достижения умеренности является доминирующей в обосновании поддержания организмом всех физиологических и душевных функций, а для этого необходимо здоровое тело, способное давать адекватный отклик на всё происходящее, ибо «если заболевает тело, то чахнет и душа» [Там же].

В наследии видного врача Востока Абу Али Ибн Сины (980—1037) причины нарушения здоровья усматриваются в неполноценности образа жизни, обуславливаемого, в какой-то мере, такими социальными пороками общества, как винопитие. Он указал на то, что лишь иногда «вино — наш друг, но в нем живёт коварство; пьешь много — яд, немного пьешь — лекарство». [10, С. 27]. Он сопоставлял: «Вино, что огонь, и земные печали уносит оно, как Живая вода» [Там же, С. 35]. Для сохранения здоровья учёный рекомендовал физические упражнения, внимательное и осмотрительное отношение к дружбе, которая может быть мнимой, а также к чрезмерному употреблению вина, которое «портит натуру печени и мозга, ослабляет нервы, вызывает их заболевания» [8, С. 313, 335] и, следовательно, порождает различные проявления девиантности. Он предупреждал: «В вине не ищи забвенья, не доводи себя до опьянения, коль своему здоровью ты не враг; пить крепкое вино вдвойне опасно, оно здоровье губит ежечасно», однако «вино из фиников не повредит, вселяет бодрость духа то вино, хворь изгоняет, особенно, когда тебе дано любое многолетнее вино, оно должно душистым, светлым быть» [9, С. 83].

Обобщая наследие мыслителей средневековья, мы пополняем арсенал техник и психотерапевтических технологий. В частности в настоящее время широко используется музыкотерапия, нормализующая душевные состояния человека. Психотерапевтические установки помогают формировать доминирующую мотивацию: желание измениться, найти пути, наиболее отвечающие эффективному саморазвитию и самосовершенствованию личности, живущей в нестабильном, изменяющемся мире, в сложных стрессогенных и порой экстремальных социо-экологических условиях.

Литература

1. Аль-Фараби. О происхождении наук // Естественнаучные трактаты. — А., 1987.
2. Аль-Фараби. Трактат о музыке // Избранные трактаты. — А.: Наука, 1994.
3. Аль-Фараби. Указание пути к счастью // Социально-этические трактаты — А., 1975.
4. Ар-Рази. Духовная медицина. — Душанбе: Ирфон, 1990.
5. Бартольд В.В. Книга моего деда Коркута // Культура мусульманства. — Т. 6. — М., 1966.
6. Валиханов Ч. Собр. соч. в 5 т. — Т. 4. — А., 1968.
7. Жимуринский В.М. Огузский героический эпос. — М.: Книга Коркута, 1962.
8. Ибн Сина. Канон врачебной науки. — В 5 кн. — Кн. 1. — Ташкент, 1981.
9. Ибн Сина. Об употреблении вина. Поэма о медицине // Избранное. — Ташкент, 1981.
10. Ибн Сина. Рубаи // Избранное. — Ташкент, 1981.

200. Морозов А. В., Смирнова О. Н.

Арзамас

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В современном мире происходит процесс активного переосмысления системы глобальных приоритетов и ценностей в области психического здоровья человечества. На первый план сегодня выходят такие факторы, как личность пациента, его мировоззренческие позиции и установки, религиозные предпочтения, социокультурные особенности его бытия и уровень социальной адаптации. Целью терапии лиц с психическими и поведенческими расстройствами является не только купирование психопатологической симптоматики, но и улучшение качества жизни пациента в новой реальности.

Произошли кардинальные изменения в структуре и распространенности психических и поведенческих расстройств в мире. В большинстве развитых стран уже в последней четверти XX века около 5—7 % населения страдало психотическими, а 15—23 % — пограничными психическими расстройствами. При этом количество неврозов и других пограничных расстройств возросло почти в 60 раз.

Характерен тот факт, что первичная заболеваемость непсихотическими психическими расстройствами достаточно резко увеличивалась в критические периоды истории государства. Так, в России с 1991 по 1996 гг. интенсивный показатель заболеваемости неврозами вырос на 33,6 %. Аналогичная картина наблюдается и сейчас.

За этот же период число завершенных суицидов увеличилось в 1,6 раза и составило 41,4 на 100 тыс. населения. Безрадостные, в целом, прогнозы НЦПЗ РАМН, сделанные в конце прошлого века (с учетом сохранения кризисной ситуации в стране) и предвещавшие, что число лиц с психическими и поведенческими расстройствами, возникшими в результате стресса, составит в России в ближайшие годы 10 млн. человек, к сожалению, оказались слишком оптимистичными. К началу XXI века, вследствие различных катаклизмов, с неотвратимой жестокостью и постоянством потрясающих население нашей страны, эта цифра перевалила за 15 млн. человек.

Исследователи Гарвардской школы здравоохранения и Всемирная организация здравоохранения в сотрудничестве с более чем 100 специалистами всего мира, разработали модель состояния здоровья для всех регионов мира с проекцией до 2020 года. Они прогнозируют, что в последующее десятилетие произойдут кардинальные изменения в состоянии здоровья населения мира, среди которых выделяют рост психических и поведенческих расстройств (особенно депрессивных).

По данным исследователей, из десяти ведущих причин инвалидности в мире уже в 1990 году пять составляли психические и поведенческие расстройства. Это униполярная депрессия, алкоголизм, биполярное аффективное расстройство, шизофрения и обсессивно-компульсивное расстройство. Среди причин смерти в первой пятёрке депрессивные расстройства и самоубийства. Кроме того, увеличивается количество пациентов гериатрического профиля и число лиц с трудноурабельными заболеваниями (ВИЧ-инфекция, онкологические болезни), которые нуждаются в специализированной психолого-психиатрической помощи.

Актуальность и острота проблемы психического здоровья человека в современном мире настолько велики, что нередко сами перспективы человеческого существования связываются с успехами научных разработок этих проблем в XXI веке. Душевное и эмоциональное состояние человека не только являются причиной ухудшения его физического состояния, они могут влиять на него и положительно. И точно так же, как человек «психосоматически» заболевает, он может и «психосоматически» выздороветь.

Психофизиологическая адаптация человека к экстремальным средовым условиям не может рассматриваться без учета психологических реакций, возникающих в границах нормы. Мы считаем целесообразным выделение уже в этих границах особенностей, вслед за которыми могут возникать ранние формы дезадапционной патологии, нарушения донозологического этапа.

Вопрос о границах нормы психофизиологической адаптации рассматривается нами со следующих позиций. В процессе длительной эволюции человек приспособлен к определенным условиям существования, включая такие факторы внешней среды, как климато-метеорологические условия, социально-психологические отношения. Развитие современной цивилизации поставило перед человеком ряд новых задач, привело к появлению принципиально новых воздействий, прежде всего связанных с научно-

технической революцией, ускорением темпа жизни, увеличением количества изменений в единицу времени, частым возникновением ситуаций, для разрешения которых необходимо применение подходов, не укладывающихся в рамки привычных стереотипов.

Увеличение темпа жизни на фоне ухудшения качества самой жизни, связанного, в первую очередь, с необратимыми негативными процессами, оказываемыми человеком на природу, катастрофическим ухудшением экологии и др., привело, с одной стороны, к уменьшению «коэффициента сопротивляемости» человека различным неблагоприятным воздействиям на его организм как целостную систему, а, с другой стороны, к резкому повышению количества различных заболеваний, как своеобразной «ответной реакции организма» на его неспособность поддерживать функции всех жизненно важных органов на уровне, обеспечивающем их полноценную активность.

На сегодняшний день далеко не всегда удается не терять из виду человека в целом, рассматривая его как телесно-духовное единство. Так, например, искусство врача-онколога не в состоянии избавить человека от нравственных мук: тревоги, подавленности, чувства одиночества и обреченности. Здесь необходим целый ряд конкретных воздействий от психофармакологической терапии до создания особого психологического климата онкологической клиники, своего рода терапевтической среды, в которой огромное место занимает психологическое консультирование.

201. Чернакова М. С.

Москва

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ

Психологическое здоровье — важный аспект жизни как каждого отдельного человека, так и всего общества в целом. Как общество в целом заинтересовано в сохранении и повышении психологического здоровья своих граждан, так и каждый отдельный человек заинтересован в сохранении и повышении собственного психологического здоровья, а также психологического здоровья своих близких. Поэтому актуальной задачей психологии является серьезное и глубокое изучение феномена психологического здоровья с целью разработки методов сохранения и восстановления психологического здоровья индивидов.

Проблема психологического здоровья, несмотря на всю ее практическую значимость, лишь недавно появилась в фокусе активных психологических исследований. Само понятие «психологическое здоровье» является относительно новым и пока еще не получившим в психологии достаточно приемлемого определения понятием. Среди специалистов нет также единого мнения относительно критериев психологического здоровья. Поэтому целью данной работы являются анализ понятия психологического здоровья, его критериев, симптомов его нарушения, а также исследование возможных путей достижения человеком психологического здоровья.

Психологическое здоровье — один из аспектов здоровья индивида; другими аспектами индивидуального здоровья являются соматическое здоровье и психическое здоровье. Что же такое *здоровье*? В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова *здоровье* определяется как «нормальное состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма» или «правильная, нормальная деятельность организма». Из этого определения следует, что понятие здоровья тесно связано с понятием нормы: что-либо является здоровым, если оно находится в пределах установленной нормы. Норма же задается посредством логического критерия, который может быть либо положительным (описательный набор признаков здоровья), либо отрицательным, то есть синдромальным (совокупность симптомов различных заболеваний) [4]. Если раньше при установлении нормы здоровья чаще использовался отрицательный логический критерий, то в настоящее время норма все больше устанавливается посредством положительного критерия. Так, согласно определению, принятому Всемирной Организацией Здравоохранения, здоровье — это состояние полного душевного, физического и социального благополучия, а не только отсутствие каких-либо болезней и физических дефектов.

Возникает вопрос: в чем отличие *психологического* здоровья от близкого к нему понятия *психического* здоровья? *Психическое* здоровье относится к сфере деятельности медицины, а именно к такой

ее отрасли, как психиатрия. Нарушения психического здоровья лечатся (или, по возможности, компенсируются) медикаментозными средствами. В основе психических нарушений лежат органические нарушения (например, анатомические или гормональные) в мозге человека [7]. Сохранением же *психологического* здоровья населения занимается психология. Нарушения психологического здоровья, в отличие от психических нарушений, не имеют в своей основе органических нарушений мозга, а порождены неправильной системой убеждений индивида. Причем эти убеждения могут как осознаваться индивидом, так и не осознаваться, локализуясь на уровне подсознания. И осознаваемые, и неосознаваемые неправильные (то есть ложные, неразвитые, неполноценные) убеждения оказывают непосредственное влияние на жизнь человека, приводя к различным эмоциональным, личностным и адаптационным нарушениям. Например, психологически нездоровые люди могут иметь неадекватную самооценку и уровень притязаний, испытывать трудности в общении, самопознании, саморазвитии, у них могут доминировать деструктивные личностные качества (агрессия, зависть, диссинхрония и др.) и деструктивные формы поведения (суицидальное, асоциальное, с различными психологическими зависимостями).

Каковы же источники неправильных убеждений? Такие источники можно разделить на два типа: 1) неправильные убеждения индивид может (особенно в детском возрасте) некритично перенять извне — от родителей, друзей, школы, СМИ, коллег и т. п. 2) Неправильные убеждения могут быть выработаны самим индивидом как реакция на нездоровые внешние ситуации его жизни. Такие ситуации более или менее часто имеют место в жизни любого человека, а у некоторых, к сожалению, присутствуют в жизни постоянно.

Всплеск актуальности проблемы психологического здоровья населения в настоящее время связан с тем, что если раньше неправильные убеждения формировались в основном стихийно и потому не были слишком опасны, то сейчас они сплошь и рядом формируются целенаправленно благодаря различным разработанным методикам психологического воздействия [4]. А СМИ расширяют сферу их действия на практически неограниченное количество людей.

Симптомами нарушения психологического здоровья выступают: эмоциональные нарушения, личностные нарушения (т. е. нарушения, связанные с отношением к другим людям), нарушения адаптации. Однако наличие данных симптомов не является однозначным следствием проблем именно с психологическим здоровьем — указанные нарушения могут вызываться другими видами нездоровья, например, психическим или соматическим нездоровьем. Однако отсутствие указанных нарушений определенно свидетельствует о том, что индивид психологически здоров. Таким образом, необходимыми критериями психологического здоровья являются: благоприятное эмоциональное состояние, доброжелательное отношение к другим людям, успешная адаптация.

Рассмотрим каждый из трех указанных типов нарушений, причиной которых может быть психологическое нездоровье, по отдельности:

1) *эмоциональные нарушения* — это прежде всего наличие таких эмоциональных состояний, которые неприятны самому испытывающему их индивиду. Примерами могут служить различные страхи, тревоги, депрессия вплоть до отчаяния, разного рода агрессивные импульсы. Эмоциональные нарушения заключаются в преобладании отрицательных эмоциональных состояний над положительными. Эмоциональное состояние индивида находится в норме, если присутствует общий положительный эмоциональный фон, который обеспечивается преобладанием в жизнедеятельности индивида положительных эмоций над отрицательными;

2) *личностные нарушения* могут быть также названы нарушениями *нравственности* человека. Так, Б.С. Братусь [2] отмечает, что человек может быть способен хорошо запоминать и мыслить, ставить сложные цели, находить к ним верные пути, быть деятельным, успешным, самодостаточным и одновременно личностно ущербным, «большим»: не координировать свою жизнь, направляя ее к достижению родовой человеческой сущности, а удовлетворяться суррогатными целями. Родовая человеческая сущность соответствует здесь понятию человечности, включающей благожелательность, уважение к людям, сочувствие и доверие к ним, теплоту и мягкость отношений. В работах таких известных психологов, как Э. Фромм, А. Маслоу, В. Франкл, В.Н. Мясищев также говорится о двух (здоровом и нездоровом) векторах развития личности — просоциальном и антисоциальном. Просоциальная направленность соответствует личностному здоровью. Для такой личности характерна стратегия интеграции в общность при сохранении собственной психологической автономии и благожелательной открытости к другим людям, достаточная сила собственного «Я», способность к эмпатии, мотивация «для других». Антисоциальная,

эгоцентрическая направленность присуща нездоровой личности. Такому человеку свойственны невосприимчивость к чужой боли и «вещное» отношение к людям, стремление к власти. Психолог Э. Берн называл этот тип направленности «оборонительной и подавляющей других позицией» [1]. Э. Фромм определял крайнее ее выражение как синдром «ненависти к жизни», которому сопутствуют черты деструктивности, жестокость, стремление к власти и убеждение, что все проблемы и конфликты можно решить только с применением силы [10]. Террен Уотс определяет ее как «комплекс воина», Т. Адорно — квалифицировал как «авторитаризм», А. Маслоу видел в ней метапатологию [6];

3) *адаптационные нарушения* связаны с неспособностью индивида полноценно выполнять необходимые для жизни виды деятельности: учиться, работать, поддерживать свой быт, общаться с близкими людьми и лицами противоположного пола и т. п. Так, могут иметь место такие препятствия для полноценной адаптации к требованиям внешнего мира, как пониженная работоспособность, различные проблемы в общении и др. В настоящее время серьезным препятствием для адаптации стали также стереотипность мышления, привычка следовать шаблонному стилю поведения, отсутствие творческого подхода к решению жизненных и профессиональных проблем. Если раньше творчество и адаптация часто противопоставлялись, а само творчество рассматривалось как неадаптивный тип поведения, то в настоящее время творчество все больше рассматривается как необходимая составляющая адаптации. Это связано с тем, что современная социальная ситуация (а именно, значительно ускорившиеся темпы социальных перемен, глобальность и нестандартность встающих перед человеком проблем) делает несостоятельными стандартные, считавшиеся ранее адаптивными, способы жизненного уклада и решения проблем, требует поиска новых, творческих решений.

Говоря об адаптации, следует отметить, что индивид для ее успешного осуществления должен ориентироваться не только на «сегодняшнюю, сиюминутную» адаптацию, то есть не только на то, что необходимо и достаточно для адаптации сегодня, но и на то, что будет необходимо в будущем. Так, например, учащийся должен концентрироваться не только на получении высоких отметок, но и на приобретении знаний, которые будут необходимы ему в будущей профессиональной деятельности. Если же он изучает что-либо лишь для того, чтобы получить за это положительную отметку и вскоре забыть, то, несмотря на его сегодняшнюю достаточную адаптированность, возможность будущей адаптации находится в данной ситуации под серьезной угрозой.

Из рассмотренных трех возможных проявлений нарушения психологического здоровья (а именно, эмоциональных, личностных и адаптационных нарушений), наверное, именно личностные (нравственные) нарушения наиболее прямо связаны с психологическим здоровьем, то есть с системой убеждений личности. Эмоциональные же и адаптационные нарушения часто могут быть следствиями иных, не психологических, нарушений. Так, на эмоциональное самочувствие человека большое влияние оказывают физиологические факторы (такие, как соматическое здоровье, гормональный фон), а также внешние условия его жизни. Успешность адаптации сильно зависит от имеющихся у человека знаний, умений, навыков, а не только от его убеждений.

Психологически здоровая личность является главным объектом исследования гуманистических психологов (А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Олпорт, С. Гроф, В. Франкл и др.). Эти психологи не только дали описательные характеристики психологически здоровой личности, но и указали пути достижения психологического здоровья.

Согласно А. Маслоу, образцом психологического здоровья является *самоактуализирующаяся* личность. Самоактуализация представляет собой, с одной (можно сказать, с внешней по отношению к индивиду) стороны, «полное использование талантов, способностей, возможностей и т. п.», а с другой (внутренней) стороны, «научение сонастраиваться со своей собственной внутренней природой» [6]. Это значит, например, решить для себя, нравится ли тебе самому определенная пища или фильм, независимо от мнений и точек зрения других. Поэтому для того, чтобы достичь самоактуализации, индивиду следует научиться доверять своим суждениям и инстинктам и действовать в соответствии с ними. Маслоу полагает, что это ведет к лучшим выборам в искусстве, музыке, пищах и т. п., а также и в более серьезных жизненных вопросах, таких как брак, профессия. Это становится залогом эмоционального благополучия, профессиональных успехов в избранном деле, семейного счастья. В гуманистической психологии человек рассматривается как изначально «хороший», поэтому, следуя своей внутренней природе, самоактуализирующийся человек автоматически будет поступать нравственно по отношению к другим людям, реализовывать свои таланты и способности на пользу обществу. Таким образом,

самоактуализирующийся человек обладает всеми составляющими психологического здоровья: у него преобладает положительный эмоциональный фон; он неэгоистичен, доброжелателен по отношению к людям; он успешно адаптируется к требованиям быта, семьи, профессии.

Взгляды К. Роджерса на психологически здоровую личность во многом аналогичны взглядам А. Маслоу. Только вместо использования термина «самоактуализация» Роджерс говорит о следовании голосу своей Самости [8]. Согласно К. Роджерсу, Самость — высшая и последняя инстанция человеческой психики. Голос ее безошибочен, именно он подсказывает человеку верное решение, важно лишь уметь услышать голос Самости среди других голосов. Самость, как мощный компьютер, выбирает возможности, точно удовлетворяющие внутренние потребности. Предполагается, что точное удовлетворение потребностей — благо для личности и ее социального окружения. Следуя голосу Самости, человек сможет не только успешно адаптироваться к внешнему миру, но и достигнет истинного счастья, а также принесет пользу своим близким и всему обществу. Именно такой человек характеризуется максимальным психологическим здоровьем.

Таким образом, как Маслоу, так и Роджерс единогласно утверждают, что ориентиром на пути к психологическому здоровью служит *внутренний голос* человека. Отметим, что среди психологов-гуманистов существуют и другие воззрения на способы достижения психологического здоровья. Например, В. Франкл считает, что для того, чтобы стать психологически здоровым, человек должен прежде всего найти *смысл* своей жизни [9].

Таким образом, в данной работе психологическое здоровье рассматривается как здоровая, адекватная реальности система убеждений личности. Это такая система убеждений, которая позволяет индивиду ощущать эмоциональный комфорт, нравственно относиться к окружающим, успешно адаптироваться к требованиям внешнего мира. Однако выявление и исправление неправильных убеждений индивида — не простая проблема. Разными психологами предлагаются различные подходы к решению этой проблемы. Так, З. Фрейдом был предложен тяжелый, длительный и далеко не каждому доступный метод психоанализа как способ достижения психологического здоровья. Более простые и приятные способы изменения системы убеждений в лучшую сторону предлагаются в гуманистической психологии: А. Маслоу и К. Роджерс предлагают ориентироваться на внутренний голос, В. Франкл — искать смысл жизни. Однако и эти способы достижения психологического здоровья не безупречны, помогают не всем и не всегда. Так, каждый по собственному опыту знает, что не всегда стоит доверять внутреннему голосу. Нахождение смысла в жизни хоть и может дать некоторое облегчение, однако не гарантирует полное психологическое здоровье. К тому же, человек может найти смысл своей жизни в чем-либо безнравственном, вредящем другим людям. Поэтому разработка эффективных методов поддержания психологического здоровья остается актуальной задачей будущих психологических исследований.

Литература

1. Берн Э. Трансакционный анализ и психотерапия. — СПб., 1992.
2. Братусь Б.С. Аномалии личности. — М., 1988.
3. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки. — М.: Академия, 2001.
4. Васильева Т.В. Психологическое здоровье личности сегодня // Психологическое здоровье субъектов педагогического процесса. Сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. — Орехово-Зуево: МГОГИ, 2009. — С. 3—5.
5. Демина Л.Д., Ральникова И.А. Психологическое здоровье и защитные механизмы личности. — Барнаул, 2000.
6. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. — СПб., 1997.
7. Психология здоровья. Учебник для вузов / Под ред. Г.С. Никифорова. — СПб.: Питер, 2006.
8. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М., 1994.
9. Франкл В. Экзистенциальный вакуум: Вызов психиатрии // Человек в поисках смысла. — М., 1990.
10. Фромм Э. Иметь или быть? — М., 1990.

202. Волкова Е. Н., Молчанова Л. Ф., Глазкова И. В.

Ижевск

**ШКОЛЫ ЗДОРОВЬЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

Здоровье населения формируется под влиянием сложного комплекса социально-экономических, биологических, экологических, социально-психологических и других факторов. В сохранении здоровья и профилактике заболеваний большое значение имеет здоровьесберегающее поведение индивидуума: отношение к своему здоровью, соблюдение гигиенически обоснованного образа жизни, уровень санитарной грамотности и медицинской активности.

В настоящее время все большее число жителей нашей страны, особенно подрастающее поколение, ведет нездоровый образ жизни, разрушая свое здоровье курением, употреблением алкоголя и наркотических средств и т. п. Следствием этого является рост общей заболеваемости и особенно социально обусловленной патологии (инфекции, передающиеся половым путем, СПИД, туберкулез и др.).

Нами было проведено изучение причин и факторов, способствующих возникновению туберкулеза, являющегося до настоящего времени одной из значимых проблем здравоохранения России. В процессе исследования было установлено, что малоподвижный образ жизни повышает риск развития туберкулеза в 7,55 раза, курение — в 9,95, злоупотребление алкоголем — в 17,49, невыполнение рекомендаций врача по оптимизации образа жизни — в 11,19, низкий уровень гигиенической грамотности и медицинской активности — в 6,22, недостаточная информированность по туберкулезу — в 5,63 раза.

При математическом моделировании по формуле Байеса установлено, что при повышении медицинской активности и гигиенической грамотности, включая уровень знаний, заболеваемость туберкулезом в Удмуртской Республике снизилась бы на 61,8 %. В связи с вышеизложенным нами была организована «Фтизиошкола», отдельно для больных и практически здоровых пациентов, имеющих факторы риска возникновения этой болезни. Для каждой категории «учащихся» были разработаны программы, по которым проводилось обучение. Полученные результаты по отдельным вопросам программы представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Динамика уровня знаний в процессе занятий со здоровыми во фтизиошколе ($P \pm m$)

Вопрос	До занятий	После занятий
Определите пути заражения туберкулезом	25,7 ± 3,7	84,5 ± 6,5
Факторы риска развития туберкулеза	28,4 ± 3,5	80,7 ± 2,1
Первые признаки заболевания	40,5 ± 3,5	82,4 ± 6,8
Методы ранней диагностики	40,1 ± 3,8	92,2 ± 3,4
Профилактика туберкулеза	26,7 ± 4,5	60,7 ± 4,5

Таблица 2

Динамика уровня знаний в процессе занятий с больными во фтизиошколе ($P \pm m$)

Вопрос	До занятий	После занятий
Излечим ли туберкулез	60,6 ± 2,7	86,7 ± 4,3
Принимать противотуберкулезные препараты необходимо до полного излечения	50,1 ± 4,8	83,1 ± 6,6
Предпочтение лечиться «народными проверенными средствами»	65,4 ± 3,5	26,1 ± 2,8
Насколько правильно выполняете меры профилактики	68,3 ± 3,9	87,2 ± 3,5
Желание делиться полученными знаниями	20,2 ± 6,3	78,9 ± 6,7

Анализ результатов обучения показывает, что занятия в Школе у здоровых формируют основы гигиенической грамотности и медицинской активности, а у больных туберкулезом — повышают

приверженность к лечению и уверенность в благополучном исходе заболевания при выполнении рекомендаций врача по совершенствованию образа жизни.

Подобные школы должны быть организованы для формирования здоровьесберегающего поведения различных возрастно-половых, профессиональных групп населения и для профилактики возникновения других социально значимых заболеваний. Это, несомненно, будет способствовать улучшению здоровья населения республики.

203. Сидоров К. Р.

Ижевск

**О РАБОТЕ С РОДИТЕЛЯМИ В СЛУЧАЕ НАЛИЧИЯ «ТРИАДЫ РИСКА»
У СТАРШЕКЛАСНИКОВ**

Обнаруженный феномен рассогласования самооценки (СО) и уровня притязаний (УП) школьников старших классов, сопряженный с ростом тревожности и обозначаемый нами как «триада риска» (риск возникновения психосоматических расстройств), встречается примерно в половине случаев и требует определенной организации психологической работы. Как же ее осуществлять в школьной психологической службе? Эта работа должна быть направлена не только на понижение тревожности учащихся, так как это образование вторично, но и на повышение СО, формирование адекватного и эффективного УП, гармонизацию СО и УП. Поскольку именно специфика семьи является одним из факторов гармоничного/дисгармоничного сочетания обсуждаемых образований, то наиболее действенным фактором устранения «триады риска» у школьников является психологическая помощь семье. Разумеется, что она должна осуществляться с учетом реального типа сочетания уровней самооценки и притязаний школьников. И здесь уже накоплен некоторый материал, позволяющий наметить направления психологической работы. Так, обнаружено, что во второй группе родителей (чьи дети обнаруживают повышение УП относительно СО) установлены жесткие стандарты, давление по поводу качества учебной деятельности, высокий контроль за успеваемостью детей. От детей постоянно требуют тщательной подготовки домашних заданий, посещения библиотек, дополнительных занятий. Стимулируя детей к непрерывному труду, родители вводят их в зону накопления эмоционального напряжения. Дополнительным фактором, нагнетающим тревожность, является ослабление эмоциональной близости в ситуации неуспеха детей. Подобающая ситуация приводит к высоким результатам в учебной деятельности, но достигается это за счет ухудшения состояния здоровья учащихся. Родителям необходимо объяснить, что их высокие стандарты должны быть обязательно соотнесены с психологическими и даже организмическими ресурсами их детей. Также необходимо указать родителям, что их дети нуждаются в эмоциональной поддержке, особенно в ситуации неуспеха, поскольку известно, что переживание неудачи влияет на СО более сильно, чем успех (Хекхаузен, 2003). Снижение самооценки в случае неуспеха будет приводить к еще большему расхождению обсуждаемых конструктов и проявлению «триады риска». Путь устранения «триады риска» школьников заключается в повышении СО. В литературе отмечается, что опережение в развитии уровня СО по отношению к уровню реализации умственных способностей оказывает благоприятное влияние на общее интеллектуальное развитие (Иолова, 1989). Как повысить СО учащихся? Посредством положительных внешних оценок. Это находит подтверждение в исследованиях американских ученых (Josephs et al., 2003). **Разработка подобных технологий в учебно-воспитательном процессе крайне необходима** современной школе. Что касается третьей группы старшекласников, обнаруживающих повышение СО относительно УП, то их родители уделяют своим детям мало внимания, не оказывают им эмоциональной поддержки, особенно в трудных, критических ситуациях, не проявляют интереса ни к учебной деятельности, ни к планам на будущее. Эти родители в большей степени заняты собственными делами и проблемами, они недостаточно или вообще не интересуются успехами своих детей в школе, не предъявляют необходимых требований к качеству учебной работы. Это приводит к снижению мотивации, отсутствию заинтересованности в учебной деятельности и, как следствие, снижению УП относительно СО. Здесь также встречаются и такие родители, которые решают за своих детей многие проблемы, не воспитывают самостоятельности.

Более низкое целеуказание по сравнению с СО избавляет юношу от возможного неуспеха в решении задач, но не обеспечивает в реальности желаемого успеха. В данной конфликтной ситуации субъект, казалось бы, избавляет себя от опыта неуспеха, а значит, и от повышенного эмоционального напряжения. Однако избегая этой негативной ситуации, он попадает в другую — ситуацию, связанную с накоплением достижений на нерелевантном для него уровне. Вторично подобная ситуация, так же, как и в вышерассмотренном случае ведет к нагнетанию тревожности и росту заболеваемости школьников (хотя и несколько меньшему, чем в случае повышения притязаний относительно СО). Необходимым моментом гармонизации СО и УП в этом случае является создание условий повышения последнего. А это и усиление мотивации учебной деятельности и изменение качества отношения со стороны родителей к собственным детям. Вообще примером, указывающим направление изменения отношения родителей к детям, может быть вскрытая специфика родительской семьи, где обнаруживается гармоничное сочетание СО и УП, отсутствие «триады риска». Родители в этой группе ориентированы на высокие стандарты, но все же способствуют выбору учебных и профессиональных достижений в соответствии с возможностями самих детей, их собственными представлениями о своих способностях. Родители здесь не проводят сверхжесткой линии относительно будущих планов детей и не навязывают им свои притязания. В таких семьях инициатива детей не подавляется, реализация их интересов не ставится в жесткую зависимость от успеваемости, за детьми признается право собственного выбора дальнейшего пути. Дети в подобных семьях — полноправные члены семьи, родители с ними считаются, доверяют, прислушиваются к их мнению. Это создает благоприятные условия выбора школьниками таких целей, которые по сложности соответствуют самооценке их способностей. Родителям свойственно заботливое и внимательное отношение к детям, эмоциональная близость с ними. Родители поддерживают своих детей в трудных ситуациях, верят в их способности.

204. МУХАМЕТГАЛЕЕВА Е. Д., КРАСНОВА С. Д., МАРКОВА М. В.

Ижевск

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ ИНВАЛИДОВ

В практике медико-социальной экспертизы (МСЭ) разрабатываемые реабилитационные мероприятия для инвалидов в индивидуальной программе реабилитации (ИПР) ежегодно оцениваются по двум критериям: выполнению рекомендаций и их эффективности (Федеральный Закон от 15.11.1995 №181 «О социальной защите инвалидов в РФ» в ред. от 24.07.2009 №213-ФЗ; Приказ Минздравсоцразвития РФ от 04.08.2008 №379н).

Большой процент выполнений рекомендаций отмечается при мероприятиях медицинской реабилитации инвалидов (до 70 %), где реабилитант выступает непосредственно в объектном статусе. Мероприятия профессиональной (до 35 %) и социальной реабилитации (до 10 % без учета технических средств реабилитации), в которых реабилитант является субъектом деятельности, реализуются с меньшим процентом выполнения. Тем самым, релевантность психологического фактора в реализации ИПР инвалидами возрастает как никогда, подтверждая сказанный еще в 70-х годах XX столетия профессором М.М. Кабановым постулат: «Столбовая дорога реабилитации проходит через Личность».

В аспекте эффективности (выполнения) психологической реабилитации следует обратить внимание на базовое противоречие структуры психической деятельности инвалидов между реабилитационной возможностью и готовностью к реабилитации, образно выражаясь «могу к хочу».

К *реабилитационным возможностям* инвалида («могу») относится уровень сохранности актуального состояния психической деятельности обследуемого в сравнении с преморбидным, то есть:

- 1) операциональной системы, в узком ее понимании: внимание, память, мышление, интеллект, речь;
- 2) контролирующей, регулирующей системы: эмоционально-волевая сфера, особенности характера (отчасти).

Реабилитационная готовность инвалида («хочу»), в первую очередь, характеризуется потенциальными тенденциями мотивационно-личностной составляющей деятельности и поведения, таких как мировоззрение, система отношений.

Таблица 1

Соотношение психологических характеристик инвалидов в возрасте от 18 лет, освидетельствованных на ЭПО в филиалах МСЭ УР, сопряженных с эффективностью психореабилитации в 2009 г. (в чел., %)

Наименование классов заболеваний (количество чел.)	Реабилитационная возможность в отношении психологической реабилитации		Реабилитационная готовность в отношении социально-психологической реабилитации	
	Нарушения структуры психики	Личностный компонент	Реабилитационный потенциал личности	Реабилитационный прогноз
Степени оценки критерия:	Н — Норма Л — Легкие У — Умеренные В — Выраженные	Н — Норма Л — Легкие У — Умеренные В — Выраженные	В — Высокий У — Удовлетвор. Н — Низкий	П — Положительный Н — Неопределенный О — Отрицательный
Всего: (2546 чел.)	Н — 700 (27,5 %) Л — 877 (34,5 %) Н+Л = 1577 (62,0 %) У — 828 (32,5 %) В — 141 (5,5 %)	Н — 1400 (54,9%) Л — 631 (24,8 %) Н+Л = 2031 (79,7 %) У — 447 (17,6 %) В — 68 (2,7 %)	В — 388 (15,2 %) У — 1777 (69,8 %) Н — 381 (15,0 %)	П — 368 (14,5 %) Н — 1930 (75,8 %) О — 248 (9,7 %)
Неврологическая патология: (1430 чел.)	Н — 186 (13,0 %) Л — 513 (35,9 %) Н+Л = 699 (48,9 %) У — 609 (42,6 %) В — 122 (8,5 %)	Н — 661 (46,2 %) Л — 378 (26,4 %) Н+Л = 1039 (72,7 %) У — 329 (23,0 %) В — 62 (4,3 %)	В — 148 (10,3 %) У — 976 (68,3 %) Н — 306 (21,4 %)	П — 140 (9,8 %) Н — 1127 (78,8 %) О — 163 (11,4 %)
Терапевтическая патология: (809 чел.)	Н — 382 (47,2 %) Л — 258 (31,9 %) Н+Л = 640 (79,1 %) У — 156 (19,3 %) В — 13 (1,6 %)	Н — 533 (65,9 %) Л — 196 (24,2 %) Н+Л = 729 (90,1 %) У — 77 (9,5 %) В — 3 (0,4 %)	В — 161 (19,9 %) У — 591 (73,1 %) Н — 57 (7,0 %)	П — 152 (18,8 %) Н — 631 (78,0 %) О — 26 (3,2 %)
Хирургическая патология: (291 чел.)	Н — 128 (44,0 %) Л — 102 (35,1 %) Н+Л = 230 (79,1 %) У — 58 (19,9 %) В — 3 (1,0 %)	Н — 197 (67,7 %) Л — 55 (18,9 %) Н+Л = 252 (86,6 %) У — 37 (12,7 %) В — 2 (0,7 %)	В — 71 (24,4 %) У — 195 (67,0 %) Н — 25 (8,6 %)	П — 76 (26,1 %) Н — 198 (68,0 %) О — 17 (5,9 %)

Так, нормативно или с легкими отклонениями справляются с психодиагностическими пробами в рамках экспериментально-психологических обследований (ЭПО) 62 % освидетельствованных старше 18 лет. Адекватно организуют, регулируют, контролируют свою психическую деятельность в условиях психологического обследования 79,7 % граждан (показатель «личностного компонента» саморегуляции высших психических функций). То есть уровень социально-психологических реабилитационных возможностей инвалидов, прошедших ЭПО МСЭ УР в 2009 г., представлен на уровне 70,9% — 1804 человек.

В свою очередь, высокий реабилитационный потенциал личности, куда помимо интеллектуальных и регуляторных критериев входят, в первую очередь, мотивационные характеристики (уровень мировоззрения — система убеждений и отношений человека) — констатируется у 15,2 % инвалидов, и психореабилитационный прогноз — у 14,5%. Следовательно, уровень реабилитационной готовности инвалидов, освидетельствованных на ЭПО МСЭ в 2009 г. выражается в 14,8 % — 378 человек.

То есть соотношение актуального состояния и потенциального реабилитационного поведения инвалидов, определенных по ЭПО («могу к хочу») выглядит соответственно как 70,9 % к 14,8 % или как 5:1 (в 2007—2008 г. это соотношение составляло 6:1). Некоторое повышение мотивационной готовности к реабилитации в 2009 г. отражает общую тенденцию к увеличению запроса на ЭПО лиц молодого трудоспособного возраста.

Если сравнивать соотношение по реабилитационной возможности и готовности инвалидов по классам заболеваний, то при заболеваниях нервной системы оно составляет 6:1, при терапевтической патологии — 4:1, а при хирургической — 3:1.

Исходя из этого, можно сказать, что инвалиды с заболеваниями нервной системы испытывают необходимость в более интенсивном и развернутом психологическом сопровождении, в первую очередь, на уровне психокоррекции.

Реабилитанты с хирургической и терапевтической патологией нуждаются в локальных психологических интервенциях, то есть консультативных формах работы (включая дистантное консультирование) и краткосрочных видах психологической коррекции.

Данная ситуация сохраняет актуальность пердреабилитационного, мотивационного консультирования инвалидов медицинскими психологами МСЭ.

205. Разин А. А.

Ижевск

О ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ ЮНОШИ

Многие выпускники общеобразовательных школ инфантильны, особенно юноши. Проблема эта волнует многих и не может не тревожить не только педагогов, но и все общество.

Почему мальчик с годами не взрослеет? Почему не занят социальными проблемами и не имеет государственного мышления? Почему ограничивается удовлетворением витальных потребностей? Почему не восходит к социальным интересам? Почему у него не формируются духовные потребности? Вопросы эти очень серьезные и ожидают вдумчивого ответа.

Проблема инфантилизма касается и многих современных мужчин, среди которых немало безответственных индивидов, не прошедших в свое время социализацию и живущих одним днем. Причина детскости их ума лежит гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Для разрешения проблемы необходимо пересмотреть отношение к человеку как феномену, необходимо перейти к новой философии образования и осуществить реформу системы образования.

Образование должно подняться выше просвещения. Просвещение выполнило свои функции, исчерпало себя. Оно, пришедши на место средневекового мракобесия, было прогрессивным для своей эпохи. Для сегодняшнего времени просвещение устарело: оно превращает учащегося в объект обучения и воспитания (пассивного потребителя знаний) и тем самым губит в нем «почемучку». Министерство просвещения было переименовано в Министерство образования и науки вовсе не случайно. Современная система образования должна отходить от ограниченных функций просвещения и в соответствии со своим названием обязана способствовать становлению субъекта познавательной и созидательной деятельности. Без выполнения этого условия сложно говорить о становлении целостного человека, овладевшего и знаниями, и пониманием, и культурой.

В нашей системе образования много серьезных изъянов. Но одним из главных недостатков является отсутствие системы формирования мужских качеств. Более того, репрессивные меры, в том числе критика «двойкой» губят личность. Радость поиска истины в учебном учреждении подменена страхом наказания. Критика «двойкой», нелестные эпитеты «работают» на деформацию и разрушение личности, опосредованно внушают, что он не состоялся как личность. Таким образом, подрывается психическое и социальное здоровье учащегося.

Чиновники от науки, сформировавшие философию современного образования, не уловили один существенный нюанс: мальчика надо критиковать не за отсутствие знаний, а за нежелание знать. Но как вызвать интерес к познанию (самого себя и окружающего мира)?

Современная школа, как правило, не утруждает себя поиском ответа на этот вопрос, поэтому поощряет не пытливого, не самостоятельного, не креативного (соответственно неудобного) мальчика, а послушного пай-мальчика, потребляющего *готовые* знания, того, который способен слово в слово пересказать рассказанное учителем или прочитанное из учебника. Для нормального мальчика потребление готовых знаний является противоестественным. Оно напоминает пиццу, разжеванную кем-то. Неиспорченный мальчик сопротивляется, не желает глотать разжеванное другим человеком, не желает напоминать сосуд, набиваемый готовыми знаниями — сам хочет грызть «гранит науки».

Система образования (читай: просвещения) шаг за шагом подвергает эрозии мужское начало в мальчике: глушит в нем «мотор», превращает в ведомого, в «прицеп», в представителя толпы. В этом же направлении «работают» стандартизация образования и ЕГЭ. И не удивительно, что юноша постепенно становится инфантильным (не желающим ни учиться, ни работать). Он замыкается на витальных потребностях, не поднимается до обретения социальных и духовных интересов.

Социальный прогресс имеет место там, где все члены общества являются самостоятельными, где человек познает закономерности природы, общества и человека через деятельность. Становление человека может происходить только через самостановление, через самообразование и самосовершенствование. Это означает, что в образовательных учреждениях необходимо изменить субъект-объектные и интересубъектные отношения. Это означает, что из школ необходимо устранить менторский тон, чтобы учащийся стал субъектом истории и хозяином собственной судьбы, стал самостоятельным лицом во всех сферах.

Такой подход соответствует установкам и положениям Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и других ученых, придерживающихся деятельностного принципа. Благодаря целенаправленной плодотворной деятельности ребенка происходит его социализация, в его личностной структуре формируются «мотор», «руль» и «тормоза».

Кем-то придуман миф: «Учеба — главный труд учащегося». Пора его развенчать. Он предает забвению афористическое высказывание Сократа: «Я знаю только то, что ничего не знаю».

«Учебный труд» — неудачное словосочетание. Что такое труд? Апологеты «учебного труда» пытаются рассуждать о созидании учащимися самого себя. Но они при этом упускают из виду особенность природы человека: человек совершенствуется опосредованно, в процессе созидательной, творческой и управленческой деятельности, а не за партой, занимаясь собой. Труд — это созидание материальных и духовных ценностей. За партой учиться жизни невозможно, невозможно социализироваться. Учащийся очеловечивается в процессе самодвижения, обретает свое Я, вступив в активные отношения с окружающим (материальным и духовным) миром, вступив в интересубъектные контакты, то есть, выйдя за пределы своего Я.

Роль объекта обучения в какой-то степени соответствует природе девочек — они по своему характеру мягки, уступчивы, послушны — таковы, какими желает их видеть социум (школа). Такая система не особенно противоречит женскому началу, поэтому они привычно зубрят тексты учебников, забывают память подчас ненужными, мертвыми знаниями. Именно по этой причине произошла феминизация образования.

Просвещение не обеспечивает становление мужчины как целостного человека. Процесс становления мужчины — это раскручивание в мальчике активного, самостоятельного начала. Мужчина «задуман» (Природой, Творцом) быть активным (созидателем, творцом, добытчиком и защитником своей семьи). Истинно мужской функцией является участие в управлении социальными процессами. Юноша никак не может стать мужчиной вне самостоятельной деятельности. И становится мужчиной не после женитьбы, а с того момента, когда начинает брать на себя ответственность (за себя, семью, будущее этноса, экологию Родины).

Но для этого он должен обрести уверенность в себе. Каким образом? Обязательным условием укрепления уверенности юноши в жизни являются поддержка и признание личности микро- и макросоциумом. Эта закономерность установлена эмпирическим путем. Этнопедагогика многих народов основана на уважительном отношении к личности ребенка: в еврейской семье поддерживается культ ребенка; в Японии до семи лет детям вообще не говорят слово «нет».

В дальнейшей жизни юноши уверенность укрепляется благодаря получению успеха в процессе созидательной и творческой деятельности. «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а *приготовлять к труду жизни*. Чем богаче человек, тем образование его должно быть выше, потому что тем труднее для него отыскать труд, который сам напрашивается к бедняку, таща за спиной счастье в нищенской котомке. *Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду*; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни. Но таково ли воспитание в настоящее время?» [2, С. 295].

Желая кому-то счастливой жизни, необходимо иметь в виду, что *человек по своей природе двойствен*, что он не может жить одними лишь удовольствиями, что при движении к счастью никто не может обойтись без усилий, страданий и самопреодоления. «Труд неприятен нам, как узда, накинутая на наше сердце, стремящееся к вечному невозмутимому счастью, но без этой узды сердце, предоставленное необузданности своих стремлений, сбивается с дороги» [Там же, С. 291]. Необходимо помнить, что слова «труд» и «трудно» — одного корня. Трудясь, ребенок привыкает преодолевать трудности. Заставляя себя жить по принципу «надо», он качественно меняется, научается преодолевать себя. В процессе труда вырабатывается воля, без которой ни одна личность не может состояться.

Труд обладает суггестивным свойством: вынуждает последовательно выполнять операции, приучает соблюдать технологическую дисциплину, внушает чувство собственного достоинства (увидев результаты своей плодотворной деятельности, юноша вырастает в собственных глазах, у него повышается самосознание). Чувство собственного достоинства можно назвать «стержнем личности», который в дальнейшем не дает опуститься на дно жизни, не дает сгибаться под давлением жизненных коллизий.

Индивид, не обретший чувство собственного достоинства в подростковом возрасте, не становится креативным и посвящает жизнь не поиску истины и принесению пользы людям, а постоянно с кем-то воюет и пытается самоутвердиться.

Одной из форм, способствующих образованию социальных связей, является участие в самоуправлении. Без него тоже не происходит полной социализации личности.

Чем же заменить просвещение, чтобы образование соответствовало своему названию и способствовало становлению мужчины как целостного человека? Какая роль предлагается педагогам и воспитателям в системе реформированного образования? Парадигмы есть.

За рубежом признание получило так называемое «тьюторство». Тьюторство (несмотря на то, что режет слух россиянину) соответствует российскому менталитету. Ретроспективный взгляд обнаруживает, что оно дает положительный эффект. Тьюторство — это верный принцип взаимодействия учителя и ученика.

В основе этнопедагогики тоже находится тьюторство, она зиждется вовсе не на поучении, морализовании и нотациях. Хочется сказать, что формирование современной российской системы образования возможно через интеграцию тьюторства и этнопедагогики. В этнопедагогике (как и в тьюторстве) «воспитания» как такового нет — ребенок усваивает законы социума, закономерности природы, свойства материалов в процессе плодотворной *деятельности* и участия в общих мероприятиях. У него при этом обязательно возникают вопросы, на которые с удовольствием отвечает Старший (авторитетный человек — будь то родственник или сосед). Старший — это и есть тьютор (сопровождающий). Его совет воспринимается совершенно иначе, чем нотация или поучение, поэтому западает в душу ребенка (учащегося), прорастает и дает плоды. Кроме того, известно, что знания, добытые собственным трудом, усваиваются прочно, становятся своими, превращаются в убеждение.

Процессу становления личности (характера) через этнопедагогику и народность много внимания уделял К.Д. Ушинский. «Воспитание не имеет целью развитие науки, и для него наука не цель, — писал он, — а одно из средств, которыми оно развивает в человеке свой собственный идеал. Воспитание берет человека всего, как он есть, со всеми его народными и единичными особенностями, — его тело, душу и ум, — и, прежде всего, обращается к характеру человека; а характер и есть именно та почва, в которой коренится народность. Почва эта, разнообразная до бесконечности, прежде всего, однако, распадается на большие группы, называемые народностями» [2, С. 269].

Трудно оспаривать мнение выдающегося педагога. Нельзя игнорировать этнокультуру, которая представляет собой целостную систему. Этнокультура способствует формированию национальной гордости, человеческого достоинства, характера, являющихся как бы стержнем личности. «Сила характера, независимо от его содержания, — сокровище ничем не заменимое. Она почерпается единственно из природных источников души, и воспитание должно беречь эту силу, как основание всякого человеческого

достоинства. Но всякая сила слепа. Она одинаково готова разрушать и творить, смотря по направлению, которое ей дано. Все решается наклонностями человека и теми убеждениями, которые приобрели в нем силу наклонностей. <...> Есть одна только общая для всех прирожденная наклонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью. <...> Обращаясь к народности, воспитание всегда найдет ответ и содействие в живом и сильном чувстве человека, которое действует гораздо сильнее убеждения, принятого одним умом, или привычки, вкорененной страхом наказаний» [Там же, С. 280].

К.Д. Ушинский отмечал, что каждый народ интересен своей самобытностью, что «у каждого народа своя особенная национальная система воспитания; а потому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным» [Там же, С. 283]. Действительно, культура — это целостная система, а в системе все «пригнано» и «притерто», поэтому с ней нельзя обращаться произвольно.

Ш.А. Амонашвили утверждает, что «общечеловеческие ценности не существуют как абстракт, они проявляются как национальный дух, национальное самосознание, национальная культура. Все национальное есть источник общечеловеческого» [1, С. 6]. В своих дальнейших рассуждениях он еще более категоричен: «Школа каждого народа должна возвращать в своих питомцах национальный дух этого народа. Российская Школа обязана возвращать русскую духовность, грузинская Школа должна возвращать грузинскую духовность, латышская — латышскую, армянская — армянскую...» [Там же, С. 6] Там, где игнорируется эта истина, этнос сходит с исторической арены, а представители этноса превращаются в маргиналов (называемых по-удмуртски «шайтан воштэм»).

Работа тьютора особенная. В его функции входит воздействие на интересы и потребности учащегося, чтобы он стремился к достижению высокой цели: желал быть полезным людям, посвятил жизнь служению народу, Родине, человечеству. Он должен вовлечь, подтолкнуть детей к творчеству, заниматься с ними подготовкой проектов.

«Главный воспитатель или начальник школы должен в строгом смысле слова жить с воспитанниками, чтобы иметь влияние на них не только словами, но и примером» [2, С. 265]. Древнегреческий философ Сократ воздействовал на своих учеников именно своим примером, образом жизни, методом и стилем мышления. Не обучал и не воспитывал словом: не читал лекций, не поучал с видом всезнайки. Учеба проходила в форме диалога. На вопросы он не давал готовых ответов, отвечал вопросом на вопрос, рассуждал, приглашал учеников искать истину совместно. Круглые сутки находился вместе с учениками.

Восточные Учителя действуют подобными же методами: лекций не читают, на вопросы отвечают вопросами или афоризмами-намеками, иногда вообще отмалчиваются. Живут тоже вместе с учениками, показывая пример физического и духовного самосовершенствования.

Ретроспективный взгляд обнаруживает, что продукция тьютора не массовая, а «поштучная». Работать приходится ему индивидуально, учитывая склонности и особенности личности, учитывая уровень развития интеллекта и степень креативности. Работа тьютора по сравнению с поучением ментора, репетитора гораздо сложнее, соответственно требует высокого уровня не только специальных знаний, но знания и понимания жизни, требует овладения диалектическим мышлением.

Но кто может выполнять функции тьютора? Тьютор должен быть *человековедом* и интересной творческой личностью, занимающейся самосовершенствованием. «В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания. <...> *Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер*» [Там же, С. 265]. Тьюторами можно назвать педагогов-новаторов А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, Б.П. Никитина, М.П. Щетинина.

Литература

1. Амонашвили Ш. А. Истина школы. — М., 2006.
2. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. — М., 1968.

206. Комкова Е. И.

Минск

**ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ**

Здоровьесберегающая образовательная технология — это функциональная система организационных способов управления учебно-познавательной и практической деятельностью, научно и инструментально обеспечивающая сохранение и укрепление их здоровья. Критерии благополучия и развития личности должны стать исходной точкой и инвариантом в анализе любой педагогической системы. Необходимо обеспечить защиту личности от дидактогений (негативных последствий педагогических ошибок), которые появляются не только под действием явных унижений и скрытых манипуляций, но и под напором нарастающей педагогической экспансии — новых технологий, интенсификации, компьютеризации и т. д.

Качественными диагностируемыми и проверяемыми характеристиками здоровья студентов определяют следующие показатели: интеллектуальная и физическая работоспособность, психологическая адекватность и уравновешенность. Не менее важным является контроль над психофизиологическим состоянием студентов, что включает в себя:

- умение грамотно оценивать эмоционально-психологическое состояние студентов, его динамику в процессе учебного занятия и при необходимости оперативно корректировать его;
- знание студентов, отнесенных к какой-либо группе риска психологического здоровья;
- использование педагогических технологий с учетом психологических особенностей студентов, их актуального эмоционально-психологического состояния;
- целенаправленное формирование оптимального психологического климата в студенческой группе.

Студенческий возраст характеризуется многообразием эмоциональных переживаний, что отражается в стиле жизни, исключая заботу о собственном здоровье, поскольку такая ориентация традиционно приписывается старшему поколению и оценивается молодым человеком как «непривлекательная и скучная». Ситуации зачетов и экзаменов, периоды социальной адаптации, необходимость личностного самоопределения в будущей профессиональной среде, ограничение способности к релаксации и отдыху, убежденность в неисчерпаемости собственных физических и психических ресурсов — все это является стрессогенными факторами в студенческой среде. К тому же период активного вхождения в новую социальную среду сопровождается действиями, направленными на получение признания и высокого статуса в группе студентов-ровесников, что также требует от студента довольно больших психоэнергетических затрат.

В основе учебно-воспитательного процесса высшей школы лежит комплексный, системный характер образования, воспитания и профессиональной подготовки специалистов. Системный подход обеспечивает целостное представление о состоянии здоровья и наполняет конкретным содержанием здоровьесберегающую технологию операциональной составляющей, что помогает ответить на вопрос, как и по каким направлениям следует ее реализовать. К ним следует отнести:

1. Исследование влияния традиционной структуры и формы организации учебного процесса на здоровье занимающихся; анализ психолого-физиологических возможностей учащихся в отношении предъявленных требований усвоения объема учебной нагрузки в условиях рассредоточенного (комплексного) распределения программного материала.
2. Создание психолого-педагогических и организационно-педагогических условий, обеспечивающих обоснованное соответствие учебной нагрузки, объема передаваемой информации с возможностями ее усвоения.
3. Реализацию научной организации учебного труда, питания и отдыха учащихся.
4. Осуществление структурного преобразования в плане создания в учебном заведении иерархической системы управления и мониторинга здоровьесохраняющих технологий в образовании.
5. Создание систем переподготовки кадров, а также социальной и финансовой поддержки идеи здоровьесберегающей технологии, ее агитации и пропаганды, объединение усилий всех систем и подразделений учебных заведений, учреждений медицины и физической культуры.
6. Осуществление психологического и медицинского сопровождения образования.

Деятельность преподавательского состава должна быть главным образом нацелена на овладение методикой формирования здорового образа жизни студентов через предмет обучения. Главным результатом формирования здоровьесберегающей среды в высшем учебном заведении, как результат деятельности всего механизма, должны стать рост творческих и образовательных достижений студентов и преподавателей, повышение уровня здоровья всех участников учебно-воспитательного процесса. Эффективность системы здоровьесбережения должна обеспечиваться единой образовательной концепцией вуза, где в каждом изучаемом предмете должно быть отражение идеи защиты здоровья студента как будущего специалиста.

Здоровьесберегающие технологии не являются альтернативой всем другим технологиям в области обучения, воспитания, формирования психологической культуры и укрепления здоровья. Главное их отличие в том, что они реализуют приоритет заботы о здоровье людей в учебно-профессиональной деятельности.

---

207. Краснова С. Д.
Ижевск

СТРУКТУРА ЦЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ

Своеобразие внутреннего мира человека, находящегося в статусе инвалида, не вызывает сомнения. Однако знания психологов, работающих в медико-социальной экспертизе (МСЭ), концентрируются в первую очередь в патопсихологической плоскости, негативной оценке утративших функций социально-психологической адаптации освидетельствуемых лиц.

Тем не менее современное общество характеризуется всё большей интерактивной готовностью в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья, где возникает логическая необходимость в понимании интраперсональных и интерперсональных целей инвалидов, требующих фасилитирующих мероприятий на уровне психологической реабилитации.

В период 2007—2009 годов медицинскими психологами ФГУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Удмуртской Республике» было организовано 6 457 экспериментально-психологических обследований (ЭПО) граждан старше 18 лет, что составило 9,5 % от всех освидетельствований в соответствующих структурных подразделениях МСЭ УР, укомплектованных психологами.

Для 4 105 (63,6 %) инвалидов с высоким и удовлетворительным реабилитационным потенциалом личности были разработаны психореабилитационные рекомендации в индивидуальной программе реабилитации (ИПР), касающиеся вида реабилитации (консультирования, психокоррекции, психотерапии) и конкретных психореабилитационных задач.

Из рекомендованных инвалидам в ИПР психореабилитационных целей первое ранговое место (26,6 %) в течение трёх лет занимает «развитие реалистичной позитивной картины мира». Данная целевая плоскость включает в себя такие задачи, как: развитие уверенности в себе, повышение самооценки; снижение характерологического акцента агрессивности; уменьшение интенсивности депрессивного акцента переживаний; снижение личностной тревожности; формирование партнёрского уровня взаимоотношений; расширение представлений о собственных резервах и резервах окружения.

Второй ранг в психореабилитационной потребности инвалидов констатируется по цели «развитие стрессоустойчивости» (16,9 %), т. е. по следующим задачам: обучение методам самопомощи, регулирующих нервно-психическое напряжение, и сопровождение в кризисный период.

Третье ранговое место в целевых рекомендациях отмечается по «развитию активно-интернального поведения и деятельности» (12,6 %). К задачам этого уровня можно отнести: развитие общей активности, самостоятельности в поведении; изменение границ персональной ответственности; купирование состояния фрустрации; развитие диспозиционной терпимости; формирование личностно и эмоционально зрелого поведения; оптимизацию процессов деятельности (моделирование, планирование, реализация, обратная связь); развитие адаптивных coping-стратегий и психологических защит; расширение поисковой

активности в трудных жизненных ситуациях; развитие творческих установок поведения; снижение ригидности поведения.

Четвертое и пятое место по востребованности психореабилитационных мероприятий принадлежит векторам: «изменение внутренней картины болезни, инвалидности» (12,0 %) и «оптимизация индивидуального стиля поведения, сопряженного с типом характера» (11,0 %).

Остальные цели реабилитации, значимые в отношении психологической поддержки инвалидов, расположились в следующей последовательности:

- «расширение адаптивных целей» — 7,9 %: обучение навыкам целеполагания, профессионального, жизненного самоопределения;
- «повышение профессиональной (учебной) адаптированности» — 5,9 %: проведение первичной профориентации, психологическое сопровождение в период первичной или вторичной профессиональной адаптации, купирование синдрома эмоционального выгорания;
- «развитие оптимального контакта» — 2,5 %: расширение общих коммуникативных компетенций, формирование навыков адаптивного взаимодействия, развитие резистентности в конфликтных ситуациях, отработка умений формировать контакт — поддержку, купирование речевых нарушений;
- «гармонизация семейно-супружеских отношений» — 2,1 %: расширение функциональных возможностей семьи (супружества), поддержание позитивной семейной (супружеской) субкультуры, развитие адаптивного типа семейных (супружеских) отношений;
- «развитие познавательной сферы» — 1,3 %: формирование ВПФ на психолого-педагогическом уровне, формирование ВПФ на нейропсихологическом уровне;
- «купирование алекситимических проявлений» — 1,2 %: развитие навыков осознания собственных переживаний и эмоциональных состояний, повышение общей сенситивности.

Таким образом, можно коротко резюмировать основные дефицитарные тенденции социально-психологической адаптации инвалидов Удмуртской Республики на основе целевого анализа психологической реабилитации по ИПР.

Так, для большинства инвалидов характерно общее пессимистическое восприятие мира и себя, ориентация на личностные и средовые ограничения и недооценивание или отрицание имеющихся резервов и возможностей, тревожные, депрессивные, агрессивные паттерны поведения (1 ранг).

Слабые экзеш-установки освидетельствованных в условиях ЭПО МСЭ приводят к низкой стрессовой резистентности, усиливающей убежденность инвалида в своей социально-психологической неэффективности (2 ранг).

В целом, отмечается высокое пассивно-рентное поведение инвалидов, которое приводит к сужению персональной ответственности, отрицанию самостоятельности, инициативности как в отношении жизнедеятельности вообще (3 ранг), так и в отношении к болезни в частности (4 ранг).

Низкие компенсаторно-адаптационные возможности характера, формирующие «кризис стереотипов поведения» (5 ранг) и влияющие, в свою очередь, на неопределенность жизненных целей реабилитантов (6 ранг), профессиональную самонеудовлетворенность (7 ранг), «бедность» коммуникативных компетенций (8 ранг).

Девятое ранговое место в рекомендованных психологами МСЭ целях занимает необходимость гармонизации семейно-супружеских отношений. Этот показатель, к сожалению, не доказывает того, что большинство инвалидов удовлетворены отношениями в своём первичном социальном окружении, а, скорее всего, отражает низкий уровень притязаний инвалидов к сфере семейных отношений, что также является следствием преобладающих пассивных тенденций.

Таким образом, во многих обозначенных выше дефицитарных тенденциях основным психореабилитационным «ядром» является пассивно-рентное мировоззрение инвалида, для изменения которого необходима развернутая, концептуально продуманная программа по развитию, формированию или коррекции активно-интернальных установок поведения инвалидов как широко, на уровне психологического сопровождения реабилитационного процесса любого вида: медицинского, профессионального, социального, педагогического, так и локально, на уровне специфических социально-психологических мероприятий.

РАЗДЕЛ 13

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

---

208. Долгов Ю. Н., Смотрова Т. Н.

Балашов

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОЙ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРТИНЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (постановка проблемы)

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Становление целостной субъективной картины жизненного пути личности в условиях современного информационного пространства», проект №10-06-00211а

Одной из основных проблем становления жизненного пути личности является задача нахождения личностью «своего» жизненного пути, реализации человеком своей субъектности. Успешное решение этой задачи во многом зависит от процесса формирования целостной картины жизненного пути личности. Исследование механизмов, условий и факторов формирования жизненного пути личности в контексте современного информационного пространства поможет лучше понять, как происходит сознательное либо подсознательное моделирование личностью субъективной картины жизненного пути и её реализация, а также определить условия формирования оптимальных для личности и социума моделей жизненного пути на современном этапе развития общества.

Современные молодые люди не в состоянии адекватно реагировать на экспоненциальный рост информационных потоков в быстро меняющейся социальной среде. Это становится реальным вызовом современным институтам социализации, поскольку медиaprостранство предлагает молодым людям ценности, которые являются альтернативными по отношению к заложенным в образовательные стандарты традиционным ценностям. Как следствие, в процессе конструирования субъективной картины жизненного пути в сознании молодых людей возникает противоречие между ценностями, транслируемыми медиaprостранством и декларируемыми образовательной средой. Поэтому в настоящее время назрела необходимость исследования условий и факторов конструирования оптимальных моделей жизненного пути личности и создание практико-ориентированного социально-психологического инструментария (диагностического и развивающего), который позволит гармонизировать взаимодействие интрапсихической организации личности и окружающего медиaprостранства. Кроме того, в представлениях молодежи о собственном жизненном пути должны быть интегрированы эго-ориентированные ценности, сформированные под влиянием СМИ (особенно электронных — телевидения и стремительно набирающего силу Интернета), и ценности, соответствующие потребностям и интересам общества, способствующие развитию его важнейших социальных институтов.

Методологическая основа предстоящего исследования базируется на пересечении трех подходов. Первый подход представлен отечественными концепциями психологии субъекта и его жизненного пути С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анцыферовой, Е.И. Головахи,

А.А. Кроника, Р.А. Ахмерова. Второй подход опирается на идеи экзистенциально-гуманистической психологии К. Роджерса, А. Маслоу, Г. Олпорта, К. Ясперса, Д. Бьюдженталя, С. Мадди, Д. Леонтьева, С. Братченко, в которых человек раскрывается как целостный, самоактуализирующийся активный деятель, конструктор и творец своего жизненного пути. Третий подход связан с теоретическими положениями когнитивной психологии Ж. Пиаже, Дж. Брунера, Д. Бродбента, С. Стернберга, Р. Аткинсона, Р. Шеларда, Дж. Келли, описывающими поведение человека как опосредствованное особенностями и закономерностями протекания познавательных процессов.

С позиций указанных теоретических подходов нами будет предпринята попытка дать интегративный анализ существующих проблем, связанных с воздействием медиапространства на становление целостной субъективной картины жизненного пути личности; выявить социально-психологические механизмы, условия и факторы формирования субъективной картины жизненного пути личности под воздействием информационного пространства. Будут также исследована степень воздействия медиапространства на конструирование личностью субъективной картины жизненного пути и предложен психологический инструментарий для оптимального с позиции личности и общества моделирования целостной субъективной картины её жизненного пути в условиях быстро меняющейся информационной среды.

В процессе реализации проекта предполагается решение следующих инновационных задач:

- исследование особенностей личностной интроекции информационно-медийных стимулов и факторов психологической защиты личности от навязчивого воздействия транслируемых медиапространством образов в процессе конструирования субъективной картины жизненного пути личности;
- определение критериев целостности и других качественных характеристик субъективной картины жизненного пути личности;
- выявление степеней распространенности в сознании молодых людей моделей жизненного пути личности с оптимальным соотношением индивидуально- и общественно-значимых целей;
- исследование взаимосвязи медиазависимости и степени целостности субъективной картины жизненного пути личности;
- определение оптимального взаимодействия в сознании человека интрапсихических образов жизненного пути и информации, исходящей из медиасреды.

Полученные результаты эмпирического исследования позволят выработать рекомендации для специалистов (психологов, педагогов, социальных работников), работающих в русле проблемы оптимизации процессов становления субъективной картины жизненного пути молодого человека в связи с воздействием информационно-образовательного пространства.

209. Малюченко Г. Н., Смирнов В. М.

Балашов

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО НАУЧЕНИЯ КАК ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ДИАГНОСТИКИ И КОРРЕКЦИИ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ

Издается при финансовой поддержке РГНФ. Проект №10-06-00211а

Создание диагностического и коррекционного инструментария является одной из ключевых задач такой относительно молодой сферы научного знания, как медиапсихология. В связи с этим для психологов - специалистов в области масс-медиа остаётся весьма актуальным вопрос о преимуществах отдельных объяснительных парадигм и эвристических конструкций, которые могут выступать в качестве основы для разработки диагностического инструментария и коррекционно-профилактических программ. Как известно, на сегодняшний день в круг широкопризнаваемых и продуктивных теоретических баз, позволяющих создавать диагностический инструментарий, коррекционные и терапевтические методики, входят психодинамическая и когнитивная парадигмы.

На основе указанных парадигмальных основ уже создано немало теоретико-методологических концепций и практико-ориентированных разработок, вполне отвечающих современным вызовам и соответствующим направлениям социально-психологических исследований. Психодинамический подход позволяет подбирать ключи к пониманию таких процессов в современном обществе, как возникновение и развитие социальных сетей, объединенных на основе общности потребностей и интересов, распространение аддиктивного и иррационального сетевого поведения, проявление психологических защит в индивидуальных медиакоммуникациях. Когнитивные теории позволяют решать такие задачи, как целенаправленное развитие осознанного восприятия и понимания медиапродукции, развитие новых, более эффективных способов медиакоммуникации, создание образовательных программ, программ профессионального самоопределения и саморазвития на основе современных информационных технологий и ресурсов. Поэтому мы исходим из того, что в медиапсихологическом дискурсе предположительно равным потенциалом продуктивности обладают как психодинамические постулаты о глубинной интрапсихической детерминации человеческого поведения, так и убежденность сторонников когнитивно-поведенческих теорий в приоритетной роли внешних условий и побуждающих импульсов.

Трезво оценивая неудачи и достижения в построении психодиагностических методик и коррекционно-развивающих программ, следует признать, что к настоящему времени имеет место дефицит исследований, направленных на экспериментальную разработку прикладных моделей, позволяющих верифицировать теоретические знания, выбирать пути и способы их операционализации в рамках практико-ориентированных разработок. В поисках решения данных, сугубо утилитарных задач современные исследователи сталкиваются с такими трудностями, как отсутствие отработанных алгоритмов соотношения отдельных теоретических положений и соответствующих инструментальных приёмов. Превращение теории в практику во многих случаях происходит «как бы впервые», без опоры на прошлый научно-практический опыт, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

К положительным сторонам отсутствия отработанных схем утилизации теоретических знаний можно отнести повышение вероятности создания действительно новых прикладных методов, открывающих новые возможности в исследовании индивидов и целых социальных групп. К наиболее очевидным отрицательным сторонам слабого учёта опыта предшествующих прикладных исследований можно отнести тот факт, что исследователи при этом «забывают» о тех ценных эвристиках, которые уже были ранее использованы. Как следствие, иногда имеют место «случаи переоткрытия америк», хотя следует отметить, что они встречаются не только в психологии.

В русле совместных усилий по созданию медиапсихологического инструментария нам представляется достаточно важной оценка теоретической эвристичности и прикладной мобильности отдельных теорий, созданных в рамках психодинамического и когнитивно-бихевиорального подходов. В рамках этих подходов уже создано немало теоретических и практических разработок, получивших применение в самых различных сферах, в том числе и медиапсихологии. Поэтому ввиду интенсивного разрастания различных авторских концепций, базирующихся на психодинамических и когнитивно-поведенческих постулатах, наше рассмотрение будет иметь относительно узкий диапазон. Мы сфокусируемся на исследовательских инструментах и процедурах, разработанных в процессе развития аналитической психологии К. Юнга (Юнг К.Г., 1996) и теории социального научения А. Бандуры (Бандура А., 2000).

Предваряя краткий сравнительный анализ вышеозначенных теорий, следует оговориться, что отечественная медиапсихология в настоящее время находится на той стадии развития, когда существует риск как неоправданного исключения, так и контрпродуктивного использования различных эвристических моделей, поскольку далеко не каждая модель позволяет находить адекватные ответы прикладным исследовательским задачам. Поэтому нас интересуют, в первую очередь, те возможности, которые простекают из накопленного опыта исследовательских операций и практического воздействия на сознание и поведение личности, имеющегося в распоряжении указанных научных школ.

Рассмотрим наиболее очевидные потенциальные возможности, а также риски и ограничения, которые открываются в ходе последовательного приложения аналитической психологии К.Г. Юнга и теории социального научения А. Бандура к широкому кругу медиапсихологических исследований. Поскольку эти подходы вряд ли могут быть корректно соотношены по своим исходным посылкам, на наш взгляд, целесообразно рассматривать их не в качестве альтернативных и конкурирующих, а в качестве взаимодополняющих по целому ряду прикладных функций.

Аналитическая психология К.Г. Юнга

<i>Потенциальные возможности</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Позволяет выявить влияние архетипов коллективного бессознательного на процессы массовых коммуникаций, на восприятие и понимание медиапродукции. 2. Позволяет проследить влияние бессознательных механизмов психики на формирование стереотипов мышления и восприятия на уровне массовой культуры и их воздействие на личностный рост в условиях интенсивно развивающегося медиапространства. 3. Позволяет выявить взаимосвязь неосознаваемых потребностей личности и различных форм её активности в медиапространстве. 4. Позволяет выявить интрапсихические ресурсы, которые могут использоваться при построении психокоррекционной и психотерапевтической работы с различными формами медиааддикции.
<i>Вероятные риски и ограничения</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. При достаточно проработанной теоретической основе отсутствует четкая формализация методических процедур, недостаточно операционализировано понятийное поле. 2. Недостаточно уделяется внимания таким факторам, как образовательная среда, программы профессионального развития, способным оказывать целенаправленное влияние на формирование сознательных компонентов психики, мотивацию медиапотребления. 3. Вопросы применения юнгианского анализа в групповой психокоррекции и психотерапии недостаточно разработаны, что затрудняет его использование в тренинг-программах по оптимизации медиапотребления. 4. Возможна переоценка влияния внутренних конфликтов на становление и развитие индивидуального медиапотребления.

Теория социального научения А. Бандуры

<i>Потенциальные возможности</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Позволяет учитывать образовательные факторы и сознательные мотивы, определяющие целенаправленное развитие навыков медиапотребления. 2. Позволяет раскрыть потенциал таких форм социального научения, как стихийное подражание, обучение на моделях, которые могут быть использованы при развитии культуры медиапотребления. 3. Разработаны методы когнитивного и личностного саморазвития, основанные на анализе индивидуальных экспектаций, самоконтроле когнитивных и поведенческих составляющих медиапотребления. 4. Разработаны экспериментальные процедуры, позволяющие проследить влияние социального контекста на медиапотребление различных возрастных и социальных групп.
<i>Вероятные риски и ограничения</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Не могут быть в достаточной мере учтены бессознательные, иррациональные компоненты человеческой психики, оказывающие воздействие на восприятие медиапродукции. 2. Излишний акцент на социальных условиях обучения может приводить к недооценке генетических факторов, которые также могут оказывать влияние на динамику индивидуального медиапотребления. 3. Возможна переоценка роли механизмов саморегуляции при построении коррекционно-развивающих программ для представителей молодых поколений медиапотребителей. 4. Возможна переоценка социально заданных образов и культурных героев при построении анализа и прогнозировании поведения медиапотребителей.

Как видно из таблиц, рассматриваемые подходы могут быть применимы в рамках медиапсихологии к различным проблемам, затрагивающим коллективные и индивидуальные формы поведения в современном информационном пространстве.

210. СЕРЖАНТОВА И. Б.

Чита

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В МЕДИАКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Стремительные изменения общества в экономической сфере, в системе социальных институтов, информационных технологий становятся основополагающими характеристиками жизни личности в современном мире. Очевидно, что социальная успешность личности, ее образованность и конкурентоспособность на современном рынке труда, совершенствование ее потенциала в течение всей жизни в большей степени зависят от умения человека воспользоваться информационными ресурсами, четкой ориентацией в медиакосмосе. Еще Д. Белл почти четверть века назад указывал на серьезные изменения в социальной жизни, культуре в целом, которые произойдут в связи с расширением телекоммуникаций, повсеместным внедрением компьютерной техники. Но о становлении нового типа культуры, о его специфике заговорили сравнительно недавно. Медиакультура стала предметом серьезных дискуссий и междисциплинарных исследований. Интерес к медиакультуре можно объяснить тем, что понятие «медиа» отчасти тождественно современной культуре в целом.

По мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей (Кон И.С., 1988; Клее М., 1991; Ремшмидт Х., 1994), подобная ситуация требует одновременного проявления двух противоположных индивидуально-психологических особенностей личности: социальной мобильности, обеспечивающей постоянную адаптацию человека к меняющемуся социальному миру, и развитой персональной идентичности, создающей тот внутренний «стержень», который служит отправной точкой процесса личностного и социального самоопределения. Эти два вектора личности, несомненно, существуют в медиакосмосе: мобильность личности и адаптация человека в современном социуме немаловажны без медиасредств, которые детерминируют его социум. А внутренний «стержень», являющийся основой самоопределения, предполагает медиакультуру и медиаобразование личности, основные направления которых обсуждаются и развиваются в настоящее время.

Для характеристики активного вхождения человека в систему социальных связей обычно используется понятие социализации. В настоящее время проблеме социализации (социальной мобильности) личности уделяется много внимания. Эта проблема рассматривается в философии, педагогике, психологии, культурологии. Наиболее четкое определение понятие социализации человека получило в рамках социологии, где было разработано понятие социализации, а также введены понятия институт социализации, агент социализации, социальное действие и др. (Э. Гиддингс, М. Вебер и др.). Впервые термин «социализация» употреблен социологом Ф.Г. Педдингсом в 1887 г.

В той или иной интерпретации мы находим определение понятия «социализация личности» у многих исследователей. Детальное толкование понятия социализация предлагает Е. Прохоров, который полагает, что социализация личности — это процесс вхождения человека в жизнь общества через усвоение системы знаний, норм, ценностей и, в связи с этим, определения своего места в системе общественных отношений, своих жизненных целей и способов их достижения [3].

Данное определение, в отличие от других точек зрения, методологически выгодно отличается в трех аспектах: во-первых, оно подчеркивает специфические особенности современного информационного пространства, поскольку сегодня общество и СМИ неотделимы друг от друга; во-вторых, предполагается вариативность социализации личности (положительный или отрицательный тип социализации), в-третьих, предполагается активное участие самого человека в этом процессе.

Выделяются три сферы, в которых, прежде всего, осуществляется процесс становления личности: деятельность, общение, самосознание (под самосознанием понимается становление в человеке образа его Я [2]). Социализация демонстрирует власть общества над формированием наших мыслей, чувств и поступков. Однако, будучи людьми, мы способны отвечать на вызовы общества, формируя как себя, так и свой социальный и медиасоциум.

Социализация происходит: а) в процессе стихийного взаимодействия человека с обществом; б) в процессе влияния государства на те или иные категории людей; в) в процессе целенаправленного создания условий для развития человека, то есть воспитания; г) в процессе саморазвития, самовоспитания человека; д) в процессе взаимодействия личности с постоянно расширяющимся медиасоциумом. Этот процесс длится всю человеческую жизнь.

Агентами социализации в социологии принято считать семью, школу, группу равных и средства массовой информации. Складывающееся новое информационное пространство, где главным социальным ресурсом становится информация, создает такие социальные отношения, которые уничтожают старые границы, унифицируют самого человека. Человек получает информацию через СМИ. Медиакультура становится неотъемлемой частью нашей жизни.

В отечественной и зарубежной науке проблемам медиакультуры, медиаобразованию посвящены многие исследования. Н. Кириллова, доктор культурологии, в своей книге «Медиакультура: от модерна к постмодерну» предлагает полное определение медиакультуры: «Медиакультура — это совокупность информационно коммуникативных средств, выработанных человечеством в ходе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности» [1, С. 31]. Передачу и восприятие информации осуществляют все виды медиа (аудиовизуальные, печатные, электронные др.). По мнению Н. Кирилловой, медиакультура — это «детище современной культурологической теории». Термин медиакультура введен для обозначения особого типа культуры, которая существует в информационном обществе и выступает посредником «между обществом и государством, социумом и властью» [Там же, С. 7].

СМИ, благодаря своему продолжительному воздействию, становятся источником наших знаний о мире и нашей роли в нем. Социализация личности (три ее сферы — деятельность, общение, самосознание) в современном поле медиакультуры приобретает новые, ранее несвойственные этому процессу параметры, которые отличают процесс социализации в информационном обществе. Мы полагаем, что в данном контексте можно говорить о медиасоциализации как особом типе социализации в медиапространстве. Остановимся подробнее на процессе социализации в современном медиаобществе.

Средства массовой коммуникации передают информацию, которая позволяет человеку воспринимать окружающую действительность, тем самым они непосредственно участвуют в «конструировании человека», что и является процессом его социализации, освоением новых видов деятельности.

Вхождение личности в современное медиакультурное пространство расширяет горизонты деятельности человека и получает широкие возможности передачи и обмена разнообразной информацией. СМИ делают общение между властью и обществом, разными странами, народами, социальными группами, отдельными индивидами более доступным и успешным.

Медиакультура играет существенную роль и в процессе становления самосознания личности, осознании ее социальной роли, соотношении своего Я с общественными нормами, правом, моралью, идеологией. С помощью информации, получаемой из СМИ, личность расширяет свои познания о мире, расширяет границы своего непосредственного опыта, осознает и меняет свое место в постоянно меняющемся и развивающемся социальном пространстве.

Медиакультурное пространство через свои составляющие: «конструирование самого себя», «передачу и обмен информацией», «осознание общественных норм, права, морали, идеологии» органично и неразрывно связано с тремя сферами процесса социализации: деятельность, общение, самосознание, что непосредственно позволяет говорить о новом типе социализации — медиасоциализации.

Вхождение человека в медиакультурное пространство и его влияние на успешную социализацию личности не всегда являются однозначно положительным. СМИ, которые сопровождают нас в течение всей жизни, не бывают социально нейтральными. Они не просто существуют в мире, но изменяют его, направляя человечество по какому-то одному пути: положительному или негативному. Если человечество будет принимать медиакультурное пространство за благо, то оно отказывается от возможности самостоятельно определять свою собственную жизнь. Мы должны помнить, что СМИ, обслуживая нас, могут не только возвысить человека, но и уничтожить его. В этом контексте медиакультура и медиаобразование способствуют положительной медиасоциализации личности, что ведет к безболезненной адаптации к условиям жизни, окружающей реальности, позволяет стать социально значимым, успешным и профессионально востребованным.

Литература

1. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. — М.: Академический проект, 2006.
2. Кон И.С. Открытие Я. — М., 1978.
3. Прохоров Е. Должны ли журналисты думать о формировании гражданской культуры населения? // Мы — сограждане. СМИ и общество. — М., 2002.

211. Джангалиева А. Н.

Ставрополь

**ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
НА ФОРМИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА**

Ежедневно человек строит свое поведение определенным, присущим только ему образом. Это поведение, которое кажется ему уникальным, основывается на тех знаниях и установках, которые он получает и создает в течение жизни. Знания и установки кажутся ему самостоятельно выбранными из всей имеющейся информации. Но, к сожалению, очень часто они внушаются человеку тем, кому это необходимо. Причем внушение происходит не только по отношению к отдельной личности, но и в целом к обществу, социальной группе, которая становится объектом манипулирования. Одним из основных манипуляторов являются средства массовой информации, которые транслируя определенные сюжеты, строят в сознании масс определенную информационную картину, несущую конкретный образ об окружающей действительности.

С середины XX века многие ученые начали заниматься исследованием влияния средств массовой информации на общественные представления. М. Маккоулз и Д. Шоу впервые, применяя методы математического корреляционного анализа социологических данных и контент-анализа газетных статей и телевизионных сюжетов, обнаружили взаимосвязь между упоминаемыми в них темами и настроениями общественного мнения. Э. Нозль-Нойман доказывала, что средства массовой информации формируют представления индивида о том, «что обсуждают другие». Некоторые авторы, опираясь на концепцию П. Бурдьё, констатируют, что пресса не выражает, а создает общественное мнение, она не отражает представления людей о мире, а формирует сами эти представления, а, значит, и их видение мира. Но в то же время Д. Меррилл говорил, что влияние СМИ состоит скорее в том, чтобы указывать обществу, о чем следует задуматься, а не в том, чтобы говорить ему, что следует думать.

Имеется предположение о том, что чем чаще человеку предоставляется определенная информация, тем большая вероятность, что он примет и признает ее как достоверную.

Поэтому целью нашего исследования является обнаружение частоты и временного отрезка, затраченного на представление информации из каждой выделенной нами сферы социальной жизни общества. Для этого мы проследили в течение пяти дней за программами новостей на шести каналах: «Первый», «Россия», НТВ, «Пятый» — общегосударственные новости, АТВ и «Россия» — региональные новости.

В исследовании использовался метод контент-анализа, при котором были выделены восемь категорий: экономика, политика, социальная сфера, культура, наука и образование, ЧП и преступления, здоровье, спорт. Данные категории регистрировались по частоте и времени показа. Под категорией «социальное» были приняты: строительство, смерть известных людей, транспорт, общины, государственные новости (территория, международные новости), информация об известных личностях, социальные мероприятия. Также в течение трех дней была проведена видеосъемка транслируемых передач.

Обработка данных шла в двух направлениях: сравнение частоты и длительности показа различных категорий на всех каналах в целом и сравнение частоты и длительности показа различных категорий на каждом канале в отдельности.

В результате по первому направлению в независимости от того, общегосударственный или региональный канал, было выявлено, что по частоте преобладающими категориями (по убыванию) являются политика и социальное, имея одинаковую частоту показов, и ЧП и преступления. Минимальную частоту показов имела наука и образование. Но в то же время проявился разрез между частотой и длительностью показов тех же категорий: преобладающими также оказались политика, социальное и ЧП и преступления, но политических новостей было в 1,5 раза больше, чем социальных, а длительность социальных новостей и ЧП и преступлений оказалась равной. Минимальную длительность показа имела также категория науки и образования.

По второму направлению:

- Первый, Пятый каналы и канал Россия имеют наибольшую частоту и длительность показа по категории «политика» и «ЧП и преступления»;
- НТВ и Россия (региональные) — по категории «социальное»;
- АТВ — по категории «здоровье».

При этом, имея практически сходную частоту показа с другими каналами (Первый, Пятый) по категории «политика», канал «Россия» имеет длительность показа в 1,5 раза большую.

Следовательно, в результате полученных закономерностей можно сделать определенные выводы и предположения:

- наиболее частыми и длительными в целом являются сюжеты о политике, социальном и ЧП и преступлениях;
- каждый канал имеет свою линию, тематику показа сюжетов;
- ярко «политическим» является канал «Россия»;
- имея отличия в частоте и длительности показа одних и тех же категорий каждый канал имеет свою политику воздействия на аудиторию: либо частотой представления определенной тематики, либо длительностью;
- каждый канал строит в сознании людей свою «картину мира».

212. Морозов А. В., Радченко Л. Е.

Арзамас

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО МИРА РЕБЕНКА

В условиях развития и становления Российского государства вопросы, связанные со средствами массовой информации (далее по тексту — СМИ) и новыми информационными технологиями приобретают весьма проблемный характер как средства влияния на психическое и физическое здоровье ребёнка. Сила их воздействия возрастает бесконтрольно. Сегодня информация может попадать из одного конца земного шара в другой в режиме реального времени. Наступила эпоха глобализации и информатизации.

СМИ, в силу своей доступности и разнообразия, обладают широчайшими возможностями. Они, наряду с другими факторами, занимают значительное место в деле формирования общественного мнения, настроения, традиций и образований, таких как знания, привычки, ценности, мотивы и мировоззрение в целом. Влияние СМИ осуществляется через воздействие на разум и чувства человека. Рациональная модель массовых коммуникаций рассчитана на убеждение людей с помощью информации и аргументации, построенной в соответствии с законами логики. Однако различные политические силы широко применяют методы эмоционального воздействия для пропаганды своих идей и ценностей. Слово и зрительный образ обладают большой силой эмоционального влияния на личность, которое может затмить рациональные доводы и аргументы. Этим широко пользуются руководители СМИ, обильно насыщая передачи эмоциональным содержанием, подавляющим разум человека.

СМИ оказывают огромное психологическое влияние на сознание и подсознание ребенка. Та реальность, которую нам предлагают сегодняшние СМИ, безусловно, опосредствована чьим-то мнением, она упрощена и не предполагает размышления, анализа. В некоторых случаях эта информация может быть опасна, так как ребенок принимает ее готовой, не задумываясь. Зачастую ребенку легче окунуться в поток информации, чем критично её воспринимать. СМИ сегодня — это мощный фактор влияния на психическое состояние, который проявляется в совершенно различных сферах, выполняя свою определенную функцию (информационную, социальной связи, рекреативную и др.). Использование этих коммуникационных средств повлекло к возникновению нескольких его направлений: печать, радио, телевидение, Интернет, каждое из которых состоит из огромного числа каналов — отдельных газет, журналов, альманахов, книжной продукции, программ радио и телевидения, информационных сайтов, чатов, блоков, способных распространяться как по всему миру, так и в локальных регионах.

Глобализация информационного пространства и технические достижения превратили СМИ в мощнейший фактор воздействия на картину мира со своими основными чертами и особенностями [1].

Во-первых, развитие средств массовой коммуникации как массива масс-медиа породило феномен «дефицита от изобилия». При огромном объеме информации, из которого намеренно убираются

причинно-следственные связи, у человека теряется её восприятие и усиливается чувство недоверия. И в результате этого человек оказывается в информационном вакууме.

Вторая особенность — это «перформантность» (от английского «performance» — представление), когда человек испытывает тягу к развлечениям, сенсациям, массовым зрелищам. Подача информации все чаще приобретает характер шоу в повседневной жизни человека, что побуждает его к стремлению стать участником какого-либо феерического действия.

Третье — это визуализация или зрительная коммуникация между людьми, ставшая основой человеческого общения. Визуальные образы и коды стали основными способами передачи информации (язык, жестикуляция и т. д.). В этой связи телевизор и Internet выходят на первое место по популярности. В результате человек утрачивает способность образно, творчески мыслить, и в его сознании создаются образы, с помощью которых осуществляется управление его сознанием.

В большинстве документов, посвященных защите несовершеннолетних от негативного информационного воздействия, вредная информация делится на виды, или категории, в зависимости от ее воздействия на несовершеннолетних. Продукция, содержащая пропаганду антиобщественного поведения, уголовно наказуемых деяний, насилия, жестокости, порнографии и наркотиков, полностью запрещается к реализации.

Потенциально опасная для психики несовершеннолетних информационная продукция, в частности, устрашающего, жестокого, порнографического характера, дискредитирующая семью и родителей, провоцирующая детей к потенциально опасным поступкам, а также содержащая ненормативную лексику, — частично ограничивается к распространению в соответствии с возрастной классификацией. И именно государство должно выработать критерии «вредной» информации, определиться с органом, который будет контролировать содержание СМИ в части информации, способной нанести вред несовершеннолетним, с различными технологиями защиты.

В проекте федерального закона «О защите детей от информационной продукции, причиняющей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию» говорится, что на территории Российской Федерации ограничено распространение любыми способами в доступное для детей время и в доступной для детей форме следующих видов информации, наносящей вред здоровью и развитию детей:

- демонстрирующей насилие или жестокость;
- дискредитирующей семью и родителей;
- устрашающего характера;
- провоцирующей детей к потенциально опасным поступкам;
- провоцирующей детей к потреблению веществ, товаров и услуг, опасных для жизни и здоровья;
- провоцирующей детей к антиобщественному поведению;
- содержащей ненормативную лексику;
- криминогенного характера;
- эротического и порнографического характера;
- иной информации, способной причинить явный вред здоровью и развитию детей [2].

Таким образом, в настоящее время общественностью активно изучаются последствия влияния СМИ, в частности, на психическое и физическое здоровье несовершеннолетних. Рассматриваются, в первую очередь, физиологические последствия — те изменения в организме, которые вызваны воздействием СМИ. К примеру, сексуальное возбуждение под влиянием просмотра порнографии можно оценить, измерив частоту сердцебиения, электрохимические характеристики кожи. Просмотр фильма ужасов или захватывающего спортивного матча вызывает такие физические изменения, как учащение дыхания и сердцебиения. Даже такой обыденный материал, как телевизионная реклама, может привести к изменениям в частоте сердцебиения и ориентировочном рефлексе, реакциям кожных покровов и т. д.

Также СМИ могут способствовать различным типам когнитивных действий. В серии исследований, в которых сравнивались когнитивные эффекты радио и телевидения, связанные с умением рассказывать истории, дети придумывали более оригинальные окончания к незавершенным историям в тех случаях, когда они слышали их по радио, чем тогда, когда они видели и слышали их по телевизору [3]. Эти результаты служат подтверждением интуитивному предположению, что радио способствует развитию воображения в большей степени, чем телевидение. Дети лучше запоминали вербальную информацию,

переданную по радио, но визуальная, событийная и общая информация воспринималась ими лучше, когда ее передавали по телевидению.

Установки оценить легче, чем поступки, и иногда они приобретают огромное значение, поскольку влияют на последующее поведение и на то, как мы станем в дальнейшем обрабатывать информацию. Воздействии установок не ограничивается формированием нашего мнения о том или ином объекте. Под влиянием набора установок может сложиться образ мышления, который будет определять все наше мировоззрение. Такие установки накладывают отпечаток на наше восприятие мира и то, как мы его интерпретируем.

К средствам психологического воздействия на личность можно отнести печатную продукцию, радио- и телевидение, кино, видеофильмы, аудиоматериалы и другие носители аудио- и видеoinформации, компьютерные телекоммуникационные сети, даже предметы повседневного обихода, продукты питания и игрушки. С помощью этих средств человек уводится в вымышленный мир как активный участник разыгрывающихся виртуальных событий, оказываясь беспомощным и легко управляемым в мире реальном. Наиболее уязвимы при этом люди духовно неразвитые, дети и подростки.

Таким образом, ставшие неотъемлемой и весьма значимой частью нашей жизни, СМИ таят в себе мощный потенциал негативного влияния как на общество в целом, так и на каждого конкретного человека, в частности. Призванные выполнять позитивные функции, информировать и позволять каждому члену общества формировать свое собственное отношение к происходящему вокруг, они, напротив, зачастую дезинформируют и моделируют поведение, манипулируя человеческим сознанием. Особенно остра эта проблема, когда речь идет о еще не сформировавшемся сознании ребенка.

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, от 4.10.1950 года), с изменениями и дополнениями 25.03.1992 года, <http://www.zakon.kuban.ru>.
2. Федеральный закон от 21.12.2004 №170-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 26.11.2004) // Российская газета. — № 4404. — 04.07.2007.
3. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2004.

213. Тулегенова Г. Е.
Актобе, Казахстан

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА НРАВСТВЕННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА

Нравственное становление всегда считалось важной проблемой при воспитании каждого гражданина, а в современных условиях она приобретает особое значение. Нравственное воспитание, по мнению современного российского ученого Г.М. Коджаспировой, — это формирование отношений к Родине, общественной системе и государству, к людям, к труду, к самому себе на уровне общечеловеческих норм гуманистической морали, культуры общения, способности к их совершенствованию и умений поступать с учетом общественных требований и норм, прочной системы привычного повседневного морального поведения [1, С. 229].

На нравственное становление личности влияют многие факторы, такие как семья, школа, ответственность, окружающая среда, но все более нарастающее значение имеют средства массовой информации.

К основным СМИ относятся: газеты, телевидение, радио, журналы, аудиозаписи, видео и др. Основными функциями СМИ являются: коммуникативная, непосредственно-организаторская, идеологическая, культурно-образовательная, рекламно-справочная, рекреативная. Перечисляя данные функции, нельзя отрицать огромную роль СМИ в нашей жизни, человек уже не может обходиться без них. Простым нажатием на пульт, перелистывая газеты, работая в Интернете, мы отгораживаемся от реального мира, по-

падаем в иллюзорное информационное пространство. Бесспорно, СМИ имеют множество преимуществ. Они приобщают к искусству, науке, эстетике, знаниям.

Самым мощным средством массовой информации по охвату населения и возможности воздействовать на сознание людей является телевидение. Именно телевидение дает возможность наглядно-образного восприятия, вследствие чего оказывает сильное эмоциональное влияние на человека. Телевидение также имеет негативные стороны, которые, прежде всего, влияют на нравственное становление личности школьника. Телевидение пропагандирует определенные цели и ценности жизни, образы поведения. Задача каждого учителя и родителя научить ребенка уже с малых лет выбирать более полезные, способствующие их умственному и нравственному развитию информации и программы. Необходимо фильтровать и брать «доброе, разумное, полезное».

Немов П.С пишет, что когда говорится о необходимости управления массовой информацией, поступающей к детям школьного возраста, речь не идет об искусственном ограничении обращения ребенка к современным источникам массовой информации и культуры. Скорее, имеется в виду необходимость формирования у детей определенного вкуса, социальной позиции и культуры, включая эстетическую. Окружающие ребенка взрослые, родители, другие члены семьи в этом отношении могут оказать ему неоценимую помощь. Каждый из них ежедневно что-то читает, слышит и видит, имеет возможность порекомендовать что-то прочесть или посмотреть подростку или юноше, прокомментировать полученные ими сведения. Желательно, чтобы информирование о социальных, политических, экономических и культурных событиях в семье и школе стало регулярным и взаимным. Этим систематически должны заниматься не только учителя и родители, но и сами дети. Тогда у них выработается потребность в обращении к средствам массовой информации и культуры, установка на понимание, знание, запоминание прочитанного или увиденного и услышанного, хороший вкус и избирательность в восприятии информации. Рекомендую что-либо детям, родители и учителя постоянно должны иметь в виду личностно-развивающий эффект обращения к средствам массовой информации, их воспитательное значение [2, С. 452].

Потребление информации школьниками зависит, в основном, от индивидуальных вкусов и предпочтений. Это обуславливается не только возрастными отличиями, но и принадлежностью к разным пластам цивилизации. Можно фиксировать изменения в мироощущении и речи детей под воздействием СМИ.

Одной из целей современного образования является приобщение человека к мировой культуре, в том числе к таким ее компонентам, как телевидение и радио, печать и кино. Другими словами, человек должен быть образован в вопросах СМИ. Медиаобразование — направление в педагогике, выступающее за изучение школьниками закономерностей массовой коммуникации (пресса, ТВ, радио, кино, видео и др.). Основные задачи медиаобразования: подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях к восприятию различной информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладевать способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств.

Необходимо создать педагогические условия для нравственного воспитания школьников в процессе учебной деятельности и взаимодействия с современным телевидением. Учитель должен использовать все возможности современных СМИ для формирования духовно-нравственных ценностей школьников, учитывая при этом особенности восприятия, возрастные особенности и дидактические приемы воздействия на детей. Учащиеся, в свою очередь, должны использовать школьные знания при восприятии и критическом осмыслении информации, понимать суть информации, принимать личностную позицию по отношению к скрытому смыслу.

Литература

1. Коджаспирова Г.М. Педагогика. — М.: Гардарики, 2007. — 528 с.
2. Немов П.С. Психология: учебник для студентов пед. учеб. заведений: в 3 кн. — 4-е изд. — М.: Гуман. издат. центр ВЛАДОС, 2005. — Кн. 1. — 606 с.

214. Гаурилюс А. И.

Минск

ВЛИЯНИЕ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ

Социализация как прижизненный процесс усвоения социальных ролей и культурных норм предполагает, с одной стороны, целенаправленное воздействие в условиях воспитания, с другой стороны, — стихийное воздействие на личность различных обстоятельств жизни в обществе. Обычно рассматривают воспитательное воздействие со стороны семьи, различных учебных заведений (от детского сада до университета), сверстников, молодежных и других группировок, трудовых коллективов и армии. Такие агенты вторичной социализации, как телевидение, радио и печать подробно не анализировались. Учитывая распространенность СМИ и эффективность их влияния на формирование сознания на фоне заметного снижения участия семьи в воспитании ребенка, СМИ можно условно отнести к агентам первичной социализации. Особое влияние на изменение психики взрослого человека и на формирование психики ребенка оказывает телевидение.

Телевидение имеет широкую возможность предлагать определенные культурные нормы, правила, нравы, традиции, касающиеся как материальных, так и духовных ценностей. Задаваемые при помощи телевидения образцы или, лучше сказать, шаблоны поведения предлагают широким слоям населения, что они должны говорить, думать, чувствовать и делать в тех или иных конкретных ситуациях. Немаловажную роль в этом играет реклама. Сочетая свою информативность с убедительностью и внушением, реклама оказывает на человека эмоционально-психическое воздействие. Управляет поведением покупателя имидж или образ товара, представляющий собой целостный комплекс символов и эмоционально-рассудочных ассоциаций. Кроме этого ведущим методом формирования потребности выступают психологические установки, психологическое заражение и подражание. Предрасположенность побуждает человека ориентировать свою деятельность и поведение в соответствии с конкретными формами. Эмоциональная насыщенность рекламы привлекает внимание и закрепляет определенное эмоциональное состояние. Яркая, художественно обыгранная реклама не только вызывает интерес к товару, но и сама по себе нравится, запоминается и побуждает к определенному поведению. Таким образом, параллельно с непосредственной функцией — рекламой товара и услуг — телевизионная реклама оказывает побочное воздействие — создает установку на определенные формы поведения в различных жизненных ситуациях.

Анализ телевизионной рекламы с точки зрения психологической установки или задаваемого образца социального поведения человека в повседневной жизни позволяет выделить следующие негативные моменты. Довольно часто герои рекламы демонстрируют в целом некритичное поведение, нередко опасное для собственной жизни (прыгают с крыши на крышу, догоняют уходящий транспорт) или для жизни и здоровья других людей (хлопают надутым пакетом над головой спящего человека). Анализ деятельности персонажей рекламы нередко свидетельствует об отсутствии у них ориентировочного этапа деятельности и самоконтроля (рабочий красит пол от двери и замечает это только когда оказывается в углу комнаты). В целом, герои рекламных роликов пребывают в состоянии эйфории, неуместно шутят, смеются по любому поводу. Нередко демонстрируют поведение, характерное для истероидного расстройства личности. Иногда присутствует реклама, вызывающая интерес к оккультике (реклама шоколада), провоцирующая на депрессивное реагирование на обыденные жизненные трудности (женщина принимает позу эмбриона и плачет по поводу поломки стиральной машины). Довольно часто встречаются примеры «нервного» поведения — раздражительности, тревожности. При этом причиной такого неустойчивого поведения может являться малозначимый факт. В некоторых случаях демонстрируется отношение к живому как к неживому и неживому как к живому, характерное для расстройства личности (психопатии). Мужчины чаще ведут себя как мачо, женщины или демонстративно сексуальны, или агрессивны и мужеобразны (реклама дезодоранта). Демонстрируемые отношения мужчин и женщин наталкивают на мысль об эротической аддикции. Нередко реклама товара сопровождается зависимым поведением ее персонажей. Обычно это аддикция отношений (зависимость от разговоров по мобильному телефону, болтоголизм), пищевая аддикция (гиперфагия), реже аддикция к покупкам. Ряд рекламных роликов толкает на формирование склонности к азартным играм. Довольно часто реклама пива сопровождается контекстом молодежных вечеринок или общения молодых людей. Есть рекламный ролик, в котором утверждается, что «стоит только захотеть» — и можно избавиться от наркотической зависимости, хотя известно,

что при наркотической и алкогольной зависимости нарушается система иерархии мотивов, в результате чего мотивы, связанные с употреблением вещества, выходят на первый план. Просмотр рекламы подобного содержания может, в той или иной мере, способствовать формированию подсознательной психологической установки на не совсем адекватное восприятие жизненных ситуаций и патологическое поведение. Изменения поведения (копирование поведения, широкое использование фраз-штампов и интонаций в повседневной жизни) вследствие воздействия телерекламы более заметны у детей и подростков, что связано с соответствующими возрастными особенностями психики.

Таким образом, телевизионная реклама, несущая в себе образцы неадекватного и отклоняющегося поведения, нередко относящегося к разряду психопатологии (неадекватные или обостренные психические реакции, снижение способности адекватно осмыслить конкретную ситуацию и свое место в ней, нарушение способности произвольно руководить собой, зависимость и т. д.), способна повлиять на социализацию человека, лишить индивидуальности и затруднить его функционирование в обществе.

Литература

1. Кравченко А.И. Введение в социологию: Учебное пособие. — М.: Новая школа, 1995. — 144 с.
2. Шуванов В.И. Психология рекламы. — Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2003. — 320 с.

215. Галашев В. А.
Ижевск

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ОБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В настоящее время в соответствии с Законом о средствах массовой информации (СМИ) в Российской Федерации расширено понятие «распространение продукции средств массовой информации»: теперь сюда включены не только вещание теле- и радиоканалов и доставка печатных СМИ, но и «иные действия, направленные на получение массовой информации неопределенным кругом лиц». Это позволяет считать таковым и распространение информации в Internet, и, например, рассылку новостей в мобильных сетях, и вообще любые другие способы.

Теперь в состав СМИ официально включены: массовые периодические издания (газеты, журналы, бюллетени, вестники и др.); аудиовизуальные информационные средства (радио, театр, кино, телевидение), Internet, мобильная связь (спутниковая, сотовая).

Функции СМИ

Основная цель создания СМИ — получить средство социально-политического воспитания, обучения и развития человеческого общества его элитой. Являясь инструментом в руках олигархии (правлящего социального слоя, класса), СМИ служили и до сих пор служат средством сохранения статус-кво в социуме.

В то же время СМИ можно считать промежуточным звеном (каналом связи) между коммуникатором, источником информации (заказчиком—властью) и реципиентом (потребителем—социумом). Рассматривая СМИ с этой стороны, можно прийти к выводу, что СМИ является информационным ресурсом, который, как и другие ресурсы, является предметом конкурентной борьбы за власть над умами социальных слоев общества. Иными словами, СМИ можно рассматривать как информационное пространство, информационное поле боя конкурирующих между собой олигархов за право управления людьми в своих интересах.

В современных условиях развития социального общества существенное развитие получили и СМИ. Сейчас можно рассматривать СМИ как открытую саморазвивающуюся информационную систему, способную генерировать новые, не свойственные первоначально выделенным ей правящей властью функции.

СМИ — объект управляющего воздействия

Человеческое общество с позиции власти всегда рассматривалось как объект, на который и направлено ее субъектное воздействие, с целью сохранения достигнутого ею уровня распределения материальных и социальных благ. Создав и используя СМИ, правящая элита рассматривает человеческое общество как массу, толпу, а не как сообщество индивидуумов, личностей, способных к самостоятельному принятию решений. Главной функцией СМИ как инструмента в руках олигархической верхушки является управление сознанием людей путем не только регулирования общего объема информации, предназначенной людям, но и, в первую очередь, его содержания. При этом объем информационного потока, имеющего наибольшую ценность, его доводится до минимально возможного значения, а содержание корректируется в сторону, нужную для формирования требуемого для нее общественного мнения. Достижению этого способствует информационная продукция, подготовленная контролируемой журналистикой, входящей в состав СМИ.

С появлением современных информационных технологий и, в первую очередь, **Internet** и **мобильной** связи, активно влившихся в состав СМИ, относительный уровень контроля их со стороны олигархии существенно понизился. Следует, однако, признать, что властные структуры, борясь за влияние на общество, все активнее начинают проникать и в эти сферы. Появились, например, технические возможности блокирования Internet-услуг не только в масштабах отдельно взятой страны, но и по всему миру. Пример демонстрации контроля над СМИ: компьютерный гигант Microsoft заблокировал некоторые Internet-услуги на Кубе, в Иране и Судане.

В настоящее время, время информационных технологий высокого уровня, повышения общего уровня культуры общества, тактические приемы информационного воздействия власти на людей через СМИ претерпевают частичные изменения.

Стратегия, как и прежде, остается неизменной — управление сознанием людей через СМИ посредством захвата СМИ и полного контроля над ними.

Тактика — манипулирование содержанием информации (искажение смысла, вырывание фрагментов из контекста и др.) и ее объемом.

Наиболее распространенными приемами информационной тактики в современном информационном обществе являются [1]:

- «Секретность». Суть его заключается в засекречивании наиболее ценной информации и ограничении ее распространения. Особой разновидностью этого подхода является организованная утечка засекреченной информации.
- «Тайный информационный источник». Этот прием часто рассчитан на введение в заблуждение людей запуском ложной информации.
- «Исключение из списка реципиентов». Данный прием является способом не дать возможность заинтересованным лицам (адресатам) развернуть активную деятельность.
- «Использование двойного канала связи». Прием основан на том, что альтернативные или противоречивые послания направляются по двум разным каналам с тем, чтобы проверить реакцию или вызвать замешательство и создать конфликтную ситуацию среди получателей.
- «Регулирование доступа». Этот распространенный прием обеспечивает удерживание под контролем подходы к вышестоящему лицу и контроль информации, которую он получает.
- «Дробление информации на части». Использование этого приема с обеспечением доступа к каждой части информации разных лиц не позволяет каждому из них сделать обобщенный вывод и принять правильное решение.
- «Задержка предоставления информации». Распространенный прием. Он направлен на то, чтобы задержать отправление сообщения до тех пор, пока информация не устареет и не потеряет свою ценность.
- «Приливная волна». Коммуникатор отправляет разом реципиенту такое количество бумаг, что он тонет в них и не сможет отобрать из всей кучи наиболее важные документы.
- «Дозирование ложной и правдивой информации». В этом случае распространяется множество нереальных слухов, среди которых несколько верных фактов, поэтому получатель не может во всем этом разобраться.
- «Информационная отдача». Согласно этому приему ложная информация сначала внедряется за границу с тем, чтобы ее затем подхватила и перепечатала отечественная пресса.

- «Большая ложь». В основе этого приёма лежит идея, что если лгать по-крупному, этому скорее верят, чем когда прибегают к мелкой лжи.

Анализируя этот список широко используемых приемов, становится ясно, что лишь небольшое из заявлений, сообщений или «фактов» в политической или правительственной жизни может быть достоверным. На всем лежит отпечаток конкурентной борьбы, противоборства политических ветвей власти. В связи с этим становится понятно, что большая часть информации, внедрённой в СМИ, с самого начала проходит предварительную обработку, после которой практически невозможно добраться до сути рассматриваемого явления или события.

СМИ — субъект массовой информации

Рассматривая СМИ как открытую саморазвивающуюся информационную систему (об этом можно судить по появлению так называемых «независимых» СМИ, интегрирующих в себе роли коммуникатора и проводника информации реципиенту), СМИ следует также считать и субъектом целенаправленного воздействия на людей. В отличие от журналистики в составе СМИ, действующей по заказу извне, в рассматриваемом случае содержание продуцируется в рамках самой информационной системы, что существенно повышает уровень достоверности информации, а значит и её ценность.

Появление независимых СМИ в современных условиях конкурентной борьбы за их захват является важной тенденцией их развития. Можно сказать, что происходит преобразование СМИ из средств массовой информации в субъект массовой информации. Это преобразование повышает вероятность появления (реконструкции) нового субъекта — социального информационного общества (реципиента).

Информационное общество — субъект, принимающий решения

Современное динамично развивающееся сообщество людей (объединение личностей) можно рассматривать и как субъект, решающий с помощью СМИ стоящие перед ним проблемы. При этом СМИ со стороны информационного общества отводится роль источника (хранилища) информации и канала связи между СМИ и сообществом.

С развитием информационной культуры общества у его членов постепенно формируется способность выявлять истинную ценность получаемой информации, отделяя «зерна от плевел», способность ее эффективно перерабатывать и принимать на этой основе оптимальные решения.

Резюмируя сказанное, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в борьбе за влияние на сообщество людей со стороны правящих слоев важная роль по-прежнему отводится средствам массовой информации, которые постепенно, независимо от желания правящей элиты, сами становятся реальным противовесом. Саморазвивающаяся система СМИ начинает преобразовываться в субъект массовой информации, что повышает ценность выработанной в СМИ информации, а значит, будет способствовать повышению уровня субъектности самого информационного общества. Все это следует признать положительным явлением современности.

Литература

1. Обзор технологий анализа информации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vladimir.socio.msu.ru/1_KM/index.htm.

216. Зубакин М. В.

Пермь

СЦЕНЫ НАСИЛИЯ НА ТЕЛЕКАНАЛАХ РФ И ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

При изучении проблемы насилия в СМИ можно выделить несколько сторон. Первая сторона — констатирующая, изучающая количество сцен, которые, вероятно, наблюдает человек в СМИ. Вторая сторона — изучение влияния актов насилия и жестокости в СМИ на зрителей, их эмоциональную, когнитивную сферу

и поведение. Третья сторона — изучение влияния «третьих» факторов на поведение человека после просмотра сцен медиа-насилия и выявление факторов привлекательности сцен насилия. Данное исследование сосредоточено на 1 стороне проблемы в контексте телевидения.

Крейхи (2003) указывает, что изучения вопроса о количестве наблюдаемых сцен насилия и жестокости и его влиянии на зрителей упирается в два условия. Во-первых, требуются доказательства широкого присутствия насилия и агрессии в телепрограммах. Во-вторых, должно быть показано, что среди зрителей наблюдение медиа-насилия получило значительное распространение. Количественное присутствие сцен насилия на телеэкранах изучается контент-анализом ТВ-программ. Распространенность наблюдения сцен насилия и жестокости на ТВ изучается при помощи систематических исследований зрительского поведения и зрительских предпочтений.

Обзор исследований, где используется контент-анализ изучения насилия в СМИ, приводит Potter (1999), обнаруживший, что показ агрессии занимает значительную долю телеэфира США. Такие же данные были получены в исследованиях Gunter & Harrison (1998), анализировавшие 8 телеканалов Великобритании, исследования немецкого телевидения Groebel & Gleich (1993), Comstock & Scharer (1999), изучавших содержание музыкального ТВ, домашнее видео и платные каналы. Отечественные исследователи содержания насилия на телевидении — Тарасов (2003), Собкин и Глухова (2001) — также обнаружили высокое содержание сцен насилия и эротики на телеэкранах. Исследования Smith & Donnerstein (1998), Hamilton (1998), Potter (1999) показывают, что и взрослые, и дети проводят перед экраном телевизора и за другими масс-медиа значительное количество времени.

Таким образом, имеются данные о распространенности сцен насилия и жестокости на зарубежном и отечественном телевидении и данные о том, что сцены насилия наблюдают множество детей и взрослых. Однако исследований, в которых одновременно учитывались бы эти 2 аспекта, и при этом ограничивались бы одной возрастной группой и контролем такого социального фактора как уровень образования, не было. В данном исследовании в качестве объекта были выбраны студенты вузов как наиболее перспективная и важная социальная группа для решения ближайших социальных проблем и задач.

Было проведено «пилотное» исследование, которое решало 2 исследовательские задачи. Во-первых, вслед за Поттером, Гантером и Харрисом, Тарасовым, Собкиным и Глуховой и др. изучалось широкое распространение сцен насилия на общедоступных телеканалах РФ. При этом изучалось только вечернее время телеэфира, как у Тарасова (2003), и рассматривались кинофильмы и телесериалы, поскольку Собкин и Глухова (2001) обнаружили, что наибольшее количество сцен насилия и эротики на ТВ демонстрируется в кинофильмах. Во-вторых, изучались телевизионные предпочтения студентов вузов и их впечатление о распространенности насилия на телевидении. В соответствии с этими задачами было составлено 2 группы исследовательских вопросов.

Первая группа: 1) какое количество сцен насилия (и какого вида) демонстрируются в кинофильмах вечернего времени на общедоступных телеканалах РФ; 2) распространенность сцен насилия по видам на общедоступных каналах в вечернее время в разные дни недели; 3) какой вид сцен с насилием демонстрируется чаще всего в вечернее время на ТВ РФ.

Вторая группа исследовательских вопросов: 4) какие телеканалы и телепередачи предпочитают студенты вузов, когда находятся перед экраном телевизора; 5) какое количество времени в среднем проводят студенты за просмотром телевизионных передач и предпочитаемое время суток просмотра; 6) какие впечатления студентов о присутствии сцен насилия и агрессии на телеэкранах.

В исследовании количества сцен жестокости и насилия на каналах РФ приняли участие 10 экспертов, которые в течение 7 дней просматривали кинофильмы с 19.00 до 23.00 на каналах РФ: «ОРТ», «РОССИЯ», «НТВ», «СТС» и «ТНТ». Использовались специальные бланки наблюдения, в которых отмечались виды насилия и жестокости: 1) физическое насилие (подразделялось на 1.1. убийства и 1.2. драки и нанесение физического вреда); 2) вербальная агрессия; 3) косвенная агрессия; 4) сексуальное насилие; 5) иные формы насилия.

Для исследования телевизионных предпочтений студентов проводился опрос. В анкетировании приняли участие студенты различных специальностей вузов г. Перми (ПГИИК, ПГПУ, ПГТУ, ПГУ) в количестве 80 человек (40 девушек и 40 юношей в возрасте от 17 до 23 лет ($M = 19,00$, $SD = 1,67$)). Для оценки предпочтений была использована специально разработанная анкета, состоявшая из 8 вопросов и измерявшая показатели: 1) пол; 2) возраст; 3) частота телепросмотров; 4) длительность телепросмотра;

5) предпочтение телеканала; 6) предпочтение вида телепрограмм; 7) предпочтение времени суток просмотра ТВ; 8) оценка частоты демонстрации сцен насилия и жестокости на ТВ.

Результаты ответа на 1 исследовательский вопрос приведены в табл. 1.

Таблица 1

Количество сцен насилия на телеканалах РФ

Виды демонстрируемого насилия	Каналы				
	ОРТ	Россия	НТВ	СТС	ТНТ
Физическое насилие	3,43	8,29	9,50	10,57	51,86
Убийства	1,50	1,07	2,79	4,00	6,80
Драки	1,93	7,21	6,71	6,57	45,07
Вербальная агрессия	4,29	5,49	9,57	2,50	20,57
Косвенная агрессия	1,50	1,36	1,50	6,57	10,07
Сексуальное насилие	0,21	1,00	0,29	0,00	0,36
Другое насилие	0,00	0,50	0,21	1,71	4,57
Общее	9,43	16,63	21,07	21,36	87,43

Телеканал «ТНТ» демонстрирует наибольшее количество сцен насилия и жестокости, а «ОРТ» — наименьшее. Больше, по сравнению с другими каналами, количество сцен убийств и драк демонстрирует «ТНТ», а наименьшее количество убийств демонстрирует «Россия», наименьшее количество драк — «ОРТ». Больше всего сцен физического насилия демонстрирует «ТНТ», наименьшее — «ОРТ»; наибольшее количество сцен с вербальной агрессией демонстрирует «ТНТ», а наименьшее — «СТС», наибольшее количество сцен косвенной агрессии также демонстрирует телеканал «ТНТ», а наименьшее — «Россия». Наибольшее количество сцен с сексуальным насилием демонстрируется «Россией», а наименьшее — «СТС», наибольшее количество сцен насилия иного характера демонстрируется «ТНТ», а наименьшее «ОРТ».

Результаты ответа на 2 исследовательский вопрос приведены в табл. 2.

Таблица 2

Распространенность сцен насилия по дням недели

Виды демонстрируемого насилия	Дни недели						
	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ	ВС
Физическое насилие	16,4	17,5	17,8	19,5	2	30,6	13,7
Убийства	3,1	4,2	3,1	3,8	1,1	5,2	2,1
Драки	13,3	13,3	14,7	15,7	0,9	25,4	11,6
Вербальная агрессия	8,3	5,8	9,4	11,7	2,6	6,5	5
Косвенная агрессия	4,1	4,2	6,4	3	1,7	5,6	4,4
Сексуальное насилие	0,1	1,1	0,4	0,6	0,1	0,2	0,2
Другое	1,7	1,2	1,3	3,3	0,3	0	1,8
Общее количество сцен насилия	47	47,3	53,1	57,6	8,7	73,5	38,8

В субботу на телевидении демонстрируется наибольшее количество сцен насилия, а наименьшее в пятницу. При этом с понедельника по четверг количество сцен насилия постепенно нарастает. Больше всего убийств и драк демонстрируется в субботу, а наименьшее — в пятницу. Более всего сцен физического насилия демонстрируется в субботу, менее всего в пятницу, более всего сцен вербальной агрессии демонстрировалось в четверг и менее всего в воскресенье, более всего сцен косвенной агрессии демонстрировалось в среду, а меньшее — в пятницу, более всего сцен сексуального насилия демонстрировалось во вторник, а менее — в понедельник и пятницу, иных сцен насилия более всего демонстрировалось в четверг, а менее всего в понедельник и субботу.

Результаты ответа на 3 исследовательский вопрос приведены в табл. 3.

Таблица 3

Распространенность видов сцен насилия на телевидении РФ

Виды демонстрируемого насилия	Среднее количество сцен насилия в вечерний прайм-тайм
Физическое насилие	16,79
Убийства	3,23
Драки	13,56
Вербальная агрессия	7,04
Косвенная агрессия	4,20
Сексуальное насилие	0,39
Другое	1,37
Общее количество сцен насилия	46,57

Больше всего на телевидении демонстрируется сцен физического насилия, а именно драк и причинения физического вреда, а менее всего — сексуального насилия.

Исследование телевизионных предпочтений студентов обнаружило следующие результаты. Во-первых, студенты в целом смотрят ТВ и оценивают время, проведенное за просмотром телепередач, как среднее. При этом девушки по сравнению с юношами находятся перед телевизором чаще и больше времени тратят на просмотр телевизионных программ. Во-вторых, студенты независимо от пола (и юноши, и девушки) предпочитают развлекательные телеканалы ТНТ и СТС, а наименее предпочтительным каналом является РТР. В-третьих, наиболее привлекательным для студентов (независимо от пола) видом программ является демонстрация кинофильмов, новости и развлекательные телепрограммы. Наименее привлекательными в целом для группы оказались телесериалы, однако отдельно для юношей наименее привлекательны телесериалы, а для девушек — спортивные программы. В-четвертых, было обнаружено, что студенты (и юноши, и девушки) предпочитают вечернее время для просмотра ТВ-программ. В-пятых, и юноши и девушки отмечают, что на телевидении часто демонстрируются сцены жестокости и насилия.

217. Сабирзянова И. И.

Казань

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПЕРЕГРУЗКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ежедневно человеку приходится обрабатывать огромное количество информации — визуальной, звуковой, текстовой. Мы получаем её отовсюду: телевидение, радио, Интернет и даже слухи и сплетни. Цунами информации нас просто накрывает с головой. И при этом скорость и объем передачи информации с каждым днем только возрастает. Колумбийские исследователи подсчитали, что только за 2006 год мировые СМИ, издательства и рекламная индустрия произвели 161 эксабайт ($1 \text{ ЭБ} = 2^{60}$ байт) информации. А это в 3 миллиона раз больше, чем все книги, когда-либо написанные за историю человечества. В 2010 году этот объем возрастет до 988 ЭБ.

Как считают некоторые учёные, человечество почти достигло той точки своего эволюционного развития, когда входящие информационные потоки превысят воспринимающие способности нашего мозга.

Не справляясь с чрезмерной нагрузкой, мозг просто перестает адекватно воспринимать входящую информацию, переключается на самые элементарные задачи и постепенно разучивается работать в полную силу. С такими тревожными предсказаниями выступили сразу две группы американских учёных. Согласно исследованиям медиков из Калифорнийского университета в Сан-Диего, производительные мощности современных цифровых технологий превышают воспринимающую способность человеческого

мозга. С помощью простого нажатия клавиши человек может узнать обо всём, что произошло на земном шаре за сутки — десяток катастроф, пару локальных войн и новая эпидемия умещаются в нашем сознании в течение 3—5 минут. В результате все мировые бедствия воспринимаются «на раз» — без переживаний, анализа и особой реакции. На этих операциях мозг просто экономит своё время, чтобы успеть поглотить все входящие данные.

Огромное количество доступной информации и невозможность полностью «переварить» ее порождает нежелание, а затем и неумение концентрироваться. А легкость получения любой информации с помощью поисковиков приводит к тому, что человеком овладевает непреодолимое желание скользить по поверхности информационного океана, особо не погружаясь в него. В таком режиме мозг приспособляется мыслить тем же способом, которым структурирована информация в сети — хаотично перескакивая по потокам разнообразных, связанных между собой ссылок информации. Возникает так называемое клиповое мышление, как один из способов адаптации.

Традиционно под клиповым мышлением понимают способ восприятия и передачи информации: несвязный, алогичный и быстрый — как видеоряд музыкального клипа. Оно вырабатывается при длительном потреблении информации в мозаичном и препарированном виде.

Негативными влияниями клипового мышления на человека можно считать:

- Неспособность длительное время сосредотачиваться на какой-либо информации, что ведет к снижению его анализа.
- Ослабление чувства сопереживания, ответственности.
- Возникновение эффекта обратного действия в СМИ, то есть СМИ стали подстраиваться под воспитанную ими аудиторию.

Таким образом, стиль мышления оказывает на нас огромное влияние. Ведь программы вузов требуют восприятия и переработки большого количества информации, с которыми студенты уже не справляются. В современном бизнесе без умений анализировать, вычленять суть и принимать на основе этого решения вообще невозможно стать успешным менеджером. Одно из главных требований в нем — способность выстраивать цепочку из последовательности действий от существующего положения до поставленной цели. А создание таких цепочек подразумевает наличие «продолжительного» мышления. Следовательно, нужно искать методы, способствующие выработке умения анализировать, устанавливать связи между явлениями и, в конечном итоге, приводящие к разрушению мозаичной, фрагментированной картины мира.

---

218. Бегунов И. А., Баранова Н. А.

Ижевск

АВТОМАТИЗИРОВАННОЕ РАБОЧЕЕ МЕСТО КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОТЕРАПЕВТА

Современное общество живет в период небывалого роста объема информационных потоков, что обуславливает бурный рост информатики как науки, изучающей методы и способы сбора, накопления, хранения, обработки, передачи и воспроизведения информации средствами вычислительной техники. Этот факт способствует развитию информационных технологий, автоматизирующих информационные процессы в различных предметных областях, уровень развития их и определяет степень прогресса общества в целом. Одним из социально значимых видов деятельности является профессия психотерапевта.

Современные информационные технологии обеспечивают психотерапевтов следующими основными возможностями:

- повышения эффективности работы за счет скорости обработки данных и получения результатов диагностики, как следствие, освобождение от трудоемких рутинных операций;
- повышения «чистоты» эксперимента за счет увеличения точности регистрации результатов и исключения ошибок обработки исходных данных;

- возможность для испытуемого быть более открытым и естественным во время сеанса благодаря конфиденциальности автоматизированного воздействия;
- вычленение инвариантной составляющей техники, не зависящей от индивидуальных особенностей клиента и психотерапевта за счет алгоритмизации процесса;
- сокращения времени и повышения качества анализа результатов деятельности психотерапевта за счет использования прикладного программного обеспечения, реализующего математическое моделирование психологических процессов;
- распространения опыта работы ведущих психотерапевтов более высокой квалификации за счет компьютерной интерпретации результатов их деятельности;
- систематического накопления, хранения и передачи по сетевым каналам информации о воздействии техник на различные типы личностей, а также данных о результатах психологических исследований;
- доступа к различным информационным ресурсам (философским, психологическим, психотерапевтическим и т. п.) через локальные и глобальные компьютерные сети;
- получать интегральные психодиагностические показатели на основе результатов комплексного обследования (например, при использовании «батарей» тестов, динамической и мультимедальной стимуляции);
- модифицировать в интерактивном режиме психотерапевтическую технику по результатам сеансов;
- использовать компьютерное игровое и дистанционное воздействие;
- реализации в психотерапевтической практике методологии искусственного интеллекта (например, экспертных систем);

Одним из способов интеграции всевозможных технологий в предметной деятельности является создание автоматизированного рабочего места (АРМ) профессионала, в нашем случае психотерапевта.

Остановимся на характеристиках создаваемого АРМ психотерапевта. Его архитектура имеет вид, представленный на рис.1.

Рис.1. Архитектура ИС «АРМ психотерапевта»

Основными структурными элементами АРМ являются: БД, БЗ, механизм взаимодействия с пользователем, механизм взаимодействия с психотерапевтом. Рассмотрим каждый подробнее.

База данных хранит все базовые элементы информационного взаимодействия с пользователем. Это могут быть психологические тесты, блоки психотерапевтических техник (например, аудиозаписи голоса психотерапевта), изображения различных схем и другая подобная информация. Кроме этого, в БД сохраняется та информация о пользователе, которая необходима в дальнейшей работе с ним.

База знаний содержит описания о порядке выполнения техник, правила принятия решений о порядке взаимодействия с пользователем. Отличие содержимого БЗ от БД заключается в слабой формализации информации, представленной в базе знаний, т.к. собственно эта информация и является отображением тех знаний, на основе которых психотерапевт выполняет свою деятельность.

Механизм взаимодействия с пользователем состоит из трех достаточно очевидных частей. Первый (механизм подачи информации) обеспечивает подачу необходимой с точки зрения проводимого сеанса информации. Это может быть аудио-запись, подаваемая на звуковое устройство, текст, всплывающий на экране монитора, различные графические изображения и т. п. Разумеется, этот механизм должен следить за согласованностью всего процесса.

Механизм получения обратной связи отвечает за считывание реакций пользователя на воздействии. Его результаты зависят от наличия в системе различных аппаратных устройств: например, можно использовать датчики пульса, давления, кожно-гальванической реакции и т. п. Но в любом случае, как минимум, к компьютеру может быть подключен манипулятор мышь, и можно считывать простые ответы на вопросы типа «да», «нет», «не знаю», учитывая при этом скорость ответа.

Механизм выбора следующего воздействия на пользователя основывается на знаниях психотерапевта, заложенных в базу знаний. В общем случае это зависит от решаемой проблематики, типологии личности, применяемой техники, полученной обратной связи от пользователя.

Последний блок представленной схемы — это механизм взаимодействия с психотерапевтом. Посредством его заполняются и редактируются базы данных и знаний, проводится анализ эффективности применяемых техник в различных условиях, анализ выбранных стратегий воздействия. Кроме того, система может выдать предположения по оптимальному выбору стратегий и тактик, на основе полученного опыта. И, разумеется, данный блок содержит необходимый функционал для получения отчетов и статистики по проведенным сеансам.

При всем этом хочется отметить, что применение программ автоматизации психотерапевтического воздействия не отменяет полностью необходимости «живых» сеансов, а скорее дополняет их. При этом психотерапевт может выполнить настройку системы на конкретного пациента (клиента).

В заключение можно отметить, что создание АРМ психотерапевта позволит решить ряд проблем:

1. Определить качество применения той или иной техники для решения конкретных проблем конкретных типологий личности.
2. Улучшить качество подготовки специалистов в этой области за счет их вовлечения в моделирование техник и стратегий.
3. Получить массу компьютеризированных данных для последующего исследования;
4. Эффективно использовать время ведущих специалистов для помощи более широкому кругу нуждающихся в ней лиц.
5. Уменьшить дискомфорт пациентов (клиентов) от необходимости делиться с кем-либо своими проблемами.
6. Уменьшить стоимость для пациентов (клиентов) психотерапевтической помощи, а, следовательно сделать ее более доступной.

219. Овчинников В. А.

Ярославль

**КОНСТРУКТИВНЫЙ И ДЕСТРУКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
ОПОСРЕДОВАННОЙ КОМПЬЮТЕРНЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ**

Возникновение и повсеместное распространение компьютеров и компьютерных технологий привело к возникновению такого нового вида деятельности, как компьютеризированная деятельность (КД) или деятельность, опосредованная компьютерными технологиями. Психологический анализ этой деятельности выявил многозначный, противоречивый характер изменений в сфере мотивации, целеобразования и ее операционального состава (Л.П. Гурьева О.К. Тихомиров). В качестве ее основных структурных компонентов, как и любой другой деятельности, может выступать операциональная и содержательная стороны. Операциональная сторона определяется составом конкретных операций, действий, производимых человеком в рамках КД. Сюда можно отнести операции нажатия клавиш клавиатуры, управления компьютерной мышью, джойстиком, операции с элементами компьютерного интерфейса и т. д. Содержательная сторона КД определяется той целью, которую ставит человек при взаимодействии с компьютером. Сюда можно отнести набор текста статьи или книги, просмотр фильма или прослушивание музыки, поиск информации в Интернете или написание электронного письма и т.д. При этом содержательная сторона КД не однородна по своему составу. Книгу можно написать от руки или напечатать на машинке, фильм посмотреть по телевизору или в кинотеатре, музыку послушать на аудиомогагнитофоне, информацию поискать в библиотеках, а письмо написать и отправить по почте, но это будет требовать от человека гораздо больших затрат сил, времени, а зачастую и материальных средств по сравнению с КД. Поэтому необходимо выделять инструментальную КД, когда компьютерные технологии выступают средством, инструментом более эффективного достижения цели пользователя. Совсем другое дело, когда конечной целью пользователя является сам процесс взаимодействия с компьютерными технологиями — например, компьютерные игры, когда целью КД выступает, по сути, сама КД («я играю для того, чтобы играть»). Это уже терминальная КД, когда цель пользователя смещается и совпадает с инструментом ее достижения — компьютерными технологиями.

Вообще когда мы говорим о КД, необходимо понимать, что возможность смещения цели на саму КД обеспечивается существованием компьютерной среды, а точнее целью становится «пребывание» в этой компьютерной среде. Эта среда определяет новую плоскость приложения человеческой деятельности и представляет собой искусственно созданное отражение внешней по отношению к нему реальности, существующее по законам формальной логики и математики. Компьютерную среду в этом отношении можно отнести к так называемым виртуальным реальностям [2], обладающим независимо от их природы (физической, психологической, социальной, биологической, технической и пр.) следующими свойствами:

1. Порожденность. Виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней.
2. Актуальность. Виртуальная реальность существует актуально, только «здесь и теперь», только пока активна порождающая реальность.
3. Автономность. В виртуальной реальности свое время, пространство и законы существования (в каждой виртуальной реальности своя «природа»).
4. Интерактивность. Виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них.

Таким образом, когда мы говорим об инструментальной КД — компьютерная среда выступает лишь многофункциональным устройством, ускоряющим и повышающим эффективность работы человека. Когда же мы говорим о терминальной КД — компьютерная среда приобретает черты виртуальной реальности для человека.

Компьютерная среда неоднородна по своему составу — здесь и офисные приложения, и компьютерные игры, и различные вспомогательные программы, и Интернет-чаты, и социальные сети (например, «Одноклассники» или «Вконтакте») и т. д. Все их многообразие можно в целом упорядочить по степеням свободы действий пользователя. То есть в одних приложениях пользователь ограничен заложенным в программу алгоритмом — в его распоряжении есть только какая-то одна или несколько функций (например, редактирование текста или просмотр фильма и т. д.). В компьютерных играх пользователь также

существенно ограничен в своей свободе: ролью, сюжетом и правилами этой игры. Несмотря даже на то, что в современных играх есть множество вариантов выбора персонажа, его характеристик и игрового поведения — все равно пользователь вынужден следовать определенным правилам и сюжету каждой конкретной игры. В приложениях с большими степенями свободы пользователь решает сам, что и как он хочет делать — ярким примером может служить Интернет-среда (человек сам решает, какую информацию смотреть, с кем общаться и под каким именем, на какие сайты заходить, как репрезентировать себя в социальных сетях и т. д.). Самыми высокими степенями свободы обладают специальные профессиональные приложения, в которых пользователи сами создают новые элементы компьютерной среды (например, языки программирования).

Рассматривая вопрос соотношения целей КД с целями развития личности во внешней среде, необходимо отметить, что первоначально человек рождается и формируется во внешней действительности, представленной как реальными физическими объектами, так и системой социальных отношений, которая, как считают многие отечественные и западные психологи, является условием развития личности. Изначально формируясь именно в этой среде, индивид становится личностью в процессе освоения различных видов деятельности: общения, игры, учения и труда (Леонтьев А.Н., 1977), определяющих эффективность процесса социализации и социальной адаптации. В этом процессе человек постепенно достигает определенного уровня социально-психической адаптированности, который, по мнению А. Налчаджана [1], выражает такое состояние взаимоотношений личности и группы, когда личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, удовлетворяет свои основные социогенные потребности, в полной мере идет навстречу тем ролевым ожиданиям, которые предъявляет к ней эталонная группа, переживает состояния самоутверждения и свободного выражения своих творческих способностей. Исходя из этого, те цели, которые ставятся личностью для достижения состояния социально-психической адаптированности, можно назвать конструктивными, а те из них, которые препятствуют или искажают этот процесс, соответственно деструктивными.

Соотнося это с целями КД, можно сказать, что и инструментальная, и терминальная КД может носить как конструктивный, так и деструктивный характер. Конструктивная инструментальная КД проявляется в виде поиска информации в Интернете, разработки ПО с целью заработка и карьерного роста, игры в компьютерные развивающие игры и упражнения, опосредованного Интернетом общения с друзьями и коллегами и др. Конструктивная терминальная КД проявляется как создание и разработка приложений, программ и объектов компьютерной среды с целью развития самой компьютерной среды (компьютерное творчество, дизайн и программирование). Деструктивная инструментальная КД проявляется в форме Интернет-гемблинга, создания вредоносного программного обеспечения (например, вирусов) и Интернет-преступлений, а деструктивная терминальная КД — в виде компьютерной зависимости.

Какие же мотивы толкают личность заниматься деструктивной КД, в частности, терминальной? Ответ опять же может крыться в цели пользователя, которая тесно связана с компьютерной средой, о которой мы писали выше. В целом, эта среда отражает в определенных знаках и символах внешнюю действительность. При этом сам пользователь выступает как частью этой действительности, так и инструментом, который собственно отражает (в том числе и самого себя). Компьютерная среда при этом выступает для него субъективной реальностью, обладающей различными степенями свободы пользователя. То есть одна часть этой среды задает определенные рамки (например, компьютерная игра, определяющая за игрока его возможные роли, сюжет и правила), а другая, наоборот, дает свободу действия и самопрезентации (например, среда Интернета). Отражая или репрезентируя самого себя в одну из этих частей компьютерной среды, пользователь оказывается в определенных условиях ее степеней свободы. Если эти условия пользователя устраивают, он может остаться там надолго. А устраивать его они могут в том случае, если во внешней действительности он испытывает их дефицит. Если человек стремится в область с низкими степенями свободы компьютерной среды (компьютерные игры), то во внешней действительности он может испытывать страх неопределенности, у него могут присутствовать много ролевых противоречий, а его ролевая идентичность может быть слабой. Если человек стремится в область с высокими степенями свободы, то во внешней действительности он, наоборот, может испытывать сильное давление, ограничение его свободы самовыражения, ролевого поведения и ролевой идентичности со стороны значимых других.

Литература

1. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). — Ереван: Изд-во АН Армянской ССР., 1988.
2. Носов Н.А. Манифест виртуалистики. — М.: Путь, 2001.
3. Тихомиров О.К, Гурьева Л.П. Психологический анализ трудовой деятельности, опосредованной компьютерами // Психологический журнал. — 1986. — № 5.

220. Наумова Т. А.

Ижевск

ОНТОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Решение проблемы человека в информационном социуме имеет и социально-психологическую компоненту, так как на практику сегодняшних работ в этой области оказывают существенное влияние чисто теоретические концепции информационного общества. Это влияние носит общеметодологический характер. Динамика общих ориентиров, задаваемых теоретиками информационного социума, определила его концептуальные рамки анализа для прикладных исследований. Связь фундаментального и прикладного знания в этой области оказалась гораздо теснее, чем это случалось в психологии вообще и социальной психологии, в частности (Е.П. Белинская).

Д. Белл предполагал возможность внедрения новых информационных технологий не только в промышленное производство, но и социальную сферу. Результатом этого должна стать новая рациональность, основанная не на классической идее «социального согласия», а рациональность интеллектуальных технологий, позволяющая осуществиться мечте об упорядоченной социальной жизни.

Современное общество характеризуется, в первую очередь новыми коммуникационными формами, причем наиболее характерной особенностью коммуникации становится постоянная необходимость конструирования образа партнера по коммуникации, правил взаимодействия с ним (Turkl). Все произошедшие изменения привели к тому, что теоретики информационного сообщества (Н. Луман, М. Кастельс) фактически отождествляют процессы развития коммуникации и развития социальных структур.

Согласно теории Иноземцева, формирование технократических элит связано не только и не столько с их «близостью к информации», сколько с объективными изменениями социальной коммуникации. Так, само возрастание скорости информационных потоков требует большей быстроты принятия решений во всех областях социальной практики, что может быть достигнуто только за счет их меньшей коллегальности и большей конфиденциальности.

Castells утверждал, что становление сетевых форм организации производства и, в особенности, связанное с этим распространение сетевого принципа коммуникации существенно затрудняет любую алгоритмизацию, так как опирается на идею постоянного «доставивания» и собственно производственного, и коммуникативного процесса.

Интерес исследований Интернета вызван также тем, что он максимально воплощает в себе важную особенность современных информационных технологий, а именно интерактивный характер. Значимое влияние информационной компоненты на социум и на человека стало возможным с момента их качественного изменения, а именно, появления для пользователей информации возможности активно участвовать в них, становясь социальным агентом. В силу этого информация как ценность общества нового типа определена не только и не столько своей массовостью, общедоступностью, экономическим и политическим потенциалами, сколько возможностью персонализации, задавая для ее обитателя новые грани самоидентификации. Наиболее полно эта возможность представлена в компьютерно-опосредованной коммуникации посредством сети Интернет.

Проблемное поле исследований Интернет сообществ складывается в основном вокруг следующих вопросов и задач:

- 1) изучение тех или иных видов деятельности человека в Интернет-среде;

2) изучение следствий этих видов деятельности на уровне личности, в качестве которых выступают особенности мотивации социальных агентов, структура их Я-концепций, специфика ценностных ориентаций, возникновение тех или иных вариантов поведенческой зависимости;

3) изучение Интернет-коммуникации как нового средства традиционных социальных практик — как средства образования, как пространства политического выбора, как средства психотерапевтической помощи.

В силу ряда объективных характеристик Интернет сообщество дает социальному агенту максимальные возможности в самоопределении и непосредственном самоконструировании, то есть особенности Интернет позволяют социальному агенту экспериментировать со своей идентичностью, создавая виртуальные личности, которые часто отличаются и от персональной идентичности, и от реальной самопрезентации (Е.П. Белинская).

Психологический анализ данной феноменологии в основном центрирован вокруг проблем мотивации создания виртуальных личностей. Общей посылкой является следующее: виртуальность обеспечивает человеку возможность выйти из своего тела — от внешнего облика и индикаторов статуса во внешнем облике, следовательно, от ряда оснований социальной категоризации: пола, возраста, этнической принадлежности социального и экономического статуса и т. д. Таким образом, возможность максимального самовыражения является одной из распространенных мотиваций Интернет-коммуникаций у ее участников (Turklit, Жичкина и др.).

Среди причин создания виртуальных личностей выделяются так называемые поисковые причины — желание испытать новый опыт, выступающий как некоторая самостоятельная ценность (Turkle, Селси). Однако, согласно исследованию А.Е. Жичкиной, создание виртуальной личности не всегда является компенсаторным стремлением по преодолению объективных и субъективных трудностей реального общения и взаимодействия. Часто виртуальная личность не соотносима ни с реальным, ни с идеальным «Я», что может служить доказательством возможностей субъектности участника компьютерно-опосредованной коммуникации.

Однако, в отличие от обыденной реальности, виртуальная реальность характеризуется большей социальной неопределенностью (в силу принципиальной безграничности, динамики, наличия большого разнообразия возможностей коммуникации и др.). Бытие человека в социальном мире структурировано, виртуальный мир не имеет привычных рамок для самокатегоризации, ставит перед социальным агентом задачи самоопределения и поиска идентичности.

Поиск идентичности возможен не только через виртуальную реконструкцию собственной идентичности или создания виртуальной личности, но и через осмысление человеком мотивационных ориентиров собственной деятельности (Е.П. Белинская).

Помимо новых возможностей принадлежности к социальным категориям, сетевые технологии, благодаря анонимности, невидимости и, как следствие, безопасности, порождают другое следствие — предоставляют возможность социальным агентам создать сетевую идентичность полностью по своему выбору. Отсюда основная особенность виртуальной самопрезентации — это возможность почти абсолютного управления впечатлением о себе (Becker, Reid).

Некоторые социальные агенты выдвигают на первый план одни свои признаки, а другие признаки намеренно скрывают. Одни представляют такие данные относительно себя, которые являются скорее желательными, чем действительными. Некоторые презентуются в Сети просто непосредственно, другие предпочитают чтобы о них не было известно вообще ничего. Феномен существования нескольких сетевых идентичностей был отмечен такими исследователями, как Reid, Turkle, Kelly, Donath, Shieder. Дж. Салер отметил, что выбор способа самопрезентации в Сети зависит от типа личности.

Онтологический подход, оперируя понятием «социальная ситуация», предъявляет требования к определению конкретного, объективного, социально-психологического направления исследуемого феномена. В настоящее время существуют определения образа, позволяющие исследовать данное явление в рамках социально-психологической парадигмы, наполнив его конкретным содержанием.

Для понимания проблемы влияния образа «Я» на самопрезентацию определимся с онтологической сущностью категории образа в целом. В.Л. Ситников отмечает, что в настоящее время рассматриваются три подхода к пониманию образа:

- конкретно-перцептивный, где образ выступает как промежуточный или конечный результат познавательной деятельности, продукт восприятия, памяти, мышления;

- расширительно-отражательный, где образ рассматривается как многомерное психологическое образование (А.Н. Леонтьев), как субъективная картина мира в целом или его фрагментов, включающая самого субъекта, других людей, пространственное содержание и временную последовательность событий;
- социально-перцептивный, где образ понимается как представление о социальных объектах и явлениях, включающих представление субъекта о самом себе.

Для нашего исследования наибольшую значимость имеет второй и третий подходы, так как, основываясь на исследованиях Н.А. Леонтьева, С.Д. Смирнова, можно отметить, что отдельный образ не регулирует действия. Содержание каждого образа отличается неоднородностью, образы являются специфическим соединением отражения объекта, воспринятого субъектом, и предшествующего собственного опыта субъекта по восприятию подобных объектов и взаимодействию с ними (Н.И. Леонов). Мы рассматривали образ субъекта виртуального сообщества как взаимосвязь объектов, сформированных на основе классификации ценностей и ценностных альтернатив.

В качестве теоретической основы исследования мы использовали онтологический подход, заявленный в философии и психологии С.Л. Рубинштейном и обоснованный в социальной психологии Н.И. Леоновым. В основе данного подхода лежит представление о взаимодействии человека и мира, формирующем определенную онтологическую реальность, включающую самого субъекта и окружающие его предметы и условия жизнедеятельности. Образ, формируемый при самопрезентации как зависимой, так и независимой групп социальных агентов в виртуальности, может быть исследован с помощью рассмотрения образа индивида.

Прежде всего, мы должны рассматривать ситуацию как основу, формирующую образ, то есть рассмотреть множество элементов, систему элементов. Образ, в свою очередь, участвует в конструировании самопрезентации.

Определить самопрезентацию в виртуальности однозначно нельзя. Вот некоторые из определений:

- виртуальная самопрезентация — это возможность почти абсолютного управления впечатлением о себе (Becker, Reid);
- виртуальная самопрезентация есть отражение идеального «Я» (Е.П. Жичкина);
- виртуальная самопрезентация есть отражение «Я» реального;
- виртуальная самопрезентация есть «Я» в конфликте с самим собой;

Среди мотивов создания виртуального образа можно выделить следующие:

- мотив создать образ, отличный от реального образа, улучшить его;
- мотив удовлетворения информационного голода;
- мотив разрушать образ, созданный реальным обществом;
- мотив обновления, удовлетворяющий желание выстраивать новые и новые отношения, все время меняя образ («карнавальная составляющая»);
- мотив получения эмоционального удара, «адреналиновый удар», часто свойственный личностям, имеющих аддиктологические задатки.

Выбранный образ социального агента, в свою очередь, будет диктовать поведение в виртуальности. Общая формула поведения как функции актуального состояния субъекта и актуально воспринимаемого окружения была сформулирована К. Левином. Развитое впоследствии представление о когнитивных схемах стало основой объединения внутренних и внешних детерминант поведения. Возникшая позиция была резюмирована Д. Магнуссоном и Н. Эндлером следующим образом: поведение есть результат непрерывного взаимодействия между индивидом и ситуациями, в которые он включен; с личностной стороны существенными являются когнитивные и мотивационные факторы, со стороны ситуации — то психологическое значение, которое ситуация имеет для индивида. По утверждению Д. Магнусса, именно психология социальных ситуаций будет иметь особое значение в развитии психологии.

Мы можем рассматривать самопрезентацию в виртуальности как ситуацию, во-первых, опираясь на определение Ю.Н. Емельянова о том, что ситуация — это набор средовых условий и их взаимодействие с личностными проявлениями участников и всех социально-психологических событий, происходящих в конкретной группе от момента взаимодействия и установления групповых целей до их реализации или отказа от совместной деятельности.

Таким образом, виртуальная реальность соответствует основным критериям онтологической реальности, представленным в работах Н.И. Леонова и М.М. Главатских:

1. Неосознанность или автоматичность. Приход в виртуальность, даже первичный, относит социального агента к одной из известных категорий. Особенно ярко это выражено у опытных пользователей, склонных к зависимости (выбор аватаров, смайликов и т. д.).
2. Типичная или индивидуальная категоризация. На процесс категоризации влияют ценности, культура и социальные представления. Категории обусловлены наличием общих признаков виртуальных сообществ, характерных для данной культуры. Субъект в виртуальной субкультуре считается причисленным к элитному андеграунду. В то же время категории личности оказываются достаточно специфичными, что доказывают самопрезентации в виртуальности, индивидуализируя категории.
3. Временная напряженность. Различая моментальную и хроническую категоризацию, виртуальную реальность с ее многообразием и частой трансформацией образов мы можем отнести к моментальной, так как она претерпевает одномоментные трансформации.
4. Активность. Категории упорядочивают явления виртуального мира и благодаря этому позволяют эффективно взаимодействовать с ним, направляя активность субъекта виртуального сообщества.
5. Структурированность. Категоризация, имеющая сложную иерархическую организацию, как нельзя лучше иллюстрирует виртуальную иерархию. Взаимоотношения между категориями рассматриваются как иерархические — от менее представленных к более представленным. Самопрезентация относит социального агента к выбранной им категории и направлена на обратную связь с субъектом сообщества именно этой категории. Именно поэтому в Интернете столько сообществ. Своего рода это Мировой клуб по интересам. Однако клуб этот рассчитан на категорию зависимых социальных агентов, независимые остаются в отдельной категории, главным признаком которой является «непринадлежность».
6. Динамичность. Виртуальность — это и есть основной признак динамичности. Нет ничего более непостоянного и изменчивого в социальном обществе.

РАЗДЕЛ 14

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

---

221. Марьин М. И.
Москва

ОРГАНИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Анализ профессиональной деятельности руководителей правоохранительных органов показывает, что центральное место в управлении занимает непосредственная работа с персоналом в повседневном взаимодействии и взаимодействии. Хронометраж рабочего дня руководителей органов внутренних дел показывает, что значительная доля фонда служебного времени расходуется на работу с сотрудниками [2].

Выполняя свои повседневные обязанности, руководитель обращается к различным категориям должностных лиц, руководителям различного ранга, сотрудникам. У руководителей существует множество внешних функций, в том числе взаимодействие с другими службами, правоохранительными органами, фондами, общественными организациями, государственными и политическими деятелями. Анализ показывает, что все действия по исполнению этих функций характеризуются высоким разнообразием, сопровождаются множеством деловых и межличностных контактов с людьми как внутри, так и вне организационной системы, характеризуются быстрой сменой событий, многообразием выполняемых действий.

Акцент на психологические аспекты управленческой деятельности позволяет подойти к пониманию управления как сложного механизма психологического взаимодействия между людьми. В правоохранительной системе все более проясняется понимание того, что только знание и учет в служебной деятельности особенностей психологии общения, индивидуально-психологических характеристик сотрудников, психотехник и приемов воздействия на людей создают условия для рационального и эффективного управления.

Общая задача руководителей заключается в создании таких условий деятельности, при которых каждый член коллектива имеет возможность наращивать свой личностный и профессиональный потенциал, важной особенностью которого является устойчивость к неблагоприятным факторам, нередко носящим стрессовый, а иногда и экстремальный характер.

Действительно, все управленческие и иные действия руководителя должны основываться на хорошем знании подчиненных, умении поставить себя на их место, способности анализировать ситуацию, определять ближайшие и отдаленные последствия своих действий, стремлении к самосовершенствованию, осознании необходимости совершать те или иные поступки.

Трудно найти такие аспекты в организации и деятельности сотрудников органов внутренних дел, в которых бы не могли быть использованы выводы современной психологии управления, социальной и юридической психологии.

В обеспечении управленческой деятельности руководителей правоохранительных органов, безусловно, огромную роль играют подразделения психологического обеспечения. Необходимость психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел продиктована кроме всего прочего сложностью решаемых задач, физическими и психологическими на-

грузками на личный состав, признанием особой значимости правовых, нравственных начал в оперативно-служебной деятельности личного состава.

Психологическое обеспечение — это система организационных, практических мероприятий, направленных на повышение эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, совершенствование работы с личным составом. Указанные мероприятия нацелены на формирование и развитие психологических ресурсов системы МВД России через качественное комплектование подразделений, формирование благоприятного социально-психологического климата в служебных коллективах, оказание психологической помощи руководителям и личному составу, повышение уровня профессиональной психологической подготовленности сотрудников.

Таким образом, целью психологического обеспечения является повышение эффективности оперативно-служебной деятельности органов и подразделений внутренних дел в обычных повседневных и экстремальных условиях на основе мобилизации психологического потенциала личности каждого сотрудника, служебных (учебных) коллективов, совершенствования организационной структуры и системы управления подразделениями органов внутренних дел.

Задачами психологической службы являются:

1. Психологическое обеспечение выполнения оперативно-служебных задач и формирование готовности личного состава к деятельности в повседневных и экстремальных условиях.

2. Определение профессиональной психологической пригодности лиц, принимаемых на службу в органы внутренних дел и учебу в образовательные учреждения МВД России, сотрудников, перемещаемых на другие должности в системе МВД России, прогнозирование их психологической готовности к выполнению профессиональных задач.

3. Осуществление психологического сопровождения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел, проведение психологической реабилитации и восстановление профессиональной работоспособности сотрудников.

4. Формирование в служебных (учебных) коллективах благоприятного психологического климата, проведение в них социально-психологической работы, психологическое консультирование сотрудников и членов их семей.

5. Осуществление профессиональной психологической подготовки личного состава, оказание психологической помощи сотрудникам органов внутренних дел, образовательных учреждений МВД России.

По психологическому обеспечению организации работы с личным составом задачи психологической службы МВД России соответствуют основным положениям международных документов, положениям «Европейского Кодекса полицейской этики» [3], принятого Комитетом министров Совета Европы 19 сентября 2001 г., в котором регламентированы процедура отбора кадров, предъявлены требования к уровню квалификации сотрудников, организации их подготовки и т. д.

В соответствии с нормативными правовыми актами МВД России руководители всех уровней несут ответственность за организацию психологического обеспечения. Выполняя управленческие функции, руководители ставят задачи подчиненным по проведению мероприятий психологической работы, одновременно сами как субъект психологического обеспечения принимают непосредственное участие в проведении отдельных мероприятий (например, по сплочению служебного коллектива, разрешению конфликтных ситуаций), контролируют качество их выполнения.

Совместно с психологами сотрудники аппаратов по работе с личным составом реализуют мероприятия по профилактике чрезвычайных происшествий среди сотрудников (например, профилактике суицидов, случаев употребления наркотических и психотропных препаратов, алкоголя; предупреждению и разрешению конфликтов в служебных коллективах и т. д.).

Безусловно, основным субъектом психологического обеспечения является *психолог* подразделения. Обладая необходимым уровнем профессиональной квалификации, он несет личную ответственность за содержание и научное обоснование мероприятий психологического обеспечения, а также за качество, достоверность и эффективность психологических рекомендаций, осуществление мероприятий, предполагающих применение специальных психологических процедур и методов, а также оказание психологической помощи иным должностным лицам.

В настоящее время в психологическом обеспечении деятельности органов внутренних дел определены следующие основные направления:

1. Психологическое обеспечение организации работы с личным составом, нацеленное на улучшение качественного состава органов внутренних дел, повышение уровня подготовленности сотрудников, сопровождение персонала на различных этапах служебной карьеры, принятие психологически обоснованных правовых, организационных мер, управленческих и кадровых решений.

2. Психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по профилактике, расследованию и раскрытию преступлений, поддержания правопорядка и обеспечения общественной безопасности, в том числе при совершении преступлений террористического характера, а также обеспечение деятельности в условиях чрезвычайных обстоятельств.

Наиболее активное развитие в органах внутренних дел получило направление психологического обеспечения организации работы с личным составом. К числу основных проблем, решение которых достигается в ходе психологического обеспечения работы с личным составом, относятся следующие:

- Личностные проблемы, затрудняющие личностное развитие сотрудников, снижающие их нравственное самочувствие и психическое здоровье, создающие трудности социально-психологической адаптации к условиям профессиональной деятельности, которые проявляются в форме тревоги, растерянности, безысходности, конфликтов, девиантного поведения и т. п.
- Коллективно-групповые проблемы, ухудшающие социально-психологический климат в служебном коллективе. К их числу относятся различные виды нарушений и деформаций внутриколлективных связей (моральных, деловых, межличностных), распад позитивных ценностей коллектива, разобщенность сотрудников, выражающаяся в бытовых конфликтах, различные формы психологической несовместимости, существование микрогрупп, характеризующихся негативным устойчивым стремлением к выбору асоциальных целей, ложных ориентиров и т. д.
- Деятельностные проблемы, присущие неадекватному, неэффективному выполнению оперативно-служебных задач из-за несоответствия социально-психологических, личностных качеств сотрудников объективным требованиям осуществляемой деятельности, низкого уровня подготовленности и мотивации к труду.

Решая указанные личностные, коллективно-групповые и деятельностные проблемы, психологическая служба добивается выполнения следующих, актуальных с практической точки зрения, задач:

1) совершенствование управленческих навыков руководящего состава, внедрение в практику оперативно-служебной деятельности достижений психологической науки и практики, передовых форм и методов работы;

2) совершенствование навыков общения с различными категориями граждан и эффективного решения оперативно-служебных задач психологическими средствами;

3) формирование профессиональной культуры и развитие профессионального самосознания сотрудников, чувства ответственности за свои действия, стремления к постоянному совершенствованию своего профессионального мастерства с учетом специфики деятельности в конкретных подразделениях;

4) формирование высокой психологической устойчивости сотрудников, развитие у них профессионально важных психологических качеств;

5) поддержание у сотрудников постоянной готовности умело пресекать различные противоправные проявления, грамотно используя психологическое воздействие, физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие;

6) обучение сотрудников приемам и способам обеспечения профессиональной и личной безопасности в чрезвычайных обстоятельствах и в экстремальных условиях служебной деятельности.

В настоящее время руководители органов внутренних дел при решении целого ряда конкретных управленческих задач опираются на рекомендации психологов. Данные психологической службы используются при формировании резерва кадров для выдвижения на вышестоящие должности; назначении на руководящие должности; перемещении по службе с изменением категории предназначения; приеме на службу; командировании сотрудников для выполнения задач в регионах со сложной криминальной обстановкой; решении вопросов допуска личного состава к постоянному ношению и хранению табельного оружия; организации психокоррекционной и реабилитационной работы; восстановлению работоспособности сотрудников, а также организации индивидуальной психологической работы и т. д.

Психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по профилактике, расследованию и раскрытию преступлений, поддержанию правопорядка и обеспечению общественной безопасности, в том числе при совершении преступлений террористического характера, является перспективным

и востребованным в настоящее время направлением деятельности практических психологов, сферой психологической практики, непосредственно реализующей функции и задачи, возложенные на органы внутренних дел [1].

Данное направление деятельности по психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности требует особого внимания как руководителей, так и специалистов психологического профиля.

Безусловно, важно поддерживать психическое здоровье личного состава, развивать у сотрудников профессионально важные качества, сплачивать служебные коллективы, но многократно важнее и сложнее принимать участие в обеспечении оперативно-служебной деятельности в широком смысле этого слова. Психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности включает непосредственное участие психологов в расследовании и раскрытии резонансных серийных преступлений, преступлений террористического характера; поддержании правопорядка и общественной безопасности в обычных и экстремальных условиях.

Динамично развивающимся направлением психологического обеспечения ОСД являются специальные психофизиологические обследования с использованием полиграфа [4, С. 88].

Немаловажное значение имеет предупреждение и разрешение межличностных конфликтов, формирование благоприятного социально-психологического климата в служебных коллективах, обеспечение эффективной межличностной и межгрупповой коммуникации, совместимости сотрудников, адаптация молодых специалистов к службе. Все это обуславливает необходимость проведения социально-психологических исследований психологом и интенсивной социально-психологической работы с участием непосредственных руководителей.

Цель социально-психологических исследований — оценка и коррекция социально-психологического климата, стиля деятельности руководителя, направленности и уровня служебной мотивации личного состава. Следовательно, социально-психологическая работа является одним из наиболее существенных элементов в системе управления и условий существования личности, оказывающим влияние на всю систему социальных отношений, на образ жизни, повседневное самочувствие, работоспособность, уровень творческой и личностной самореализации.

Безусловно, профилактика и устранение негативных социально-психологических явлений в коллективе возможны только тогда, когда принимаемые руководителем управленческие решения базируются на объективном анализе конкретной ситуации. Для этого необходимы не только управленческая грамотность руководителя, но и специальные знания, полученные с использованием научно-обоснованных психологических методов, в частности, — посредством объективного анализа социально-психологических внутригрупповых процессов и явлений на всех стадиях формирования служебного коллектива.

Данные социально-психологических исследований позволяют руководителю повысить системность управленческой деятельности, получать обратную информацию об эффективности принимаемых управленческих решений, отслеживать настроения личного состава и своевременно их корректировать.

Успешное выполнение сложных и ответственных задач, стоящих перед органами внутренних дел, находится в прямой зависимости от уровня соблюдения сотрудниками требований законности и служебной дисциплины в своей повседневной деятельности. Надлежащий уровень соблюдения законности и дисциплины обеспечивает организованность, мобильность, постоянную готовность сотрудников к немедленным и решительным действиям по охране правопорядка, общественной безопасности, борьбе с преступностью, является залогом эффективности оперативно-служебной деятельности.

И здесь на первый план выдвигается ранняя диагностика и профилактика девиантных, прежде всего деструктивных форм поведения среди личного состава, признание приоритетности задачи психологического обеспечения предупреждения нарушений сотрудниками служебной дисциплины и законности.

Для построения профилактических программ важно понимать, на какую категорию сотрудников милиции направлено воздействие, каковы его временные рамки, осуществляется ли это воздействие на саму личность или на окружающую ее среду и в какой форме это происходит. Учитывая все эти факторы, можно определить основные направления работы:

1. Помощь сотруднику милиции в осознании и преодолении психологических барьеров (эмоциональных, когнитивных и поведенческих), препятствующих пониманию необходимости изменения форм их собственного поведения.
2. Помощь в изменении нарушенных, дезадаптивных форм поведения.
3. Помощь в развитии адаптивных стрессовладающих форм поведения.

Таким образом, задачами психопрофилактической деятельности психолога по адаптации или восстановлению взаимоотношений сотрудника милиции и социальной среды могут выступать разноуровневые формы коррекционно-профилактической деятельности, нацеленные на развитие личностных стрессовладающих ресурсов и социальной компетентности. Данная деятельность может быть отражена и в коррекции адаптивных стратегий поведения, формировании высокофункционального жизненного стиля и поведения. Подобная деятельность осуществляется при помощи лекционных занятий и психологических тренингов с личным составом подразделения.

Определение профессиональной психологической пригодности лиц, принимаемых на службу в органы внутренних дел, прогнозирование их психологической готовности к выполнению профессиональных задач позволяет руководителю принимать правильное управленческое решение по кандидату на должность, длительности испытательного срока по включению в группу повышенного внимания, организации психологического сопровождения адаптации к условиям труда и коллективу.

Руководителям важно учитывать рекомендации психологов потому, что потенциальными кандидатами на службу могут быть лица, злоупотребляющие алкоголем, наркотическими и токсическими средствами. Оформляться на службу приходят кандидаты с неопределенной мотивацией, имеющие явный или скрытый корыстно-утилитарный интерес, асоциальные установки или связанные с криминальной средой. Поэтому профессиональный психологический отбор призван поставить барьер перед людьми, непригодными для службы в органах внутренних дел.

Из опыта работы известно, что в тех подразделениях, где предварительная психодиагностическая работа с кандидатами на службу организована слабо, больше количество уволенных по отрицательным мотивам, на первом году службы, а также ниже уровень соблюдения законности, чаще происходят чрезвычайные происшествия.

Организация мероприятий по психологической реабилитации и восстановлению профессиональной работоспособности сотрудников являются неотъемлемой частью организационной работы руководителя. Это обусловлено тем, что служба в органах внутренних дел требует от сотрудников значительного напряжения и полной самоотдачи, связана с необходимостью постоянно противостоять преступности, имеющей самые разные, часто изощренные формы проявления.

Выполнение оперативно-служебных и служебно-боевых задач в условиях, сопряженных с риском для жизни и здоровья, вызывает у значительного числа сотрудников развитие состояния психической дезадаптации, приводит к социально-психологическим нарушениям жизнедеятельности, неблагоприятным изменениям личности, которые в дальнейшем отрицательно сказываются на состоянии здоровья, служебных взаимоотношениях, в семейно-бытовой сфере личного состава, увеличивают риск самоубийств.

По многолетнему опыту работы специалистов установлено, что чем больше сотрудников охвачено реабилитационными мероприятиями, тем ниже показатели их увольнений по отрицательным мотивам, нарушений дисциплины и законности, конфликтных ситуаций, семейных проблем, меньше число чрезвычайных происшествий среди личного состава органов внутренних дел.

В органах внутренних дел профилактическая работа предусматривает мероприятия по снижению негативных психологических последствий деятельности сотрудников в экстремальных условиях. Она заключается в активном выявлении признаков психической дезадаптации или начальных проявлений нервно-психической неустойчивости, различных функциональных нарушений, в том числе острых стрессовых и посттравматических стрессовых расстройств у личного состава.

Вместе с тем потенциал подразделений психологического обеспечения реализован не в полной мере, организация их деятельности нуждается в совершенствовании. В настоящее время нужно говорить о принципиально новом подходе к развитию подразделений психологического обеспечения в органах внутренних дел, который должен характеризоваться прежде всего приоритетом высокого уровня компетентности, значительным повышением качества и эффективности деятельности психологов.

Назрела необходимость расширения преподавания специальных психологических дисциплин в наших учебных заведениях, а также в системе первоначальной подготовки и дополнительного профессионального образования. Речь идет об оперативно-розыскной психологии, психологии предварительного следствия и дознания, курсах практической психологии для участковых уполномоченных, инспекторов профилактики преступлений несовершеннолетних, инспекторов ДПС и т. д.

Психологам предстоит выполнять целый комплекс задач, связанных с обеспечением подбора, расстановки и развития кадров ОВД, отвечающих современным требованиям правоохранительной службы;

с обеспечением устойчивого и надежного функционирования каждого сотрудника и подразделения; с восстановлением и укреплением доверия населения к милиции.

Трудно переоценить роль психологического сопровождения управленческой деятельности руководящего состава всех звеньев в создании условий для профессионального и личностного роста руководителя, способного решать задачи за счет умелого использования рекомендаций психолога, повышения психолого-педагогической культуры, развития социально-психологической компетентности на основе использования современных достижений психологической науки в области деловых игр и управленческих тренингов.

Совершенствование системы психологического обеспечения деятельности личного состава должно способствовать консолидации разрозненных сил и средств, росту взаимопонимания, согласованности представлений, интересов и действий различных субъектов работы с сотрудниками. Психолог должен стать не просто субъектом комплексной психологической работы, но и ее связующим звеном, гуманистическим началом, генератором новых идей и подходов в этой работе, а руководитель — умелым организатором не только оперативно-служебной деятельности, но и образцом высокой психолого-педагогической культуры для подчиненных.

Литература

1. Варламов В.А., Петров В.Е., Князев В.М. Психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности: Методическое пособие. — М.: ДКО МВД России, ЦОКР МВД России, 2006.
2. Диагностика и развитие управленческого потенциала руководителя органа внутренних дел. Учебно-методическое пособие. — М.: ЦОКР МВД России, 2006.
3. Кодекс полицейской этики. Комитет министров Совета Европы 19 сентября 2001 года.
4. Скрыпников А.И., Варламов В.А., Зубрилова И.С., Богданова Т.С. Применение полиграфа в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел России: Методическое пособие. — М., 1995.

222. Лукшина О. Ю.

Ижевск

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ СИНДРОМА «ВЫГОРАНИЯ» У ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СЛУЖАЩИХ

Профессионализм пенитенциарных служащих во многом определяет не только благополучное «исправление» осуждённого, но и уровень правового «здоровья» общества в целом. Известно, что наиболее подвержены формированию и развитию синдрома «выгорания» представители социальных профессий, к которым и относятся специалисты, несущие службу в пенитенциарных учреждениях.

Высокий образовательный уровень позволяет специалисту не только быть результативным и продуктивным в деятельности, но и повышает его профессиональную самооценку, что позволяет эффективнее противостоять негативным профессиональным факторам, снижая их воздействие на личность. Повышается уровень удовлетворения своими профессиональными достижениями, что позволяет специалисту в полной мере реализовывать свои профессиональные планы и стремления. Позитивная профессиональная самооценка является фактором, нивелирующим признаки синдрома «выгорания» специалиста. В то же время несоответствие образовательного уровня, либо высокой/низкой профессиональной самооценки организационным требованиям, культуре и профессиональным обязанностям приводит к ограничению профессиональной самореализации сотрудника, что провоцирует формирование «выгорания» личности профессионала.

Нами было проведено исследование, целью которого явился анализ влияния уровня образования сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее УИС) на формирование симптомов синдрома «выгорания», на различия в восприятии личности осуждённого и уровень эмпатийных способностей.

В исследовании приняло участие 182 респондента из 6 учреждений и подразделений УИС Удмуртской Республики, из них 56 женщин и 126 мужчин.

В результате были получены различия показателей в группах сотрудников с различным уровнем образования, представленные в таблицах.

Были выявлены значимые различия при сравнении групп сотрудников, имеющих высшее образование, полученное в неведомственных высших учебных заведениях (далее ВУЗ) и с полным средним образованием (Табл. 1.).

Таблица 1

Различия показателей между группами сотрудников с высшим образованием («гражданский» ВУЗ) (1 группа) и с полным средним образованием (2 группа)

Показатели	Среднее значение		Критерий достоверности	
	1 группа	2 группа	t-критерий	Уровень значимости
Уровень эмпатийных способностей	31,44	26,32	2,248	0,029
Редукция личных достижений	35,92	28,4	4,585	0,000

Согласно полученным результатам, более высокими эмпатийными способностями обладают сотрудники с высшим образованием, так как их деятельность связана с каждодневным взаимодействием с осуждёнными, от уровня данных способностей зависит реализация основных профессиональных задач — воспитательного, педагогического воздействия на личность осуждённого. В то же время у данной группы специалистов наблюдается высокий уровень неудовлетворённости своими профессиональными достижениями. Это можно объяснить закрытостью пенитенциарных учреждений, четкими и регламентированными требованиями к выполнению служебных обязанностей, жесткой субординацией в общении сотрудников и ограничении сферы профессиональной компетенции, что подавляет творческую составляющую профессиональной самореализации сотрудника.

В группах сотрудников, имеющих высшее образование, полученное в ведомственных ВУЗах УИС и с полным средним образованием, были получены различия в восприятии личности осуждённого (Табл. 2.).

Таблица 2.

Различия показателей между группами сотрудников с высшим образованием (ведомственный ВУЗ) (1 группа) и с полным средним образованием (2 группа)

Показатели	Среднее значение		Критерий достоверности	
	1 группа	2 группа	t-критерий	Уровень значимости
Фактор оценки	-7,52	-12,56	3,086	0,003
Фактор силы	-3,08	1,24	-2,657	0,011
Фактор активности	0,84	4,44	-2,603	0,012
Деперсонализация	11,4	8,36	2,694	0,010
Редукция личных достижений	32,24	28,4	2,768	0,008

Как правило, сотрудники с полным средним образованием занимают должности младшего начальствующего состава, и в их обязанности входит контроль за соблюдением режима и охрана осуждённых. При оценке личности осуждённого данная группа сотрудников характеризует его, в целом, негативно, но в это же время описывает его как уверенного в себе, независимого от оценок и внешних обстоятельств, с достаточно высоким самоконтролем, активного в социальных отношениях, импульсивного. Сотрудники, обучавшиеся в ведомственных ВУЗах, дают более низкие оценки качеств личности осуждённого, данный результат объясняется особенностями и спецификой образовательных программ в ведомственных ВУЗах. Как правило, в ведомственных учебных заведениях курсантов обучают работе не с конкретной личностью, с индивидуальными особенностями, а с типами преступников, ранжированных по типу совершённого преступления, по тяжести преступления и т. д., что формирует негативное восприятие личности

осуждённого, наделяя его лишь негативными качествами. Это также подтверждается большей выраженностью симптома деперсонализации у группы сотрудников, имеющих высшее образование, полученное в ведомственном ВУЗе. Данным сотрудникам свойственна черствость в отношениях с осуждёнными, циничное отношение к ним.

При сравнении результатов сотрудников с высшим ведомственным и высшим образованием, полученным в неведомственном ВУЗе, были получены различия в уровне сформированности симптомов «выгорания» (Табл. 3.).

Таблица 3

Различия показателей между группами сотрудников с высшим образованием (ведомственный ВУЗ) (1 группа) и с высшим образованием (неведомственный ВУЗ) (2 группа)

Показатели	Среднее значение		Критерий достоверности	
	1 группа	2 группа	t-критерий	Уровень значимости
Фактор силы	-3,08	1,52	-2,533	0,015
Деперсонализация	11,4	6,48	4,229	0,000
Редукция личных достижений	32,24	35,92	-2,519	0,015

Более отрицательны в оценках осуждённых сотрудники, обучавшиеся в ведомственном ВУЗе. Им свойственно восприятие осуждённого как слабovolьного, неуверенного и зависимого от других людей, от обстоятельств, неспособного держаться принятой линии поведения. Сотрудники, обучавшиеся в «гражданском» ВУЗе, оценивают качества личности осуждённого низко, но все таки в позитивном ключе. Данные сотрудники отмечают у осуждённых не только наличие отрицательных, но и положительных качеств личности. Они менее категоричны в оценках и допускают наличие у осуждённых развитых волевых качеств личности, таких как настойчивость, самостоятельность в принятии решения, независимость.

В обеих группах наблюдаются средние показатели симптома «выгорания» — редукция личных достижений. Но сотрудники с высшим образованием, полученным в неведомственном ВУЗе, менее удовлетворены своими профессиональными достижениями, им свойственна потеря интереса к своей деятельности и нежелание вкладывать усилия. Данные результаты связаны с ограничением со стороны пенитенциарной системы профессиональной активности и креативности сотрудников.

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень образования оказывает влияние на формирование симптомов «выгорания» сотрудников УИС, а также на позитивное или негативное восприятие личности осуждённого. Обучение в ведомственном учебном заведении оказывает влияние на формирование отрицательных оценок личности осуждённого, стереотипов и предубеждений по отношению к осуждённым, что в дальнейшем, уже на этапе профессионального становления сотрудника, детерминирует формирование симптомов синдрома «выгорания».

223. Хитров А. М.

Тверь

ЛИЧНОСТНАЯ ДИНАМИКА СУБЪЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕДОМСТВЕННЫХ (ОТРАСЛЕВЫХ) ОХРАННЫХ СТРУКТУР В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА И ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Профессиология, согласно общепринятому определению, относится к циклу наук об обществе и со многими из них находится в тесном взаимодействии. Это взаимодействие проявляется в различных формах и про-

исходит на разных уровнях, прежде всего на уровне объекта и предмета, понятийного аппарата, методов исследования.

Профессиональный отбор как отрасль профессиологии является междисциплинарной областью научного знания, под которой подразумевается вся совокупность родственных ей дисциплин, их взаимосвязь, оказываемая друг на друга влияние. При изучении проблем профессионального отбора используется комплексный подход, при котором междисциплинарное знание используется строго в интересах конечной цели — получении максимально возможной точности прогноза успешности профессиональной деятельности в соответствии с современными достижениями науки и практики [1].

В профессиях социономического типа процессы профессионального становления напрямую связаны с личностной адаптацией специалиста к нормам профессионального взаимодействия. В профессиях данного типа профессионализация неизбежно сопровождается личностными эффектами, личность изменяется в соответствии с требованиями социально-коммуникативной среды [2].

Специфика охранной деятельности связана с тем, что она является нормативно-регулятивной по содержанию, и поэтому одной из функций специалиста по охране промышленных объектов является представительская, т.е. олицетворение собой имиджа эффективной секьюрити-службы во внешних контактах. С другой стороны, чёткая регламентация всех профессиональных действий обуславливает выработку профессионального личностного стереотипа. В охранной деятельности так же, как и во многих силовых структурах (ВС, МВД, МЧС) в процессе приобретения профессионального опыта личность изменяется в направлении выработки шаблонов реагирования, которые становятся устойчивыми, что облегчает выполнение профессиональных задач, но является неоднозначным фактором для личностного развития. Оценка личностной динамики специалиста охранной службы в ходе профессионализации позволяет прогнозировать позитивные и негативные стороны влияния профессии на личность, что должно учитываться при организации профессионального отбора и подбора кадров для охранных подразделений [3]. Проведённое лонгитюдное исследование (2008—2010 гг.) продемонстрировало более высокую стабильность личностной структуры субъектов охранной деятельности, имеющих опыт кадровой армейской службы по сравнению с лицами, не имеющими его. У лиц, имеющих длительный стаж воинской службы и продолжающих работать в охранных структурах, выявлены изменения показателей по фактору Q3 личностного опросника Р. Кеттелла «Импульсивность-самоконтроль» в направлении усиления самоконтроля. У специалистов, не имеющих предшествующего опыта службы в военизированных структурах, отмечается более выраженная динамика личностных качеств, причём не только профессионально-специфичных. Так, на протяжении указанного периода времени повысились показатели по факторам В «Интеллект» и С «Эмоциональная стабильность», а также по факторам F «Десургенция—сургенция» (полюс сургенсии) и Q₂ «Конформизм-самодостаточность» (полюс автономии от группы).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что предшествующий опыт является существенным фактором профессионально-личностного развития. Необходимость адаптироваться к непривычной ранее профессиональной среде и профессиональным задачам активизирует личностные ресурсы развития, что можно рассматривать как позитивный результат взаимодействия личности и профессии. Регламентированная деятельность, чёткость и ясность профессиональных задач способствуют развитию самодисциплины и упорядочению поведения и мышления, снижению тревоги и беспокойства, повышению уверенности в себе.

У бывших кадровых военных, работающих в охранных структурах, лучше сформирована личностная модель поведения. Они адаптированы к требованиям охранной деятельности. В процессе профессионализации у них нет изменений в социально-рефлексивных личностных чертах как сотрудника охранного подразделения. Это и есть уровень превращения специалиста в профессионала, когда человек уже адаптировался к профессии, самоактуализировался и свободно владеет профессией в форме мастерства [4].

Полученные результаты позволили проверить предположение о том, что субъекты охранной деятельности, не имеющие длительной службы в военизированных структурах, прикладывают больше усилий для адаптации к требованиям профессиональной деятельности, что, в свою очередь, стимулирует их личностное развитие. Тогда как лицам, имеющим длительный опыт пребывания в военных структурах, адаптация практически не требуется, что может привести к личностной стагнации.

Описанные выше категории субъектов профессиональной деятельности в охранных подразделениях требуют различных подходов к организации психологического сопровождения профессиональной деятельности.

Литература

1. Багрецов С.А., Львов В.М., Майданов Н.П., Шлаен П.Я. Методы профессионального отбора специалистов. Учебное пособие. Образовательный научный центр «Институт эргономики и социально-экономических технологий», 2005. — 183 с.
2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. Учебное пособие для вузов. 2-е изд. — М.: ПЕР СЭ, 2006. — 511 с.
3. Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В.А. Бодрова. — М.: Изд-во ИП РАН, 2004. — 500 с.
4. Психология профессиональной деятельности. / Под ред. В.В. Сорочан. 3-е издание. — Ростов н/Д: ЗАО «Ростиздат», 2010. — 80 с.

224. Помыткина Т. Ю.

Ижевск

ОЦЕНКА УРОВНЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Современными исследователями отмечается снижение уровня управленческой компетентности кадрового состава аппарата МВД [2]. Ввиду большой загруженности всех сотрудников правоохранительных органов, неадекватной оплаты труда, низкой социальной защищённости службу оставляют высококомпетентные сотрудники. Им на смену приходят бывшие военные, учителя, инженеры. Эти люди не обладают должными юридическими знаниями, опытом работы в правоохранительных структурах, то есть они не обладают достаточным уровнем профессионализма. Создавшаяся обстановка требует от сотрудников правоохранительных органов непрерывного развития профессиональной компетентности и повышения квалификации.

В то же время содержание управленческой деятельности в органах внутренних дел характеризуется многочисленными социальными противоречиями, которые нередко приобретают характер открытых столкновений — конфликтов [3]. Как показывают исследования [1], на уровень конфликтности в коллективе органа внутренних дел большое влияние оказывает профессионализм и стиль управления руководителя органа, уровень его конфликтологической компетентности.

В целях разработки программ развития конфликтологической компетентности руководящего состава нами было опрошено 69 руководителей ОВД Удмуртской Республики различного уровня управления: от начальника отделения, командира взвода до начальника управления, отдела как самостоятельного, так и в составе центрального аппарата МВД с целью изучения уровня конфликтологической напряженности управленческой деятельности, ее причин, проблемных вопросов и отношения (компетентности) руководящего состава к возникающим конфликтам.

28% опрошенных руководителей отметило, что конфликты в их профессиональной деятельности возникают (25%) и довольно часто (3%). Чаще всего конфликты возникают между подчиненными (36%), а также между руководителем и другими руководителями, с которыми приходится взаимодействовать (20%), и с вышестоящим руководством (20%). Однако сложнее всего руководителям разрешать конфликты, возникающие с вышестоящим руководством (35%) и с руководителями, с которыми приходится взаимодействовать (26%). Эти данные позволяют нам определить направленность и содержание программ развития конфликтологической компетентности руководителей ОВД.

Среди причин возникновения конфликтов руководителями были названы: в поведении сотрудников — некомпетентность (45%), негативные личностные черты сотрудников (32%), неумение сотрудников

разделять личные и деловые отношения (23 %); в организационно-управленческой сфере — нехватка ресурсов (70 %), бюрократизм (23 %); в личностных качествах — нехватка профессиональных знаний (26 %), отсутствие знаний о психологии людей, социально-психологических методах руководства, разрешении конфликтов (23 %), **собственная эмоциональная несдержанность (19 %)**. Следует отметить, что 20 % респондентов не указали на наличие личностных причин возникновения конфликтов, что свидетельствует, на наш взгляд, о сниженной самокритичности, либо наличии профессиональной деформации, выражающейся в развитых механизмах психологической защиты. Однако данное предположение требует своей дальнейшей разработки. Отметим лишь, что треть респондентов считает, что конфликты мешают работе, их лучше избегать, так как от них одни проблемы, что свидетельствует о необходимости развития конфликтологической компетентности руководящего состава органов внутренних дел.

Результаты анкетирования были проанализированы нами по следующим параметрам: наличие высшего образования, уровень управленческой деятельности, вид профессиональной деятельности (оперативная служба, милиция общественной безопасности, строевые подразделения, обеспечивающие службы), а также стаж службы в органах внутренних дел и стаж управленческой деятельности.

Установлено, что наличие высшего образования принципиально не влияет на степень конфликтности, проблемы в решении конфликтов, отношения руководителей к конфликтам.

Однако особенности профессиональной деятельности существенно сказываются на оценке частоты конфликтов (руководители оперативных и обеспечивающих служб реже отмечают наличие конфликтов в деятельности), виде конфликта (для оперативной службы и милиции общественной безопасности наиболее актуальны конфликты между подчиненными и с руководителями, с которыми приходится взаимодействовать, для руководителей строевых служб наиболее актуальны конфликты с гражданскими лицами и руководителями, с которыми приходится взаимодействовать, а для руководителей обеспечивающих служб актуальны конфликты между подчиненными и конфликты с вышестоящим руководством). При этом руководителям оперативных служб сложнее всего разрешать конфликты с руководителями, с которыми приходится взаимодействовать (56 %), а для руководителей остальных служб наиболее трудно разрешать конфликты с вышестоящим руководством (см табл. 1).

Таблица 1

Результаты анкетирования по виду профессиональной деятельности

	Оперативная служба	МОБ	Строевые подразделения	Обеспечивающие службы
Конфликты возникают часто	0 %	0 %	0 %	9 %
Конфликты бывают	12,5 %	38,5 %	40 %	18 %
Конфликты возникают редко	87,5 %	61,5 %	60 %	73 %
Чаще всего возникают конфликты:				
Между подчиненными	43,75 %	39 %	10 %	41 %
Между вами и подчиненными	6,25 %	15 %	20 %	9 %
Между Вами и рук-ми, с которыми приходится взаимодействовать	37,5 %	7,7 %	30 %	13,6 %
Между вами и вышестоящим руководством	6,25 %	30,8 %	10 %	23 %
Между Вами и гражданскими лицами	6,25	15,5 %	30 %	4,4 %
Между вами и членами Вашей семьи	05	0 %	0 %	9 %
Сложнее всего разрешать конфликты:				
Между подчиненными	18,7 %	15,5 %	10 %	14 %
Между вами и подчиненными	0 %	0 %	0 %	5 %
Между Вами и рук-ми, с которыми приходится взаимодействовать	56,25 %	23 %	20 %	9 %
Между вами и вышестоящим руководством	12,5 %	31 %	50 %	50 %
Между Вами и гражданскими лицами	12,5 %	15,5 %	20 %	18 %

Между вами и членами Вашей семьи	0 %	8 %	0 %	5 %
----------------------------------	-----	-----	-----	-----

Наиболее критичны в оценке собственных личностных причин возникновения конфликтов были руководители милиции общественной безопасности: так, 46 % указали на собственную эмоциональную несдержанность, 30 % отметили нехватку профессиональных знаний, 16 % указали на отсутствие знаний о психологии людей, социально-психологических методах руководства, и 8 % отметили у себя неумение распределять задачи.

Наименее критичны по оценке личностных причин возникновения конфликтов руководители оперативных служб — 37 % руководителей данной категории не отметили наличие личностных причин возникновения конфликтов. При этом следует отметить, что только среди руководителей милиции общественной безопасности лишь 8 % считают, что конфликты мешают работе, а для остальных 92 % конфликты — это сигнал, что нужно что-либо менять, конфликт — источник развития коллектива и личности, конфликт — способ узнать другого человека, то есть руководители милиции общественной безопасности имеют конструктивное, рациональное отношение к конфликтам в служебной деятельности и, на наш взгляд, наиболее всего открыты новому опыту, в том числе и в развитии собственной конфликтологической компетентности, в то время как при обучении руководителей оперативных служб можно спрогнозировать наиболее высокое сопротивление.

Полученные данные подтверждают необходимость учета специфики служебной деятельности при разработке обучающих программ по повышению конфликтологической компетентности управленческого звена.

Уровень управленческой деятельности нами был разделен на две категории: начальники (заместители) самостоятельных подразделений, непосредственно реализующих правоохранительные функции, и начальники подразделений центрального аппарата, которые непосредственно занимаются организацией работы подчиненных подразделений по направлениям деятельности. В данной категории также были выявлены значительные расхождения в оценке частоты возникновения конфликтов, сфере возникновения конфликтов и трудностей разрешения конфликтов (табл. 2).

Таблица 2

Результаты анкетирования по уровню управленческой деятельности

	Руководители центрального аппарата	Руководители самостоятельных подразделений
Конфликты возникают часто	0 %	5 %
Конфликты бывают	16 %	32 %
Конфликты возникают редко	84 %	62 %
Чаще всего возникают конфликты:		
Между подчиненными	45 %	27 %
Между вами и подчиненными	3 %	16 %
Между Вами и рук-ми, с которыми приходится взаимодействовать	26 %	16 %
Между вами и вышестоящим руководством	20 %	22 %
Между Вами и гражданскими лицами	6 %	14 %
Между вами и членами Вашей семьи	0 %	8 %
Сложнее всего разрешать конфликты:		
Между подчиненными	16 %	16 %
Между вами и подчиненными	0 %	3 %
Между Вами и рук-ми, с которыми приходится взаимодействовать	42 %	14 %
Между вами и вышестоящим руководством	25 %	43 %
Между Вами и гражданскими лицами	16 %	16 %
Между вами и членами Вашей семьи	0 %	5 %

На оценку частоты возникновения конфликтов, сферы конфликтности и трудноразрешимых конфликтов также влияет стаж профессиональной деятельности и, в частности, стаж управленческой деятельности. Наиболее часто возникают конфликты у руководителей с наименьшим стажем профессиональной деятельности (17 % отметили, что у них часто возникают конфликты, 33 % отметили, что конфликты бывают), с ростом стажа как профессиональной, так и управленческой деятельности наблюдается уменьшение частоты возникновения конфликтов, что, конечно, отражает прирост навыков профессиональной и управленческой деятельности, которые способствуют снижению уровня конфликтности, предупреждению конфликтов на ранних стадиях, однако поразительны результаты опроса руководителей со стажем управленческой деятельности более 15 лет (стаж профессиональной деятельности у них составил более 20 лет): 100 % считают, что в их работе конфликты возникают редко, при этом 45 % данных руководителей не нашли личностных причин возникновения конфликтов. И именно данная категория руководителей наиболее часто использует директивные стратегии разрешения конфликтов между подчиненными.

Следует также выделить тот факт, что 50 % руководителей с наименьшим стажем профессиональной деятельности (до 10 лет) и управленческой деятельности (до 3 лет) отмечают наличие эмоциональной несдержанности, как одной из причин возникновения конфликтов, при этом 67 % из них считают, что конфликты мешают работе (по-видимому, потому, что они в меньшей степени могут их конструктивно разрешать). Таким образом, в фокус внимания попадают молодые руководители с небольшим стажем службы в органах внутренних дел (до 5 лет).

На основании проведенного исследования нами сформулированы следующие выводы:

1. Определяющим фактором в уровне конфликтологической компетентности руководителя органа внутренних дел является стаж в профессиональной и управленческой деятельности. Наиболее оптимальный уровень конфликтологической компетентности имеется у руководителей со стажем управленческой деятельности от 5 до 15 лет и стажем профессиональной деятельности от 10 до 20 лет. Далее происходит уплощение стратегий и способов разрешения конфликтов, развиваются механизмы психологической защиты, не позволяющие критично оценивать собственный вклад в конструктивное разрешение конфликтов и их оценку.

2. Специфика профессиональной деятельности через полученный опыт определяет отношение руководителя к конфликтам и методам их разрешения, а также определяет наиболее проблемные для руководителя сферы конфликтного взаимодействия.

3. В развитии конфликтологической компетентности наиболее всего нуждаются молодые руководители с небольшим стажем профессиональной деятельности (до 5 лет).

4. При разработке программ развития конфликтологической компетентности следует учитывать:

- специфику профессиональной деятельности руководителя, так как она определяет виды и сферы возникновения конфликтов, а также при разработке программ для руководителей оперативных подразделений следует включить блок по самосознанию, личностному развитию, мотивации руководителя на развитие управленческого потенциала;
- в стаж службы руководителя как в профессиональной деятельности, так и в управленческой деятельности для молодых руководителей следует включить блок по развитию навыков саморегуляции.

Литература

1. Баранов П.П., Жуков И.А., Кикоть В.Я., Мещерякова А.В. Вопросы психологического обеспечения работы с руководящими кадрами органов внутренних дел: Монография. — Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2005.
2. Портнягина Н.Ю. Развитие управленческой компетентности как составляющей психологического потенциала сотрудников ОВД в период их переподготовки и повышения квалификации: методические рекомендации — Домодедово — ВИПК МВД РФ, 2008.
3. Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: учебное пособие. — М.:ЦОКР МВД России, 2008.

225. **Иванов С. В.**

Ижевск

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ОВД
КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР УСТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА
В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА
И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Проведенное в 2009 году фондом «Общественное мнение» по заказу МВД России исследование показало, что в иерархии страхов и угроз среди населения нашей страны одно из первых мест занимает проблема криминализации общества и преступность [4]. При этом деятельность МВД России и входящих в его структуру органов внутренних дел, призванных обеспечивать противодействие преступности и охрану общественного порядка, вызывает у граждан достаточно много нареканий. Так, лишь 34 % граждан считают, что ОВД «хорошо» защищает их интересы, а 37 % — что «плохо» (28 % затруднились с ответом) [4]. Развернувшаяся в российском обществе широкая дискуссия по проблемам реформирования Министерства внутренних дел России, мощным толчком к которой послужил Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 года N 1468, красноречиво свидетельствует о том, что «существующая структура органов внутренних дел Российской Федерации, организация их деятельности, кадровое, финансовое, материально-техническое обеспечение милиции не отвечают современным требованиям и нуждаются в модернизации» [7]. Очевидно, что решение столь масштабных задач требует проведения глубокого стратегического анализа и выработки принципиально новых подходов к организации правоохранительной деятельности с применением современных методов управления.

Надо сказать, что утвержденный еще в 2008 году План МВД России по реализации Стратегии развития России до 2020 года предусматривал осуществление комплекса мероприятий по оптимизации организационно-структурного построения органов внутренних дел, сосредоточению их деятельности на приоритетных направлениях борьбы с преступностью и правонарушениями [5]. Для решения этих задач с успехом может применяться функционально-стоимостной анализ (*functional-cost analysis*) — «совокупность приемов комплексного системного исследования функций, направленных на обеспечение общественно необходимых потребительских свойств объектов и минимальных затрат на их проявление» [10]. В отличие от предметного подхода, используемого в традиционных методах анализа, ФСА позволяет абстрагироваться от существующей организационной структуры и сосредоточиться на вопросе повышения эффективности и уменьшении затратности выполнения комплекса определенных функций [6]. Надо сказать, что метод функционально-стоимостного анализа с успехом применялся в ФРГ и США для выявления затрат на осуществление функции полицейского патрулирования в общественных местах [9]. Использование данного метода тем более актуально, что именно оптимизация функций органов исполнительной власти РФ в рамках административной реформы призвана повысить эффективность их деятельности [2]. Еще в 2005 году в рамках работы Правительственной комиссии по проведению административной реформы было проанализировано 5634 функции федеральных органов исполнительной власти, из них признано избыточными — 1468, дублирующими — 263, требующими изменения — 868 [Там же]. Думается, что давно назрела необходимость в проведении анализа функций не только органов внутренних дел, но и других правоохранительных органов в соотношении необходимых для реализации государственной политики в правоохранительной сфере функций с бюджетными затратами на их осуществление, в выработке на основе такого анализа предложений по оптимизации их организационно-структурного построения.

Вместе с тем сейчас очевидно, что обществу нужны не только изменения структуры и функций милиции, но и, в первую очередь, выработка целостной концепции построения новой модели органов внутренних дел на основе переосмысления роли и места милиции в обществе, формирования отношений социального партнерства между правоохранительными органами и общественностью. В менеджменте подобные задачи решаются с применением метода реинжиниринга бизнес-процессов (*business process re-engineering* [11]), предполагающего переосмысление целей, задач, структуры, технологий и результатов деятельности с последующей их полной перестройкой.

В этой связи уместно вспомнить, что с середины 1980-х годов правоохранительные органы США, Канады, Германии и ряда других развитых государств отказались от использования в качестве единственно правильной «модели профессиональной борьбы с преступностью» в пользу модели «общественно-ориентированной деятельности полиции» (community policing) [1]. На смену иерархичной и жестко централизованной организационной структуре полиции, принципу «оперативного реагирования на уже произошедший инцидент», оценке эффективности на основе статистических показателей арестов, осуждений и раскрытия преступлений пришла децентрализованная организационная структура полицейских формирований, ориентированных на оказание правоохранительных услуг и предупреждение правонарушений путем установления партнерских отношений с местными органами власти и самоуправления, общественными организациями и объединениями [8].

Принимая во внимание, что «предметом социального партнерства могут стать (и действительно являются в разных странах) социально-экономические консультации» [3], можно предложить использование известного в менеджменте метода формирования «цикла управления заказом» [12], который позволяет представить деятельность как процесс, связывающий потребности заказчика с поставщиком услуг. Формирование «заказа на предоставление правоохранительных услуг» по решению актуальных для населения конкретного региона (местности) и властей различных уровней вопросов в сфере охраны общественного порядка, обеспечения личной и общественной безопасности, защиты всех видов собственности и последующий публичный отчет о достигнутых результатах должны происходить при таком подходе, на основе мониторинга общественного мнения, в том числе о представляющих для граждан наибольшую угрозу видах преступлений и криминогенных факторах, а также многосторонних консультаций ОВД с общественными объединениями, органами местного самоуправления и представителями федеральных органов власти.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что использование современных методов управления ОВД является важным фактором установления социального партнерства в правоохранительной сфере, которое позволит не только существенно повысить эффективность борьбы с преступностью, но и существенно снизит степень криминализации общества.

Литература

1. Дробижева Л.М., Щедрина О.В. Новые подходы к организации взаимодействия полиции и населения в современных условиях (на примере США и Канады). Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: Материалы «круглого стола» 27 января 2006 года в Академии управления МВД России. — М.: Академия управления МВД России, 2006. — С.76—92.
2. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006—2008 годах, одобрена распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. N 1789-р.
3. Кудюкин П. Социальное партнерство или корпоративизм? (Социальная структура трудовых отношений в современной России) // Вопросы экономики. — 1994. — №5. — С. 72.
4. Результаты изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Научно-популярный альманах МВД России «Профессионал». — № 1 (93). — 2010. — С. 6.
5. П. 1.1. Раздела 1. «Совершенствование управленческой деятельности в системе МВД России» Плана МВД России по реализации Стратегии развития России до 2020 года, утв. Министром ВД РФ 20.03.2008 г. № 1/2153.
6. Слуцкий М.Л. Управленческий анализ. — М., 2002.
7. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 года N 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. — N 251. — 28.12.2009.
8. Фревель Б. Полиция в партнерстве с общественными организациями по поддержанию порядка и уголовно-превентивными советами // Журнал «Deutsches Polizeiblatt». — ФРГ, 2008. — № 6. — С. 4—7.
9. Шнайдер Х.Й. Теория в сфере деятельности полиции // Kriminalistik, ФРГ. — 2000. — № 5. — С. 290—299.; Егер Р.Р. Новые формы организации деятельности полиции // Deutsches Polizeiblatt, ФРГ. — 2006. — № 1. — С. 21—24.

10. Энциклопедический словарь бизнесмена. — Киев, 1993. — С. 41—42.
11. Garvin D.A. The processes of organization and management, Sloan Management Review, Cambridge, Summer, 1998. — pp. 35—37.
12. Shapiro B.P., Rangan V.K., Sviokla J.J. Staple yourself to an order. — Harvard Business Review, 1992. — pp. 113—121.

226. МЕТЕЛЕВ А. В.

Ижевск

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ**

Президентом страны Д.А. Медведевым определены два основных направления совершенствования системы органов внутренних дел. Отбор кандидатов на службу в ОВД и повышение профессионального мастерства действующих сотрудников. В современных условиях реформирования проблема психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности актуальна как никогда. М.И. Марьин указывал, что цель психологической службы заключается в повышении эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. Эффективность деятельности — это достижение общественно-приемлемого результата с оптимальными затратами. С этой точки зрения такие показатели, как низкая раскрываемость преступлений и уровень их профилактики, а также показатели нарушения законности, дисциплины, правовые проступки и преступления, текучести кадров, заболеваемости, травматизма, гибели и инвалидности сотрудников являются критериями эффективности деятельности психологической службы [2].

В настоящее время психологическая служба осуществляет свою деятельность в пяти основных направлениях: 1. Организация и проведение профессионального психологического отбора. 2. Организация и проведение социально-психологической работы в служебных коллективах. 3. Осуществление психологического сопровождения и поддержки сотрудников в экстремальных условиях деятельности. 4. Осуществление профессионально-психологической подготовки в ОВД. 5. Психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности. В содержательную характеристику психологического обеспечения входят: консультирование по вопросам оперативно-служебной деятельности, участие в выборе стратегии ведения переговоров, экспертиза уголовных дел, полиграфные исследования и др. [Там же]. Данное содержание закреплено Приказом МВД России № 770 от 26 сентября 2006 г. «Об утверждении Положения об основах организации психологического обеспечения работы с личным составом органов внутренних дел» в п. 23,6, 23,7. Однако до сих пор своего логического развития они не получили.

Как показывает анализ результатов практической деятельности, руководители оперативных подразделений крайне редко обращаются к психологам по вопросам оказания помощи в решении оперативно-служебных вопросов, не видя в этом необходимости. С другой стороны, психологи не имеют достаточного опыта в решении оперативно-служебных задач, нет широкой практики и научно-методического обеспечения решения данных проблем. Представляется, что в перспективе необходимо создавать отдельные специализированные психологические подразделения, каждое из которых будет обеспечивать свое направление работы [1].

Каково же содержание психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности?

А.И. Папкин и И.А. Папкин выделяют три наиболее важных, с их точки зрения, направления психологического обеспечения оперативно-розыскной деятельности для решения трех взаимосвязанных задач: 1) изучение психологических особенностей ОРД и проведения оперативно-розыскных мероприятий, выработка профессионально-психологических требований к оперативным работникам, учитываемых в процессе их профессионального отбора и расстановки; 2) разработка с учетом результатов исследований ОРД эффективных психологических технологий, приемов и методов, позволяющих повысить

уровень оперативно-розыскной деятельности; 3) внедрение психологических рекомендаций и предложений в деятельность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [4].

А.Б. Мощанский, затрагивая тему психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности, выделяет пять его основных направлений. Первое направление носит условное название по «горячим следам» и включает в себя проведение опроса потерпевших и свидетелей, находящихся в состоянии острого стресса, а также проблему оптимизации составления субъективного портрета преступника. Второе направление — «в ходе оперативно-розыскных действий» — подразумевает использование метода гипнорепродукции для восстановления обстоятельств и деталей происшествия, а также составление вероятностного психологического портрета личности преступника по преступлениям с признаками серийности, а также по преступлениям, в основе которых лежит психологический мотив, с целью создания розыскного профиля для составления направленной реализации розыскных версий; контроль за проявлением психофизиологических реакций опрашиваемого с целью определения признаков стресса для выявления лжи; использование методов эниологии (сверхчувственное восприятие, биолокация и др.) в целях поиска спрятанных предметов и получения дополнительной информации. Третье направление — «в ходе предварительного следствия» — экспертиза вменяемости и осознания своих действий потерпевшим; изучение личности преступника с целью выработки вероятностного предположения о его причастности к подобным преступлениям. Четвертое направление связано «с проведением специальных операций»: ведение переговоров для освобождения заложников; составление вероятностного психологического портрета преступников в целях прогноза их действий; оказание психологической помощи заложникам в целях качественного проведения первичного опроса на этапе фильтрации. Пятое направление — использование психологических знаний «при проведении мероприятий в целях собственной безопасности» (прием на службу в подразделение с повышенными требованиями к надежности сотрудников, проведение служебных проверок и внутренних расследований) и полиграфное обследование [3].

Как мы видим, все предлагаемые направления носят специфический оперативно-розыскной характер, и, по-видимому, обеспечить функционирование подсистемы психологического обеспечения должны специалисты — психологи из числа ученых, оперативных психологов практических подразделений, специалистов научно-исследовательских лабораторий и центров, образовательных учреждений системы МВД России. Следует согласиться с мнением В.В. Аврамцева и А.А. Овчинникова о необходимости создания отдельных психологических подразделений в органах внутренних дел, каждое из которых будет обеспечивать свое направление работы, организацию специальной психологической подготовки и психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности на основе научно-обоснованных программ в решении конкретных задач оперативных разработок и специально подготовленных психологов [1].

Профессиональная компетентность сотрудников ОВД напрямую зависит от ряда факторов: научно-теоретического осмысления проблем оперативно-служебной деятельности, качественных научно-практических разработок и их внедрения и практического использования оперативными сотрудниками, результатов психологического осмысления и деятельности. В то же время мы должны прекрасно понимать, что даже создав подразделения оперативных психологов и введя должности в практические подразделения, полностью проблемы борьбы с преступностью решены не будут. При любых ситуациях и обстоятельствах психологи всегда будут обеспечивающим звеном, призванным оказывать практическую профессионально-психологическую помощь как конкретному оперативному сотруднику, так и оперативному подразделению.

Литература

1. Аврамцев В.В. Об опыте взаимодействия кафедры юридической психологии и ГУВД Нижегородской области // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел и внутренних войск МВД России: Сборник тезисов выступлений участников всероссийского совещания руководителей подразделений психологического обеспечения органов внутренних дел и внутренних войск. — М.: Управление воспитательной работы ГУКиКП МВД России, ЦОКП МВД России, 2000. — С. 163—165.
2. Марьин М.И. Организация психологической работы в ОВД, перспективы развития психологической службы МВД России // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Сборник тезисов выступлений участников региональных семинаров практических психологов. М.: ЦИИиНМОКП МВД России, 2000. — С. 17.

3. Мощанский А.Б. Психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел и внутренних войск МВД России: Сборник тезисов выступлений участников всероссийского совещания руководителей подразделений психологического обеспечения органов внутренних дел и внутренних войск. — М.: Управление воспитательной работы ГУКиКП МВД России, ЦОКП МВД России, 2000. — С. 92—97.
4. Папкин А.И., Папкин И.А. Юридическая психология: Учебное пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — Домодедово: ВИПК МВД России, 2006. — С. 97—99.

227. Галанин О. А.
Москва

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОТБОРА В РЕЗЕРВ ДЛЯ НАЗНАЧЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТИ РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Для своевременного замещения вакантных руководящих должностей наиболее подготовленными сотрудниками в органах внутренних дел и подразделениях, образовательных и других учреждениях системы МВД России осуществляется отбор и подготовка резерва кадров.

Формирование резерва должно осуществляться на основании имеющегося качественного состава кадров и планируемой потребности в замещении соответствующих должностей [6] на ближайшие годы с учетом их движения и возможных организационно-штатных изменений на научной основе.

Важный этап для работы с резервом — это отбор. Обязанность руководителя — организовать эффективный отбор в резерв для назначения на руководящие должности на основе полного и всестороннего изучения личных и деловых качеств претендентов.

Основная задача отбора в резерв кадров, а затем и зачисления в резерв — это обеспечение объективности при оценке качеств кандидатов и вынесении решения о включении в состав резерва кадров. Насущной становится необходимость организационно-правовыми средствами максимально надежно урегулировать все действия, производимые при отборе кандидатов.

По нашему мнению, отбор кандидатов в резерв кадров должна осуществлять специально сформированная *конкурсная комиссия*. Комиссионный отбор в резерв кадров вполне оправдан и соответствует процессу реформирования и демократизации государственной службы Российской Федерации.

Для объективного решения вопросов по отбору кандидатов в резерв кадров ОВД предлагаем следующий состав комиссии: 1) руководители органа внутренних дел: начальник либо уполномоченное им иное лицо; руководитель кадровой службы; руководители структурных подразделений; психолог; 2) представители учебных заведений; 3) независимые ученые и специалисты практики; 4) представители органов государственной власти по вопросам государственной службы.

Благодаря применяемому комиссионному отбору сотрудников, в резерв для назначения на руководящие должности в сочетании с обязательным психологическим тестированием кандидатов — в УВД по Хабаровскому краю, МВД по Удмуртской Республике, МВД по Республике Татарстан и ряде других МВД, ГУВД (УВД) по субъектам Российской Федерации удается значительно улучшить действенность резерва. Так, в МВД по Республике Татарстан действенность резерва в 2008 г. составила 71,0 %, в МВД по Удмуртской Республике — 73,9 %, что значительно выше среднего значения по МВД РФ (около 30 %).

Осуществляя отбор кандидатов в резерв кадров, необходимо использовать не один, а целый комплекс различных методов отбора, направленных на получение объективной оценки.

Комплексная система отбора может включать в себя следующие методы: анализ личных дел (характеристик, аттестаций, сведения о прошлой трудовой деятельности, поощрениях и взысканиях); проведение беседы; сбор информации о кандидате от других сотрудников; психологические методы тестирования: интеллекта, специальных способностей, мотивации интересов; экспертные оценки и др.

Для повышения качества отбора сотрудников в резерв кадров может быть использован институт поручительства. Когда сотрудники, хорошо знающие кандидата для включения в резерв кадров, письменно

ручаются, подтверждая наличие у него необходимых для выполнения служебных обязанностей по планируемой к замещению должности деловых, личных и нравственных качеств, профессиональных знаний, навыков и умений, стремление к профессиональному росту и самосовершенствованию, надлежащее выполнение рекомендуемым лицом требований законов, должностных обязанностей. Личное поручительство, убежден начальник ДКО МВД России, должно сыграть положительную роль в повышении качества отбора кандидатов [5].

Кандидатуры сотрудников, представляемых к зачислению в резерв кадров, могут обсуждаться на коллегиях, оперативных совещаниях, заседаниях аттестационной комиссии, согласовываются с соответствующими подразделениями собственной безопасности.

Такой порядок отбора обеспечивает коллективный, демократичный характер этой работы, всемерную коллегиальность (в широком смысле) и гласность в оценке кадров и принятии решений при зачислении в резерв.

Другой важный момент для достижения объективности оценки кандидатов — критерии. Вопрос о критериях оценки и тех обстоятельствах, фактах и условиях, которые должны учитываться при принятии решения, неизменно затрагивался и затрагивается в отечественной научной литературе. Вместе с тем приходится признать, что до настоящего времени объективные критерии оценки деятельности сотрудников органов внутренних дел не выработаны.

Положением о порядке формирования резерва для назначения на должности руководящего состава органов внутренних дел Российской Федерации и работе с ним [7] определены критерии отбора кандидатов для зачисления в резерв. Решение о зачислении в резерв необходимо производить на основе «изучения и оценки результатов оперативно-служебной деятельности, их личных и деловых качеств, организаторских способностей», а также учитывать:

- возраст сотрудника (с учетом предельного пребывания на службе в специальном звании по предполагаемой должности);
- соответствие имеющегося у сотрудника образования специальностям, предусмотренным по предполагаемой к замещению должности;
- выводы последней аттестации по занимаемой должности;
- наличие опыта работы по предполагаемому направлению оперативно-служебной деятельности;
- желание сотрудника быть зачисленным в резерв и быть назначенным на иную должность;
- состояние здоровья (в том числе рекомендации психологов).

Если предполагается перемещение на службу в другую местность (с согласия сотрудника), то учитывается обеспеченность жилой площадью и возможности проживания там сотрудника и членов его семьи.

Отечественными и иностранными учеными в разное время уделялось и уделяется много внимания вопросу о необходимых качествах руководителя.

Важное значение имеет образование, так как именно образование часто «выступает одним из ведущих факторов занятия руководящих должностей и эффективного руководства» [9].

В 1975 году Крыловым С.М. предлагалось «руководящие кадры готовить только из числа лиц, имеющих высшее образование, проявивших способности к руководящей работе, имеющих определенный опыт практической и управленческой деятельности ...» [3].

По мнению И.О. Котенева, учитывая, что правоохранительная служба как вид государственной службы Российской Федерации строится на профессиональной основе и, соответственно, востребует в своем руководящем звене лиц, имеющих профессиональную подготовку в области управления, необходимо уже сейчас, как это сделано в Федеральной таможенной службе применительно к начальникам таможен [8], установить для должностей руководителей ОВД номенклатуры МВД РФ в качестве квалификационного требования наличие высшего профессионального образования (государственное и муниципальное управление, юридическое либо другое высшее образование со специальной профессиональной подготовкой в области управления) [2].

Мы согласны с теми исследователями, которые считают необходимым повысить требования по образовательному уровню к кандидатам для зачисления в резерв кадров и для замещения руководящих должностей. На наш взгляд, образовательный уровень указанной категории не должен быть ниже высшего профессионального образования, а с повышением должностного уровня требования не только

к образованию, но и по другим критериям оценки должны возрастать. Это требует нормативного закрепления в квалификационных требованиях к замещению руководящих должностей.

Образование занимает как бы промежуточное положение между объективными и субъективными, личностными характеристиками руководства, поскольку его получение зависит как от социально-экономического положения, так и от его индивидуальных способностей, в первую очередь, от уровня интеллекта [9].

Личностные качества, характеристики руководителя непосредственно связаны с его психикой, субъективными качествами, прирожденными приобретенными или развитыми способностями. Ведущее место среди них занимает интеллект, характеризующий умственные способности и развитие личности.

Издавна считалось, что в целом руководитель умнее своих подчиненных, и эффективность его деятельности прямо зависит от его интеллекта. Некоторые из ученых на основе проведенных исследований, поставили под сомнение такие представления.

Так, Ф. Фидлер и А. Лейстер, изучая характер влияния умственных способностей на карьеру и эффективность руководства, пришли к выводу, что интеллект и эффективность руководства связаны — опосредовано, целым рядом факторов, которые могут ослаблять позитивные корреляции между данными параметрами. К их числу относятся мотивация, опыт отношения с вышестоящим руководством, с группой [11].

Соглашаясь, что между уровнем интеллекта и эффективностью руководства не всегда наблюдается прямая зависимость, необходимо признать, что в среднем руководители имеют более высокий уровень интеллектуального развития, чем их подчиненные.

А.Ф. Майдыков считает, что руководитель органа внутренних дел (любого уровня управления) помимо профессиональных знаний должен обладать высокой нравственностью, интеллектом, обостренным чувством справедливости и причастности ко всему тому, что происходит в своей стране и мире, стремлением защитить права и свободы человека и гражданина и др. [4].

В п. 9 Указа Президента Российской Федерации от 7 декабря № 1734 «О федеральных кадровых резервах Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной миграционной службы» среди требований к кандидатам на включение в федеральные кадровые резервы *нравственные качества* выделены отдельно.

В любом трудовом коллективе все связанное с нравственно-психологическими качествами руководителя воспринимается особенно остро. Эти качества необходимы для создания в коллективе климата, благоприятствующего развитию здоровых межличностных отношений, сознательной дисциплины, закрепления у людей чувства удовлетворенности трудом.

Руководитель правоохранительного органа любого уровня должен обладать управленческими качествами: профессиональной компетентностью, умением работать с людьми, высокой нравственностью, требовательностью к себе и подчиненным, инициативностью и уверенностью в себе, самостоятельностью. Особо при этом следует выделить профессионализм.

Важность профессионализма подтверждается результатами специальных исследований и практикой, подавляющее большинство руководителей, членов трудовых коллективов профессионализм ставят на первое место [10].

В.Я. Кикотем сформулирован эталон кадрового наполнения подразделений милиции, обусловленный социальной значимостью функционирования органов внутренних дел. «Профессионал — это сотрудник, досконально знающий порученный участок работы и обладающий определенной совокупностью социально значимых качеств и свойств личности, с высокой степенью успешности решающий свои профессиональные задачи, в социально одобряемых формах, воспринимаемых населением правомерными и справедливыми» [1].

Учитывая вышеизложенное, результаты проведенного исследования, предлагаем среди других важных качеств кандидата оценивать комиссией при зачислении в резерв: образование, интеллект, нравственные качества, стремление к самообразованию и самосовершенствованию, профессиональные способности. Соглашаясь с мнением некоторых ученых, полагающих, что «лучших» качеств или «золотого набора черт» руководящих кадров не существует, считаем вышеуказанные качества необходимыми для руководителя любого уровня. Для эффективного выполнения служебных обязанностей сотруднику органов внутренних дел важно быть целостной личностью, обладающей синтезом

уникальных и типических качеств. Профессионализм интегрирует эти качества, способствует наиболее эффективному исполнению служебных обязанностей.

Литература

1. Кикоть В.Я. Организационно-правовое и информационное обеспечение реализации кадровой политики МВД России в сфере подготовки кадров. — Дис. ... д-ра юр. наук. — М., 2002.— С. 161—162.
2. Котенев И.О. Современные подходы к формированию личности руководителя органа внутренних дел как субъекта организации управления / Профессиональная культура руководителя: пути ее формирования и развития: Сборник научных статей. — М.: Академия управления МВД России, 2008. — 74 с.
3. Крылов С.М. Актуальные вопросы подготовки в Академии высококвалифицированных, всесторонне образованных, преданных делу социализма кадров для органов внутренних дел. — М.: Академия МВД СССР, 1975. — 30 с.
4. Майдыков А.Ф. О концепции образовательной деятельности Академии управления МВД России // Актуальные проблемы совершенствования организационных и правовых основ деятельности организации органов внутренних дел // Труды Академии управления — М.: Академия управления МВД России, 1999. — С. 14.
5. Нурғалиев Р.Г., Кикоть В.Я. Пропуск в миллионный коллектив выдают кадры // Вестник кадровой политики. — № 3(7). — 2009. — С. 6.
6. П. 6 Положения о порядке формирования резерва для назначения на должности руководящего состава органов внутренних дел Российской Федерации и работе с ним.
7. Приказ МВД России от 13.07.2007г. № 629 «Об утверждении Положения о порядке формирования резерва для назначения на должности руководящего состава органов внутренних дел Российской Федерации и работе с ним».
8. Приказ Федеральной таможенной службы от 31 января 2005г. № 68 «О квалификационных требованиях, предъявляемых к начальникам таможен».
9. Пугачев В.П. Руководство персоналом: Учебник. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 161 с.
10. Черепанов В.В., Иванов В.П. Основы государственной службы и кадровой политики: учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Закон и право, 2008. — С. 78.
11. Feilder F.E. Leadership and Leadership Effectiveness Traits: A Reconceptualization of Leadership Trait Problem // Leadership and Interpersonal Behavior. — N.Y., 1961. — P. 180.

228. ГЕРАСИМОВ С. В.

Ижевск

УСЛОВИЯ СНИЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРИ ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

В настоящее время общепризнано существование фактора неопределенности как среди теоретиков, так и практиков. Не существует полностью точных прогнозов, так как не существует абсолютных знаний об окружающем нас мире, в результате действительность может всегда оказаться отличной от её образа, определённого даже в самом совершенном высказывании относительно будущего. Неопределённость существует объективно. Впервые над явлением неопределённости задумались психологи, указывая на познавательные и мотивационные барьеры в человеческих отношениях, в том числе возникающие во время совершения индивидуальных и групповых выборов и принятия решений.

Неопределенность является составной частью управленческой деятельности, особенно при появлении неожиданных ситуаций, которые достаточно часто требуют срочных и часто неординарных действий, сопряженных с риском. В целях повышения качества принятия решений, выявлены основные условия снижения неопределенности.

В зависимости от поступающей информации, проблемы и связанный с их решением риск может иметь явный и неявный характер. Очень важно не игнорировать сигналы, а усилить наблюдение за ходом событий. Раннее выявление опасности возможно при постоянном внимании к перспективному планированию, требующему углубленного анализа многообразных факторов. Заблаговременное обнаружение признаков потенциальных неблагоприятных ситуаций даёт выигрыш во времени для оценки степени угроз, выработки конкретных действий и определения требуемых затрат ресурсов.

С целью экономии времени и средств на разработку управленческого решения необходимо четко сформулировать, что следует получить, какими свойствами должно обладать решение. Повышению качества управленческих решений способствует предварительное продумывание следующих вопросов:

- 1) кто и где принимает решение;
- 2) типы принимаемых решений на различных уровнях;
- 3) время, необходимое для принятия решения;
- 4) система оформления и передачи решения;
- 5) система контроля исполнения принятых решений и проверка их фактической эффективности.

Ориентация в причинах низкого качества решений ограничит возможность их появления на разных этапах их разработки и исполнения и тем самым будет способствовать повышению эффективности решений.

Решения обосновываются не только по организационным, техническим, правовым, но и по психологическим критериям. В частности, опытные руководители до объявления решения создают благоприятную психологическую обстановку, чтобы вызвать у подчинённых положительное впечатление.

Обоснованность решения не должна вызывать сомнения у исполнителей.

Своевременность решения — второе условие эффективности. Запоздалое решение не исправляет положение. На решение проблем требуется определенное время. За этот период изучается обстановка. Чтобы подготовить, принять и реализовать решения, собираются необходимые данные. Чем больше времени руководитель отводит на подготовку и принятие решения, тем меньше остаётся его для исполнения. Ставя подчинённых в ограниченные временные рамки, руководителем заведомо наносится ущерб эффективности собственных решений. Время принятия решений необходимо соотносить с состоянием морально-психологического климата в коллективе, поэтому полезно проводить целенаправленную психологическую подготовку к новому решению.

Содержание решений может не соответствовать ожиданиям подчинённых. В этом случае различают три психологических варианта решений:

- запрещающие;
- разрешающие;
- конструктивные.

Наиболее сложная психологическая ситуация создается при запрещающих решениях. Руководитель отказывается в поддержке предложения, отменяет задуманные подчинёнными меры, запрещает отдельные действия. Если это систематически повторяется, то руководитель рискует лишиться опоры коллектива.

При разрешающих решениях предварительно следует попросить подчинённых обосновать предложение, выявить трудности и пути их преодоления. Это важно для того, чтобы избежать ошибки подчинённого и не допустить сдерживания его инициативы в будущем. Руководителю следует глубже вникнуть в суть дела, соотнести предложения с перспективными планами и лучше оценить мышление подчинённого.

Конструктивные решения, разрабатываемые самими руководителями, по совету психолога, лучше объявлять как подсказанные снизу. Честолюбие руководителя, возможно, несколько ущемляется, но вызывает эффективность решения.

Соответствие решения силам и средствам его выполнения имеет также немаловажное значение. Известно, что при одинаковых объективных условиях руководители ставят перед собой и подчинёнными задачи различной трудности, что объясняется самооценкой личности.

Значительная, но посильная нагрузка для коллектива предпочтительней в психологическом плане — развивает коллектив путем преодоления возрастающих трудностей.

Жесткость регламентации деятельности подчинённых — одно из условий эффективности решений. Различают три уровня жесткости:

- контурные решения;
- структурированные решения;
- алгоритмические решения.

Оценка преимуществ какого-либо из уровней жесткости рассматривается в увязке с конкретной ситуацией. Контурные решения эффективны в случаях, когда подчиненные хорошо знают проблему, добросовестны, имеют опыт её решения. Алгоритмический характер решениям придается в условиях, когда подчиненные работают без достаточного напряжения сил, либо в особо ответственных действиях даже достаточно опытных подчиненных.

Обеспечение высокого качества управленческих решений — проблема комплексная. Её разрешение зависит от соблюдения множества условий и учета ряда факторов. Так, неопределенность исходной информации при принятии решений может быть разрешена путем осуществления ряда мер организационного и технологического характера.

Неопределенность оперативной информации зависит от величины заранее накопленной информации об особенностях и закономерностях функционирования объекта и от надежности используемых методов разрешения неопределенности.

От качества управленческих решений зависит результативность работы организации. Они должны отвечать определенным требованиям, приниматься с соблюдением организационных и психологических предпосылок.

Итак, рассмотрев условия снижения неопределенности при разработке и принятии управленческих решений, мы можем сделать определенные выводы:

- от качества управленческих решений зависит результативность работы всей организации, поэтому принимаемые решения должны отвечать определенным требованиям, приниматься с соблюдением организационных и психологических предпосылок;
- основными характеристиками качества управленческих решений, способствующих устранению неопределенности, являются: обоснованность, своевременность, эффективность, непротиворечивость, конкретность и полномочность.

Литература

1. Юкаева В.С. Управленческие решения: Учеб. пособие. — М.: Издательский дом «Дашков и К», 1999. — 292 с.
2. Карпов А.В. Психология менеджмента: Учеб. пособие. — М.: Гардарики, 2005. — 584 с.
3. Разработка управленческого решения: Учебник. — 3-е изд., испр. — М.: Дело, 2002. — 392 с.

229. Лихачева С. Н., Белов А. В.
Ижевск

ВИДЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ЛИДЕРОВ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ

Формирование специалистов в сфере управления с грамотным квалифицированным, юридически обоснованным навыком принятия решений, является и государственной, и ведомственной задачей. В реалиях конкуренции вузов за заказчиков определяется задача в виде поиска и борьбы по определенному профилю специальностей. При снижении государственного заказа представителям вузов придется тратить дополнительные усилия по поиску дополнительных средств для инвестиции, исполняя целевые заказы других ведомств или отдельных коммерческих организаций, также поиск дополнительных средств финансирования из госбюджета за счет участия в приоритетных госпроектах. Одним из приоритетов государственного финансирования является обучение и повышение квалификации управленческого звена. Так как существует признанный государством дефицит обученных управленческих кадров, то обучение управленческой компетенции может быть востребовано и дополнительно финансировано.

Одним из направлений является создание единой региональной базы управленческих кадров, другим направлением — повышение уровня их подготовки.

По опыту подготовки менеджеров в Удмуртском государственном университете группой авторов сформулирован ряд задач и необходимых требований в управленческой работе.

Разработка программ обучения управленческой компетентности в условиях ФСИН как отдельный компонент обучения, на наш взгляд, становится одним из приоритетных направлений.

По мнению Дж. Равенна, «компетентность — это специфическая способность, необходимая в конкретной профессиональной области и включающая узкоспециальные знания, особого рода навыки, способности мышления, а также понимание ответственности за свои действия».

Постановка задач менеджеров (как управленцев) диктует не только овладение навыками по ГОСТу, но и ключевыми профессиональными компетенциями, такими как: информационная, аналитическая, коммуникативная, организационная, управленческая.

Управленческая деятельность имеет особый продукт — управленческое решение. В системе аналитической модели она укладывается в близких перспективах в формирование дискретно-событийной модели, в отдаленных — синергетической математической модели. Наиболее успешной задачей является процесс, управляемый не более пятью параметрами, более сложные процессы становятся событийно трудно предсказуемыми.

Результат является итоговым или контрольным пунктом осуществления решения, на него влияют стратегии:

- выбор приоритетного направления;
- распределения служебных задач по времени исполнения, по исполнителям, по затраченным ресурсам;
- закономерности изменения оперативной обстановки;
- определение кризисов развития и управления коллективом.

Как любой продукт управленческое решение имеет свои стандарты качества, например:

- точность в определении задачи и формулировании ее исполнителю;
- эффективность контроля за исполнением;
- прозрачность в определении критериев успешности;
- увеличение перспектив и потенциала развития при ее реализации.

Лидер — это член группы, который спонтанно выдвигается на роль неофициального руководителя в условиях определенной, специфической и, как правило, значимой ситуации, чтобы обеспечить организацию коллективной деятельности людей.

Несоответствие объективных личностных свойств индивидов требованиям занимаемой социальной позиции — «социальная неустроенность», когда индивид занимает позицию «ниже» своих объективных возможностей — порождает неудовлетворенность. Индивид может преодолеть ее позитивно, либо в активной нежелательной деятельности. Не преодолев неудовлетворенность, личность может разрушать себя.

В деятельности неформальных лидеров главным мотивом является самоутверждение.

Так как управленческая деятельность через разные механизмы регулирует поведение осужденных, наиболее значимые решения для лидеров осужденных определяются как задачи, которые влияют на их социальный статус.

В системе определения участвуют критерии:

- оценка потенциальной угрозы статусу лидера;
- определения своего персонального отношения;
- формирование стратегии поведения как ответа в виде конструктивного или деструктивного поведения членов группы.

Выводы.

1. На наш взгляд, организация обучения с учетом воспитания управленческой компетенции является приоритетной как государственной, так и ведомственной задачей.

2. Для определения уровня потребностей необходим сформированный социальный заказ, с определением приоритетов управленческой работы, возможно по опыту определения профессиональных программ.

3. Управленческое решение является специфическим продуктом, который имеет свои качественные характеристики.

4. Наиболее важные управленческие решения изменяют социальное распределение в среде осужденных, наиболее дифференцировано на них реагируют формальные и неформальные лидеры.

5. Так как лидеры уже регулируют отношение других осужденных к управленческим действиям, необходимо вести отдельную целенаправленную работу среди лидеров.

6. При росте квалифицированных управленческих решений происходит изменение в структуре нарушений режима содержания. Сдвиг идет от насильственных действий, направленных против личности к корыстным, что указывается при оценке роста преступности в развитых странах.

7. Из предпочтительных качеств среди лидеров в среде осужденных формируется конструкт личности, который указывает на уровни организации (умеет организовать себя, умеет организовать других, умеет контролировать поведение других), из отвергаемых качеств составляется конструкт (равнодушие, демонстрация собственной незаинтересованности, с критическим восприятием бескорыстности и искренности).

Литература

1. Вестник Удмуртского университета. Вып. 2 (философия, психология, педагогика), 2008.
2. Гилинский Я.И. Девиантология. — СПб; Юридический центр, 2004.
3. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. — Ростов н/Д; Феникс, 2007.

230. СЕМАКИНА И. Н.
Ижевск

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РЕЗЕРВОВ ОРГАНИЗМА У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

В современных условиях деятельность органов внутренних дел Российской Федерации является многогранной не только с позиции выполняемых ими задач по охране правопорядка, но и по условиям, в которых эти задачи решаются. При выполнении задач в особых условиях профессиональная деятельность сотрудников ОВД носит экстремальный характер и сопровождается повышенной психофизической нагрузкой и высокой вероятностью причинения вреда здоровью. Всё это может вызвать нарушение психической и физиологической адаптации. Для предупреждения состояний дезадаптации и профилактики неблагоприятных отклонений в состоянии их здоровья необходимо проводить мониторинг функциональных резервов, адаптационных возможностей организма и своевременную коррекцию функционального состояния.

Исследование variability ритма сердца является наиболее адекватным и в то же время простым методом оценки общего (текущего) функционального состояния и адаптационных резервов организма, характеристики симпато-парасимпатического баланса отделов вегетативной нервной системы, оценки резерва и качества здоровья, способности противостоять болезням, стрессовым воздействиям.

При проведении исследования идет регистрация кардиоритмограммы — графического изображения последовательного временного ряда межсистолических интервалов.

В Центре психофизиологической диагностики МСЧ МВД по Удмуртской Республике проводилась оценка variability ритма сердца у группы сотрудников спецподразделений МВД по Удмуртской Республике в количестве 69 человек до и после командировок на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации.

Цель исследования — оценка функциональных резервов, адаптационных возможностей организма и своевременное выявление группы с высоким риском развития соматической патологии.

Исследования проводились с помощью аппаратно-программного комплекса анализа variability ритма сердца «Поли-Спектр-Ритм». Использовалась методика спектрального анализа variability сердечного ритма с оценкой следующих показателей:

- общая спектральная мощность (TP, мс²/Гц),
- высокочастотные волны (HF, мс²/Гц) — парасимпатическая система регуляции,
- низкочастотные медленные волны (LF, мс²/Гц) — симпатическая система регуляции,
- низкочастотные очень медленные волны (VLF, мс²/Гц) — гуморально-метаболическая система регуляции,
- соотношение LF/HF-баланс отделов вегетативной нервной системы.

Исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе осуществлялся скрининг всех сотрудников, направляемых в служебную командировку в Северо-Кавказский регион.

Второй этап исследования проводился по возвращении из служебной командировки.

На первом этапе у большинства сотрудников отмечались достаточно высокие показатели спектральной мощности TP = 2499 (2498—2003) мс²/Гц преимущественно за счёт высокочастотных колебаний HF = 1008 (495—1741) мс²/Гц и низкий удельный вес волн очень медленного периода VLF = 745 (414—1175) мс²/Гц, что свидетельствует о хорошем функциональном состоянии и адаптационных возможностях организма: ОМОН — 27 человек (90 %), ОМСН — 34 человека (87,2 %).

Показатели артериального давления (АД) были в пределах нормы (120/80—130/90 мм.рт.ст.).

На втором этапе проведённых исследований у сотрудников выявлено снижение параметров общей мощности спектра TP = 1791 (885—3166) мс²/Гц: ОМОН — 5 человек (16,6 %), ОМСН — 7 человек (17,9 %). Снижение произошло в основном за счёт высокочастотных колебаний HF = 484 (203—1269) мс²/Гц, и относительного повышения в структуре спектральной мощности удельного веса очень медленных колебаний VLF = 648 (397—954) мс²/Гц, **неустойчивость АД характеризовалось склонностью к повышению (145/90—160/100 мм.рт.ст.).**

Из результатов исследования видно, что имеет место ухудшение текущего функционального состояния и снижение адаптационного потенциала организма. Снижение системы «быстрого реагирования» — парасимпатического отдела нервной системы — и относительное возрастание удельного веса более медленной и, следовательно, менее эффективной системы гуморально-метаболической регуляции не способны обеспечить адекватный гомеостаз и увеличивают вероятность возникновения соматической патологии.

Все это можно расценить как следствие воздействия хронического стресса, ведущего к перенапряжению и истощению регуляторных механизмов, что, в свою очередь, может негативно сказаться на оперативно-служебной деятельности.

Таким образом, оценка функционального состояния и адаптационных резервов организма до и после командировки позволяет определить, какой ценой обходится служба сотрудника в экстремальных условиях. Также позволяет выделить группу лиц, нуждающихся в проведении превентивной медицинской реабилитации, направленной на восстановление нарушенной регуляции и поддержание существующей системы регуляции у практически здоровых людей.

РАЗДЕЛ 15

ЭКОНОМИКА И ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

---

231. Бобков В. Н.
Москва

КАЧЕСТВО И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

Категория «качество жизни» с разных сторон исследуется целым рядом общественных наук, в том числе демографией, политической экономией, психологией, социологией, философией и др. И это не случайно, так как только при комплексной характеристике, множестве предметов изучения общего объекта исследования — общества, может быть раскрыто его многообразное содержание. В социально-философском аспекте познание качества жизни заключается в онтологической, аксиологической и гносеологической характеристике этой субстанции общества (предмета) [1; 5] и включает в себя характеризующие ее *процессы и структуры*.

Мы исходим из того, что *процессы* включают совокупность взаимодействий, связей и отношений между людьми и их социальными группами по поводу обеспечения развитости личности, групп и общества и условий для их созидательной деятельности.

Но данный объект представляет собой также *структурную целостность*, включающую 1) совокупность индивидов и их объединений со сходными характеристиками развитости их способностей и условий их удовлетворения и сходными интересами, а также 2) совокупность общественных институтов, обеспечивающих жизнедеятельность личности, групп и общества.

Познание *процессов и структур* дает онтологическую (сущностную) характеристику качества жизни и раскрывает устойчивые связи и тенденции в деятельности личности, социальных групп и общества, обусловленные их способностями и условиями для развития и реализации и направленные на удовлетворение всего комплекса их потребностей и интересов.

Взаимодействие процессов и структур протекает в следующих основных сферах воспроизводства качества жизни: 1) охраны здоровья и безопасности жизнедеятельности; 2) мировоззренческой; 3) интеллектуально-образовательной; 4) духовно-культурной; 5) профессионально-трудовой; 6) семейно-личностной; 7) гражданско-общественной и 8) антропо-природной.

В сфере охраны здоровья и безопасности жизнедеятельности формируется физически, психически и общественно-адекватная личность, защищенная законом, здраво- и правоохранительными органами и способная выполнять основное предназначение человека — к созидательной деятельности на благо своей семьи, близких, профессионального и территориального сообществ и общества в целом.

В мировоззренческой сфере формируется понимание места человека в обществе и его предназначения (смысл жизни), смысла деятельности человечества, а также места человека и общества в био-сфере и обеспечении ее взаимодействия со сферой разума.

В интеллектуально-образовательной сфере вырабатывается характер мышления человека, развиваются его общие способности, формируется человеческий (общественный) потенциал.

В духовно-культурной сфере осознаются нравственные ценности жизнедеятельности.

В профессионально-трудовой сфере происходит реализация профессионально-творческих способностей человека, удовлетворение потребностей в труде и в творчестве, а также их развитие.

В семейно-личностной сфере так же, как и в трудовой реализуются и развиваются многообразные потребности личности и общества, вырабатывается структура использования времени, а также в детях воспроизводится продолжение рода и потенциала общества.

В гражданско-общественной сфере деятельности люди и их объединения участвуют в местном самоуправлении, в защите и реализации профессионально-творческих и социально-политических потребностей и интересов, реализуют свободу и демократические механизмы управления государством.

В антропо-природной сфере складываются отношения Человека, Биосферы и планеты Земля.

Таким образом, *качество жизни* представляет собой степень развитости личности, социальных групп и общества и выражается в характере их созидательной деятельности и в социальных структурах, выражающих их потребности и интересы. Качество жизни имеет две стороны — *объективную* (не зависящую от оценок общества) и *субъективную* (определяемую общественными оценками и самооценками).

Высокое качество жизни включает в себя осознание единства Человечества, Биосферы и планеты Земля (ноосферное мировоззрение); формирование гуманистического общественного интеллекта и образовательного общества; духовное здоровье человечества; реализацию кооперационных функций труда и хозяйства; популяционное здоровье семьи, личности и общества; управляемую социо-природную эволюцию; экологическое здоровье человечества и его гармонию с природой [4]. В развитом социуме более всего ценятся достоинство, самоуважение, высокая нравственность и самореализация всего богатого потенциала личности, социальных групп и общества.

Низкое качество жизни предопределяет преобладание у населения забот о выживании, слабо проявляющиеся общественные институты, авторитарные формы управления обществом. Перемещение приоритетов в социуме с удовлетворения физических потребностей к реализации социальных и далее интеллектуальных и духовных устремлений характеризует развитие личности и институтов гражданского общества и выражается в росте качества жизни. Это не означает, что люди при этом не озабочены своими физическими нуждами. Однако их реализация представляется делом естественным и не осознается в качестве общественной доминанты.

Уровень жизни характеризует ее со стороны экономической определенности, ресурсов, необходимых для обеспечения того или иного ее качества. В этом аспекте жизнь представляет собой единство качества и уровня (количества). Экономические оценки в такой же мере являются характеристикой качества жизни, в какой разнообразие является характеристикой уровня жизни. Можно сказать и так: уровень жизни характеризует степень проявления ее качества [2].

В совокупности *качество* и *уровень жизни* характеризуют жизнь людей как целое и определяют разнообразие и размеры личного и общественного потребления, а также развитость потребностей, способностей, интересов и созидательную силу личности, социальных групп и всего общества. Деятельностная среда общества определяет его распределение в *социальные структуры* с различным уровнем и качеством жизни. Социальные структуры с разным уровнем и качеством жизни, движимые собственными потребностями и интересами, в свою очередь, изменяют деятельность среду жизни.

Неотъемлемой субстанциональной характеристикой личности, социальных групп и общества является его аксиологическая характеристика: социальные ценности (нормы), учитывающие практический опыт, но очищенные от его искажений и включающие целеполагание разного качества жизни индивидов, групп и общества. Социальные нормы служат критериями выработки социальных стандартов качества жизни [3]. Необходимо различать и формировать социальные стандарты — минимальные гарантии и социальные стандарты — ориентиры для характеристики ступеней более высокого качества жизни. Социальные ценности — нормы — стандарты являются основой для оценивания фактического качества жизни.

Изучение качества жизни включает в себя его гносеологическую характеристику, то есть научную методологию его познания, гарантирующую истинность знания о качестве жизни общества и его структур. Составной частью методологии изучения качества жизни являются принципы выявления социальных структур на основе группировок социальных общностей в материальной, идеальной, социальной, политической и антропо-природной областях их жизни.

Познание качества жизни невозможно без измерения, представляющего собой нахождение его количественной меры. Бытие общества, факты его жизнедеятельности надо сопоставлять в динамике или/и с социальными ценностями (нормами), стандартами.

Литература

1. Арлычев А.Н. Качественный аспект мира и его познание. — М.: Наука, 2001. — 280 с.
2. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991—2005 гг.) / рук. авт. колл. В.Н. Бобков — М.: Всероссийский центр уровня жизни, 2007.
3. Социальные стандарты качества жизни : сборник статей / Под общ. ред. А.В. Очировой, В.Н. Бобкова, Н.С. Григорьевой. — М.: МАКС Пресс, 2008.
4. Субетто А.И. Критика «экономического разума»: монография. — СПб.—Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.
5. Философия: учеб. для вузов / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко, проф. В.П. Ратникова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ—ДАНА, 2004.

232. Морозов А. В.

Москва

ПОИСК ЧЕЛОВЕКОМ СМЫСЛА ЖИЗНИ КАК ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ КАЧЕСТВА

У каждого времени свои неврозы, и каждому времени требуется своя психотерапия. Сегодня мы, по сути, имеем дело уже с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена З. Фрейда, а с фрустрацией потребностей экзистенциальных. Сегодняшний пациент уже не столько страдает от чувства неполноценности, как во времена А. Адлера, сколько от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты, то есть речь идет скорее об экзистенциальном вакууме.

Для объяснения причин, порождающих этот экзистенциальный вакуум, Виктор Франкл предложил следующую формулу: в отличие от животных инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно, и в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно. Не зная ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек утратил ясное представление о том, чего же он хочет. В итоге он либо хочет того же, чего хотят и другие (в таком случае налицо проявление конформизма), либо делает то, что хотят от него другие (тоталитаризм).

Но при этом есть и третье следствие, а именно появление специфических невротических заболеваний, которые В. Франкл обозначил как «ноогенные неврозы». Согласно проведенным им эмпирическим исследованиям, примерно 20 % неврозов относятся именно к ноогенным.

В. Франкл изучал суицидальные наклонности у американских студентов, опрашивая тех, чьи попытки покончить с жизнью не удалась. 85 % опрошенных не видели больше в своей жизни никакого смысла (при этом 93 % из них были физически и психически здоровы, жили в хороших материальных условиях и в полном согласии со своей семьей, активно участвовали в общественной жизни и имели все основания быть довольными своими академическими успехами. Во всяком случае, о неудовлетворенных повседневных потребностях не могло быть и речи.

Считается вполне естественным, что всякий больной желает, в первую очередь, стать здоровым, а каждый бедняк — когда-нибудь разжиться деньгами. Однако столь же верно и то, что оба стремятся к этому лишь затем, чтобы иметь возможность вести такую жизнь, какую они считают осмысленной, с тем, чтобы осуществить смысл своей жизни.

«Осуществляя смысл жизни, человек осуществляет себя сам», — писал Виктор Франкл. Эта же мысль, сформулированная по-разному, прослеживается в работах практически всех выдающихся психологов-теоретиков. Так, например, Абрахам Маслоу охарактеризовал самоактуализацию как желание человека стать тем, кем он может стать. Человек, достигший этого уровня, добивается полного использования своих талантов, способностей и потенциала личности. Другими словами, самоактуализироваться — значит стать тем человеком, которым мы можем стать, достичь вершины нашего потенциала.

Самоактуализация, по мнению А. Маслоу, не обязательно должна принимать форму творческих усилий, выражающихся в создании произведений искусства. Родитель, спортсмен, студент, преподаватель

или рабочий у станка — все они могут актуализировать свой потенциал, выполняя наилучшим образом то, что они делают. Специфические формы самоактуализации очень разнообразны. Именно на этом высшем уровне иерархии потребностей люди сильнее всего отличаются друг от друга. Однако у А. Маслоу, назвавшего стремление к смыслу одним из высших человеческих побуждений, все свелось к тому, что человек начинает интересоваться смыслом жизни лишь тогда, когда жизнь у него устроена («сначала пища, потом мораль»). Но это, по мнению В. Франкла, противоречит тому, что психиатры постоянно наблюдают в жизни: потребность и вопрос о смысле жизни возникает именно тогда, когда человеку живется, мягко говоря, не сладко.

Вместе с тем, разумеется, не только фрустрация низших потребностей порождает вопрос о смысле, но и их удовлетворение. В этом В. Франкл усматривает подтверждение гипотезы, согласно которой стремление к смыслу представляет собой совершенно особенный мотив, который не сводим к другим потребностям и не выводим из них. Данный феномен В. Франкл считал фундаментальным для понимания человека как такового, называя его «самотрансценденцией» человеческого существования.

За этим понятием стоит тот факт, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому он тянется с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет себя. Чем больше он отдает себя делу, чем он больше отдает себя своему партнеру, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой. Таким образом, он может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания.

Если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществления смысла, в частности, с помощью химических препаратов (не потому ли сегодня мы наблюдаем такой резкий всплеск наркомании, алкоголизма и других способов ухода от реальности в мир грез и сомнительного «счастья»). На самом деле нормальное ощущение счастья, по В. Франклу, не выступает в качестве цели, к которой человек стремится, а представляет собой скорее просто сопутствующее явление, сопровождающее достижение цели. А это сопутствующее явление, этот «эффект» может быть воссоздан, и принятие алкоголя или наркотиков дает такую возможность.

С точки зрения В. Франкла, смысл нельзя дать, его нужно найти через восприятие. Многие психологи рассуждают о побудительном характере, присущем каждой отдельной ситуации, в которой мы сталкиваемся с действительностью и, более того, даже приписывают содержащемуся в каждой ситуации требованию объективный характер. Но... смысл воспринимается не просто как фигура, бросающаяся нам в глаза на определенном фоне. При восприятии смысла речь идет об обнаружении возможности на фоне действительности. А эта возможность всегда единственна. Она преходяща. Однако лишь возможность является преходящей. Если она уже осуществлена, если смысл реализован, то это уже раз и навсегда.

Таким образом, не человек ставит вопрос о смысле жизни, а сама жизнь ставит этот вопрос перед ним. И человеку постоянно приходится отвечать на него не словами, а действиями. Этот смысл доступен любому человеку, независимо от его пола, возраста, интеллекта, характера, среды и религиозных убеждений. Этот смысл всегда уникален: ему нельзя научить, его нельзя создать. Создать можно либо субъективный смысл, простое ощущение смысла, либо бессмыслицу. И человек, который уже не в состоянии найти смысл в своей жизни, равно как и выдумать его, уходя от чувства утраты смысла, создает либо бессмыслицу, либо субъективный смысл. Последнее чаще происходит в хмельных грезах.

Вместе с тем чем больше человек стремится к наслаждению и счастью, тем больше оно от него ускользает и требует все большей искусственной и изощренной стимуляции. Таким образом, обращение энергетических ресурсов на себя, на свои удовольствия с целью обрести счастье ведет к потере этого самого счастья. Именно с этой несложной закономерностью напрямую связан метод психотерапии, предлагаемый В. Франклом, — логотерапия (смысл которой заключается в том, чтобы избавить человека от неврозов, связанных с потерей смысла жизни).

Энергетический уровень людей в последние годы резко повысился. То, что раньше достигалось годами упорного труда, в современных условиях стало достижимым за несколько месяцев. Возможности человека выросли так, как меняются возможности тракториста, пересевшего за штурвал новейшего агрегата. Но если психология при этом осталась психологией тракториста, а не летчика, правильно воспользоваться этими возможностями будет весьма затруднительно.

Психологическая подготовка человечества резко отстает от его энергетических возможностей. Это, в свою очередь, ведет к деградации, к тому, что человечество, по сути, находится сегодня в режиме самоуничтожения. Плоды этого мы уже видим вокруг.

В чем причина трагического несоответствия нынешней психологии человека реальностям окружающего мира? Все дело в том, что психология современного человека западной цивилизации (а к ней принадлежит достаточно большая часть всего человечества) — это психология прагматизма. Основной акцент в ней делается не на накопление информации, а на ее реализацию. Именно поэтому нерезультативный, малоприбыльный процесс осмысления мира, создания новых понятийных и этических структур выпадает из общей цепи. Тяжелому, длительному процессу постижения предпочитают готовые рецепты с максимальным практическим эффектом.

Почему же некоторые люди оказываются не в состоянии приспособиться к требованиям окружающего их социума и эффективно функционировать в нем?

Ученые, придерживающиеся психодинамической ориентации, убеждены, что конфликты, не нашедшие разрешения в детстве, могут привести к патологическому поведению в зрелом возрасте. Сами эти конфликты возникают в результате одновременного существования противоречивых желаний в отношении секса и агрессии. Конфликты приводят к развитию болезненных симптомов. Далее, поскольку эти конфликты не осознаются и человек не понимает, что же послужило причиной появления симптомов, последние усиливаются, усугубляя тем самым страдания.

Например, неразрешенные проблемы, связанные с Эдиповым комплексом (у мальчиков) и комплексом Электры (у девочек) расценивались З. Фрейдом как основной источник последующих невротических моделей поведения, особенно имеющих отношение к импотенции и фригидности.

В последние годы много говорят о здоровом образе жизни. Особенно актуальна в последнее время стала проблема здоровьесберегающих технологий. В процессе межличностного взаимодействия, в пожеланиях друг другу тема «здоровья» звучит с особым смыслом. Вне всякого сомнения «качество жизни» современного человека напрямую связывается не только и не столько с уровнем его благополучия, сколько с состоянием его личного здоровья. Да и какое благополучие может быть у человека, у которого нет здоровья? Так от чего же зависит наше здоровье? Какие факторы имеют определяющее значение?

По всей видимости, только получив адекватные ответы на эти вопросы, поняв истинный смысл своего существования, человек сможет найти правильный путь к повышению качества своей жизни.

З. Фрейд полагал, что функционирование зрелой личности характеризуется способностью продуктивно работать и поддерживать удовлетворительные межличностные отношения. И хотя данный критерий психического здоровья может, на первый взгляд, показаться слишком глобальным и неспецифичным, при более внимательном рассмотрении здесь напрашиваются важные выводы. Так, согласно З. Фрейду, способность работать предполагает способность ставить перед собой долговременные отдаленные цели и достигать их, а также справляться с тревогой таким образом, чтобы это не отражалось негативно на поведении. Сходным образом, акцент на удовлетворительные социальные отношения предполагает способность наслаждаться широким спектром эмоций без чувства угрозы, а также привносить созидательные элементы в удовлетворение сексуальных и агрессивных побуждений.

Каким же образом можно помочь людям уменьшить разрушающее воздействие на собственное психическое и, соответственно, физическое здоровье, оказываемое недостаточно адаптивным поведением, отсутствием необходимой компетентности, а, главное, достичь при этом позитивных личностных изменений?

Психодинамическая теория придает первостепенное значение неосознанным конфликтам и опыту научения в детстве, рассматриваемым как доминирующие факторы в контроле поведения. Именно поэтому психодинамическая модель терапевтического воздействия фокусируется на том, чтобы оказывать людям помощь в выявлении вытесненных из сознания причин и источников конфликтов детского возраста, а также из понимания того, как эти конфликты влияют на их жизнь в зрелости.

С помощью терапевтического воздействия у человека появляется возможность переоценить и изменить многие аспекты своей личности и поведения, представления о себе, стиль межличностных отношений, познавательные процессы, эмоциональные реакции, ценности, жизненные цели, способы структурирования времени — и это далеко не полный перечень. В свою очередь, тщательное изучение личностных особенностей помогает выбирать средства, с помощью которых могут быть откорректированы

нежелательные формы поведения так, чтобы данный индивидуум мог перейти к более эффективным способам функционирования.

Главная цель позитивной психологии и психотерапии — помочь людям жить полноценной, гармоничной жизнью, получая при этом максимальное удовлетворение. Именно поэтому одна из главных задач, решаемых сегодня специалистами-практиками, — нахождение путей реализации наиболее продуктивных и эффективных стратегий преодоления жизненных трудностей.

Поскольку энергоёмкость духовных структур в сотни и тысячи раз больше, чем физических, духовная деградация долгое время протекает скрыто. Когда же начинается физический распад, попытки вылечить человека блокируются деградировавшими духовными структурами — этим объясняются многочисленные факты все более частого бессилия медицины. Далеко немногие специалисты задумываются о том, что, вылечив тело, можно навредить душе, что болезнь есть защита, блокировка неправильного поведения, образа жизни и образа мыслей отдельно взятого человека, непонимания им окружающего мира и своего предназначения. И, прежде всего, в данной ситуации необходимо найти причины болезни, помочь человеку понять их с тем, чтобы избежать еще больших ошибок в будущем.

---

233. ПЛЕТНЕВА Т. В.

Ижевск

ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАКОНА ПЕРЕМЕНЫ ТРУДА

Закон перемены труда — социально-экономический закон общественного производства, выражающий объективные, существенные, непрерывно усиливающиеся и расширяющиеся связи между революционными изменениями в техническом базисе производства, с одной стороны, и функциями рабочих и общественными комбинациями процесса труда — с другой.

Речь идет об универсальности рабочей силы, ее гибкости, многосторонности, приспособляемости как условию ее способности к перемене труда, т. е. это не когда «попашет, попашет — попишет стихи», а так называемая «универсальность» рабочего, способность выполнять несколько узкоспециализированных работ.

Действие закона перемены труда проявляется в возникновении новых профессий и специальностей, совмещении определенных производственных функций, видов труда. Формами проявления этого закона являются связанное с изменением вещественных факторов производства внутрипрофессиональное движение рабочей силы, а также обусловленное сменой вида труда межпрофессиональное движение. Результатом действия закона перемены труда является формирование и изменение профессионально-квалификационной структуры работающих.

Закон перемены труда был сформулирован К. Марксом как всеобщий закон общественного производства в условиях крупной промышленности. К. Маркс в процессе своих исследований проблем накопления капитала и «текучей» безработицы открыл закон перемены труда тем самым отразил тенденции, способствующие занятости наемной рабочей силы. Он писал, что «...природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего» [4]. Однако с переходом к технологическому способу производства, основанному на автоматизации, с дальнейшим ростом экономии времени тенденция перемены труда будет постепенно вытеснять разделение труда.

Обществом, где преодолено разделение труда, видел будущее общество Ф. Энгельс. В нем «...никто не ограничен каким-нибудь исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня — одно, а завтра — другое...» [6]. Такую точку зрения разделял и А. Бебель, который писал, что будущее общество «...будет располагать учеными и художниками всякого рода

в неисчислимом множестве, но каждый из них будет известную часть дня работать физически, а остальное время посвящать своим занятиям и искусствам» [1].

К аналогичным выводам пришел и Л.Н. Толстой, как известно, не являющийся экономистом: «...и мне представилось, что лучше всего было бы чередовать занятия дня так, чтобы ... одна часть дня была посвящена тяжелому труду, другая — умственному, третья — ремесленному и четвертая — общению с людьми. ...Свойство труда таково, что удовлетворение всех потребностей человека требует того самого чередования разных родов труда, которое делает труд не тягостью, а радостью» [8].

Сегодня достигнутый уровень производительности труда обеспечивает значительную экономию рабочего времени, получившую негативное воплощение в «свободном» времени безработных, вынужденно отстраненных от труда и содержащихся за счет работающих. Создается парадоксальное положение, при котором рост производительности труда, объемов произведенных продуктов приводит к сокращению количества потенциальных покупателей и их доходов. Важнейшим фактором экономии времени в производстве стала происходящая с середины XX века научно-техническая революция.

«...Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми работоспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда» [4].

Однако интенсивный научно-технический прогресс последних десятилетий XX века привел к беспрецедентному сокращению занятости в промышленности и из сферы услуг. С переходом к трудосберегающим технологиям обнаруживается, что динамика занятости слабо зависит от темпов экономического роста, и за пределами вроде бы эффективно функционирующей системы присутствует внушительное и более или менее постоянное количество безработных, выключенных из процесса хозяйственной деятельности [3].

150 лет назад К. Маркс объяснил, в чьих интересах используется достигнутая на сегодняшний день экономия времени в производстве: «...Постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в создании свободного времени, а с другой — в превращении этого свободного времени в прибавочный труд. ...Поэтому самая развитая система машин заставляет теперь рабочего работать дольше...» [5].

Таким образом, безработица для одних и сверхинтенсификация труда для других — основные последствия экономии времени в производстве, достигнутой в результате НТР странами с развитой экономикой.

Было бы нелепо разрушать трудосберегающие технологии, искусственно снижать производительность труда ради всеобщей 8-часовой занятости и связанных с ней минимальных гарантий выживания. Лишено смысла также сохранять и копировать подход развитых стран, «откупающихся» от проблемы безработицы пособиями, что порождает порой целые поколения семей потомственных безработных, содержащихся за счет сверхинтенсификации труда работающих через вычеты из их доходов. Здравый смысл позволяет найти более конструктивную альтернативу существующему положению. Например, профсоюзы разных стран выдвигают требования контроля над производственным НТП и превращения его в процесс более благоприятный для трудящихся. При этом предлагаются такие средства, как договорные гарантии занятости, расширение образовательной помощи государства и бизнеса работникам, сокращение на основе возросшей производительности труда не наемного персонала, а его рабочего времени. С этим связаны и предложения теснее увязывать развитие национальных человеческих ресурсов со свободой их движения между секторами экономики, а также стимулировать рост занятий в области просвещения, науки, культуры, медицины, информационных услуг, социальной помощи, все более значимых для общества и его членов. Становление и развитие человека-работника в качестве самостоятельной универсальной детерминанты должно преобразовать мир компьютеризированного производства и труда, придать им новый облик и дополнительные импульсы развития [2].

Одной из глобальных тенденций в развитии рынка труда, которая позволяет повысить гибкость общественного производства, смягчить проблему безработицы, создать условия для участия в общественном производстве низко конкурентных категорий населения, является «флексбилизация» рынка труда.

Флексибилизация (от англ. «flexible» — гибкий) рынка труда означает повышение его экономической «приспособляемости», выраженной в общем снижении трудовых издержек со стороны предпринимателей, смягчении трудового законодательства в пользу работодателей, стимулировании создания рабочих мест с неполным рабочим днем и почасовой оплатой труда. Гибкие формы занятости являются своеобразным буфером между занятостью и безработицей, отражая потребности в сокращении рабочего времени и другие экономические и социальные факторы развития. Среди них: 1) структурная перестройка экономики, сокращение удельного веса занятости в промышленности и рост сферы услуг с ее возможными организациями нестандартных форм занятости; 2) непрерывное обновление материальной базы производства; 3) постоянные изменения объема и структуры спроса на товары.

В целом, развитие гибкого рынка труда сопровождается в развитых странах государственными мерами по сокращению сферы стандартных условий найма. К ним относятся законодательные уменьшения объема разрешаемых сверхурочных работ; сокращение продолжительности рабочей недели; увеличение оплачиваемого отпуска; снижение возраста выхода на пенсию; субсидии предприятиям, использующим гибкие формы занятости [7].

Действие объективных законов общества и, в том числе, закона перемены труда требует от человека восприимчивости к нововведениям, высокой профессиональной мобильности, от общества — организации подготовки и переподготовки кадров с учетом развития общественных потребностей и материально-вещественных факторов производства. Игнорирование этих требований влечет за собой возникновение дефицита кадров высокой квалификации, нехватку представителей новых профессий и специальностей.

Литература

1. Бебель А. Женщина и социализм. — М. : Политиздат, 1959. — С. 467.
2. Вильховиченко Э. Место человека в новейшем производстве и проблема технологического теснения в развитых странах // МЭ и МО. — 1998. — № 5. — С. 60—72.
3. Коломийцев В. Перспективы рабочего движения Запада: точка зрения французского социолога // МЭ и МО. — 1994. — № 6. — С. 156.
4. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 2, 3. — С. 569.
5. Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857—1858 гг) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 46 ; Ч. 2. — С. 391.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — М. : Политиздат, 1988. — С. 34.
7. Никифорова А.А. Рынок труда: занятость и безработица. — М. : Международные отношения, 1991. — С. 26.
8. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Собрание сочинений. В 22-х т. Т. 16 Публицистические произведения. — М. : Худ. лит., 1983. — С. 382.

234. Горлов И. С.

Москва

ДОСТОЙНЫЙ УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДОСТОЙНОЙ СТАРОСТИ

В статье обосновывается необходимость разработки и внедрения единой системы стандартов уровня жизни, основанных на единой методологической базе с применением единой терминологии как исходного элемента формирования достойного уровня социального благополучия и качества трудовой жизни и достойной старости.

Основным источников доходов трудоспособного населения является заработная плата, что подтверждается данными таблицы 1 [4, С. 109].

Таблица 1

Состав денежных доходов населения

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008
	В процентах					
Денежные доходы — всего	100	100	100	100	100	100
в том числе:						
доходы от предпринимательской деятельности	12,0	11,7	11,4	11,1	10,0	10,3
оплата труда	63,9	65,0	63,6	65,0	67,5	65,5
социальные выплаты	14,1	12,8	12,7	12,0	11,6	13,2
доходы от собственности	7,8	8,3	10,3	10,0	8,9	9,0
другие доходы	2,2	2,2	2,0	1,9	2,0	2,0

Трудовая пенсия по старости является основным источником доходов пенсионеров. Это подтверждается данными исследований. Исследование влияния выплат и мер социальной поддержки, проводилось экспертами Всероссийского центра уровня жизни в 2006 году по данным 37 субъектов Российской Федерации, представившим сопоставимые данные. Как показало проведенное исследование (см. табл. 2), размеры выплат и мер социальной поддержки составляют лишь незначительную долю по сравнению с трудовой пенсией по старости — от 0,05 % до 0,5 %. Необходимость проведения аналогичных исследований обусловлена тем, что данные Росстата приводятся лишь по выплатам для отдельных категорий граждан, относящихся к региональным и федеральным льготным категориям. После 2005 года аналогичных исследований не проводилось.

Таблица 2

**Доля выплат и иных мер социальной поддержки по отношению к трудовой пенсии по старости
(по регионам, представившим сопоставимые данные), в %**

	Интервалы соотношения выплат и мер социальной поддержки к пенсии	2001 г.	2005 г.
		Количество регионов	Количество регионов
Очень низкое значение	до 0,05	8	4
	0,05—0,10	12	8
	0,10—0,15	5	8
Низкое значение	0,15—0,20	4	2
	0,20—0,25	2	4
Среднее значение	0,25—0,30	-	1
	0,30—0,50	2	7
Высокое значение	Свыше 0,50	1	3
	Итого	34	37

Взаимосвязь уровня и качества трудовой жизни населения с уровнем и качеством жизни в следующем возрастном периоде — пожилым и старческим возрастах наилучшим образом отражает коэффициент замещения. Конвенцией МОТ № 102 коэффициент замещения устанавливался на уровне не ниже 40 % для семьи среднестатистического работника и должен был обеспечиваться не только пенсиями, но и всеми видами социальных выплат и льгот [1]. Согласно данному подходу, определить социально приемлемый уровень совокупных выплат пенсионеру можно следующей формулой:

$$П = Д \times КЗ \quad (1)$$

где: П — совокупная выплата пенсионеру по старости; Д — утраченный доход (прежняя заработная плата); КЗ — коэффициент замещения.

В России до настоящего времени коэффициент замещения применяется не для определения уровня трудовой пенсии по старости, а в качестве расчетного показателя для определения фактического соотношения пенсии и заработной платы. Применение его в этих целях в нашей стране не опирается на единый подход к определению и методике исчисления коэффициента замещения. Официальные органы (в частности ПФР), как правило, исчисляют коэффициент замещения как соотношение среднего размера трудовой пенсии по старости и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в экономике за один и тот же период [3, С. 39]. Обозначенная выше концепция МОТ № 102 не ратифицирована Российской Федерацией и, как следствие, заложенные в ней стандарты не являются стандартами, гарантированными российским государством. В качестве гарантированных стандартов обеспеченности выступает прожиточный минимум, который законодательно утверждается для различных социально демографических групп населения, в частности для трудоспособных граждан и для пенсионеров. Одновременно с этим Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, в которой заданы уровни пенсионной обеспеченности и заработной платы, которые должны быть достигнуты. Итак, к 2016—2020 годам средний размер трудовой пенсии по старости должен достичь величины, обеспечивающей не менее 2,5—3 прожиточных минимумов пенсионера. Установление минимального размера оплаты труда на уровне восстановительного потребительского бюджета (превышающего прожиточный минимум трудоспособного населения в 2—2,2 раза). В этом же документе отмечается, что одной из задач в области социальной политики является повышение среднего размера трудовой пенсии по старости до уровня, обеспечивающего минимальный воспроизводственный потребительский бюджет пенсионера [2]. Как видно из вышесказанного, в определяющем стратегии социально-экономического развития документе существуют неоднозначные трактовки, по сути дела, одного и того же понятия: воспроизводственный потребительский бюджет для пенсионера на уровне 2,5—3 прожиточных минимума пенсионера и восстановительный потребительский бюджет для минимального уровня оплаты труда на уровне 2—2,2 прожиточных минимума трудоспособного. Рассмотрим более подробно данные формулировки.

Различают минимальные социальные стандарты — *гарантии* и социальные стандарты — *ориентир*ы более высокого качества и уровня жизни. В качестве стандарта гаранта выступает прожиточный минимум или, говоря иначе, бюджет прожиточного минимума (ПМ/БПМ). Восстановительный (воспроизводственный — для трудоспособного / социально приемлемый, если речь идет о пенсионере) потребительский бюджет ВПБ/СПБ является *стандартом ориентиром*, в отличие от бюджета прожиточного минимума ВПБп, является бюджетом простого воспроизводства уровня жизни и позволяет удовлетворять основные материальные, социальные и духовные потребности населения, необходимые для восстановления физических и интеллектуальных сил человека, поддержания активного состояния пенсионеров. По последним экспертным оценкам ВПС/СПБ в 3 раза превышает размеры прожиточного минимума.

Исходя из вышесказанного, в качестве индикаторов для оценки уровня, достигнутого трудовой пенсией по старости, необходимо использовать: 1) долю населения старше трудоспособного возраста с трудовой пенсией ниже 3-х прожиточных минимумов (экспертно определенная нижняя граница социально приемлемого потребительского бюджета пенсионера); 2) **долю населения старше трудоспособного возраста с трудовой пенсией ниже 40 % средней заработной платы.**

Таким образом, достойный уровень материальной обеспеченности в пожилом возрасте должен быть естественным продолжением достойной трудовой жизни. Для достижения этих целей должны быть выработаны критерии оценки уровня и качества жизни для обозначенных социально-демографических групп населения, основанные на едином методологическом подходе и единой терминологии. В качестве таковой может являться система нормативных потребительских бюджетов, на протяжении многих лет разрабатываемая экспертами Всероссийского центра уровня жизни. В качестве минимального гарантированного уровня заработной платы в таковой системе должен выступать восстановительный (социально приемлемый) потребительский бюджет работника (пенсионера). Нормативное введение такой системы на всех уровнях: федеральном, региональном, отраслевом — будет способствовать единому пониманию социальных стандартов и достижению единой цели — повышению уровня и качества как трудовой жизни, так и после трудового периода.

Литература

1. Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919—1956. Т. I. — Женева : Международное бюро труда, 1991. — С. 1055—1086.

2. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 08.08.2009) «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (в ред. от 17.11.2008 — «Собрание законодательства РФ», 24.11.2008, N 47, ст. 5489) / Экспертная система «Дельта» компании «Референт».
3. Соловьев А.К., Донцова С.А. Проблемы применения показателя коэффициента замещения трудовой пенсии // Уровень жизни населения регионов России. — 2008. — № 8. — С. 37—50.
4. Социальное положение и уровень жизни населения России-2009 : стат.сб. / Росстат. — М., 2009. — 503 с.

235. Порядина Е. Д.

Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГАРАНТИИ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Программа антикризисных действий Правительства РФ на 2010 г. в качестве приоритетных в социальной политике устанавливает меры по совершенствованию механизмов поддержки занятости населения и уже не содержит меры, определенные Программой антикризисных мер Правительства РФ на предыдущий 2009 г. на борьбу с бедностью и наращивание частного спроса на жилье и потребительские товары и услуги. И в то же время ни новая, ни прошлогодняя антикризисные программы не предусматривают увеличение расходов на заработную плату работникам бюджетных учреждений.

Увеличение бюджетных ассигнований на оплату труда бюджетных учреждений предусмотрено лишь в 2011 году на 4 % за счет повышения с 1 января 2011 г. тарифов страховых взносов в системы пенсионного, социального и медицинского страхования. Бюджетная политика формируется, исходя из ожидаемого уровня инфляции в 2010 г., «не превышающего 10,0 % (декабрь 2010 года к декабрю 2009 года)» [2] и 8 % в 2011 г. [1].

Легко посчитать, что при ожидаемом росте инфляции за 2010 и 2011 годы — 18,8 % — индексации заработной плат на 4 % явно недостаточно, чтобы сохранить реальную заработную плату на уровне хотя бы 2009 г.

В условиях дефицита Федерального бюджета повысить реальную заработную плату представляется возможным только путем сокращения численности врачей, учителей и других работников бюджетных учреждений.

Механизмы поддержки занятости населения, обозначенные среди антикризисных мер Правительства РФ на 2009 и 2010 гг., в условиях снижения реальной заработной платы и сокращения штатов работать не будут.

Трудовой кодекс РФ, введенный в 2002 г., устанавливает, что минимальный размер оплаты труда не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. *Прожиточный минимум* — это стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы; *потребительская корзина* — это минимальный набор продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности (понятия введены в Федеральном законе от 24.10.1997 N 134-ФЗ (ред. от 22.08.2004) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»). Как видно из этих определений, прожиточный минимум не подразумевает ни развитие человеческого капитала, ни воспроизводство рабочей силы. И эта норма исключает Россию из ряда развитых стран, в которых ратифицирована Конвенция МОТ № 131, согласно которой при определении уровня минимальной заработной платы должны учитываться потребности трудящихся и их семей. В России работник, получающий зарплату в размере прожиточного минимума, вынужден отказаться от создания семьи.

По определению минимальной корзины, прожиточный минимум включает услуги ЖКХ и транспорт (Постановление Правительства РФ от 17.02.1999 N 192 (ред. от 04.06.2007) «Об утверждении методических

рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации»).

Минимальная величина платы за жилье и коммунальные услуги в 2009 г. в ряде регионов сопоставима с размером установленного на этот же период минимального размера оплаты труда. Так, например, в г. Воркута при установленной величине МРОТ в размере 4330 руб. величина платы за жилье и коммунальные услуги 1 человека (а мы не рассматриваем семью, поскольку работник, получающий зарплату в размере МРОТ, не может себе ее позволить) в однокомнатной квартире в крупнопанельном доме без лифта и мусоропровода составляет 2646,47 руб., то есть 61 % от полученной им заработной платы.

Постановление Правительства РФ от 17.02.1999 N 192 предусматривает 50 поездок в месяц для мужчин (53 для женщин). В г. Воркута стоимость проезда в общественном транспорте по городу составляет 13 руб. То есть 650 руб. в месяц потратит трудоспособный мужчина на транспорт, а это 15 % полученной им заработной платы.

Получается, что на оплату жилья и коммунальных услуг и транспорт работник, получающий заработную плату в размере МРОТ, потратит 76 %. Таких работников в учреждениях, подведомственных Управлению образования г. Воркуты, — 207 человек, в муниципальных учреждениях здравоохранения — 684 человека (соответственно 10,5 % и 25,4 % от общей численности работников указанных учреждений).

Приведенные данные наглядно показывают, насколько мала величина прожиточного минимума в IV квартале 2007 г. по сравнению с обязательными расходами работника в 2009 г.

И тем не менее, лишь в 2009 г. МРОТ был установлен на уровне ПМ трудоспособного населения. Федеральный закон от 24.06.2008 № 91-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» был принят Госдумой РФ 11 июня 2008 г. На тот момент была известна величина прожиточного минимума трудоспособного населения лишь в IV квартале 2007 г., на этом уровне МРОТ и утвердили, не принимая в расчет инфляцию, которая в 2008 г. составила 13 %. Налицо лишь мнимое исполнение нормы, установленной Трудовым кодексом РФ. А ведь минимальный размер оплаты труда, согласно ст. 130 ТК РФ, является *основной государственной гарантией*.

Изначально минимальный размер оплаты труда в ТК РФ определялся как «устанавливаемый федеральным законом размер месячной заработной платы за труд неквалифицированного работника, полностью отработавшего норму рабочего времени при выполнении простых работ в нормальных условиях труда. В величину минимального размера оплаты труда не включаются компенсационные, стимулирующие и социальные выплаты». С 1.09.2007 г. определение основной государственной гарантии из законодательства исключено. Получается, что даже главный закон Российской Федерации — Конституция РФ — в ст. 37 ссылается на определение МРОТ, которого не существует: «Каждый имеет право на ... вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда...».

Сегодня при разработке систем оплаты труда используется понятие *заработной платы*, введенное ст. 129 ТК РФ, согласно которому это вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты).

На основании последнего ряд экспертов по правоприменению делает вывод, что с 1 сентября 2007 года в величину минимального размера оплаты труда включаются компенсационные и стимулирующие выплаты.

В результате исключения части 2 статьи 129 ТК РФ работники вынуждены отстаивать право, гарантированное им Конституцией и Трудовым кодексом. Ряд работников обратился в суд с исками о взыскании недоплаченной заработной платы с 1.09.2007 г. Анализ судебной практики показал, что мировые судьи и районные суды принимают решение в пользу работников, а вышестоящие инстанции — суды кассационной и надзорной инстанций, включая Верховный Суд РФ — ломают эти решения в пользу работодателей.

Чтобы не допустить расхождений в толковании одной и той же правовой нормы, необходимо законодательно установить четкую характеристику МРОТ как государственного минимального трудового

стандарта оплаты легкого, неквалифицированного труда, осуществляемого в нормальных условиях одиноким работником. Компенсационные, стимулирующие и социальные выплаты не должны включаться в МРОТ.

Применяемый в России критерий установления МРОТ, основывающийся на расчете основных потребностей, весьма трудозатратен. Многие страны, в первую очередь, страны континентальной Европы, в качестве критерия определения минимальной заработной платы используют процент от средней заработной платы, сложившейся в стране. Безусловным преимуществом такого определения минимальной заработной платы является не только простота счета, но и возможность международных сравнений и прямая связь со сложившимся уровнем жизни в стране.

Исходя из всего вышесказанного, следует сделать следующие выводы.

1. Необходимо законодательно установить четкую характеристику МРОТ как государственного минимального трудового стандарта оплаты легкого, неквалифицированного труда, осуществляемого в нормальных условиях одиноким работником. Компенсационные, стимулирующие и социальные выплаты не должны включаться в МРОТ.
2. МРОТ должен устанавливаться, исходя из восстановительного потребительского бюджета, то есть обеспечивать простое воспроизводство рабочей силы.
3. МРОТ должен устанавливаться на основе прогнозных значений инфляции.
4. Структура потребительской корзины должна быть пересмотрена с целью расширения перечня товаров и услуг и увеличения нормативов потребления.

Литература

1. Методические указания по распределению бюджетных ассигнований по главным распорядителям средств федерального бюджета, разделам, подразделам, целевым статьям и видам расходов федерального бюджета на 2010 год. Приложение № 2 к письму Министерства финансов Российской Федерации от 3 августа 2009 года № 16-01-05/65.
2. Федеральный закон от 2 декабря 2009 года N 308-ФЗ «О федеральном бюджете на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов».

236. Одинцова Е. В.

Москва

НЕРАВЕНСТВО В КАЧЕСТВЕ И УРОВНЕ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (2008 г.)

Уровень межрегионального неравенства по качеству и уровню жизни позволяет говорить о сложившихся социально-экономических проблемах, об уровне социального благополучия и социальной безопасности как на уровне страны, так и в регионах.

Анализ индикаторов качества и уровня жизни, достигнутых в 2008 г., показал, что сложилось заметное межрегиональное неравенство по качеству и уровню жизни, а по ряду индикаторов — высокое неравенство. Для оценки качества и уровня жизни применялась система социальных индикаторов, разработанная во Всероссийском центре уровне жизни: [3]

1. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).
2. Уровень абсолютной бедности населения по доходам.
3. Коэффициент Джини.
4. Коэффициент фондов.
5. Покупательная способность среднедушевых денежных доходов.
6. Валовой региональный продукт, исчисленный по паритету покупательной способности, на душу населения (ВРП по ППС).

Анализ индикаторов показал, что особенно высокое межрегиональное неравенство сложилось по таким индикаторам, как: уровень абсолютной бедности по доходам, коэффициент фондов, покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения, душевой ВРП по ППС (см. табл. 1).

Таблица 1

**Уровень межрегиональной дифференциации
по социальным индикаторам качества и уровня жизни**

Индикаторы	Коэффициенты дифференциации*, раз 2008 г.
Индекс развития человеческого потенциала**	1,3
Уровень абсолютной бедности по доходам	6,9
Коэффициент Джини	1,6
Коэффициент фондов	3,9
Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения	4,3
ВРП по ППС, на душу населения **	19,6

Примечания: * Отношение наибольшего среди субъектов Российской Федерации значений показателя к наименьшему.

** ИРЧП и ВРП по ППС — данные за 2007 г.

Источники: рассчитано на основе данных — National Development Report in the Russian Federation 2009; Мониторинг доходов и уровня жизни населения. — 2009. — № 4; Федеральная служба государственной статистики (www.gks.ru).

Дифференциацию регионов по уровню абсолютной бедности можно считать чрезвычайно высокой: коэффициент дифференциации составил 6,9 раз. Наиболее низкий уровень бедности сложился в Ненецком АО и составил 5,6 %. Максимальное значение показателя было отмечено в Республике Калмыкия — 38,5 %, при среднероссийском значении 13,4 %. При этом в 14 регионах уровень абсолютной бедности был в 1,5 и более раз выше уровня показателя в целом по стране, в 64 регионах — в пределах 1,5 раза выше/ниже среднероссийского значения [5].

Также чрезмерно высокой можно считать дифференциацию регионов по коэффициенту фондов. Разрыв между г. Москвой, в которой коэффициент фондов составил 33,1 и был наибольшим среди регионов, и Республикой Ингушетия с наименьшим значением показателя, составившим 8,5, составил 3,9 раз. При среднероссийском значении показателя 16,8, в большинстве регионов значения коэффициента фондов были в пределах 1,5 раз выше/ниже значения в целом по стране [5].

Наиболее высокая межрегиональная дифференциация сложилась по душевому ВРП по ППС и составила 19,6 раз. При уровне показателя в целом по стране 14737 долл., наибольшее значение показателя было отмечено в Тюменской области — 49969 долл., наименьшее — в Республике Ингушетия (2548 долл.) [6]. Такой разброс значений данного индикатора внес известный вклад в распределение регионов по уровню ИРЧП. Дифференциация регионов по данному показателю составила 1,3 раза. Наибольшее значение ИРЧП составило 0,920 (г. Москва), наименьшее — 0,705 (Республика Тыва). При значении ИРЧП по России 0,817, большинство регионов по данному показателю вышли на уровень 0,750—0,800 и 0,800—0,900 [Там же].

Высокая дифференциация сложилась также по уровню покупательной способности и составила 4,3 раза. При среднероссийском значении покупательной способности 3,25 ПМ наибольшего значения показатель достиг в Тюменской области (6,11 ПМ), наименьшего — в Республике Ингушетия (1,42 ПМ). При этом в большинстве регионов страны уровень покупательной способности не превысил 3ПМ [2].

В регионах наблюдались неадекватно высокие значения коэффициента Джини относительно размеров душевого ВРП по ППС [1]. В их числе были: г. Москва (коэффициент Джини — 0,522, ВРП по ППС — 33603 долл.), Самарская область (коэффициент Джини — 0,449, ВРП по ППС — 13097 долл.), г. Санкт-Петербург (коэффициент Джини — 0,435, ВРП по ППС — 16817 долл.), Краснодарский край

(коэффициент Джини — 0,417, ВРП по ППС — 10003 долл.), Воронежская область (коэффициент Джини — 0,408, ВРП по ППС — 7800 долл.) [5].

В целом, анализ достигнутых в регионах значений социальных индикаторов качества и уровня жизни населения показал, что сохраняется высокое межрегиональное неравенство указанных индикаторов, доля регионов с неблагополучными [4] значениями ряда социальных индикаторов, в том числе относительно их среднероссийского уровня, является существенной или преобладающей. По ряду индикаторов разрывы между регионами являются порядковыми и представляют угрозу социальной безопасности нашей страны. Это говорит о необходимости усиления регионального аспекта государственной социальной политики, направленной на значительное сокращение межрегионального неравенства в качестве и уровне жизни населения.

Литература

1. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. и др. Региональное неравенство в качестве и уровне жизни населения России (2007 г.) // Уровень жизни населения регионов России. — 2009. — № 1—2.
2. Данные ВЦУЖ.
3. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991—2005 гг.). — М.: Всероссийский центр уровня жизни, 2007; Качество и уровень жизни населения Российской Федерации : Территориальный разрез // Уровень жизни населения регионов России.— 2007. — № 11.
4. Низкие значения ИРЧП, покупательной способности денежных доходов населения, ВРП по ППС, высокие значения абсолютной бедности по доходам, коэффициента фондов, коэффициента Джини относительно ВРП по ППС.
5. Центральная База Статистических Данных Федеральной службы государственной статистики / <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>.
6. National Development Report in the Russian Federation, 2009.

237. Маликов Н. С.
Москва

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПО ПРИЗНАКУ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Уверенный рост покупательной способности денежных доходов населения в 2000—2008 гг. существенно повысил занятость и экономическую активность населения 25 лет и старше, опровергая активно возрождаемое в условиях модернизации экономики утверждение, что только безработица представляет собой главный фактор повышения индивидом своей конкурентоспособности и активности на рынке труда. Рост благосостояния, а также реализация приоритетных национальных проектов и положений Концепции демографического развития страны на период до 2025 года, предпринятые в последние годы масштабные меры по поддержке рождаемости переломили крайне негативные процессы сокращения численности населения страны, стабилизировав ее на уровне 142 миллионов человек. В 2006—2009 гг. рождаемость в стране динамично росла, а смертность сокращалась. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, выступающая интегральным критерием качества жизни, в прошлом году достигла дореформенного уровня в 69 лет. В середине прошлого десятилетия произошел качественный скачок в уровне образованности работающего населения — его большинство стали составлять люди со средним специальным образованием и выше. Вместе с тем положительные социально-экономические и социально-демографические процессы пока что не привели к качественному изменению экономического и демографического поведения населения.

Главным сдерживающим фактором более полного раскрытия и реализации имеющегося человеческого потенциала выступает масштабная малообеспеченность населения и глубокая дифференциация занятых в экономике людей по уровню оплаты их труда, определяющая и дифференциацию по уровню доходов.

Сформированная на основе сложившейся во ВЦУЖ системы потребительских бюджетов и иерархии мотивации жизнедеятельности человека, разработанной А. Маслоу, таблица дает наглядное представление о том, что доминирующими мотивами деятельности основной части населения страны выступают необходимость выживания и обеспечения собственной социальной безопасности.

Социальная структура современного российского общества

Интервалы ПС доходов	Численность (млн чел)	Доля в населении (процентов)	Доминирующая мотивация деятельности
Всего	142.0	100	
До БПМ	19.2	13,4	выживание
1—3 БПМ	68,3	48,0	безопасность
3—7 БПМ	42,6	30.0	стабильность
7—11 БПМ	8.6	6.0	развитие
11 БПМ и выше	3.6	2.6	самоактуализация

Анализ соотношения уровней заработной платы различных групп населения позволяет конкретизировать социальную структуру общества и оценить влияние материального и социального положения на экономическое и демографическое поведение его различных страт.

Бедные

Состав. Значительная часть жителей сел, ПГТ и малых городов, в которых проживает 40 % населения страны. В крупных городах малоквалифицированные лица старше 40 лет. Безработные. Часть пенсионеров, как правило, одиноких женщин. Большинство многодетных и часть неполных семей.

Экономическое поведение. Малоквалифицированный труд, случайные заработки, сезонная работа, ведение личного подсобного хозяйства. Стремление сэкономить «на черный день» или на приобретение товаров длительного пользования взамен сохранившихся с дореформенного периода.

Демографическое и социальное поведение. Раннее вступление в брак, повышенная рождаемость в том числе вне брака, традиционное распределение супружеских ролей в семье, относительно низкое здоровье и высокая смертность, миграционная малоподвижность, в том числе детей на продолжение учебы в высших и средних профессиональных учебных заведениях крупных городов.

Малообеспеченные

Состав. Работники среднего уровня квалификации, рядовые специалисты социальной сферы сел, ПГТ и городов, включая преподавателей учебных заведений и медицинских учреждений. Семьи с двумя детьми, неполные семьи. Семьи пенсионеров.

Влияние на общество. Неудовлетворенность собственными условиями жизни и возможность влияния на общественное мнение большинства населения способствуют сохранению потенциала социальной напряженности в стране. Ностальгия о патернализме.

Экономическое поведение. Низкооплачиваемый, но квалифицированный наемный труд. Стремление сэкономить, а не заработать. Мелкая коррупция на бытовом уровне отдельными представителями этой страты как желание сохранить традиционный образ жизни.

Демографическое поведение. Средняя рождаемость. Отказ от аборта при незапланированной первой беременности. Повышенная забота о детях. Стремление помочь им получить высшее профессиональное образование. Низкое самосохранительное поведение. Средний уровень смертности. Малоподвижность старших поколений и миграция молодежи на учебу и на заработки в крупные города.

Обеспеченные

Состав. Квалифицированные и конкурентоспособные работники, специалисты с высшим профессиональным образованием, представители органов власти и управленцы некрупных государственных предприятий и организаций. Предприниматели и менеджеры среднего уровня.

Влияние на общество. Стремление к сохранению устойчивости общества, соблюдению законов и социальных норм.

Экономическое поведение. Относительно независимый и хорошо оплачиваемый труд. Доминирование стремления зарабатывать и приобретать над возможностью экономить. Сохранение и постоянное улучшение своего материального положения, приобретение более комфортного жилья, более дорогих товаров длительного пользования. Реализация стремления к непрерывному образованию и профессиональному росту. Использование наемного труда в домашнем хозяйстве, воспитании и образовании детей. Помощь пожилым родителям.

Демографическое поведение. Планирование семьи. Более позднее вступление в брак. «Мерцающее» родительство. Либеральное отношение к поведению супруга. Пониженная смертность. Рождение одного-двух детей в официальной семье и одного — в гражданском браке. Повышенное внимание к своему здоровью и здоровью членов семьи. Территориальная мобильность.

Высокообеспеченные

Состав. Высококвалифицированные и высококонкурентоспособные работники, представители высшего бизнеса, финансовых структур, высших органов власти и управления федерального и регионального уровней, творческая элита.

Влияние на общество. Формирование общественного мнения через средства массовой информации. Лоббирование принятия общенациональных или региональных законов, постановлений и решений в интересах прогрессивного развития общества, как оно понимается ими, без ущерба личным интересам и карьере.

Экономическое поведение. Стремление к самоактуализации через карьеру и творчество. Абсолютная доступность товаров, благ и услуг и реализация возможности роста личного финансового капитала. Пользование услугами лиц, обеспечивающих комфортность и безопасность их жизни, воспитание и образование детей.

Демографическое поведение. Повышенное самосохранительное поведение. Планирование семьи. Ориентация на ее двухдетную модель. Либеральные отношения супругов. Достойное материальное обеспечение членов предыдущих семей и пожилых родителей. Высокая мобильность как в сфере управления, так и в территориальном плане.

Выводы

Значительное большинство населения страны все еще находится в зоне бедности и малообеспеченности, что свидетельствует о так пока и несостоявшемся в России гражданине, находящемся в большой зависимости от властей предрержащих. Так же, как и в дореформенный период, оплата труда во многих случаях зависит не от его эффективности, а от близости к распределяющему ее руководству. Чрезмерная дифференциация по уровню оплаты труда формирует чувство социальной несправедливости. Бедность и малообеспеченность таит угрозу социальной безопасности и безопасности институту семьи, не стимулирует производительный труд, ограничивает рождаемость в городских семьях и семьях с супругами, имеющими высокое профессиональное образование, не способствует утверждению высокой ценности собственной жизни, что предопределяет низкое самосохранительное поведение большинства населения.

Тем не менее новое поколение 20—39-летних, адаптированное к рыночным отношениям и обладающее более высоким профессиональным образованием, представляет большинство в новых отраслях экономики, демонстрируя и более высокую производительность труда, получая более высокую заработную плату и выступая главным потребителем нового жилья, товаров длительного пользования и платных услуг более высокого качества. Именно это поколение оказалось способным переломить негативные демографические процессы 90-х годов, повысить рождаемость, укрепить семью, сократить смертность.

Безусловно, переход большинства населения в страту обеспеченных качественно изменит экономическое поведение населения, усилит его стремление к постоянному повышению своего профессионального уровня, будет способствовать росту самосохранительного поведения и миграционной подвижности. При постоянной и активной материальной и информационной поддержке со стороны государства, создания развитой инфраструктуры детских и школьных учреждений в стране в следующих поколениях сможет возродиться и двухдетная модель семьи.

238. Беляков В. А.

Кудымкар

**КАЧЕСТВО ПРОЦЕССОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЖИЗНИ ИНДИВИДА
И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ**

В зависимости от широты области применения мы считаем, что качество жизни возможно рассматривать в следующих трактовках:

1. Качество жизни (в общенаучном смысле) — общенаучное понятие, определяющее совокупность условий жизни человека в процессе ее общественного производства.
2. Качество жизни (с точки зрения экономической науки) — экономическая категория, отражающая уровень развития потребностей, которые необходимо удовлетворить для обеспечения нормальной жизнедеятельности человека (как потребителя), и степень их удовлетворения через общественную трудовую деятельность человека (как производителя), а также условия для развития и удовлетворения этих потребностей.
3. Качество жизни (с точки зрения экономики труда) — показатель социального менеджмента, отражающий обеспеченность рациональных потребностей населения определенного социально-территориального образования в необходимых для производства жизни веществе, энергии и информации.

Таким образом, качество жизни индивида формируется в процессе его участия в сложной системе общественных отношений.

По этому поводу К. Маркс писал, что изучение буржуазной экономики привело его к общему результату, который послужил во всей его многогранной деятельности руководящей нитью. Ее он кратко формулирует следующим образом: «В общественном *производстве своей жизни* люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (Маркс К., Энгельс Ф., 1968). Из приведенного высказывания следует, что вся экономическая теория Маркса своей логикой предвосхитила общую теорию систем.

Применение методов системного анализа и принципов кибернетики в совокупности с физико-химическими основами производства может оказаться, по нашему мнению, весьма плодотворным в количественном анализе высказанных логических взаимосвязей, таких как: производительные силы труда — производственные отношения; общественное бытие — общественное сознание; социальные, политические, духовные процессы — общественное сознание — производственные отношения — производительные силы труда. Здесь главный вопрос состоит в количественных измерителях человеческих взаимосвязей в обществе.

Поскольку экономические и социальные процессы неотделимы друг от друга, протекают «параллельно», то в качестве рабочей гипотезы, исходя из вышеизложенного, мы предлагаем следующее определение: системная совокупность вещественных, энергетических и информационных процессов и человеческих взаимосвязей в жизнедеятельности людей на определенной географической территории образует общественную систему.

Система общественного воспроизводства жизни — это совокупность институциональных единиц, связанных друг с другом и с внешней средой таким образом, что часть входящих потоков, преобразуясь внутри системы, вновь потребляется ею, а другая часть рассеивается во внешней среде, противодействуя энтропии. Причем исходящие потоки количественно и качественно превосходят входящие потоки преимущественно за счет синергии взаимодействия индивидов, формирующих институциональные единицы.

Основной смысл этой модели заключается в цикличности потребления и создания ресурсов в процессе производства жизни общества. Однако имеется необходимость исследовать качество жизни, начиная с изучения структуры процессов жизни индивидов.

Количественно выраженный уровень качества жизни формируется в результате взаимодействия институциональных единиц социально-территориальных образований друг с другом и с индивидами в зависимости от качественных характеристик входящих и исходящих потоков и в результате регулирующего воздействия институций. Взаимообусловленность качества процессов воспроизводства жиз-

ни индивида в общественной системе может быть показана посредством анализа взаимосвязи данных статистического учета о результатах функционирования отдельных подсистем общественной системы.

Посредством применения методов регрессионного анализа нами выведены математически выраженные зависимости качества потребления населения и некоторых результатов функционирования системы общественного воспроизводства жизни, например:

ВВП = 1,65784328 КП^{1,01363899} – 63213,1025, где ВВП — валовой внутренний продукт, млрд. руб.; КП — конечное потребление, млрд. руб.

Наличие подобных связей подтверждается высказываниями ряда известных исследователей. Например: «Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и служит отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления» (Маркс К., 1968).

Некоторые выводы можно сделать, исходя из мысли, высказанной Струмилиным С.Г. в «Проблемах экономики труда»: «Зная общее число трудоспособных людей в стране (N) и определив меру их дееспособности с учетом всех указанных Марксом «обстоятельств», то есть производительную силу их труда (p), мы в произведении N×p получили бы и меру всей потенциальной производственной мощи страны, то есть ее экономической потенции» (Струмилин С.Г., 1982).

239. ПЕРЕВОЩИКОВ Ю. С.

Ижевск

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕТРОЛОГИИ И КВАЛИМЕТРИИ ТРУДА

В Институте социально-экономических проблем АН СССР впервые в 1990 г. был поставлен и обоснован вопрос о формировании нового научного направления — экономической метрологии, предусматривающий разработку теоретического обоснования «правильности единства и необходимую точность экономических измерений, оценок и расчетов, а также единства экономической терминологии и обозначений» [2]. К сожалению, в институте, где была выдвинута данная идея, последователей начатого дела не оказалось.

Несколько десятилетий до выхода в свет книги Е.А. Когута в СССР возникло другое научное направление — квалиметрия, основателем которой является Г.Г. Азгальдов. Развитие квалиметрии как в теории, так и в практических приложениях, стало значительно заметным направлением в методологии количественного анализа качества продукции народного хозяйства.

Мы исходим из того, что объединение двух направлений исследований в социальной системе позволит выработать исключительно важный инструментарий для количественного анализа совокупности трансформационных процессов в современной социальной системе.

Выдвинутые политические направления изменения социального движения: ускорение социализма, перестройка социализма, поворот назад к капитализму, «вперед Россия», консерватизм, модернизация — все они исходят из центра управления российским обществом. Сопровождение политических призывов методами количественных фиксаций состояния общественной жизни и прогностическими расчетами на 2—5—10—15 лет требует строгих системных взаимосвязей и количественных зависимостей по вертикальной иерархии и горизонтальной кооперации людей, групп, территориальных образований, отраслевых структур, разных независимых государств.

Умная экономика не может обойтись без справедливых честных, понимаемых каждым членом «гражданского общества» процедур экономических измерений и их цифровых результатов. Однако в современных экономических измерениях имеется много недостатков, порождающих неясности в существе и результатах измерений. Имеются существенные нарушения единства экономических измерений. Ссылки на рыночный характер ценообразования снижают уверенность в прогнозировании количественных

показателей социального развития. Нет пока должного порядка в разработке и использовании экономических терминов, их интерпретации и обозначениях. Отмеченные недостатки в экономических измерениях существенно влияют на все стороны социальной жизни общества, порождая кризисные ситуации на всех уровнях иерархической структуры социума.

Взаимозависимость экономических и социологических измерений предъявляет высокие требования к их качеству. На наш взгляд, в современных условиях жизнедеятельности социума коренное улучшение качества экономических измерений возможно только на строго научной основе, объединяя достижения метрологии, социометрии, эконометрии, кибернетики, квалиметрии и путем привлечения арсенала естественнонаучных направлений.

Концептуальной основой формирования экономической метрологии, по нашему мнению, является политическая экономия, переименованная в последнее десятилетие в Российской науке в экономическую теорию. Однако переименование не принесло каких-либо значимых изменений в историю политической экономии, критика которой была дана всемирно известными исследователями, имена которых в политических кругах России и в работах современных экономических апологетов текущей политики подвергаются необоснованной критике или замалчиванию. Социально-экономическая теория К. Маркса и Ф. Энгельса должна быть положена в фундаментальную концептуальную основу создания и развития социально-экономической метрологии.

В этой связи представляется чрезвычайно важным развитие экономической метрологии, которая может и должна стать теоретической основой совершенствования экономических измерений любых объектов, явлений и трансформационных процессов в социальной и экономической сфере. Незавершенность общей теории экономических измерений является тормозом совершенствования социального управления.

В самом широком понимании экономическая метрология представляет собой:

- науку, изучающую действие экономических законов количественными методами метрологии, квалиметрии, кибернетики и математического моделирования;
- социально-экономическую категорию, отражающую состояние и динамику социальных изменений в жизнедеятельности людей в различных институциональных системах;
- метод социального менеджмента, позволяющий количественно изучать развитие характеристик целевых функций в институциональных системах.

Рассматривая экономическую метрологию как науку измерения в функционировании институциональных систем, мы исходим из следующих понятий, относящихся к измерительным процедурам.

Метрология (от греч. *metron* — мера и ...логия) — наука об измерениях, методах достижения их единства и требуемой точности. К основным проблемам метрологии относятся: создание общей теории измерений; образование единиц физических величин и систем единиц; разработка методов и средств измерений; методов определения точности измерений; основ обеспечения единства измерений и единообразия средств измерений; создание эталонов и образцовых средств измерений. Метрология историческая — это вспомогательная историческая дисциплина, изучающая развитие систем мер, денежного счета и единиц налогового обложения у различных народов.

Квалиметрия (лат. *quails* — какой по качеству и ...метрия) — область науки, исследующая и осуществляющая на практике методы количественной оценки качества продукции.

Кибернетика (др.греч. *kybernêtiká* — искусство управления) — наука об общих законах получения, хранения и передачи и переработки информации. Основной объект исследования — так называемые кибернетические системы, рассматриваемые абстрактно, вне зависимости от их материальной природы. Примеры кибернетических систем — человеческий мозг, биологическая популяция, человеческое общество. Современная кибернетика состоит из ряда разделов, представляющих самостоятельные научные направления. Кибернетика экономическая — научное направление, занимающееся применением идей и методов кибернетики к экономическим системам.

Моделирование (лат. *modulus* — способ, образец) — исследование объектов путем построения и изучения их моделей; на идее моделирования базируется любой метод научного исследования — как теоретический (при котором используются различного рода знаковые, абстрактные модели), так и экспериментальный (использующий предметные модели).

Объектом изучения экономической метрологии, как и других экономических наук (политической экономии, отраслевых экономических наук, экономической статистики, эконометрики и т. п.), являются экономические явления и процессы, протекающие в обществе. Однако, имея с ними общий объект

исследования, экономическая метрология имеет собственный предмет изучения — изучение экономических величин и правила действия с ними в измерительных процедурах.

Свои взгляды на экономическую метрологию как науку, как социально-экономическую категорию и как метод социального менеджмента мы намерены изложить в следующей последовательности.

1. *Институциональная система социума*

1.1. Институты и институции в социальной стратификации.

1.2. Метрология исследования социальных процессов (К. Маркс, Ф. Энгельс, П. Сорокин).

1.3. Социометрия как часть экономической метрологии.

1.4. Кибернетическая структура социума.

2. *Экономическая система*

2.1. Структура экономической системы (макро-, микро-, мини-, нано-экономики).

2.2. Политэкономические неопределенности в интерпретации воспроизводства общества и человека.

2.3. Фундаментальные экономические категории, порождающие проблемы экономических измерений.

2.4. Стоимость.

2.5. Ценность.

2.6. Полезность.

2.7. Цена.

2.8. Деньги.

2.9. Издержки производства.

2.10. Труд живой.

2.11. Труд прошлый.

2.12. Продукт труда.

2.13. Качество.

2.14. Количество.

2.15. Производительные силы труда.

2.16. Объем производства.

2.17. Производственные (социальные) отношения.

2.18. Валовая продукция.

3. *Квалиметрия труда. Качество трудовой жизни индивидуума*

3.1. Конституирующее значение труда в институциональной системе общества.

3.2. Теории труда: эволюция понятий и современные тенденции [1].

3.3. Квалиметрическая теория труда. О необходимости и возможности расширения Международной системы единиц в область экономики и социологии.

3.4. Из истории о «Редукции труда». (Теоретические и практические исследования НИИ труда).

3.5. Процесс труда как первичная клеточка в жизнедеятельности институциональной системы общества. (Определение труда, данное К. Марксом и Ф. Энгельсом, обобщение различных литературных источников о сущности процессов труда. Авторская концепция).

3.6. Квалиметрические величины факторов трансформации в процессах труда. (Изложение сущности авторских методов квалиметрического анализа единичных процессов труда).

3.7. Система квалиметрических показателей трудовых процессов.

4. *Рабочее место как первичная единица институциональной системы труда*

4.1. Рабочее место в системе экономических категорий. (Анализ определений рабочего места в классической политэкономии, советской и постсоветской экономической теории, авторская концепция).

4.2. Кибернетическое описание структуры рабочего места. (Применение абстрактных кибернетических принципов и методов для анализа структуры функционирования рабочих мест. Авторская интерпретация).

4.3. Классификация рабочих мест по однородности и подобию функционирования в институциональной системе. (Критический анализ существующих методов классификации, авторская концепция квалиметрической классификации).

5. *Эргономическое нормирование труда*

5.1. Необходимость эргономики как составного раздела экономической метрологии и квалиметрии труда. (Анализ истории и становления эргономики, НОТ, нормирование труда; доказательство

принадлежности эргономики как совершенно необходимого раздела экономической метрологии для квалиметрического анализа и комплексной оценки качества труда).

5.2. Физиологические основания организации рабочих мест. (Энергетический обмен и его оценка, основной обмен, рабочие калории, теплообмен с внешней средой).

5.3. Психология и инженерная психология в системе организации труда. (Понятие информации и методы определения ее количества; восприятие информации, законы психофизики; хранение и переработка информации, принятие решения).

5.4. Основы эргономического нормирования труда. (Первичный объект анализа и квалиметрической оценки — единичный процесс труда; тяжесть, сложность, напряженность и интенсивность труда).

5.5. Система эргономической оценки рабочего места. (Комплекс эргономических норм и нормативов, квалиметрический метод оценки эргономичности рабочих мест).

6. Трудовое партнерство

6.1. Разделение труда и необходимость многостороннего партнерства. (Исторический экскурс в теорию и практику разделения труда, формы и методы функционирования производственных систем в условиях многоаспектного разделения производственных процессов на единичные процессы труда).

6.2. Разделение трудящихся на работников и работодателей. (Критический анализ постсоветской тенденции умаления социально-экономического и политического значения понятия «трудящийся»).

6.3. Трудовой ресурс. (Анализ различных мнений специалистов, современная словарно-энциклопедическая трактовка; авторская концепция).

6.4. Трудовой потенциал. (Анализ мнений специалистов, словарно-энциклопедическая трактовка; авторская концепция).

6.5. Работоспособность и трудоспособность. (Анализ мнений и авторская квалиметрическая концепция).

6.6. Производительная сила труда и производительность труда. (Авторская квалиметрическая концепция).

7. Экономическая метрология, ее содержание и место в современной институциональной системе

7.1. Экономическая метрология в системе естественных, инженерных и экономических наук.

7.2. Формирование системы экономических измерений.

7.3. Количественные показатели результатов измерений в экономической метрологии. (Система квалиметрических показателей. Справочники квалиметрических показателей).

7.4. Кардинальное изменение принципов ценообразования в институциональной системе.

Литература

1. Кирсанов К.А., Буянов В.П., Михайлов Л.М. Теория труда. — М.: Экзамен, 2003.
2. Когут Е.А. Экономическая метрология. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. — С. 1.

240. Меньшикова О. И., Павленко А. Ю.

Москва

ОПЛАТА ТРУДА И КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ

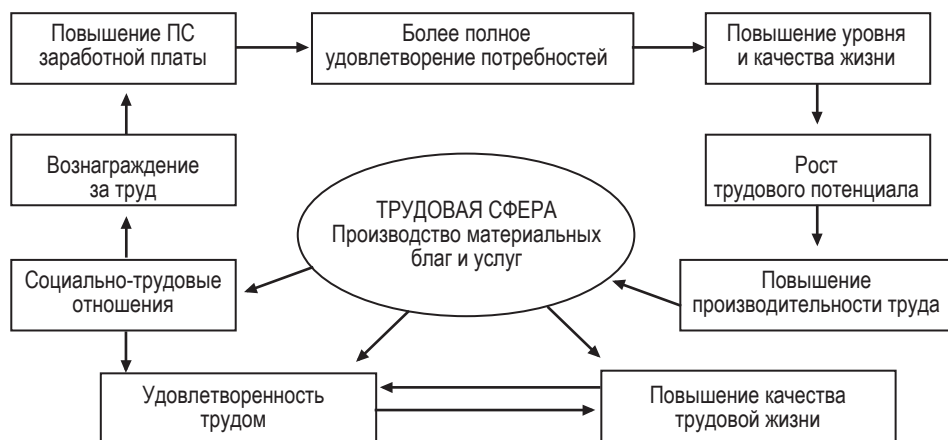
Мировая практика показывает, что обеспечение соответствующего качества трудовой жизни является одной из приоритетных задач стабилизации и развития экономики любой страны. При этом концепция качества трудовой жизни, разработанная в США и странах Западной Европы, ориентирована в основном на социальные аспекты обеспечения трудовой деятельности. Высокие темпы научно-технического прогресса в 60—70-е годы XX века предопределили необходимость кардинального пересмотра ранее существующих подходов к определению места и роли человека в современном трудовом и производственном процессах. Регулирование качества трудовой жизни позволило, ориентируясь на интересы и потребности человека, создать условия для повышения эффективности использования трудового потенциала.

Таким образом, в современном обществе качество трудовой жизни является одной из основных характеристик социально-трудовых отношений. «Качество трудовой жизни — это интегральное понятие, всесторонне характеризующее уровень и степень благосостояния, социального и духовного развития человека через его деятельность в организации. Качество трудовой жизни выступает основным показателем оценки социально-трудовых отношений» [1]. Вместе с тем в процессе социально-трудовых отношений формулируется ряд основных условий, обеспечивающих качество трудовой жизни: надлежащее и справедливое вознаграждение за труд; безопасные и здоровые условия труда; создание условий для самовыражения и самореализации; обеспечение трудовой демократии и правовой защищенности; создание условий для профессионального роста; придание социальной полезности выполняемой работе.

В рыночной экономике наибольшее значение приобретает материальная составляющая качества трудовой жизни. Надлежащее и справедливое вознаграждение за труд предусматривает обеспечение соответствия получаемого работником дохода принятым в обществе стандартам достатка и обеспеченности, наличие связи между оплатой определенных видов труда и оплатой других видов труда. В современных условиях в странах с развитой экономикой это сводится к социальным выплатам и льготам, являющимся основой по достижению достатка и обеспеченности, с одной стороны, и к решению вопроса о вознаграждении за труд в соответствии со спросом и предложением по отдельным видам работ и сложившейся практикой оплаты труда, с другой стороны. Такой подход ориентирован не только на обеспечение простого воспроизводства рабочей силы, но и на удовлетворение более высоких человеческих потребностей.

В этой связи следует учитывать, что принципиально важным является не само по себе повышение номинальной заработной платы, а рост ее реального содержания, т. е. покупательной способности (ПС). В свою очередь, ПС заработной платы является одним из главных индикаторов качества жизни вообще и качества трудовой жизни, в частности.

На рис. 1 показана причинно-следственная связь между вознаграждением за труд, формирующимся в рамках социально-трудовых отношений, и ростом трудового потенциала и производительности труда, способствующих повышению эффективности функционирования социально-трудовой сферы, как с точки зрения экономического результата, так и в смысле субъективно-психологического восприятия трудовой деятельности, приносящей удовлетворение работникам и повышающей их субъективную оценку качества трудовой жизни.

Рис. 1. Взаимосвязь заработной платы и качества трудовой жизни в процессе производства материальных благ и услуг

В 2008 г. среднемесячная номинальная заработная плата в Российской Федерации составила 17226 руб. А в ценах 1991 года эта сумма составляет 677 рублей, тогда как в 1991 году среднемесячная заработная плата равнялась 548 рублей, то есть за 17 лет увеличилась в сопоставимых ценах

Таблица 1

Мнение населения о текущем материальном положении
(по данным выборочного обследования потребительских ожиданий населения
в процентах от общей численности опрошенных) [2]

	2006				2007				2008			
	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал
Оценка личного материального положения												
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:												
очень хорошее	0,1	0,2	0,2	0,3	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
хорошее	5,6	5,4	6,4	7,1	6,2	6,5	6,8	7,1	6,5	9,4	7,7	6,0
среднее	54,4	56,3	56,1	55,0	55,8	56,8	58,9	56,5	62,0	59,5	62,1	58,6
плохое	33,2	31,5	31,7	31,8	31,5	31,3	29,6	29,6	27,4	26,6	26,1	29,9
очень плохое	5,7	5,7	4,8	4,6	5,2	4,6	3,7	5,5	3,2	3,9	3,0	4,6
затрудились ответить	1,0	0,9	0,8	1,2	1,1	0,7	0,8	1,2	0,8	0,5	0,9	0,8
Соотношение доходов и расходов семьи												
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:												
имеют возможность откладывать некоторую сумму денег	8,6	8,9	7,9	8,5	8,4	8,1	8,5	8,4	8,2	10,9	10,7	8,6
расходы соответствуют доходам	68,5	68,3	70,6	69,8	70,7	73,3	72,9	71,7	71,1	69,8	70,4	71,5
берут в долг и/или используют сбережения	21,4	21,1	20,5	20,0	19,7	17,9	17,4	18,7	19,5	18,2	17,6	18,9
затрудились ответить	1,5	1,7	1,0	1,7	1,2	0,7	1,2	1,2	1,2	1,1	1,3	1,0

незначительно — всего на 23,5 %. При этом покупательная способность заработной платы за данный период, выраженная через соотношение заработной платы и прожиточного минимума трудоспособного работника, осталась практически на том же уровне, увеличившись с 335 до 344 % [1].

Поэтому не удивительно, что по данным выборочного обследования потребительских ожиданий населения оценка россиянами своего материального положения весьма проблематична.

Как следует из представленной таблицы, более трети опрошенных (34,5 %) оценивают свое материальное положение как плохое или очень плохое. По соотношению доходов и расходов подавляющая часть населения (71,5 %) имеет нулевой баланс, то есть расходы соответствуют доходам. Лишь 8,6 % населения имеют возможность откладывать некоторую сумму денег в виде сбережений. И почти 20 % опрошенных вынуждены брать деньги в долг.

Среди малоимущих лица трудоспособного возраста вкупе с детьми до 16 лет занимают почти 90 %, из которых 64,8 % — это население трудоспособного возраста. Причем характерно, что подавляющая часть этой категории населения являются занятыми в экономике, то есть представляют собой ту самую социальную группу, которая именуется «работающие бедные». Удельный вес работающих бедных в общей численности малоимущего населения по данным Росстата плавно увеличивается с 2005 по 2008 г. с 58,4 % до 59,7 %. Рост этого показателя за указанный период составил 2,2 % (табл. 2). Примечательно, что за этот же период средняя заработная плата в экономике России увеличилась более чем в 2 раза [3].

Таблица 2

Изменение средней заработной платы в экономике и удельного веса работающих бедных в общей численности малоимущего населения в 2005—2008 гг.

	2005	2006	2007	2008
Средняя заработная плата в экономике (руб.)	7816	9847	12548	17226
Удельный вес работающих бедных в общей численности малоимущего населения (%)	58,4	58,7	59,4	59,7
Изменение средней заработной платы в экономике %	100	126,0	160,5	220,4
Изменение удельного веса работающих бедных в общей численности малоимущего населения %	100	100,5	101,7	102,2

Более чем двукратное увеличение средней заработной платы в экономике по логике должно было привести к определенным качественным изменениям, связанным, в частности, с сокращением масштабов бедности среди трудоспособного населения. Однако этого не произошло. Более того, как видно из приведенных данных, доля работающих бедных продолжает расти.

Проведенный анализ масштабов и профиля бедности в России, динамики заработной платы, а также мнения населения о текущем материальном положении позволяет сделать однозначный вывод: необходимым условием повышения качества трудовой жизни россиян является повышение материальной обеспеченности трудоспособного населения и, в первую очередь, низкооплачиваемых работников.

Литература

1. Россия в цифрах. 2009 : крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2009. — С. 127.
2. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009 : стат.сб. / Росстат. — М., 2009. — С. 141.
3. Социально-экономические индикаторы бедности : стат. бюллетень. — М. : Росстат, 2009. — С. 21.
4. Экономика труда : учеб. / Под ред. П.Э. Шлендера, Ю.П. Кокина. — М. : Юрист, 2003. — С. 524.

241. Гуцыкова С. В.

Москва

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ СОТРУДНИКОВ СЛУЖБЫ ОХРАНЫ

В условиях динамично развивающегося общества возрастает значимость переживания профессионалом субъективной удовлетворенности в различных сферах жизнедеятельности, связанных с актуализацией личностных ресурсов. Успешная профессиональная реализация личности служит одной из составляющих ее психологического благополучия и удовлетворенности жизнью. Наряду с удовлетворенностью межличностными связями и общением, в психологическом благополучии обобщенно представлена актуальная успешность поведения и деятельности (Куликов, 2004). Переживание субъективного благополучия представляет собой сложное интегрированное чувство, тесно сопряженное с понятием «качества жизни» (Никифоров, 2003). Понятие «качества жизни» как неотъемлемая субъективная составляющая удовлетворенности жизнью отражает особенности социальных контактов и социальной поддержки личности, сферу ее профессиональных достижений и личностную самореализацию, физическое самочувствие и здоровье, способность к контролю собственных поведенческих проявлений и прочее.

Удовлетворенность различными сторонами жизнедеятельности особенно актуальна для представителей социномических профессий, к которым относится профессия охранника.

Изучение различных аспектов удовлетворенности жизнью сотрудников службы охраны осуществлялось в рамках исследования взаимосвязей экспертных оценок их профессионально важных качеств с индивидуально-психологическими характеристиками. В исследовании приняли участие 166 сотрудников службы охраны частного охранного предприятия, 30 из которых выступили в роли экспертов. Для изучения индивидуально-психологических характеристик охранников использовалась батарея тестовых методик. Для целей настоящего изложения важными являются входившие в батарею тестов Опросник 16 личностных факторов (Р. Кетелл, форма С), Тест оценки удовлетворенности качеством жизни (Р.С. Элиот, адапт. Н.Е. Водопьяновой).

Эксперты, отобранные по принципу высокой профессиональной компетентности и длительного стажа профессиональной деятельности, оценивали следующие профессионально важные качества (ПВК) охранников: 1) — профессиональные знания, умения, навыки; 2) — эмоциональная устойчивость; 3) — умение прогнозировать ход событий; 4) — выносливость, сохранение работоспособности; 5) — профессиональная мотивация; 6) — самоконтроль, самообладание; 7) — способность к экстренной мобилизации; 8) — наблюдательность, бдительность; 9) — самостоятельность, инициативность; 10) — умение работать в команде. Схема экспертной процедуры предусматривала участие для оценки профессионально важных качеств группы экспертов без взаимодействия. Предложенные для оценки экспертам профессионально важные качества были предварительно отобраны на основании психографического анализа деятельности охранников. Экспертные оценки профессионально важных качеств были подвергнуты процедуре объективации за счет исключения оценок, наименее согласованных с группой экспертов.

С помощью кластерного анализа были выделены три группы специалистов, различающихся по совокупности личностных качеств Опросника Кетелла. Группа 1 была образована специалистами, демонстрирующими наиболее высокие из трех групп средние численные значения по шкалам «Аффектотимия — сизотимия» (фактор А), «Эмоциональная устойчивость — эмоциональная неустойчивость» (фактор С), «Высокая совестливость — недобросовестность» (фактор G), «Смелость — робость» (фактор Н), «Контроль желаний — импульсивность» (фактор Q3) и наиболее низкие — по шкале «Мечтательность — практичность» (фактор М). Группу 3 составили специалисты с наиболее низкими значениями по факторам А, С, G, Н, Q3 и наиболее высокими — по фактору М. Группа 2 занимает промежуточное положение между 1 и 3 группами по средним значениям перечисленных факторов Опросника.

Анализ экспертных оценок профессионально важных качеств этих групп показал, что 1 группа демонстрирует самый высокий уровень экспертных оценок по всем ПВК и может характеризоваться как успешная. 2 группа имеет средний уровень экспертных оценок по таким ПВК, как умение прогнозировать ход событий; выносливость, сохранение работоспособности; профессиональная мотивация; способность к экстренной мобилизации; наблюдательность, бдительность; самостоятельность, инициативность;

умение работать в команде, и низкий уровень оценок профессиональных знаний, умений, навыков; эмоциональной устойчивости и самоконтроля, самообладания. Группа 3 показывает средний уровень экспертных оценок профессиональных знаний, умений, навыков; эмоциональной устойчивости и самоконтроля, самообладания при низком уровне оценок остальных ПВК.

Экспертные оценки ПВК 2 и 3 групп свидетельствуют о том, что специалисты этих групп оцениваются экспертами как имеющие определенные противопоказания к эффективному выполнению профессиональной деятельности.

С помощью непараметрического теста Крускала — Уоллиса были выявлены статистически значимые различия групп по следующим субшкалам Теста оценки удовлетворенности качеством жизни: «работа» ($p = 0,010$), «личные достижения» ($p = 0,004$), «здоровье» ($p = 0,001$), «напряженность» ($p = 0,000$), «самоконтроль» ($p = 0,015$), «негативные эмоции» ($p = 0,004$), а также шкале «общий индекс качества жизни» ($p = 0,000$).

Попарное сравнение групп по тесту Манна—Уитни показало, что 1 группа статистически значимо отличается по субшкале «напряженность» как от группы 2 ($U = 678,500$; $W = 1003,500$; $p = 0,009$), так и от группы 3 ($U = 509,000$; $W = 860,000$; $p = 0,000$). Средние показатели по субшкале «напряженность» наиболее высоки для группы 1, для групп 2 и 3 они снижаются. Таким образом, наиболее успешная группа отличается от двух менее успешных групп по удовлетворенности таким аспектом жизнедеятельности, как «напряженность», которая отражает физический и психологический дискомфорт.

Для групп 1 и 3 были выявлены различия по субшкалам: «работа» ($U = 687,000$; $W = 1038,000$; $p = 0,005$), «личные достижения» ($U = 618,000$; $W = 969,000$; $p = 0,001$), «негативные эмоции» ($U = 633,000$; $W = 984,000$; $p = 0,001$), «здоровье» ($U = 570,500$; $W = 921,500$; $p = 0,000$), «самоконтроль» ($U = 689,500$; $W = 1040,500$; $p = 0,005$) и шкале «общий индекс качества жизни» ($U = 490,000$; $W = 841,000$; $p = 0,000$). Количество статистически значимых различий 1 и 3 групп охватывает большее количество разнообразных аспектов удовлетворенности индивидуальной жизнью, чем для групп 1 и 2.

Показательно, что по шкале «общий индекс качества жизни» обнаружены различия только 1 и 3 групп. Средние численные значения по данной шкале в 1 группе составляют 31,04, а в 3 группе — 27,47 соответственно. Отметим, что с точки зрения уровня удовлетворенности по «общему индексу жизни» 60,2 % специалистов 1 группы показывают высокий и 39,8 % — средний уровень удовлетворенности. В 3 группе 26,9 % специалистов демонстрируют высокий, 61,5 % — средний и 11,5 % — низкий уровень удовлетворенности.

Непараметрические тесты Манна—Уитни для двух групп специалистов с более низкими экспертными оценками ПВК выявили, что эти группы статистически значимо различаются между собой по субшкалам: «личные достижения» ($U = 205,000$; $W = 556,000$; $p = 0,024$) и «негативные эмоции» ($U = 188,500$; $W = 539,500$; $p = 0,010$). При этом средние численные значения по субшкалам «личные достижения» и «негативные эмоции» в 3 группе являются наиболее низкими из трех групп.

Процентный состав специалистов 3 группы с разным уровнем удовлетворенности «личными достижениями» представлен 46,2 % охранников с низким уровнем удовлетворенности и по 26,9 % — со средним и высоким уровнями. В двух других группах это соотношение представлено большим числом лиц со средним и высоким уровнем удовлетворенности «личными достижениями» и существенно меньшим процентом лиц с низким уровнем удовлетворенности (13,3 % — в 1 группе, 16,0 % — во 2 группе). С точки зрения уровня удовлетворенности «негативными эмоциями» в 3 группе 42,3 % лиц имеют высокий уровень удовлетворенности, 46,2 % — средний и 11,5 % — низкий. В 1 и 2 группах процент лиц с высоким уровнем удовлетворенности этим аспектом существенно выше (79,5 % — в 1 группе, 80,0 % — во 2 группе).

Таким образом, было выявлено, что группа охранников с наиболее высоким уровнем экспертных оценок ПВК отличается от группы с наиболее низкими оценками по attentionным, имажинитивно-мыслительным, коммуникативным способностям и уровню функционирования физиологических функций организма и здоровью по существенно большему перечню различных аспектов удовлетворенности жизнью, нежели от группы с низкими оценками по эмоционально-волевым ПВК и профессиональным знаниям. Перечень значимых различий этих групп представлен удовлетворенностью такими категориями, как «работа», «личные достижения», «негативные эмоции», «здоровье», «самоконтроль» и «общий индекс качества жизни». Показательно, что наиболее успешная группа отличается от двух других групп по удовлетворенности такой категорией, как «напряженность».

Группа специалистов с наиболее низкими оценками по аттенционным, имажинитивно-мыслительным, коммуникативным способностям и уровню функционирования физиологических функций организма и здоровью отличается от других групп по удовлетворенности «личными достижениями» и «негативными эмоциями». Различия по «общему индексу качества жизни» установлены только для представителей 1 и 3 групп.

Наиболее высоко оцененная экспертами группа может характеризоваться как обладающая наиболее высокой удовлетворенностью жизнью в целом. Специалисты двух менее высоко оцененных экспертами групп демонстрируют близость друг другу в отношении различных аспектов удовлетворенности жизнью.

Литература

1. Куликов Л.В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. — СПб. : Питер, 2004.
  2. Психология здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. — СПб. : Питер, 2003.
-

РАЗДЕЛ 16

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

---

242. Изюмова И. В.
Москва

КРИТЕРИИ ДОВЕРИЯ КЛИЕНТОВ К ОРГАНИЗАЦИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЯЮЩИМ УСЛУГИ (результаты эмпирического исследования)

Проблема доверия в социальной психологии изучается на протяжении длительного времени и постепенно разрешается предлагаемыми теоретическими подходами, эмпирическими результатами, объясняющими причины социальной напряженности и интеграции, кооперативного поведения. Однако все еще малоизученным остается феномен доверия и недоверия к социальным группам, сохраняется актуальность исследования критериев доверия клиентов к организациям для современной социальной психологии.

В статье представлены результаты ряда эмпирических исследований доверия клиентов к банковским, торговым, образовательным, туристическим и медицинским организациям. Выбор организаций, предоставляющих услуги, не случаен. Во-первых, услуга как товар имеет существенные отличия в производстве, сохранении, стандартизации, определения цены и т. д. Во-вторых, и что особенно важно, оказание услуги предполагает обязательное включение потребителя в процесс ее оказания. В-третьих, исследователями отмечается рост числа потребителей, неудовлетворенных данными видами услуг по субъективным и объективным признакам.

Для эмпирического изучения доверия клиентов к организации предложена теоретическая модель, состоящая из взаимосвязанных и соподчиненных между собой блоков. Первый блок включает социальные и психологические характеристики личности, выступающей как клиент той или иной организации. Второй блок — образ организации, заслуживающей доверия у клиентов. К третьему блоку относится субъективная оценка клиентом риска взаимодействия с организацией, а также факторы, влияющие на ее уровень. Четвертый блок представлен психологическими типами доверия клиентов к организации, основанными на используемых критериях доверия.

В данной работе представлены эмпирические показатели критериев доверия клиентов к организации. Исследование доверия клиентов к организации проводилось поэтапно в период 2005—2010 гг. Испытуемыми являлись клиенты, пользующиеся услугами медицинских, образовательных, туристических, кредитных и торговых организаций (493 респондента).

Критерии доверия клиентов к организации. Список состоит из двух групп показателей, описывающих организацию и ее персонал. Каждая из двух групп включает в себя по 3 подгруппы, состоящих из 3—4 как общих, так и специфических характеристик. Оценка значимости характеристик проводилась респондентами по 5-балльной шкале. Далее по тексту группы характеристик выделены жирным курсивом, а их состав (качественные единичные характеристики) выделены полужирным курсивом.

Надежность организации. Наиболее высокие показатели значимости имеют характеристики *четкая организация работы* и *ответственность организации*, предоставляющей медицинские услуги (среднее значение 3,7 в сравнении с 2,9—3,4). Характеристика *авторитет организации* имеет большую значимость для доверия медицинским, кредитным и туристическим организациям (по 2,9) в сравнении

с организациями, предоставляющими образовательные услуги (2,1). Характеристика «авторитет организации» менее значима, чем четкая организация работы и ответственность медицинской организации. *Комфортные условия* для доверия к медицинским организациям и туристическим агентствам имеют значимость на уровне 3,0 и 2,9 соответственно и оцениваются несколько выше по отношению к образовательным и кредитным организациям (2,7 и 2,5 соответственно). *Материально-технические характеристики* учитываются только при обращении к медицинским и образовательным услугам. Большую значимость респонденты придают данной характеристике при оценке лечебного учреждения (3,7 и 2,8 соответственно). Характеристика *наличие специалистов в организации* учитывается только при обращении в лечебное учреждение и кредитную организацию (3,7 и 3,1 соответственно).

Репутация организации. *Имя (наименование, бренд) организации* в большей степени учитывается при обращении за медицинской услугой, чем за услугами туристического агентства, банка и образовательного учреждения (3,4; 2,6; 2,3 и 2,0 соответственно). *Репутация* по степени значимости оценивается на уровне «важно» и «скорее важно»: медицинские организации и туристические агентства по 2,9 и 2,8 соответственно; кредитные и образовательные организации по 2,4 и 2,3. Характеристика *положительные отзывы о деятельности и результатах работы организации* имеет большую значимость при обращении за медицинскими, туристическими и финансовыми услугами (3,0; 2,9 и 2,8) в сравнении с образовательным учреждением (2,3). *Рекомендации воспользоваться услугой* для доверия медицинской организации оцениваются на уровне «скорее важны», а при обращении за иными видами услуг (туристическими, финансовыми, образовательными) — «скорее не важны» (2,6; 2,2; 1,9 и 1,8 соответственно).

Надежность персонала включает в себя такие характеристики, как организованность, ответственность и авторитет. Характеристика *организованность персонала* имеет наибольшую значимость при обращении за медицинскими услугами (3,6), а при обращении в туристическое агентство, банк и образовательное учреждение «скорее важной, чем не важной» (2,8; 2,6 и 2,5 соответственно). Характеристика *ответственность персонала* имеет оценку «важно» при обращении в туристическое агентство, банк, образовательное учреждение (3,3; 3,2; 3,2 соответственно) и оценку «очень важно» при обращении за медицинской услугой (3,8). Характеристика *авторитет персонала* в сравнении с другими характеристиками данной подгруппы имеет более низкую значимость, а именно для медицинского персонала — 2,9; для преподавателей и работников банка — 1,9—1,8.

К подгруппе *профессиональные качества персонала* относятся компетентность и стаж работы медицинского персонала, преданность работе и личный опыт. Характеристика *компетентность персонала* медицинских организаций оценивается «очень важной» в отличие от оценки «важна» к персоналу образовательных и кредитных организаций, туристических агентств (3,9 и 3,3—3,0 соответственно). *Стаж работы* оценивается на уровне «важно» для персонала медицинских организаций, «скорее важно» для персонала туристических агентств (2,9, и 2,3 соответственно). По отношению к персоналу образовательных и кредитных организаций данная характеристика респондентами не указывалась. *Личный опыт* имеет меньшую значимость и оценивается только по отношению к медицинским работникам и преподавателям на уровне «важно» (2,7 и 2,9 соответственно).

Личностные характеристики персонала. *Благожелательность* включает такие характеристики, как *внимание, проявление заботы, доброжелательность*. Респонденты при оценке персонала анализируемых организаций придерживаются сходного мнения, данные характеристики имеют значимость «важны». Отличия отмечаются при оценке характеристики «внимание». Она менее значима для доверия преподавателям и не учитывается при оценке служащих туристических агентств. Для доверия к организации не принимается во внимание характеристика «проявление заботы» при оценке служащих банка.

Подгруппа *морально-этических характеристик* имеет более низкую значимость для респондентов в сравнении с другими подгруппами. Проявление *бескорыстия* «не важно» при оценке представителей банка и образовательного учреждения (по 2,0), «скорее важно» для доверия медицинским работникам (2,6). *Порядочность* оценивается на уровне «важно» в отношении медицинского персонала и персонала туристических агентств, менее важно для представителей других анализируемых организаций (3,1 и 2,6 соответственно). *Честность* «важна» при оценке представителей всех организаций за исключением преподавателей (3,2 и 2,7 соответственно).

Коммуникативные характеристики: умение находить контакт, доступно объяснять и облегчать состояние беседой, снижать напряженность оцениваются респондентами всех потребительских групп на уровне «важно». Данные характеристики не учитываются при оценке доверия к преподавателям.

Привлекательность персонала оценивается по *внешнему виду, способности вызывать симпатию, жизнерадостности*. Клиенты, пользующиеся услугами медицинских организаций и туристических агентств, придают значимость только первым двум характеристикам на уровне «скорее важны» (2,5 и 2,1 соответственно), а жизнерадостность на этом же уровне оценивается только у медицинского персонала.

Личностная зрелость оценивалась респондентами по характеристикам: *образованность, преданность профессии, интеллигентность, жизненная мудрость*. Для доверия медицинскому персоналу данные характеристики оцениваются на уровне «важны». Доверие к преподавателям не оценивается по жизненной мудрости; банковские работники — по преданности профессии и образованности, а представители туристических агентств ни по одной из перечисленных.

Результаты проведенного эмпирического исследования позволяют утверждать: состав критериев доверия и состав характеристик связан со спецификой деятельности организации. Критериями доверия клиентов к организации являются: *«профессионализм», «обеспеченность ресурсами»*. Они имеют наиболее высокие значения. «Важными» характеристиками являются: «наличие специалистов в организации», «ответственность организации и персонала», «материально-техническое оснащение», «четкая организация работы», «компетентность персонала», «применение современных технологий».

Полученные результаты требуют дополнительного анализа и интерпретации для последующего практического применения.

Мы полагаем, что состав критериев доверия к организации и их значимость будут отличаться от формы и роли участия в экономическом обмене, например, у партнеров, поставщиков, аудиторов, представителей государственных учреждений и др.

243. Ключева Н. В.

Ярославль

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОНСУЛЬТАНТА

Выполнено при поддержке государственного контракта 02.740.11.0601 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг.

Термин консультирование уже стал достаточно привычным для профессионалов, работающих в современной России. Принято говорить о *консультировании* как взаимодействии клиента и консультанта, обеспечивающем развитие организации, решение сложных нестандартных проблем в различных сферах деятельности [1; 2; 3; 6; 7]. Организационное консультирование направлено на повышение эффективности работы персонала, успешное развитие организации на рынке, предупреждение или преодоление кризисных ситуаций.

В настоящий момент консультационную работу в организациях ведут профессионалы, имеющие опыт собственной профессиональной деятельности в организациях, социологи, специалисты по менеджменту, экономисты и многие др. Среди них свое место занимают психологи, специализирующиеся на проблемах организационного развития [4]. Для психолога, который ставит перед собой профессиональную задачу — сопровождение организации, важно понимать принципиальные отличия психологического консультирования от организационного консультирования.

В процессе организационного консультирования осуществляется организационная диагностика с целью выявления проблем функционирования компании, определяются оптимальные пути, резервы и способы их решения, а также проводится комплекс мер, в результате которых состояние организации меняется в сторону желаемого Заказчиком. Процедура организационного консультирования проводится в такой форме, чтобы в процессе консультирования происходило формирование управленческой команды, ориентация персонала на поиск новых ресурсов развития, вовлечение сотрудников в процесс изменений. Вследствие этого также происходит рост эффективности организации в целом [5].

Психологическое консультирование ориентировано на клиента, имеющего затруднения в решении значимых для себя жизненных задач. Психологическое консультирование в виде коучинга возможно при работе с руководителем или сотрудником организации — заказчика [3; 8].

Цели организационного консультирования	Цели психологического консультирования
<ul style="list-style-type: none"> — Способствовать развитию организации в целом путем улучшения качества руководства и увеличения личной производительности каждого сотрудника организации. — Повысить личную компетентность (управленческую и социально-психологическую) руководителей. — Развивать навыки эффективного мышления, обеспечивающего системное решение проблем и задач организации. — Создать условия для эффективного принятия решения в сфере организационного развития. — Формировать навыки коммуникаций (организация-личность, руководитель-подчиненные, сотрудники-сотрудники), необходимые для эффективного взаимодействия между сотрудниками. — Способствовать развитию корпоративной культуры и повышению лояльности персонала организации. — Способствовать психологическому благополучию руководителей и сотрудников организации. 	<ul style="list-style-type: none"> — Способствовать изменению поведения, чтобы клиент мог жить продуктивнее, испытывать удовлетворенность жизнью. — Развивать навыки преодоления трудностей при столкновении с новыми жизненными обстоятельствами и требованиями. — Обеспечить эффективное принятие жизненно важных решений. — Развивать умение завязывать и поддерживать межличностные отношения. — Облегчить реализацию и повышение потенциала личности. — Создать условия для достижения поставленной цели на основе осознанного выбора при разрешении проблем эмоционального и межличностного характера.

Одна из сложностей, с которой встречаются консультанты, работающие в России, заключается в том, что пока не так много руководителей предприятий и организаций обращаются к консультантам для решения внутрифирменных проблем. Это может быть объяснено несколькими причинами [2; 3; 8]:

1. Несформированность профессионального сообщества консультантов, готовых обеспечить качественное решение задач повышения эффективности бизнеса. Недостаточно четко отрефлексированы цели и задачи работы консультанта в организации, предмет его деятельности, технологии, которые им используются, и критерии эффективности, которые могут быть понятны заказчику. Как следствие, не только консультанты затрудняются определить себя в профессии, но и потенциальные заказчики не понимают возможностей внешнего консультирования.

2. Установка руководителя (той или иной степени осознанности) на то, что обращение к консультанту является признаком слабости, профессиональной некомпетентности топ-менеджеров [1]. В нашей культуре принято быть сильным, а значит — все решать и делать самому. Именно поэтому концепции партисипативного (участвующего) управления трудно приживаются в российском бизнесе. Высока степень закрытости руководителей, этому могут быть и объективные причины (сам руководитель — наемный менеджер, а не собственник, а значит, не является самостоятельной фигурой). При обсуждении форм работы консультант часто встречается с сопротивлением руководителей относительно участия в групповых методах обсуждения проблем. Многие склонны занять позицию наблюдателя, а потом сделать «соответствующие» выводы.

3. **Негативный опыт пользования услугами недостаточно профессиональных консультантов**, приводящий к переносу критичного отношения к предложениям других консультантов.

4. **Несформированность цивилизованного рынка в России, когда сверхприбыль может быть получена не за счет оптимизации деятельности организации и ее руководителей, а благодаря таким факторам, как незанятость рыночной ниши, лоббирование интересов через знакомых и др.**

Обозначим важные, с нашей точки зрения, *характеристики, присущие деятельности организационного консультанта*:

1. **Консультант не имеет иных задач, чем обеспечение достижимости задач клиента.** Консультант сосредотачивается на целях своих клиентов. Иначе говоря, цели и задачи консультанта строятся на основе целей, задаваемых клиентом. Другой вопрос — проблематизация целей, которая является обязательным этапом работы консультанта. *Пример из практики*: руководитель крупной промышленной организации приглашает консультантов и ставит задачу для консультантов: «сформируйте активную жизненную позицию работников». После интервью, организационной диагностики, наблюдения за деятельностью топ-менеджеров стало понятно, что в организации не поощряется инициатива и самостоятельность, управление выстроено по жестко вертикальному принципу. В связи с этим встала необходимость

уточнения целей, которые ставят перед консультантом заказчики (сам руководитель, команда менеджеров, средний управленческий уровень и персонал, которые чаще всего являются носителями разных целей). Закономерно перед консультантом встает вопрос, на чьи цели будет ориентирована его работа?

2. **Консультирование является профессией.** Профессиональные консультанты проходят определенный курс обучения. Консультанты состоят членами организаций, в которых формируются профессиональные и этические стандарты. В России только начали создаваться Школы консультантов (Пригожин А.И.). Большинство консультантов не имеют специальной подготовки, а лишь проходят разовые семинары и тренинги для формирования профессиональной компетентности. Среди консультантов немало тех, кто был успешен в бизнесе и ушел в консультирование. Немало психологов, работающих с организациями. То есть состав консультантов и их профессиональный багаж очень разный. Именно поэтому необходима стандартизация этой деятельности, сертификация и создание программ подготовки. *Пример из практики:* строительная фирма обращается к консультанту и ожидает от него квалифицированной помощи в формировании стратегии развития фирмы, повышения ее конкурентоспособности. Три дня на выезде консультант (так он себя назвал) занимался выработкой навыков межличностных коммуникаций в ситуациях игрового взаимодействия. В результате фирма не смогла на семинаре ни проанализировать свою стратегию, ни поработать со своими конкурентными преимуществами и ограничениями.

3. **Принадлежность консультанта к той или иной школе консультирования, как следствие — осознание оснований собственной деятельности.** Сегодня можно говорить о том, что в России начали формироваться школы бизнес-консультирования (В.С. Дудченко, Н.В. Клюева, Ю. Л. Котляревский, А.И. Пригожин, С.Р. Филонович, Л.Н. Цой и др.). Принадлежность к школе — гарантия защиты клиента от некавалифицированного консультанта.

4. **Владение набором технологий консультирования.** Технологию мы определяем как набор взаимосвязанных методов работы с организацией, направленных на решение определенного класса задач. Это могут быть технология организационного развития, игротехнические процедуры, коучинг, ценностное консультирование, исследование действием, инновационная методология, технологии системного и структурно-функционального анализа, сценарный анализ и др. Та или иная технология может модифицироваться в зависимости от задач клиентской организации, особенностей ситуации, возникающей в консультировании, степени присвоения технологии консультантом.

5. Работа консультанта соотносится с существующими парадигмами и подходами. Относительно теорий, объясняющих работу консультанта, пока много неясностей. Подходы, сформированные в западных школах, не всегда могут быть применены в российской действительности. Сегодня мы не можем говорить о сформированных концептуальных основаниях работы консультанта. В частности, работая с организацией, консультант опирается на ту или иную теорию организации. Проводя анализ организационной культуры, также необходимо опираться на те или иные теоретические воззрения. Но на какую теорию опираться? Это вопрос к науке, которая зачастую порождает свою реальность и не направлена на решение реальных задач практики. У научных изданий по менеджменту, организационной психологии свой язык, своя культура описания реальности, основанные на естественнонаучной парадигме к объяснению происходящего. Наука имеет универсальный характер и мало ориентирована на уникальность конкретной организации.

6. Консультирование включает в себя разные специализации. Организация — это система, которая реализует технологическую, кадровую, маркетинговую, рекламную, финансовую, имущественную и другие виды политик. Именно поэтому решение проблем организации сопровождается привлечением консультантов, имеющих специализацию в решении того или иного класса задач. Вопрос командной работы консультантов — отдельная тема для обсуждения. Ясно лишь то, что привлечение в команду разнонаправленных специалистов дает мощный синергетический эффект. В то же время необходима организация специальной работы по организации деятельности этих специалистов. *Пример из практики:* во время проведения инновационного семинара, посвященного разработке и внедрению новой системы управления персоналом, один из консультантов, использовал очень жесткие методы, которые привели к возникновению конфликтов между участниками семинара, между ведущими семинара и заказчиком. Ситуация стала неуправляемой и только присутствие профессионального психолога, специализирующегося на тренингах профессиональных коммуникаций, позволило не разрушить пространство семинара, а даже способствовать тому, чтобы участники семинара получили определенный опыт разрешения затруднений в реальной ситуации.

7. Необходимо осознавать, что работа в консультировании предъявляет особые требования к личности консультанта. Мы считаем, что консультирование — сервисная, обслуживающая профессия, интеллектуальный бизнес. Консультанта можно сравнить с продавцом новых идей и подходов. Консультант — носитель определенных технологий, которые позволяют обеспечить процесс решения значимых организационных проблем. Кроме того, консультант не имеет права быть не успешным не только в профессии, но и в жизни. Способность решать проблемы, умение жить в неопределенности, высочайшая рефлексивность, способность порождать реальность, а не приспосабливаться к ней — это ряд экзистенциальных оснований, на которые может опираться профессиональный консультант. Для просвещенных клиентов не безразлично то, с кем они заключают договор, каков их социальный и профессиональный статус, насколько они состоятельны.

8. Консультант в своей работе должен опираться на моральный кодекс консультанта: никому, нигде не говорить, кого и в чем консультируешь, если это не оговорено специально. Только так можно сохранить доверие клиента.

Литература

1. Братченко С.Л., Ключева Н.В. Экзистенциальный ресурс современного российского бизнеса. Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. — Ростов-на-Дону, 2005. — Вып. 2.
2. Дудченко В.С. Абсолютный консультант или секреты успешного консультирования. — М., 2004.
3. Ключева Н.В. Организационное консультирование: учеб. пособие. — Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2008.
4. Ключева Н.В. Внешний консультант и его роль в развитии организации // Психология XXI столетия. Т. 1 / Под ред. В.В. Козлова. — Ярославль, 2006.
5. Ключева Н.В. Психологическое сопровождение разработки и внедрения систем менеджмента качества // Стандарты и качество. — 2003. — № 6.
6. Ключева Н.В. Обучать или консультировать // Новые знания. Журнал по проблемам образования взрослых. — 2004. — № 1.
7. Карпов А.В. Психология менеджмента: учеб. пособие. — М., 1999.
8. Мелия М. Бизнес — это психология. Психологические координаты жизни современного делового человека. — М., 2005.

244. Ключева Н. В., Солдаткина Г. С.

Ярославль

ВЛИЯНИЕ РАЗДЕЛЯЕМОГО ОБРАЗА БУДУЩЕГО ОРГАНИЗАЦИИ НА ЛОЯЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ

Выполнено при поддержке государственного контракта 02.740.11.0601 ФЦП
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг.

В настоящее время большинство отечественных исследований, касающихся внутреннего мира людей как социальных существ, направлено на изучение механизмов формирования и взаимодействия различных социально-психологических феноменов в сознании представителей как больших, так и малых групп. При этом часто игнорируется описание и анализ самих феноменов как таковых. А между тем именно содержание феноменов как нельзя лучше характеризует личность индивида, позволяет раскрыть специфику отношения человека к окружающему его миру, выявить характеристики, отличающие его реакцию на происходящее от реакции других людей.

Коллективное сознание, коллективные представления редко становятся объектом современных социально-психологических исследований и большая часть из них посвящена общественному сознанию больших групп населения. В настоящее время в науке недостаточно четко определены понятия «коллективный субъект», «коллективное сознание», «коллективные представления», в уточнении этих понятий мало что изменилось со времен К. Юнга.

В организационной практике консультант ежедневно сталкивается с необходимостью создания эффективных групповых представлений и общей корпоративной реальности в связи с различными задачами:

- 1) поддержание лояльности сотрудников к компании и разработка эффективных мотивационных систем;
- 2) создание, эффективная деятельность и взаимодействие команд;
- 3) решение вопросов ротации кадров;
- 4) осуществление карьерного консультирования;
- 5) психологическое сопровождение инновационной деятельности и т. д.

В настоящее время эти вопросы на практике чаще всего решаются с позиций мотивационной теории и различных потребностных моделей, теории и практики командообразования и общего менеджмента организации. Но в процессе решения этих задач возникают препятствия различной степени сложности, от классического сопротивления персонала изменениям до возникновения феномена скрытой текучести кадров, требующие более комплексного и многоуровневого подхода к их решению.

В выполняемом нами диссертационном исследовании мы предлагаем рассмотрение этих и других вопросов с использованием феномена коллективных представлений сотрудников (или их групп) о будущем компании, описав его структуру, а также механизмы порождения смыслов и реальностей коллективных субъектов.

Обратим внимание на то, что в настоящее время в социальной психологии групп и коллективов утверждается субъектный подход. С его позиций малая (контактная) группа рассматривается как единый субъект. Содержание «коллективного субъекта» есть определенное качество коллектива (группы), качество быть субъектом, которое в разной степени характеризует коллективы. В последние годы это качество стало обозначаться «субъективностью», хотя и не получило пока широкого распространения. Следовательно, разные коллективы являются коллективными субъектами в различной степени. В полной же мере быть коллективным субъектом означает быть активным, действующим, интегрированным, т. е. выступающим единым целым, ответственным и т. д. (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Уманский, А.С. Чернышев и др.). Характеризовать коллективный субъект может та или иная совокупность качеств. Данное понимание «коллективного субъекта» недостаточно отрефлексировано социальными психологами, поэтому сложно понять, например, может ли коллектив (группа) не быть субъектом или всякий коллектив есть субъект, но с разной степенью выраженности качества субъективности? Можно ли при этом говорить об уровнях развития субъектности коллектива?

Мы предлагаем определять понятие «групповой субъект» как особое динамическое качество группы, проявляющееся, когда она не только действует как единое целое в значимых социальных ситуациях, осуществляя разные виды активности (деятельность, общение, управление и пр.), но и преобразовывает их (т. е. ситуации) и саму себя, сознавая при этом, что именно она является источником этих действий и преобразований.

В.С. Дудченко основной функцией сознания называет онтологический синтез (синтез реальности из материала мира при помощи освоенных образцов и программ, составляющих основное содержание культуры). «Развитие человека, группы, организации происходит в процессе коммуникационного взаимодействия: оно имеет принципиально социальный характер» (Дудченко В.С., 2007). Сложность осуществления собственно взаимодействия в реальной жизни состоит в том, что в коммуникацию вступают не отдельные субъекты, а разные реальности или миры. В соответствии с базовыми положениями методологии онтосинтеза, групповой субъект (управленческая команда и персонал организации) преобразует свои нормы, образцы и программы (групповое сознание), в результате чего неизбежно возникает новая групповая реальность. В модели саморазвития группы, коллективный субъект, имеющий свои представления о том, какой она должна быть и как она должна действовать, проецирует эти представления на существующую групповую реальность, изменяя ее.

Одной из теоретических целей нашего исследования является раскрытие и описание понятия субъектности («авторства») применительно к группе.

В выполняемом нами диссертационном исследовании мы основываемся на следующих принципах психодиагностики группового субъекта.

1. Принцип контекстности. Групповой субъект должен быть рассмотрен с учетом тех социально-психологических контекстов, в которые он включен. В работе мы предлагаем, как минимум, пять уровней

существования группового субъекта: *культурный, организационный, субкультурный, ситуационный и индивидуальный.*

2. Принцип полидетерминированности изучаемого социально-психологического феномена.
3. Принцип методологической определенности исследования.
4. Принцип переориентации на изучение реальных групп, живущих и действующих в естественных условиях.
5. Принцип практической полезности: исследование должно носить развивающий характер для исследуемого субъекта (предмета исследования).

Одним из важнейших признаков субъектности группы является осознанное преобразование (ситуации, себя), для осуществления которого необходим разделяемый членами группы образ будущего. В контексте индивидуального бытия проблема жизненного пути личности, жизненных целей и индивидуального образа будущего рассматривалась во многих теоретических концепциях. В основу работы нами были положены следующие идеи зарубежных авторов: определяющая роль жизненных целей в формировании жизненного пути в концепции А. Адлера; воля к смыслу как основная мотивирующая сила человека в работах В. Франкла; концепция становления идентичности Э. Эриксона; теория тематического структурирования личности Х. Томе; О. Вейнингер: жизнь как проект; жизненный путь в исследованиях Ш. Бюлер; образ будущего как детерминанта настоящего в экзистенциальной психологии.

В отечественной психологии сложилось целое направление — «психология жизненного пути», к которому можно отнести: С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, К.А. Абульханову-Славскую, Н.А. Логинovu, Л.В. Сохань, Е.И. Головаху, А.А. Кроника, В.Н. Дружинина и других.

Что же касается контекста коллективного бытия, подобного рода исследований образа будущего в настоящее время не встречается. Образ будущего организации традиционно рассматривается в контексте общей теории менеджмента организации и тесно связан с понятиями миссии и стратегии развития. Мы же предлагаем обратиться к рассмотрению образа будущего организации как к социально-психологическому феномену, имеющему своего носителя, структуру, функции и динамику.

Целью нашей работы является описание структуры и динамики этого феномена, а также изучение его взаимосвязи с другими организационными феноменами.

Гипотезы исследования:

1. Разделяемый образ будущего является одним из факторов лояльности сотрудников к организации.
2. Разделяемый образ будущего организации является фактором, способствующим управлению организационными процессами.
3. Возможно выделение типологии профессионального поведения сотрудников в зависимости от степени принятия ими образа будущего организации.

Ведущую роль в процессах воздействия на корпоративную культуру играют организационные коммуникации. Они обеспечивают систему социальных представлений членов организации, осмысление окружающих социальных объектов и ситуаций, что приводит к построению целостного образа организационного мира и выражается в едином видении членов данной социальной общности. Способ видения мира обуславливается широким социально-психологическим контекстом и важно понять, как эти образы влияют на стиль организационного поведения персонала.

Практическими целями проводимого исследования мы видим выделение типологии профессионального поведения сотрудников в зависимости от степени принятия и разделения ими образа будущего организации; разработку методических рекомендаций для топ-менеджеров по технологиям порождения управляемого образа будущего; разработку метода определения некоторого «индекса лояльности» сотрудника компании.

245. ШЕПЕЛЕВ Н. О.

Кострома

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Проблема управления персоналом находится на стыке менеджмента, экономики и социальной психологии, но именно массовая просветительская работа в сфере психологических знаний, психология управления персоналом помогает управлять персоналом в условиях кризиса. Психология управления получила свое первоначальное развитие лишь в 60—80-х годах XX века, благодаря усилиям Б.Ф. Ломова, А.В. Филиппова, Е.С. Кузьмина, Л.И. Уманского, В.В. Новикова, А.Л. Свенцицкого, Б.Д. Парыгина, А.Л. Журавлева и др. Преодолению сложностей на пути сближения и взаимообогащения экономики и психологии в рамках управления персоналом способствуют процесс трансформации общественной жизни России, интеграция экономистов и психологов под влиянием рыночных отношений.

Сегодня в случае несостоятельности предприятия и переживания им кризиса обычно основное внимание уделяется финансовым и правовым механизмам, используемым в рамках антикризисного управления. В отношении персонала, как правило, проводится единственное мероприятие — сокращение штата с целью уменьшения затрат на персонал. Однако все признают ценность и важность собственно человеческого ресурса и значимость его вклада в успех деятельности организации. С другой стороны, практика показывает, что часто, когда организация находится в тяжелых условиях финансовой нестабильности, вопросы управления персоналом в системе приоритетов выбора действующих антикризисных механизмов уходят на последние места. В особенности страдают вопросы контроля за системой управления персоналом. Подавляющее большинство современных руководителей поняли и приняли сегодняшнюю стратегию выживания. В ней ярко прослеживаются два подхода, соотношение которых, на первый взгляд противоречит друг другу. Первый подход — адаптация к новым условиям, которая предусматривает стабилизацию и сохранение всего лучшего, что есть на предприятии; и второй подход — наличие резервов «развития», т. е. готовности и желания к необходимым изменениям. Только те трудовые коллективы и их руководители смогли встать на ноги в сложных рыночных условиях, которые не только сохранили все лучшее, что было, но и в оперативном порядке создали и включили в долгосрочную перспективу свои собственные резервы развития.

Высокая квалификация, профессиональная гибкость и адаптационная способность работников становится основой их социальной защищенности. Как показали исследования, процесс развития служб персонала имеет все же поступательный характер, несмотря на то, что на многих предприятиях кадровая политика не соответствует стратегии рыночных реформ. Существенных успехов достигли те, кто полностью окупился в рыночных условиях, рассчитывает на свои силы и в финансовом отношении чувствует себя независимым от государственного бюджета.

Постоянные перемены в политической, экономической и социальной жизни общества вынуждают отделы кадров изменять свою работу. Эти изменения выглядят как решения кадровыми службами проблем организации. Если упал спрос на продукцию предприятия или предприятие снижает свою конкурентоспособность на рынке, то это кадровая проблема, так как эти проблемы решают конкретные люди, и они не способны решать поставленные задачи из-за отсутствия необходимого опыта и знаний или их труд недостаточно мотивирован. Эти проблемы, как принято, решают либо заменой, либо усилением подготовки специалиста путем повышения квалификации. В рыночных условиях кадровая служба при содействии и заинтересованности руководства предприятия должна последовательно проводить политику, направленную как на улучшение качественного состава персонала, так и на совершенствование своей работы. К сожалению, многие организации и, прежде всего, их руководители недооценивают значение кадровой службы, и это — одна из главных причин нахождения их в кризисном состоянии.

Во многих кадровых службах работают грамотные специалисты и прекрасные люди, но они не имеют необходимой подготовки для работы с персоналом в рыночных условиях, не имеют достаточной поддержки со стороны руководства для необходимых изменений в кадровой работе. Поэтому мы вынуждены признать, что, несмотря на понимание важности проблемы кадрового реформирования отдельными руководителями, многие кадровые службы работают по-старому, не внося в свою деятельность никаких перемен. Кадровые службы не выполняют многие функции, и в силу этого их работа в большинстве организаций не соответствует потребностям новых экономических отношений. Они в основном занимаются

оформлением, регистрацией трудовых отношений, не занимаясь управлением. За сферой их интересов остались такие вопросы, как планирование трудовых ресурсов, подготовка руководителей всех звеньев, льготы и привилегии работников, оценка их трудовой деятельности и многие другие, которые существенно влияют на конечный результат работы в целом предприятия или организации. Руководство зачастую бросалось в сторону поддержки тех своих подразделений, которые напрямую влияли на получение прибыли, и только потом стало осознавать, что служба персонала, не имеющая отношения к «деланию денег», имеет огромное значение, так как ее основная задача — подбирать людей, способных совершенствовать их качества и создавать им условия для заинтересованности в конечном результате.

Любая организация может достичь своих высоких целей и больших прибылей при наличии неременного условия, если у нее есть специалисты, способные решать эти задачи.

246. Дырин С. П.
Набережные Челны

КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Проблема качества управления персоналом имеет традиционно актуальный характер и обсуждается с момента ввода этого термина в научный оборот.

В настоящий момент в социологии управления не существует терминологического единства относительно деятельности, называемой «управление персоналом». Однако, несмотря на известные терминологические различия, сущность управления персоналом в целом определяется авторами достаточно сходно, и сходство это прежде всего в том, что работники рассматриваются преимущественно как ресурс, необходимый в деятельности предприятия, а качество управления персоналом рассматривается через показатели эффективного использования соответствующих ресурсов. При этом весьма распространенной ошибкой является игнорирование того факта, что приход работника на предприятие, как правило, обусловлен сугубо личными мотивами, а отнюдь не заботой о процветании предприятия и его экономических показателях. Таким образом, управление персоналом изначально сталкивается с противоречием интересов предприятия как такового и интересов его отдельных работников.

Определяя критерии качества управления персоналом, необходимо разобраться с содержанием самого термина «персонал». Многие авторы применяют термин «кадры», рассматривая его в качестве синонима термину «персонал». На наш взгляд, подобный подход неправомерен, поскольку понятие «персонал» существенно шире понятия «кадры».

С нашей точки зрения, понятие «персонал» необходимо рассматривать через призму пяти основных проекций (рис. 1).

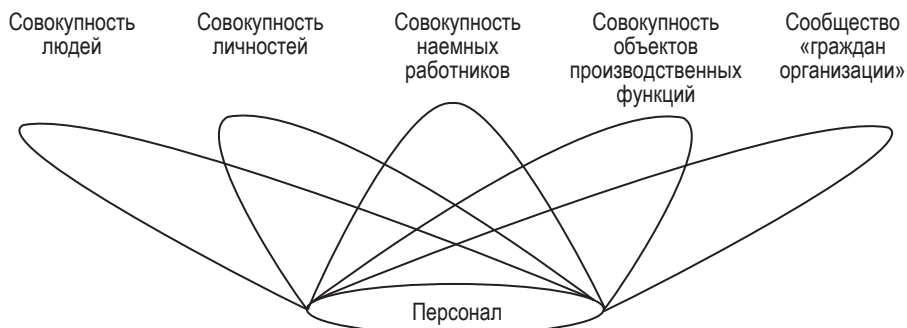

Рис. 1. Многофокусная схема понятия «персонал»

Исходя из предложенной нами многофокусной схемы понятия «персонал», можно выделить следующие группы критериев качества управления персоналом:

1. Социально-бытовые критерии качества УП.
  2. Социально-психологические критерии качества УП.
  3. Экономические критерии качества УП.
  4. Кадровые критерии качества УП.
  5. Критерии эффективности формирования и поддержания корпоративной культуры.
- Рассмотрим эти критерии более подробно.

Социально-бытовые критерии качества управления персоналом.

Как человек работник предъявляет к организации, где он работает, ряд требований, которые можно рассматривать в качестве социально-бытовых показателей качества управления персоналом: качественное питание; оптимальные психофизиологические условия труда (уровень освещенности, загазованности, запыленности, шума, температура в рабочем помещении и т. п.); условия доставки от дома на работу и обратно; режим труда; возможности отдыха; оптимальный уровень физической и интеллектуальной напряженности труда; функциональное удобство рабочего места; санитарное состояние рабочих помещений; гарантии компенсации в случае заболевания; безопасность труда.

В свою очередь предприятие, относясь к работнику как к человеку, выделяет следующие социально-бытовые критерии качества управления персоналом: психофизиологические возможности работника выполнять предписанные ему задачи; минимальный размер затрат, связанных с заболеваниями работника.

Социально-психологические критерии качества управления персоналом.

Очевидно, что всякий работник имеет множество личностных целей и интересов, часть из которых реализуется, в том числе, и в пределах предприятия. Можно выделить следующие важнейшие требования работника *как личности*, которые он предъявляет к предприятию и которые рассматривает как показатели качества управления персоналом: содержание труда, разнообразие выполняемых трудовых операций; благожелательные социально-психологические отношения в коллективе; уверенность в завтрашнем дне; социальная полезность выполняемой работы; возможности профессионального и должностного роста в процессе трудовой деятельности; высокий статус своей организации с точки зрения внешней среды; высокий статус своего рабочего места; высокий личный статус работника в организации.

Со стороны предприятия к работнику как личности предъявляются следующие требования: соблюдение работником этических норм горизонтального и вертикального взаимодействия; наличие ориентации на личностное совершенствование; социальный оптимизм.

Экономические критерии качества управления персоналом.

Являясь *субъектом экономических отношений* с предприятием, работник определяет качество управления персоналом прежде всего через наличие взаимосвязи между количеством и качеством его труда и размером вознаграждения; наличие возможности влиять на экономическую политику предприятия; определенный уровень информированности об экономическом состоянии предприятия. С точки зрения предприятия работник должен быть заинтересован в требующихся от него количестве и качестве труда и заинтересован, прежде всего, экономически. С другой стороны, рассматривая работника как работающего по найму, организация оценивает качество управления персоналом через уровень личной заинтересованности работника в экономическом благосостоянии предприятия.

Кадровые критерии качества управления персоналом.

Работник, вступая в производственные отношения с организацией, интересы которой представляет работодатель, приобретает в результате этого определенные производственные функции, права и обязанности. В качестве *субъекта производственных функций* работник предъявляет к качеству управления персоналом в организации следующие требования: наличие функциональных задач, реализация которых предписывается именно этому рабочему месту; соответствие характера и объема должностных обязанностей характеру и объему должностных прав; наличие в своем распоряжении

соответствующих ресурсов, необходимых для осуществления данной трудовой деятельности; качество и состояние имеющихся в распоряжении работника материально-технических, энергетических и иных ресурсов; наличие технологических процессов выполняемой работы; степень соответствия технологической документации реальным процессам трудовой деятельности; наличие справочно-информационной документации; оптимальность структурно-функциональной схемы, в которую включен данный работник.

С точки зрения руководства предприятия, работник как субъект производственных функций должен обладать ключевой характеристикой: он должен уметь выполнять предписанную ему работу, то есть обладать соответствующей квалификацией.

Критерии эффективности формирования и поддержания корпоративной культуры.

К.В. Харский отмечает, что «важнейшим качеством персонала должна рассматриваться его лояльность, которую он определяет как осознанное соблюдение принятых правил, и соответствующая требовательность к другим» [3, С. 423]. М.А. Магура считает, что «только патриоты, только люди, преданные своей организации, приверженные ее целям, готовы без остатка отдавать ей все свои способности, все свои силы» [2, С. 24].

Работник как «гражданин организации» в качестве показателей качества управления персоналом рассматривает:

- а) наличие у предприятия отчетливо оформленной миссии, целей и стратегии дальнейшего развития;
- б) наличие у руководства программы по формированию и поддержанию на предприятии соответствующей корпоративной культуры.

Руководству же предприятия, в первую очередь, необходимо, чтобы персонал в большинстве своем понимал и принимал организационные ценности, лежащие в основе корпоративной культуры предприятия.

Таким образом, деятельность персонала на предприятии есть сложное взаимодействие работников, обладающих определенными психофизиологическими, социально-психологическими, экономическими и профессиональными характеристиками, и предприятия, которое, в свою очередь, одновременно является технологической машиной, социальной системой и единицей в мировом разделении труда. В конечном счете, *качество управления персоналом определяется тем, насколько обеспечен баланс интересов самого персонала и интересов собственно предприятия, носителями которых выступают собственники и высший менеджмент предприятия.*

Предложенный набор критериев качества управления персоналом использован нами в Методике оценки качества управления персоналом на предприятии, получившей применение в консалтинговой деятельности.

Литература

1. Дырин С.П. Управление персоналом: многовариантный характер современной российской практики. — СПб., 2008.
2. Магура М.А. Организационная культура как средство успешной реализации организационных изменений // Управление персоналом. — 2002. — № 1. — С. 24—29.
3. Харский К.В. Надежность и лояльность персонала. — СПб., 2003.

247. Сурова А. В.

Орел

ОБ АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ОРГАНИЗАЦИИ

В настоящее время управление адаптацией новых сотрудников в коллективе — одна из важнейших задач, которую приходится решать службе персонала. Недостаточное внимание службы персонала к созданию

эффективного механизма адаптации сотрудников может повлечь за собой недовольство работника организацией, уменьшение производительности труда, уход из компании. В этом случае эффективность мероприятий по комплектованию организации персоналом снижается, что приводит к тому, что эффективность деятельности организации в целом может упасть. В результате разработки модели адаптации как инструмента управления, ее внедрения и грамотного управления в организации возможно получение значимых результатов, которые разделяют на субъективные и объективные. К объективным результатам относятся: снижение издержек по поиску нового персонала; снижение количества увольнений сотрудников, проходящих испытательный срок как по инициативе администрации компании, так и по желанию самого сотрудника; сокращение времени, которое необходимо, чтобы деятельность каждого отдельного сотрудника начала влиять на конкурентоспособность организации; уменьшение временных затрат других людей на адаптацию новых сотрудников, что, в свою очередь, позволит направить высвободившееся время на выполнение непосредственных обязанностей. Субъективные: улучшение организационного климата в компании; формирование лояльности у сотрудника с первых дней его работы в организации, тем самым создание стимулов и желания работать в организации длительное время; удовлетворенность работой и компанией в целом.

Если в результате процесса адаптации организация в короткие сроки получает мотивированных сотрудников, работающих не только в соответствии со своими личными целями, но и с организационными задачами, то можно говорить о том, что механизм адаптации правильно разработан, внедрен, управляем и, следовательно, эффективен.

Таким образом, новый сотрудник становится ресурсом компании уже на начальном этапе работы, и его деятельность начинает позитивно влиять на конкурентные преимущества организации.

Практическая значимость исследования адаптации персонала к новым условиям организации бесспорна, но требует учета специфики российских компаний, особенностей внешней среды российского бизнеса, а также доказательства влияния адаптации нового персонала на организационную эффективность. Разработки ученых и практиков за последние двадцать лет показывают, что процесс адаптации включает в себя несколько аспектов, то есть адаптация не ограничивается только психологической комфортностью человека. Кроме этого, попытка многих исследователей выделить показатели эффективности процесса адаптации является важным шагом при анализе производительности труда.

По нашему мнению, современная ситуация требует детальной разработки показателей эффективности на каждом этапе процесса адаптации, что предполагает не только выделение соответствующих критериев, но и разработку специального инструментария исследования показателей эффективности и методики их расчета. Отсутствие модели управления адаптацией персонала с точки зрения экономической эффективности, предполагающей выделение показателей эффективности процесса адаптации на каждом этапе, а также ее влияния на общеорганизационную эффективность, поставило исследование такого рода в ряд наиболее важных и актуальных для современных организаций.

248. Дубовицкая Т. Д.
Стерлитамак

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МАРКЕТИНГОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Среди разнообразных видов мышления, развиваемых у будущего специалиста в процессе его профессиональной подготовки, особую актуальность в условиях рынка приобретает маркетинговое мышление. Президент компании Mekka Consulting, член Американской маркетинговой ассоциации А.П. Рельев дает следующее определение маркетингового мышления: «Это привычка и умение буквально ко всему в бизнесе относиться с точки зрения Клиента, умение думать и чувствовать за Клиента и принимать творческие решения, удовлетворяющие потребности Клиента лучше, чем это делают конкуренты» [1]. Несомненно, такое определение достаточно содержательно раскрывает сущность маркетингового мышления на эмпирическом уровне и пригодно в практической деятельности маркетологов и прочих специалистов для определения направлений и содержания их деятельности по обеспечению высоких продаж. Но в то же время опора на такое определение является затруднительной в процессе профессиональной подготовки для обеспечения

формирования данного вида мышления будущих специалистов. В этой связи необходимо выявление собственно психологических составляющих маркетингового мышления и его механизмов.

Исходя из понимания сущности маркетинга (как процесса удовлетворения потребностей клиента с выгодой для себя) и мышления (как познавательного процесса), можно дать следующее определение: *маркетинговое мышление — тип мышления, проявляющийся в ситуации экономического взаимодействия субъектов, заключающийся в выявлении и анализе потребностей клиента и построении на их основе стратегии и тактики собственных действий, в том числе и способов влияния на клиента, с целью обеспечения востребованности предлагаемых ему товаров и услуг.*

Рассмотрим более подробно данное определение. Маркетинговое мышление, хотя и соотносится в своем предметном аспекте с конкретным видом профессиональной деятельности (маркетолог), на самом деле выходит далеко за рамки узкой профессии и имеет отношение практически ко всем категориям специалистов, а также к рядовым гражданам. Главным условием его проявления является ситуация вступления субъектов в товарно-денежные отношения, когда один из них выступает как клиент, а другой как лицо, предлагающее какой-то товар (услугу), который может быть приобретен клиентом за определенную плату.

Маркетинговое мышление направлено на выявление и анализ потребностей клиента. Для этого специалист должен быть знаком с различными классификациями потребностей, которых на сегодняшний день существует несколько десятков, и методами их выявления. Соответственно, необходимо уметь соотносить различные потребности друг с другом, выстраивать их иерархию, группировать. Например, исследователи говорят об актуальных, базовых, доминирующих и т. п. потребностях. Потребности клиента могут прогнозироваться, исходя из имеющихся у специалиста знаний и опыта. Таким образом, здесь на первый план выступают классические мыслительные операции (анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация).

Специалисту важно обладать внутренней готовностью не только к анализу потребностей клиента и выявлению того, в чем именно он нуждается и что хочет, но прежде всего готовностью/установкой к построению стратегии и тактики собственных действий, исходя из потребностей клиента. Мышление в данном случае обуславливает постановку целей, выбор способов и средств их достижения.

Что касается предлагаемых товаров и услуг, то можно находить/создавать именно те из них, в которых клиент нуждается, на которые есть запрос. Или же помочь клиенту увидеть в имеющихся в наличии (предлагаемых) товарах и услугах те стороны и характеристики, которые будут привлекательны для него. В этой связи важную роль играют различные способы влияния на клиента с целью побудить его приобрести тот или иной товар, воспользоваться услугой. При этом чем привлекательнее товар/услуга для клиента, тем более высокую цену он может заплатить.

Влияние на клиента осуществляется прежде всего в ходе взаимодействия с ним в процессе прямого или опосредованного общения. В последнем случае используются средства массовой информации, а также другие люди, мнение которых будет значимо для клиента. В процессе общения с клиентом соответственно актуализируются все стороны общения: коммуникативная, перцептивная, интерактивная. В этой связи необходимо уметь предотвращать коммуникативные барьеры, хорошо владеть речью, читать невербальные сигналы клиента. В общении с клиентом специфическим образом проявляют себя механизмы социальной перцепции: идентификация, эмпатия, рефлексия, аттракция. Бесконфликтное взаимодействие предполагает проявление позитивного принятия, эмпатии, конгруэнтности в общении с клиентом, ориентацию на сотрудничество с ним в противовес противостоянию и избеганию.

Что касается востребованности предлагаемых клиенту товаров и услуг, то, в конечном итоге, речь идет о востребованности и ценности личности самого специалиста. Понимая потребности и запросы конкретных людей и общества в целом, специалист (как, впрочем, и любой человек, предлагающий свои услуги или товар) с развитым маркетинговым мышлением знает, в каком направлении ему самому необходимо развиваться и совершенствоваться, чтобы быть востребованным. Это придаст ему ощущение собственной значимости, уверенность в завтрашнем дне, обеспечит ему удовлетворенность собой, душевное равновесие, что немаловажно для поддержания здоровья, ощущения полноты и радости жизни. Таким образом, актуальность развития маркетингового мышления у будущего специалиста состоит в том, что в условиях высокой конкуренции на рынке оно обеспечивает востребованность не только предлагаемых специалистом товаров и услуг (в узком смысле), но и своей личности — в совокупности всех ее компетенций (в широком смысле).

Литература

1. Репьев А.П. Маркетинговое мышление и маркетинговый аудит. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.iteam.ru/publications/marketing/section_49/article_1809/.

249.   **АНДРЕЕВ К. О.**
Балашов

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СОЗДАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ

Уже давно прошли те времена, когда рекламная продукция представляла собой лишь определенную информацию о рекламируемом товаре, предлагая потребителю какой-то объем знаний с расчетом на то, что этих знаний будет достаточно, чтобы убедить человека последовать рекламному призыву. Развитие рыночных отношений, непрекращающийся рост конкуренции во все больших сферах, представленных на поле этих отношений, заставил пойти дальше и искать новые способы убедить и оказать воздействие на потребителя. Результатом этого поиска стало основательное обращение к психологии. Интеграция рекламных устремлений с психологическими технологиями привела к формированию и развитию психологических приемов рекламного воздействия.

Сегодня уже трудно найти какой-то рекламный продукт, который бы создавался без учета принципов психологического воздействия на потребителя. Огромное количество ресурсов (кадров, времени, финансов) затрачивается на то, чтобы разработать и воплотить в жизнь стратегию психологического воздействия. Именно для этого выбирается целевая аудитория. Определившись с ней, рекламисты приступают к изучению особенностей ее восприятия, чтобы знать, какие приемы воздействия по отношению к данной группе наиболее эффективны. Именно для этого продумываются и создаются бренды, разрабатываются креативные слоганы, выбирается фирменная цветовая гамма и т. д. Все это имеет одну главную цель — сделать рекламное послание максимально эффективным посредством психологической подстройки под потребителя и оказания на него адресного воздействия.

Целью любой рекламы, в конечном счете, являются определенные изменения в человеке — либо в его поведении, либо в его мышлении. Глубина ожидаемых изменений напрямую зависит от глубины восприятия потребителем рекламного продукта. На восприятие человеком рекламы примерно в равной степени оказывают влияние внешние и внутренние факторы.

Внешние факторы — это все то, что окружает нас непосредственно в данный момент. Это может быть музыка, которая сейчас играет, погодные условия (температура воздуха, осадки), люди, находящиеся рядом с нами в это время и т. д. Внутренние факторы — это то, что в этот же самый момент находится внутри нас. Состояние здоровья, религиозные убеждения, стереотипы мышления, взгляды, имеющийся опыт и т. п. Динамическое соотношение этих факторов вызывает в сознании медиапотребителя определенный психологический настрой, который, в конечном итоге, выражается в эмоциональных и поведенческих реакциях на рекламный продукт.

Таким образом, создатели рекламных продуктов стремятся как можно точнее представлять себе те факторы, которые могут оказать влияние на потребителя, и выстроить рекламную стратегию с учетом этих факторов. Чем яснее они будут осознавать внутренние и внешние данности, тем более эффективным будет их продукт. Для оказания действенного психологического воздействия специалисты по рекламе особенно внимательно относятся к таким ее характеристикам, как способность привлечь внимание и содержание рекламного обращения. Первая прорубает путь, а вторая утверждает результат. Рассмотрим их по порядку.

Желая оказать на человека определенное воздействие, рекламисты прежде всего думают о том, как привлечь его внимание. Привлечение внимания — это первое звено в цепи механизма психологического воздействия рекламы. Внимание служит неким фильтром, который отсеивает всю ненужную информацию. Избирательный характер внимания защищает психику от перегрузок непрекращающимся

потоком информации. И задача номер один для рекламного послания — пройти это испытание и сохранить взгляд потребителя на себе.

Внимание обладает двумя показателями, которые могут свидетельствовать об успехе или неудаче в его привлечении. Это объем внимания и его устойчивость. Как известно, взрослый человек и подросток способны одновременно охватить своим вниманием разное количество объектов. И чем меньшее их количество предлагается потребителю, тем более концентрированного, а соответственно и глубокого внимания стоит от него ожидать. Об устойчивости же напрямую свидетельствует объем времени, в течение которого удавалось удержать интенсивность внимания.

В зависимости от цели рекламы и интереса, который удалось вызвать к поднятой теме, внимание можно подразделить на два вида.

Первым является произвольное внимание. Привлечение его к рекламному продукту порождается лишь его внешним видом или свойствами, выступающими в роли раздражителя: динамичность, интенсивность, контрастность, размер.

Произвольное внимание к рекламе очень быстро иссякает, если оно не закрепляется другим видом внимания — произвольным. Которое, в свою очередь, является сознательно направляемым и регулируемым. Фундаментом психологического механизма формирования произвольного внимания к рекламе являются интересы практического или эстетического характера. Целенаправленность произвольного внимания — это ключевое условие эффективного психологического воздействия.

Перевод произвольного внимания в произвольное — это одна из важных задач, которую ставят перед собой специалисты по рекламе. Для ее реализации разрабатываются специальные методы и приемы, основанные на принципах психологии восприятия.

Рекламный продукт, который успешно привлек целенаправленное произвольное внимание, не окажется эффективным психологическим воздействием, если не будет обладать еще одной характеристикой — действенным содержанием. Содержание рекламного обращения — основа рекламы, непосредственно воздействующая на мнение и поведение человека. В конечном итоге, потребитель либо принимает, либо отвергает именно содержание.

Ключевым условием успешности рекламного послания является учет особенностей психических процессов человека. В частности, непосредственно выражающийся в применении методов внушения и убеждения.

Внушение — это метод воздействия, ориентированный на некритическое восприятие сообщений, в которых что-то утверждается или отрицается без опоры на доказательства. Внушение основано на способности людей принимать информацию, основанную не на доказательствах, а на неоспоримой достоверности источников.

Метод убеждения является более объективным методом формирования общественного мнения через каналы массовой коммуникации и представляет собой обращение к рациональным моментам в мышлении потребителя. Убеждение — это форма прямого донесения мысли, рассчитанного на логическое восприятие, подтвержденного фактами и доказательствами.

Разрабатывая методы внушения и убеждения применительно к конкретному рекламному проекту, рекламисты стараются учитывать особенности восприятия потребителей. Восприятие рекламы представляет собой сложный процесс анализа и синтеза. Его особенность заключается в целостности: хотя реклама и представляет собой комплексный раздражитель, тем не менее она воспринимается сознанием как единое целое.

Однако восприятие рекламы имеет и свои пределы. Оно находится в зависимости от особенностей механизма нервной системы человека. Нарушение временного лимита и так называемая «забычивость информации» — яркие примеры физических пределов осознанного понимания.

Таким образом, психологическое воздействие современным рекламным продуктом может быть оказано только при условии серьезного отношения его создателей к особенностям восприятия потребителей и тем факторам, которые оказывают влияние на это восприятие.

250. Пилишина А. В.

Ульяновск

**СОЦИАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
В РЕКЛАМЕ БЕЗАЛКОГОЛЬНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ НАПИТКОВ**

Жизнь современного человека немислима без рекламного фона, который становится все более очевидным и более активным. Реклама, проникающая во все сферы общества, в настоящее время активно воздействует на его социальные институты и оказывает значительное влияние на социальное поведение живущих в нем людей.

Реклама по праву может считаться одной из наиболее агрессивных технологий воздействия на современную молодежь. Порой в погоне за достижением сильного эффекта, за стремлением привлечь внимание к рекламной продукции при создании нереального, шокирующего, необычного автор переходит границы информационной безопасности, подвергая опасности психическое здоровье человека, нарушая его душевный покой, вызывая беспокойство.

Почему мы в своем исследовании останавливаем внимание на телевизионной рекламе безалкогольных энергетических напитков? Во-первых, потому что в настоящее время энергетические напитки пользуются большим спросом среди молодежи. Они стали настоящим спасением для студентов в период подготовки к экзаменам, школьников, не успевающих сдать работу в срок, и завсегдатаев ночных клубов... одним словом, для всех, кто устал, но должен чувствовать себя бодрым и полным энергии. Во-вторых, потому что по силе эффекта привлекательности именно демонстрация напитков занимает значительные позиции в современной рекламе. И это находит свое отражение в выпуске большинства рекламной продукции, пользующейся большим спросом.

В нашем исследовании мы обратили внимание на влияние рекламных роликов безалкогольных энергетических напитков на формирование социальных представлений молодежи. Мы использовали метод психосемантического шкалирования Осгуда, который был модифицирован. Респонденты оценивали рекламный ролик по 15 биполярным шкалам, полюса которых задавались прилагательными — антонимами, описывающими особенности рекламного сообщения: его динамическую, физическую и эмоциональную характеристики.

В качестве предмета нашего исследования было выбрано восприятие тинэйджерами в возрасте 13—19 лет рекламных роликов безалкогольных газированных и энергетических напитков. Исследование проходило в г. Ульяновске, в нем приняли участие 42 человека.

На первом этапе исследования респондентам демонстрировали образцы напитков и просили оценить их по предложенным шкалам. На втором этапе исследования респондентов просили представить себе образ реальной и идеальной рекламы и оценить ее аналогичным образом. Данные шкалирования подвергались комплексной математической обработке.

Сравнивая профили школьников и студентов после просмотра роликов напитков, можно увидеть, что максимальное положительное значение получено по шкалам «агрессивный», «энергичный», «напряженный», «пробивной». Нам удалось установить различия в восприятии напитков разными возрастными группами, мы выявили аффективный компонент (беспокойные эмоциональные реакции). Что же касается идеальных роликов, то студенты (63 %) наибольшее предпочтение отдали «радостным», «красивым», «энергичным», «приятным» роликам, а школьники (59 %) — «оригинальным», «напряженным» и «агрессивным». Сопоставляя данные по реальным и идеальным роликам, мы видим, что основные показатели у школьников в целом совпадают и несут негативную оценку. Высокие значения по выбранным шкалам свидетельствуют об импульсивности, тревожности и силе воздействия рекламных роликов. Таким образом, определение идеального ролика направило нас к желаемым представлениям молодежи относительно рекламы, проведенное исследование свидетельствует о том, что семантический дифференциал дает достаточно объективную картину восприятия напитков молодежью. Мы пришли к выводу, что покупка напитков обусловлена моделями поведения, которые отражают внутренние установки человека. Если брать за основу классификацию, предложенную Б. Гантером, то тинэйджеров в силу их возрастных особенностей, можно отнести к типу «независимых», они отличаются импульсивностью и непредсказуемостью и типу «подражатели», именно они являются жертвами рекламы, полностью доверяют ей, слепо следуют ее советам. Рекламисты давно уже поняли, что возраст — важный фактор, лежащий в основе

многих моделей покупательского поведения, именно поэтому они активно используют его в своих «кортых» целях.

Полученные выводы, сделанные на основе этих данных, нельзя распространять на всех молодых людей этого возраста, но они, несомненно, представляют определенный интерес с точки зрения восприятия рекламы современной российской молодежи.

251. АНИКЕЕНОК О. А.
Казань

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ВЗРОСЛЫХ РАБОТАЮЩИХ ЛЮДЕЙ

Когда человек с нормальным развитием достигает определенного возраста и находится в обществе, у него появляется чувство справедливости. Чувство справедливости как реакция на ситуацию взаимодействия возникает у человека в его развитии много раньше, чем представление о справедливости при оценке ситуации в качестве стороннего наблюдателя. Последнее является при наличии определенных интеллектуальных возможностей, связанных с развитием мыслительных операций.

Чувство справедливости — не только результат аффективной реакции на социальную ситуацию, но и результат когнитивной переработки информации. Без нее (а чаще всего она происходит на интуитивном уровне (бессознательном)) невозможна аффективная реакция. С возрастом, кроме интуитивного уровня в оценке ситуаций, появляется способность обдуманных суждений, которые возникают при размышлениях о вещах справедливых и несправедливых. Появляется способность рационально обосновывать эти суждения, «...более того, обычно мы имеем некоторое желание действовать согласно этим провозглашенным убеждениям и ожидаем того же от других» [3, С. 53].

В нашем исследовании мы предприняли попытку сравнить представления о дистрибутивной справедливости (справедливости распределения) студентов и взрослых. Для решения этой задачи использовалась специальная методика, построенная по принципу репертуарных решеток, предложенная в работах Б.С. Алишева и О.А. Анিকেенок [1; 2]. Она представляла собой матрицу, в столбцах которой размещены 16 ситуаций, связанных с распределением, а в 16 строках указаны принципы распределения материальных благ, которым может следовать человек. Задача респондентов состояла в том, чтобы для каждой ситуации определить несколько приемлемых принципов справедливого распределения материальных благ. И ситуации, и принципы подбирались с учетом ряда требований. Ситуации распределения предполагали распределение денег, льгот, затрат и др. в разных масштабах. Они также были заранее сгруппированы по трем основаниям: 1) по источнику распределяемых ресурсов; 2) в половине ситуаций респондент мог распределять, но не мог ничего получить сам; 3) половина описаний подразумевала наличие вклада участников ситуации в образование распределяемых ресурсов.

Принципы в каждой матрице формулировались на основе существующих разработок в психологии и описывали, по крайней мере, все основное из возможных подходов, на которые мог бы опираться человек в реальной ситуации. Задача испытуемых состояла в том, чтобы для каждой ситуации определить не более 3 приемлемых принципов справедливого решения.

Исследовались две группы респондентов: студенты вуз (450 человек) и работающие взрослые лица с высшим образованием (108 человека).

Гипотетически предполагалось, что представления о справедливости распределения материальных благ у представителей различных групп имеют существенные различия и сходства, которые обусловлены культурой и приобретенным опытом.

Для анализа результатов все заполненные индивидуальные матрицы респондентов были сложены путем наложения в каждой группе респондентов. Суммарные матрицы представляли собой числовые матрицы, справедливости распределения (16 столбцов на 16 рядов) с величинами частот в каждой клеточке, которая показывала, как в конкретной ситуации был использован принцип справедливости.

В каждой итоговой матрице суммировалось количество использованных принципов распределения. Затем определялся ранг конкретного принципа каждой матрицы, и ранги двух выборок сравнивались. Удобство описанной выше методики состоит в том, что полученные суммарные матрицы (т. е. результаты) каждой выборки могут сравниваться между собой без выравнивания их по числу респондентов.

Исследование подтвердило наличие сходств и различий в представлениях о справедливости распределения (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнение частот и рангов выбора принципов справедливого распределения работающих взрослых и студентов (в частотах (ч) и рангах (р))

Принципы распределения		Взрослые		Студенты		Разница рангов
		ч	р	ч	р	
1	Согласно вкладу в конечный результат дела	423	1	844	6	5
2	В соответствии с потребностями каждого	268	5	839	5	0
3	Всем поровну	227	6	1349	3	3
4	Себе больше, остальным поровну	30	15	405	12	3
5	Себе меньше, остальным поровну	13	16	125	16	0
6	В зависимости от своего отношения к тому или иному человеку	43	13	481	10	3
7	Так, чтобы все остались довольными	321	3	1829	1	2
8	Так, чтобы больше досталось слабым (женщинам, детям, старикам и т. д.)	160	8	684	7	1
9	Исходя из способностей людей	305	4	1352	2	2
10	Согласно общим заслугам (стаж, опыт и т. п.)	336	2	1085	4	2
11	Все себе	80	10	563	8	2
12	В зависимости от своего настроения в этот момент времени	45	12	351	13	1
13	Прежде всего, я бы выяснил, что на этот счет говорят законы	173	7	470	11	4
14	Я бы постарался переложить эту задачу на кого-нибудь	53	11	271	15	4
15	Согласно приложенным усилиям, независимо от конечного результата	138	9	510	9	1
16	В зависимости от того, какую пользу в последующем может мне принести тот или иной человек	37	14	321	14	0
Разность в рангах						30

Рассмотрим 4 принципа, имеющие наибольшие абсолютные частоты. Для работающих взрослых основным принципом оказался принцип «по вкладу». Данный принцип упомянут 423 раза (16,0 % от максимально возможного). Далее, «по общим заслугам» (упомянут 336, что составляет 12,7 %), «так, чтобы все остались довольными» (соответственно — 321 и 12,1 %), «по способностям» (305 и 11,5 %).

Необходимо отметить, что группа взрослых респондентов состояла из двух подгрупп. Первая была представлена специалистами управления среднего звена в энергетике (60 человек). Вторая — учителями биологии и химии средней школы (48 человек). Существенных отличий по принципам справедливого распределения в указанных подгруппах не наблюдалось.

Самый популярный среди студентов принцип — «так, чтобы все остались довольны». Он был упомянут ими 1829 раз (25,0 % от максимально возможного). На втором месте два принципа: «по способностям» (1352 упоминаний, что составляет 18,5 %) и «всем поровну» (1349 или 18,4 %). Четвертым по частоте упоминаний является принцип «по общим заслугам», называвшийся 1085 раз (14,8 %). Ни один из них не относится прямо к так называемому «принципу баланса», который устанавливает прямую связь между вкладом и вознаграждением, что серьезно отличает выборку студентов от работающих респондентов. В какой-то степени с принципом баланса связаны распределение по способностям (предполагаемый, вероятный вклад в будущем) и распределение по общим заслугам

(суммарный прошлый вклад). В то же время, среди лидеров находится четко выраженный уравни- тельный принцип, т. к. именно он позволяет в процессе учебной деятельности и общения обеспечи- вать бесконфликтное взаимодействие.

Необходимо отметить, что ранее проведенные исследования не выявили значимых отличий в груп- пах юношей и девушек. В связи с этим выборки не выровнились по половому признаку.

Отличительной особенностью респондентов младшей возрастной группы является отношение к принципам с номерами 13 и 14 в приведенной таблице. Взрослые респонденты чаще выбирают прин- цип — «прежде всего, я бы выяснил, что на этот счет говорят законы» и «я бы постарался переложить эту задачу на кого-нибудь», тем самым демонстрируют осторожность в принятии решения по поводу справедливого распределения. У студентов приведенные принципы используются гораздо реже. Таким образом, возрастные особенности молодых людей, которые выражаются в смелости, уверенности, опро- метчивости, влияют на их представления о справедливом распределении.

Респонденты, имеющие большой опыт получения вознаграждения за свой труд, оценивают принци- пы справедливого распределения, опираясь, прежде всего, на принцип баланса в ситуациях с осуществ- лением реального вклада респондента в распределяемые ресурсы («по труду», «по заслугам»).

В процессе учебной деятельности и общения, которая у студентов занимает большее количество времени и энергии, предпочтение отдается принципам «все довольны», «по способностям» и «всем по- ровну» даже в ситуациях реального вклада.

Основные выводы. 1. Представления о справедливости распределения изменяются в процессе приобретения опыта трудовой деятельности, когда индивид вступает в реальные отношения, связан- ные с получением вознаграждения за свой труд. 2. На представления о справедливости распределения влияют особенности юношеского возраста и социального положения учащегося, связанные с развитием личности, учебной деятельностью и общением. 3. На представления о справедливости распределения работников, возможно, в большей степени влияют условия труда, чем его содержание.

Литература

1. Алишев Б.С., Анিকেенок О.А. Студенты о справедливости в сфере распределения // Социологические исследования. — 2007. — № 11. — С. 103—110.
2. Ролз Дж. Теория справедливости. — М.: Издательство ЛКИ, 2010.
3. Анিকেенок О.А. Представления студентов о сущности справедливости и свободы // Проблемы фор- мирования социальных представлений личности: теоретические и прикладные аспекты. — Казань, — 2005. — С. 22—34.

252. Боровиков Д. А.

Ижевск

ПОНЯТИЕ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ СУБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ»

Наши исследования поведения эффективных работников выявили, что работники разного уровня эффективности обладают различиями в образе организационной культуры (Леонов Н.И, 2002, Боро- виков Д.А., 2006). Специфика этих различий обуславливает особенности поведения работника в ор- ганизации. При этом выяснилось, что образ организационной культуры работников разного уровня эффективности не является дисгармоничным: как у высокоэффективных, так и у низкоэффективных сотрудников организации наблюдается непротиворечивая модель поведения, дающая возможность до- стигать значимых результатов.

У высокоэффективных работников данная модель строится на стремлении объединять собствен- ные цели и цели организации, формировать широкую систему межличностных отношений в организации, в решении противоречий использовать преимущественно творческий подход.

У низкоэффективных работников модель поведения строится на склонности к реализации толь- ко собственных целей (без учета степени реализации целей организации), при этом они используют

прагматический расчет соотношения своего вклада и его компенсации и склонны торговаться в попытках получить больше прибыли за одну и ту же деятельность.

Эффективность работников, таким образом, представлялась как потенциал работника в решении задач разного уровня сложности. Сочетание элементов в модели высокоэффективных работников позволяет им решать наиболее сложные задачи.

Понятие эффективность, которое использовалось в нашем исследовании, имело концептуальное объяснение, но не было определено онтологически или операционально. Сегодня мы делаем попытку сформулировать данное определение.

Первоначально рассматривая понятие «эффективность работника», мы опирались на принятую в экономике концепцию о том, что эффективность определяется как соотношение вложенных ресурсов и полученной прибыли. Объясняя «эффективность» в сфере психологии человека, мы пришли к выводу, что необходимо рассматривать соотношение между планируемыми (идеальными) результатами деятельности работника и реальным их воплощением. Однако в данном объяснении мы сталкиваемся с противоречием — если работник планирует заведомо низкие результаты труда, то его эффективность *de jure* повышается, но *de facto* остается прежней или даже снижается. Вследствие данного эффекта мы предположили, что область планируемых (или идеальных) результатов должна регулироваться организацией или, более широко, обществом.

Отсюда мы приходим к более широкой трактовке понятия «эффективность работника»: область планируемых обществом идеальных результатов жизнедеятельности человека предполагает использование понятия «эффективность субъекта».

Основным элементом понятия «эффективность субъекта», безусловно, является понятие эффективность, которое должно быть истолковано применительно к субъекту психической жизнедеятельности. На наш взгляд, возможно следующее определение: эффективность (субъекта) — это способность к низкозатратному разрешению противоречий.

С.Л. Рубинштейн определил способность как «закрепленную в индивиде систему обобщенных психических деятельностей. При этом способность — результат закрепления психических процессов, посредством которых действия и деятельности регулируются» [2, С. 125].

Таким образом, эффективность нами рассматривается не как результативность или производительность, а более широко, как система качеств, свойств, деятельностей и т. п., обеспечивающая разрешение противоречий, с которыми сталкивается субъект в процессе своей жизнедеятельности. Основным моментом здесь является то, что оценка окончательного результата может быть произведена только по нескольким, наиболее важным критериям, например, достигнута цель или нет и с какими затратами. Но, строго говоря, необходимо учитывать более широкую систему критериев, которые часто не являются операциональными. Например, уровень психического выгорания при выполнении той или иной деятельности. В итоге мы можем наблюдать картину, когда по всем официальным отчетам деятельность, например, группы была эффективной. В реальности же группа может быть истощена, переполнена внутрigrupповыми конфликтами, и ликвидация этих накопленных противоречий приведет к резкому снижению заявленной прибыли, а, соответственно, и эффективность деятельности группы будет существенно ниже.

Такая широкая оценка результата, с учетом психологических параметров, возможна при условии, что субъект обладает особым «регулятором своих действий и деятельности», то есть определенной способностью. В нашем понимании, этим регулятором может являться особая категория образов, исследование которой является актуальной научной перспективой.

Другими элементами в определении понятия эффективность личности являются «низкозатратное» и «разрешение противоречий».

На наш взгляд, вопрос низких затрат возникает вследствие того, что для разрешения какого-либо противоречия у субъекта всегда имеется несколько возможных вариантов. Часть из них стереотипны, стандартны, часть представляет собой творческие решения, вследствие чего неочевидны. Низкозатратное разрешение противоречий предполагает, что объясняемая способность связана с умением выбирать или производить такой вариант разрешения противоречия, который потребует вложения минимального количества временных, материальных, личностных и прочих ресурсов.

В частности, вопрос о низкозатратности своих действий и решений субъект решает, когда выработывает индивидуальный стиль деятельности. В.С. Мерлин описывает это следующим образом: «Субъективные условия [выполнения деятельности] характеризуются тем, что субъект, ориентируясь

в объективных требованиях, может выбрать более или менее адекватные цели, операции и движения, в большей или меньшей степени соответствующие индивидуальным особенностям и потому в большей или меньшей степени эффективные. Выбор таких целей, действий и операций, которые наиболее эффективны при данных индивидуальных свойствах, характеризует усвоение индивидуального стиля деятельности» [1, С. 154].

Анализируя эффективность, чаще всего используют словосочетание «эффективное решение». Действительно, эффективность может рассматриваться в двух смыслах: действенность или соответствие. И в том и в другом случае речь обычно идет о принятом или реализованном решении, которое оказалось действенным или создало результат, соответствующий запросам, сложившейся ситуации, целям и т. п. Принятие решений, в свою очередь, означает, что человек или организация, общество столкнулись с каким-либо противоречием, нарушающим развитие необходимых процессов. Эффективное решение — это решение, разрешающее противоречие.

Безусловно, мы понимаем, что определение понятия «эффективность субъекта» в дальнейшем может быть конкретизировано или дополнено, однако уже при таком рассмотрении оно дает возможность сформулировать перспективы исследований в области психологии достижений человека или групп.

Литература

1. Мерлин В.С. Психология индивидуальности. — М., 1996.
  2. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. — М., 1959.
-

РАЗДЕЛ 17

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

---

253. Емельянова Т. П., Шустова А. В.

Москва

О СОДЕРЖАНИИ И СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОСКВИЧЕЙ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Грант 09-06-00845-а «Социальные представления о гражданской ответственности в обыденном сознании различных групп российского общества»

Анализ научной литературы по проблеме исследования свидетельствует о том, что при всей зыбкости обыденных представлений о гражданском обществе для большинства россиян они, во-первых, уже приобрели значимость, во-вторых, являются отчетливо позитивными, в-третьих, связаны с ценностями и идеями модернизации, в-четвертых, ассоциируются с гармонией личного, общественного и государственного начал, а не с их оппозицией.

В нашем поисковом исследовании приняли участие респонденты — жители Москвы, работники коммерческой сферы, студенты, государственные служащие, пенсионеры. Средний возраст участников — 30 лет. Для данного этапа исследования было сформулировано семь вопросов, предназначенных для раскрытия содержательных компонентов социального представления о гражданском обществе, а также использован метод ассоциаций. Для того, чтобы обнаружить центральное ядро и составляющие первой и второй периферической систем социального представления (его структуру), согласно технике прототипического анализа Пьера Вержеса, полученные ассоциации были сгруппированы по четырем зонам в соответствии с их частотой и рангом. Граница, с которой частота и ранг считаются высокими, обычно задается произвольно, в зависимости от того, насколько жестко выделяется ядро представления. Мы будем считать высокой частоту больше 10 и ранг больше 3 (с целью наибольшей «кристаллизации» были отобраны только те ассоциации, которые повторялись в ответах респондентов 3 и более раз).

В ядерную часть представления входят ассоциации с высоким рангом и высокой частотой, в первую периферическую систему — ассоциации с высокой частотой и низким рангом и высоким рангом и низкой частотой, во вторую периферическую систему — ассоциации с низким рангом и низкой частотой. В соответствии с этим, *ответственность* (10; 3,45), *свободы* (11; 3,75), *закон* (10; 3,91) — это три составляющие ядра социального представления о гражданском обществе.

Первую периферическую систему составляют такие элементы, как *права, справедливость, обязанности, порядок, гражданин, нет в России, равноправие, уважение*. Ко второй периферической системе, соответственно, относятся: *конституция, защита, взаимодействие, демократия*.

Частотный анализ, проведенный в отношении ответов респондентов на вопросы анкеты, позволил получить следующие результаты. Условиями создания гражданского общества, с точки зрения респондентов, являются: наличие законодательной базы, сознательность граждан, реализация свобод личности, политическая активность населения. Практически в 20 % случаев респонденты приписывают ответственность за формирование гражданского общества самим гражданам, в 12 % — руководству

страны. 63 % респондентов считают, что в России пока еще не сформировано гражданское общество, при этом 20 % опрошенных отмечают, что существуют отдельные элементы гражданского общества и что Россия находится на пути к его созданию. 13 % респондентов убеждены, что гражданское общество в России уже сформировано.

К признакам существования в России гражданского общества респонденты отнесли, в первую очередь, наличие общественных и добровольных организаций. В то же время даже такие маркеры, как создание Общественной Палаты РФ, наличие законов и декларируемая руководством страны правовая защищенность граждан являются, с точки зрения респондентов, формальностью, на деле обнаруживая свою несостоятельность и несоответствие заявляемым принципам.

Созданию или, по крайней мере, началу процесса формирования гражданского общества в России способствовали, по мнению респондентов, исторические события — развал Советского Союза и начало перестройки, появление самой страны России, принятие конституции и как следствие — переход к рыночной экономике, влияние западных стандартов, создание законодательной базы, свобода слова, активность граждан.

Наиболее распространенными ответами респондентов на вопрос о признаках несформированности гражданского общества в России являются: низкая политическая активность граждан, высокий уровень коррупции, неравенство граждан перед законом, правовая незащищенность, отчужденность людей, нежелание оказывать помощь друг другу. Факторами, затрудняющими развитие гражданского общества в России, с точки зрения респондентов, являются аполитичность граждан, менталитет людей и ценности общества, эгоцентризм, присущий большей части населения, а также коррупция, политический строй и отсутствие лидера.

Результаты, полученные нами в ходе поискового исследования, свидетельствует о наличии достаточно версифицированных представлений о гражданском обществе. Объем социального представления включает более 140 элементов, что свидетельствует о субъективной вариативности понимания сути гражданского общества, условий его создания и функционирования.

В то же время выделенное ядро и периферия представления позволяют нам обозначить наиболее существенные и весомые элементы. В первую очередь, в сознании респондентов гражданское общество предстает как законодательно регулируемое. Наличие законов, действующих для всех граждан, объективная, непредвзятая правовая система — это условия создания гражданского общества, которые, с точки зрения респондентов, пока не выполняются в России. Особый интерес представляет для нас тема политической активности граждан и ответственности за создание гражданского общества, лежащей не только и не столько на власти, сколько на каждом человеке. Без активного вовлечения населения страны в процесс управления обществом и без понимания меры ответственности, лежащей на каждом в отдельности, общество будет не способно стать саморегулируемым и оказывать влияние на позицию государства.

---

254. Фетискин Д. Н.

Кострома

СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Соотношение правосознания и правового менталитета отличается диалектической сложностью, оно подчас трудноопределимо, духовно неоднозначно. В самом общем виде данное соотношение, на наш взгляд, можно определить так: по объему правосознание несколько шире правового менталитета. Вместе с тем категория «менталитет» не подменяет понятие «сознание». У менталитета свое, особенное место в психологических и идеологических структурах сознания. Оно обусловлено социальными, этническими, религиозными, научными, культурными и иными стереотипами людей, самобытностью их включенности в тот или иной социум и т. п. В системе элементов юридического сознания правовая ментальность предстает

в виде глубинного слоя сознания, в определенной мере смыкаясь с бессознательным правовым уровнем, с юридическим подсознанием.

Следовательно, правосознание и правовая ментальность образуют духовную ткань юридического бытия и осуществляют психолого-правовую рефлексию.

Россия представляет собой страну с уникальной государственной и правовой культурой. Ее основу составляет именно русский этнос, который как государствообразующая нация сформировался в условиях полиэтничности, освоения огромных континентальных пространств и цивилизационного влияния византийского православия. Это, в свою очередь, привело к появлению таких институционально-политических черт, как вера в особое историческое предназначение (мессианство), сухопутная геополитическая ориентация, идеократический тип государственности, имперская модель политической интеграции этносов.

В отличие от правовой культуры Запада, в основу которой положен прагматический (договорной) характер отношений государства и общества, правовая культура России исходит из духовного единения народа с государством, представляющего собой необходимое условие и предпосылку формирования и нормального функционирования российской государственности.

Соотношение интересов личности и общества в России традиционно рассматривалось с позиции превалирования начала обязанности над началом права (как юридически закрепленной меры возможного поведения). Личность на Руси никогда не понималась как самостоятельная, изолированная субстанция со своим кругом интересов и данными от рождения «естественными» правами и свободами, которые противопоставляются государственному «деспотизму». Благо личности, с позиции российского мировоззрения, заключается в большей степени в общественном благополучии, чем в благополучии личном. Приоритетной для индивида является обязанность служения Отечеству, Родине, государству, которые представляют собой духовно-нравственное единение отдельных личностей в одно целое.

Соответственно, как справедливо замечает С.В. Трегубенко (1996), существенная характеристика российской правовой традиции состоит в том, что право в России никогда не понималось как высшая универсальная ценность. По этому критерию отечественная правовая традиция весьма контрастно отличается от правовой традиции Запада. Своеобразие правовой традиции России обусловлено не столько формальными — технико-юридическими моментами, сколько глубокими социально-культурными и государственно-правовыми началами жизни русского народа.

Самое большое препятствие на пути России к правовому государству — это уходящая в глубь веков традиция пренебрежительного отношения к праву, правового нигилизма. Русский историк В. Ключевский писал: «Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимание на право: меня принудила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права. Свойственные европейским народам идеи права, свободы, справедливости в России всегда были роскошью ума, доступной немногим головам, как дорогой французский кафтан или парик был доступен немногим карманам». В чем же причина правового нигилизма в российской ментальности? По мнению И.А. Ильина, у российского общества всегда были предпосылки для деформации правосознания: это размеры территории, плотность населения, державные и хозяйственные задачи страны, национальный состав, религиозный состав страны.

Негативное отношение к праву, выраженному в законах, и к праву как таковому в России было всегда. «Что мне законы, коли судьи знакомы», «пред Богом с правдой, а пред судьей с деньгами», «земля любит навоз, лошадь овес, а судья принос». Пословицы и поговорки, близкие к корням души русской, наиболее полно раскрывают мировоззрение народа. «Судиться — не Богу молиться; поклоном не отделаешься. Поп ждет покойника богатого, а судья тягуна торватого. Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом». «В суд пойдешь — правды не найдешь. Судьям то и полезно, что в карман полезло. В суд ногой — в карман рукой. Где закон, там и обида (преступление). Законы святы, да судьи супостаты».

Современный же исследователь Г.Н. Утенков (2002) к основным источникам политико-правового нигилизма относит: исторические корни, ставшие естественным следствием многовекового самодержавно-крепостнического правления, репрессивного законодательства, несовершенства правосудия и др.

Таким образом, обобщая вышесказанные точки зрения, можно сделать вывод о том, что проявление нигилизма в отношении социальной ценности права, к сожалению, специфическая черта российской ментальности. Многовековая история нашего государства тому очевидное подтверждение. Юридические ценности в российском обществе не воспринимались и не воспринимаются до сих пор в качестве необходимых для его существования. Напротив, повсеместное нарушение правовых предписаний, скрытое, а порой откровенное попираание права, непонимание (и нежелание понять) фундаментальных ценностей

правового бытия — все это проявление жесткого юридического нигилизма российского менталитета, который можно назвать «правоаксиологическим». Данный вид правового нигилизма представляет реальную опасность для духовной культуры общества. Правоаксиологический нигилизм юридического менталитета российского этноса существенным образом тормозит развитие правовой культуры, права, правопорядка, законности, что на фоне общего социального, духовно-нравственного, культурного кризиса нашего общества и государства лишь осложняет ситуацию в стране. В этой связи В.В. Попов выявляет в русской правовой ментальности «как минимум, две особенности»: «Первая особенность связана со спецификой юридического менталитета российского общества, который изначально отличался небрежным, отрицательным отношением к праву. Вторая особенность — этатизм, включающий чрезмерную, неоправданную ориентацию на государственную власть и сопровождающийся бесправностью личности в ее отношениях с государством». В ряде работ А.В. Куликова (2005), Е.А. Певцова показано, что «правосознание большинства россиян характеризуется доминированием размытых представлений о праве, правовой сфере, недоверием к учреждениям права, в особенности к законодательным и правоохранительным органам».

В современных российских условиях нигилизм выражается в самых различных формах: неприятие определенными слоями общества курса реформ, нового уклада жизни и ценностей, недовольство переменами, неприязнь или даже вражда по отношению к государственным институтам и структурам власти, их лидерам; отрицание несвойственных российскому менталитету нравственных ориентиров.

Итак, истоками правового нигилизма в российской ментальности, в первую очередь, являются: умышленное нарушение законов и иных нормативно-правовых актов; массовое несоблюдение и неисполнение юридических предписаний; подмена законности политической, идеологической или практической целесообразностью; непонимание (и нежелание понять) фундаментальных ценностей правового бытия; небрежное, отрицательное отношение к праву; размытые представления о праве, правовой сфере, недоверие к учреждениям права, в особенности к законодательным и правоохранительным органам.

РАЗДЕЛ 18

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ТЕКСТА

---

255. ВАХРУШЕВА А. Н.

Ижевск

ГЕРОЙ И ЕГО ЗЕРКАЛА В РОМАНТИЧЕСКОЙ ДРАМЕ («ЕРМАК» А.С. ХОМЯКОВА)

Трагедию А.С. Хомякова «Ермак» отличает преобладание в ней лирического начала. Еще К.А. Полевой [2] отмечал, что «исторический предмет, служащий основанием его трагедии, заключает в себе истинную поэзию». Один из современных исследователей творчества Хомякова Б.Ф. Егоров [1] заключает, что поэт «сконцентрировал в своем «Ермаке» романтическую стихию двадцатых годов».

Действительно, драматический сюжет в данном произведении является лишь руслом, в котором происходит познание героем действительности и осмысление вопросов жизни и смерти, личной воли и предопределенности судьбы. Монологический характер драмы, направленный на отражение внутреннего мира Ермака, приводит к тому, что другие герои драмы не являются самостоятельными образами, а зеркально отражают, дополняют или трансформируют характерные особенности Ермака. Можно смело утверждать, что образ главного героя воплощается в тексте не только через его речь и поступки, но и через образы других персонажей — его двойников или антагонистов.

Одним из двойников Ермака является его отец Тимофей. Между данными персонажами существует два типа отношений: отцовской и сыновней любви; проклявшего и проклятого. Отношения отца и сына тесно связывают их друг с другом, а проклятие приводит к столкновению героев с миром, ставит их перед разрушающими закономерностями бытия, приводит к преждевременной смерти.

Несмотря на то, что Ермак и Тимофей представляют собой противоположные полюса (проклявший и проклятый), путь отца является отражением пути Ермака. Вследствие этого переживание проклятия и связанной с ним смерти сливаются в один монолог Ермака, в котором разносторонне и единообразно представлены «думы» героя по отношению к этим вопросам. Автор показывает, что проклятие губительно действует и на отца, и на сына: обоим смерть представляется неизбежным разрешением возникшей ситуации; на сюжетном уровне оба ищут освобождения от проклятия и, обретая его, находят покой в смерти.

Необходимо отметить, что проклятие становится для героев переходом из жизненного, творческого пространства в пространство смерти, разрушения (точнее — саморазрушения). Проклятие лишает героев временных параметров: лирический сюжет развивается уже за границей жизни и смерти, за пределами конечного момента. И отец, и сын лишены сна, дарующего им покой. О Ермаке сказано: «Ты этот сон покоем называешь? / Смотри сюда, послушай, как он стонет! / Не кажется ль, как будто бы душа / При каждом вздохе вырваться готова?» [здесь и далее цит. по: 3]. Слова Тимофея почти зеркально повторяют слова сына: «Мой отдых! мне давно уж нет его. / Когда, от слез и горя утомленный, / На время я свой закрываю взор, — Ужель ты думаешь ко мне нисходят / Забвение и сладостный покой? / О нет! Они давно мне неизвестны. / Я проклял сына!».

Жизнь для Ермака оказывается мучительной, как и сон, потому что она и есть «тяжкий сон», «от коего мы с смертью пробудимся». Такой же комплекс чувствований атрибутирован Хомяковым отцу, который

произносит за минуту до смерти: «Я чувствую, прощанье с миром — сладость. / Вы говорите, это смерть? Нет, нет, / Друзья... Не смерть... а жизнь... и радость!».

Зеркальность персонажей подчеркивается автором в прямой оценке и изображении их портретов: оба преждевременные старики с морщинами и сединой. При этом возникают почти параллельные описания: «Сии власы до срока иссушила, / По юному челу морщины провела, / И то болезнь измученного сердца / В немного лет всю жизнь мою сожгла» (Ермак); «В морщинах, на его челе седом, / На сих ланитах, в сих померкших взорах, / На бледных сих и трепетных устах / Рукой написано: “страдалец!”...» (Тимофей).

Образ главного героя соотносен не только с фигурой отца, но и с казаками. Если душевный мир Ермака теснейшим образом связан с процессом осмысления и осознания смерти, то казаки, напротив, принадлежат пространству жизни, утверждая ее и в диалогах, и в песнях. Песни являются постоянным атрибутом казаков: «Казак. Казаку прожить / Свой век без песен, слыхано ли дело?». Сами казаки песню отождествляют с жизнью, в противовес молчанию смерти: «Казак. Теперь-то должно петь: / Мы завтра в ночь довольно намолчимся (после гибели на поле битвы)». В последний вечер перед гибелью казаков песня не поется: начатая весело, она переключается на грустную ноту, «как будто сам я жизнь свою отпел». Но если со смертью Тимофея и Ермака их род прерывается, непрерывность жизни казаков проявляется в непрерывности поколений, в цикличности рода. Не случайно казаки представлены тремя поколениями, каждое из которых через приобретенный опыт имеет свое представление о жизни. Молодой казак в силу своей юности восхищается всем, что встречается у него на пути, и главное его переживание — восторг: «Как всходит солнце, неба великан, / Увенчанный бессмертными огнями». Словами старого казака: «Ты знаешь сам, что смерти не минуешь» Хомяков утверждает представление о естественности конца, который уравновешен продолжением жизни в последующих поколениях. И даже кровавая расправа над казаками в финале трагедии не прекращает общего потока жизни: часть казаков уходит из стана, что говорит о непрерывности жизни.

Таким образом, время Ермака линейно, неизбежно устремлено к концу, время казаков циклично, потому преодолевает смерть.

И, наконец, образ главного героя соотносится с Мещеряком и шаманом. На уровне внешнего событийного сюжета данные герои являются антагонистами Ермака, однако на идейном уровне они трансформируют и дополняют его образ. Эти персонажи принадлежат тому же пространству смерти, что и главный герой, но если Ермак находится за «пределами жизни», то Мещеряк и шаман занимают пограничное положение между жизнью и смертью.

Мещеряк, открывающий путь смерти в пространстве жизни, отрицает все живое — он запрещает казаку петь (при этом Ермак поощряет песню — приветствует жизнь, потому что сам, находясь в пространстве смерти, не несет смерть Другому). Мещеряк является проводником через границу между жизнью и смертью: он предательски открывает ворота стана. Данный персонаж связан с миром мертвых: не только говорит с призраками («Заруцкий. Как будто бы в безмолвии ночном / Вокруг тебя летали привиденья, / К которым речь ты обращал свою»), но и живет призраками *прошлого* (брата, осужденного к «позорной смерти»). Не случайно, временем жизни Мещеряка является ночь: «Но я люблю блуждать во мраке ночи: / Она, как я, угрюма и дика / И более сходна с моей душою, чем солнца свет и дня веселый блеск».

Шаман — пришелец из иного мира, несущего смерть казакам. Изначально принадлежа пространству смерти, он взывает к помощи предков и может предвидеть *будущее*. Если Ермаку дается небесное откровение (видение будущего во сне), то к шаману знание приходит от темного бога Рачи. Шаман в трагедии символизирует дьявола, искушающего Ермака, дающего атаману надежду на бессмертие (через славу и вечную память о ней). Бессмертие и власть представлены венцом, который шаман предлагает Ермаку как символ венчания на Сибирское царство. Ермак не поддается искушению шамана-дьявола, и венец власти трансформируется в итоге в мученический венец, посмертно принятый героем.

Таким образом, при помощи героев-двойников («зеркал») Хомяков пытается преодолеть однолинейность романтического характера. Второстепенные герои «углубляют» образ Ермака, намечают ту противоречивость характера и Судьбы, которые станут предметом изображения в русской литературе второй половины XIX века.

Литература

1. Егоров Б. Ф. Поэзия А. С. Хомякова // Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. — Л., 1969.

2. Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825—1842. — Л., 1990. — С. 417—428.
3. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. — Л., 1969.

256. Чистов В. В.

Алматы, Казахстан

ЧЕЛОВЕК В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Историко-психологический анализ отображения человека в художественных произведениях является одним из методов ретроспективного осмысления мировоззренческих позиций людей в определенные исторические периоды, что помогает глубже понять причины, детерминирующие ментальность отдельных народов, и те идеологические установки, которые были ведущими в том или ином социуме.

Для истории психологической науки особую значимость приобретают сегодня воззрения средневековых мыслителей и поэтов Средней Азии, составляющие малоизученный пласт в развитии психологической мысли народов Востока. Обращаясь к многоплановому наследию восточных авторов через реальность, воплощенную в художественных произведениях той эпохи, мы получаем возможность наглядно реконструировать стиль социопсихологических контактов и установок, оказавших огромное влияние на структуру межличностных отношений, формирование этнического своеобразия различных народов, определить пути развития отдельных этносов.

Стремление поэтов к познанию психологических закономерностей бытия побуждало их к весьма логичным размышлениям и заключениям относительно роли межличностного общения и определяло поиск путей к обретению счастья. В ходе детального анализа литературного наследия таких видных персидских поэтов, как Рудаки, Фирдоуси, Омар Хайям, вырисовывается картина психологического осмысления реальности, в которой на первый план выдвигаются чувство влюбленности и идея обретения глубокой любви, без которой немислимо социальное благополучие и счастье человека. Образ красавицы, притягивающей и волнующей души, обнаруживает стремление к идеализации и составляет психологическую основу восприятия окружающего мира, строящегося на чувственной гармонии, удовлетворении сексуальных и жизненно значимых потребностей. Женщина становится вдохновляющим нравственным примером для формирования важнейших черт характера, таких как мужество, смелость, доблесть, самопожертвование.

А. Рудаки был одним из первых восточных поэтов, который откровенно заявил о том, что «весь мир душой разумной не поймешь» [2, С. 18]. Тем не менее, он в образно-поэтической форме смог показать значимость душевного отклика человека, который способен изменять свое поведение в зависимости от отношения к нему окружающих, особенно лиц противоположного пола, с уверенностью утверждая, что личное счастье каждого человека состоит именно в обретении любви. В поэзии А. Рудаки мы впервые находим примеры проявлений девиантного поведения, которое связывается с состоянием влюбленности. Когда «душа разлукою больна, теряешь сон» [3, С. 126], хотя в этом состоянии, несмотря на то, что «душа полна тоской, — сердце радостью горит» [2, С. 13] и жизнь как бы наполняется новым содержанием, а это вдохновляет и окрыляет. Поэт не отрицал, что чувство страсти вспыхивает многократно и «как змея, порой затягивает в гибельную сеть», при этом человек, как бы теряя на время рассудок, попадает во власть своих чувств. На основе этого Рудаки заключал, что «любовь связана с потерей ума», т. е. человек, обретая блаженство, часто совершает неадекватные (девиантные — В. Ч.) действия, не подвластные ослепленному разуму. «Я терпение утратил, страсть меня с ума свела, я забросил все дела» [Там же, С. 38], — восклицал поэт, характеризуя это чувство. Вместе с тем поэт призывал «не быть слепым и равнодушным к человеческой судьбе» [3, С. 132], а жить разумом и сердцем, как завещали мудрецы, не унывать и не думать о плохом. «Слепую прихоть подавляй — будешь благороден» [2, С. 42], — мудро советовал Рудаки.

Анализируя наследие Рудаки, академик Б. Исмаев подчеркивал, что любовь для поэта фактически выступает как «средство совершенствования истинной человечности» [1, С. 148], ибо эстетическое наслаждение в его поэзии доминирует над чувственным [Там же, С. 152].

В философско-психологической эпопее Фирдоуси «Шахнаме» также обращается внимание на девиантность поведения людей, причины которого, по мнению поэта, связаны с клеветой и обманом. Фирдоуси предупреждал о том, что тот, кто полагается лишь на чувства, часто совершает действия неразумные, и советовал: «Не приближай советников дурных, не слушай низких: зависть в сердце их», полагая, что нужно больше доверять собственным глазам, нежели тому, что говорят окружающие. В поэзии Фирдоуси встречается достаточно оптимистичное утверждение о том, что все лучшее воплощается в человеке и «мир бессловесных ему подчинен». Размышляя о счастье, поэт указал на то, что «лишь в разуме счастье» [4, С. 87]. Определяя разум человека как «око (глаз) души», он призывал: «Внемли рассудку», ибо «доколе рассудок во мраке, вовек отрады душе не найдет человек» [Там же, С. 88]. Образность и эмоциональность выразительных средств любовной лирики Фирдоуси, безусловно, вызывают вполне реалистические ассоциации, что делает их как бы осязаемыми и зримыми, и потому способствующими раскрытию «глубоких тайн сознания».

Стремление разобраться в психологических закономерностях общения и таких важнейших человеческих чувствах, как страсть, влюбленность, любовь занимает ведущее место и в философско-психологическом наследии видного поэта средневекового Востока Омара Хайяма. В его поэзии с огромной силой проявляется желание осмыслить психологическую сущность межличностных отношений человека на пути к обретению счастья. «Все в нас самих», — отмечал он, ибо «мы — источник веселья и скорби рудник; мы вместилище скверны — и чистый родник» [5, С. 145]. Утверждая идею воли и свободы поступков человека, он призывал: «Всем сердечным движениям волю давай, сад желаний возделывать не уставай» [Там же, С. 161]. Ставя свободу превыше всего, поэт определил мысль о счастье в следующих строках: «Если ты никому не слуга, не хозяин — счастлив ты и поистине духом высок!» [Там же, С. 162], ибо многое зависит от самообладания и психологического настроя человека. «Жизнь тебя, если будешь веселым, — утешит; если будешь рыдать — безутешно пройдет» [Там же, С. 170]. Поэт призывал к осторожности в общении, считая, что необходимо рассчитывать лишь на свой разум и свои познания, ибо довольно часто к нам «беспощадна судьба» и даже «друг может оказаться злейшим врагом». Мыслитель пришел к убедительному выводу о том, что добиваться успеха во взаимоотношениях следует через проявление жизнерадостности и лести в процессе общения. Суть положительного эффекта в межличностных отношениях Хайям видел в том, чтоб «всем прийтись по нраву». Для этого он рекомендовал: «Улыбки расточай налево и направо, евреев, мусульман и христиан хвали, — и добрую себе приобретешь ты славу» [6, С. 179] и, тем самым, на много веков вперед предвосхитил аналогичные выводы американца Д. Карнеги, в XX в. обосновавшего и практически повторившего его гениальную идею. Оптимистически указывая на потребность обретения радости и счастья, он призывал: «Живи для наслажденья, ибо все прочее — одна лишь суета» [Там же, С. 166], подчеркивая тем самым, что именно для этого человек и живет на Земле. Через испытание любовью проходят рано или поздно все. Таков закон природы и бытия человека. Чувство страсти способно затмевать сознание, овладевать человеком помимо его воли, и воображаемый мираж он мечтает воплотить в реальность любой ценой и удовлетворить свои жизненные естественные потребности, чему в большинстве случаев мешают нравственные «табу», что позже в XX в. было научно проанализировано З. Фрейдом. По мнению О. Хайяма, по-настоящему «счастлив тот, кто в объятьях красавицы нежной по ночам, от премудрости книжной далек» [5, С. 181], ибо лишь «труд любовный — желанней любого труда». Следовательно, человек, не знающий любви, не способен обрести счастье. О. Хайям сформулировал мысль о том, что благопристойность, порядочность и честность человека по отношению к себе и окружающим: «Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало, два важных правила запомни для начала: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало» [6, С. 179].

Анализируя художественные произведения, можно заключить, что поэзия посредством художественных образов помогает наиболее полно понять психологические состояния человека и социальные отношения. Человек, испытывающий эмоциональное воздействие поэзии, получает определенные психологические установки, подсознательно усваивает определенные стереотипы поведения, дает им оценку.

Литература

1. Исмаатов Б. Пантеистическая философская традиция в персидско-таджикской поэзии. — Душанбе, 1986.
2. Рудаки // Лирика. Из персидско-таджикской поэзии / Сост. А.Хакимова. — М., 1987.

3. Рудаки // Лирики Востока / Сост. М.А. Курганцева. — М., 1986.
4. Фирдоуси. Шахнаме // В сад я вышел на заре. — Душанбе, 1983.
5. Хайям Омар // Лирики Востока / Сост. М.А. Курганцев. — М., 1986.
6. Хайям Омар. Рубаи // Классическая восточная поэзия / Сост. Х.Г. Короглы. — М., 1991.

257. Павлова А. А.

Ижевск

ЧЕЛОВЕК-МАРИОНЕТКА В ТВОРЧЕСТВЕ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Почти всем героям произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина присуще «марионеточное» поведение. Оно проявляется как во внешних (физиологических), так и во внутренних особенностях того или иного персонажа. Именно Щедрин сформулировал понятие «тайна куклы»; с первых своих сочинений писатель пытался проникнуть в эту тайну, вследствие чего тема марионетки у него многогранна и тесно связана с другими темами и мотивами, составляющими целое художественного текста.

Прежде всего отметим, что марионетке свойственна особая телесность, проявляющаяся в театральных, наигранных, однотипных жестах. Так, в «Господах Головлевых» самые разные персонажи совершают одни и те же телесные действия. Тела механически, «по привычке» «воспроизводят» многочисленные произвольные, рефлекторные движения: «вдруг как-то таинственно замялся на месте», «не решался ответить и продолжал переступать с ноги на ногу» [1, С. 3], «...смотрел на милого друга маменьку и скорбно покачивал в такт головою» [Там же, С. 44], «...Петенька ежился и молча курил папироску за папироской» [Там же, С. 138], «Арина Петровна беспокойно смотрела из стороны в сторону...» [Там же, С. 140] и т. д. В результате подобного принципа изображения возникают образы «людей-механизмов», которые, словно заведенные невидимой рукой, действуют механистически, бессознательно и однотипно. В «Господах Головлевых» «кукольная» природа персонажей менее очевидна, чем в других произведениях Щедрина, но характер их движений указывает именно на это: будто привязанные к ниточкам, они «дергаются» из стороны в сторону.

Возникновение марионетки, заменяющей собой человека, — это признак утраты человеческого облика, отпадения от «живого» мира, соприкосновение с миром мертвых. Следовательно, тема куклы активизирует семантику «границы» между этими двумя мирами. Доказательством тому служат всевозможные описания уставшего, больного, измученного человеческого тела, постоянно встречающиеся в «Господах Головлевых»: «Люди обесчеловечиваются; их лица искажаются, глаза горят, язык произносит произвольные речи, тело производит произвольные движения» [Там же, С. 251]; «Павел Владимырьч лежал весь багровый и чуть не задыхался. Если б он мог в эту минуту разбить себе голову, он несомненно сделал бы это» [Там же, С. 88]; «Порфирий Владимырьч сидел в засаленном халате, из которого местами выбивалась уж вата; он был бледен, нечесан, оброс какой-то щетиной вместо бороды» [Там же, С. 252] и т. д. Предсмертные черты, которые то и дело приобретают герои, указывают на условность границ между двумя обозначенными мирами. Ю.М. Лотман в своем исследовании «Куклы в системе культуры» говорит о том, что марионетка — гораздо более «мертвый» вид куклы именно потому, что марионетка пытается подражать движениям человека: «Чувство неестественности прерывистых и скачкообразных движений возникает именно при взгляде на заводную куклу или марионетку <...> Возможность сопоставления с живым существом увеличивает мертвенность куклы» [4, С. 647]. Кукольное представление, разыгрываемое на сцене, — это игра в театр, т. е. игра в игру, а, стало быть, двойное удаление от реальности, отклонение в сторону мертвого мира.

Образ марионетки в романе активизирует мотив игры. Лотман выделяет два типа восприятия произведения искусства: «Существуют два типа аудитории: «взрослая», с одной стороны, и «детская», «фольклорная», «архаическая», с другой. Первая относится к художественному тексту как получатель информации <...> Вторая относится к тексту как участник игры: кричит, трогает, вмешивается, картинку не смотрит, а вертит, тыкает в нее пальцами, говорит за нарисованных людей...» [Там же, С. 646]. Первый тип восприятия ориентирован на созерцание статуи, второй — на игру, т. е. на активное взаимодействие с

куклой. Произведения Щедрина, без сомнения, требуют второго типа восприятия: детского, игрового прочтения. Мир героев Щедрина — это мир игры, непрерывающийся процесс создания «кукол-человечков», придумывание сценариев их поведения и наблюдение за их «жизнью» со стороны. Текст Щедрина способствует активизации настроения на игру, на активное, творческое, преобразующее взаимодействие с текстом. Так, например, кукольных дел мастер Изуверов (герой сказки «Игрушечного дела людишки», который «не игрушки делает, а «настоящих» деревянных человечков» [3, С. 94]) — своего рода alter ego писателя: создавая своих кукол, он сам наблюдает со стороны за их жизнью. Изуверов отчаянно стремится сделать куклу более «живой», а «жизнь» в его представлении связана с необходимостью присвоить кукле максимальную свободу в движениях. Два кукольных мира — живой и мертвый — постоянно пересекаются. С одной стороны, «живые» куклы зачастую похожи на игрушки: «Городничий стоит посреди передней, издавая звуки и простирая длани...» [Там же, С. 92]; девица Матрена Идолова, «рослая, рыхлая, как будто нарочно созданная, чтобы горшки из печи ухватом таскать» [Там же, С. 94]. С другой, выйдя из рук Изуверова, тщательно сделанные им куклы «оживают»: «...коллежский ассессор выказывал чрезвычайное волнение: вращал глазами, колыхал животом и хлопал руками по бедрам...» [Там же, С. 102]; об этой кукле рассказчик говорит: «И хотя я не мог доподлинно вспомнить, где именно я эту личность видел, но несомненно, что где-то она мне встречалась, и даже нередко» [Там же, С. 101]. В образе кукольника угадываются «взаимоотношения» Салтыкова-Щедрина со своими героями: Изуверов предстает и как создатель кукол, и одновременно как зритель, наблюдающий за кукольными представлениями, сочувствующий своим героям, при этом как зрителю ему не всегда известно, чем все закончится.

«Кукольная» метафора — ведущая в мировосприятии писателя, сквозь ее призму он смотрит на все, что его окружает: «...Часто приходит мне на мысль, что все мы, сколько нас ни есть, живем и действуем на каких-то бесконечно обширных театральных подмостках, которые почему-то называем ареною жизни; что над нами стелется холстинное небо, освещаемое промасленным бумажным кругом, сквозь который тускло светится мерцание стеаринового огарка...» [2, С. 63]. Именно такое своеобразное виденье действительности во многом сообщает произведениям писателя тот трагический пафос, который является сквозным для всего творчества писателя. В «Игрушечных дела людишках» Салтыков-Щедрин писал: «...кто не согласится, что из всех тайн, раскрытие которых наиболее интересует человеческое существование, «тайна куклы» есть самая существенная, самая захватывающая?» [3, С. 440]. В системе человеческой культуры с марионетками и куклами (двойниками и тенями человека) связан глубочайший страх — страх человека потерять контроль над своими творениями, страх, что существа, созданные усилием собственной воли, эту же волю поработят.

Образ куклы был удобен для Щедрина благодаря своей универсальности. Писатель использовал различные смысловые пласты, связанные с образом куклы вообще и марионетки в частности. На наш взгляд, своеобразие образной системы Салтыкова-Щедрина обусловлено тем, что автор черпал эту образность из архаичных представлений. Именно этим объясняется обращение писателя к древнейшему архетипу кукловода и марионетки. Однако, по словам Лотмана: «Как всякий материал искусства, эта исходная мифология может быть сдвинута...» [4, С. 648], и Щедрин не просто заимствует образ марионетки для воплощения своих художественных целей, но и преломляет его необходимым ему образом, по-новому воплощая архаичную метафору.

Литература

1. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. — Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1955. — 304 с.
2. Салтыков-Щедрин М.Е. Литературная критика. — М.: Современник, 1982. — 349 с.
3. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. — М.: Правда, 1988. — 576 с.
4. Лотман Ю.М. Об искусстве. — СПб.: Искусство, 2005. — 704 с.

258. Рягузова Е. В.

Саратов

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНТЕРПРОСТРАНСТВА «Я—ДРУГОЙ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Художественная реальность является ключевым и одновременно исключительным миром опыта, в котором происходит не только познание жизни и формирование картины мира, постижение Другого в его многоликости и признание его самобытности, но и открытие самого себя и амплификация собственного Я новыми ценностными и смысловыми коннотациями. Взаимодействие с искусством рассматривается нами как разворачивающийся во времени процесс, характеризующийся различной степенью включенности субъекта в интеракцию с культурным артефактом. Результатом этого процесса является сконструированное интерпространство — пространство между субъектом и единичным или универсальным Другим в формате культуры. Интерпространство существенно отличается как от интрасубъективного пространства, так и от пространства художественной реальности, представляя собой область, в которой человек может самоактуализироваться в процессе и на основе диалога или полилога с субъектами художественной реальности.

А.В. Запорожец, изучая формирование эстетического чувства в онтогенезе, показал, что поведенческая динамика детей-дошкольников в театре схематично выглядит следующим образом: соприсутствие, сочувствие, сопереживание, соучастие, сопричастность, сомыслие (Запорожец А.В., 1986). Он фактически обозначил своеобразные оси конструирования интересубъективного пространства: пространственно-временную, аффективно-коммуникативную, аффективно-регулятивную, интерактивную, ценностную и смысловую.

Пространственно-временное измерение (соприсутствие) предполагает совместное нахождение в той или иной точке пространства и времени, которое может отличаться различной степенью добровольности или принудительности, но в случае взаимодействия с произведениями искусства всегда (или почти всегда) пространственно-временной контакт связан с посещением определенных мест и фиксированных территорий, где существуют свои особые правила. Для того, чтобы встреча с искусством действительно произошла, человек, попадая на эти «обособленные, выгороженные, освещенные территории» (Хейзинга Й., 1997), должен определить для себя эту психологическую ситуацию как ситуацию встречи именно с произведением искусства и в русле этого организовывать, воспринимать, типизировать и наделять эту «встречу» определенным социальным значением и личностным смыслом. Пространственно-временное измерение является базовой осью еще не сформированного интерпространства — человек только выходит на границу взаимоотношений с продуктами эстетической деятельности.

Для того, чтобы означить и обозначить пространство художественной реальности, т. е. придать ему субъективное значение и наделить его личностным смыслом, требуется знание определенных кодов — эмоциональных, культурных, жанровых, символических, стилистических и т. д. В связи с этим дальнейшее конструирование интерпространства будет определяться культурной компетентностью личности и зависеть как от самого субъекта, его отношения к искусству, установок и ожиданий, так и от особенностей самого произведения искусства. Очевидно, что среди многообразия кодов наиболее распространенным является эмоциональное кодирование, позволяющее выделять свое из общего, аффективная включенность, выступающая проводником между совокупностью общих значений и областью личностных смыслов. При этом аффективно-коммуникативное и аффективно-регулятивное измерения связываются нами с переходом от эмоционального реагирования на ситуацию встречи с искусством сначала к сочувствию — актуализации собственных состояний по поводу чувств Другого, а затем к сопереживанию — переживанию тех же состояний, что и Другой. Психологическими механизмами, обеспечивающими эти переходы, могут быть механизмы идентификации, эмпатии, принятия роли, децентрации (эмоциональной и интеллектуальной).

Соучастие (содействие) переводит анализ из плоскости реакции в плоскость акции, действия и его регуляции, т. к. определив ситуацию, человек определяет и модель, схему будущего способа действия в ней. При взаимодействии с субъектами художественной реальности формируется определенная внутренняя психическая активность — умение мысленно действовать в воображаемых обстоятельствах. При этом специфическим содержанием восприятия является не столько виртуальная действительность, сколько существенные, типичные образы, продуцированные с ее помощью, а действие понимается

как опредмеченная, овеществленная субъектность, в связи с чем овладение новыми действиями представляет собой подлинное обогащение субъекта.

Интерактивное измерение связано, на наш взгляд, с еще одним очень важным моментом, а именно с возникновением сомнения в абсолютности и однозначности собственной точки зрения, которое актуализируется в результате полученного эстетического опыта. Кроме того (со)мнение можно буквально трактовать как совместное мнение, следовательно, оно предполагает открытость, возникновение вопроса, поиск ответа и возможность выработки согласованного, совокупного мнения, возникшего на перекрестке опыта Я и Другого. Именно сомнение определяет дальнейшую конфигурацию интерпространства и создает предпосылки для саморазвития и самопознания субъекта, поскольку сомнение имманентно процессам познания и самопознания. Интерактивное измерение указывает не просто на взаимодействие с Другим, а на необходимость коммуникации с ним, общения и обращения к нему, (со)беседование с ним, благодаря чему субъект приобретает бесценную информацию, порожденную совместными усилиями — своеобразные (со)вести, и формирует внутреннюю оценку, осознание моральности своих поступков, чувство нравственной ответственности за свое поведение, т. е. укрепляет собственную совесть.

Сопричастность связана с ценностной сферой личности, она требует активизации специальных способов личностного действия субъекта — духовных актов — поступков, которые имеют отношение к нравственной сфере: к порождению смысла, принятию ответственного решения, к способности сделать выбор и отвечать за него. Рефлексия этого измерения неизбежно приводит нас к анализу поступка в философской традиции М.М. Бахтина, согласно которому продуктом эстетической деятельности является не действительно становящееся бытие, а акт действенного эстетического интуирования. Он считал, что в содержании эстетического видения нет акта-поступка видящего, там имеет место «вживание» в индивидуальный предмет видения, затем происходит объективация, отделение от себя, возврат в себя и именно это возвращенное в себя сознание эстетически оформляет изнутри схваченную вживанием индивидуальность как целостную и качественно своеобразную (Бахтин М.М., 1996). Только изнутри «участности» может быть понята функция каждого участника. Следовательно, сопричастность подразумевает диалогичность с внутренними репрезентациями Другого, формирование потенциального содержания поступка и конструирование системы Мы. На основе сопричастности интернализируются этические нормы, нравственные оценки и определяется горизонт единой и единственной нравственной ответственности.

Смысловое измерение интерпространства связано с порождением личностных смыслов и с реверсивным погружением в интрапсихическое пространство. Эта идея блестяще, точно и метафорично высказана Г. Гадамером: «Игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой» (Гадамер Г., 1991).

Таким образом, взаимодействие субъекта с образами художественной реальности связано с конструированием особого интерсубъективного пространства, в рамках которого диалогические практики искусства раскрывают сущностные грани Другого/Других, происходит расширение смысловых и ценностных горизонтов рефлексивного поля опыта субъекта и обогащение его Я новыми измерениями.

---

259. Кунгурова Т. В.
Ижевск

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕКСТА КАК ТВОРЧЕСТВО

В современную эпоху два фактора — музыкальное произведение и его интерпретация — являются знаковыми в судьбе музыканта-инструменталиста. Перефразируя П. Валери, можно сказать: не музыкант воссоздает произведение, а произведение музыканта.

В теории музыкознания и исполнительского искусства получили общее признание концепции «содержательной» формы музыкального произведения В.В. Медушевского и В.Ю. Григорьева, в основе которых положены идеи К.С. Станиславского о работе актера над ролью и ключевые понятия: «сознание», «подсознание» и «сверхсознание». Авторы концепций выделяют в содержании музыкального произведения ряд смысловых слоев, при изучении и постижении которых происходит расширение и «углубление

чувств», развитие творческой мысли музыканта. Именно в диалектике содержаний «ближайшего» и «дальнейшего», «подсознания» и «сверхсознания» и лежит, по мысли авторов, источник развития индивидуального исполнительского опыта, воспитание художественного мышления и формирование личности артиста-интерпретатора.

Определяющей особенностью исполнительской интерпретации является воплощение мысли музыканта через технологию—мастерство. То есть в процессе поиска интерпретаторского решения происходит многовариантное, исследовательское исполнение-интонирование, нацеленное на раскрытие смысловых богатств произведения. В силу этого исполнительская интерпретация текста получает дополнительный аспект — область художественного движения, когда исполнитель мыслит через технику, вовлекает физические действия в интеллектуальный процесс и опирается в нем на свои субъективные психомоторные возможности.

На основе исполнительского анализа музыкального текста и теорий «содержательной формы» нами предлагается модель мыследеятельности музыканта-исполнителя в процессе интерпретации музыкального произведения, состоящая из четырех модулей: текста, подтекста, надтекста и техтекста. В каждом модуле выделяются задачи, тип мышления и музыкальные способности, с помощью которых музыкант осуществляет их выполнение (рис. 1).

текст конструктивно-логическое мышление, аналитический слух, музыкальная память	надтекст концептуальное мышление, архитектонический слух, музыкальная память
подтекст модальное мышление, интонационный слух, музыкальная память	техтекст технологическое мышление, психомоторные способности, музыкальный ритм, музыкальная память

Рис. 1. Модель мыследеятельности музыканта-исполнителя в процессе интерпретации музыкального произведения

Таким образом, процесс интерпретации музыкального произведения можно представить как движение через условно очерченные нами модули, представляющие разные слои текста с точки зрения его семантики. *Первый модуль*: текст художественного произведения, зафиксированный композитором в знаковой системе. Ведущими операторами являются: конструктивно-логическое мышление, аналитический слух и музыкальная память; направленные на осмысление нотации, музыкальной логики языка, анализа исполнительской редакции. *Второй модуль*: подтекст содержит интонационную структуру произведения, которая характеризуется поливалентностью в функционировании: как архетипичное образование, лежащее в основе коммуникации, и как индивидуальное, личностное выражение смысла композитора и музыканта-интерпретатора. Операторами данного модуля являются: модальное мышление, выражающее смысловое отношение интерпретатора к интонационному слою текста, интонационный слух и музыкальная память. *Третий модуль*: техтекст включает художественную технологию способов реализации «содержательной формы». Определяется нами как подсистема музыкально-выразительных средств и техники исполнения художественного смысла, требующая для адекватного воспроизведения соответствующего уровня творческого осмысления технологии сложностей, владения исполнительскими навыками, поисковой способностью психомоторной сферы музыканта-исполнителя. Данный слой текста не является индифферентным к искомому смыслу, он влияет на качество выражения, во многом определяя художественное содержание произведения. Операторами данного модуля являются: технологическое мышление, музыкальный ритм и психомоторные способности.

Четвертый модуль: надтекст содержит художественно-образную драматургию произведения; стилевые структуры: эпохи, композитора и исполнителя; обобщенное содержание жанра и др. При осознании данного слоя текста музыкант решает концептуальные задачи: построение исполнительского плана на основе диалога с автором и его эпохой; выявление актуальности художественного смысла

произведения в современную эпоху. Для постижения музыкантом данного смыслового слоя, необходимы концептуальный тип мышления, архитектурный слух и музыкальная память, в основе функционирования которых лежит духовная потребность быть личностью и эстетическая установка. Необходимо отметить, что решение концептуальных задач задает вектор и динамику творческого развития личности не только в настоящем, но и в будущем.

Практическая польза данной модели заключается в возможности упорядочить организацию музыкального опыта и усилить творческую активность музыканта путем освоения процесса рефлексивного перемещения из одного модуля в другой. Данная технология является средством создания широкого «коридора» музыкального смысла, выявляемого на границах модулей, характеризуемого, с одной стороны, поливариантностью в поиске интерпретационного решения и, с другой, концептуальной направленностью выбора. Основной принцип функционирования модели можно охарактеризовать как взаимодействие и взаимообусловленность ее модулей с возвращением и параллельным протеканием операций.

Таким образом, творческая интерпретация — это всегда выход за рамки текста, она определяется способностями музыканта: к символическому пониманию художественного содержания текста; к установлению «смысловых арок» между его слоями и определению их значимости в структуре целого на основе энергично-смысловой самореализации личности музыканта.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ ¹

- Аксютин З. А. — 90
Акульшина Д. Е. — 113
Андреев К. О. — 282
Аникеев О. А. — 285
Арефьева Н. С. — 77
Астраханцева Ю. Л. — 12
Асылова З. Р. — 106
Бадмаева С. В. — 81
Баранова Н. А. — 205
Башкин М. В. — 47
Бегунов И. А. — 205
Белов А. В. — 236
Беляков В. А. — 257
Бобков В. Н. — 240
Борисова С. Н. — 135
Боровиков Д. А. — 287
Васильев В. В. — 109
Вахрушева А. Н. — 294
Вихарева Е. Г. — 133
Водопьянова Н. Е. — 134
Волкова Е. Н. — 176
Галанин О. А. — 231
Галашев В. А. — 199
Гаурилюс А. И. — 198
Герасимов С. В. — 234
Глазкова И. В. — 176
Горлов И. С. — 247
Гриценко С. В. — 71
Грязнов А. Н. — 106
Грязнов И. М. — 106
Гуцыкова С. В. — 265
Джангалиева А. Н. — 193
Долгов Ю. Н. — 187
Дубовицкая Т. Д. — 280
Дырин С. П. — 277
Дьячкова И. С. — 116
Емельянова Т. П. — 290
Загуляев Д. Г. — 22
Захаров М. Г. — 146, 150
Зозуля О. В. — 85
Золотова Н. В. — 158, 159
Зубакин М. В. — 201
Иванов С. В. — 227
Изюмова И. В. — 268
Казакова П. Б. — 146
Каменщиков Ю. Г. — 142
Кашапов М. М. — 41
Кириллова М. К. — 83
Клюева Н. В. — 270, 273
Ковалев Ю. В. — 114, 163
Колчина Л. П. — 68
Комкова Е. И. — 184
Красильников И. А. — 20
Краснова С. Д. — 178, 185
Кудрявцева О. С. — 144
Кунгурова Т. В. — 301
Кусаинов А. К. — 54
Лаптева И. В. — 142
Ларина М. В. — 165
Лаукарт Н. П. — 71
Лебедчук П. В. — 104, 113
Леви М. В. — 88
Лекомцев В. Т. — 116, 142
Леньков С. Л. — 56
Леонов Н. И. — 7, 49
Лихачева С. Н. — 236
Лукшина О. Ю. — 219
Лямина Л. В. — 45
Маджуга А. Г. — 165
Маликов Н. С. — 254
Малюченко Г. Н. — 188
Марков А. С. — 35
Маркова М. В. — 178
Марьин М. И. — 214
Менделевич В. Д. — 119
Меньшикова О. И. — 261
Мерзлякова Д. Р. — 93, 103
Метелев А. В. — 229
Минияров В. М. — 45
Митяева А. М. — 25
Михеева Т. В. — 91
Молчанова Л. Ф. — 176
Монастырев С. Н. — 18
Морозов А. В. — 65, 75, 171, 194, 242
Муждабаева М. В. — 65
Мухаметгалеева Е. Д. — 178
Наумова Т. А. — 210
Овчинников В. А. — 208
Овчинникова А. А. — 33
Одинцова Е. В. — 252
Орёл В. Е. — 101
Павленко А. Ю. — 261
Павлова А. А. — 298
Перевощиков Ю. С. — 258
Пехтерев В. В. — 31
Пилишина А. В. — 284
Плетнева Т. В. — 245
Поваренков Ю. П. — 58
Помыткина Т. Ю. — 223
Порядина Е. Д. — 250
Пугач Н. В. — 153, 155
Пудова Т. В. — 108
Пчельников Ю. М. — 116
Радченко Л. Е. — 194

---

¹ После фамилии автора указан номер страницы.

Разин А. А. — 180
Рахманкулова С. А. — 79
Реверчук И. В. — 137
Рубцова Н. Е. — 73
Румянцева Н. А. — 108
Рягузова Е. В. — 300
Сабирзянова И. И. — 204
Семакина И. Н. — 238
Семкова М. П. — 93
Семыкин В. А. — 104
Сенин И. Г. — 69
Сергеева С. Г. — 66
Сержантова И. Б. — 191
Сидоров К. Р. — 177
Сиресина Н. Н. — 159, 161

Ситдикова З. А. — 39
Смирнов В. М. — 188
Смирнова А. Е. — 62
Смирнова О. Н. — 171
Смотрова Т. Н. — 187
Солдаткина Г. С. — 273
Степанова И. Р. — 163
Стрельцов В. В. — 158, 189
Сулова А. В. — 279
Сухарева М. А. — 33
Сюткина Л. В. — 64
Ткаченко Н. Н. — 15
Туктаров П. В. — 149
Тулегенова Г. Е. — 196
Фатхуллин М. В. — 75

Фетискин Д. Н. — 291
Хитров А. М. — 221
Чеверикина Е. А. — 106
Чернакова М. С. — 172
Чехмалина О. — 37
Чиркина Е. А. — 99
Чиркова И. Н. — 133
Чистов В. В. — 168, 296
Шамельханова Н. А. — 54
Шарова Н. В. — 37
Шепелев Н. О. — 276
Шмыков В. С. — 119, 124, 130
Шустова А. В. — 290
Щербакова О. И. — 9

Lingua Socialis

Под редакцией Н.И.Леонова

СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Выпуск 3

Часть II

Корректурa — Т.С. Привалова

Компьютерная верстка — Е.В. Ижболдина

Дизайн обложки — Е.В. Ижболдина

Сдано в производство 04.05.2008. Печать офсетная.

Гарнитура Arial. Формат 70x100/16

Заказ № . Тираж 150 экз.

Издательский дом «ERGO»

<http://www.ergo-izhevsk.ru>

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Типография ГОУ ВПО «Удмуртский университет»

426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1